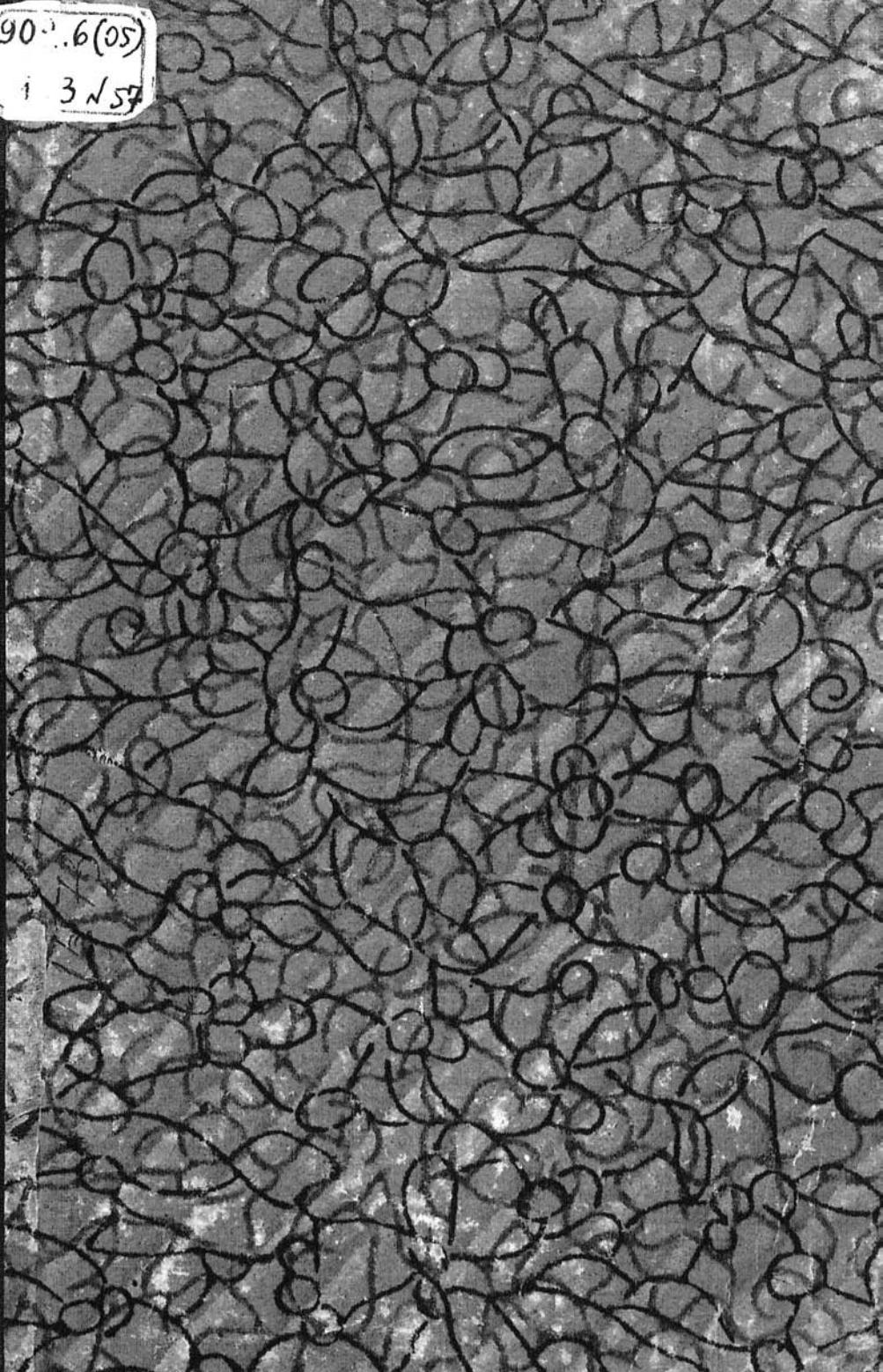

90.6(05)

3 N 57

ВАЖНЕЙШИЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	7 св.	находящемся	находящагося
15	18 св.	простымъ,	прастымъ
35	4 св.	цѣнность	цѣнность
36	9 св.	епархіи	епархій
257	11 св.	надстрочная	надстрочная

Неточности въ постановкѣ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ вызваны средствами типографіи.

9(062)(47.79)
к. 33.

ИЗВѢСТИЯ
ТАВРИЧЕСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

1573.

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ).

№ 57.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типогр. Таврическ. Губ. Земства.

1920.

Печатано по постановленію Таврическої Ученой Архивной Комміссії.
Предсѣдатель Я. Маркевичъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

I. Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ сред- невѣковья въ Тавридѣ. 1. Поселенія южнаго побережья. 2. Православныя и униатскія епархіи, ихъ предѣлы. 3. Справ- ки о Фуллахъ. <i>А. Л. Бертье-Лелагарда</i>	1
II. Исторія древне-русскаго искусства. Кіевъ—Царьградъ-Хер- сонесъ. <i>Проф. Д. В. Айналова</i>	136
III. Къ исторіи колонизаціи Азовскаго побережья. Азовскія дѣ- ла по сношеніямъ съ Крымомъ и Кубанью архива Таври- ческой Ученой Архивной Коммиссіи. <i>Проф. Г. В. Вернад- ского</i>	249
IV. Предварительный отчетъ о находкахъ слѣдовъ каменнаго вѣка на Яилѣ и на Южномъ берегу Крыма. <i>А. С. Мусеева</i>	297
V. Эпиграфическая находка. <i>В. О. Штифтара</i>	304
VI. Крымскіе сонеты Мицкевича въ переводѣ Козлова. <i>Проф. Н. К. Гудзія</i>	305
VII. Легенды о происхожденіи скиѳовъ (Памяти Ю. А. Кулак- овскаго) <i>Проф. Б. В. Варнеке</i>	321
VIII. Ю. А. Кулаковскій (некрологъ) <i>Проф. А. Н. Деревицкаго</i> .	324
IX. Памяти Ю. А. Кулаковскаго. <i>Л. И. Маркевича</i>	337

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Тавридѣ.

Родной Тавридѣ, еще Русской, послѣднее приношеніе.

Въ исторической географіи Тавриды не мало неизвѣстнаго, неизслѣдованныаго и даже не замѣченаго, особенно въ глухія времена X—XV вѣковъ, до турецкаго завоеванія. Отсюда понятно, что возникавшіе въ этомъ направленіи вопросы часто подвергались разсмотрѣнію, и все же нѣкоторые изъ нихъ здѣсь вновь поднимаются; оправданіемъ тому служитъ лишь многослѣдственное, близкое знакомство автора съ особенностями мѣстныхъ условій родного ему края, не всегда достаточно знакомыхъ ученымъ, занимавшимся этими вопросами.

Три отдѣла этого изслѣдованія, повидимому, имѣютъ мало общаго, если судить по подзаголовкамъ, но ихъ тѣсную внутреннюю связь и столь значительную зависимость, что рѣшеніе въ одномъ служить и для другихъ, замѣтить читатель, а этого, казалось, достаточно для ихъ покрытия однимъ общимъ заглавиемъ.

Не смѣю сказать, что достигъ безусловно прочнаго рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, но думаю, что во всякомъ случаѣ приводимыя соображенія могутъ быть полезны указаниемъ нѣкоторыхъ мало замѣченныхъ сторонъ этихъ рѣшеній.

I.

Поселенія южнаго побережья¹⁾.

Въ патріаршихъ грамматахъ и еще болѣе въ документахъ генуэзскихъ колоній указывается довольно много названий по-

¹⁾ Первая глава этого изслѣдованія напечатана въ XXXII томѣ „Записокъ Одесского Общества Исторіи и Древностей“ еще въ 1914 году; окончаніе тогда же приготовлено для помѣщенія въ слѣдующемъ

селеній по южному побережью Тавриды. Ихъ давно уже ста-
раются пріурочить къ мѣстамъ нынѣ извѣстнымъ, но далеко
не для всѣхъ это можетъ считаться рѣшеннымъ. Всѣ поиски
направлялись на указаніе современныхъ поселеній съ именами,
подобными старымъ; пріемъ вѣрный, но однимъ подобозвучи-
емъ нельзя ограничиться, необходимо помнить и взвѣшивать
также и историко-топографическая отношенія. Съ помощью та-
кихъ соображеній, а также нѣкоторыхъ новыхъ документовъ
и разысканій на мѣстѣ, можно достигнуть большаго, чѣмъ
сдѣлано донынѣ.

Въ патріаршихъ грамматахъ, 1384 года и другихъ, по по-
воду препирательства за приходы между митрополитами Хер-
сонскимъ, Готскимъ и Сугдейскимъ, спорная между ними де-
ревни такъ названы, въ географическомъ порядкѣ, отъ запада
къ востоку¹⁾: *Сикита, Хрихарь, Пароенитъ, Лампадъ, Алу-
ста, Фуна и Алания*. Близко къ тому же времени, около 1350
года, Генуэзцы овладѣли *Балаклавой*, въ 1365 году *Судакомъ*
съ окрестными деревнями, а по договору 1380 года за ними
было признано и побережье между *Балаклавой* и *Кафой*, за-
хваченное ими, конечно, гораздо ранѣе, вѣроятно вмѣстѣ съ
Балаклавой. Въ сохранившихся въ *Генуѣ* казначейскихъ спис-
кахъ *Кафы* (*cartolari della Massoria*) показаны деревни по этому

томѣ, но война и крушеніе государства пріостановили, на неопределѣ-
ленно—долгое время, самую возможность этого изданія, а дни автора
сочтены.

Въ лучшихъ условіяхъ находится издательская дѣятельность Тав-
рической Ученой Архивной Коммиссіи, не прерывавшей своихъ работы.
Благодаря ея любезности, оказалось возможнымъ издать въ ея „Извѣ-
стіяхъ“ не только окончаніе этого изслѣдованія, но, для его цѣльности,
перепечатать и первую главу, при чемъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ
прилагаемую карту, внесены нѣкоторыя, впрочемъ, незначительныя улuch-
шения и поправки.

Для наглядности дѣлаемыхъ въ изслѣдованіи географическихъ
указаний, какъ въ смыслѣ мѣста нахожденія поселеній, такъ и въ осо-
бенности опредѣленія епархій, округовъ, консульствъ, прилагается не-
большая, почти схематическая, карта южной Тавриды; все это, для
простоты, хотя и указано на одной и той же картѣ, но не предпола-
гаетъ одновременности—это вопросы совсѣмъ иного рода. Чтобы не
пестрить карту, на ней горы и рѣчки показаны только въ самомъ
общемъ смыслѣ; даже поселенія обозначены далеко не всѣ, а лишь
упоминаемыя въ текстѣ; ихъ названія даны по современному произно-
шению; мѣстами, въ скобкахъ, прибавлено и старое название, если оно
очень отличается отъ современаго.

¹⁾ Miklosicz, Acta Patriarchatus Const., II, CCCLXVII и CCCCXIX;
Тоже, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., V и VI.

побережью; ихъ имена дать Десимони, къ сожалѣнію, не показавъ точнаго времени этихъ списковъ, но оно очень близко ко времени вышеуказанныхъ патріаршихъ грамматъ, а потому все это можетъ итти вмѣстѣ. Не указанъ и порядокъ поселеній въ подлинныхъ спискахъ, а напечаталъ ихъ Десимони примѣняясь къ послѣдованію существующихъ деревень, идя отъ запада къ востоку. Привожу его списокъ, причемъ въ скобкахъ показаны имъ же данные соотвѣтствующія имена существующихъ поселеній: *Cembalo* (Балаклава), *Furi* (Форосъ), *Chimicheo* (Кукиненізъ), *Lurico* (Алупка), *Mizacori* (Мисхоръ), *Orianda* (Оріанда), *Jallita* (Ялта), *Sikita* (Никита), *Gorgonіt* (Гурзуфъ), *Pertenite* (Партенитъ), *Lambadie* (Ламбатъ), *Lusta* (Алушта), *Soldaia* (Судакъ); сверхъ того *Fonni* и *Medarotato*, которыя Десимони не зналъ, къ чему пріурочить¹⁾.

Всѣ эти названія, какъ патріаршія, такъ и генуэзскія, столь очевидно пріурочиваются, какъ по сходству съ существующими названіями, такъ и по общему топографическому смыслу, что нуждаются въ объясненіяхъ и исправленіяхъ лишь въ томъ немногомъ, что показано ниже.

Сикиту не только Десимони, но и мѣстные изслѣдователи и ученые пріурочивали къ современной деревнѣ Никитѣ, между Ялтої и Гурзуфомъ²⁾. Мурзакевичъ даже пояснялъ, что замѣна начальной буквы въ ея имени легко произошла, когда построили въ деревнѣ церковь во имя св. Никиты³⁾. И все таки это пріуроченіе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Замѣна одной буквы въ словѣ другою можетъ быть, вообще говоря, и не трудна, но не въ словахъ, имѣющихъ прямой смыслъ. Сикита значитъ мѣсто, гдѣ растутъ или разводятся винныя ягоды (инжирница, фиговница), и перемѣнить такое значащее название на имя въ честь св. Никиты не столь просто. Къ тому же, построеніе здѣсь церкви во имя св. Никиты естьничѣмъ недоказуемое предположеніе. Въ нынѣшней Никитѣ населеніе сплошь татарское, и отъ бывшей церкви сохранились лишь слѣды развалинъ, не имѣющихъ имени теперь, но въ спискахъ Грековъ, выходцевъ 1778 года, которыхъ въ дер. Никитѣ значилось довольно много, 102 души, 30 дворовъ,

¹⁾ Desimoni, Nuovi Studi sull'atl. Luxogo, Atti della Soc. lig. di Stor. Patr., V, 254—255.

²⁾ Гейдъ отождествлялъ Сикиту съ Скуть, Искютъ, деревней близъ Судака (Hist. du Com. de Levant. II, 208, но это явное недорозумѣніе, основанное только на нѣкоторомъ созвучіи именъ).

³⁾ Древніе акты Патріархата, З. Од. Общ., VI, 460.

эта церковь показана во имя св. Иоанна Златоуста¹⁾, да не вдалекъ имъются развалины другой, маленькой, во имя св. Юрія (въ предѣлахъ казенного Никитского сада). Мало того, во имя св. Никиты не было церкви во всей Тавридѣ, хотя известно болѣе полутораста названий старыхъ церквей. Въ Тавридѣ есть очень много всякихъ уроцищъ, зовущихся по имени какого либо святого, но во всѣхъ такихъ случаевъ никогда не говорится одно лишь имя, а всегда оно сопровождается, по совершенно понятной причинѣ, прибавкой --- святой; напр., *Ай-Петри* (гора), *Ай-Василь* (деревня), *Ай-Никола* (поляна), *Ай-Янъ* (источникъ), такъ что въ настоящемъ случаѣ надо бы быть названію деревни --- *Ай-Никита*, чего никогда не было слышно. Можно бы подумать, что слово *Сикита* измѣнили Русскіе, осмыслили въ Никиту, но и у Грековъ, выходцевъ въ *Маріуполь*, эта деревня также называлась просто *Никита*²⁾. Еще большее сомнѣніе въ этомъ пріуроченіи вызывается тѣмъ, что въ патріаршихъ грамматахъ всѣ деревни показаны смежно, безъ пропусковъ, что и понятно, такъ какъ иначе вышла бы череззолосица епархій. *Сикита* въ грамматахъ показана западнѣе *Партенита*, сейчасъ же съ нимъ рядомъ. Считая ее *Никитой*, между этими деревнями въ дѣйствительности выходить разстояніе около пятнадцати верстъ, и оказывается значительная естественная преграда, отрогъ хребта *Яилы*, кончающейся столь своеобразной, круто падающей въ море горою, какъ *Аюдагъ*. Въ этомъ промежуткѣ теперь находятся нѣсколько деревень: *Дегерменъ-кой*, *Куркулетъ*, *Кизиль-ташъ* и *Гурзуфъ*; по спискамъ выходцевъ Грековъ здѣсь были деревни: *Миляри* или *Дегерменъ-кой*, что однозначуще по гречески и по татарски (мельничная деревня); *Ягъ-ташъ* (жирный камень); *Кизиль-ташъ* (красный камень); *Гурзуфъ*. Можно еще допустить, что мелкихъ деревень не было во время патріаршихъ грамматъ, но такое большое мѣстечко съ крѣпостью, какъ *Гурзуфъ*, бывшее таковымъ еще въ VI вѣкѣ, конечно, и тогда удерживало свое значение, оно упоминается Генуэзцами. Слѣдовательно большой пропускъ деревень между *Партенитомъ* и *Сикитой*, если таковую видѣть въ современной *Никитѣ*, и вызываемая тѣмъ

¹⁾ Въ концѣ XVIII вѣка она была обращена въ мечеть, затѣмъ въ медресе, а въ 1913 году разобрана, и на ея мѣстѣ построено новое татарское училище.

²⁾ Вѣдомости Суворова, Дубровинъ, Присоед., Крыма, II, 712; Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XIV, вѣдом. митр. Игнатія, 140; Сборн. Гавріила, II, Ислѣд. о врем. постр. церкв. Маріуп. духовн. правл., № 26 статьи.

черезполосица спархій (о чём ниже), недопустимы. Въроятнѣе думать, что название *Сикита* относилось не къ Никитѣ, и что оно исчезло совсѣмъ, замѣненное инымъ, наприм. именемъ ближайшей къ *Партениту* деревни — *Миляри*, нынѣ называемой *Дегерменъ-кой*. Въ сущности здѣсь три деревни, такъ и показывалось въ начальныхъ вѣдомостяхъ¹⁾; одна изъ нихъ была греческая, изъ нея выселилось, въ 1778 году, 57 душъ. И *Сикита* и *Миляри* не столько названія деревни, сколько указанія ея свойствъ; весьма возможно, что по мѣрѣ исчезанія значенія посадокъ винныхъ ягодъ и развитія мельничнаго дѣла, одно сельско-хозяйственное свойство деревни, а съ нимъ и название, смѣнилось другимъ, подобнымъ же. Трудно думать, чтобы такое богатое водой и хорошиими землями мѣсто, какъ *Дегерменъ-кой*, оставалось незанятымъ, пустовало. Современная выходцамъ, Грекамъ конца XVIII вѣка, существующая деревня *Никита*, въроятно, гораздо болѣе поздняя, чѣмъ *Сикита*, а что много деревень на южномъ берегу прибавилось послѣ описываемаго здѣсь врсмени, увидимъ далѣе.

Въ грамматѣ 1390 года сказано — *Сикита съ Хрихаремъ*²⁾. Послѣдній относится къ Чуфутъ-кале, вспоминая его старое название — *Кыркоръ* или *Киркъ-ель*³⁾. Пріуроченіе совершенно невѣроятное, такъ какъ *Хрихарь* упомянутъ въ явной связи, сосѣдствѣ и близости съ вышеуказанными деревнями, какъ бы совмѣщены съ *Сикитой*, а Чуфутъ-кале отстоитъ отсюда верстахъ въ шестидесяти, за мало доступными горами. Теперь название *Хрихарь*, не имѣющее значенія, ни въ чёмъ не слышится, въроятно еще встарь оно слилось съ общимъ названіемъ — *Сикита*.

Въ патріаршихъ грамматахъ показана подлѣ *Алушты* деревня *Фуна*; у Генуэзцевъ она названа — *Гони*, и Десимони не находилъ ей мѣста, ибо деревня съ подобнымъ названіемъ теперь неизвѣстна. Мурзакевичъ, намекомъ въ примѣчаніи, показалъ, что *Фуна* то же самое, что и *Фуллы*, но никуда ее не относилъ⁴⁾. Это-же самое утвержденіе очень подробно и настоятельно развивалъ о. Родіоновъ, пріурочивая *Фуну* къ

¹⁾ Лашковъ, Камер. опис. Крыма, 1784 г., Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., № 6.

²⁾ Древн. акты Патріарх., Зап. Од. Общ., VI, ССССХІХ.

³⁾ Напр.: Heyd, Hist. du com. de Levant, II, 215; Брунъ, Мат. для ист. Судеи, Черноморье, II, 137.

⁴⁾ Древн. акты, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., VI, 460, примѣч.

дер. *Партенитъ*¹⁾). Томашекъ полагалъ, что эта деревня была на мѣстѣ нынѣшняго *Капсихора*, виѣ спорного округа, верстахъ въ сорока восточнѣе²⁾). Кондараки и еп. Гермогенъ искали ее въ дер. *Шумъ* или подлѣ *Никиты*, въ *Рускофиль-кале*³⁾. Теперь есть возможность указать мѣсто *Фуны* съ совершенной точностью, по даннымъ рукописнаго сборника арх. Гавріила, находящемся въ библ. Од. Общ. Ист. и Др. По требованію арх. Гавріила, тогда Екатеринославскаго, благочинные деревень вокругъ *Маріуполя*, населенныхъ Греками, составили подробныя записи о томъ, какъ именно эти выходцы путешествовали изъ Тавриды, какія ихъ деревни соединились и какія именно села они основали; тутъ-же указывались имена бывшихъ тогда съ ними священниковъ, во имя церквей въ Тавридѣ и на новыхъ мѣстахъ, вывезенные иконы, церковные сосуды и т. п. весьма любопытныя справки. Все это составлялось въ 1836 году, т. е. еще при живыхъ свидѣтеляхъ переселенія. Тутъ дано указаніе и о *Фунѣ*⁴⁾. Село *Константино-*

¹⁾ Родіоновъ, Опис. Тавр. епархіи, 26—29.

²⁾ Tomaschek, Die Goten in Taurien, 73.

³⁾ Гермогенъ, Таврич. епархія, 137, примѣч.; Кондараки. Въ пам. стол. Крыма. Истор. и археол., 8.

⁴⁾ Сборн. Гавріила, Ислѣдов. о врем. постр. Маріуп. церкви, II, № 18 статьи.

Здѣсь же можно найти и отвѣтъ на вопросъ, которымъ задавались наши ученые, изъ какихъ крымскихъ деревень образовались деревни Маріупольскихъ Грековъ. Г. Браунъ (Маріуп. греки, Жив. Стар., II, 81, 82, а также Die letzten Schicksale der Krimgoten, 73—75) старался разузнать о томъ на мѣстѣ, но это ему не удалось съ достаточной достовѣрностью. Изъ „Сборн. Гавр.“ все получается вполнѣ точно, и хотя такая справка лишь косвенно подходитъ къ смыслу настоящей статьи, но даю ее на случай какихъ-либо соображеній въ томъ-же направленіи, такъ какъ ея источникъ не легко доступенъ. Привожу изъ него показанія, раздѣливъ деревни по языкамъ и въ каждомъ расположивъ ихъ въ географической послѣдовательности, отъ запада къ востоку. Въ деревняхъ отдѣла А роднымъ языкомъ былъ татарскій, и греческаго не понимали, въ деревняхъ отдѣла Б—греческій, но въ нихъ и по татарски говорили всѣ. Раздѣленіе по языкамъ сдѣлано согласно указаній прот. Серофима, сына священника, вышедшаго изъ Тавриды съ деревней Керменчикомъ, род. около 1820 г. (Крымскіе Христ. на берег. Азов. моря, Херс. Епарх. Вѣд., 1862, № 3; 2-е изд., отд. брош., Екатер., 1901); всего сорокъ девять крымскихъ деревень и пять городовъ. Деревни Армянъ, Грузинъ, Валаховъ, вновь образовавшіяся, и двадцать шесть деревень, значащихся въ Крымскихъ вѣдомостяхъ Суворова и Игнатія, но не упомянутыхъ въ „Сборн. Гавріила“, впрочемъ мелкія, съ населеніемъ всего вмѣстѣ около тысячи душъ только, здѣсь не значатся, очевидно потому, что онѣ слились съ другими безслѣдно. Названія показаны по совре-

поль, близъ *Маріуполя*, образовалось изъ крымскихъ деревень *Фуны* (190 душъ), *Мега-потама* (124 д.), *Микро-потама* (126 д.), *Ксеро-потама* (103 д.) и *Алушты* (около 30 д.). Ихъ старики рассказывали, что въ Крыму они всѣ были сосѣдями,

менному крымскому написанію; значеніе этихъ названій по русски дано по возможности для всѣхъ; гр. значитъ съ мѣстнаго греческаго говора, т. съ такого-же татарскаго.

A. Татарскій языкъ.

Были въ Тавридѣ.

Образовали у Маріуполя.

Карань (неизвѣстно)	Карань.
Черкесъ-керменъ (Черкес. крѣпость, т.)	
Мармара (Мраморицъ, гр.)	Камара.
Камара (Комната, гр.)	
Ласпи (Грязь, гр.)	Ласпи.
Алъ-су (Красная вода, т.)	
Качи-кальенъ (Крестовый корабль, т.)	Керменчикъ.
Албать (Утонетъ, т.)	
Керменчикъ (Крѣпостца, т.)	Багатырь.
Шюру (Десятая часть, т.)	
Бія-сала (Бѣлая сала, т. и неизв.)	Улаклы.
Улу-сала (Большая сала, т. и неизв.)	
Богатырь (Держи стропила, т.)	Мангушъ.
Лака (Котловина, гр.)	
Улаклы (Мѣсто канавъ, т.)	Бешъ-евъ.
Мангушъ (неизвѣстно)	
Бешъ-евъ (Пять дворовъ, т.)	Ай-Янъ.
Больш. Ени-сала (Новая сала, т. и неизв.)	
Эски-Крымъ (Старый Крымъ, т.)	Старый Крымъ.
Гёзлеве (Евпаторія, т.)	
Балаклава (Рыбница, т.)	г. Маріуполь.
Бахчисарай (Садовый сарай, т.)	
Кара-су-базарь (Базарь Черной рѣчки, т.)	
Кафа (Ѳеодосія, гр.)	

Б. Греческій языкъ.

Были въ Тавридѣ.

Образовали у Маріуполя.

Ялта (Прибрежная, гр.)	Ялта.
Верхн. Аутка (Верхн. эта, гр.)	
Нижн. Аутка (Нижн. эта, гр.)	
Марсанда (неизвѣстно)	
Магарабъ (Пещера, гр.)	
Никита (Побѣдитель, гр.)	
Б. Ламбать (Больш. свѣточъ, гр.)	
М. Ламбать (Мал. свѣточъ, гр.)	

вмѣстъ путешествовали и вмѣстъ осѣли на новыхъ земляхъ. Такъ какъ Фуна была самою людною и только ея священникъ дошелъ до мѣста (Трифилій, прочие перемерли), то, по принятому переселенцами порядку, новую церковь построили во имя

Были въ Тавридѣ

<i>Образовали у Маріуполя.</i>	
Гурзуфъ (неизвѣстно)	Гурзуфъ.
Кизиль-ташъ (Красн. камень, т.)	
Стиля (Столбъ, гр.)	Стиля.
Салг. Ени-сала (Новая сала, т. и неизв.)	Больш. Ени-сала.
Демерджи (Фуна, Дымящая, гр.)	Константинополь (Демерджи).
Алушта (Неумытая, гр.)	
Улу-узень (Больш. рѣчка, гр.)	Кара-коба.
Кучукъ-узень (Малая рѣчка, гр.)	
Куру-узень (Сухая рѣчка, гр.)	Чердаклы.
Аргынъ-кара коба (Черная пещера, т.)	
Чердаклы (Ступеньчатая, т.)	Чердаклы.
Байсу (Бея вода, т.)	
Кара-коба (Черная пещера, т.)	Мал. Ени-сала.
Ени-сала (Новая сала, т. и неизв.)	
Уйшунь (Пустын спить, т.)	Сартана.
Ени-кой (Новая деревня, т.)	
Джемрикъ (Сусликъ, т.)	Чермалыкъ.
Сартана (Желт. теленокъ, т.).	
Чермалыкъ (Ломоносъ, растеніе, т.).	Чермалыкъ.
Айланма (Крученый, т.)	
Капсихоръ (Горѣлая деревня, гр.).	Шеленъ (Тысяча, гр.) . . . . .
Шеленъ (Тысяча, гр.)	

Этого распределенія деревень доискивались потому, что въ разности языковъ думали видѣть указаніе и на различіе народностей населявшихъ деревни въ Тавридѣ. Григоровичъ отсюда полагалъ, что этихъ народностей было двѣ, что будто-бы доказывается не только лингвистически, но и географически, такъ какъ деревни съ татарскимъ языкомъ занимали въ Крыму бывшую Херсонскую епархію, а съ греческимъ Сугдейскую (Зап. Антикв. о поѣздкѣ на Калку и пр., 6). Рядъ выше данныхъ деревень, подобранныхъ и сопоставленныхъ, не трудно положить на карту, и тогда станетъ яснымъ, что такое предположеніе ни исторически, ни географически не оправдывается. На прилагаемой карте, города и деревни, въ которыхъ населеніе, вышедшее въ 1778 году къ Маріуполю, говорило только по татарски, подчеркнуты краснымъ; гдѣ говорили и по татарски и по гречески, подчеркнуты синимъ. Первый отдѣль, даже въ деревняхъ, вовсе не ограничивается предѣлами Херсонской епархіи (объ этихъ предѣлахъ рѣчь будетъ далѣе), большая часть его занимаетъ епархію Готскую до Чатыръ-дага и даже Фулльскую; сверхъ того, онъ-же распространяется на всѣ городскія поселенія, а значитъ и на всѣ бывшія епархіи во всей Тавридѣ, отъ запада до востока; второй отдѣль также не ограничивается Сугдейской епархіей, а переходитъ и въ Готскую, по всему южному берегу. Да это предположеніе трудно вывести и просто отъ соображенія; едва-ли

св. Феодора Стратилата, какъ то былъ въ старой *Фунь* въ *Тавридѣ*. Общее поселеніе также должно было называться *Фуной*, но митр. Игнатій, видя чрезвычайное обиліе приношений сосѣдей въ даръ новой церкви этого села, при ея освя-

можно видѣть только двѣ народности въ томъ краѣ, гдѣ ихъ было весьма много; къ тому-же обособленность одной основана на татарскомъ языке, т. е. такомъ, который не могъ принадлежать какой бы то ни было христіанской, до прихода Татаръ, а переходъ таковыхъ въ христіанство уже и вовсе не вѣроѧтенъ, въ сколько-нибудь замѣтномъ числѣ, и тѣмъ болѣе въ сплошномъ населеніи части страны. Григоровичъ полагалъ, что это потомки Аланъ, но эти кочевники, конечно, никогда не занимали исключительно всей юго-западной Тавриды и всѣхъ ея городовъ.

Такое-же значеніе, въ смыслѣ поисковъ народностей, придавалъ различію языка и г. Браунъ, полагая, что лишь въ отдѣлѣ съ татарскимъ языкомъ можно искать слѣды Готовъ (Мариуп. Греки, Жив. Стар., 11, 78—79. Die letzten Schicks. d. Krimgoten, 74—75); и это предположеніе не подтверждается. Изъ отдѣла деревень татарского языка ближайшія къ Херсонесу и Балаклавѣ (Карань, Камара, Ласпи), а также всѣ городскія поселенія не могли, вообще говоря, быть когда-либо Готскими; съ другой стороны, въ отдѣлѣ греческаго языка все южное побережье, гдѣ открывается такъ много памятниковъ и слѣдовъ Готовъ, приходится къ нимъ не относить. Трудно себѣ представить, почему именно Готы, остатки которыхъ передъ завладѣніемъ Турками, какъ извѣстно несомнѣнно, говорили по гречески, оказались говорящими по татарски.

Мнѣ кажется, что объясненіе разности говоровъ Таврическихъ христіанскихъ деревень никоимъ образомъ не лежитъ въ различіи народностей, ихъ населившихъ когда-то, а находится въ прямой и простѣйшей зависимости отъ вліянія вицѣнныхъ силъ, т. е., въ настоящемъ случаѣ натиска татаръ. Татарская культура, какова бы она ни была, несомнѣнно оказала огромное вліяніе; подъ ея давленіемъ разные народные говоры замѣнялись татарскимъ, а христіанство исчезало, уступая мусульманству; и это настолько, что передъ русскимъ покореніемъ и то и другое едва теплилось у немногихъ, еще не вовсе отатарившихся. Понятно, что вліяніе татарской культуры было тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ поселенія были ближе къ ея средоточію, т. е. къ столицѣ, Бахчисараю, или къ приморскимъ городамъ. И дѣйствительно, обратившись къ картѣ мы увидимъ, что всѣ деревни съ татарскимъ языкомъ находились въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Бахчисарая и его порта—Балаклавы, не далѣе верстъ двадцати. Очевидно, что эти деревни не только подвергались особенно близкому и усиленному турецко-татарскому религіозно-административному вліянію, но и экономически тянули, всѣмъ своимъ укладомъ, къ этимъ татарско-турецкимъ городамъ. Всѣ деревни съ греческимъ языкомъ находятся не только гораздо дальше, по разстоянію, но и за естественными преградами; на южномъ берегу, тогда весьма мало доступномъ, или въ глухомъ узлѣ горъ, между Судакомъ и Кара-су-базаромъ, почти столь-же труд-

щеніи въ 1780 году (множество овецъ и до двухсотъ головъ рогатаго скота), далъ сборному селу пышное имя—Константинополь. Въ вѣдомостяхъ о переселенцахъ Суворова, Игна-

но посѣщаемомъ. Что именно это объясненіе надлежащее, можно видѣть изъ того, что населеніе Мариуполя, вышедшее изъ крымскихъ городовъ, въ которыхъ, казалось бы, всего легче сохранить родной говоръ, какъ по большей самостоятельности горожанъ, такъ и по значительности старой культуры, именно все и вездѣ оказывается сплошь съ татарскимъ языкомъ. Да, впрочемъ, и сами переселенцы подтверждаютъ такое соображеніе. И въ Тавридѣ и на новой своей родинѣ населеніе деревень съ греческимъ языкомъ звалось „Татами“, а съ татарскимъ, въ деревняхъ и городахъ, носило кличку „Базаріанъ“. Смыслъ первого чужіе, покоренные, невѣрные, а второе обозначаетъ горожанъ и вообще говорящихъ городскимъ, базарнымъ языкомъ. Прибавлю, что всѣ христіане, кромѣ языка, заимствовали очень много татарскихъ обычаевъ, ихъ утварь, одежду. Выводъ отсюда одинъ: въ настоящемъ случаѣ разности языка не можетъ служить показателемъ различія народностей. Все основное христіанское населеніе, не пришлое, какъ Армяне или Итальянцы, передъ турецкимъ завоеваніемъ, кромѣ пичтожныхъ единицъ, въ смыслѣ языка, было огражено, потерявъ свою основную рѣчу; вѣроятно, именно потому его сопротивленіе чужой культуры оказалось ничтожнымъ, завися отъ значительности вѣшнихъ усилий, а не отъ внутренней духовной моши, выражаемой прочностью языка и вѣры. Тогда-же въ Тавридѣ было очень много и затѣмъ выселилось изъ него Армянъ, деревенскихъ и городскихъ, до триадцати тысячъ, на девятнадцать тысячъ Грековъ, но ни въ какой самой малой ихъ части татарскій языкъ не сталъ роднымъ, очевидно потому, что свой былъ виѣдренъ прочно, исконно, а не случайно замѣстилъ бывшую когда-то иную, родную рѣчу.

Рѣшусь высказать по вопросу поисковъ слѣдовъ. Готовъ въ языке, что нѣть основанія отдавать предпочтеніе какому-либо изъ языковъ нынѣ слышимыхъ, такъ какъ и татарскій и греческій равно чужды готскому и слѣдовательно не могутъ имѣть исключительного значенія. Слѣдовъ Готовъ всего прямѣе искать не по языкамъ, а въ деревняхъ, бывшихъ на готской территории, которую, приблизительно, возможно определить; этими деревнями близъ Мариуполя оказываются: Керменчикъ, Богатырь, Ялта, Гурзуфъ, Константинополь (Демерджи, Фуна) и изъ нихъ вновь образованные. Такъ поставленныя изслѣдованія будутъ еще болѣе трудны, но все-же съ ними надобно спѣшить, ибо всѣ говоры исчезаютъ передъ силой нового базарнаго языка—русскаго.

Греческій языкъ, на которомъ говорять въ деревняхъ бывшихъ крымскихъ Грековъ, тамъ называются „айла“. Хорошо знающіе греческій и всѣ его говоры, Тавриды и Анатоліи, уроженцы послѣдней, мнѣ говорили, что въ большей части этихъ деревень нарѣчіе очень близко къ анатолійскому и хотя нѣсколько отличается, но все-же вполнѣ понятно; въ иныхъ-же деревняхъ, напр. Сартанѣ, языхъ столь своеобразенъ, что и ихъ пониманію недоступенъ.

тія и мѣстныхъ крымскихъ чиновниковъ¹). *Фуны* нѣть вовсе, по на соотвѣтственномъ мѣстѣ, со всѣми деревнями ея сосѣдей, показана деревня *Демерджи* (кузнецъ, потатарски), съ церковью въ ней во имя того-же св. Феодора Стратилата; да и селеніе Константинополь до сихъ поръ въ народѣ зовется вторымъ именемъ—*Демерджи*, а *Фуна* на мѣстномъ греческомъ говорѣ значила— дымящая, курящая, т. е. иносказательно та же кузница; такимъ образомъ, нѣть сомнѣнія въ томъ, что *Фуна* въ Крыму тождественна съ дер. *Демерджи*. Эти оба названія даны деревнѣ по имени и свойствамъ горы, подъ которой она расположена, потому что вокругъ этой горной вершины обычно дымятъ туманы, курятъ метели зимой, а грохотъ часто обрушающихся скалъ напоминаетъ работу кузнеца. Недавно эту деревню, уже только татарскую, переселили на новое мѣсто, по близости, въ виду опасности отъ падающихъ скалъ, состоящихъ изъ легко разрушающейся породы, но на прежнемъ ея мѣстѣ еще хорошо сохранились остатки укрѣпленія, и въ немъ почти цѣлая старая церковь во имя св. Феодора Стратилата, которой рисунки, хотя и не особенно вѣрные, даны Кеппеномъ²).

Мега-потамъ есть, безъ сомнѣнія, Улу-узень, лежащая къ востоку отъ Алушты, название, имѣющее по татарски то же значеніе, что и по гречески, т. е. большая рѣчка. Тутъ-же и еясосѣдки—*Ксеро-потамъ* (Куру-узень—сухая рѣчка) и *Микро-потамъ* (Кучюкъ-узень—малая рѣчка). Послѣднихъ двухъ деревень въ генуэзскихъ спискахъ не значится, очевидно потому, что они позднѣйшаго образования.

Аланія названа въ патріаршой грамотѣ, но ея нѣть въ генуэзскомъ спискѣ, чему и должна быть особая причина, именно та, что это имя не поселенія, а этническое, данное по имени жившаго въ немъ народа. Не задолго до этого указанія, тоже въ патріаршемъ актѣ 1347 года, Аланы названы народомъ пастушескимъ, кочевымъ³). Раїѣ, около 1222 года, ихъ епископъ Феодоръ говорилъ, что они разсѣяны по горамъ и пустынямъ, не имѣютъ ни стойла, ни навѣса. Не подалеку оуть Херсона они тогда жили для огражденія и охраны

¹⁾ Статист. свѣд. о Крымѣ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XIV; Изв. Тавр. Арх. Уч. Ком., № 7.

²⁾ Кеппенъ, Крымскій Сборн., 18—19, 152.

³⁾ Древн., акты патріарх. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., VI, 447, CXIV.

города¹⁾. Позволительно предположить, что и близъ Фуны ихъ станъ расположился въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ для защиты отъ прорыва черезъ горы, съ тою-же цѣлью охраны съ сѣвера Алуштинской долины, очень населенной; съ уходомъ отсюда этихъ кочевниковъ исчезло и указаніе ихъ стана. Такжѣ возможно, что этотъ станъ былъ поставленъ съ пастушескими цѣлями, такъ какъ названъ вслѣдъ за Фуной, т. е. былъ высоко въ горахъ, близко отъ яйль (горныхъ пастбищъ). По смыслу мѣстности, онъ находился, вѣроятно, на перевалѣ въ долину Алмы или около деревни Корбеклы; здѣсь есть урочища, называемыя: Узунъ-аланъ Учунъ-аланъ, Югъ-аланъ и Учъ-аланъ²⁾), по воспоминанія объ Аланахъ едва ли тутъ заключаются: аланъ, по татарски — поляна, и значеніе этихъ названій будетъ — длинная, тремъ принадлежащая, укрытая и три поляны.

Въ патріаршихъ грамматахъ 1382, 1384, 1385, 1386 и 1390 годовъ есть еще два названія: Кинсанусъ и Элиссъ, не упомянутыя въ генуэзскихъ спискахъ. Первый числится, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми приходами, спорнымъ между Херсонскимъ и Готскимъ³⁾). Его думали видѣть въ современной деревнѣ Кикинеизъ, просто по нѣкоторому созвучію, но это предположеніе невозможно въ топографическомъ смыслѣ; отъ деревень, вмѣстѣ съ которыми акты указываютъ это мѣсто, Кикинеизъ находится въ шестидесяти верстахъ, да и въ генуэзскихъ спискахъ онъ названъ на своемъ-же мѣстѣ подъ очень схожимъ именемъ — *Chinicheo*. Въ одной патріаршой грамматѣ (CCCLXVIII) название Кинсанусъ покрываетъ все, прочія деревни не названы; другая (CCCLXX) даже и озаглавлена „актъ о Кинсанусѣ“, хотя подразумѣваетъ всѣ деревни; въ третьей (CCCCXIX) ходатайствующее отъ разныхъ деревень духовенство названо все вмѣстѣ только Кинсанусскимъ. По смыслу этихъ упоминаній въ актахъ о Кинсанусѣ, можно съ увѣренностью заключать, что это мѣсто не есть какое-либо особое поселеніе, господствующее надъ всѣми, что и географически не можетъ быть отыскано, а просто лишь название всего того округа, въ которомъ находились приходы отъ Сикиты до

¹⁾ Кулаковскій, Еп. Феодора Аланское посланіе, Зап. Од. Общ., XXI, 17 — 18; Его-же, Аланы по свѣд. писат., Чт. въ Общ. Нест. Лѣт., XIII, 63 64.

²⁾ По межевому плану, 1834 г., дачи Корбеклы.

³⁾ Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, CCCLV, CCCXVII, CCCLXVIII, CCCLXX, CCCXIX.

Алушты включительно. Этотъ спорный округъ и въ топографическомъ смыслѣ занимаетъ весьма опредѣленную и хорошо отграниченную область, простираясь отъ *Аю-дага до Демерджи*, съ ея Алуштинскими отрогами къ морю, всего по береговой полосѣ около шестнадцати верстъ.

Эллесъ упоминается въ 1382 и 1390 годахъ, какъ спорное мѣсто между Херсонскимъ и Сугдейскимъ¹). Разыскивая только звукоподобіе, это мѣсто находили повсюду, даже въ устьяхъ *Днѣпра*, въ дер. *Ласпи*, въ дер. *Ай-Василь* (подлѣ *Ялты*), въ дер. *Каралезъ*²); но кромѣ нѣкотораго созвучія не-обходима и географическая возможность. Объ устьяхъ *Днѣпра* какъ-то странно и упоминать. *Ласпи* и *Ай-Василь*, въ ста-семидесяти и стадвадцати верстахъ отъ *Сугдеи*, никакъ не могли быть въ ея епархіи, и по дальности и по оказывавшейся череззолосицѣ съ Готскимъ и Херсонскимъ. *Каралезъ* (Кара-Илясъ—черный Илья) лежитъ въ четырехъ-пяти верстахъ отъ стѣнъ *Феодоро* (*Мангупъ-Кале*), почти у подножія горы, на которой расположень этотъ каѳедральный городъ Готской епархіи. Естественно, что татарская деревня *Каралезъ*, если только существовала въ тѣ времена, непремѣнно была Готской епархіи, а накакъ не Сугдейской, отъ которой она отстоитъ въ ста верстахъ. Такимъ образомъ, звуковымъ путемъ никакого Эллесса нельзя указать, но по смыслу актовъ видно, что, также какъ и *Кинсанусъ*, это было название цѣлаго округа, а не одного какого-либо поселенія; въ Эллесъ даже поставлялся Сугдейскимъ особый епископъ, чего не сдѣлали бы для простого села, да это (хоръ-епископы) и возбранялось церковными постановленіями³). Наконецъ, неужели изъ-за одной деревни могла возгорѣться такаяссора между митрополитами, которую приходилось разбирать долгіе годы и рѣшать нѣсколькими постановленіями патріарховъ и синода. Этотъ округъ, по смыслу тѣхъ-же актовъ о спорѣ, прилегаетъ къ Кинсанусу, т. е. идетъ по прибрежью на востокъ отъ Алушты, заключая довольно значительное пространство, около восем-

¹) Древн. акты патр., Зап. Од. Общ., VI, CCCLV, CCCCXIX.

²) Бурачковъ, О мѣстопол. Каркинита, Зап. Од. Общ., IX. 48; Сосновогорова (Карауловъ), Путеводит. по Крыму, 4-е изд. (и другіе), 188; Васильевскій, Р. Визант. Ислѣд., II, CCXV; Tomaschek, Die Goten in T., Кондараики, Столѣт. Кр., Ист. и Арх., 8; Гермогенъ, Таврич. епархія, 137.

³) Арсеній, Лѣтопись церк. событий, 121; Древн. акты патр., Зап. Од. Общ., VI, CCCLV.

надцати верстъ по берегу и четыре деревни. Самое название мѣстности—*Эллессъ*, значащее скрученность, извилистость, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ топографіи этого округа; онъ весь пересѣченъ и изрѣзанъ многочисленными долинами и ущельями, тропами. Кеппенъ очень вѣрно назвалъ дорогу по этимъ мѣстамъ (собственнососѣднимъ, но свойство то же) „не-пріятнѣйшей по южному берегу, безчисленными ярами и про-валами пересѣченной”¹). О всемъ этомъ еще будетъ говорено подробно при опредѣлѣніи границъ епархій. Данныя объясненія вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, почему названія *Кинсануса* и *Эллесса* исчезли изъ народной памяти; это произошло именно потому, что они относились не къ опредѣленнымъ поселеніямъ, а къ большимъ административнымъ или народнымъ дѣленіямъ страны. Прошла едва сотня лѣтъ, а кто, кромѣ книжниковъ, помнить, гдѣ были у насъ на югѣ папр. *Буджакъ*, или *Дикое поле*, или *Новороссійская* губернія,— тогда какъ деревенскія поселенія въ нихъ и понынѣ сохранили свои старыя, частью татарскія, имена. Это естественное свойство памяти земскаго люда, твердо знающаго свою деревню, неизмѣнно сохраняя ея название, и почти не замѣчающаго выдумокъ правителей или народа вѣнѣ ея.

Такимъ образомъ, всѣ поселенія, известныя изъ средневѣковыхъ документовъ, на всемъ разсмотрѣнномъ протяженіи поставлены на свои мѣста; остается дать къ нимъ нѣсколько общихъ соображеній.

Прежде всего желательно-бы знать, все-ли существовавшее указано въ приведенныхъ спискахъ, не было-ли сдѣлано тогда пропусковъ. Нѣть данныхъ для положительного отвѣта на такой вопросъ, но пропуски въ спискахъ у Генуэзцевъ, столь охотно перечислявшихъ принадлежавшія имъ даже и ничтожныя деревушки съ полудюжиной жителей, едва-ли вѣроятны, а такъ какъ ко времени занятія *Крыма* и нынѣ, на всемъ рассматриваемомъ пространствѣ, оказывается поселеній гораздо больше, то приходится думать, что не помѣщенные въ спискахъ образовались значительно позднѣе, несмотря на то, что не занятymi мѣстами оказываются многоводныя и плодородныя. На протяженіи между *Форосомъ* и *Ялтой*, сравнительно съ настоящимъ, не показаны деревни: *Мшатка*, *Мухалатка*, *Кучукъ-кай*, *Лимена*, *Семеизъ*, *Кореизъ*, *Гаспра*, *Нижн. и Верхн. Аутка*. Всѣ эти деревни при занятіи *Крыма* существова-

¹) Кеппенъ, Крымск. Сборн., 140.

вали, по деревень *Фороса* и *Оріанды* генуэзскихъ записей уже не было, какъ нѣтъ ихъ и теперь.

На этомъ протяженіи, въ числѣ не показанныхъ Генуэзцами, значится и *Кореизъ*, а такой пропускъ требуетъ объясненій, ибо не сразу можно признать позднѣйшее образованіе этой деревни, такъ какъ тутъ были древніе *Курасайты*, торжище, извѣстное гораздо ранѣе генуэзскихъ записей, по житію Иоанна Готскаго. Опредѣляя положеніе этого мѣста, Васильевскій говорилъ, что по объясненіямъ Бюшинга и Кеппена, съ чѣмъ и онъ соглашался, *Курасайты* должно видѣть въ теперешнемъ *Гурзуфѣ* (*Гурзувиты*)¹). Бюшингъ (т. е. Тунманъ) сопоставилъ эти имена только по нѣкоторому созвучію, безъ какихъ-либо оѧясненій²); Кеппенъ, приведя въ подлинникъ слова Тунмана, также оставилъ ихъ безъ разсмотрѣнія³); однако такое отождествленіе, географически возможное, едва-ли вѣроятно. *Гурзуфъ* большое мѣстечко уже при Юстиніанѣ I, съ той поры крѣпость и видное поселеніе, съ значительнымъ по тому времени портомъ, не могло быть названо простымъ, торжищемъ, базаромъ. Мурзакевичъ также только по звуку относилъ *Курасайтовъ* къ *Кара-су-базару*, что и географически невозможно⁴). Ю. А. Кулаковскій, по тому-же признаку подобозвучія, видѣлъ *Курасайтовъ* въ уроцищѣ *Карасанъ* или *Харасанъ* (теперь имѣніе г. Раевскаго)⁵), но это название чисто татарское, позднее, его не могло быть при Иоаннѣ Готскомъ; оно можетъ указывать или на случайное воспоминаніе о персидской области этого имени, или на то, что здѣсь была обжигательная печь, кирпича или черепицы, а потомъ оставшіеся жженые обломки толкли въ порошокъ, для подмѣшиванія къ известковому раствору--это и есть *карасанъ*, или *харасанъ*. Впрочемъ, гораздо проще видѣть здѣсь самое обыкновенное татарское имя—*Кара-Асанъ* (Черный Асанъ), какъ по-

¹⁾ Васильевскій, Жит. Иоанна Готскаго, Журн. Мин. Народн. Пр., 1878, № 1, 122, 151 предполагаетъ, что церковь у Курасайтовъ, по житію Иоанна Готск., со многими могилами, значитъ пещерная, но пещерныхъ церквей нѣтъ и не могло быть на южномъ берегу, по свойству особой твердости мѣстныхъ скалъ. Да нѣтъ и надобности въ такомъ объясненіи, такъ какъ не только пещерныя, но и всѣ церкви были переполнены могилами въ тѣ времена въ горной Тавридѣ.

²⁾ Вѣschings Erdbeschreibung, IV B., 355, Троппац, 1784.

³⁾ Кеппенъ, Крымск. сборн., 177.

⁴⁾ Житіе Иоанна Готск., Зап. Од. Общ., XIII, 32.

⁵⁾ Кулаковскій, Зам. по ист. и топ. Крыма, Арх. Изв. и Зам., 1896, № 1.

казывалъ Кеппенъ¹⁾; это показаніе въ частности подтверждается тремя рѣдчайшими литографіями, тридцатыхъ годовъ, печатанными самимъ владѣльцемъ, М. М. Бороздинымъ, гдѣ название имѣнія показано именно *Карасанъ*²⁾. Ни малѣйшихъ слѣдовъ церкви или поселенія тамъ никогда не находили. Брунъ искалъ *Курасаитовъ* въ *Керчи*, что ни по звуку, ни географически невозможно³⁾.

Деревня *Кореизъ* въ старину, при занятіи Крыма и довольно долго послѣ того, писалась *Хураисъ*, *Кураисъ*, *Хуризы*, съ многочисленными подобного рода мелкими варіантами; эти написанія можно видѣть и на картахъ и въ спискахъ; такимъ образомъ, эта деревня, какъ мѣстоположеніемъ, такъ и своимъ именемъ, вполнѣ напоминаетъ торжище *Курасаитовъ* и монастырекъ *Кюризу* патріаршихъ грамматъ⁴⁾. Когда здѣсь поселилась, въ 1824 году, кн. А. С. Голицына и надумала строиться, то закладку ея церкви освящать арх. Гавріилъ, о чёмъ оставилъ такую любопытную замѣтку:

„Кураиская Воскресенск., кам. 831. (т. е. 1831 г.). Совершенно новая церковь, построенная княгиней Голицыной, которая тутъ и поконится вѣчно. Въ старину была тутъ Греческая церковь, какъ видно изъ надписи на вырытомъ при заложеніи новой церкви камнѣ, который положенъ и паки подъ основаніе новой церкви. Свидѣтельствуетъ имѣющій честь предать сіе свѣдѣніе читателямъ. (Смиренный Г. А. Х. и Т. предосвящавшій мѣсто для основанія церкви въ 1829 году, когда и путь по южному берегу Крыма былъ еще неудобопроходимъ)⁵⁾.

Эти замѣтки арх. Гавріилъ видимо назначалъ для печати, и потому въ черновикѣ, къ сожалѣнію, не счелъ надобнымъ сказать, въ чёмъ состояла и какая была видѣнная имъ надпись. Все это, однако, даетъ достаточное право именно здѣсь видѣтъ *Курасаитовъ* или *Кюризу* тожъ, а такъ какъ тогда это было не селеніе, а торжище, т. е. базарь вокругъ церкви, куда, вѣроятно, только по извѣстнымъ днямъ, съѣзжались жи-

1) Кеппенъ, Крымскій Сборн., Указат. къ картѣ, 42.

2) Двѣ перепечатаны, но въ уменьшенномъ видѣ и не съ подлинными подписями; Модзалевскій, Архивъ Раевскихъ, IV.

3) Брунъ, О разн. назв. Керчи, Черноморье, II, 311.

4) Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, СССХСВII, 1395 года. *Курасаитовъ*, *Кюриза* — тождественно съ *Хуризы* нашихъ старыхъ картъ.

5) Сборн. Гавріила, II, Замѣтки по Таврич. губ. (конца тридцатыхъ годовъ XIX в.).

тели окрестныхъ деревень, то оно и не попало въ Генуэзскіе списки. Однако, около этого же времени торжище начало заселяться, такъ что монастырекъ Кюризу, въ актѣ 1395 года, обозначается уже въ „Новой деревнѣ”¹⁾.

Далѣе за Ялтой, до предѣла рассматриваемой части прибрежья, также оказываются многія поселенія, не обозначенныя въ генуэзскихъ спискахъ, а именно, нынѣ существующія и бывшія при занятіи Крыма: Дерекой, Ай-Василь, Марсанды, Кизиль-ташъ, Куркулетъ, три Дегерменъ-коя, Кучукъ-Ламбатъ, Корбеклы, Шума, Куру-узенъ (Ксеро-потамъ) и Кучукъ-узенъ (Микро-потамъ).

Всего отъ Фороса до Кучукъ-узеня показано въ актахъ патріархата и Генуэзцами пятнадцать поселеній, на протяженіи около пятидесяти верстъ береговой полосы. Изъ нихъ исчезли три—(Форосъ, Оріанда и Аланія), одно слилось съ большимъ (Хрихарь съ Сикитой), и все таки ко времени занятія Крыма оказалось тридцать четыре поселенія, слишкомъ вдвое больше. Послѣ вывода въ 1778 г. христіанъ въ степи Маріуполя исчезли двѣ деревни (Марсанды и Магарачъ), остальные существуютъ. Такимъ образомъ, приходится оставить бездоказательно повторяемую мысль, что населеніе южнаго берега во время Генуэзцевъ было значительное, чѣмъ послѣ нихъ; оказывается гораздо болѣе вѣроятнымъ совершение обратное, т. е., что оно росло, умножалось и разселялось, такъ что къ русскимъ временамъ стало гораздо большимъ, чѣмъ было въ концѣ XV вѣка, занявъ всѣ удобныя и водныя долины и мѣста. Христіанъ съ этого прибрежья было выведено 2190 душъ, изъ 776 дворовъ въ 14 деревняхъ. Край значительно опустѣлъ, но мѣста ушедшихъ скоро пополнились татарами, и съ тѣхъ поръ населеніе усиленно растетъ внутри тѣхъ же поселеній, ибо заводить новыя негдѣ.

Не безполезно будетъ перечислить всѣ поселенія этого берега, бывшія и еще существующія, въ географическомъ порядке, отъ запада къ востоку, по меридіанамъ; названія даны по современному написанію; исчезнувшія обозначены звѣздочкой: *Форосъ (Подать, Дань, гр.); Мишатка (Средняя, Внутренняя, гр.); Мухалатка (Михайловка, гр.); Кучукъ-кой (Малая деревня, т.); Кикинегизъ (Курчавая, гр.); Лимена (Пристань, Лиманъ, гр.); Симеизъ (Знакъ, гр.); Алупка (Лисица, гр.); Мисхоръ (Полов. дер., гр.); Кореизъ (неизвѣстно); Гаспра (Бѣлая,

¹⁾ Древн. акты, Зап. Од. Общ., VI, СCCCCXCVII.

гр.); **Орианда* (неизвѣстно); *Верхн. Лутка* (Эта, гр., Уто мѣстныхъ грековъ); *Нижн. Аутка; Ялта* (Прибрежная, гр.); *Дерекой* (Ущелья деревня, т.); *Лй-Василь* (св. Василій, гр.); **Марсанда* (неизвѣстно); **Магарацъ* (Пещера, гр.); *Никита* (Побѣдитель, гр.); *Гурзуфъ* (неизвѣстно); *Кизиль-ташъ* (Красный камень, т.); *Луркулетъ* (неизвѣстно); *Дегерменъ-кай* (Мельничная деревня, т.); другой *Дегерм.*; трет. *Дегерм.*; **Хрихарь* (неизвѣстно); *Партенитъ* (Дѣвичья, гр.); *Кучукъ-Ламбатъ* (Малый свѣточъ, гр.); *Бююкъ-Ламбатъ* (Большой свѣточъ, гр.); **Аланія* (Аланская, гр.); *Корбеклы* (Слѣпого сторожка, т.); *Шума* (неизвѣстно); *Демерджи* (Кузнецъ, т., она же *Фуна*, Дымящая, гр.); *Алушта* (Неумытая, гр.); *Улу-Узень* (Большая рѣчка, т. съ гр.); *Куру-узень* (Сухая рѣчка, т. съ гр.); *Кучукъ-узень* (Малая рѣчка, т. съ гр.¹⁾).

Десимони, давая списокъ поселеній, указалъ, что *Гомія* (генуэзская) простиралась отъ *Чембало* до *Солдаїи* включительно, поставивъ первую во главѣ списка, а второю заключивъ его. Онъ повторилъ выраженія договора 1380 года (о чёмъ далѣе), не замѣтивъ, что съ востока, между послѣднею данною имъ деревнею, *Мега-потамъ*, и *Солдаію*, очень большое протяженіе берега будто-бы ничѣмъ не занято, а въ слѣдующемъ спискѣ онъ же даетъ *Солдайскія* деревни (о нихъ ниже), именно въ этомъ незаполненномъ пространствѣ и помѣщающіяся. Такжѣ не могло быть и съ запада, чтобы между *Чембало* и *Форосомъ* не было поселеній; напр. рядомъ съ *Форосомъ*, западнѣе, была дер. *Ласпи* (Грязь, гр.), не указанная въ спискѣ, а между тѣмъ въ этой красивой мѣстности, съ хорошей бухтой, превосходными рыбными ловлями и земельными удобствами и до сихъ поръ видятся многіе остатки не только средневѣковой, но и древней жизни; передъ занятіемъ *Крыма* тамъ была деревня съ 128 душами и двумя церквами. *Форосъ* же и теперь не имѣеть поселенія, и нѣтъ слѣдовъ его въ прошломъ; да по своему маловодію сколько нибудь приимѣтное поселеніе тамъ и маловѣроятно. Почему же это мѣсто

¹⁾ Въ скобкахъ показаны и здѣсь и далѣе значенія названій, съ пробавленіемъ гр.—значить съ мѣстного, греческое или т.—знач. татарское. Эти значенія опредѣлялись не по филологическимъ соображеніямъ корнесловій, мнѣ неизвѣстнымъ, а просто по пониманію мѣстныхъ людей, хорошо знакомыхъ съ современными татарскимъ и греческимъ языками и ихъ нарѣчіями; возможно, что они ошибались, мѣстами. Названія трехъ послѣднихъ деревень простой переводъ съ греческаго.

показано, а *Ласпи* нѣть? Почему не показаны деревни вблизи *Солдаи*? Все это точно объясняется, но иной постановкой, чѣмъ данная Десимони. Въ *Солдаи* и въ *Чембало* были консулы, управлявшіе не только своими городами, но и окрестными частями страны. Для *Солдаи* и *Кафы* это опредѣленно извѣстно: въ *Чембало* было, конечно, то же самое, хотя это прямо и не указано; безъ сомнѣнія, къ ней тянули и ближайшая деревни, напр.: *Карань* (неизвѣстно), *Камары* (Комната, гр.), *Варнутка* (Брошенная, т.), *Мускомія* (Душистый медъ, гр.), вѣроятно и часть *Байдарской* долины, изъ которой только идетъ въ *Ласпи* удобная и хорошая дорога, а *Ласпи* и до сихъ поръ родъ пригорода *Балаклавы*, въ смыслѣ рыболовства. *Готія*-же, или точнѣе *grotia marina Gotia*, какъ говорили Генуэзцы, управлялась особыми властями. Слѣдовательно, списокъ деревень, данный Десимони, въ точности даетъ предѣлы именно и только генуэзской области *Готіи*, каковая, какъ оказывается, тянулась отъ *Фороса* до *Мега-потама* включительно, а вовсе не отъ *Чембало* до *Солдаи*. Административная граница этой *Готіи* проходила по естественной преградѣ на западѣ, отрогу главной гряды горъ, кончающемуся мысами *Сарычъ* и *Форосъ*, что и отмѣчено въ спискѣ самимъ названіемъ пограничнаго мѣста—*Форосъ*, значащимъ дань, подать, можетъ быть указывающимъ ту границу, на которую сносились какія-либо подати. Управлялось морское прибрежье *Готіи* въ генуэзское время капитанами, а не консулами, т. е., повидимому, это управление носило военный обликъ. Первый капитанъ извѣстенъ въ 1429 г., Баттиста де-Гандино¹). Въ уставѣ колоній 1449 года есть лишь косвенное указаніе на послѣднюю должность; позже капитанъ, Бальдассаре Андора, извѣстенъ въ 1454 году, и далѣе, почти непрерывно, они идутъ до 1475 года²).

Въ 1365 году Генуэзцы завладѣли *Судакомъ* съ окрестными деревнями послѣ многихъ треволненій, о которыхъ здѣсь не мѣсто разсказывать, къ тому-же общеизвѣстныхъ. Этотъ захватъ былъ за ними закрѣпленъ заключеніемъ, въ 1380—1381 году, особаго мирнаго договора съ Татарами, по которому *Судакъ* и всѣ его восемнадцать деревень, взятые Генуэзцами и опять отнятые у нихъ Мамаемъ, признавались за Ге-

¹⁾ Canale, Della Crimea, I, 306.

²⁾ Vigna. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Ligure, t. II, p. 2, Stat. Capit. 628 Capit. Goziae, 981—987; З. О. О., т. V, 726.

нуэзцами окончательно¹⁾). Въ этомъ договорѣ деревни не были поименованы²⁾, и лишь много послѣ изданія договора и его перевода Десимони нашелъ, въ тѣхъ-же казначейскихъ спискахъ, ихъ названія, по не издалъ документовъ, въ которыхъ деревни указываются, а одну выборку именъ деревень, но давъ какихъ-либо, хотя бы краткихъ замѣтокъ о существѣ самихъ документовъ, ни даже ихъ времени³⁾). Въ этихъ спискахъ, какъ замѣчаетъ Десимони, деревни расположены не въ порядке географической послѣдовательности, а какъ ни попало, по указаны крайнія изъ нихъ, на востокѣ и западѣ, чѣмъ значительно сужены предѣлы розысковъ. Самъ Десимони, а еще рапѣе Брунъ, Кауловъ и другіе, старались пріурочить эти деревни, но съ небольшимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ потому, что искали подобія по звуку, мало обращая вниманія на географію, да и для послѣдней принимали, что Генуэзцы владѣли только прибрежьемъ, а потому и деревни искали лишь вдоль самаго морского берега. Такое предположеніе, не основанное на какихъ-либо данныхъ, можетъ быть признано вѣрнымъ только для вышеуказанного участка, отъ *Фороса* до *Мега-потама*, гдѣ хребетъ горъ на столько неудобопроходимъ, что составляеть естественную границу. Совсѣмъ не то вблизи *Судака*. Здѣсь горы отступаютъ отъ берега, значительно понижаются и разрываются на отдѣльныя возвышенности, такъ, что не рѣзко примѣтны южный и сѣверный склонъ общей гряды горъ, поэтому онѣ не представляютъ естественной преграды; даже

¹⁾ *Silv. de Sacu, Pièces tirées des archives de Gênes, Notices et extraits des manuscrits, etc.*, t. XI. 52—58. Договоръ былъ заключенъ гдѣ-то, „in mezo de Caffa e de la montagna de Sachim, davanti li trey pozi, dever la faça de Caffa“ (р. 55); т. е. „между Кафой и горой Сакимъ, у трехъ колодцевъ, въ виду Кафы“. Де-Саси, давая переводъ договора, принимая во вниманіе сююкаціе генуэзскаго нарѣчія, на которомъ написанъ договоръ, называлъ гору—Jachim, т. е. Жакимъ. Никакого подобо-звучія этимъ названіямъ въ настоящее время не отыскивается, также какъ нельзя указать и мѣста трехъ колодцевъ въ виду Кафы; эти два средневѣковыхъ названія остаются не пріуроченными; объ этомъ же см. Смирновъ, Кр. ханство, 132 и Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 205 206. Въ окончательной редакціи договора, изданной Оливьери (*Carte et cronache per la storia genovese*, 72), имени горы вообще не указано.

²⁾ Брунъ утверждалъ, что деревни названы въ самомъ договорѣ (О посел. итал. въ Газаріи, Черноморье, I, 224; Матер. для истор. Судей, Черн., II, 144), но о пропускѣ ихъ названий сѣтовалъ еще Кеппенъ совершенно вѣрно (Кр. Сборн., 86).

³⁾ Desimoni, *Nuovi studi sull'Atlante Luxoro*, 254—255.

сама Судакская долина, со всеми подразделениями, несомненно вся принадлежавшая Генуэзцамъ, тянется далеко на съверь, поэтому здѣсь нѣть и возможности думать, что Генуэзцыничъмъ не владѣли вдали отъ берега моря. Самое звукоподобіе, конечно, много значить, но надобно помнить, что мы знаемъ теперешнія названія мѣстностей, но не представляемъ себѣ, какъ эти слова звучали въ народномъ говорѣ того далекаго времени. Однако, можно сказать, что эти имена, столь чуждыя Генуэзцамъ, воспринимались ими съ самыми разнообразными и удивительными искаженіями въ произношеніи и написаніи ихъ: напр., какъ догадаться, что *Tasilli* современное—*Шеленъ*, *Pangropoli* тотъ-же—*Партенитъ* и т. под.¹⁾). У всѣхъ есть склонность осмысливать чужое слово своимъ языкомъ, и у Генуэзцевъ это было также въ ходу²⁾. Наконецъ, ошибки писцовъ и переписчиковъ, бывшихъ и настоящихъ, тоже имѣютъ свой вѣсъ. Принимая все это въ соображеніе, попробую пріурочить деревни Солдайскаго консульства.

По Десимони въ спискахъ говорится, что ихъ округъ Судака простирался „*a Cosio usque ad Osdaffum*“ включительно, а затѣмъ даны такъ написанныя имена деревень:

¹⁾ *Pangropoli*, несомнѣнно, означаетъ древнее поселеніе Партенитъ, но превращеніе самаго имени, быть можетъ, произошло, какъ думалъ Кеппенъ, при посредствѣ монастыря Ай-Брокуль (т. е. св. Прокла), развалины котораго онъ видѣлъ вблизи (однако, около десяти верстъ) Партенита (Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, 160).

²⁾ Искажая имена поселеній въ Тавридѣ, часто почти до неузнаваемости, Генуэзцы при этомъ всегда брали въ основу только греческія названія, или вообще древнія, никогда не переводя ихъ значеніе на свой языкъ (исключеніе—Аккерманъ въ Бессарабіи, объясняемое въ ст. о Монкастро). Татарскія названія они заимствовали только въ случаѣ неимѣнія болѣе старыхъ. Монголо-Татары поступали иначе, давая всѣмъ городскимъ поселеніямъ (кромѣ Кафы), да и самому полуострову, свои осмыслимые названія. Такое же отношеніе тюркскихъ племенъ вообще къ географической номенклатурѣ указано для всей Азіи (L. Cahin, *Turcs et Mongols*, 31—32). Это замѣчаніе можетъ служить иѣ-которымъ указаниемъ времени основанія городовъ, въ смыслѣ до татарского или послѣ него. Въ поясненіе сказанного, привожу сравнительную таблицу названій всѣхъ городовъ Тавриды, извѣстныхъ не позже татаро-генуэзскаго времени.

Греко-визант.	Генуэзское.	Татарское.
Таврида.	Таврида, Хазарія	Крымъ.
Керкинитъ.	Крикинера.	Гезъ-леве.
Херсонъ.	Сарзона.	Сары-керменъ.
Каламита.	Каламита.	Инъ-керменъ.
Феодоро.	Тодоро.	Мангупъ-кале.

1.	<i>Casale Coxii.</i>	10.	<i>Casale de Bezalega.</i>
2.	„ <i>Sancti Johannis.</i>	11.	„ <i>de Buzult.</i>
3.	„ <i>Tarataxii.</i>	12.	„ <i>de Cara ihoclac.</i>
4.	„ <i>Louolli.</i>	13.	„ <i>de lo Diauollo.</i>
5.	„ <i>de lo Sitle.</i>	14.	„ <i>de lo Carlo.</i>
6.	„ <i>de lo Sdaffo.</i>	15.	„ <i>Sancti Erigni.</i>
7.	„ <i>de la Canacha.</i>	16.	„ <i>Saragaihi.</i>
8.	„ <i>de Carpati.</i>	17.	„ <i>Paradixii.</i>
9.	„ <i>de lo Scuto.</i>	18.	„ <i>de lo Cheder.</i>

О томъ же имѣются и иныя генуэзскія показанія. Послѣдній Солдайскій консулъ, Христофоро ди Негро, вель судьбище и обширную переписку, по поводу захвата братьями Гуаско двухъ деревень его управлениія, т. е. долженствовавшихъ значиться въ показанномъ перечисленіи. Въ этой перепискѣ имъ упоминаются нѣсколько деревень, но подъ другими названіями, что въ значительной мѣрѣ способствуетъ уясненію мѣстоположеній и будетъ далѣе принято во вниманіе. Особенная важность данныхъ этого спора состоить въ томъ, что владѣніе *Солдаію* восемнадцатю деревнями подтверждается нѣсколько разъ и въ такомъ видѣ, что до самаго конца генуэзскаго господства въ управлениі Солдайскаго консула ихъ больше и не было, а это также много значитъ для пріуроченія деревень¹⁾; то же число деревень подтверждается и уставомъ Генуэзскихъ колоній, 1449 года²⁾. Такимъ образомъ, въ основу дальнѣйшихъ соображеній и будутъ положены списокъ Десимони и иныя изъ генуэзскихъ актовъ, но прежде представлю сдѣланное въ этомъ направленіи до сихъ поръ.

Кеппенъ первый занимался этимъ вопросомъ; не зная названія деревень, онъ предположилъ, что эти деревни были тѣ

<i>Греко-визант.</i>	<i>Генуэзское.</i>	<i>Татарское.</i>
Символонъ.	Чембало.	Балуки.
Сугдаія.	Солдаія.	Су-дагъ.
Кафа.	Кафа.	Кѣфѣ.
Пантиканей.	Понтико.	} Керчъ.
Боспоръ.	Боспоръ.	
Матарха.	Матреха.	
Тафръ.	”	
”	Керкери.	Оръ-капи.
”	Солхатъ.	Кыркъ-іери.
		Солкатъ.

¹⁾ Vigna, Codice dipl., t. II, p. 2, 306, 318, 320, 323. Самый споръ консула съ тремя братьями Гуаско изложенъ, вкратцѣ, Л. П. Колли въ стат. о Христофоро ди Негро, Изв. Тавр. Арх. Ком. № 38.

²⁾ Vigna, op. c., II, p. 2, 660, § 518; З. О. О., V, 780. § 11.

же самыя, что значились позднѣе въ турецкомъ Судакскомъ кадылыкѣ (судебно-административномъ округѣ), образованномъ ими при занятіи Крыма. Здѣсь число деревень оказалось почти то же (девятнадцать), а это, вѣроятно, и дало Кеппену основаніе поддерживать свою мысль. Соображаясь съ деревнями Судакского и другихъ турецкихъ кадылыковъ въ южномъ Крыму, онъ показалъ, приблизительно, съверную границу турецкихъ владѣній и полагалъ, что въ тѣхъ же границахъ владѣли Генуэзцы и даже Византійцы¹⁾. Эти соображенія, логически вѣроятныя, дѣйствительность не оправдала. Оказалось, что Турки мало обращали вниманія на предшествовавшія ихъ владычеству политически-административныя дѣленія покореннаго ими горнаго Крыма. И самъ Кеппенъ могъ бы замѣтить, что въ приведенныхъ имъ, по Палласу, спискахъ деревень кадылыковъ, въ Мангупскомъ значатся смѣшаніе деревни, принадлежавшія не только двумъ генуэзскимъ округамъ (консульства Чембало и часть капитанства Готії), но и владѣнія города Херсона и княжества Феодоро. Генуэзцы всегда держали Солдаю въ черномъ тѣлѣ, какъ старую соперницу Кафы, и управлению ея консула не давали большой шири; понятно, что у Туровъ соображенія оказались иными, и они измѣнили границы округа, присоединивъ къ нему кусокъ капитанства приморской Готії и отнявъ часть съ сѣвера; изъ девятнадцати деревень турецкаго кадылыка только семь были подвластны консулу Солдаи, да четыре изъ такихъ же исчезли совсѣмъ.

Изъ этого поясненія можно видѣть, что общимъ путемъ, поставленнымъ Кеппеномъ, этого вопроса нельзя решить. Соображенія, по этому же поводу высказанныя другими авторами, касаясь деревень въ частности, будутъ указаны въ своихъ мѣстахъ, такъ какъ приходится разматривать каждую деревню въ отдѣльности.

Прежде всего мы видимъ, что границы консульства Солдаи, опредѣляемыя положеніемъ его деревень, простирались „a Cosio usque ad Osilaffum“, но Cosio или, какъ стоитъ въ спискѣ, подъ № 1 — Coxii, есть, безъ малѣйшаго сомнѣнія, деревня Козы, по теперешнему произношенію (т. е. кокъ-гёзъ — синій глазъ, по-татарски)²⁾. Она находится отъ Судака въ двѣ-

¹⁾ Кеппенъ, Крымск. Сборн., 78, 80.

²⁾ Нѣкоторые мѣстные татары говорятъ, что название деревни происходитъ отъ слова „коzъ“, значащаго орѣхъ по-ногайски. Невѣроятно, чтобы название деревни дали чужие ногайцы, да и существовала

надцати верстахъ къ востоку, въ сторону *Феодосию*; этою деревнею и опредѣляется въ точности восточная граница консульства. Мѣсто деревни *Osdaffum*, столь важной для опредѣленія западной границы, составляло главный камень преткновенія всѣхъ поисковъ. Караполовъ искалъ эту деревню при маленькой рѣчкѣ *Сотера*, западнѣе *Мега-потама* (*Улу-узены*); Г. Браунъ еще западнѣе, въ долинѣ *Еди-евлеръ* (семь дворовъ); все это точно извѣстно въ капитанствѣ *Готии* и указывалось для *Солдаи* безъ какого либо основанія, просто какъ въ пустыхъ мѣстахъ¹); Брунъ и Десимони не рѣшались сказать о ней что бы то ни было. Приходится поискать инымъ путемъ. Названіе деревни пишется вначалѣ - *Osdaffum*, но въ перечислениі деревень оно же значится *de lo Sdaffo* (№ 6), слѣдовательно, отбрасывая предлогъ и членъ, оно звучало для Генуэзцевъ какъ *Silaffo*, а изъ того, что говорилось выше о предѣлахъ приморской *Готии*, должно заключить, что эта деревня была гдѣ-либо восточнѣе *Мега-потама* (*Улу-узеня*), крайняго предѣла послѣдней. Разыскивая въ этихъ мѣстахъ всяческія уроцища, оказалось, что верстахъ въ пяти съвернѣе дер. *Искюта* въ его рѣчку впадаетъ, съ запада, притокъ, образуя въ горахъ хорошую долину; это большое уроцище извѣстно подъ именемъ *Ставлухаръ*²), т. е. *Ставло-хорѣ*, конюшенныя деревни, по гречески. Вѣроятно, здѣсь была деревня, служившая въ особенности лѣтнимъ помѣщеніемъ скота, откуда и ся названіе. Мѣстность удобная, хорошо укрытая, есть остатки развалинь; теперь тутъ пустырь и частью виноградники *Искюта*. Какъ по соображенію съ границей *Готии*, такъ и по созвучію, съ полнымъ основаніемъ можно видѣть здѣсь передѣлку Генуэзцами названія *стѣблѡс*: въ ¹*Sdaffo*. Выше указано по совершеншению инымъ источникамъ, что чуть западнѣе этого мѣста проходила восточная граница капитанства *Готии*, слѣдовательно границы между двумя административными округами, *Готией* и *Солдаией*, опредѣляются одинаково разными путями и, значитъ, точно. Опредѣливъ границы консульства *Солдаи*, восточную и западную, а также первую деревню списка, можно далѣе идти по ихъ номерамъ.

деревня, конечно, ранѣе, чѣмъ прославилась своими орѣхами. Производятъ названіе деревни также и отъ слова „кѣзъ“ --впадина, лощина.

¹⁾ Караполовъ, Путевод. по Крыму, 4-е изд., 206. В гаин, Die letzten Schicksale der Krimgoten, 25.

²⁾ Русскія карты Крыма, особенно послѣднія, одноверстная.

Sancti Iohannis, № 2. Разумѣется, это генуэзское членіе греческаго Ай-Янъ, но съ такимъ именемъ вблизи Судака нѣтъ деревни, да и въ тѣ времена она была названа по имени церкви; подлѣ дер. *Таракташъ*, восточнѣе, есть долина съ остатками построекъ, называющаяся Ай-Ванъ; здѣсь и была та церковь, по которой называлась и деревня. Г. Браунъ полагалъ¹⁾), также по имени церкви, эту деревню въ Куру-узенъ, но это далеко къ заподу и въ предѣлахъ иного округа, капитанства *Готію*.

Tarataxii, № 3. Одна изъ современныхъ большихъ деревень, *Бюокъ* (большой) или *Кучукъ* (малый) *Таракташъ* (гребень-камень — по виду скалы).

Lonolli, № 4. Правильное написаніе было *lo Volli*; отбрасывая членъ, останется *Volli*, т. е. теперешняя *Воронъ*. Это название, несмотря на его тождество съ русскимъ словомъ, конечно, не русское, такъ какъ извѣстно ранѣе занятія Крыма. Трудно сказать, изъ какого именно произношенія его смягчили Генуэзцы. На первыхъ нашихъ картахъ эта деревня названа — *Веринкуль*, *Ворунку*; исключая окончаніе, испорченное — кой (деревня), основное название было, повидимому, какъ слышится въ говорѣ татаръ и теперь, *Вэринъ*, *Вэрэнъ*, что значитъ — покинутая, брошенная. Изъ такого же имени на западѣ Крыма мы сдѣлали *Варнутку*.

De lo Sille, № 5. Въ перепискѣ генуэзскихъ чиновниковъ эта же деревня пишется: *Tasili*, *Tusilli*, *Tassili*²⁾). Отбрасывая предлогъ и членъ, ея название будетъ — *Sille*, *Sili*, т. е. теперешняя — *Шеленъ*, которую еще въ первыхъ русскихъ спискахъ, по занятіи Крыма, писали также, какъ у Генуэзцевъ — *Шиле*³⁾); въ мѣстномъ говорѣ грековъ — тысяча.

De lo Sdaffo, № 6. Объ этой деревнѣ уже сказано выше.

De la Canecha, № 7. И понынѣ называется *Канака*, долина и рѣчка западнѣе *Искюта*. Деревни тутъ нѣть, но достаточно развалинъ и небольшая культура. Эта долина лежить чуть западнѣе крайней западной деревни — *Sdaffo*, но это объясняется тѣмъ, что Генуэзцы считали, конечно, не по картамъ, а по времени Ѣзы, каковая направлялась береговой тропой, и тогда *Canecha*, въ западную сторону, ближе къ *Солдаи*, чѣмъ *Sdaffo*, до которой приходилось еще, свернувъ съ береговой

¹⁾ В га п, оп. с., 25.

²⁾ Vigna, Codice dipl., t. II, p. 2, 293, 318, 320, 323, 386, 391, 508.

³⁾ Лашковъ, Статист. свѣд. о Крымѣ, 1783 г., Зап. Од. Общ. XIV, 130.

дороги, значительно подыматься въ гору, выше *Искюта*. Бартоломео ди Сантамброджio, кафский чиновникъ, называетъ эту деревню въ 1474 году, точно такъ, какъ и теперь -- *Canasa* и прибавляетъ, что это „*saxale canisogni*“; т. е. деревня ханскихъ людей¹). Название деревни значитъ — милая, игравая въ мѣстномъ греческомъ языкѣ.

De Carpati, № 8. Теперь и въ нашихъ старыхъ спискахъ зовется *Арпатъ*; вѣроятно, значитъ — захватъ, похищеніе, въ греческомъ говорѣ.

De lo Scuto, № 9. Въ генуэзской перепискѣ пишется *Scuti*²); это, конечно, теперешній — *Искютъ*, въ нашихъ старыхъ описяхъ писавшійся точно, какъ у Генуэзцевъ — *Скутъ*³). Будто бы значитъ — стой, по мнѣнию Кондараки, но неизвѣстно, на какомъ языке; онъ же передаетъ легенду, въ которой это название идетъ отъ первыхъ поселенцевъ, сказавшихъ — истъ-гуть, при видѣ хорошей страны; легенда намекаетъ на Готовъ и, конечно, выдумана самимъ Кондараки въ виду созвучія словъ⁴).

De Bezaleya, № 10. Теперь эта деревня зовется — *Бешъ-евъ*, а еще полнѣе — *Бешъ евъ-эли* (Пяти дворовъ селеніе, т.; эли — значитъ поселеніе, жилище, очень распространенная прибавка къ названіямъ деревень около *Кара-су-базара*, *Старого Крыма* и вообще въ восточномъ *Крыму*); въ первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ писали эту деревню — *Бешевле*⁵); изъ такого звука Генуэзцы сдѣлали свою — *Безалея*.

De Buzult, № 11. Брунъ относилъ къ современной *Эль-Бузлы*, т. е. *Бузлы-эли* (Ледяная, т.), и совершенно вѣрно⁶).

De Cura ihocluc, № 12. Брунъ думалъ, что эта деревня была въ нынѣшнемъ *Кутлакъ* (Привидѣніе, т.) или *Токлукъ* (плодородный, т.); обѣ эти деревни лежатъ на южномъ склонѣ горъ, а по смыслу всего, о чёмъ далѣе, генуэзская *Cura ihocluc* находилась на сѣверномъ, поэтому полагаю ее въ современномъ *Каргалыкъ* (Воронье мѣсто, т.), деревнѣ чуть сѣвернѣе *Эль-Бузлы*, что и созвучіо лучше подходитъ. Однако, въ генуэзскомъ названіи выдѣляются два слова, первое кара

¹) *Vigna*, оп. с., 415.

²) *Vigna* оп., с., 293, 318, 320, 508, 523.

³) Лашковъ, оп. с., Зап. Од. Общ., XIV, 130.

⁴) Кондараки. Въ пам. стол. Крыма, топограф. обзоръ, 274.

⁵) Лашковъ, Камер. опис. Крыма, 1784 года, Изв. Тавр. Арх. Ком., № 6, 46, 16 деревни и точно эта самая 48, 22 дер. Карас. кадыл.

⁶) Брунъ, Черноморье, II, 144, Матер. для ист. Суд.

— черный, а второе, возможно, оглакъ—козленокъ; съ такимъ значенiemъ нынѣ нѣть поселенія.

De la Diauollo, № 13. Караполовъ полагалъ, что это деревня *Туакъ* (Головной платокъ, т.), потому что вблизи ея есть пещера (однако, верстахъ въ десяти), гдѣ, по татарскимъ рассказамъ, живетъ дьяволъ¹), но генуэзское имя слѣдуетъ рассматривать въ иной плоскости, чѣмъ его буквальное значеніе. Собственно мѣстного названія чорта въ такомъ именно созвучіи не могло быть, и Десимони предполагалъ, что здѣсь данъ переводъ татарского слова (чортъ—шайтанъ)²), но въ Крыму нигдѣ не видно перевода Генуэзцами на свой языкъ чужого значенія названія (см. выше въ примѣчаніи), да и мало вѣроятно, чтобы кто бы то ни было, а Татары въ особенностіи, назвали свою деревню чортовой. Безъ сомнѣнія, это простое осмысленіе по итальянски какого-то подобозвучія, напр.: Тавъ-эли (Жирная, Богатая, т.), Тать-эли (Невѣрныхъ. Покоренныхъ деревня, т.), Дагъ-эли (Горная деревня, т.), Деве-эли (Верблюжья деревня, т.)³). Слѣдуетъ однако замѣтить, что деревни съ подобнымъ именемъ нынѣ нѣть въ рассматриваемомъ округѣ. Есть *Тавъ-эли* (*Тавель*) и *Дагъ-эли*, но онъ далеко, по *Салгиру*. Тавъ собственно значитъ—жирная, богатая, и съ этимъ присловьемъ есть вблизи деревня *Тавъ-Чуончи*, но все-же она почти въ степи, на сѣверномъ склонѣ и слишкомъ далеко, въ бассейнѣ р. Зуи, тогда какъ генуэзскія поселенія сѣвернаго склона всѣ въ бассейнѣ р. Кара-су. *Тать-эли* называли христіанскія селенія и вообще весь южный берегъ. Есть *Деве-ташъ* (Верблюжій камень, т.), название лѣсной дачи вблизи *Эль-Бузлы*, возможно и бытіе здѣсь деревни *Деве-эли*, изъ чего, само собой, писалось *lo Diaollo*. Въ общемъ, возможному объясненію названія не нахожу прямого приложенія, вѣроятно потому, что эта деревня исчезла.

De lo Carlo, № 14. Славичъ (Сосногорова), указывала на уроцище *Кеарлы*, повыше *Кутлака*⁴), но это описка имени горы, называющейся *Исарлы* (крепости подобная, т.), а не

¹⁾ Сосног. и Караполовъ, Путевод. 4-е изд., 210.

²⁾ Desimoni, Nuovi studi, 255.

³⁾ Въ одной изъ приписокъ Фирковича приводится названіе поселенія—Дайбули. Приписка выдумана, но возможность звукового сходства этого имени остается (Зап. Од. О., I, 634); это то же, что и Тай-булду,— жеребенка нашель.

⁴⁾ Славичъ, Письмо къ Бруну, Зап. Од. О., VIII, 472; Кеппенъ, Кр. Сб. 137, о неимѣніи тутъ слѣдовъ древности.

Кеарлы, слово, не имѣющее значенія. Генуэзское название деревни есть передѣлка татарскаго — *Юкары* (верхній), часто прилагаемаго къ горнымъ деревнямъ; хотя тутъ и мало подобозвучія, но это опредѣляется иными соображеніями. Въ генуэзской перепискѣ въ числѣ подвластныхъ *Солдаи* восемнадцати деревень указывается деревня *Otaihi*, т. е., по смыслу тогдашняго написанія, настоящее ея название было *Taihi* но такой деревни вовсе нѣть въ основномъ спискѣ восемнадцати, зато и до сихъ поръ имѣются въ дѣйствительности въ этихъ мѣстахъ три деревни, зовущіяся *Тайганъ*, одна изъ нихъ *Юкары-Тайганъ* (верхняя сковорода, т.). Приходится думать, что въ спискѣ деревень дали только первое слово названія — *Юкары*, передѣлавъ его въ *Carlo*, а консулъ *Солдаи*, лучше знавший свои деревни, далъ ея истинное название — *Taihi*, которая не только была явно въ числѣ восемнадцати, но ея жители даже имѣли свои дома въ *Солдаи* и платили тамъ подати¹⁾.

Sancti Erigni, № 15. Десимони говоритъ, что это название, вѣроятно, значитъ *Santa Irene*²⁾. Не знаю, возможно ли такое превращеніе написанія имени св. Иrenы, но нигдѣ въ *Тавридѣ* не бывало церкви во имя такой святой. Карапуловъ искалъ эту деревню на горѣ *Эльтигенъ* (рука дотронулась, т.), подлѣ *Отузъ*³⁾. Вѣрнѣе полагать, что и здѣсь дѣло въ осмысленіи чуждаго Генуэзцамъ имени. Межъ трехъ деревень, изъ числа восемнадцати, поименованныхъ консуломъ, есть *Сартана* (желтый теленокъ, т.), которую составитель списка и осмыслилъ въ *Sancti Erigni*; гораздо позже, консулъ, ближе знавший свои деревни, далъ настоящее название — *Сартана*, которое иначе вовсе не находится между восемнадцатью, а должно быть тамъ непремѣнно⁴⁾.

Saragaidi, № 16. Брунъ думалъ, что это Сары-кая (желтая скала, т.), но такой деревни здѣсь не было вовсе⁵⁾. Въ генуэзской перепискѣ название этой деревни пишется — *Charagaihi*, *Charayaiki*⁶⁾, и есть, конечно, татарское — *Кара-агачъ* (черное дерево, т. собственно одна изъ породъ береста). Деревушка этого имени была очень маленькая, вблизи *Солдаи*.

¹⁾ Vigna, op. c., t. II, p. 2, 302, 511.

²⁾ Desimoni, op. c. 255.

³⁾ Карапуловъ и Сосногорова, Путеводитель по Крыму, 4-е изд., 368.

⁴⁾ Vigna, op. c., t. II, p. 302, 511.

⁵⁾ Брунъ, Черноморье, Мат. для Ист. Судеи, II, 144.

⁶⁾ Vigna, op. c., t. II, p. 2, 301, 310, 387, 404.

(*in confinibus Soll.*), всего въ пять хатъ, да и въ нихъ жили только во время полевыхъ работъ, а въ остальную пору поселяне оставались въ самой *Солдаи*. Теперь съ такимъ именемъ нѣть деревни, но западная часть двойной *Судакской долины*, *Ай-Савская*, въ своей верхней части зовется *Кара-Агачъ*, съ тѣмъ же именемъ и лѣсь, ее окружающей; здѣсь, конечно, была и деревушка этого имени¹⁾.

Paradixii, № 17. Десимони думалъ, что эта деревня была на мѣстѣ *Демерджи*, конечно, по нѣкоторому звукоподобію, но деревня съ послѣднимъ именемъ находилась совсѣмъ въ другомъ окружѣ, въ капитанствѣ *Готії*, и въ тѣ времена звалась *Фунай*, какъ выяснено выше. Караполову и Славичъ это название дало поводъ къ романтическому предположенію на тему рая²⁾), но едва-ли могли назвать деревню раемъ, также какъ и чортомъ, да и къ тому же въ такомъ толкованіи пришлось бы допустить переводъ значенія мѣстнаго слова на итальянскій. Дѣло стоить проще; близъ деревни *Орталанъ* (средняя поляна, т.) есть издавна извѣстные и почитаемые монастырь и церковь *св. Параскевы* (нынѣ возобновленные), да и въ самомъ *Орталанъ* были развалины древней церкви во имя той-же святой³⁾); вотъ ея имя, непонятное Генуэзцамъ, они и осмыслили въ *Paradixii*. Консулъ *Солдаи*, знавшій точнѣе свои деревни, назвалъ въ ихъ числѣ, вмѣсто *Paradixii* деревню *Ortalagam*, т. е. явно *Орталанъ*, а не во имя его или соѣдняго монастыря церкви⁴⁾).

De lo Cheder, № 18. Передѣлка названія деревни *Чардаклы* (ступенчатая, т.), находящейся также на сѣверномъ склонѣ въ бассейнѣ р. Кара-су.

Такимъ образомъ, почти всѣ деревни списка пріурочены достаточно хорошо. Прочность сдѣланныхъ указаній подкрѣпляется также и общимъ соображеніемъ. Десимони говорилъ, что всѣ восемнадцать деревень даны въ спискѣ въ географическомъ безпорядкѣ; однако, если обратить вниманіе на сдѣланное пріуроченіе, то можно замѣтить, что хотя въ спискѣ деревни и не идутъ безусловно точно одна за другой, отъ востока къ западу, но все же въ нихъ замѣчается нѣкоторый

¹⁾ О положеніи Кара-агача, см. Кеппенъ, Крымск. Сборн., 112—113.

²⁾ Караполовъ, Путевод. по Крыму, 4-е изд., 383; Славичъ. Письмо къ Бруну.. Зап. Од. Общ. VIII, 473.

³⁾ Гавріль, арх., Ост. христ. древн. въ Крыму, Зап. Од. Общ., I, 325, № 25.

⁴⁾ Vigna, op. c. t. II, p. 2, 302, 511.

порядокъ; ясно видны, безъ смѣшенія, двѣ группы: первая половина находится на южномъ склонѣ гряды горъ, а вторая лежить на сѣверномъ, и, конечно, это не могло быть простой случайностью въ спискѣ, а потому и свидѣтельствуетъ о вѣрности пріуроченія именно второй половины, въ которой всего болѣе не безусловно точно опредѣленныхъ. До сихъ поръ вовсе не предполагалась возможность владѣнія Генуэзцами частью сѣверного склона, хотя ничто ни въ географическомъ, ни въ историческомъ смыслахъ этому не представляло помѣхи. Деревни, показанныя послѣднимъ консуломъ *Солдаи*, непремѣнно должны быть въ числѣ восемнадцати первого списка, и какъ ни удивительны отождествленія *Ortolagam* съ *Paradixii*, *Otaiki* съ *de lo Carlo* и *Sarlana* съ *Sancti Erigni*, но все это приходится признать.

Есть еще деревня, показанная тѣмъ же консуломъ Ди-Негро и тоже, конечно, бывшая въ числѣ восемнадцати—*Marti*¹). Такого имени, или ему подобного, нынѣ вовсе не имѣется, и мнѣ кажется, что это осмысленіе или даже просто описка старого или нового времени; возможно, что *Marti* есть та же *Caprati*—*Арпатъ*, № 8 списка. Вѣроятность этого соображенія подтверждается не только звукоподобиемъ, но и тѣмъ, что жители деревни *Marti* жаловались на самоуправство тѣхъ же братьевъ Гуаско, захватившихъ *Искютъ* и *Шеленъ* и властвовавшихъ тамъ до права примѣненія смертной казни включительно¹). *Арпатъ* (*Marti*) находится по серединѣ пути между этими деревнями и не могъ избѣгнуть судьбы своихъ обоихъ сосѣдей, захваченныхыхъ предпріимчивыми братьями—авантюристами.

Въ той же замѣткѣ Десимони показаны еще деревни, но уже консульства не *Солдаи*, а *Кафы*²). *Отузъ*—безъ сомнѣнія нынѣшній *Отузъ* (тридцать, т.). Странность этого татарского названія давала поводъ утверждать совсѣмъ невѣроятное, предполагая, что въ этой малой и маловодной долинѣ когда-то были тридцать деревень³); генуэзское показаніе, достаточно ясно называющее лишь одну деревню, доказываетъ, что этого никогда не бывало. Въ генуэзскихъ источникахъ къ тому же значится, что *Отузъ* недавно основана, что даетъ время, такъ какъ казначейская запись 1461 г., а это показываетъ, что и до того такое название не могло получиться отъ разселенія тридцати

¹⁾ *Vigna*, оп. с., 414.

²⁾ *Desimoni*, оп. с., 255.

³⁾ *Карауловъ*, Путевод., 4-е изд., 363.

деревень. Предполагаютъ также, что название—тридцать дано потому, что эта деревня находится въ тридцати верстахъ и отъ *Феодосии* и отъ *Судака*; объясненіе остроумное, но, безъ сомнѣнія, татары въ XV вѣкѣ не считали нашими теперешними верстами¹⁾). Въ такихъ объясненіяхъ, впрочемъ, нѣть и надобности, такъ какъ у Татаръ очень употребительны собственные имена изъ числительныхъ, даваемыя и людямъ и мѣстностямъ²⁾.

Далѣе къ востоку Десимони назвалъ еще—*Pefidima* или *Possidima*; теперь здѣсь нѣть деревни; въ этомъ морскомъ заливе, впрочемъ, на первыхъ русскихъ картахъ 1771—80 годовъ, еще показана маленькая армянская деревушка. Десимони все это приравнялъ къ *Генуэзскому порту*, или, что то же, къ бухтѣ *Текіе* (монастырекъ, т.); название позднѣйшее, турецкое, оно показано не только на первыхъ нашихъ картахъ, но и картѣ Кеппена; дано по армянской церкви, находящейся здѣсь недалеко отъ берега; ея развалины еще довольно хорошо сохранились. Прибавлю, что ранѣе эта же бухта называлась *Provato*, *Provanto*; нѣкоторое время она была въ рукахъ Венецианцевъ³⁾). Въ настоящее время это *Двуякорная*, и, что удивительно, у мѣстныхъ рыбаковъ сохранилось ея старинное название—*Prorato*, но въ русскомъ осмысленіи, ее называютъ—*Праватка*, ведя его отъ слова—правая; въ дѣйствительности, оно идетъ изъ греческаго—овца, овчье мѣсто, стада которыхъ и до сихъ поръ встрѣчаются въ этомъ почти безводномъ, безжизненномъ, пустынномъ мѣстѣ.

Междуди *Отузъ* и *Двуякорной* на средневѣковыхъ картахъ помѣщена *Caliera*, *Calitra*, съ разными варіантами; это теперь бухта и деревня *Кокъ-тебель* (синяя вершина, т.), но неизвѣстно, было ли тамъ поселеніе при Венецианцахъ, не долго ею владѣвшихъ, а потомъ Генуэзцахъ.

Наконецъ, Десимони даетъ еще два имени—*Baganda* и *Vonitica*; онъ не говоритъ, что это такое, деревни или что иное. Первое, *Баганда*, своимъ словообразованіемъ соотвѣтствуетъ урочищамъ южнаго берега, т. е. генуэзской *Гомії*, гдѣ ее показалъ и Десимони; только тамъ извѣстны названія урочищъ съ окончаніемъ на- *анда*, *Панда*⁴⁾, *Кунда*, *Оріанда*,

¹⁾ Домбровскій, Очеркъ Феодос. уѣзда, Новоросс. Календ. на 1856 г., 23.

²⁾ Смирновъ, Крымское ханство, 110.

³⁾ Heyd. Hist. du comit. du Levant, II, 201.

⁴⁾ Урочище въ Симеизѣ; съ тѣмъ же именемъ Тацитъ указываетъ рѣчку гдѣ-то на Таманскомъ полуостровѣ (Апн., XII, 16).

Мургунда, Аунда, Марснда. Ни изъ какого мѣстного языка теперь эти названія не объясняются, и Томашекъ, быть можетъ, правъ, говоря, что это слѣды языка древнихъ Тавровъ¹). Эти названія, удержанвшіяся въ длинномъ рядѣ вѣковъ, со времи русскаго владычества, и даже не въ его началѣ, а близъ половины XIX вѣка, начали портить; *Оріанду* стали часто писать—*Орэнда*, а *Марсанду*, довольно обычной перестановкой буквъ и увеличеніемъ свистящихъ, обратили въ неблагозвучную—*Массандру*. Въ доказательство сказаннаго можно привести цѣлые ряды свидѣтельствъ, старыхъ авторовъ и документовъ, но вопросъ мелочной, и я рѣшаюсь думать, что мнѣ и на слово повѣрять. *Vonitica*—название воротъ въ городской стѣнѣ *Кафы*, ведшихъ въ гавань—*porta Vonitiche, vel Filatorum*²).

Относительно округа консульства *Солдаи* слѣдуетъ замѣтить то же, что и для капитанства *Готіи*, т. е. числомъ деревень нынѣ и даже ко времени занятія Крыма онъ много населеннѣе, чѣмъ то было во время Генуэзцевъ. Въ предѣлахъ округа на южномъ склонѣ прибавилось шесть деревень: *Туакъ, Капсихоръ, Ай-Сересъ* (св. Сергій), *Кутлакъ, Кучукъ-Тарақташъ, Токлукъ*; исчезло четыре: *Канака, Ставлу-хора, Карагачъ, Ай-Янъ*; ихъ уже не было при занятіи Крыма. За горами, на сѣверномъ склонѣ, трудно опредѣлить точную сѣверную границу генуэзскихъ владѣній, но по картѣ видно, что поименованныя деревни *Солдайскаго* конс. составляютъ пра-вильную цѣпь, прикрывающую значительное пространство склоновъ горъ, особенно въ верховьяхъ бассейна р. Кара-су. Полагая, что за эту цѣпь не выходили владѣнія Генуэзцевъ, найдемъ, что внутри нея вмѣсто бывшихъ девяти деревень теперь восемнадцать. Въ общемъ, прибавленіе деревень не столь замѣтно, какъ въ *Готіи*, вмѣсто восемнадцати стало двадцать девять, но населенность ихъ, конечно, гораздо больше, такъ какъ деревень съ нѣсколькими жителями всего, уходившими зимовать въ *Солдаю*, вовсе не имѣется.

Это изслѣдованіе пріуроченія средневѣковыхъ деревень предпринято главнымъ образомъ для способствованія установленію границъ различныхъ владѣній. Пока изъ него получилось, совершенно опредѣленно, административное дѣленіе генуэзскихъ колоній. На западѣ консульство *Чембало*—его границы прочно устанавливаются только съ востока, затѣмъ вѣ-

¹⁾ Tomaschek, Die Goten in Taurien, 72.

²⁾ Vigna, Codice diplomatico, I, 355, doc. CL.

роятны море, заливъ *Каламиты* (Севастополь) и Черная рѣчка до горъ; капитанство морского побережья *Готии* — его предѣлы выяснились въ точности со всѣхъ сторонъ; то же можно сказать и о консульствѣ *Солдаи*; консульство *Кафы* опредѣлилось только съ запада, съ сѣвера, вѣроятно, до полу-пути къ *Старому Крыму*, къ востоку морское побережье. Въ дальнѣйшемъ къ этой пограничности еще придется обращаться.

Географическое распределеніе деревень, совмѣстно съ значеніемъ ихъ названій, даетъ возможность получить иѣкоторый намекъ на племенной составъ населенія края, разумѣется лишь въ широкомъ смыслѣ главныхъ теченій. Въ *Тавридѣ* осѣдали, частью, очень многія племена, но къ XIII—XIV вѣкамъ изъ всего этого въ горной части образовалось иѣчто общее, покрытое греческо-византійской культурой. Въ это время въ *Крымѣ* вились большими ордами монголо татары, захватившіе полуостровъ съ сѣвера и востока. Борьба этихъ двухъ теченій обусловила всю жизнь *Тавриды* до русскихъ временъ; въ этомъ смыслѣ даетъ кое-что и пріуроченіе названныхъ деревень. Можно принять, приблизительно, съ случайными исключеніями, что название деревни, объясняемое изъ какого-либо языка, показываетъ и народность, впервые ее населившую. Въ такомъ смыслѣ можно рассматривать и вышеупомянутыя деревни XIV—XV вѣковъ: четыриадцать генуэзской *Готии*, восемнадцать округа *Солдаи* и одну *Кафы*. Въ первомъ отдѣлѣ два названія (*Орианда* и *Кикиненізъ*) сохранились, какъ данныя неизвѣстнымъ народомъ¹⁾, одно указываетъ кочевое племя Аланъ, остальная одиннадцать явно греческаго происхожденія; во второмъ отдѣлѣ пять греческихъ, два неизвѣстныхъ, двѣнадцать татарскихъ; послѣднія восточнѣе и сѣвернѣе *Судака*. Всего на тридцать двѣ деревни двадцать христіанскихъ и двѣнадцать татарскихъ. Отсюда можно видѣть, что еще въ концѣ XIV вѣка татарское влияніе почти не проникало за горы, на югъ, а сами Татары оставались кочевниками, мало вліявшими на основное населеніе, да и проникновеніе ихъ культуры обнаруживается въ слабой мѣрѣ, она только со стороны степи начинаетъ захватывать предгорья. Ко времени русскаго занятія *Крыма*, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ тридцати двухъ деревень только въ двѣнадцати были христіане, выселенные въ приазовскія степи. Вообще на всемъ этомъ пространствѣ приходилось къ концу XVII вѣка шестьдесятъ три деревни, изъ нихъ двадцать три хри-

¹⁾ Кеппенъ, Кр. Сб. 203; будто бы Киркиненізъ — Кругъ.

стіанскихъ и сорокъ татарскихъ. Изъ этого можно заключить, что татарскій языкъ и магометанство, очевидно при усиленномъ вліяніи турокъ, владѣвшихъ и правившихъ всѣми этими землями, получили значительное распространеніе съ XVI по XIX вѣкъ, за счетъ греческаго языка и христіанства, при чмъ это происходило не столько на основѣ відроденія въ первичное населеніе иной народности, сколько вслѣдствіе постепен-наго исchezанія старого языка и вѣры и замѣщенія ихъ новыми въ томъ-же мѣстномъ населеніи. Русское завоеваніе усиленно поспособствовало такому превращенію, и въ деревен-скомъ населеніи горной Тавриды греческая культура, въ смыслѣ языка и вѣры, исчезла на всemъ протяженіи прибрежья, деревни котораго населены исключительно магометанами (кромѣ временныхъ поселенцевъ), считающими своимъ роднымъ языкомъ татарскій. По происхожденію это населеніе очень смѣшанное, по въ немъ всего менѣе татарской крови.

Таково было положеніе края къ началу XIX вѣка, когда завоеванный Крымъ и особенно его южное побережье вошли въ оборотъ русской культуры. Наиболѣе теплый клочокъ за-горной Тавриды, между Ласпи и Узенями, генуэзская Готія, въ татарское время и долго послѣ того, забытый и заброшен-ный съ выводомъ изъ него христіанъ-грековъ, составлявшихъ большую часть населенія, сталъ мало по малу захватываться магометанами; все же къ началу XIX вѣка тамъ было не болѣе трехъ—трехъ съ половиной тысячъ населенія, полуди-каго, едва существовавшаго ничтожными мѣстными произве-деніями, не имѣвшаго ни одной проѣзжей дороги, а только трудно проходимыя выочныхъ тропы, не только черезъ горы, но и по самому побережью; лѣса въ краѣ были выжжены и почти истреблены; единственная культура, служившая для об-мѣна, быль ленъ, высѣваемый на поливныхъ мелкихъ участ-кахъ. Съ той поры русская власть, начиная губернаторомъ Бо-роздинскимъ и генераль-губернаторами Ришелье и Воронцовымъ, а за ними видные русскіе люди и царская семья обратили дикій и пустынный край въ лучшій уголокъ Россіи, покрывъ его дорогами, городами, поселеніями, дачами и самыми высо-ко-цѣнными южными культурами винограда, табаку, плодо-выхъ и украсительныхъ садовъ и парковъ; сбереженные и охраненные лѣса обратились въ драгоценныя рощи. За это вре-мя всячески покровительствуемое и ублажаемое магометан-ское населеніе увеличилось разъ въ десять; еще болѣе и бы-стрѣе возрастало населеніе изъ прѣзжихъ, русскихъ и ипо-

странцевъ, вносишихъ въ край ему невѣдомыя знанія, трудъ и сотни миллионовъ. Всѣмъ этимъ, въ теченіе трехъ четвертей вѣка, достигнута рѣдкая степень благостоянія въ Россіи, указателемъ которой можетъ служить пѣнность земли, еще до войны и общаго крушенія возросшая болѣе чѣмъ въ тысячу разъ сравнительно съ татарскимъ временемъ.

II.

Православныя и уніатскія епархіи, ихъ предѣлы.

Искерпать такой заголовокъ значило бы написать исторію христіанства въ Тавридѣ; ни на что подобное у меня не дстанетъ ни силь, ни времени. Я попробую затронуть здѣсь только нѣсколько сторонъ, такъ сказать, виѣшнихъ, касающихся этихъ епархій, а также представлю для любителей исторіи Тавриды сводъ нѣкоторыхъ справокъ.

Можно сказать, что всякий писавшій по исторіи Тавриды неизбѣжно говорилъ, болѣе или менѣе подробно, и объ епархіяхъ, въ ней бывшихъ. Оставляя въ сторонѣ, какъ слишкомъ мало освѣдомленныхъ, писателей первыхъ временъ послѣ за-владѣнія Крымомъ, укажу ихъ начиная съ Кеппена, собравшаго извѣстныя въ ту пору въ литературѣ свѣдѣнія по этому вопросу. Уже у него встрѣчаются довольно полныя указанія названий епархій, времени ихъ бытія и ихъ предѣловъ, а также и списки ихъ іерарховъ¹). Въ такомъ же родѣ справки, мѣстами нѣсколько пополненныя, можно найти у Мурзакевича²), Хартахая³), Кондараки⁴), Родіонова⁵), Струкова⁶), Гермогена⁷); сочиненій общаго значенія или касающихся одной только епархіи не называю. У всѣхъ сообщаемыя свѣдѣнія сопровождаются разными историческими догадками, указаніями и поясненіями въ цѣляхъ дать возможные намеки на исторію христіанства къ Крыму. Послѣ названныхъ авторовъ появилось не мало

¹⁾ Кеппенъ, Крымск. Сборн.; 1837 г., (по Le Quien, Oriens Christ.); 232, (Херс.); 128—134 (Судг. Фул.); 63—70 (Гот.); 43 68 (Босп.).

²⁾ Мурзакевичъ, Обозр. правосл. іерархіи Нов. края, 372—382, Новорос. Календ. на 1848 г.

³⁾ Хартахай, Христ. въ Крыму, 1864 г., 13, 34—36.

⁴⁾ Кондараки, Ист. Христ. въ Тавридѣ, 1871 г., 16, 18—21.

⁵⁾ Родіоновъ, Статист. хрон. ист. опис. Тавр. епархіи, 1872, 10—40.

⁶⁾ Струковъ, Древн. памятн. христ. въ Тавридѣ, 1876 г., 8—15.

⁷⁾ Гермогенъ, еписк., Таврическая епархія, 1887 г., 137—152.

изслѣдований и новыхъ документовъ, такъ что основныя дан-
ныя могутъ быть пополнены и исправлены, по сколько это
мнѣ доступно, что и дѣлается далѣе.

На пространствѣ горной Тавриды, съ Боспоромъ включи-
тельно, появились одна за другой нѣсколько православныхъ
епархій, такъ что къ началу X вѣка ихъ было пять: Херсон-
ская, Боспорская, Готская, Сугдейская и Фулльская. Всѣ онѣ
подчинялись Константинопольскому патріаршему престолу, въ
спискахъ епархій котораго занимаютъ положенія, опредѣлявшія
ихъ честь и мѣсто, о чёмъ извѣстіе можетъ имѣть значеніе
для разныхъ соображеній, а потому даю въ приложеніи спи-
сокъ А, въ которомъ это указано для времени между VII и
XIV вѣками. Способъ составленія этого списка виденъ въ немъ
самомъ и не требуетъ поясненій.

Ко времени турецкаго завоеванія эти епархіи стали хи-
рѣть, измѣняться въ названіяхъ, сокращаться въ составѣ на-
селенности, что и будетъ показано далѣе. По основнымъ же
епархіямъ представляются въ приложеніи, для каждой въ от-
дельности, списки, по которымъ указываются имена извѣст-
ныхъ іерарховъ, ихъ титулы, время участія ихъ въ какомъ ли-
бо событии и подручный источникъ, изъ котораго взяты эти
свѣдѣнія. Такими списками можно бы и ограничиться, но въ
нѣкоторыхъ случаяхъ желательны къ нимъ разъясненія, давае-
мые вслѣдъ за симъ, съ дополненіемъ указанія источниковъ,
если таковые недостаточно полно показаны въ спискахъ.

а) Х е р с о н с к а я.

Извѣстное о ея іерархіи собрано въ спискѣ Б. Первые
шесть епископовъ помѣщены въ немъ, хотя ни точное время,
ни самая дѣйствительность ихъ пребыванія въ Херсонѣ не бе-
зусловны. Это сдѣлано потому, что вмѣстѣ съ седьмымъ, Ка-
питономъ, время котораго, какъ присутствовавшаго на пер-
вомъ вселенскомъ соборѣ, опредѣляется довольно близко, они
издавна признаются и почитаются, какъ семь священномуче-
никовъ Херсонскихъ¹⁾.

¹⁾ Новѣйшая и наиболѣе полная свѣдѣнія о нихъ:

Л а т ы ш е въ, Житія св., еп. Херс.; Ф р а н к о, Свят., Климент. у
Корсуни, 143—163. Ш е стак о въ, Очерки по истор. Херс., 17—24,
Е г о - ж е, О нач. христ. въ Херс., Сборн. въ честь Ю. А. Кулаковскаго.
Е фремъ едва ли могъ быть въ Херсонѣ.

Въ 1280 году херсонская архієпісконія возведена въ санъ митрополіи, и первымъ митрополитомъ быль по однимъ — Феодоръ, по другимъ — Левъ; такъ какъ возможно, что эти іерархи слѣдовали близко одинъ за другимъ, то въ спискѣ помѣщены оба.

Къ XIV вѣку городъ Херсонъ пришелъ въ совершенный упадокъ, а такъ какъ и сама епархія состояла почти что только изъ одного города, то существование ея іерарховъ не было обеспеченнымъ. Въ 1368 году управление епархіей поручается сосѣднему Готскому, вѣроятно, за неимѣніемъ желающихъ занять Херсонскій престоль; вскорѣ послѣ, неизвѣстный по имени Херсонскій вынужденъ быль бѣдностью, или, быть можетъ, вліяніемъ Генуэзцевъ, овладѣвшихъ его епархіей, захватывать чужие приходы, ведя о нихъ споръ, о чемъ подробнѣ будетъ сказано далѣе. Къ началу XIV вѣка эти приходы возвращены были въ свои епархіи, а митрополитъ Херсонскій, неизвѣстный по имени, вѣроятно послѣдній, рукоположенный въ 1440 году, уже жилъ не въ городѣ, а гдѣ либо въ окрестныхъ деревняхъ, принадлежавшихъ Генуэзцамъ; онъ и самъ быль уніатъ. Въ это время городъ Херсонъ былъ совершенно покинутъ жителями, почему его стѣны и собирались разрушить Генуэзы, во избѣжаніе захвата ихъ врагами¹⁾.

Послѣ того въ теченіе почти двухъ вѣковъ исчезаютъ какія либо извѣстія о Херсонской епархіи, остатки которой, конечно, управлялись сосѣдями, т. е. Готскими. Послѣдніе намеки обѣ этой епархіи оказываются въ Крымскихъ дѣлахъ Арх. Мин. Иностр. Д., гдѣ нашлось указаніе митрополита изъ Крыма, по имени Іосифа, приславшаго грамоту царю въ Москву. Сама грамота не сохранилась, но уцѣлѣли распросы о митрополитѣ, сдѣланные въ посольскомъ приказѣ, въ 1626 году, у бывалыхъ людей²⁾). Прѣзжій изъ Крыма гречанинъ Федоръ Алакозъ показалъ, что Іосифъ живеть тамъ лѣтъ съ восемнадцать (т. е. съ 1608 года), въ Айлѣйскомъ монастырѣ³⁾). Подъ-

¹⁾ Vigna, Codice diplomatico, II, 735, 829, 872.

²⁾ Извѣстіе пристава Ходырева, Крымск. Дѣла, 1626 г., генв. 20, № 3.

³⁾ Не могу пріурочить къ чему либо это имя. Вѣроятно, оно значитъ монаст. св. Ильи, но такого (православнаго) нигдѣ не было въ Крыму, а тѣмъ болѣе въ западной части гдѣ управлялъ митрополитъ Іосифъ. Хартахай (Христ. въ Кр., Памятн. книжка Тавр., 74), называя монастырь „Вайлескій“, пріурочиваетъ его къ Качи-Кальену, безъ малѣйшаго основанія; тамъ никогда никакого монастыря не было, а лишь маленькая церковь во имя св. Анастасіи; во имя окрестныхъ церквей этого времени хорошо извѣстны (Къ ист. Хр. отд. отт., 61—64).

ячій Рахманинъ Болдыревъ, ъздившій въ Крымъ съ посломъ Прончищевымъ, показалъ, что въ это время въ Крыму было два митрополита, одинъ жилъ подлѣ Бахче-сарая въ Георгіевскомъ монастырѣ, а другой близъ Кафы; именъ же онъ не знаетъ¹). Далѣе увидимъ (спис. Е), что близъ Кафы, какъ то точно извѣстно, въ то время, отъ 1616 по 1631, управлялъ митрополитъ Кафскій и Фулльскій -Митрофанъ, а послѣ него Пароеній²), слѣдовательно Іосифу было мѣсто только въ западныхъ епархіяхъ, Херсонской и Готской, что подтверждается также и тѣмъ, что онъ пребывалъ, хотя бы и временно, въ Георгіевскомъ монастырѣ, бывшемъ, несомнѣнно, Херсонской епархіи (двѣнадцать верстъ отъ Херсона, единственный въ это имя). Такимъ образомъ можно видѣть, что Херсонская епархія была уже тогда соединена съ Готской, ибо ими управлялъ одинъ митрополитъ—Іосифъ, котораго и можно помѣстить въ списокъ Херсонскихъ.

Въ тѣхъ же Крымскихъ дѣлахъ не только косвенно, какъ выше, но и прямо, встрѣчается еще другое указаніе давно забытой Херсонской митрополіи. Въ тѣхъ же Крымскихъ дѣлахъ Архива сохранились переводы съ двухъ греческихъ грамотъ, писанныхъ къ царю Михаилу Феодоровичу въ 1636 (1 авг.) и въ 1637 (26 авг.) годахъ. Писаны эти грамоты митрополитомъ Серафимомъ, подписавшимся въ первой—Гератинской и Херсонской, а во второй—Херсонскій и Ератійскій³). Это двойное название представляется необъяснимымъ; можетъ быть именно потому и не рѣшились помѣщать этого іерарха въ спискахъ. Что Херсонскій относится къ епархіи Херсона, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но что значитъ—Гератинской, Ератійскій или Ератинскій (какъ значится въ современной описи первой грамоты), не понимаю. За разъясненіемъ я обращался къ нѣкоторыми нашимъ ученымъ, но безуспѣш-

¹) Ъздилъ въ Крымъ въ 1624 году, второй разъ; Извѣст. Таврич. Учен. Арх. Ком., вып. 15, 25.

²) Въ это время долго жилъ въ Кафѣ, около десяти лѣтъ, миссіонеръ Дортелли, д'Асколи; онъ говорить о греческомъ митрополитѣ, не называя его по имени (Опис. Черн. моря, З. О. О., XXIV, отд. отт., 24, пр. 93).

³) Первая приведена цѣликомъ въ статьѣ „Къ ист. христ. въ Крыму“, Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XXVIII, отд. отт. 80, а во второй дѣло идетъ о посылкѣ царю мощей св. Меркурія. Арх. Мин. Иностр. Д., Крымск. дѣла, 1637, № 24.

но¹). Въ видѣ отдаленой догадки была указана возможность замѣны этими неудобораспознаваемыи именемъ названія со-сѣдней епархіи -- Готейскій, но послѣднее было очень знакомо на-шимъ начетчикамъ, и трудно себѣ представить такую обмолов-ку или описку, по которой Готейскій обратилось въ Ерати-йскій, сравнивая наиболѣе близкія написанія. По существу же это предположеніе вполнѣ вѣроятно. Послѣдній Херсонскій, какъ выше указано, извѣстенъ въ 1440 г., Готскіе же не пре-рывались, кромѣ случайностей, а съ 1639 года извѣстны уже въ безпрерывной послѣдовательности до конца (спис. Г), слѣ-довательно вполнѣ умѣстно и даже единственно возможно бы-ло митр. Серафиму быть Готскимъ до 1639 года, а титулъ Херсонскаго писался по старымъ воспоминаніямъ. Изъ его гра-моты видно, что онъ былъ въ Крыму съ 1626 года по 1637 и даже вѣроятно по 1639 г., когда Готскимъ, но уже безъ на-именованія Херсонскимъ, былъ назначенъ Анонимъ.

При Серафимѣ имѣемъ послѣдній проблескъ древняго име-ни Херсона, никогда болѣе не упоминаемаго; остатки же этой епархіи, какъ видимъ, слились съ Готской, что послѣдовало еще съ конца XV вѣка, и только упоминаніе имени Херсона проскальзывало иногда до половины XVII вѣка.

б) Боспорская.

Вторая послѣ Херсонской, по мѣсту въ росписяхъ; ея представитель былъ уже на первомъ вселенскомъ соборѣ. Въ тѣхъ же росписяхъ она значится непрерывно во всѣхъ, даже еще и въ XIV вѣкѣ (спис. А.). Не смотря на такое долгое существование епархіи, число извѣстныхъ въ ней іерарховъ очень мало (списокъ В), да и тѣ относятся къ первымъ вѣ-камъ; послѣ IX вѣка нельзя назвать ни одного имени. Можетъ быть, въ позднихъ росписяхъ эта епархія показывалась лишь по старой памяти, а въ дѣйствительности ея не было, или епи-скопы назначались туда рѣдко. въ зависимости отъ смѣнны вар-

¹) Объясненіе, данное Хартахаемъ (Христ. въ Крыму, отд. отт. 13-14), не пріемлемо; по немъ „Ератинскій“ есть будто бы русское написаніе „Eratost“, въ свою очередь ошибочно указанного вмѣсто „Dorantos“. Но грамота была писана по гречески, и не въ ней могла быть сдѣлана такая ошибка, да и прибавка Дорантскій извѣстна у Херсон-скаго только одинъ разъ на тысячу лѣтъ ранѣе въ подписи Трульска-го собора 692 года (Le Quien, Oriens Christ., I, 1330), т. е. прежде образованія Готской епархіи, послѣ чего ея не могли повторить.

варскихъ населеній этого далекаго угла Тавриды. Никакихъ поясненій къ именамъ этого списка давать не приходится; можно только замѣтить, что въ немъ не помѣщены иногда показываемые Феофилъ, Вульфила и Селиній, но они были готскими епископами въ Малой Скиѳіи (Томи), а не въ Тавридѣ¹⁾. Относять ихъ сюда потому, что Боспорская съ самаго начала также была и готской въ томъ смыслѣ, что въ ея вѣдѣніи состояли остатки Готовъ въ Тавридѣ, по малочисленности своей не имѣвшіе вначалѣ самостоятельной епархіи: Иоаннъ Златоустъ посыпалъ для Готовъ епископа (Унилу въ 397—404 г.) на Боспоръ, и нѣтъ повода думать, чтобы дѣло обстояло иначе, вплоть до образования особой Готской епархіи въ западной Тавридѣ.

в) Г о т с к а я .

Образована значительно позже первыхъ двухъ, что известно исторически и видно по росписямъ (спис. А). Въ концѣ VII в. страна Таврической Готіи еще числилась въ Херсонской епархіи, епископъ который подписался на соборѣ 692 г. Херсонскимъ и Дорантскимъ, по имени города (Дороѳѣ-Ѳеодоро)²⁾, главнаго въ готской странѣ. Во всякомъ случаѣ, ко второй половинѣ VIII вѣка эта епархія уже существовала и продержалась болѣе тысячи лѣтъ, до вывода христіанъ изъ Крыма въ концѣ XVIII вѣка. Извѣстій объ именахъ ея іерарховъ можно было собрать довольно много, а въ послѣдніе два вѣка они даже идутъ непрерывной чередой (спис. Г.). Однако, для самаго начала епархіи имѣется крупное недоразумѣніе, требующее поясненій.

Де-Бооръ издалъ особую роспись епархій, въ которой значится и Готская. Самъ Де-Бооръ относилъ окончательное составленіе этой росписи къ VIII вѣку и даже, еще точнѣе, къ времени немного ранѣе седьмого вселенского собора (787 г.); но онъ признаетъ также, что не всѣ ея свѣдѣнія одновременны и все касающееся Тавриды внесено въ роспись по даннымъ болѣе ранняго времени, а именно начала VI вѣка или, вообще говоря, времени Юстиніана Вел. Послѣднее соображеніе высказано кратко, безъ какихъ либо доказательствъ, съ большою осторожностью и сомнѣніемъ, какъ простая догадка. Главнымъ

¹⁾ Васильевскій, Жит. Иоанна Готскаго, Труды, II, 367—370; Арсеній, Готская епархія въ Крыму, Ж. Мин. Нар. Пр., 1873, январь, 63.

²⁾ Le Quien, Oriens Christ., I, 1330, 589.

образомъ все оно основано на томъ, что нашествіе Аваръ должно было смести всѣ епископіи Тавриды, которая уже будто бы не могли образоваться позже, и вотъ почему время указаній росписи для этой страны онъ устанавливаетъ раньше¹). Не могу тутъ же не замѣтить, что это нашествіе Аваръ²) ни сколько не помѣшало гораздо позже образоваться Сугдейской и Фулльской епархіямъ.

Ю. А. Кулаковскій, разбирая свѣдѣнія этой росписи, относящіяся къ Готской епархіи, доказалъ, что соображенія Де-Боора относительно Таврическихъ епархій явно ошибочны и что видѣть тамъ Готскую епархію ранѣе Юстиніана или при немъ въ такомъ видѣ, какъ показываетъ роспись, нѣтъ никакой возможности; отсюда слѣдуетъ, что если время общаго состава росписи опредѣлено Де-Бооромъ вѣрно, то и ея таврическія указанія должны относиться не къ болѣе раннему, а къ общему времени составленія, т. е. тоже ко второй половинѣ VIII вѣка³). Въ виду высокаго научнаго значенія мнѣнія Ю. А. Кулаковскаго, къ этому времени и отнесена роспись Де-Боора (въ спискѣ А). Однако, можетъ быть, если бы былъ пересмотрѣнъ вопросъ общаго времени составленія росписи, то и оно оказалось бы инымъ, чѣмъ то утверждаетъ Де-Бооръ; такой пересмотръ мигъ не по силамъ, но относительно ся Таврической части, кажется, позволительно думать, что не только въ половинѣ VIII вѣка, но и гораздо позже также невозможна такая епархія, какъ и при Юстиніанѣ.

По этой росписи Готская епархія является обставленаю никогда ни до того, ни послѣ не слыханными предѣлами чести, власти и пространства: ея іерархъ въ рангѣ митрополита; ему подчинены семь епископовъ; занимаютъ они не только почти всю Тавриду, но и далѣе земли на востокъ, до Волги включительно. Можетъ быть, въ самомъ существѣ это покажется не мнѣ одному мало вѣроятнымъ, а вопросъ важный, потому и рѣшаюсь представить нѣсколько соображеній. Въ основу обсужденія можно положить, что столь обширная епар-

¹⁾ De Boor, *Nachtrage zu den Notitiae Episcopat.*; II, № 44, 85—87, 645—653. III, 589—590, 573 *Zeitschr. für Kirchengesch.*, XII, XIV.

²⁾ Нашествіе Аваръ могло коснуться Тавриды около 560 г., но прямыхъ извѣстій объ ихъ приходѣ въ эту страну нѣтъ вовсе. Кулаковскій, Ист. Виз., II, 230—232; Его-же, *Прошлое Тавриды*, 63—64, 2 изд.

³⁾ Кулаковскій, Къ исторіи Готской епархіи въ VIII вѣкѣ, Ж. Мин. Нар. Пр., 1898, № 2, 177—178.

хія, съ разнообразійшимъ по племенному составу населе-
ніемъ, не могла появиться сразу во всемъ свомъ объемѣ, так-
же какъ не могла и исчезнуть одновременно и безслѣдно. Воз-
вышеніе епархіи на степень митрополіи съ подчиненными епи-
скопами и паденіе ея до предѣловъ той маленькой, исключи-
тельно Таврической архіепископіи, извѣстной по всѣмъ роспи-
самъ до конца XIII столѣтія, когда она была повышена въ
митрополію, оставаясь въ тѣхъ же предѣлахъ, требовало зна-
чительного времени и едва ли ускользнуло бы отъ всякихъ
историческихъ свидѣтельствъ, какъ могло случиться съ чѣмъ
либо мелкимъ и скоропреходящимъ. Имѣя это въ виду, мож-
но набрать цѣлый рядъ свидѣтельствъ противъ догадки Де-
Боора, отодвигающихъ показанія его росписи времени Юсти-
ніана, и даже отъ конца VIII вѣка.

Рядъ превосходныхъ доказательствъ, представленныхъ Ю.
А. Кулаковскимъ, убѣждающихъ въ недопустимости такой Гот-
ской епархіи для времени Юстиніана, повторять не приходит-
ся. Можно къ тому же времени еще сказать, что нѣтъ пово-
да думать, будто Хазары, упоминаемые въ припискѣ къ рос-
писи, были извѣстны Византійцамъ въ Тавридѣ, или даже во-
обще были въ ней подъ такимъ именемъ уже и во время
Юстиніана. По одному этому невозможно Таврическую часть
росписи счесть старше владычества Хазаръ въ Тавридѣ, т. е.
половины седьмого вѣка, когда они тамъ появились подъ этимъ
именемъ¹⁾.

Идя далѣе, находимъ нѣсколько росписей епархій, не од-
новременно составленныхъ, но для Тавриды повторяющихъ
одинъ и тотъ же источникъ, всего ранѣе выраженный въ рос-
писи № VII, идущей отъ конца VII или начала VIII вѣка; въ
этихъ росписяхъ въ Тавридѣ показаны, и то въ рангѣ архі-
епископовъ, только двѣ епархіи, Херсонъ и Боспоръ (по мѣсту
24 и 25-я спис. А), стало быть Готской еще не было. О томъ,
что Боспорская не была Готской въ смыслѣ росписи, говоре-
но выше, при разсмотрѣніи списка Боспорской епархіи.

Между автокефальными епископами въ росписи Де-Боора
на 30-мъ мѣстѣ показана и Сугдея (на 28 и 29-мъ Херсонъ и
Боспоръ), но въ этой епархіи, если не первымъ епископомъ,
то весьма близко къ тому, былъ св. Стефанъ Сурожскій, и
начало этой епархіи нельзя считать ранѣе начала VIII вѣка, а

¹⁾ Кулаковскій. Прошлое Тавриды, 2-е изд. 65; Васильев-
скій, Р.—Виз. Изслѣд., II, CLXXIII; Его-же, Труды, II, Жит. Иоанна
Готск., 388.

значить не ранѣе и поэтому составленіе росписи Де-Боора въ ея Таврической части¹⁾.

Отъ второй половины VIII вѣка, т. с. именно времени, указываемаго Де-Бооромъ для всей росписи, имѣются хотя и не прямая, но ясная свидѣтельства житій Иоанна Готскаго и Стефана Сурожскаго. Изъ нихъ видно сомнѣнія, что въ эту пору Готская епархія была архіепископіей, а не митрополіей и свои предѣлы видѣла только на маленькомъ клочкѣ Тавриды, на ряду съ епархіями Херсона, Боспора и Сугдѣи. Нельзя же допустить, что въ это время епархію могли понизить изъ недавно даннаго ранга митрополіи, введя ее въ ничтожные предѣлы. Съ Хазарами Иоаннъ Готскій имѣлъ только политическая столкновенія, но ни въ какомъ случаѣ не былъ главою ихъ не существовавшихъ епископовъ, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы даже епископъ Хотцировъ, „близко соѣдній“ съ Фуллами, да и всѣ другіе, ничемъ не проявили себя, когда ихъ митрополитъ сидѣлъ въ заточеніи въ Фуллахъ. Слѣдовательно, невозможно видѣть обширную Готскую епархію съ хазарскими епископами и во второй половинѣ VIII вѣка, т. е. во время жизни Иоанна Готскаго.

На самомъ седьмомъ вселенскомъ соборѣ Готская епархія также зовется не митрополіей, а только архіепископіей; хотя Де-Бооръ и говоритъ, что ея представитель подписывался вмѣстѣ съ митрополитами и наиболѣе почтенными архіепископами, но на ряду съ нимъ подписывался и Сугдейскій, всегдашній соѣдь Готскаго по мѣсту и чести²⁾. Не только здѣсь, но и во всѣхъ извѣстныхъ росписяхъ эти двѣ епархіи, пока были архіепископіями, т. е. до конца XIII вѣка, стоять всегда рядомъ, а такъ какъ Сугдейская основана въ началѣ VIII вѣка, то и образованіе Готской должно быть ей близко по времени. Около 730—740 годовъ хазарскій хаканъ и вельможи приняли еврейство, и это время едва ли было удобно для учрежденія въ тѣхъ же мѣстахъ нѣсколькихъ епископствъ, особенно въ хазарской столицѣ³⁾.

Путешествіе Константина Философа въ половинѣ IX вѣка вызвано особымъ посольствомъ Хазарь, цѣлью которого было

¹⁾ Васильевскій, Р.—Виз., Изслѣд. II, CLXXIV, CCXXVIII; Аренсій, Готск. епархія, Ж. Мин. Н. Пр., 1873, янв. 66, прим. I.

²⁾ De-Boor, пр. с., 522, 587, 588; Васильевскій, Р.—Виз. Изслѣд., II, CLXXV.

³⁾ Гаркави, Замѣтка о Сангари (Бильб., Кир. и Меѳод.), II, 379; Хвольсонъ, Сборн. Евр. Надпис. 435.

ихъ желаніе познакомиться съ христіанствомъ и услышать людей, могущихъ состязаться съ мудрствованіями иныхъ вѣрованій; но можно ли думать, что подобныя мысли высказывали представители народа, уже будто бы съ давнихъ поръ (по росписи де Боора съ VI вѣка) имѣвшаго своихъ православныхъ епископовъ. Столъ же мало вѣроятно, чтобы Константина послали къ совершенно чуждому ему народу, когда было такъ просто поручить разрѣшніе всѣхъ вопросовъ мѣстнымъ хазарскимъ епископамъ, если они были, знаяшимъ и свой народъ и его языкъ. Неизвѣстно въ точности направлѣніе и конечная цѣль пути Константина, но навѣрное онъ шелъ въ сторону Азовскаго моря, Дона и Волги, т. е. по территории якобы Готской митрополіи, и однако Константинъ єдетъ черезъ Херсонъ, а не Готію, при чемъ имѣеть дѣло съ Херсонскимъ, а не Готскимъ іерархомъ, о которомъ вовсе и не упоминается ни въ началѣ поѣздки, ни на обратномъ пути. Возможно ли это? Въ Херсонѣ пришлось Константину на долго остановиться для подготовки къ поѣздкѣ, особенно для изученія языка страны, въ которую онъ єхалъ; затѣмъ, все путешествіе, весь разсказъ о немъ явно подчеркиваютъ первичность христіанской проповѣди въ тѣхъ странахъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что и успѣхъ проповѣди Константина былъ весьма не великъ и не повель къ чему-либо прочному; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы онъ оставилъ послѣ себя церковное устройство, а указаній на эту важнѣйшую сторону дѣла не пропустили бы, если бы было къ тому какое-либо основаніе. Изъ отсутствія такихъ указаній и всего прочаго неизбѣжно приходится вывести, что Константинъ не нашелъ христіанскихъ епархій въ Хазаріи или по дорогѣ и послѣ себя ихъ не установилъ. Въ бытіи хазарской поѣздки Константина нѣть повода сомнѣваться, но для настоящаго случая эта сторона вопроса не имѣеть и значенія; даже предполагая, что все сообщеніе, вообще и въ частностяхъ, выдумано, то и тогда заключеніе будетъ то же самое: выдумывали вѣдь сообразно съ истиннымъ положеніемъ вещей, а оно, очевидно, таково, что и рѣчи быть не можетъ въ половинѣ IX вѣка, какъ и ранѣе, о существованіи Готской митрополіи съ хазарскими епископами¹⁾)

¹⁾ Бодянскій, Чт. Общ. Ист. и Др. Р., 21—22; Будиловичъ, О греко-славянской дѣятельности Кир. и Меѳод., Сборн., 28, 30, 31. Константинъ передъ поѣздкой изучалъ въ Херсонѣ какой-то языкъ, можетъ быть именно хазарскій (Бильбасовъ, Кир. Меѳ. Сб., Итал. лег. II, 23, 163, 165); какой бы онъ ни былъ, несомнѣнно, что въ его

Отъ начала X вѣка известна новая просьба Хазаръ, на этотъ разъ уже прямо о посвященіи имъ епископа, вполнѣ согласующаяся съ вышеуказанными сомнѣніями; но и эту просьбу, по письму 919—920 года патріарха Николая Мистика (вторично съ 911 по 925), долженъ былъ удовлетворить не Готскій владыка, который и тутъ никакого участія не принимаетъ, а все тотъ же Херсонскій, именно онъ самъ лично. По всѣмъ соображеніямъ, іерархи этой епархіи были главными проводниками христіанства у Хазаръ во всѣ времена, такъ же, какъ ихъ епархіальный городъ былъ мѣстомъ всякихъ политическихъ съ ними сношеній¹). О. И. Успенскій видѣтъ именно въ эту пору назначеніе впервые епископа для хазарской церкви²), чemu не можетъ служить помѣжъ нѣкоторое ослабленіе хазарского политического могущества; въ такія времена всего легче вводятся новыя вѣрованія. Ничего удивительного не было бы даже и въ томъ, что хазарскіе епископы впервые появились послѣ совершенного исчезновенія политическаго значенія хазарской державы. Хазары, какъ народъ, не исчезли вмѣстѣ съ своимъ правителствомъ; и они сами и ихъ имя пережили хазарское государство на многіе вѣка; не безъ нѣкотораго основанія даже въ современныхъ караимахъ видѣть ихъ остатокъ. Всего естественнѣе допустить, что Хазары стали принимать христіанство вслѣдъ за побѣждавшими ихъ народами или совмѣстно съ ними, когда уменьшилось или и вовсе исчезло влияніе на народъ его хагановъ и вѣльможъ, исповѣдовавшихъ еврейство, а потому, при всей ихъ вѣротерпимости едва ли могшихъ благосклонно помогать развитію христіанства. Подтвержденіе сказанному находимъ отчасти и въ томъ, что ни въ одной росписи епархій не имѣется указаній на какихъ бы то ни было хазарскихъ іерарховъ; даже сама Хазарія въ смыслѣ страны упоминается тамъ сравнительно поздно и рѣдко, всего два раза (росписи № V, IX вѣка и Нила Доксопатрія, 1143 г.³); но еще и въ XIII вѣкѣ патріархъ Германъ II, перечисляя народы, исповѣдующіе православіе, называетъ между ними Го-

незнаній заключалось важное препятствіе поѣздкѣ и проповѣди и что для преодолѣнія этой трудности приходилось выбирать особенно способного человѣка, а ему тратить много времени; ничто подобное не было надобно при существованіи хазарскихъ епископовъ.

¹⁾ Григоровичъ, Историческ. намеки о значеніи Херсона, 1002, 1006, 1009.

²⁾ Успенскій, Визант. владѣнія на сѣв. берегу Черн. моря въ IX и X в., отд. отт. 31—32.

³⁾ Parthey, op. c. not. V, № 28; Not. Nil. Doxopatr., № 223.

товъ и Хазаръ¹). Въ сказаніи о Стефанѣ Новомъ говорится, что во время гоненія на иконы при Константииѣ Копронимѣ, въ 765 году, одинъ изъ исповѣдниковъ православія, сосланный въ Херсонъ, бѣжалъ въ Хазарію, „иде же епископъ поставленъ бысть“, но тутъ подразумѣвается не настоящая Хазарія, а Боспоръ²). Хазарію здѣсь слѣдуетъ понимать, какъ политической терминъ, въ широкомъ смыслѣ страны, бывшей подъ властью Хазаръ; въ такомъ же смыслѣ еще очень долго, многіе вѣка, Хазаріей именовали весь южный берегъ Крыма, хотя въ немъ владычество Хазаръ давно исчезло. Такое пониманіе подтверждается тѣмъ, что и самъ Стефанъ Новый, казненный въ томъ же 765 году, передъ разгаромъ гоненія совѣтовалъ собратьямъ-монахамъ уходить въ тихія области, лежащія вѣкъ иконоборческаго вліянія, и между таковыми называлъ Тавриду, а въ ней, согласно съ росписями Зикхійскія епархіи, Херсонъ и Боспоръ, а далѣе Никопсію и даже Готію низменную (т. е. придунайскую), но не сказалъ ни слова о Готіи Таврической или Хазарії³).

Было высказываемо, что въ X вѣкѣ, при Николаѣ Мистикѣ, дѣло идетъ о посылкѣ епископа къ Хазарамъ приධѣпровскимъ, а слѣдовательно это не мѣшаетъ предполагать, что у волжскихъ и таврическихъ Хазаръ епископы были и раньше⁴). Такое объясненіе ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждается, и не легко себѣ представить, какъ могло случиться, что Хазары, имѣя въ Тавридѣ и на Волгѣ епископовъ, надумали попросить такого на Днѣпрѣ только черезъ два вѣка, да и въ поиски за нимъ отправились въ далекій Цареградъ, гдѣ на это посмотрѣли, какъ на нѣчто небывалое, и направили все дѣло не къ хазарскимъ епископамъ, а все въ тотъ же Херсонъ.

Между епископіями, подчиненными Готскому, по росписи Де-Боора значится послѣднею и Таматарха. Нѣть сомнѣнія, что это та же Матрахѣ⁵), но ни по одной росписи не извест-

¹) Арсеній, Готская епархія, 66; Арсеній, Лѣтопись церковныхъ событій, 465.

²) Васильевскій, Русско-Виз. Извлѣд., II, CCXXIII—CCXXIV; Арсеній, Лѣтопись ц. соб., 284.

³) Васильевскій, Труды, II, 325, Жит. Стеф. Нов. Ж. Мин. Н. Пр., 1877, Іюнь, 307—308, 328. Кулаковскій, Прошлое Тавр. 2 изд., 72—73. Указанную Стеф. Нов. Готію почитаютъ Таврической, но называть низменной горную страну Тавриды едва-ли было удобно, да и по общему смыслу такое объясненіе мнѣ не кажется подходящимъ.

⁴) Григоровичъ, Истор. намеки о знач. Херс., 1003.

⁵) Кулаковскій, Къ истор. Готск. епарх., Ж. М. Н. Пр. 1898, II, 185.

на эта епархія ранѣе XI вѣка¹). Отсюда можно бы заключить, что и таврическая часть росписи Де-Боора писана не ранѣе этого времени. Но здѣсь есть еще иное недоразумѣніе, никакимъ сомнѣніемъ во времени не объясняемое. Какъ могли такую епархію подчинить чужому и далекому Готскому, устроивъ черезполосицу, когда рядомъ съ Матрахой была старѣйшая епархія Боспорская, съ отдаленнѣйшихъ временъ бывшая въ самыхъ близкихъ сосѣдскихъ сношеніяхъ съ Таматархой (Тамань).

Въ концѣ росписи Де-Боора сдѣлана приписка, особенно важная для топографическихъ соображеній о мѣстахъ Тавриды, такъ какъ въ ней названы Фуллы, рѣчка Кара-су и проч. Подробно обѣ этомъ ниже, а здѣсь замѣчу лишь, что все это никакъ не отвѣчаетъ представленію о раннемъ составленіи росписи, но это недоразумѣніе можетъ объясняться сдѣланіемъ приписки позднѣйшей рукой²). Можетъ быть, графически это и такъ, но по своему смыслу приписка имѣетъ видъ не позднѣйшей вставки, а вполнѣ современного росписи объяснительного примѣчанія; очевидность такого пониманія можно доказать внѣшними признаками. Готская митрополія росписи Де-Боора въ ея началѣ, въ общемъ спискѣ митрополій, стоить подъ № 37, но далѣе, въ подробномъ спискѣ, гдѣ только и упомянуты подчиненная ей епископія, по двумъ изъ которыхъ даетъ объясненіе приписка, та же митрополія, неизвѣстно почему, обозначена № 38, и если бы приписка была позднѣйшей по существу, то она повторила бы именно этотъ номеръ подробнаго описанія, къ которому даетъ объясненія, а между тѣмъ она указываетъ на № 37 краткой вѣдомости, явно выдавая этимъ если не руку, то мысль первоначального составителя всей росписи. Изъ сказанного можно думать, что не только приписка сдѣлана, но и вся роспись составлена очень поздно, лицомъ, вѣроятно, близко знакомымъ съ Тавридой и въ особенности съ Готскою епархиєю, можетъ быть тамошнимъ уроженцемъ, а потому и придавшимъ ей или думавшимъ придать значеніе гораздо большее, чѣмъ то подобало, съ прибавкой замѣчаній, ничтожныхъ въ смыслѣ общаго назначенія росписи и къ тому же сдѣланныхъ единственно по двумъ, инымъ путемъ совершенно неизвѣстнымъ, мелкимъ, подчиненнымъ епископіямъ. Такжѣ, какъ по припискѣ, такъ и по са-

¹⁾ Partheу, op. c., pot. II, № 122.

²⁾ Васильевскій, Р.—Виз. Исл., II, СССII, прим. 4.

мой росписи можно было бы представить много разныхъ недоумѣній, но это выходить изъ смысла настоящаго изслѣдованія.

Итакъ, цѣлый рядъ свидѣтельствъ, столь тѣсно сближенныхъ, что между ними едва ли могъ проскочить столь громоздкій укладъ, какъ Готская митрополія, съ семью епископами и владѣніемъ до Волги включительно, удостовѣряютъ, что не только при Юстиніанѣ В., но и вплоть до начала X-го и даже конца XI-го вѣка нѣтъ такого времени, въ которое была бы допустима такая митрополія, а отсюда можно заключить, что эта часть росписи внесена въ нее по даннымъ гораздо болѣе позднимъ и даже, повидимому, лишь предполагаемымъ, а не дѣйствительно бывшимъ. Самъ Де-Бооръ указываетъ, противорѣчія, ничѣмъ неустранимыя,---ихъ даже больше, чѣмъ имъ указано,---объясняя ихъ тѣмъ, что составитель, неофиціальное лицо, черпалъ безъ разбора изъ разныхъ источниковъ, составляя документъ частнаго значенія¹⁾. Все это позволяетъ думать, что пока весь составъ росписи подвергнется тщательному, подробному разбору, до тѣхъ поръ ею пользоваться нельзя, почему здѣсь въ списокъ Готской епархіи ея показаніе и не введено. Къ остальному въ списокѣ Готской епархіи надобно прибавить немного объясненій.

Въ началѣ XVII вѣка показаны два митрополита, Іосифъ и Серафимъ, о которыхъ даны всѣ поясненія въ спискѣ епархіи Херсонской, какъ носившихъ и это название, но они показаны и здѣсь, потому что если и не звались Готскими, то все же правили этой епархіей.

Съ 1639 года идутъ имена Готскихъ іерарховъ непрерывно, съ точно извѣстнымъ временемъ начала и конца ихъ правленій; всѣ они извѣстны по списку, на татарскомъ языке, найденному Хартахаемъ²⁾. Этотъ списокъ, безъ сомнѣнія, точенъ, хотя бы уже потому, что въ немъ обозначены не только годы, но даже и дни мѣсяцевъ назначенія іерарховъ; кромѣ того, для нѣкоторыхъ митрополитовъ есть показанія и изъ иныхъ источниковъ, совершенно согласныя съ данными списка. Встрѣчается только одно недоразумѣніе въ самомъ началѣ этого ряда митрополитовъ; первый изъ нихъ—Антоній показанъ съ 1639 года, безъ точнаго числа мѣсяца, но у Сафы его назна-

¹⁾ Де-Боог, оп. с., 574—375, 577—578.

²⁾ Хартахай, Христіанство въ Крыму, 36.

ченіе показано съ 28 октября 1642 г.¹⁾). Согласованіе этихъ по-
казаний можетъ быть въ томъ, что Аноімъ сначала былъ по-
сланъ только управлять епархіей, а возведеніе въ санъ митро-
полита позже. Онъ былъ низложенъ, а его замѣститель у Са-
фы названъ Даніломъ и тутъ же рядомъ Давидомъ²⁾; съ по-
слѣднимъ именемъ онъ и внесенъ въ списокъ Г., потому что
Давидомъ названъ и у Хартахая.

Въ 1678 году съ Готской епархіей соединена Кафская, съ
прибавленіемъ и ея названія; о ней ниже.

Послѣдній въ рядѣ митрополитовъ Готскихъ и Кафскихъ
— Игнатій, въ 1778 году вышелъ съ паствой изъ Крыма на
берега Азовскаго моря. Онъ умеръ въ 1796 г. и погребенъ
въ Маріуполѣ, а на его надмогильной плите вырѣзано неожи-
данно-удивительное показаніе — онъ названъ 24-мъ митрополи-
томъ Готскимъ и Кафскимъ³⁾). Собственно съ такимъ двойнымъ
названіемъ онъ былъ седьмымъ, что извѣстно съ безусловною
точностью, а не 24 (спис. Г). Если же предположить, что эта отъ-
счетъ относится къ старѣйшей части названія, т. е. къ Готско-
му, то хотя мы и не имѣемъ даже близко полнаго списка Гот-
скихъ іерарховъ, но, конечно, за время долгаго непрерывнаго су-
ществованія этой епархіи, съ начала VIII в. по конецъ XVIII, болѣе
тысячи лѣтъ, ихъ насчитывалось въ четыре-пять разъ больше;
даже въ рангѣ митрополитовъ Готскіе состояли съ конца XIII
вѣка, и, слѣдовательно, за пятьсотъ лѣтъ, по конецъ XVIII в.,
ихъ перебывало, конечно, гораздо болѣе 24-хъ. Гедеонъ, быв-
шій черезъ одного, Аноіма, ранѣе Игнатія, тоже названъ 22
и также безъ указанія, откуда это заимствовано;⁴⁾ возможно,
что такое преданіе сохранилось въ епархіи и на чёмъ либо ос-
новано, но ни изъ чего не видно, на чёмъ именно. Очень бы-
ло бы важно узнать, какимъ путемъ получилось свѣдѣніе над-
гробной надписи и о. Серафимова, но розыски въ этомъ на-
правлениі мнѣ недоступны. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что
это просто чье либо случайное воспоминаніе, столь же невѣр-
ное, какъ и указаніе на той же плите выхода паства Игнатія
изъ Крыма въ 1777 году, тогда какъ это было въ 1778⁵⁾.

¹⁾ Σάνα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη Επιστασία, τομ. I, Περιλήψις Πατρ. Εγγράφων (1538—1684), 576.

²⁾ Σάνα, оп. с., 587.

³⁾ Тимошевскій, Маріуполь, 101.

⁴⁾ Серафимовъ, Замѣтки о Гот. епарх., З. О. О., VI.

⁵⁾ Къ истор. христ. въ Крыму, З. О. О., XXVIII, 21, прим. З., да-
ны подробныя объясненія.

г. С у г д е й с к а я.

Образована въ началѣ VIII вѣка; все къ ней относящееся показано въ спискѣ Д.

Въ 1156 году присоединена къ Сугдейской епархіи Фулльская, съ сохраненіемъ ихъ общаго названія, съ которымъ епархія и была возведена въ митрополію въ 1282 году¹⁾.

Въ Сугдѣскомъ Синаксарѣ указываются имена шѣкоторыхъ архіепископовъ безъ обозначенія времени²⁾: четверо, посвѣвшихъ название Сугдѣскихъ, показаны въ спискѣ выше 1156 г., а трое, называвшихся Сугдео-Фулльскими, ниже этого года. Въ 1400 году епархія считалась обильной, при назначеніи туда Феофилакта изъ Перги и Атталіи³⁾), но не задолго до того Сугдѣя попала во власть Генуэзцевъ, и ихъ стараніе принизить городъ, въ пользу Кафы, лишивъ его какого либо торговаго значенія, а затѣмъ послѣдовавшее чуть не поголовное истребленіе жителей Сугдѣи и ея деревень при взятіи Турками въ 1475 г., привели епархію, оставшуюся безъ пастыри, къ полному упадку. Въ 1484 году тамъ еще былъ митрополитъ, но, вѣроятно, послѣдній⁴⁾). Сосѣди, Готскій и особенно Кафскій, расхватали всѣ деревни епархіи, и хотя патріархъ Митрофанъ III, въ 1566 году, посыпалъ туда саккларія изъ своей Кафской ставропигіи въ качествѣ экзарха, но только для управлениія десятью деревнями, не возстановляя самой епархіи⁵⁾.

Вскорѣ послѣ, въ 1578 году, хотя и былъ въ Судакѣ архіерей, но случайно-заѣзжій⁶⁾), епархія была подѣлена между Кафскимъ и Готскимъ; къ первому, очевидно, и отошли вышеупомянутыя десять деревень, конечно, ближайшія къ Кафѣ, но въ точности, какія именно, не известно; приблизительно можно судить по списку деревень Солдайскаго консульства, указанныхъ въ I главѣ.

д) Ф у л л ь с к а я.

(Православная и униатская).

Никакого списка православныхъ іерарховъ этой епархіи нельзя было составить, потому что ни одного изъ нихъ именъ

¹⁾ Васильевскій, Р.—Виз. Издл., II, CLXXVI.

²⁾ Синаксарь, № 85, .94, 121, 145 и 18, 99, 130, З. О. О. т. V.

³⁾ Miklosich, Act. Patriarch., II, DLXXIV.

⁴⁾ Арсеній, Лѣтоп. церк. событий, 577, 673 примѣч.

⁵⁾ Тр. VI Арх. Съѣзда въ Одессѣ, Documents patriarch. II, 178, 179.

⁶⁾ Вгонiovii, Tartar. Descript. Col. Agr., 1596, 10.

не извѣстно, но такъ какъ судьбы этой епархіи были весьма многообразны, то и объясненія дать необходимо, тѣмъ болѣе, что самая главная ихъ сторона остается какъ бы неизвѣстной.

Когда именно основана православная Фулльская епархія, въ точности не указывается, но, разумѣется, не ранѣе хазарской поѣздки Константина Философа. Въ росписяхъ епархій она появляется впервые при Лѣвѣ VI Мудромъ въ концѣ IX вѣка, на 48 мѣстѣ, а далѣе, какъ показано въ спискѣ А. Вездѣ эта епархія стоитъ сейчасъ вслѣдъ за Сугдеей, а та за Готіей, что вполнѣ отвѣчаетъ извѣстіямъ о времени ихъ образования.

Около 1156 года Фулльская была соединена съ Сугдейской, затѣмъ обѣ вмѣстѣ были возведены въ митрополію, какъ только что показано выше¹⁾). Предполагается, что Фулльская до возведенія въ митрополію соединенной епархіи, была еще разъ самостоятельной въ теченіе какого-то краткаго времени, но это сомнительно и основано на томъ, что въ росписяхъ № X и Нила Докс. Фуллы показаны отдѣльной епархіей; но такъ и должно быть, потому что и сами эти росписи ранѣе 1156 года, времени соединенія епархій²⁾); кромѣ того, въ росписи XIII вѣка, № XI, вмѣстѣ съ Сугдеей не упомянуты Фуллы, но это указываетъ лишь на случайное сокращеніе длиннаго названія, такъ какъ въ той же росписи Фуллы не упомянуты отдельно. Такой же смыслъ имѣютъ сокращенія названія въ 1217 году и во многихъ позднѣйшихъ указаніяхъ списка Д.

Въ соединеніи съ Сугдеей упоминаются Фуллы довольно часто до начала XV вѣка, послѣдній разъ въ 1400 г. Конецъ соединенной епархіи указанъ выше въ Сугдейской.

Вмѣстѣ съ концомъ Сугдейской епархіи, казалось, должно бы исчезнуть и ея название, а съ нимъ и Фулльской; тѣмъ неожиданнѣе было встрѣтить послѣднее значительно позже, и самостоятельно, и въ соединеніи съ другой епархіей, тамъ, гдѣ этого всего менѣе можно было бы ожидать.

Генуэзскія поселенія въ Крыму, особенно Кафа, заключали въ себѣ населеніе по преимуществу греческое и армянское, особенно послѣднее. Прямая политическая выгода и необходимость заставляли малочисленныхъ Генуэзцевъ всячески щадить религіозныя чувства этого работящаго, торгового и богатаго населенія, а потому они тщились, не всегда, впрочемъ, успѣшно, поддерживать безстрѣстную вѣротерпимость, стараясь,

¹⁾ Васильевскій, Р.—Виз. Изслѣд., II, CLXXVI.

²⁾ Ibid.

чтобы мѣстные католические епископы не вмѣшивались въ инославныя церковныя дѣла, предоставляемъ большую самостоятельность, на исконныхъ началахъ, всей церковной іерархіи, какъ у православныхъ, такъ и у армянъ; первая сохраняла свои титулы и зависимость отъ константинопольского престола. Однако, совмѣстная долгая жизнь не могла не оказать большого вліянія и въ религіозномъ смыслѣ; различія вѣрованій видѣлись воочію, понимались и сглаживались, а вліяніе господствующаго католичества сказывалось, можетъ быть, тѣмъ больше, чѣмъ оно было мягче. Въ такихъ условіяхъ значительная часть Армянъ довольно скоро признала главенство папы, (внѣ Кафы армянскій патр. признавалъ это уже въ 1141 г.)¹⁾, а учащающіяся попытки церковной уніи между Римомъ и Константинополемъ находили у Грековъ въ Кафѣ подготовленную и благопріятную почву. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока послѣдняя старанія исчезающаго Византійскаго царства во что бы то ни стало получить помошь Европы противъ Турокъ, хотя бы цѣнной признанія главенства папы, не сказались и въ Крыму, послѣ провозглашенія Флорентійской уніи, 6-го июня 1439 года, вновь подтвержденной въ св. Софії, 12-го декабря 1452 года, хотя и не спасшей Царыградъ, взятый Турками 29-го мая 1453 года. Отвергаемая почти всѣмъ народомъ въ Константинополѣ, поведшая тамъ къ ожесточеннымъ спорамъ, эта унія развязала Генуэзцамъ руки для воздействиія на православное населеніе въ ихъ крымскихъ владѣніяхъ, где она и была принята благодушно, подъ вліяніемъ вышесказанныхъ условій. Вскорѣ послѣ въ самой Кафѣ, считавшейся въ Сугдейской епархії²⁾, стали православнымъ Грекамъ назначать особаго уніатскаго епископа, посвященнаго папою. И въ эту пору, и впослѣдствіі наибольшее значеніе имѣло то, что Кафа, большой городъ съ значительнымъ греческимъ населеніемъ, имѣвшимъ весьма крупное значеніе, конечно, не охотно подчинялась іерархамъ захудалой, ничтожной Сугдеи, где со всѣми ея деревнями православныхъ было гораздо меньше, чѣмъ въ одной Кафѣ. Введеніе уніатскихъ епископовъ въ Кафѣ было сдѣлано при прямомъ посредствѣ и указаніи главнаго дѣятеля уніи, кардинала Виссаріона, близко знакомаго съ дѣлами страны, сосѣдней съ его родиной—Трапезунтомъ и тѣсно съ

¹⁾ Брунъ, Черноморье, II, 140.

²⁾ Древніе акты патріарх., З. О. О. VI, 457; Васильевскій, Р.—Виз. Изсл., II, CCXIV.

нимъ связанный всяческими интересами¹). Первый такой епископъ упоминается въ Кафѣ, безъ имени, въ 1464 и 1465 годахъ, вслѣдъ за назначеніемъ Виссаріона патр. Константиополя. Послѣ смерти первого униатскаго епископа, послѣдовавшей въ 1468 году, думали приступить къ избранію клиромъ и народомъ новаго, но, по указанію Виссаріона, просто предоставили все дѣло папѣ, прося о назначеніи Пахомія, бывшаго архіепископа Амасіи, находившагося въ ту пору въ Римѣ²). Онъ тогда же и былъ назначенъ, но не доѣхалъ до Кафы, будучи схваченъ на пути разбойниками и убитъ въ 1470 году, гдѣто во время предпринятаго имъ сухопутнаго переѣзда изъ Рима въ Кафу; конечно, такой путь пришлось выбрать вслѣдствіе трудности и даже невозможности пробраться моремъ мимо Турокъ, въ Босфорѣ Фракійскомъ³). На его мѣсто, послѣ долгой переписки съ участіемъ того же Виссаріона, папскою буллою 6го июля 1472 года, возведенъ Николай, бывшій ранѣе священникомъ въ Кафѣ; извѣщеніе о его назначеніи послано въ Кафу протекторами банка почти черезъ годъ, только въ юнѣ 1473 года, а самъ онъ добрался туда, неизвѣстно какимъ путемъ, къ концу 1474 г., но высадился въ Кафѣ, за городомъ, на южномъ берегу моря, у ц. св. Анны. Конечная его участъ, послѣ взятія въ 1475 году Турками города, неопредѣлена⁴). Всего удивительнѣе во всемъ этомъ было то, что послѣдній изъ вышеуказанныхъ униатскихъ епископовъ, выбранный православнымъ населеніемъ Кафы, оттуда же представленный на утвержденіе, назначаемый, какъ сказано въ папской буллѣ, для Грековъ Кафы и Солдайи, получилъ въ этой буллѣ название Фулльского, почему и приходится о всемъ этомъ вспомнить именно здѣсь⁵); именемъ какой епархіи звались его предшественники, свѣдѣній не сохранилось. Все, что можно было собрать обѣ этой униатской епархіи, представлено здѣсь, а потому особаго списка ся іерарховъ въ концѣ не приложено.

¹⁾ Виссаріонъ род. въ 1395 г., былъ съ 1437-го архіепископомъ Никейскимъ, съ 1449 кардиналомъ Сабинскимъ и Тускулумскимъ, съ 1463 г. латинскимъ патріархомъ Константиополя; умеръ 18 ноября 1472 г.; Садовъ, Виссаріонъ Ник., I, 16, 119, 121, 253, 270, 282; L'arousse, Dict. imp. II, 636.

²⁾ Vigna, Codice, II, p. I, 278—279, 347—348, 362, 581—583, 569, 588, 607.

³⁾ Vigna, op. c., II, p. I, 673, 689.

⁴⁾ Vigna, op. c. II, p. I, 880, p. II, 46, 124, 727—731.

⁵⁾ Vigna, op. c., II, p. I, 880.

Приданіе епископу, живущему въ Кафѣ, названія Фулльскаго, вѣроятно, объясняется нижеизвѣстующимъ. Какъ въ Кафѣ (съ 1318 г.), такъ и въ Солдайѣ (съ 1411 г.) точно извѣстны католические епископы, называвшіеся, по мѣсту ихъ пребыванія, Кафскими и Солдайскими¹⁾; чтобы не смѣшивать съ ними греко-уніатскаго епископа тѣхъ же городовъ, за нимъ сохранили только часть старого названія епархіи Сугдео-Фулльской, хотя его мѣсто жительства и было въ Кафѣ. Возможно, что это названіе старой епархіи дали уніатскому епископу по соглашенію съ православными іерархами, такъ какъ сейчасъ послѣ взятія Кафы, на соборѣ противъ уніи въ 1484 г., православный митрополитъ этихъ мѣстъ зовется только Сугдейскимъ²⁾, не прибавляя старого названія Фулльского, уступленаго уніатскому и, очевидно, еще сохранившагося въ Кафѣ, потому что, какъ увидимъ далѣе, оно гораздо позже было присоединено къ названію Кафскаго, послѣ чего и исчезло окончательно. Вотъ какимъ удивительнымъ путемъ, при посредствѣ латинскаго Константинопольскаго патріарха, вновь появилась самостоятельная Фулльская епархія, не имѣвшая, однако, никакой преемственной связи съ древними Фуллами. Эти новые епископы были какъ бы *in partibus infidelium*, столь обычными въ папскихъ назначеніяхъ.

е) Кафская.

Не смотря на общеизвѣстность названія послѣднихъ въ Крыму митрополитовъ—Готскими и Кафскими, никакого представленія о появлениі и значеніи въ этомъ названіи слова —Кафскій не имѣлось и не указывалось; однако, ему соотвѣтствуетъ цѣлая епархія, просуществовавшая самостоятельно болѣе полутора вѣковъ и все-таки пропущенная писавшими объ епархіяхъ въ Тавридѣ³⁾). Все извѣстное о ней собрано въ спискѣ Е, а объясненія слѣдуютъ.

Послѣ взятія Турками и разгрома Кафы, она, повидимому, скоро оправилась и, какъ главный городъ турецкихъ владѣній въ Крыму и средоточіе наибольшей части его торговли,

¹⁾ Vigna, op. c. II, p. II, 685, 715; Heyd. Hist. du commerce du Levant, II, 172; Canale, Della Crimea, I, 279.

²⁾ Арсеній, Лѣтоп. церковн. соб., 577.

³⁾ Въ Лѣт. церк. Событ. Арсенія приведены Кафскіе іерархи. Ихъ же указывали Томашекъ (Die Got. in Taur., 72) и Лобе (Die Reste der Germ., 223).

была многолюдна. Въ ся христіанскомъ населеніи всего болѣе было армянъ, но, конечно, находилось не мало и православныхъ. Разумѣется, тогда въ ней были невозможны католические епископы, а послѣ собора въ Константинополь въ 1484 г. противъ унії тамъ едва ли могли удержаться и униатскіе, Фулльскіе; обѣ эти общины вынуждены были тянуть къ православію, чтобы не остаться вовсе безъ церкви. Подчинить вновь такую смѣшанную паству большого и богатаго города захудалой, ничтожной, почти брошенной Сугдейской епархіи было неудобоисполнимымъ, а это и повело къ образованію около этого же времени, новой православной епархіи — Кафской. Думается мнѣ, въ этомъ случаѣ не безъ значенія было и желаніе Константинопольского патріархата показать, что православная епархія замѣстила католическую, того же имени. Еще раздо ранѣе, въ 1421 году, Шильбергеръ указываетъ, что въ Кафѣ были три епископа: римскій, греческій и армянскій. Греческій, конечно, православный, но это не свой, а Сугдейскій, случайно заѣхавшій въ Кафу, ему же подчиненную¹⁾. Въ Кафѣ, при Генуэзцахъ, безъ сомнѣнія, очень много православнаго населенія, подъ вліяніемъ житейскихъ условій, принимало не только унію, но и католичество; не мало осталось послѣ взятія города въ немъ самомъ или вообще въ Крыму и прямыхъ католиковъ; ихъ потомки поминаются до половины XVII столѣтія. Изъ нихъ первые, пребывая въ Кафской епархіи, постепенно возвращались въ православіе, а послѣдніе принимали его и по необходимости за отсутствіемъ священниковъ католиковъ²⁾. Вотъ вѣроятная обстоятельства, сопровождавшія об-

1) Шильбергеръ, Путешествіе, Зап. Новор. Унив., I, 57.

2) Въ Тавридѣ были не только православныя епархіи, но, въ связи съ владѣніями Генуэзцевъ, и нѣсколько католическихъ (въ Кафѣ, Сугдеѣ, Балаклавѣ, Боспорѣ). Слѣдовало бы сказать о нихъ здѣсь подробнѣе, но это неизбѣжно связано съ дѣяніями католическихъ миссіонеровъ, монашескихъ орденовъ и вообще съ стараніями, распространенія католичества въ Крыму и далѣе къ востоку. Все это не кратко и не просто и должно составить предметъ особаго изслѣдованія, пре-восходящаго мои возможности. Замѣчу только, что и послѣ паденія Кафы, въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, католицизмъ не забывалъ Крыма и тщился возвратить бывшее вліяніе съ помощью посылаемыхъ миссіонеровъ или торговыхъ консуловъ. Конечно, въ тѣхъ же видахъ долго сохранялся титулъ Кафскихъ епископовъ въ польскихъ пограничныхъ странахъ, разумѣется, какъ *in partibus infidelium*, безъ малѣйшаго вліянія или значенія въ самой Кафѣ, и даже безъ значенія о нихъ въ этомъ городѣ, что и должно помнить. Обѣ этомъ много говорится у

разование новой православной Кафской епархии, несмотря на обилие старыхъ епархий, хирѣвшихъ и бѣднѣвшихъ, однако точное время начала этой епархии неизвѣстно; оно вѣроятно съ конца XV вѣка, но первое о ней свѣдѣніе нашлось пока только для 1546 года, въ которомъ сказано, что ея митрополитъ называется Софоній и ничего болѣе¹⁾). Какъ въ этомъ, такъ и еще въ нѣсколькихъ послѣдующихъ о ней упоминаніяхъ (1565, 1590, 1604 г.г.) епархія называется только Кафской, по съ 1616 г. и до конца она уже зовется Кафо-Фулльской. Затрудняюсь объяснить это различіе. Не можетъ быть, чтобы всѣ первые года подъ рядъ пропускали часть названія ради сокращенія. Также едва можно думать, что униатская Фулльская епархія продержалась послѣ Генуэзцевъ все это время, т. е. почти полтора вѣка, и только около 1616 года слилась съ Кафской православной. Но это, будучи маловѣроятнымъ въ смыслѣ непрерывности униатскихъ епископовъ, которыхъ некому было и назначать, возможно въ значеніи сохраненія стойкими униатами какихъ либо правъ, поддерживаемыхъ Турками, на церкви, приходы и церковное имущество. Недоразумѣнія въ этихъ направленіяхъ могли прикончиться къ началу XVII вѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ вспомнилось и старое название Фулльского, которое и присоединили къ Кафскому.

Въ 1666 году митрополія Кафо Фулльская присоединѣна къ Амасіи. Кромѣ чьего либо личнаго вліянія, нечѣмъ объяснить такую изумительную связь съ заморьемъ. Въ скорости оказались крайнія неудобства такого соединенія, и Кафо-Фулльская митрополія была присоединена къ Готской въ 1678 году, давъ ей право на общее название — Готско-Кафской, но послѣ того название — Фулльского исчезло навсегда.

Изъ приведенныхъ справокъ обѣ епархіяхъ можно составить представленія о ихъ судьбахъ, хотя и мало подробныя, но все же достаточныя. Почему и какъ исчезали эти епархіи, слившись наконецъ въ одну послѣднюю, разсматривалось не

г. Дубецкаго: *Obrazy i studia historyczne*, ser. II, Kassa, Osada gencuenska, особенно 32—41. Онъ насчитываетъ поименно, отъ конца XV вѣка (1493) по конецъ XVII в. (1664), восемь епископовъ Кафскихъ.

¹⁾ *Макрохордатея* фр., I, 12. Это указаніе сдѣлано мнѣ покойнымъ Попадопуло-Керамевсомъ.

разъ¹⁾), по даваемая объясненія не соотвѣтствуютъ тому, что теперь обнаруживается. Въ общемъ причинами исчезновенія епархій, очевидными и несомнѣнными, были пакопленія тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, которыя, возвысивъ города или выдвинувъ племена, со временемъ низвергали ихъ въ совершенное ничтожество; наприм. Херсонъ и Боспоръ или Готы. Наиболѣе рѣшающимъ и важнымъ событиемъ было введеніе мусульманства въ Крыму, какъ послѣдствіе его завоеванія ордами Монголо-Татаръ, а затѣмъ Турками.¹⁾ Подъ напоромъ новаго религіознаго начала, вольными и насильственными способами, въ населеніи, численно увеличивавшемся, ослаблялось и хирѣло христіанство. Довольно сказать, для яснаго пониманія силы воздѣйствія татаръ, что въ послѣдніе дни передъ русскимъ завоеваніемъ во всемъ Крыму православнаго населенія оказалось всего около восемнадцати тысячи душъ обоего пола; не то что нѣсколько епархій, а удивительно, какъ и одна только могла содержаться въ кругѣ такого численно ничтожнаго населенія. Неизвѣстно, сколько его было въ пяти епархіяхъ передъ татарскимъ завоеваніемъ, но, конечно, не менѣе, чѣмъ въ десять-двадцать разъ болыне, въ цвѣтущую пору христіанства.

Время и постепенность исчезанія епархій тоже вполнѣ выяснились. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Боспорская всегда стояла отдельно отъ прочихъ, вслѣдствіе чисто топографическихъ условій; она исчезла, не войдя въ сліяніе съ другими и не оставивъ слѣдовъ, просто изморомъ, но неизвѣстно, когда именно: можетъ быть, она просуществовала даже и до XVI вѣка. Остальная епархія, занимая горный Крымъ, держались вмѣстѣ и исчезали, сливаясь одна съ другой. Прежде всего пришлося присоединить Фулльскую къ Сугдейской, еще въ XII вѣкѣ. Затѣмъ Херсонская, совершенно обнищавъ, въ XV вѣкѣ слилась съ Готской, просто какъ съ географически ближайшей; название Херсонскаго иногда еще слышалось позднѣе, но какъ почетное воспоминаніе. Въ концѣ того же XV вѣка выросшая въ большой городъ Кафа дала поводъ образовать новую униатскую Фулльскую епархію, а позднѣе православную Кафо-Фулльскую. Зато старая Сугдео-Фулльская вовсе пала въ XVI вѣкѣ, и ся приходы были расхватаны соѣдями. Въ XVII вѣкѣ Кафо-Фулльскую присоединили къ Гот-

¹⁾ Арсеній, Лѣт. Церк. Событ., 673; Арсеній, Готск. епарх., Ж. М. Нар. Пр., 1873, янв., 73—75; Хартахай, Христ. въ Крыму, 34—35; Кондраки, Стол. Кр., Ист. и Арх., 46.

ской, давъ ей название Готско-Кафской, удержавшееся до конца. Понятны и причины, почему сохранились именно эти названия. Фулльская исчезла скоро, по малости ея населенія; Боспорская, Херсонская и Сугдейская, состоявшія почти исключительно изъ соименныхъ городовъ, вмѣстѣ съ этими городами и погибли. Готская удержалась, потому что представляла сплошное населеніе самой многолюдной и глухой части Крыма; многолюдной же была и Кафа. Какъ бы то ни было, но все населеніе Готско-Кафской епархіи, соединившее въ себѣ остатки всѣхъ шести старыхъ епархій, было выведено Русскими въ 1778 г. на берега Азовского моря, гдѣ, со смертью въ 1786 г. послѣдняго бывшаго въ Крыму митрополита Игнатія, исчезла окончательно какъ сама епархія, такъ и ея название—Гоѳійская и Кафайская (такъ въ грамматѣ данной Игнатію), а съ ними и всякое послѣдованіе многочисленныхъ епархій и іерарховъ Тавриды, продержавшихся около полуторы тысячи лѣтъ. Ничтожной сообразительности въ свое время было бы достаточно, чтобы дать право и до сихъ поръ таврическимъ іерархамъ преемственно именоваться—Готскими.

Пространство, занимавшееся въ Тавридѣ основными пятью епархіями, такъ мало, около 200 верстъ въ длину и 30—40 въ ширину, не болѣе семи тысячъ квадр. верстъ, что нельзя не изумляться ихъ большому числу; въ среднемъ на каждую приходилось всего около ста сорока тысячъ десятинъ. По такому счету въ одной современной Таврической должно бы быть около сорока епархій. Такое положеніе отчасти объясняется малою величиною епархій вообще на востокѣ, но еще болѣе составомъ населенія въ Тавридѣ, разноплеменного во всѣ времена, занимавшаго различные клочки его территорій. Эта разноплеменность современемъ слаживалась и сводилась къ одному греческому языку, но можно предполагать, что вначалѣ епархіи образовывались главнымъ образомъ по языкамъ; тѣмъ важнѣе было бы опредѣлить ихъ границы, что я и попробую сдѣлать далѣе. Само собою разумѣется, что нѣтъ ни возможности, ни даже надобности опредѣлять эти границы съ точностью современного межевого плана; довольно будетъ, если найдется достаточно данныхъ для приблизительного въ общемъ смыслѣ указанія. Можно было бы думать, что предѣлы епархій могли меняться во времени, и если бы это было въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, то вопросъ усложнился

бы до совершенной нерѣшаемости. Мнѣ кажется, однако, что это не такъ. Частью съ XII вѣка (Фулльская), а еще болѣе съ XV, епархіи стали сливаться одна съ другой, и предѣлы оставшихся въ зависимости отъ этого значительно расширялись, но ранѣе, пока епархіи были цѣлы, сохранялись въ неприкосновенности и ихъ границы. Разъ образовавшаяся епархія оставалась въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ до совершенного слиянія ея съ другими или уничтоженія; это мнѣ кажется несомнѣннымъ, какъ по каноническимъ причинамъ, воспрещавшимъ іерархамъ простирать свою власть на чужія епархіи, такъ и по житейскимъ побужденіямъ іерарховъ, отстававшихъ свои права въ случаѣ захвата сосѣдами. Это послѣднее бывало, и въ особенности извѣстенъ большой споръ въ XIV вѣкѣ, за приходы, трехъ епархій, о чѣмъ подробно далѣе, но именно эти случаи съ точностью показываютъ, съ какою упорною ревностю защищались исконныя права и границы, и какъ сдѣланные захваты въ самое близкое время возстановлялись, приводя все къ старому положенію. Отсюда слѣдуетъ, что всего полнѣе будетъ опредѣленіе границъ епархій въ пору ихъ полнаго расцвѣта въ X—XII вѣкахъ, при чѣмъ полученное будетъ годиться и для болѣе ранняго и для болѣе поздняго времени. Данныя же, которыми приходится руководствоваться, могутъ быть не только того же или болѣе ранняго времени, но и позднѣйшаго, именно потому, что традиціонно предѣлы епархіи были неизмѣнны, пока существовали самыя епархіи. Всего болѣе данныхъ оказывается для Готской епархіи, а потому ея предѣлы ближе всего опредѣляются, а отъ нея памѣчаются и прочія епархіи; съ нея и начну.

Извѣстіе о Готской епархіи, VIII вѣка, въ житіи св. Иоанна Готского уже указываетъ, что ея епархиальнымъ городомъ былъ Доросъ, Феодоро (Мангупъ-кале), онъ же и главный городъ страны въ административномъ смыслѣ. Положеніе этого города извѣстно въ точности, чѣмъ и опредѣляется одна сторона Готской епархіи. Въ то же время ея второй святитель св. Иоаннъ, былъ родомъ изъ Партенита, на южномъ берегу Тавриды, гдѣ онъ священствовалъ и погребенъ¹). Это мѣсто также въ точности извѣстно на южномъ берегу, сохранивъ и донынѣ то же название; тамъ были открыты и развалины храма съ надписями, не оставляющими какому-либо сомнѣнію²).

¹) Васильевскій, Труды, II, Житіе Иоанна Готского.

²) Латышевъ, Сборн. греч. христ. надп., 72—79. Рѣпниковъ, Партенитская базилика.

Отсюда опредѣляется другая сторона той же Готской епархіи, у самаго моря на югъ. Разбитой на двѣ отдѣльныхъ части епархія быть не могла, а потому изъ этихъ двухъ весьма старыхъ показаній слѣдуетъ, что Готская епархія простиравась съвера на югъ по всей горной части Тавриды, не взирая на препятствіе главнаго хребта Таврическихъ горъ, проходившаго впоперекъ епархіи, а не составлявшаго части ся границъ, какъ то можно бы думать, судя по топографическимъ условіямъ. Такая странность легко объясняется, если обратить вниманіе на то, что главный хребеть горъ разрывается у Алушты, а въ этомъ разрывѣ имѣется легко и удободоступный, низкій перевалъ Кибитъ-богазъ (см. карту, для всѣхъ этихъ и дальнеѣшихъ сображеній). Изъ сказанного слѣдуетъ, что вся Алуштинская долина находилась въ предѣлахъ Готской епархіи, и само собой выясняется, что къ послѣдней же принадлежали какъ террито-ріи, соединявшия Доросъ съ Партенитомъ, такъ и лежавшия во-кругъ этихъ мѣстъ; по этому пространству можно указать и болѣе точные предѣлы, хотя и по позднѣйшимъ даннымъ. Для этого приходится опять вспомнить споръ за приходы трехъ епархій въ самомъ концѣ XIV вѣка¹⁾). Херсонскій захватилъ округа Готскаго и Сугдейскаго, будто бы всегда ему принад-лежавши. Въ этихъ окружахъ онъ утверждался однимъ патрі-архомъ (Макаріемъ), неизвѣстно почему, а слѣдующій (Ниль), говоря, что это дѣжалось на томъ „гниломъ основаніи“, что бѣдна церковь Херсонскаго, изслѣдовавъ дѣло, хотя и изъ милости, но оставляя эти приходы за Херсонскимъ; вновь патріаршилъ Макарій, опять жалобы, новая изслѣдованія и утвержденія. Въ этомъ спорѣ дѣло шло для Готскаго обѣ ок-ругѣ Кинсанусъ, въ которомъ числилось шесть деревень, къ востоку отъ Гурзуфа до Алушты включительно (см. главу А). Споръ тянулся долго, разслѣдованія вели на мѣстахъ, гдѣ да-же духовенство привлекали къ свидѣтельствованію, и оно, подъ какимъ-то вліяніемъ, показывало въ пользу Херсонскаго, но, къ немалому нашему изумленію, въ патріархіи не вспомнили о селеніи Партенитѣ, бывшемъ въ числѣ спорныхъ приходовъ, а въ немъ о родинѣ, храмѣ и мѣстѣ погребенія св. Иоанна Готскаго. Его храмъ въ эту пору лежалъ въ развалинахъ, но все же такая странная забывчивость не можетъ объясняться только беззастѣнчивостью Херсонскаго или почти невѣроят-нымъ невѣжествомъ патріархата. Очевидно, что во всемъ этомъ

¹⁾ Все это по нѣсколькимъ патріаршимъ актамъ: Miklosich, Act. Patriarch., въ Зап. Од. Общ., VI.

дѣлъ имѣли значеніе не только какія либо исключительно личные отношения и вліянія, но и нѣчто гораздо болѣе значительное, иначе нельзя объяснить, почему различные и явно враждебные другъ другу патріархи (Макарій и Ниль) утверждали одно и то же, хотя и получали разныя донесенія; одинъ дѣлалъ это будто бы по праву, другой изъ милости, но существо оставалось все то же—совершенно несправедливое и несоответствовавшее исконному положенію вещей. Надобно полагать, что здѣсь главное значеніе имѣли политическія соображенія общаго характера, о которыхъ скажу далѣе; съ ихъ измѣненіемъ все возвратилось къ старому. Въ 1427 г. не только всѣми этими спорными приходами владѣлъ опять Готскій, но и храмъ св. Апостоловъ былъ имъ возобновленъ въ Партенитѣ¹), съ очевидною цѣлью напомнить и утвердить полузаѣтую память объ его основателѣ, архіепископѣ гор. Феодоро и всей Готсіи, св. Ioannѣ; все это подробно излагается въ надписи, явно для того, чтобы положить предѣлъ захвату этихъ мѣстъ чужими епархами, какъ то случилось не за долго до того. Далѣе къ западу шли владѣнія той же Готской епархіи, потому что Ялта, хотя и составлявшая патріаршія владѣнія съ его ставронигіями, все же имѣла храмы освященные и Готскими, ему же все это давалось и въ управлениѣ²). Выше (глава I) указано, что и торжище Кураисъ было также Готскаго. Слѣдовательно можно сказать, что Готская епархія простидалась по наибольшей части южнаго берега, отъ Узеней къ западу; только крайній западъ его, отъ Ай-Тодора, принадлежалъ Херсонскому. Это подтверждается также и частыми въ этихъ мѣстахъ Готскими поселеніями, слѣды коихъ находятся на всемъ этомъ протяженіи, хотя систематическихъ разслѣдованій здѣсь еще и не производилось. Раскопками открыто большое Готское кладбище въ Соукъ-су, близъ самаго Гурзуфа³), а случайныя находки того же рода известны въ Партенитѣ, Артекѣ, Ялтѣ, Кураисѣ. Границы Готской епархіи на сѣверномъ склонѣ горъ не могутъ быть указаны столь же близко, но, конечно, онѣ простирались на нѣкоторое разстояніе отъ Дороса и, по смыслу топографіи страны, на югѣ отъ него захватывали нынѣшній Инкерманъ (Каламиту) съ Черной

¹⁾ Новѣйшія свѣдѣнія со всей бібліографіей: Латышевъ, Сборн. греч. христ. надписей, 72—80, особенно № 70.

²⁾ Зап. Од. О., VI, Acta, CCCLXXI.

³⁾ Рѣпниковъ, Нѣкоторые могильники крымскихъ Готовъ, I. Изв. Арх. Ком., в. 19; Его-же, ч. II. Зап. Од. О., XXVII.

рѣчкой, на съверѣ доходили до долины рѣки Качи, а на западѣ до самаго берега моря. Первое подтверждается тѣмъ, что послѣдніе владѣтели Феодоро строили въ Каламитѣ—Инкерманѣ портъ и крѣпость, и хотя извѣстіе объ этомъ идетъ только отъ начала XV в., но оно, безъ сомнѣнія, указываетъ на старыя права Готскаго владѣнія, а значитъ и его епархіи. На устроеніе портоваго города въ Каламитѣ Генуэзцы смотрѣли съ опасеніемъ, по не препятствовали, признавая на то право за Феодоро¹⁾). Второе, т. е. границы до р. Качи, неизбѣжны, ибо безъ этого было бы почти невозможно сообщеніе Феодоро-Мангупа съ его загорными владѣніями—Кинсанусомъ и южнымъ берегомъ.

Такими историческими и топографическими соображеніями опредѣлились границы Готской епархіи, какъ то показано на картѣ, изъ которой видно, что эта епархія со всѣхъ сторонъ суши окружала, отрѣзывала Херсонскую отъ какого либо сосѣства съ остальными Таврическими епархіями, а между тѣмъ въ вышеупомянутомъ спорѣ Херсонскій захватилъ приходы не только у Готскаго, но и у Сугдейскаго. Естественно было предположить, для возможности объясненія такого извѣстія, неизбѣжность сосѣства всѣхъ трехъ епархій, что и утверждалось разсматривавшими этотъ вопросъ²⁾). Однако если допустить смежность этихъ трехъ епархій, то невозможно будетъ показать ихъ границы на картѣ, хотя бы въ видѣ схемы, безъ противорѣчій съ совершенно ясными историко-археологическими показаніями или безъ необходимости допуска черезнолюсицы владѣній, чего, конечно, нельзя предполагать. Все это, при ближайшемъ согласованіи всѣхъ извѣстій, вовсе и не требуетъ смежности епархій, а разрѣшается весьма просто, какъ покажу далѣе, поясняя предѣлы Херсонской епархіи.

Установивъ границы Готской епархіи, еще разъ возвращаюсь къ сказанному въ главѣ I. Наиболѣе вѣроятно, что Готская епархія вначалѣ въ основѣ своего населенія была однороднаго племенного состава, но если мы взглянемъ по картѣ на ея границы, то увидимъ, что подъ конецъ существованія епархіи, къ наступленію русскихъ временъ, приходы въ ея съверной

¹⁾ Vigna, Codice dipl. 111, 361, 366. Подробности въ моей статьѣ „Каламито и Феодоро“. Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 55.

²⁾ Кулаковскій, Гдѣ наход. Фуллы, 197, примѣч.; Васильевскій, Труды, II, 425. Предполагается даже смежность не только этихъ трехъ епархій между собою, но и между четвертой—Фулльской, къ чemu едва ли возможно найти какія либо основанія.

части оказались говорящими потатарски, а въ южной погречески. Отсюда получается еще указание на возможность по языкамъ послѣдняго времени судить о племенномъ составѣ далекаго прошлага.

Херсонъ, сравнительно большой городъ, ко времени установлениа въ немъ христіанской епархіи, да и вообще ни въ какое время, не владѣль вокругъ себя большими территоріями; ему было достаточно владѣть соляными озерами, прибрежьями, и портами, куда все окрестное, хотя и чуждо населеніе неизбѣжно сходилось и свозило добытое для купли-продажи (самъ Херсонъ, Керкинть-Евпаторія, Калось-лименъ). Даже Символонъ (Балаклава) сму не принадлежалъ до римскихъ временъ, по ко времени образованія епархіи онъ владѣль и имъ и южнымъ берегомъ Тавриды, почти до самой нынѣшней Ялты. Раскопки и разслѣдованія въ Ай-Тодорѣ на южномъ берегу показали связь и зависимость этого поселенія отъ Херсонеса, хотя и при посредствѣ Римлянъ или даже для ихъ надобности¹). Сравненіе рядовъ монетныхъ находокъ Ай-Тодора (вѣроятный Хараксъ), съ большими таковыми же, сдѣланными въ ближайшихъ окрестностяхъ Ялты, даютъ полное основаніе считать это укрѣпленіе пограничнымъ²). Впрочемъ, уже и нѣсколько ранѣе образованія Херсонской епархіи, т. е. начала IV вѣка, это поселеніе, оставленное римскою властью, было почти покинуто (что опредѣляется монетными находками) и Херсонесцами³). Можетъ быть, это было сдѣлано именно подъ влияниемъ надвиганія въ эту пору по южному берегу Готскихъ поселеній, слѣды которыхъ, какъ говорено выше, извѣстны въ Кураисъ (а вѣроятно и западнѣе), надъ Ай-Тодоромъ. Но такъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы въ ту же пору Херсонъ не владѣль Балаклавой (Символонъ), а послѣдняя по самому существу своего хозяйства, во всѣ времена рыбопромышленного, неизбѣжно должна быть въ связи съ Ласпи, на крайнемъ западѣ южнаго берега, куда проѣздъ сухимъ путемъ возможенъ только черезъ Байдарскую долину, то всѣ эти соображенія и опредѣляютъ границы Херсонской епархіи, какъ показано на картѣ или нѣсколько восточнѣе, до Ай-Тодора, оставляя Кураисъ съ окрестностями въ Готской. Конечно, той же Херсонской епархіи подчинялись и отдѣльныя, частныя вла-

¹⁾ Ростовцевъ, Римскіе гарнiz. и Ай-Тодоръ, 12—17.

²⁾ Бертье-Делегардъ, Случайная находка близъ Ялты, Зап. Од. Общ. XXVII, 366.

³⁾ Ростовцевъ, оп. с., 15.

дѣнія Херсонеса по западному и съверному прибрежьямъ Тавриды (Керкинитъ, Озера, Калось-лименъ), но здѣсь границы не показаны на картѣ по ихъ совершеннѣй неопределѣленности. Пока имѣлъ значеніе самъ Херсонъ, его епархія какъ бы въ немъ самомъ и заключалась, а все остальное имѣлоничтожное значеніе, но когда городъ сталъ бѣдигѣть, погибать и, наконецъ, въ XIV вѣкѣ былъ почти вовсе покинутъ жителями, то его іерархамъ пришлось ионеволѣ добывать себѣ паству, а съ нею и возможность существованія, на сторонѣ, въ города. Именно въ эту пору мѣсто Херсонеса въ смыслѣ главенства окрестнымъ краемъ, заняла Балаклава, его же епархіи, но устроенная и развивающаяся Генуэзцами, отъ нея расширившими свои владѣнія на весь южный берегъ, до соединенія съ Судакомъ. Вмѣстѣ съ Генуэзцами продвигалъ туда свою власть и Херсонскій, захватывая ближайшіе приходы Готскаго и, наконецъ, завладѣвъ цѣлымъ округомъ Кинсанусомъ, до Алушты включительно. Войдя здѣсь въ соприкосновеніе съ Элисомъ, округомъ Сугдейскаго, Херсонскій присоединилъ и его. Вотъ какимъ путемъ получился споръ Херсонскаго съ Готскимъ и Сугдейскимъ за приходы, для чего вовсе не надобно было этимъ епархіямъ быть изначала въ смежныхъ границахъ. Со стороны Готскаго въ этомъ спорѣ будто бы оказывалась милость и уступчивость къ бѣдности Херсонскаго, но споръ простирается на большие и важные округа, и едва ли можно допустить такое завѣреніе патріаршихъ актовъ, какъ единственное объясненіе. Мнѣ кажется, что гораздо большее значеніе здѣсь имѣло политическое измѣненіе положенія страны, разорвавшее Готскую епархію на двѣ части; съверная, за горами, осталась вмѣстѣ съ Феодоро независимымъ владѣніемъ, а южный берегъ захватили Генуэзцы, и какъ бы ни были они осторожны съ инославными, но одному Готскому сообразоваться съ двумя различными и враждебными правительствами по новости дѣла было трудно. Это обстоятельство всего болѣе побудило и помогло Херсонскому расшириться, тѣмъ легче, что вся его епархія цѣликомъ и до того была въ рукахъ Генуэзцевъ; они не сидѣли въ Херсонесѣ, но никого туда не пускали, даже Грековъ¹⁾). Окончательно южный берегъ былъ признанъ за Генуэзцами по договору съ Татарами въ 1380 году, но въ дѣйствительности онъ былъ, безъ сомнѣнія, захваченъ у владѣтелей Феодоро, не мирившихся съ такой потерей. Спо-

¹⁾ Кулаковскій, Прошлое Тавриды, 2 изд. 110.

ры между іерархами начались вслѣдъ за тѣмъ, съ 1382 года, и естественно видѣть прямую связь между этими явленіями, тѣмъ болѣе, что новыя границы Херсонской епархіи, захватившей не только Кинсанусъ у Готскаго, но и Эллісъ у Сугдейскаго, въ точности совпадали съ несомнѣнными границами капитанства Готіи, опредѣленными въ главѣ I, т. е. вполнѣ отвѣчали административному дѣленію страны у ея новыхъ политическихъ владыкъ.

Договорившись съ татарами, Генуэзцы должны были искать возможности поладить съ владельцами Феодоро, пойдя на уступки; они же устроились также и съ патріархами Константинополя, такъ что Готская епархія вошла въ свои старые предѣлы, а ея митрополитъ Даміанъ установилъ храмъ въ Партенитѣ въ 1427 году¹⁾). Враждебныя отношенія между Феодоро и Генуэзцами однако не погасли. Алексѣй, владыка Феодоро, въ подрывъ Генуэзской торговлѣ, отыскивая морской портъ, попробовалъ нечаяннымъ нападеніемъ захватить Балаклаву въ 1433 году, а когда это не удалось, и ее отбили Генуэзцы, строиль портъ и крѣпость въ Каламитѣ (Инкерманъ). Послѣ того опять воспослѣдовало какое-то сомнительное примиреніе; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что съ этого времени и до конца Генуэзцы очень заботились о добрососѣдскомъ житьѣ съ владельцами Феодоро, побаиваясь ихъ и считая ихъ въ числѣ своихъ самыхъ близкихъ враговъ (Турки, Татары, Молдавія и Феодоро), для которыхъ былъ установленъ тайный шифръ²⁾), очень остерегаясь чѣмъ либо обидѣть, даже затронуть ихъ³⁾.

Сугдейская епархія главнымъ образомъ заключалась, какъ и Херсонъ, въ самомъ городѣ и также прочно держалась, пока процвѣталъ послѣдній; ей же принадлежала и значительная часть побережья. Какъ уже говорено, на востокѣ предѣлы епархіи шли за Кафу, а на западѣ до Узеней; на сѣверѣ ониничѣмъ неопредѣлимы, но возможно, что совпадали съ границами Солдайскаго консульства; точнѣе сказать, послѣднее, вѣроятно, было захвачено по предѣламъ епархіи.

Границы Фулльской епархіи тѣмъ сомнителнѣе, что даже и самыя Фуллы нельзя указать съ точностью. Ихъ розыску

¹⁾ Латышевъ, Сборн. греч. христ. надп., № 70.

²⁾ Vigna, Codice dipl., I, 832—833; II, 872.

³⁾ Vigna, op. c., II, 2, 319, 412. Любопытный показатель—боязнь консула Сугдѣи возбудить расприю изъ-за мелкаго пограничнаго недоразумѣнія съ владельцемъ Алушты Дерби берди, повидимому вассаломъ и Феодоро. Тогдашнее двуподданство.

посвящена дальнѣйшая глава этой статьи, а оттуда слѣдуетъ, что Фуллы должно пріурочить къ Чуфутъ-кале. Въ такомъ случаѣ эта епархія на югѣ граничила съ Готской, на востокѣ, за Чатырдагомъ, съ Сугдейской, съ которой вскорѣ она и была соединена, а къ сѣверу ея предѣлы совершенно не опредѣлимы и колебались, какъ вообще степное пространство у кочевниковъ. Пограничность ея съ Херсонской, на что указывалъ Васильевскій, совершенно невозможна¹⁾.

Боспорская, безъ сомнѣнія, была вокругъ древняго Панти-капея, вѣроятно простираясь на весь его полуостровъ, до Асандрова вала; можетъ быть, въ нее же вначалѣ входила и Тамань (Таматарха), но здѣсь нѣть данныхыхъ для опредѣленія чего либо положительного.

III.

Справки о Фуллахъ.

Гдѣ были Фуллы?—историко-географическая загадка, привлекавшая вниманіе едва ли не всѣхъ ученыхъ и любителей, касавшихся исторіи Тавриды, особенно въ церковномъ отношеніи; однако вопросъ и понынѣ остается не рѣшеннымъ. Очень много лѣтъ тому назадъ мною написано и много разъ пересмотрѣно почти все ниже сказанное, и только теперь рѣшаюсь все напечатать, не потому, что считаю все рѣшеннымъ, а въувѣренности, что ничего болѣе я сдѣлать не въ состояніи по этому вопросу. Вспоминая разныя мнѣнія, окажется, что Фуллы помѣщали, идя отъ запада въ географическомъ порядкѣ: на Дунаѣ (Кеппенъ); гдѣ-то въ Тавриды (Брунъ); въ Евпаторіи (Брунъ); въ Чуфутъ-кале (Тунманъ, Юргевичъ, Тимошевскій); въ имѣніи Кастрополь, на южномъ берегу Тавриды (Кеппенъ); въ Оріандѣ, тамъ же (Кондараки); близъ Ливадіи, тамъ же (Томашекъ, Кучера); близъ Аутки, тамъ же (Томашекъ, полагая тутъ же и древній Хараксъ); въ уроцищѣ Рускофиль, на Никитскомъ мысу, тамъ же (Кеппенъ, Мурзакевичъ, Васильевскій); въ Партенитѣ, тамъ же (Родіоновъ); въ деревнѣ Искютъ, тамъ же (Карауловъ); близъ деревни Туакъ, тамъ же (Кондараки); въ Старомъ Крыму (Кулаковскій); въ Керчи (Попадопуло-Керамевъ); за Таманью и далѣе (Мурза-

¹⁾ Васильевскій, Труды, II, 425; Его-же, Рус.—Виз. Изсл., II, срви. CCXCIX съ CCCII.

кевичъ). Изъ указанныхъ авторовъ послѣднимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе подробно и обстоятельно, занимался этимъ вопросомъ Ю. А. Кулаковскій¹⁾; у него приведена и наиболѣе видная литература, почему ея перечисленіе здѣсь и не повторяется, а краткія указаній мнѣній сдѣланы лишь для показа всего разнообразія, а слѣдовательно и неопределенностіи высказанныхъ догадокъ.

Фуллы, занимавшія видное мѣсто въ дѣяніяхъ и житіи св. Іоанна Готскаго, а затѣмъ и Константина Философа, послѣ того бывшія два-три вѣка каѳедральнымъ городомъ осо-бой епархіи, а далѣе въ теченіе пяти-шести вѣковъ, до конца XVII вѣка, поминавшіяся въ соединеніи съ епархіями Сугдей-ской, а затѣмъ Кафской, казалось, должны бы оставить при-мѣтный слѣдъ, но, какъ зачарованный кладъ, они не даются въ руки. Быть можетъ, именно это обстоятельство, помимо немалаго историческаго значенія самого мѣста, больше всего было причиной вниманія, удѣленного этому вопросу; сознаюсь, что именно эта загадочность побуждаетъ высказать здѣсь нѣ-которая соображенія, и мнѣ кажется, что если добытое рѣше-ніе не будетъ признано окончательнымъ, все же пересмотръ и сопоставленіе источниковъ, а въ особенности соображеніе ихъ съ мѣстными условіями, могутъ оказаться небезполезны-ми для дальнѣйшихъ поисковъ, расчистивъ имъ путь.

1.

Старѣйшее по времени указаніе Фуллъ находили у Менандра, въ одномъ темномъ, испорченномъ и на разные лады толкуемомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о пути слѣдованія византійского посольства къ Туркамъ въ 579 году²⁾). Обыкновенно между Греками и Турками, въ тѣ времена, посольства ходи-ли черезъ Кавказъ, но на этотъ разъ посолъ Валентинъ на-правился почему-то черезъ Тавриду³⁾). Переплыvъ на скоро-ходныхъ судахъ, обычнымъ путемъ, направицъ черезъ море изъ Синопы въ Херсонъ, посольство прошло далѣе черезъ Апатуру, а также черезъ фили или Фуллы, какъ читаются дру-

¹⁾ Кулаковскій, Гдѣ находились Фуллы? Ж. Мип. Нар. Пр., 1898, № 2, 194—202.

²⁾ Menandri fragm., cap. 45.

³⁾ Menandri fragm., cap. 18, 21, 22, особенно 45. О спошенніяхъ Византійцевъ съ Турками: Кулаковскій, Исторія Византіи, II, 355, —358, 399—402.

гіе; затѣмъ, „въ песчаныхъ степяхъ... перевалило черезъ горы Таврики, обращенныя къ полудню“¹⁾.

Васильевскій въ этомъ мѣстѣ читалъ Фуллы, не находя иначе во всемъ разсказѣ смысла, а такое пониманіе текста значило, по его мнѣнію, что посольство направлялось южнымъ берегомъ Тавриды и тамъ прошло черезъ городъ Фуллы. Почему прежде Фуллъ упомянута Апатура, а путь вель по южному берегу, оставлено безъ объясненій²). Мюллеръ въ этомъ мѣстѣ просто замѣнилъ неудобное слово географически правильнымъ, послѣдовательнымъ за Апатурой, указаніемъ Синдовъ, сведя все это на Таманскій полуостровъ, оставляя Тавриду въ сторонѣ³). Томашекъ думалъ, что здѣсь говорится о филахъ Утигуровъ⁴). Ю. А. Кулаковскій тоже не находилъ надобнымъ мѣнять что-либо и тоже полагалъ, что здѣсь рѣчь идетъ просто о филахъ (племенахъ) кочевниковъ⁵).

Но это извѣстіе Менандра не только лингвистически сомнительно, оно туманно и въ топографическомъ смыслѣ, даже и читая въ немъ—Фуллы. Дѣло въ томъ, что Апатура была на Таманскомъ полуостровѣ, а песчаныхъ степей нѣтъ нигдѣ въ Тавридѣ, да и путь изъ Херсона въ Боспоръ идетъ не ея южнымъ берегомъ (см. карту); такая дорога была бы не только кружной и болѣе длинной, но и особенно трудной, почти непроходимой въ то время. Конечно, можно думать, что обычный, короткій путь между этими городами почему-либо, случайно, въ ту пору былъ не безопаснѣ или даже и вовсе недоступенъ, но въ такомъ случаѣ посольство не преминуло бы воспользоваться моремъ, пройдя на судахъ изъ Херсона въ Боспоръ, какъ то и дѣжалось обыкновенно. Въ поясненіе можно допустить, что выраженіе—„перевалить черезъ горы Таврики“ не значитъ непремѣнно перебраться на южный берегъ. Не особенно близко и точно знающій его топографическія условія, какимъ явно былъ Менандръ, могъ употребить это выраженіе, услышавъ разсказъ о переходѣ посольства изъ открытыхъ мѣстъ Херсона въ равнины Феодосіи и Боспора, черезъ сѣверные предгорья, лежащія на обычномъ пути, шедшемъ мимо теперешнихъ Бахчисарая и Кара-су базара; этотъ путь между Херсономъ и Боспоромъ верстъ на пятьдесятъ ко-

¹⁾ Дестунисъ, Византійские историки, Менандръ, 417.

²⁾ Васильевскій, Житіе Іоанна Готскаго, Труды, II, 386.

³⁾ Дестунисъ Менандръ, 417.

⁴⁾ Tomaschek, Die Gothen in Taurien, Wien, 1881, 71.

⁵⁾ Кулаковскій, Гдѣ находились Фуллы, 194.

роче, чѣмъ вдоль всего южнаго берега и, относительно, не труденъ. При такомъ толкованіи, переваливаніе черезъ горы Таврики можно понимать въ смыслѣ ихъ обхода по сѣвернымъ склонамъ, но въ этомъ случаѣ Фуллы необходимо искать тоже гдѣ-либо *на сѣверномъ склонѣ горъ*.

Понимая слова Менандра не при такомъ косвенномъ объясненіи, а въ ихъ прямомъ смыслѣ перехода черезъ главный хребетъ горъ, все же надобно будетъ искать Фуллы на сѣверномъ склонѣ, ибо они упоминаются ранѣе перевала черезъ горы. Возможный и, вѣроятно, единственный подобный путь шель изъ Херсона въ долину р. Качи у деревень Шюри и Бія-сала, вблизи Чуфутъ-кале, въ верховья р. Алмы, выходя черезъ переваль Кибитъ-богазъ на южный берегъ, къ Алуштѣ. Это исконный, древній наиболѣе прямой и легкій путь черезъ горы, доступный даже телѣгамъ. Исключительное значеніе и древность этого пути съ несомнѣнностью доказываются построениемъ большой крѣпости-замка, развалины которой еще и понынѣ видны въ Алуштѣ, выходѣ всего пути къ морю. Здѣсь, дѣйствительно, выразилось стратегическое вліяніе мѣстности, понятое въ VI вѣкѣ столь большимъ человѣкомъ, какъ Юстиніанъ В.¹⁾). Военное значеніе Алушты приходится вспоминать еще и понынѣ.

Изъ сказанного видно, что всѣ предположенія, отыскивающія Фуллы на южномъ берегу или въ восточной Тавридѣ, противорѣчатъ словамъ Менандра. Къ его разсказу подходитъ только предположеніе, видящее Фуллы въ Чуфутъ-кале, очевидно построенное именно на этомъ извѣстіи²⁾.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что никакимъ объясненіемъ нельзя ввести Апатуру въ возможное послѣдованіе пути, поэтому, да и по всему вообще, приходится заключить, что слова Менандра, въ извѣстныхъ редакціяхъ его текста, едва ли могутъ быть источникомъ для рѣшенія настоящаго вопроса; въ буквальной послѣдовательности они не приложимы къ путямъ Тавриды, а, допустивъ въ нихъ произвольныя измѣненія, всякое толкованіе станетъ возможнымъ. Не придавая этому показанію рѣшающаго значенія, все же мы получаемъ изъ него нѣкоторую вѣроятность того, что *Фуллы лежали на сѣверномъ склонѣ горъ Тавриды, и именно въ ихъ западной части*.

¹⁾ Описаніе Прокопія, Кеппенъ, Кр. Сборн., 54—56.

²⁾ Busching's Erdbeschreib., IV B., Der Krimische Staat, 346.

2.

Второе по времени извѣстіе находится въ житіи св. Иоанна Готскаго: „Когда преподобный сидѣлъ въ Фуллахъ, то гостинъ этихъ самыхъ Фуллъ пришелъ къ нему и повергъ къ ногамъ его отрока свое“... Было это около 787 года¹⁾.

Отсюда, конечно, нельзя извлечь прочнаго, обоснованнаго топографическаго указанія, но можно предположить, что Фуллы, вѣроятно, находились недалеко отъ морскаго прибрежья, такъ какъ Иоанну было бы трудно, бѣжавъ изъ Фулльской тюрьмы, уйти за море въ Амастріо, какъ то удалось ему сдѣлать, если бы Фуллы находились далеко отъ берега, внутри страны. Кромѣ того, зная, что восстаніе съ Иоанномъ во главѣ разыгралось изъ-за обладанія крѣп. Доросъ (Ѳеодоро, Мангупъ-коле), позволительно, съ нѣкоторымъ правомъ, думать, что и мѣсто заключенія Иоанна — Фуллы находились вблизи Дороса.

На основаніи этого же житія дѣлаемое предположеніе о томъ, что Фуллы были населены главнымъ образомъ язычниками и находились во власти Хазарь, хотя и вѣрно само по себѣ, но не помогаетъ ихъ пріуроченію. Также предполагается, что Фуллы нельзя искать на территорії Готовъ²⁾). Основой этого вѣроятнаго предположенія, конечно, было образованіе Фулльской епархіи позже Готской, но возможно думать, что новую епархію, при многочисленности уже существовавшихъ ранѣе въ Тавридѣ, могли образовать не изъ новыхъ территорій, а выкроить изъ съѣднихъ епархій, прихвативъ что-либо и изъ Готской, почему не совершенно исключается возможность бытія Фуллъ на территорії этнографической, политической или епархиальной Готіи, что и давало Васильевскому нѣкоторый поводъ считать Фуллы чисто готскими, не имѣя для того иныхъ положительныхъ указаній³⁾). Однако, первое предположеніе, объ образованіи Фулльской епархіи виѣ готской территоріи, несравненно болѣе вѣроятно, и, кромѣ простой возможности, нѣтъ никакого повода предположить столь избѣгаемое изрѣзываніе территоріи давнихъ епархій въ пользу образованія новой, Фулльской. Наиболѣе вѣроятное объясненіе послѣдняго видится не иначе, какъ въ предположеніи новой

¹⁾ Васильевскій, Жит. Иоан. Готск., Труды, II, 392, 415, 418, 424—425.

²⁾ Кулаковскій, Гдѣ наход. Фуллы, 197—198.

³⁾ Васильевскій, Жит. Иоан. Готск., Труды II, 424—425.

народности въ средѣ христіанскихъ племенъ: предположеніе же Готской территории, не подчиненной старой Готской епархіи и потому вошедшей въ новую Фулльскую, совсѣмъ невѣроятно.

Самое заточеніе Иоанна въ Фуллахъ хотя также не можетъ служить прямымъ доказательствомъ того, что Фуллы были не въ Готії, но все же дѣлаетъ это соображеніе вѣроятнымъ. Возстаніе, за которое взяли подъ стражу Иоанна, едва ли было общимъ и значительнымъ, ибо не видно, что Хазарамъ попадобились большія усилія для его подавленія, но все же предпочтительнѣе думать, что Иоанна заключили въ Фуллахъ потому, что это было не Готское мѣсто. Поводомъ заключенія именно здѣсь могли быть какія либо иныя, чисто дѣловыя соображенія, напр. то, что это мѣсто было близко къ Доросу, или то, что Иоанна захватили подлѣ него, быть можетъ, передъ тѣмъ, какъ онъ готовился сѣсть на судно для бѣгства въ Амастриду. Бѣжать изъ Дороса къ морю было всего естественнѣе и возможнѣе въ направленіи ближайшаго портового города на прибрежья, т. е. въ западную сторону Тавриды, къ Херсону и многочисленнымъ бухтамъ вокругъ него (нынѣшнія Севастопольскія прибрежья). Бѣглецу не трудно скрываться въ глухихъ горныхъ трущобахъ Тавриды, но иное дѣло, добравшись до моря, найти готовое къ отправлению судно; это и теперь не легко, а тогда, безъ сомнѣнія, вызывало долгіе поиски и ожиданія не только самаго судна, но и покладистаго судовщика, которыхъ нигдѣ и ни въ какое время не хвалили за увозъ преступниковъ. И въ этомъ смыслѣ всего скорѣе и легче было найти желаемое въ большомъ городѣ Херсонѣ, имѣвшемъ много сношеній съ заморемъ, бывшемъ почти независимымъ отъ Хазаръ и, конечно, дружески настроеннымъ къ Иоанну. Найдя судно, приходилось выжидать самого главнаго—благопріятной погоды. Переправа въ заморье дѣло не хитрое, но паруснымъ судамъ приходится ожидать, даже и въ хорошее время года, иногда цѣлые недѣли попутнаго вѣтра, а въ такомъ случаѣ бѣглецу всего легче быть нагнаннымъ или выданнымъ враждебной частью населенія, какъ то и случилось съ Иоанномъ.

И это все обсужденіе не даетъ точныхъ указаний, но также позволяетъ предположить, что *Фуллы были въ западной Тавридѣ, не подалеку отъ Дороса и Херсона.*

О томъ, что Фуллы были центромъ и опорой хазарского могущества, ни изъ чего нельзя заключить¹). Гдѣ бы ни предположить Фуллы, онѣ были ничтожны по сравненію съ самимъ Доросомъ, бывшимъ въ Хазарскихъ рукахъ²); только здѣсь и могла быть ихъ основная твердыня, если допустить у нихъ что либо подобное въ какой либо крѣпости. Но и незначительная крѣпость для содержанія Іоанна въ тюрьмѣ не была непремѣнной необходимостью; для этого годилось любое, сколько нибудь прочное жилище или укрѣпленное мѣстечко, каковыхъ въ Тавридѣ очень много, почти у всякой горной деревушки было свое. Всего вѣроятнѣе, что у Хазарь въ Тавридѣ были только чужія крѣпости, захваченные ими, но не было своихъ, ими же построенныхъ, если судить по Саркелу, гдѣ все имъ сдѣлали Византійцы. Да оно и понятно. Конному, полудикому, кочевому народу крѣпости не служили опорой, съ ними и обращаться не умѣли, какъ видно изъ того, что даже такую, почти непреступную крѣпость, какъ Дорось, у нихъ вырвало восстаніе маленькаго народа, да и то имѣвшаго во главѣ не воина, а святителя Іоанна.

3.

Около 860 года Хазары, колеблясь между іудействомъ, магометанствомъ и христіанствомъ, просили Византію послать имъ ученаго мужа для толкованій вопросовъ вѣры³). Взявшійся за это дѣло Константинъ Философъ отправился въ Хазарское путешествіе черезъ Херсонъ, изъ котораго проѣхалъ въ Хазарію по Азовскому морю. Обратно онъ возвратился въ тотъ же Херсонъ, но уже сухимъ путемъ, приазовскими и таврическими степями. Передъ отѣздомъ изъ Херсона въ Царьградъ Константинъ нашелъ еще время для проповѣди въ

¹⁾ Кулаковскій, Гдѣ находились Фуллы, 199.

²⁾ Описаніе гибели Кафы и иныхъ мѣстъ отъ Турокъ, данное весьма освѣдомленнымъ Тосканцемъ, такъ говорить о Мангупѣ (Доросѣ): „chastello fortissimo della Gothia che si chiama Todaro... ha dato 5 battaglie e non poxuto ottenere perch  fortissimo“. Vigna, Codice dipl., II, p. 2, 246; Canale, Della Crimea III, 354. Это могущество зависѣло не столько отъ мощности стѣнъ или упорства защитниковъ, сколько отъ условій мѣстности.

³⁾ Погодинъ, Кирилло-Меѳод. сборн. 327—9; Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳод., II, 22; тамъ же Итал. лег., 220; Усп. св. Конст., 242; Гаркави, О Сангары, 377, Бильбас. Кир. и Меѳ., II; Арсеній, Лѣт. церк. соб., 315, хазарское посольство относить къ 858 году.

городѣ Фуллахъ: „вѣ Фульсць же языць безбожную лѣсть разоръ“ или „пришъд вѣ фульскыи езыкъ и тоу обръте доубъ великъ... раскопавъ и съсече¹⁾“.

Какъ можно видѣть, и изъ этихъ упоминаний о Фуллахъ не извлечь какого бы то ни было топографического указанія, возможны лишь нѣкоторыя догадки. Такъ Бильбасовъ понималъ это показаніе въ томъ смыслѣ, что *Фуллы находились недалеко отъ Херсона*, и это казалось бы правильнымъ²⁾. Пострѣ длиннаго, утомительного пути изъ Хазаріи, едва ли Константинъ могъ рѣшиться предпринять новый далекій путь, тѣмъ болѣе, что ему приходилось спѣшить въ Константино-поль, съ донесеніемъ о своемъ главномъ дѣлѣ—поѣздкѣ къ Хазарамъ. Есть предположеніе, что Константинъ пѣсколько разъ єздили въ Хазарію и возвращался въ Херсонъ³⁾). Но подобные поѣздки въ ту пору были такъ трудны и опасны, что ихъ многократное повтореніе сдва ли вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, почти съ несомнѣнностью можно полагать, что возвратный путь Константина изъ приазовскихъ степей, сколько бы разъ онъ ни повторялся, шелъ по кратчайшему и удобнѣй-шему направлению къ Херсону, а слѣдовательно онъ вступалъ въ Тавриду, вѣроятно, черезъ Чонгаръ, слѣдя далѣе предгорьями, по направлению теперешнихъ Симферополя и Бахчиса-рая⁴⁾). По смыслу всего разсказа можно думать, что именно на этомъ пути Константинъ услышалъ о Фуллахъ и особомъ народѣ, въ нихъ обитавшемъ. Возвратясь въ Херсонъ, оставивъ тамъ тяжести, онъ пошелъ на проповѣдь куда либо вбли-зи и налегкѣ, поэтому очень мало вѣроятія, чтобы Фуллы находились гдѣ либо далеко отъ этого пути и отъ Херсона. Слѣдовательно отсюда также возможенъ выводъ, что *Фуллы были где-то вблизи Херсона, на сѣверномъ склонѣ горъ*.

Къ подобному же выводу приведетъ и другая сторона этого разсказа, изъ которой видно, что Фуллы еще и во второй половинѣ IX вѣка, конечно, не были христіанскими и не принадлежали какой либо епархіи. Въ нихъ усердно сохраня-

¹⁾ Петровъ, Спорные вопросы мис. дѣят. св. Кирилла, 7; Бильбасовъ, оп. с., II, 243, Усп. св. Кирилла.

²⁾ Бильбасовъ, оп. с., II, 175.

³⁾ Ягичъ, Новое свидѣт. о дѣят. Конст. Филос. 23, Сборн. отд. Русск. яз. Ак. Наукъ, т. LIV, № 3.

⁴⁾ Объ этихъ путяхъ также думалъ Бурачковъ, знавшій мѣстные условія; О запискѣ Готскаго топарха, Ж. Мин. Нар. Пр., 1877, юль, 211—213.

лось самое грубое поклонение деревьямъ, несмотря на то, что предѣлы Фулль въ теченіѣ долгаго, многовѣковаго времени, соприкасались съ христіанскими епархіями и къ нимъ легко могли бы доходить слова сосѣднихъ проповѣдниковъ, напр. Стефана Сугдейского, про котораго житіе говоритъ, что онъ крестиль весь городъ и окрестности; самъ Іоаннъ Готскій былъ въ Фуллахъ и творилъ тамъ чудеса¹). Такая крайняя отсталость населения Фулль объясняется только тѣмъ, что этотъ городъ долженъ былъ находиться гдѣ-либо на предѣлахъ таврическихъ епархій, хотя и вблизи ихъ, но въ очень глухомъ углу страны, трудно досягаемомъ, а потому и отставшемъ отъ сосѣдей въ смыслѣ принятія христіанства. Такія трущобы скорѣе всего могли найтись въ мало доступной горно-лѣсной части средней Тавриды, а не на ея посѣщаемыхъ прибрежьяхъ. Васильевскій полагалъ, что Фуллы уже и во время Іоанна Готскаго были христіанскими и лишь сохранили нѣкоторые языческие обычай²). Однако, едва ли было удобно и возможно Константину, только изъ-за дурного обычая идти проповѣдывать въ христіанскую страну, гдѣ по этому самому должны были быть свои пастыри, подчиненные какой-либо епархіи; да и стоило ли обѣ уничтоженій простого обычая упоминать, какъ о подвигѣ особо важномъ; наконецъ, и фулльскій обычай—поклоненіе дубу, сросшемуся съ черешней и носившему название Александра, не таковъ, чтобы могъ свободно и долго удержаться въ христіанской странѣ, между христіанскимъ же населеніемъ. Очевидно, лишь послѣ Константина Фуллы стали христіанскими, поэтому и епархія въ нихъ известна только съ конца IX-го вѣка.

Г. Петровъ полагаетъ даже, что проповѣдь въ Фуллахъ, обращеніе ихъ въ христіанство, были главной цѣлью поѣздки Константина, а посольство къ хазарамъ второстепенно³). Можетъ быть, такимъ объясненіемъ придается излишне большое значеніе Фулльскому языку, но возможность чего-либо подобнаго въ такое позднее время еще болѣе подчеркиваетъ язычество, дикость и глупость этой мѣстности.

¹⁾ Васильевскій, Русско-Виз. Ислѣдов. вып. II, CCXLI, 90; Арсеній, Готская епархія, 66; Васильевскій, Жит. Іоанна Готскаго, Труды, II, 424—425.

²⁾ Васильевскій, Жит. Іоанна Гот., 151—152.

³⁾ Петровъ, Спорные вопросы мис. дѣят. св. Кирилла Филос., 5—9.

4.

Выше, въ главѣ обѣ епархіяхъ, въ поясненіе Готской уже указывалась изданная Де-Бооромъ роспись епархій Константинопольского престола, въ которой Готскую епархію относять якобы къ VI в. Въ концѣ этой росписи сдѣлана приписка, поясняющая мѣстонахожденіе двухъ изъ подчиненныхъ Готской митрополіи епископій: „Хотцировъ (епископія) сосѣдняя, близкая Фулламъ и Харасіу, называется Черная вода“ и Астиль (епископія) называется Астиль рѣка Хазаріи, имѣть крѣпость¹⁾.

Всѣ показанія этой росписи о Готской епархіи кажутся гораздо болѣе поздними и даже совершенно неимовѣрными, о чѣмъ выше сдѣланы и болѣе подробнѣя указанія, но припиской къ росписи можно пользоваться, такъ какъ ея описательное значеніе нисколько не зависитъ отъ времени составленія росписи, ея точности и даже дѣйствительности. Здѣсь мы находимъ первое, единственное, топографическое указаніе положенія Фуллъ, которое по этому самому не могло оставаться не замѣченнымъ, и на него обратили вниманіе наши ученые, наиболѣе, подробно разсматривавшіе вопросъ о мѣстѣ этого города. Къ сожалѣнію, ихъ выводы оказались разнорѣчивы. Искали Фуллы въ юго-западной части Тавриды, на южномъ ея берегу въ мѣстѣ, со всякими оговорками, указанномъ еще Кеппеномъ²⁾, находили ихъ и въ сѣверо-восточной части Тавриды, на мѣстѣ захудалаго городка Старого Крыма³⁾. Такое различіе толкованій, конечно, произошло оттого, что приписка къ росписи, давая новыя показанія, ввела и новыя названія мѣстностей, такъ что уравненіе со многими неизвѣстными не стало опредѣленнѣе и возможнѣе. Однако мнѣ кажется, что въ припискѣ можно найти и нѣчто точное.

Епископія какихъ-то Хотцировъ или Хотейровъ, какъ читаетъ Васильевскій⁴⁾, сосѣдила съ Фуллами и Харасіу, была близка къ нимъ. Что такое Хотциры, неизвѣстно; это, конечно, не Хазары, которые тутъ же, во второй части приписки, гдѣ рѣчь идетъ о Хазарахъ, именно такъ и называются. Оче-

¹⁾ De-Boor, *Nachträge zu den Notitiae Episcopatum*, II, № 819—821, 533—534, *Zeitschr. für Kirchengeschichte*, XII B.

²⁾ Васильевскій, Труды, II, 425.

³⁾ Кулаковскій, Гдѣ наход. Фуллы, Ж. М. Нар. Пр. 1898, II, 194—202.

⁴⁾ Васильевскій, Русско-Виз. Ислѣд., II, CCCII, 100.

видно, Хотциры были какимъ-то народцемъ, кочевымъ и ни-
чтоожнымъ, такъ какъ его епископію пришлось назвать име-
немъ самого народца, за неимѣніемъ у него какого либо по-
селенія, могшаго быть епархіальнымъ городомъ. Фуллы также
неопределены, и это извѣстіе намъ ничего бы не дало для
ихъ пріуроченія, если бы мы не знали точно, что такое Хара-
сіу. Это, безъ сомнѣнія, Кара-су (Черная вода) — татарское наз-
ваніе двухъ рѣчекъ съверного склона горъ Тавриды. Такое
пріурочиваніе дѣлается не только по явишому зозвучію названія,
но и по точному переводу, сдѣланному въ самой припискѣ,
гдѣ сказано, что Харасіу значить — Черная вода. На этой рѣчкѣ
теперь стоитъ городъ Кара-су-базарь, но въ припискѣ, безъ
сомнѣнія, дѣло идетъ о самой рѣчкѣ, а не о городѣ. Будь
тутъ поселеніе, его назвали бы Черный городъ, а не Черная
вода; именемъ-же города звали бы и епископію. И та Черная
вода, на которой разболѣлась сомнительная Амана царица, Су-
рожской легенды, конечно, есть рѣчка Кара-су, а не городъ,
на который въ легендѣ нѣтъ никакого указанія. Къ тому же
Кара-су-базарь городъ исключительно татарскій, основанный
Татарами же, сравнительно недавно, въ XVI — XVII вѣкѣ¹⁾.

Опредѣливъ значение Харасіу въ припискѣ, можно по-
дойти и къ нѣкоторому пріуроченію Фулль. Выраженіе при-
писки о томъ, что епископія Хотцировъ близка, сосѣдня съ
Черной водой и Фуллами, возможно понимать въ томъ смыслѣ,
что Черная вода и Фуллы и сами соприкасаются, близки другъ
другу; но точнѣе будетъ думать, что этими двумя мѣстностями
хотѣли обозначить границы Хотцировъ съ двухъ разныхъ сто-
ронъ, и въ такомъ случаѣ онѣ могли и не бытьсосѣдними. Минѣ
кажется, что послѣднее пониманіе лучше, такъ какъ, опредѣляя
границы чего либо, скорѣе укажутъ двѣ противоположныя сто-
роны, чѣмъ два мѣста только одной стороны, такъ какъ послѣд-
нимъ способомъ вовсе нельзя обозначить предѣлы желаемаго
мѣста. Можетъ казаться, что и при такомъ объясненіи все еще не-
достаточно показать границы лишь съ двухъ сторонъ; въ данномъ
случаѣ это замѣчаніе, однако, не существенно. Довольно было
показать предѣлы только съ запада и востока, потому что
съ юга высились мало проходимая гряда горъ, всѣмъ извѣст-

¹⁾ Вопросъ о Маврокастронѣ, а слѣдовательно и Кара-су-базарѣ
въ этихъ мѣстахъ имѣть не малое значеніе для топографіи столь ча-
сто поминаемой „Записки Готского Топарха“, но, чтобы не затемнять
извѣстій о Фуллахъ, всѣ мои соображенія по вопросу о Маврокастронѣ
высказаны въ отдельной статьѣ „Къ вопросу о Маврокастранѣ“.

ная, а съ съвера—безбрежная степь, въ которой опредѣленіе границъ было дѣломъ излишнимъ, да и неудобнымъ за неимѣніемъ живыхъ урочищъ. Еще слѣдуетъ замѣтить, что упоминаемыя здѣсь Фуллы неизбѣжно надобно понимать въ смыслѣ страны, округа, фулльского языка, а не города, положеніемъ котораго нельзѧ обозначить границы.

Сказанное приводить къ такому пониманію приписки: на съверномъ склонѣ Таврическихъ горъ, у предѣловъ степей, обитало племя Хотцировъ, земли котораго ограничены съ одной стороны рѣчкой Кара-су, а съ другой Фулльскимъ языкомъ; къ сожалѣнію, нельзѧ опредѣлить, въ какую именно сторону шли Фуллы, такъ что ихъ можно искать и восточнѣе и западнѣе рѣчки Кара-су, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи; (см. карту; кочевья Хотцировъ наиболѣе вѣроятны между рѣками Б. Карасу и Бурульча. Но и при такой неопределѣленности все же оказывается, твердо и несомнѣнно, что *Фуллы находились на съверномъ склонѣ горъ Тавриды*. И по этому указанію, также какъ и по всѣмъ инымъ, ихъ совершенно невозможно искать на южномъ берегу, за хребтомъ горъ, въ далекомъ разстояніи отъ Кара-су.

5.

Въ II главѣ, о христіанскихъ епархіяхъ, собрано все, что можно было найти о Фулльской епархіи въ смыслѣ ся образования, соединенія съ другими и т. п.; здѣсь прибавлю, что изъ этихъ свѣдѣній можно также добыть кое-что и въ отношеніи мѣстоположенія Фулль.

Какъ только была образована Фулльская епархія, около конца IX вѣка, во всѣхъ росписяхъ ее стали обозначать вслѣдъ за Сугдейской, степенью ниже, наконецъ, послѣ 1156 г., въ соединеніи съ послѣдней. Очевидно отсюда, что въ топографическомъ смыслѣ эти епархіи, по всѣмъ вѣроятіямъ, были сопредѣльны. Говоря о границахъ епархій, выше приведены данные для нѣкотораго представленія объ этой сопредѣльности, здѣсь же можно ограничиться упрощенными соображеніями собственно топографической стороны. Сугдейская епархія, внѣ какого либо сомнѣнія, лежала вокругъ самой Сугдеи, слѣдовательно по южному прибрежью Крыма. Извѣстный споръ о захватѣ Херсонскимъ части епархій Готскаго и Сугдейскаго, тоже подробно выше разъясненный, показалъ, что Готская епархія сосѣдила по тому же прибрежью къ востоку съ Суг-

дейской, а къ западу простиралась до Херсонской. Очевидно, что на всемъ южномъ прибрежью, оть Херсона до Кафы, уже не оставалось мѣста для какой либо епархіи; далѣе въ § 6 этому приведено еще доказательство; отсюда получается, что необходимая смежность Фулльской съ Сугдейской мыслима лишь въ томъ случаѣ, если *Фуллы находились по сѣверному склону горъ.*

Во второй половинѣ XV вѣка оказывается особая, униатская Фулльская епархія въ самой Кафѣ: выше, въ своемъ мѣстѣ, причины этого изложены подробно, но можно было бы подумать, не называлась ли такъ эта епархія потому, что и самая Кафа когда либо и кѣмъ либо звалась Фуллами. Однако это соображеніе, кромѣ многихъ иныхъ оснований, невозможно уже и потому, что съ начала XVII вѣка появляется въ этихъ же мѣстахъ епархія съ названіемъ Кафы и Фулль. Ясно, что это послѣднее мѣсто было какое-то иное, а не та же Кафа; слѣдовательно, и въ концѣ XV вѣка название униатского епископа—Фулльской явилось въ Кафѣ по причинамъ не мѣстно-топографическимъ, а указаннымъ въ объясненіяхъ къ Фулльской епархіи. Никакого дѣйствительного управления Фуллами это название не обозначало и не даетъ права искать г. Фуллы *ни въ самой Кафѣ ни гдѣ-либо по близости.*

6.

Въ такой странѣ, какъ Таврида, гдѣ въ народной памяти тысячелѣтіями сохранялись неизмѣнно названія городовъ и простыхъ деревень, естественно было искать Фуллы на мѣстѣ какого-либо урочища съ звукоподобнымъ именемъ. Въ этомъ смыслѣ первымъ высказался Кеппенъ, указывая возможность бытія Фулль на южномъ берегу, въ урочищѣ *Рускофиль*, близъ казеннаго Никитскаго сада. Однако, это предположеніе и самому Кеппену казалось столь сомнительнымъ, что онъ же, указывая и Кастрополь въ западной части южнаго берега, и даже берега Дуная, какъ возможная мѣста тѣхъ же Фулль, заключалъ свои соображенія признаніемъ въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ, куда отнести и гдѣ искать это мѣсто¹⁾). Несмотря на такую

¹⁾ Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, 132, 178, 206. Въ своихъ черновыхъ замѣткахъ, служившихъ материаломъ для его труда, недавно ставшихъ извѣстными (Маркевичъ, Къ біогр. Кеппена, Изв. Тавр. Арх. Ком. в. 51, 238), онъ соображалъ совсѣмъ иначе, полагая, что Ру—есть перестановка Уръ или Іори, а Фуль—гнѣздо, и слѣдовательно о пріуроченіи сюда Фулль онъ тогда еще не думалъ.

осторожность и условность, его гадательное предположение было понято, какъ нѣчто точное, признано и осмыслено въ „руссія-Фуллы“¹⁾). Прослѣдивъ путь изысканій Кеппена, не-трудно увидѣть причину его сомнѣній. Самъ онъ говорить, что, убѣдившись въ существованіи системы въ расположеніи мелкихъ укрѣплений, раскиданныхъ по южному берегу, состоявшей въ ихъ связи другъ съ другомъ, по смыслу этой системы онъ призналъ, что на Никитскомъ мысу непремѣнно должно было быть укрѣпленіе. Исходя изъ такого положенія, онъ отправился на поиски и, конечно, нашелъ тамъ, какъ и повсюду, остатки стѣнъ и пещеру на берегу моря, что и подтвердило для него вѣрность основного положенія. Татары ему говорили, что это развалины монастыря, а вовсе не крѣпость, но онъ, обратившись къ планамъ Никитской дачи, старымъ и новымъ, увидѣлъ, что эти развалины именуются Рускофиль-кале, т. е. крѣпостью; тутъ же на планахъ показана, по его словамъ, гора Рускофlea и оврагъ Рускофулей.

Общая мысль Кеппена о единствѣ замысла при построеніи всѣхъ укрѣплений южнаго берега и взаимной ихъ связи, столь подробно имъ развиваемая, послужившая, по его же словамъ, поводомъ къ составленію и даже основой его столь извѣстнаго сочиненія, „Крымскій Сборникъ“, сдва ли можетъ быть защищаема²⁾). Для ея признанія прежде всего необходимо допустить одновременное, исключительное и долгое господство какого-либо народа и его правительства на всемъ этомъ пространствѣ, и кромѣ того возможность взаимнаго содѣйствія и большой сферы вліянія укрѣплений одного на другое. Ничто подобное не можетъ быть даже и намѣчено, такъ какъ легко доказуется противное, а послѣднее условіе не только ничтожными крѣпостными южнаго берега, но и вообще въ древнія времена весьма слабо достигалось. На южномъ берегу всѣ укрѣпленія были только мѣста защиты, упрощенно построенные, пользуясь благопріятными мѣстными условіями, на случай разбойничьяго напа-

¹⁾ Васильевскій, Русско-Визант. изслѣд., II, CCXCIX. Житіе Стефана Сурожскаго. Впрочемъ, по недостаточному знакомству съ мѣстными условіями, онъ же указывалъ (II, CCCII), согласно приписки росписи Де Боора, что Фуллы находятся пососѣдству съ рѣчкой Кара-су. Въ дѣйствительности между этой рѣчкой и Никитскимъ мысомъ лежитъ цѣлый хребетъ горъ и не менѣе семидесяти верстъ разстоянія,—какое ужъ тутъсосѣдство.

²⁾ Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, 44—46; О. Кеппенъ, Біографія П. И. Кеппена, 158, отт. Сборн. отд. Русск. Яз. Академ. Н., LXXXIX.

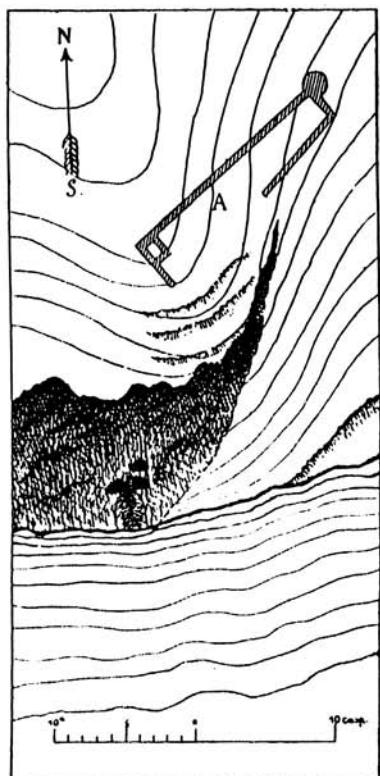
денія; всѣ они строились въ разныя времена и имѣлись при всякомъ поселеніи; загнать въ нихъ скотъ, спрятать-что поцѣнить, отсидѣться тамъ, особенно женщинамъ и дѣтямъ въ теченіе нѣсколькихъ дней,—вотъ все ихъ назначеніе; при этомъ ни о какой системѣ обороны края и взаимной для того связи укрѣплений не могло быть и помышленія. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣть даже воды, и подавно питья какихъ либо подлинно —боевыхъ крѣпостныхъ приспособлений, напр. бойницъ, амбразуръ, рвовъ; даже башни большая рѣдкость, имѣются лишь стѣны. Исключениемъ по южному берегу были Ай-Тодоръ, Гурзуфъ и Алушта, служившія государственнымъ цѣлямъ, но и то узкаго значенія и самаго различнаго времени построенія, отъ Херсоно-римскаго и Византійскаго до Турецкаго включи-

тельно, причемъ строители на протяженіи тысячелѣтія, конечно, не могли держаться одной какой-либо системы.

Въ частности, о Рускофулькале, указанномъ Кеппеномъ, говорилось такъ много и часто, что не лишни будутъ и нѣкоторыя подробности, особенно потому, что самъ Кеппенъ, сверхъ обыкновенія, никакого его описанія не далъ. На Никитскомъ мысу, на его крайнемъ выступѣ въ море, восточнѣе границы казеннаго сада, на землѣ кн. Долгорукова, издавна называемой „Мартіанъ“, дѣйствительно пріемѣтны слѣды развалинъ. Вмѣсто длиннаго ихъ описанія даю планчикъ, хотя сдѣланный и глазомърно, но достаточно указывающій, въ чемъ дѣло.

Общій смыслъ этихъ стѣнопечекъ ничего въ себѣ церковнаго

не заключаетъ, и, конечно, правъ Кеппенъ, видѣвшій здѣсь крѣпостцу, а не монастырь. Тонкія и не высокія, судя по остаткамъ, стѣнки ограждали очень небольшое пространство, около

пятидесяти квадр. сажень площи. На концахъ длиной стѣны съ сѣвера были жилья, а можетъ быть и маленькия башни, безъ раскопокъ нельзя сказать точно. Внутри, за стѣной, примѣтны слабые слѣды жилья, и находятся обломки сосудовъ и греческой большой, плоской, кровельной черепицы. Какъ по этому послѣднему признаку, такъ и потому, что на остаткахъ стѣнъ выросли толстыя деревья можжевельника (*Juniperus excelsa*), возрастомъ лѣтъ по двѣ-три сотни, можно заключить, что все это брошено и развалилось много ранѣе русскихъ и, быть можетъ, даже турецкихъ временъ. Верхняя часть крѣпости находится на высотѣ около трехсотъ футовъ надъ моремъ, а доступъ къ ней со стороны моря прикрыта совершенно недоступнымъ обрывомъ скалы. Внизу этой скалы, саженяхъ въ 8—10 надъ моремъ, видны отверстія двухъ пещеръ (Б на планѣ); нижняя прикрыта верхомъ сползшай части скалы, по которой очень ловкимъ людямъ, съ немалой опасностью, и можно добраться къ ея двумъ оставшимся входамъ; верхняя пещера совершенно недоступна. По рассказамъ лазившихъ въ нижнюю пещеру, въ ней нѣть ничего, никакихъ признаковъ обѣлки человѣкомъ, а ея мѣра около трехъ сажень ширины, шести длины и одной высоты. Ни малѣйшей связи между пещерами и крѣпостцою не имѣется и не могло быть когда либо; только спустившись отъ крѣпости по очень кругому и едва доступному оврагу къ самому берегу моря, можно, по его урѣзу и то лишь въ тихую погоду, добраться къ подножью скалы, по которой лазятъ въ пещеру. Случалось, и даже очень недавно, что въ этой пещерѣ скрывались недѣлями отъ поисковъ полиціи, что слышалъ отъ самого сидѣльца. Слѣдовъ какого либо поселенія вокругъ крѣпости не примѣтно, да и едва ли оно могло быть по совершенному отсутствію воды; впрочемъ, верстахъ въ полутора, къ верхнему шоссе, есть усадьба Мартянъ (названіе этого уроцища извѣстно до занятія Крыма), съ источникомъ воды, гдѣ и могло быть небольшое поселеніе, которому служила убѣжищемъ описываемая крѣпостца; при занятіи Крыма никакого поселенія здѣсь уже давно не было. Все описанное ничтожнѣесосѣднихъ деревенскихъ укрѣплений и, конечно, не могло быть государственной крѣпостью, даже въ самомъ скромномъ пониманіи этого слова.

Планы этихъ мѣсть, всѣ, какие когда либо существовали, извѣстны и старательно разсмотрѣны; на нихъ оказывается не

совсѣмъ то, что говорилъ Кеппенъ¹⁾). Первый, старѣйший планъ, отъ 1797 года, большой дачи „Богоданной“, замежованной коллежскому совѣтнику Матвѣю Никит. Смирнову, заключаетъ въ себѣ землю на южномъ берегу Тавриды отъ предѣловъ разоренной деревушки Ялты, въ которой жителей, по плановой подписи, тогда не оказалось, до деревни Гурзуфа. На этомъ планѣ обозначены земли Марсанды и Магарача, окружавшія разоренные бывшія деревни тѣхъ же именъ, и еще существовавшей, но уже татарской деревни Никиты²⁾). Планъ, по своему

¹⁾ Приношу всяческую благодарность предс. Тавр. Уч. Арх. Комисс. А. И. Маркевичу и бывшему директору Никитскаго сада М. Ф. Щербакову, любезностью которыхъ я получилъ описание, а затѣмъ и самые планы.

²⁾ Въ дачѣ Богоданной 3065 дес. земли съ обильными водами, въ томъ числѣ и вся округа Марсанды, незадолго до того, въ 1788 году, пожалованная принцу Нассау-Зигену (D'Aragon, Le prince Ch. de Nassau-Siegen, 167, 169, 172, 379; умеръ въ 1808 г., въ подольскомъ имѣніи, близъ Немирова). Смирнову эту дачу отвели высоч. указомъ, 3-го апр. 1796 года; еще ранѣе ему же была отведена сосѣдня съ юга дача въ долинѣ р. Качи, вокругъ деревни Стили; 3903 дес., въ 1788 г. по приказу кн. Потемкина, такъ что образовался огромный участокъ почти въ семь тысячъ десятинъ (Лашковъ, Сборн. док. по истор. крымско-татарск. землевлад., Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., № 25, 149; дѣло Воен. Уч. Арх. Главн. Шт., № 14776; тамъ-же весьма любопытное, гораздо болѣе подробное описание, съ примѣчаніями, городовъ и земель, времени около 1800 г., № 45). Матвѣй Никитичъ Смирновъ былъ директоромъ экономіи (казенной палаты) въ Таврич. области послѣ Габлица, назначенного тамъ-же вице-губернаторомъ. Позже по просьбѣ послѣдняго, уже сенатора, Смирнова назначили вице-губернаторомъ Подольской губерніи въ 1798 г., но въ 1801 онъ былъ уволенъ отъ службы (Никольскій, Опис. Сенат. дѣлъ, Тавр. Уч. Арх. К., № 11 и 92); умеръ, вѣроятно, въ 1803 г., такъ какъ въ 1804 распоряжается уже его вдова (Александровъ, Ист. учрежд. Духовн. правл., 340, Изв. Тавр. Арх. Ком., № 54). Больше ничего не знаю. Повидимому не большой человѣкъ, съ невеликимъ чиномъ, но значеніе нѣльзъ какое-то особенное. Принадлежность ему этой огромной дачи, на южномъ берегу, съ тремя деревнями, Марсандой, Магарачемъ и Никитой, показана уже Палласомъ, при чемъ этотъ ученый, крайне осторожный въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ, замѣчаетъ, что о способахъ приобрѣтенія Смирновымъ этой дачи онъ считаетъ говорить не приличнымъ. Было бы любопытно выяснить все это дѣло (Pallas, Ветеркъ, II, 173). Ни въ одномъ спискѣ отводимыхъ въ Крыму дачъ нѣть отвода ни Марсанды (пр. Нассау), ни Партенита (тогда же пожалов. принцу де Линю). Относительно де Линя это выяснилось. Именнымъ указомъ (безъ числа) губернатору Жегулину (1788—1797) повелѣно отвести въ вѣчное владѣніе де Линю дачи „Партеницу“ (т. е. Партенитъ) и Никиту“. Вскорѣ послѣ такимъ же повелѣніемъ В. С. Попову (тоже безъ числа) вмѣсто этихъ, дачъ выплачено де Линю изъ кабинета 15000 р. (Рук. Од. Общ. II, 29,

времени, хорошо и подробно составленъ; на немъ обозначена вся внутренняя ситуація, съ многими названіями разныхъ уро-чищъ; въ томъ числѣ восточнѣе нынѣшней траницы Никит-скаго сада показанъ „оврагъ Руску фулей“.

Въ 1812 году, по требованію ген. губерн. герц. Ришелье, для отвода земли предположенному Никитскому саду, этого же планъ дачи, купленной обратно въ казну, былъ переснятъ въ губернской чертежной въ меньшемъ масштабѣ; на немъ, въ томъ же мѣстѣ, показанъ и оврагъ „Руску фулей“.

Въ 1813 году составленъ особый планъ земли, отведенной Никитскому саду, для устройства котораго отрѣзана часть дачи „Богоданой“. Внутренняя ситуація снималась вновь на мѣстѣ, но многое уже пропущено и иначе писано, по сравненію съ первымъ межеваніемъ. На этомъ планѣ восточная граница Никитскаго сада прошла по отрогу горъ, между оврагами Руску фулей на востокѣ и Папаки Юри на западѣ; очевидно, только поестественному пограничному гору, не обозначенную ранѣе никакимъ названіемъ на планѣ основного межеванія, здѣсь называли „гора Руско фугея“, невѣрно прочтя на старомъ планѣ послѣднее слово.

Въ 1833 году вся дача опять межевалась; ситуація внутри еще болѣе сокращена, но на свое мѣстѣ показанъ „оврагъ Рускофулей“.

Наконецъ, въ архивѣ Никитскаго сада нашлись упрощен-ныя копіи съ первого и третьяго плановъ, но на нихъ рукою Стевена, извѣстнаго ученаго и первого директора Никитскаго сада, сдѣлано много помѣтъ и примѣчаній, съ указаніемъ 1814 года. Возможно думать, что на этихъ копіяхъ и названія урочищъ могли быть исправлены или дополнены Стевеномъ слышаннымъ на мѣстѣ. На копіи съ первого плана показано почти то же — „оврагъ Руско фулей“, а на копіи съ третьяго — „гора Руксофуль“. Надобно замѣтить, что имѣніе Мартіанъ (съ Ай-Данилемъ), а съ нимъ и Рускофуль, одно время принадле-жали Стевену. Не знаю, какимъ путемъ этотъ большой участокъ ему достался, но въ 1820 г. онъ его продалъ, въ Парижѣ, гр. Воронцову заглазно и, конечно, за пустячную цѣну. Это было первое пріобрѣтеніе Воронцова въ Тавридѣ¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что хотя плановъ этой дачи и много, но лишь одинъ изъ нихъ, основной, послужилъ образцомъ для всѣхъ, а ничтожныя измѣненія въ написаніи на другихъ

63 л. 150, коп. письма Екатерины въ XXVIII т. 3.0.0. И. и. Д.). Вѣроятно, такъ же было поступлено съ имѣніемъ, пожалованнымъ Нассау.

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, т. 37, Автобіографія, 71.

объясняются описками чертежниковъ. На планахъ оказывается только оврагъ, носящій искомое название въ видѣ Руску фулей, Руско фулей; гора получила подобное название только отъ распространительного толкованія послѣдующихъ чертежниковъ, Руско фугея и Руксофуль, а крѣпости, т. е. названія съ прибавкой слова „кале“, не имѣется ни на одномъ планѣ; нѣть и написанія Рускофиль. Во всякомъ случаѣ хотя Кеппенъ и говоритъ, что именемъ Рускофиль „на старыхъ и новыхъ планахъ“ названы развалины крѣпости, но такихъ развалинъ ни на одномъ планѣ, вовсе не показано, хотя и обозначены разоренные деревни и даже развалины церквей: одна въ верхней Марсандѣ, Яни, т. е. Ай-Янъ (св. Иоаннъ), а другая въ Никитскомъ саду, Аюръ, т. е. Ай-Юри (св. Георгій); на мѣстѣ первой выстроена въ 1832 г. новая въ то же имя, а развалины второй въ верхней, восточной части Никитского сада, еще примѣтны. На военно-топографической карте 1817 года, по которой Кеппенъ составлялъ свою, также ни развалинъ крѣпости, ни даже самаго имени Рускофиль или подобнаго не значится. Тоже и на всѣхъ болѣе раннихъ, первоначальныхъ картахъ, рукописныхъ и печатныхъ. На болѣе позднихъ, 1838 и 1845 годовъ, крѣпость съ именемъ своимъ уже обозначена съ карты Кеппена. Нельзя думать, что планы, видѣнныя Кеппеномъ, затерялись безслѣдно, но возможно, что онъ слышалъ отъ кого либо даваемыя имъ объясненія и дополненія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что по рукописнымъ путевыхъ материаламъ Кеппена (1833-го года), по которымъ онъ составлялъ „Крымскій Сборникъ“, ясно видно, что онъ имѣлъ въ виду только тотъ же первый планъ 1797 года и, найдя развалины крѣпости, название ей даетъ самъ, по имени оврага, а не получилъ его съ плана, или съ устныхъ разсказовъ; название Рускофиль также еще не имѣется въ этихъ замѣткахъ¹). Далѣе будетъ представлено самое очевидное и несомнѣнное доказательство невозможности бытія Фуллъ гдѣ либо въ этихъ мѣстахъ, такъ что всѣ приведенные подробности въ сущности излишни, но Кеппенъ слишкомъ большой человѣкъ для Тавриды, и потому необходимо было дать подробное разясненіе его предположенія.

Мысль о нахожденіи урочища съ подходящимъ именемъ преслѣдовалась многими и послѣ Кеппена. Одно время, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, очень этимъ увлекаясь и услышавъ объ урочищѣ, называвшемся *Мега-фули*, да еще и съ крѣпостцою

¹⁾ Маркевичъ, Къ біографіи Кеппена, Изв. Тавр. Арх. Ком. в. 51, 238.

и остатками древнихъ сооруженій подлѣ нея, я подумалъ, что нашлись и Фуллы; къ сожалѣнію, и это оказывалось тамъ, гдѣ ихъ быть не могло. Занимаясь дальнѣйшимъ розыскомъ подобо-звучныхъ именъ, пришлось узнать ихъ много, и по одному этому уже не оставалось сомнѣнія въ особомъ значеніи этого слова, вовсе не относящемся къ искомымъ Фулламъ. У мѣст-ныхъ грековъ *φούλια*, *φούλιά* значитъ гнѣздо, берлога, логовище; въ этомъ же смыслѣ это слово понимается и употребляется горными татарами и до сихъ поръ; именно въ этомъ значеніи, а вовсе не въ память города Фулль, оно и встрѣчается въ названіи многихъ уроцищъ.

Понятно, что и слова, его сопровождающія, поясняющія, всегда должны имѣть значеніе. Идя отъ запада къ востоку, можно указать:

Фулли (логовище) — пещера на берегу моря въ Оріандѣ.

Фуль (логовище) — мѣстность гдѣ-то въ верхней Ливадіи, которую совершенно точно я не могъ разыскать.

Іеракъ-фоль-Каясы (скала журавлинаго гнѣзда) — подъ вершиной горнаго хребта надъ Ялтой, у Яузлара.

Мега-фули (большое гнѣздо) — на Исарѣ, близъ Ялты, имѣніе докт. Бокова.

Караканджолъ-фулесть, по татарски — шайтанъ эвлерь (гнѣзда вѣдьмъ) — въ верхней Ауткѣ и въ другихъ мѣстахъ, древнія могилы, большими ящиками.

Фулисъ-богазъ (логовищный проходъ) — на тропѣ изъ Ялты въ Узень-башъ, онъ же Іографъ-богазъ, по остаткамъ церкви во имя св. Евграфія, въ большой пещерѣ подъ самой вершиной.

Шаганинъ фоль-каясы (скала соколинаго гнѣзда) — за деревней Ай Василь.

Фулли-чесме (логовищный источникъ) — въ деревнѣ Ай-Василь.

Руску-фуль (оврагъ гнѣзда) — на Мартіанѣ, подлѣ границы Никитскаго сада, оврагъ¹⁾.

Фули-кая (скала гнѣзда) — въ уроцищѣ Мартьянѣ, подлѣ Никиты.

Фуле (логовище) — ущелье надъ Гурзуфомъ.

Фуле (гнѣздо) — въ ущельи подлѣ мѣста Болгатуръ, около дер. Гурзуфа.

¹⁾ Мѣстными греками эти удивительныя „русскія Фуллы“ понимаются изъ словъ *ροῦς* — оврагъ, течея, протокъ и *φούλιά* — гнѣздо, логовище.

Фулъ-коба (пещера - логовище) — выше дер. Туакъ, въ горахъ.

Петро-филь (каменное гнѣздо) — надъ деревней Арпать.

Далѣе, за очевидностью дѣла, я прекратилъ розыски въ этомъ смыслѣ, но, конечно, можно было бы найти еще болѣе „гнѣздъ“ и „логовищъ“ въ горной Тавридѣ, однако такое звукоподобіе названий разныхъ уроціицъ не даетъ ни малѣйшаго права видѣть въ какомъ бы то ни было изъ нихъ Фуллы, хотя и весьма въ свою пору вѣроятно, что ихъ название имѣло то же значеніе. Поиски Фуллъ по звонамъ этимъ не ограничились. Миклошичъ въ 1860—65 г. издалъ I—II тома „Актовъ Констант. Патріархата“, вскорѣ переведенныхъ и напечатанныхъ по русски въ томъ, что касалось Тавриды¹). Ими вскрылись любопытнѣйшія странички ея церковной жизни, въ особенности въ столь часто обращающемся на себя вниманіе описаніи спора за приходы между митроп. Херсонскимъ и Готскимъ. Мѣстности, о которыхъ спорили, легко узнаются въ существующихъ и понынѣ названіяхъ поселеній (подробно указано выше), сомнѣнія были въ немногихъ, и между послѣдниму приходѣ Фуна²). Въ первой главѣ этой статьи приведено достаточно данныхъ для совершенно точного указанія мѣстонахожденія этой деревни, одноименной съ Демерджи, и объ этомъ пришлось здѣсь вспомнить потому, что и она отождествлялась съ Фуллами, изъ-за нѣкотораго подобозвучія (Мурзакевичъ, о. Родіоновъ). Однако и тогда это ни къ чему не вело, такъ какъ никто не могъ указать, гдѣ была и Фуна. Всего удивительнѣе, что при этомъ не замѣтили, какъ та самая грамота патріарха Нила (1384 г.), изъ которой впервые узналось о существованіи прихода Фуны, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнѣйшимъ образомъ устанавливаетъ, что не только въ этомъ приходѣ не могли быть Фуллы, но и ни на какомъ мѣстѣ спорной территории, т. е. тамъ, гдѣ ихъ искали Кеппенъ, Мурзакевичъ, Родіоновъ, Томашекъ и Васильевскій. Дѣло въ томъ, что патріархъ, для разбора, кто правъ, Херсонскій или Готскій, поручилъ сдѣлать разслѣдованіе на мѣстѣ митрополиту Сугдеи и Фулль. Этимъ самымъ точно опредѣлялось, что въ числѣ спорныхъ мѣстъ не могли быть Фуллы, титулъ которыхъ носилъ, а стало быть и управлялъ ими, митрополитъ, избранный судьей: не могъ же онъ свой епархиальный городъ

¹⁾ Miklosich, Acta et diplom. 9 ч., T. I, Acta Patr. Const. 1315—1402; Зап. Од. Об. Ист. Др., т. V и VI.

²⁾ Miklosich, op. c. CCCLVII, CCCCXIX.

присуждать кому-либо иному, не то Херсонскому, не то Готскому; это совершенная очевидность, и нельзя не удивляться, какъ она могла оставаться незамѣченной, тѣмъ болѣе, что уже и Кеппенъ полагалъ, что всѣ эти мѣста должны были принадлежать Готской епархіи¹⁾). Изъ смысла же самаго спора и всего сказаннаго здѣсь обѣ этихъ мѣстахъ въ первомъ отдѣлѣ и о предѣлахъ епархіи во второмъ, неизбѣжно слѣдуетъ, что Фуллы не могли быть ни въ Херсонской, Готской или Сугдейской епархіяхъ, вообще говоря, ни въ спорныхъ между ними округахъ Кинсанусѣ и Элиссѣ въ частности, чѣмъ исчерпывается все южное побережье, а слѣдовательно ихъ *нельзя искать на всемъ пространствѣ Тавриды отъ Херсона до самой Кафы*; они могли быть только на сѣверномъ склонѣ. Итакъ мы видимъ, что поиски Фулль по звукоподобію ничего опредѣленнаго не указали и, повидимому, не могутъ и впредь дать что либо годное.

Вотъ и все, что можно было найти документальнаго по вопросу о мѣстоположеніи Фулль; кажется, ничего не пропущено. Всего шесть разныхъ извѣстий, и хотя изъ нихъ не получилось какого-либо точнаго опредѣленія мѣста искомаго города, но все же вѣроятныя соображенія (подчеркнуты) изъ всѣхъ весьма согласно и опредѣленно указываютъ, что Фуллы могли быть лишь въ горной Тавридѣ и только на сѣверныхъ склонахъ *ея горъ, вблизи Лороса и Херсона; онъ не были въ Кафѣ или вблизи ея.*

Въ самомъ началѣ указаны многоразличныя мнѣнія, о томъ, гдѣ были Фуллы, но долженъ еще прибавить, что всѣ они, за исключеніемъ одного (Ю. А. Кулаковскаго), были простыми, краткими указаніями, безъ какихъ-либо доказательствъ; самое большее, что основывались на случайныхъ звукоподобіяхъ. Примѣнительно къ представленному выше опредѣленію мѣста Фулль эти мнѣнія такъ расположатся. Всѣ указывавшія Фуллы внѣ Тавриды (Дунай, неопределенно гдѣ-то къ сѣверу, за Таманью) могутъ почестъя случайно сказанными; таковыми же будутъ помѣщавшія Фуллы хотя и въ Тавридѣ, но внѣ горной части (Евпаторія, Керчь); многочисленныя, можно сказать наиболѣе распространенные, указанія, полагавшія Фуллы на юж-

¹⁾ Кеппенъ, Кр. Сборникъ, 133. Слѣдуетъ замѣтить, что это обстоятельство было указано, но много позже всего печатаннаго по этому вопросу, и тамъ, гдѣ его не легко найти. См. Тимошевскій, Маріуполь и его окрестности, 6, примѣч.

номъ прибрежны (Кастрополь, Оріанда, Ливадія, Аутка, Рускофиль, Партенит, Искють, Туакъ, Отузы) должны быть отвергнуты, потому что всѣ эти урошища находятся не на сѣверныхъ склонахъ, а ничто находившееся между Херсономъ и Феодосіей включительно, къ югу, не могло быть мѣстомъ Фулль; только два изъ сдѣланныхъ указаній Чуфутъ-кале и Старый Крымъ удовлетворяютъ основному, несомнѣнному положенію, находятся на сѣверныхъ склонахъ горъ. Послѣднее пріуроченіе къ Старому Крыму дано Ю. А. Кулаковскимъ, представившимъ разнаго рода данины и соображенія въ его поясненіе. Принять ихъ къ тщательному разсмотрѣнію, сравнивъ съ тѣмъ, что можетъ быть сказано относительно Чуфутъ-кале, можно было бы высказаться за одинъ изъ этихъ городовъ, но хотя общее поле для розысковъ и не велико — сѣверные склоны горъ, но вмѣщало въ себѣ не только эти два поселенія, а потому и разсмотрѣніе приходится поставить нѣсколько шире. Сдѣлаю это въ дальнѣйшемъ, но прежде всего приходится указать, что оно можетъ быть только субъективнымъ, основаннымъ на близкомъ знаніи самаго края и, следовательно, вполнѣ доступнымъ лицамъ столь же съ нимъ знакомымъ; только въ немногомъ можно будетъ представить и документальная соображенія.

Сѣверный склонъ Таврическихъ горъ, понимая его въ общихъ чертахъ между Севастополемъ и Старымъ Крымомъ, приблизительно по длинѣ ста двадцати верстъ и ширинѣ въ среднемъ около двадцати, вполнѣ своеобразная, опредѣленно характерная горно-лѣсная страна съ многочисленными остатками древнихъ поселеній. Рука и мысль историка-археолога касалась его весьма мало, но, благодаря мѣстнымъ условіямъ, здѣсь сохранилось очень многое, такъ что и безъ особыхъ работъ по раскопкамъ доступно пониманію при внимательномъ обзорѣ. Въ этой странѣ высокія скалистыя горы, вершины которыхъ, образованныя изъ очень мягкаго, но плотнаго известняка, давали поводъ и легкую возможность населенію, во всѣ времена, до нашихъ включительно, пользуясь этими свойствами скаль, устраивать свои жилища не только обычнымъ путемъ, изъ каменихъ стѣнъ, но и прямымъ выдалбливаніемъ разныхъ помѣщеній цѣликомъ въ самыхъ скалахъ; всѣ подобныя такъ наз. пещерныя поселенія, известныя въ Тавридѣ, находятся исключительно въ западной половинѣ этой полосы и нигдѣ болѣе. Эти сооруженія трудно истребимы, даже и для руки времени они мало податливы, но и обыкновенныя посе-

ления, строенные изъ камня, па мало доступныхъ высотахъ, сохранились въ значительной степени хорошо, потому что населеніе, достигнувъ спокойнаго для мирной жизни времени, ушло съ вершинъ горъ въ долины, а все выравнивающія археологическія наростанія, за неимѣніемъ, почти, лежащей выше этихъ сооруженій земли, образовывались слабо. Вотъ причины, по которымъ можно сказать, что въ общемъ смыслѣ никакое бывшее здѣсь поселеніе не исчезло безслѣдно, такъ что уже при небольшомъ стараніи возможно разобрать главные черты всякаго когда либо бывшаго, оцѣнивая ихъ сравнительную значительность. Разумѣется, во всѣ времена это были мѣста дикія, глухія, лежавшія виѣ бойкихъ путей торговаго движенія, съ красивой, но бѣдной природой и рѣдкимъ населеніемъ. Даже развалины наибольшаго города этого края —Дороса (Мангупъ-кале) въ современномъ пониманіи жалки и малы, хотя сравнительно съ другими онъ все же смотрять, чѣмъ и должны, — многовѣковой столицей страны.

Послѣ такого предваренія можно утверждать, что развалины древнихъ Фулль, бывшихъ, конечно, крѣпостью, столицей особаго народа и въ теченіе долгаго времени епархіальными городомъ, не могли исчезнуть безслѣдно и непремѣнно должны найтись въ какомъ-либо изъ остатковъ древнихъ поселеній; забыто только название Фулль, замѣнившись другимъ, но именно здѣсь мы и знаемъ нѣсколько безыменныхъ поселеній. Попробуемъ теперь разсмотрѣть всѣ извѣстныя большія крѣпости и поселенія вкратцѣ, идя отъ запада къ востоку, оцѣнивая ихъ въ смыслѣ вѣроятности пріуроченія къ нимъ Фулль.

Инкерманъ — первый пещерный городъ въ глубинѣ Севастопольского залива; онъ удовлетворялъ бы представленію о Фуллахъ, но, находясь между Херсономъ и Феодоро (Доросомъ), т. е. между епархіальными городами Херсонской и Готской епархіи, въ разстояніи верстъ восьми отъ одного и двѣнадцати отъ другого, никакъ не могъ самъ стать во главѣ осоей епархіи. Въ XV вѣкѣ онъ, ~~поселение, принадлежавшее~~ къ Готской епархіи, — въ немъ устраивалъ портъ и строилъ крѣпость владѣтель Феодоро; къ тому же его название — Каламита, точно извѣстное, какъ идущее изъ до-татарскихъ временъ, почему и было употребительно Генуэзцами, какъ выше показано, не допускаетъ иного¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя подробности въ ст. „Каламита и Феодоро“ въ Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., № 55.

Эски-керменъ-- отдалъная возвышенность въ видѣ острова, съ неприступными, скалистыми боками, подглѣ дер. Черкесъ-керменъ. Остатки большого поселенія, и пещернаго и надземнаго, съ водой, крѣпостными стѣнами и нѣсколькими церквами (одна даже съ горнимъ мѣстомъ). Самое название этого поселенія не сохранилось (Эски-керменъ -- старая крѣость, не собственное, а нарицательное имя). Мѣсто это глухое и дикое, такъ, что все взятое давало бы этимъ развалинамъ вѣроятность называться Фуллами, но оно находятся всего верстахъ въ пяти къ западу отъ Феодоро, и слѣдовательно нельзя допустить, чтобы здѣсь могла образоваться своя особая епархія; соединиться же съ далекой Сугдеей этому мѣсту уже и во все невозможно въ виду получающейся черезполосицы.

Мангупъ-кале (Дорось, Феодоро)--столица и епархіальный городъ Готской епархіи, конечно, не могъ быть Фуллами, въ которыхъ находился въ тюремномъ заключеніи Иоаннъ Готскій, послѣ неудачи восстания, поднятаго имъ въ Доросѣ.

Сюйренъ (собственно такъ называются татарскія деревни, надъ одной изъ которыхъ высится древняя крѣость, неизвѣстная по имени крѣость,-- въ пяти-шести верстахъ отъ Мангупъ-кале; очевидно, могла быть только его же епархіи. Еще Бусбекъ зналъ съ этимъ названіемъ (Сциваринъ) готское поселеніе, но его указаніе относится къ деревнямъ, лежащимъ въ долинѣ, а само укрѣпленіе никогда не могло быть городомъ, поселеніемъ въ обычномъ порядкѣ этого слова¹). Тамъ совершенно нѣтъ ни воды, даже вблизи, ни замѣтныхъ слѣдовъ построекъ; есть только одна башня и стѣна, закрывающая перешеекъ недоступной, высоко поднятой надъ долиной скалы. Это, очевидно, одна изъ столь обычныхъ въ горной Тавридѣ крѣпостей-убѣжищъ, куда въ случаѣ нападенія, на нѣсколько дней, скрывалось населеніе сосѣднихъ деревень, не жившее тамъ въ обычную пору.

Керменчикъ-- очень незначительное поселеніе; его собственное имя неизвѣстно, Керменчикъ ..ачигъ крѣпостъ; также безъ воды и также слишкомъ близокъ къ Мангупъ-кале (около пятнадцати верстъ), чтобы быть иной епархіи. Въ окрестностяхъ много старыхъ церквей, что указываетъ на значительное населеніе, но все это разбросано между нѣсколькими деревнями²).

¹⁾ A, G. Busbequii, Legationis Turcicae epistola quat., 1595, 258.

²⁾ Подробнѣе моя брошюрка: „Керменчикъ“.

Бахчи-сарай—не только исключительно татарскій, но и не старый городъ, едва съ конца XV вѣка; никогда не имѣлъ крѣости. Образованіе этого поселенія въ топографическо-историческомъ смыслѣ совершенно подобно Кара-су-базару и Старому Крыму, гдѣ о томъ и говорится.

Чуфутъ-кале—имѣетъ всѣ данныя быть Фуллами, о чёмъ далѣе подробнѣ.

Тепе-керменъ—отдѣльно стоящая горная вершина съ скалистымъ верхомъ, на которомъ сохранились слѣды всякаго жилья, особенно пещерного; есть и церкви¹). У этого поселенія мы тоже не знаемъ древняго названія, такъ какъ теперешнее просто описательное—холмъ-крепость. Возможно бытіе здѣсь Фуллъ, но это мнѣ кажется едва-ли вѣроятнымъ потому, что имѣющееся мѣсто и самые древніе остатки слишкомъ малы для города, а еще болѣе потому, что ни на вершинѣ, ни даже вблизи нѣтъ воды.

Кара-су-базарь—можно повторить сказанное для Бахчи-сарай, но городъ еще менѣе старый.

Старый Крымъ—теперь маленький городокъ; было же здѣсь очень большое поселеніе. Лежитъ на сѣверномъ склонѣ горъ, но инымъ условіямъ бытія Фуллъ не удовлетворяетъ, что разсмотрѣно далѣе подробнѣ.

Между указанными, сколько нибудь значительными поселеніями, заброшенными или еще живущими, есть и нѣсколько не перечисленныхъ выше пещерныхъ поселеній (Мармора, Шулданъ, Качи-кальянъ, Бакла и т. под.), но въ нихъ отсутствуютъ крѣости, и всѣ они такъ малы, представляя остатки просто церквей или монастырей, или, въ лучшемъ случаѣ, мелкихъ деревенскихъ поселеній, что не заслуживаютъ упоминанія въ поискахъ за Фуллами.

Итакъ, пересмотръ всего на сѣверныхъ склонахъ приводить къ тому же, что и разборъ по памятникамъ: только къ одному древнему поселенію вѣроятно пріуроченіе Фуллъ—къ Чуфутъ-кале. Этому утвержденію, основанному на отборѣ всѣхъ остальныхъ поселеній, представлю и прямые доказательства по самому мѣсту Чуфутъ-кале.

Фуллы извѣстны съ VI вѣка (выше § 1) существовали подъ своимъ именемъ по крайнѣ мѣрѣ до совершенного утвержденія Монголо-Татаръ въ Тавридѣ, т. е. не менѣе, какъ

¹⁾ Довольно подробное обслѣдованіе и описание дано Боровко, Тепе-Керменъ, Зап. Кр. Общ. Естеств., 7.

до XIV вѣка. Въ глухую пору этихъ семи-восьми вѣковъ, смѣшеніе разнообразнѣйшихъ народовъ и племенъ, заполнившихъ Тавриду, съ ихъ постоянной враждой, ссорами, разбоемъ, войнами, отсутствіемъ центральной власти, всю житейскую дѣятельность сводило къ тому, что она или разливалась въ кочевья степей, находя защиту въ ихъ безбрежности, или сосредоточивалась въ укрѣпленныхъ мѣстахъ Таврическихъ горъ. Въ послѣднихъ случаяхъ только исключительныя, да и то прибрежныя, торговыя поселенія, эксплуататоры и насильники страны (Херсонъ, Кафа), были въ состояніи создать достаточно могущественные крѣпости тамъ, гдѣ желали того въ торговопромышленномъ смыслѣ, не выискивая особо сильныхъ природныхъ условій для нихъ. У полутихихъ, бѣдныхъ и маломощныхъ народовъ воинское, техническое и экономическое слабосиліе заставляло приносить въ жертву всяческія житейскія выгоды и удобства, лишаться крайне необходимаго, лишь бы обеспечить, спасти самое существованіе возможно малыми затратами и защитниковъ, и знанія, и средствъ. Выискивались трудно доступныя вершины горъ, обрывы высокихъ скалъ, хотя бы мало или вовсе безводныя, почти негодныя для жизни, но дававшія возможность найти готовую природную защиту, лишь въ самой малой степени, съ одной какой-либо стороны, прибавивъ искусственное закрытіе стѣной. Подъ такую защиту прибѣгали не только горожане, которыхъ въ нашемъ смыслѣ, было очень немногого, но и все окрестное, осѣдлое, земледѣльческое населеніе цѣлаго народа, племени или округи. Требуемыя вышеописанныя природныя условія, крѣпкія живыя уроцища, въ разматриваемой странѣ, особенно многочисленны въ ея западной половинѣ (отъ Инкермана до Чуфутъ-кале включительно), и вотъ почему на такомъ маломъ пространствѣ могло образоваться столько крѣпостей, какъ указано выше, обладающихъ именно такими природными свойствами. Далѣе къ востоку мѣстная условія мѣняются; скалы, особенно отдѣльными островами, не встрѣчаются, поселеній мало, они оставляются безъ защиты, или смыслъ этой защиты совсѣмъ иной. Отсюда получается и еще доводъ за то, что Фуллы были именно въ западной половинѣ Тидриды и, следовательно, въ одной изъ тамошнихъ природныхъ крѣпостей, а изъ нихъ возможно только Чуфутъ-кале.

Нахлынувшимъ въ Крымъ и осѣвшимъ въ немъ Монголо-Татарамъ, побѣдителямъ полумира, прятаться не приходилось; тѣсныя, безводныя вершины скалъ имъ не только не

были надобны, но, какъ прирожденнымъ степнымъ кочевникамъ и конникамъ, даже невыносимы. Ихъ отношенія къ укрепленіямъ очень хорошо показываетъ разсказъ Барбаро. Однажды въ Танѣ онъ хвастливо указывалъ Татарину хорошую, большую башню, но тотъ презрительно замѣтилъ, что „башни строить трусливый“ (*chi ha rauva fa torro*).¹⁾ Поэтому только въ одной изъ твердынь горной Тавриды они нѣсколько задержались, взявъ Чуфутъ-кале, но и въ немъ большихъ слѣдовъ татарского поселенія не оставили. Повидимому, и здѣсь скрывались во время междоусобій ихъ вожди, прятали туда, что было поцѣнѣе, да содержали важныхъ плѣнныхъ: затѣмъ, въ особыхъ условіяхъ, поселили тамъ караимовъ, о чёмъ далѣе. По тѣмъ же причинамъ въ мѣстахъ, где Татарамъ пришлось образовывать скопленія населенія, свойства торговопромышленного, городского, они устраивались совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлало ранѣе туземное населеніе. Такъ было во всѣхъ населенныхъ ими трехъ городахъ, выдѣленныхъ выше для даваемаго особаго объясненія: въ Крыму (Солхатѣ), въ Бахчисараѣ и въ Кара-су-базарѣ. Всѣ они въ разное время, въ этомъ же порядкѣ постепенности, заселялись Монголо-Татарами и, очевидно, не случайно, а руководясь одними и тѣми же началами, совершенно иными, чѣмъ то было для горныхъ крѣпостей²⁾. Эти поселенія только касаются горныхъ склоновъ, но сами расположены на ровныхъ и низкихъ, сравнительно, мѣстахъ, имѣя рядомъ, тутъ же въ сосѣдствѣ, столь драгоценныя кочевникамъ, безлѣсныя и безбрежныя степи и, что было еще важнѣе, обиліе воды. Въ мѣстахъ расположенія этихъ городовъ вовсе не было какихъ-либо особыхъ, природныхъ условій, прикрывавшихъ, дѣлавшихъ неприступными съ нѣсколькихъ сторонъ эти города; всѣ они совершенно и кругомъ открыты, хотя тутъ же рядомъ имѣются мѣста, дающія природную защиту. Городъ Старый Крымъ на ровной, открытой степи; таково же мѣсто Кара-су-базара; Бахче-сарай лежитъ даже въ ущельѣ, внизу, а первично онъ начался на его предместьяхъ, почти въ чистой степи—въ Эски-юртѣ (Старое поселеніе) и Азизѣ (Святой); хотя неподалеку была готовая, неприступная

¹⁾ Вагаго, *Viaggi fatti alla Tana, Vinegia, 1543, 12 verso.*

²⁾ О времени основанія Бахче-сарада возможныя свѣдѣнія указаны г. Смирновымъ—не ранѣе XV вѣка (Крымское ханство, 118). Для Карасу-базара собраны справки въ моей статьѣ „Къ вопросу о мѣстоположеніи Маврокастрана“,—не ранѣе XVI вѣка. О Стар. Крымѣ подробно далѣе.

крепость---Чуфутъ-кале. Не было удобствъ для созданія укрѣпленій, да и самыхъ укрѣпленій не было ни въ Бахче сараѣ, ни въ Кара-су-базарѣ. Крымъ (Солхать) оказался въ нѣсколько особыхъ политическихъ условіяхъ. О немъ, правда, поздній (нач. XVIII в.), но освѣдомленный турецкій историкъ, вѣроятно крымскій уроженецъ, Сейидъ Мухаммедъ Риза говоритьъ, что мѣстность этого города виачалъ принадлежала Кафской пристани, служа торговымъ сборищемъ восточнымъ и европейскимъ купцамъ, собиравшимся во временныхъ помѣщеніяхъ, т. е. это былъ родъ ярмарки. Авторъ „Краткой Кр. Исторіи“ повторяетъ весь разсказъ, относя его къ 300 году геджры¹⁾), конечно, по ошибкѣ, такъ какъ такое время совершенно невѣроятно. Впрочемъ, изъ существа разсказа С. М. Ризы время получается довольно опредѣленно, по соображенію съ тѣмъ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіемъ „Кафская пристань“. Очевидно, что принадлежность Крыма этой пристани никоимъ образомъ нельзя понимать, какъ ея государственное владѣніе; оно могло имѣть смыслъ только факторіи, частнаго имущества жителей Кафы въ чужой землѣ, а такое пониманіе опредѣляетъ и время--не ранѣе существованія въ Кафѣ колоніи Генуэзцевъ. Нѣть надобности входить въ разсмотрѣніе давности примѣненія названія Кафы къ извѣстной мѣстности, во всякомъ случаѣ поселеніе этого имени не могло вести ранѣе Генуэзцевъ, черезъ Стар. Крымъ, міровую торговлю²⁾; мало того, въ точности извѣстно, что ра-

¹⁾ Смирновъ, Кр. Ханство, XI, 76.

²⁾ Хольсонъ въ „Сборникѣ еврейскихъ надписей“, стр. 194—208, изданномъ въ объясненіе и защиту находокъ Фирковича, приводить надписи изъ еврейской синагоги въ Феодосіи отъ 909 и 1309 годовъ. Однако, на стр. 204 онъ же говоритъ, что между эпиграф. Фирковича, отъ 1038—1277 нѣть ни одного изъ Кафы, но недавно г. Кохизовъ (Сорокъ) четыре надгробн. надписей, 17—18) рѣшительно утверждалъ подлинность четырехъ надписей съ одинаковымъ текстомъ, поставленныхъ и въ Чуфутъ-кале и въ Феодосіи, съ годами 1122, 1127, 1139 и 1159, въ которыхъ упоминается—Кафа. Для доказательства возможности бытія синагоги въ будто бы неизвѣстной тогда Кафѣ Хольсонъ представилъ изслѣдованіе о существованіи и извѣстности уроцища съ именемъ Кафы въ очень древнее время, много ранѣе Генуэзцевъ (стр. 194—208); къ этому изслѣдованію и должно обратиться читателю (О томъ же: Штернъ, Муз. Од. Общ. вып. III, Феодосія и ея керамика, 2, 22—24). Къ объясненіямъ о Кафѣ необходимо сдѣлать и нѣсколько замѣчаній. Что название Кафа извѣстно очень давно, прочно доказано; мало того, нѣкоторое сомнѣніе самого Хольсона и многихъ другихъ въ томъ смыслѣ, что Кафа хотя и была вблизи, но не на самомъ мѣ-

и ёе Генуэзцевъ все путевое и торговое движение въ Азію и обратно шло исключительно черезъ Судею. Слѣдовательно несомнѣнно, что показаніе С. М. Ризы относится къ временамъ послѣ обращенія Кафы въ генуэзскую колонію, а основаніе послѣдней хотя до сихъ поръ не опредѣлено съ совершенной точностью, но все о томъ извѣстное показываетъ, что Генуэзцы усиленно хлынули въ Черное море вслѣдъ за

стѣ древней Феодосіи или генуэзской Кафы, совершенно отпадаетъ. Такая догадка возникла и держалась въ XVI—XIX вѣкахъ главнымъ образомъ измышленіями кабинетныхъ ученыхъ, особенно географовъ, грубо и нелѣпо извратившихъ очертанія береговъ Крыма; сами Генуэзцы въ Кафѣ и многіе въ ту пору хорошо знали, что ихъ Кафа тождественна съ древней Феодосіей. Раскопки недавняго времени, на бугрѣ внутри Генуэзско-Турецкой цитадели, въ центрѣ Феодосіи, открыли большое количество черепковъ, чернолаковой посуды, терракотъ, ручекъ, можетъ, разной древне-греческой мелочи, надписей и архитектурныхъ обломковъ. Отсюда ясно, что положеніе Генуэзско-Турецкой цитадели Кафы и какого-то урочища—Кафа, именно и точно на мѣстѣ древняго акрополя Феодосіи, а порта Кафы и Феодосіи у подножья этого бугра, съ акрополемъ и цитаделью, не подлежать сомнѣнію (объ этомъ, также и планъ города, Муз. Од. Общ. вып. III, 85—91, рис. I). Однако, заключеніе о томъ, что Кафа до Генуэзцевъ была городомъ и даже значительнымъ, съ мировой торговлей, не было, да иничѣмъ не можетъ быть доказано. Не трудно представить рядъ свидѣтельствъ о томъ, что до Генуэзцевъ урочище Кафа не имѣло ни малѣйшаго торгового значенія. Довольно кратко вспомнить, что въ началѣ IX в. Епифаній писалъ, что „Феодесія (т. е. Кафа) днесъ градъ ни стопа человѣча въ ней есть“ (Васильевскій, Труды, II, хожд. ап. Андрея, 276, 282). Эдризи въ 1134 г. даетъ подробное описание поселеній берега отъ Херсонеса до Боспора, но ни слова не говорить о Феодосіи или Кафѣ, а его показанія не заимствованы и своевременны. Даже еще въ 1253 г. Рубрукъ говоритъ о Херсонѣ и Солдаї, но молчитъ о Кафѣ. Слѣдовательно возможны и сомнѣнія въ томъ, что еще въ X—XII вѣкѣ въ Кафѣ могли быть большія синагоги, и раввинистовъ и караимовъ.

О самыхъ вышеуказанныхъ надписяхъ и ихъ датировкѣ не смѣю сказать что либо, но архитектурно-строительное мнѣніе о зданіи синагоги, указанной Хвольсономъ, могу представить опредѣленное. Твердо увѣренъ, что изъ этого зданія едва ли что можетъ относиться къ X вѣку. Надпись 909 года вдѣланая на невидномъ мѣстѣ, снаружи синагоги, въ восточную стѣну, вовсе не древнюю, такъ что вполнѣ возможно ея занесеніе со стороны, неизвѣстно ни когда, ни откуда; по содержанію прямого отношенія къ Кафѣ и синагогѣ она не имѣть (Регесты и надписи, I, годъ 909). Во внутренности синагоги есть части относительно древнія, хотя и не на столько; такова обдѣлка углубленія, кивота для торы, мраморный наличникъ вокругъ котораго, покрытый ковровымъ очень красивымъ орнаментомъ, несомнѣнно малоазійской архитектуры Турковъ-Сельджуковъ; всего ближе онъ сходенъ

возстановленіемъ въ 1261 году Михаила VIII Палеолога на Византійскомъ престолѣ; вскорѣ послѣ они получили и концессію на территоріальное владѣніе въ Кафѣ и ея окрестностяхъ, отъ кого-то изъ монголо-татарскихъ властителей¹⁾; тогда же, вѣроятно, имъ дали и какія-либо права въ мѣстности Ст. Крыма. Конечно, можно думать, что прежде, чѣмъ Генуя, какъ государство, устроила колонію въ Кафѣ, значеніе и выгоды мѣста послѣдней узнавались и опредѣлялись опытомъ торговыхъ людей, указавшихъ его достоинства; отсюда можно заключить, что понятіе о Кафской пристани могло существовать и нѣсколько ранѣе офиціального основанія Кафы, но все же около того же времени и подъ вліяніемъ тѣхъ же Генуэзцевъ. Такое соображеніе подтверждается также и тѣмъ, что документальное упоминаніе названія Солхатъ, виѣ караимскихъ источниковъ, становится извѣстнымъ не ранѣе времени Генуэзцевъ; впервые по поводу пожалованія этого города Иззед-Дину, бывшему султану Иконійскому, въ 1269—70 году²⁾; въ то же время извѣстенъ разсказъ о постройкѣ въ г. Крыму

съ орнаментомъ мечети въ крѣпости Судака и относится къ половинѣ XIV—XV вѣка (объ этомъ подробнѣ въ Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком. в. 54, ст. „Каламита и Феодоро“, стр. 20—23 отд. отт.). Только точное изслѣдованіе на мѣстѣ могло бы показать, находится ли наличникъ въ своемъ первоначальномъ положеніи или тоже взять откуда либо въ болѣе позднее время, но первое возможно. Надь каменной обѣдѣлкой наличника, какъ бы вѣнчая ее, помѣщена на кивотѣ большая деревянная рѣзьба (рисунокъ всего кивота: Фарфель, Древняя синагога въ Феодосії, л. 3), въ серединѣ которой овальный щитокъ съ надписью сдѣланной краской, а внизу ея въ припискѣ, другой рукой, также краской, прибавлено, что дата считается по эрѣ Селевкидовъ, что дало поводъ и первую наружную надпись на мраморѣ считать по той же эрѣ; такимъ образомъ получились въ надписяхъ 909 г., на мраморной плите снаружи и 1309 на деревянной доскѣ, краской, внутри. Но вся внутренняя рѣзьба по дереву вокругъ щитка съ надписью турецкій ренессансъ XVIII вѣка, къ тому же увѣнчанный короной, точно подобной (безъ креста) русской императорской и слѣдовательно русскихъ временъ. Возможно, что средній щитокъ иного времени и вставленъ въ новую доску съ рѣзьбой, но по рисунку этого не видно, и мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы съ начала XIV вѣка могла сохраниться надпись краской по дереву; за это время разрушалась и перестраивалась почти безъ остатка и вся синагога. Затѣмъ, не знаю какъ согласить соображенія эпиграфической съ несомнѣнностью указанія архитектурныхъ стилей.

¹⁾ Наиболѣе подробнѣе, лучшее изслѣдованіе этого вопроса у Гейда, Hist. qu Com. du Levant, II, 156 и далѣе.

²⁾ Смирновъ, оп. с., 20—23, 48.

мечети султаномъ Бибарсомъ II, правившимъ между 1260—1277 г.¹). Позже свѣдѣнія о г. Крымѣ (Солхатѣ) учащаются, и уже Кеппенъ могъ указать ихъ довольно много²), тогда какъ и ранѣе и во все начало XIII вѣка въ восточной части Крыма мы слышимъ только о Судакѣ, напр. Эдризи, Поло, Ибнъ-ель-Атиръ, Рубрукъ. Какъ видимъ, всѣ эти соображенія сходятся, и, слѣдовательно, показаніе С. М. Ризы о времени и смыслѣ начала этого города заслуживаетъ довѣрія. Генуэзцы въ видѣ понятнаго правила старались не пускать орду къ себѣ въ Кафу, да Татары и сами не могли туда стремиться; караванамъ и кочевникамъ въ Кафѣ и подъ ея стѣнами не было мѣста, даже нечѣмъ было тамъ существовать,— нѣть достаточно ни воды, ни пастищъ. Въ этихъ смыслахъ мѣсто будущаго Крыма было великолѣпно, не только безъ сравненія лучше Кафы, но даже наилучшее изъ всего, что можно найти, не очень отъ нея удаляясь. Счастливыя мѣстныя условія, стеченіе политическихъ обстоятельствъ, направившихъ сюда торговлю Азіи и Европы, послужили причинами быстраго и широкаго развитія изъ временнай ярмарки постояннаго города, по географическому положенію оставшагося татарскимъ. Въ началѣ XIV вѣка Генуэзцы вздумали стѣснить и затруднить сношенія съ Солхатомъ, чтобы привлечь торговля сношенія болѣе къ Кафѣ, но сила вещей скоро заставила отмѣнить эти мѣры³). Близкія сношенія съ торговцами, принося Татарамъ большія выгоды, повели къ сознанію ими необходимости защищать скопляющіяся груды товаровъ и ихъ хозяевъ, въ случаѣ ссоръ, войнъ и особенно нападенія разбойничихъ шаекъ, въ изобиліи наполнявшихъ степи; это и вынудило Татаръ г. Крыма, въ видѣ исключенія, укрѣпить городъ, что они и сдѣлали по системѣ богатаго и обширнаго города, но равниннаго, а не горнаго. Появились эти укрѣпленія, конечно, не ранѣе второй половины XIII вѣка. Ихъ величина, по горно-крымскому мѣрилу, была очень большою, и сама система построенія совсѣмъ иная. Главнымъ дѣломъ въ ней были глубокіе рвы и высокіе валы, легко выкапываемые и насыпаемые въ плотной, но не скалистой мѣстной почвѣ и въ горныхъ укрѣпленіяхъ въ Крыму очень рѣдко, зачаточно встрѣчающіеся. Остатки этихъ укрѣпленій сохранились и до сихъ поръ, особенно съ восточной стороны города, самой опас-

¹⁾ Тизенгаузенъ, Сборн. мат., 28, 363, 435.

²⁾ Кеппенъ, Кр. Сборн., 341—3.

³⁾ Нейд., Nist. du Com. du Lev., II, 175.

ной, наиболѣе открытой и прилегающей къ степи; здѣсь и теперь еще видны двѣ линіи, одна за другой, глубокихъ рвовъ. Значительно позже, позади рвовъ, городъ былъ обнесенъ стѣнами съ башнями; говорю позже, потому что рвы и стѣны не связаны по начертанію; рвы нигдѣ не параллельны и не прилегаютъ къ стѣнамъ, а послѣднія далеко отстоятъ отъ рвовъ, мѣстами до пятидесяти саженъ, что составляло бы въ одновременной постройкѣ укрѣпленія крайне грубую военную ошибку, недопустимую, если бы рвы копались вмѣстѣ или позже стѣнъ. Построеніе первичныхъ валовъ съ рвами поражало кочевниковъ-кошниковъ, особенно размѣромъ рвовъ, бывшихъ для нихъ неодолимымъ препятствіемъ. Именно эти рвы и дали поводъ называть эту мѣстность Крымомъ, отъ кырымъ—ровъ¹), а вскорѣ это название не только вытѣснило другое—Солхать, едва ли употребительное у Татаръ и остававшееся для нѣкоторыхъ сосѣдей, напр. русскихъ, неизвѣстнымъ, по постепенно распространилось и на весь полуостровъ²). Происхожденіе названія—Солхать толковалось многоразлично, но, какъ думаетъ

¹⁾ Смирновъ, Кр. ханство, 59—66. Это объясненіе ученаго автора мнѣ кажется вполнѣ сообразнымъ съ мѣстомъ и единственно вѣрнымъ изъ многихъ толкованій слова—Крымъ. Никакое иное не оказывается столь согласимымъ съ природой вещей и не даетъ такого простого и естественного отвѣта на всѣ сомнѣнія.

²⁾ Смирновъ, оп. с., 73. Авторъ указываетъ, что русскіе не знали названія Солхать, а говорили Крымъ для обозначенія этого города. Эта кажущаяся странность не одиночна. Въ наши лѣтописи название крымскихъ городовъ переходили отъ Татаръ, а не съ запада, поэтому имена поселеній, употребляемыя europейцами или арабами, оставались у насъ неизвѣстными. Мы знали Мангупъ, а не Феодоро, Керчь, а не Боспоръ, Козловъ (Гэзлеве), а не Керкинитъ; Инкерманъ, а не Каламиту, Балаклею, а не Символонъ, Кафу, а не Феодосію, Крымъ, а не Солхать. Неизвѣстность послѣдняго имени у Русскихъ показываетъ, что название Солхать и у самихъ Татаръ не могло быть обычнымъ. И дѣйствительно, можетъ съ этимъ именемъ нѣть, а съ именемъ Крыма чеканилось много; нѣть и ярлыковъ и документовъ, отмѣченыхъ этимъ мѣстомъ (Смирновъ, оп. с., 73, 74); даже и восточные писатели говорятъ больше Крымъ, а не Солхать (Гизенг аузенъ, Сборн. Матер., 63, 119, 162, 269, 280, 350, 363, 413). Всего лучше объяснять и опредѣлять все это, въ самое цвѣтущее время Крыма, Барборо, говорящій: "Соргатъ, называемый ими (Татарами) Инкреминъ (въ другомъ изданіи Кермія), что значитъ крѣпость". (*Viaggi fatti alla Tana*, 18; "Sorgathi ilqual essi chiamano Incretin"). Въ началѣ XVII вѣка Дортелли д'Асколи уже вовсе не знаетъ названія Солхать, а Крымъ описываетъ, какъ покинутый и разрушенный городъ, но твердо указываетъ, что онъ далъ свое имя всему полуострову (Д. д'Асколи, оп. с., З. О. О., XXIV, 104).

г. Смирновъ,—сомнительно¹). Объясненіе восточныхъ писателей отъ солъ вали и катъ—мѣси (мускусъ съ известкой въ растворѣ для кладки стѣнъ мечети) явно сказочнѣ²); но указанное Гаркави происхожденіе этого названія отъ солъ—лѣвая и катъ—сторона очень правдоподобно, по совершенному согласованію съ мѣстными условіями. Торжище гор. Крыма, изъ которомъ сходились европейцы съ азіатами, по общему средневѣковому обычаю—застраиваться въ городахъ по народностямъ, весьма вѣроятно, состояло изъ двухъ самостоятельныхъ сторонъ, дѣлящихся рѣчкой, протекающей черезъ г. Крымъ (Чюрюкъ-су, гнилая вода теперь; на картахъ и въ донесеніяхъ XVIII вѣка она называется иногда Ширинъ-су, а чаще—Бузлыкъ). Сѣверная, лѣвая сторона рѣки (потечеию)—обширная равнина, между рѣчкой и горой Агермышъ, прилегающая къ степи, естественно занималась кочевниками (солъ-катъ); южная, горная, правая (онъ-катъ), не входившая въ городскія укрѣпленія, столь же естественно осталась за европейцами, какъ ближайшая къ Кафѣ. Лѣвая, наибольшая, именно и была надобна европейцамъ, ея название они и знали, но у татаръ это случайное название, говорящее о части, а не о цѣломъ, не приилось. Во всякомъ случаѣ воспоминаніе о какомъ либо названіи мѣста, извѣстномъ въ до-татарскія времена, въ словѣ Солхать не заключается.

Гор. Крымъ, процвѣтая, какъ торговая факторія, подручная Кафѣ, этимъ самыи вызвалъ особенно густое поселеніе Татаръ

¹⁾ Смирновъ, оп. с., 75—77; Гаркави, О происх. геогр. назв. на Тавр. полуост., Изв. Геогр. Общ. XII, 55.

²⁾ Удивительно, что эту побасенку знали и позже но, относя къ Ст. Крыму, переинчили: продавалъ благовонія Персъ, покупалъ Генуэзецъ, строившій церковь, обращенную въ мечеть (Клеманн. Tagbuch der Reisen, 362). Къ слову сказать, разсказы о церквахъ, обращенныхъ въ мечети въ Крыму, очень часты и особенно были распространены въ давнее время, но ни одной такой я никогда не видѣлъ; знаю только одинъ подобный случай, гдѣ въ поправленной древней церкви было устроено медресе (училище), уже въ русское время, въ XVIII вѣкѣ; теперь все это сломано, и выстроено новое зданіе для этого училища. Не умѣю опредѣлить причину такого безразличного отношенія Татаръ къ церквамъ. Можетъ быть затруднительность, почти невозможность, въ маленькомъ продолговатомъ помѣщеніи (центральнаго типа церквей у насъ почти не стало), выстроенному къ востоку, устроить михрабъ на длинной южной сторонѣ зданія; а можетъ быть просто помѣхой была ничтожная малость церквей, въ которыхъ приходилось найти обязательное мѣсто для поклоненія всему населенію; послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе.

въ своемъ сосѣдствѣ. Вѣроятно поэтому вблизи его образовались бейлыки старшихъ татарскихъ родовъ, четырехъ карачеев: Ширинъ, Барынъ, Сиджеутъ, Аргынъ¹).

Историческія справки о г. Крымѣ (Солхатѣ) даны, какъ выше указано, Кеппеномъ и В. Д. Смирновымъ, а въ особенности Ю. А. Кулаковскимъ²). Всѣ онѣ относятся къ татарскимъ временамъ. Не мѣшаешьъ, однако, замѣтить, что хотя этотъ городъ въ началѣ татарскаго времени дѣйствительно былъ торговый, обширный и населенный, но все это слѣдуетъ понимать сравнительно, не въ міровомъ смыслѣ, а только въ крымскомъ, т. е. на путяхъ большой бѣдности и крайняго невѣжества вообще, строительного въ особенности. Не трудно усмотрѣть, что свѣдѣнія восточныхъ писателей, обычно вздуто-напыщенные, страдаютъ и въ отношеніи г. Крыма явными и чрезвычайными преувеличеніями. Напр. арабскіе историки увѣряли, будто бы всадникъ на хорошемъ конѣ не успѣвалъ объѣхать городъ Крымъ кругомъ въ полдня времени³); въ дѣйствительности же самая дальняя окружность укрѣплений этого города, объѣзжая его извнѣ, вдали отъ рвовъ на полетъ стрѣлы, составляетъ всего около восьми верстъ, т. е. на полчаса ъезды рысью, даже шагомъ часа на полтора только; а по стѣнамъ всего около шести верстъ кругомъ⁴). Часто повторяется разсказъ о построении въ г. Крымѣ необычайно роскошной мечети, облицованной по стѣнамъ бѣлымъ мраморомъ, а по потолку порфиромъ; послѣднее физически не возможно, и чего либо подобнаго нѣть малѣйшаго слѣда въ развалинахъ города и не было при Русскихъ, а не Татары же могли уничтожить безслѣдно столь роскошную мечеть⁵). Мечеть Узбека цѣла и глядѣть очень простой,

¹⁾ Лашковъ, Ист. очеркъ кр.-тат. землевлад., 71—74.

²⁾ Кулаковскій, Нов. данныя для ист. Ст. Крыма, Зап. Р. Арх. Общ., X, 1—2.

³⁾ Degnignes, Hist. g n des Huns, III, 343.

⁴⁾ Все это по подробному плану Воен. Уч. Арх., Главн. Шт., отд. IX, № 911. Чертежъ сдѣланъ въ большомъ видѣ, озаглавленъ „Планъ Старого Крыма“, потомкиныхъ временъ; годъ не обозначенъ, но около 1783 года; при надобности можно точнѣе опредѣлить по стоянкѣ полковъ, указанныхъ на планѣ: Екатериносл. и Днѣпр. пикнерные, Изюмскій, казачій Ежова. Планъ подробный, укрѣпленія обозначены ясно, нанесены отдельныя зданія: церкви (6), мечети (3), въ томъ числѣ „само-первая“ Узбека, но училище разрушено, синагога (1), фонтаны (12); дано подробное объясненіе; были приложены добавочные рисунки, не оказавшіеся; черт. кварт. Ив. Лютовъ; fac simile у меня.

⁵⁾ Degnignes, op. c., III, 343. Правдоподобнѣе о той же мечети говорятъ другіе восточные писатели, указывая, что Бибарсъ по-

обыкновенной, только ся входъ красивъ, въ восточномъ стилѣ, по и это все выдѣлано въ мягкомъ, легко обрабатываемомъ известковомъ камиѣ¹⁾). Будто бы достойныя удивленія зданія высшихъ училищъ, въ коихъ преподавались всѣ науки, —вздор-ная и смѣшная выдумка, поводъ къ которой дало медресе, при той же мечети Узбека; развалины его (таковы были къ приходу Русскихъ) еще существуютъ, онѣ ничтожны по замы-слу и размѣрамъ. Броневскій утверждаетъ, что городъ окру-женъ высокой, толстой стѣной²⁾), но на вышеуказанномъ планѣ, составленномъ въ самомъ началѣ русскихъ временъ, когда осо-бенно старались отмѣтить все древнее, вся стѣна показана точ-ками, какъ разрушенная, и въ объясненіи о ней сказано: „Быв-шая вокругъ города каменная стѣна, со многими башнями, нынѣ совсѣмъ разрушилась“: т. е. это разрушение относится еще къ татарскимъ временамъ, а такъ какъ Татарамъ не было смысла умышленно разрушать свою крѣость въ давно, съ XVI вѣка, опустѣвшемъ городѣ, то это могло случиться только съ очень слабыми стѣнами, предоставленными случайностямъ. Объ этихъ стѣнахъ въ лучшую пору, въ половинѣ XV вѣка, Барбаро писалъ, что: „у нихъ (Татаръ) два обнесенныхыхъ стѣ-нами мѣста, но не сильныхъ“, Соргатъ (Крымъ) и Керкіарди (Чуфутъ-кале)³⁾.

Умѣряя и приводя къ благоразумнымъ представлениямъ пышныя фантазіи восточныхъ писателей, все же приходится городъ Крымъ, по крымскому масштабу, признать обширнымъ и многолюднымъ. Его стѣны были въ окружности около шести верстъ, а его площадь внутри стѣнъ около двухсотъ десятинъ. Возможно ли что-либо хотя близко подобное вообразить себѣ для Фуллъ, которая не приходится мыслить иначе, какъ малень-кую горную крѣость, застрявшую гдѣ-либо въ дикомъ и глу-хомъ мѣстѣ?

Въ Старомъ Крыму были дѣлаемы и разныя археологиче-скія находки, но все найденное въ весьма маломъ количествѣ, слалъ (въ 1287 г.) для нея множество припасовъ, на двѣ тысячи ди-наровъ, каменоѣща, маслянныя (?) краски. (Тизенгаузенъ, Сборн. Матер., 363, 435). Думаю, что мечеть построилась много проще, о ней вспоминаетъ Ибыъ Батута въ 1334 г., но только однимъ именемъ (Ти-зенгаузенъ, ор. с., 281), а онъ не приминулъ бы росписать ея рос-кошь, если бы была таковая.

¹⁾ Смирновъ, Арх. экск. въ Крымъ въ 1886 г., Зап. Вост. Отд. I.

²⁾ Вонцови, Tartar. descr., 9.

³⁾ Вагваго, Viaggi fatti alla Tana, 18. Nanno (татары) duoi luoghi murati, ma non forti (Sorgathi et Cherchiarde).

почти исключительно татарскихъ временъ. Можно ли по подобнымъ находкамъ или по историческимъ свѣдѣніямъ предполагать, что на этомъ мѣстѣ было поселеніе въ античное время? Въ давнія, книжныя времена охотно пріурочивали къ этой мѣстности разные греческіе города; не указываю эти предположенія подробно, такъ какъ все это только догадки, безъ признака доказательствъ. И нынѣ предполагается возможность бытія на мѣстѣ Старого Крыма какого либо древне-греческаго города, напр. Бойона или Таза, но такому предположенію приводятся и основанія, получаемыя изъ указаний Птолемея и нахожденія въ Стар. Крыму разныхъ предметовъ древней жизни: нѣсколько монетъ и посвятительная надпись Рикупориду III посла Пруссійцевъ, М. Авр. Аминіева, 519 года боспорской эры¹). Указанія Птолемея, имѣющія видъ точности (долготы и широты), въ существѣ столь ошибочны, что ни чemu служить не могутъ. Находки не велики, и едва ли можно имъ приписать рѣшающее значеніе. Нахожденіе древнихъ монетъ, разнообразныхъ по времени (отъ III до Р. Х. и по IV по Р. Х.) и въ ничтожномъ количествѣ, дѣло столь распространенное, повсемѣстное въ Крыму, что можно указать многія деревни, гдѣ ихъ находили. Надпись, ни времени, ни мѣста нахожденія которой достовѣрно никто не помнить и не можетъ указать, безъ сомнѣнія, попала въ Старый Крымъ только въ русскія времена, завезенная изъ Керчи какимъ-либо собирателемъ²). Тамъ, на Боспорѣ, была найдена почти дословно повторяющая эту первую другая надпись, поставленная въ слѣдующемъ 520 году, но отъ имени не одного посла, М. Авр. Аминіева, а и его товарища, Авр. Фил. Проклова; они вмѣстѣ ставили эту надпись тамъ, гдѣ и слѣдовало, т. е. у царя на глазахъ³). Едва ли вѣроятно, чтобы подобную надпись могъ поставить посолъ, и даже годомъ раньше, внѣ мѣстопребыванія царя, въ какомъ-то ничтожномъ городкѣ, за сотню верстъ отъ столицы. Думаю, что первую надпись поставилъ одинъ посолъ, а въ слѣдующемъ году онъ ее повторилъ вмѣстѣ съ товарищемъ, но все это было непремѣнно на

¹⁾ Кулаковскій, Нов. дан. по ист. Старого Крыма, З. Р. Арх. Общ., X, 6 - 8; Изв. Таврич. Уч. Ком. в. 16, 132, пять мон. вѣр. изъ Ст. Кр.

²⁾ Въ Старомъ Крыму и близъ него, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.в., проживало не мало образованныхъ лицъ Теодосійскіе архіереи, разные военачальники, по завѣтамъ Потемкина разыскивавшіе и собиравшіе древности, эмигранты и сектанты.

³⁾ Latyschew, Inscrip., II, № 43.

Боспоръ. Впрочемъ, мѣсто Старого Крыма весьма удобно для поселенія, и очень возможно, что тамъ было когда-либо древнее, задолго до татарского времени безслѣдно исчезнувшее. Какъ исчезали древнія поселенія, довольно вспомнить сосѣднюю Феодосію, величиной, древностью и богатствомъ не чета какому-то Тазу, но и той, до послѣднихъ дней, совсѣмъ не находили мѣста, и только случайныя земляные работы показали въ достаточной мѣрѣ, что она стояла на томъ самомъ бугре феодосійского карантина, гдѣ сохранились остатки генуэзской цитадели. Примемъ это во вниманіе, допустимъ, что на мѣстѣ Старого Крыма былъ какой-то древній городъ, могшій исчезнуть, а его мѣсто впослѣдствіи покрылось средневѣковымъ жильемъ, но куда же дѣвались остатки именно послѣднихъ временій, остатки Фуллъ, отъ которыхъ тоже ни малѣйшаго слѣда не находилось¹⁾? Хотя бы, напримѣръ, несомнѣнно существовавшей въ Фуллахъ крѣпости, уничтожать которую Татарамъ не было никакого повода, ни въ какое время; сохранилась же она въ Чуфутъ-кале отъ до-татарскихъ временій²⁾.

Во всей восточной части разсмотриваемой горной полосы, вокругъ Старого Крыма, имѣется много остатковъ церковныхъ древностей, почти исключительно армянскихъ, гораздо болѣе, чѣмъ греческихъ. Армяне здѣсь появились въ большомъ числѣ уже съ XII вѣка³⁾; въ сосѣдствѣ Старого Крыма есть очень почитаемый и древній монастырь св. Креста (Сурпъ-Хачъ), построенный въ 1338 году; сама Кафа была переполнена армянскими церквами; то же самое и по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ. Это дало поводъ и всю эту сторону называть *Armenia maritima*⁴⁾. Въ половинѣ XVIII вѣка въ Крыму были даже два армянскихъ

¹⁾ Х вольсонъ, Сборн. еврейск. надписей, 11, вначалѣ показывалъ счетъ (по Фирковичу) нахожденія надгробныхъ надписей, въ томъ числѣ въ Старомъ Крыму пять, отъ 910—1104 г.г., но въ дальнѣйшемъ о нихъ нѣть ни слова, и надо думать, что ихъ защита не показалась возможной; ничего соответственнаго имъ не было необходимо. Во всякомъ случаѣ странно нахожденіе пяти надписей близкихъ по времени и совершенное отсутствіе подобныхъ находокъ до 910 и послѣ 1104 года. О надписи X вѣка въ Феодосіи сказано выше.

²⁾ На сѣверной сторонѣ городскихъ стѣнъ Старого Крыма есть холмъ (Ногайлы Оглу оба), на которомъ была цитадель города, окруженнная тоже особыми стѣнами; если когда либо будутъ вестись раскопки въ Старомъ Крыму, то именно здѣсь возможны открытия древнихъ и средневѣковыхъ поселеній, если они были.

³⁾ Brunii, Notice sur les col. ital. en Gazarie, 56—57, 83.

⁴⁾ Heyd, Hist. du Com. dn Levant, II, 172; Брунъ, Черноморье, II, 139.

архіерея, жившихъ одинъ въ Кафѣ, другой у Старого Крыма, въ монастырѣ св. Креста¹⁾), а когда передъ занятіемъ Крыма выводили изъ него христіанъ, то армяне (около тринадцати тысячъ) шли почти исключительно изъ этихъ мѣстъ. Послѣднія справки, конечно, позднія, но несомнѣнно указывающія на подобное же давнее прошлое. Все это очень опредѣленно показываетъ составъ средневѣковаго населенія страны и никакъ не согласимо съ нахожденіемъ тутъ же Фулль, т. е. православной епархіи, хотя бы и соединенной съ Сугдейской. Тѣмъ болѣе это невѣроятно, что еще и въ 1400 году епархія Сугдео-Фулльская не была захудалой, а считалась „богатой по милости Божіей“²⁾.

Выше, въ главѣ I-ой, говорено, что Генуэзцы сохраняли старыя названія городскихъ поселеній, не замѣняя ихъ иными и не переводя ихъ на свой языкъ. Исключеніе составили тѣ два города, о которыхъ теперь идетъ рѣчь; они и у Генуэзцевъ назывались по-татарски—Кыркоръ и Солхатъ. Почему же здѣсь не сохранилось при какомъ-либо изъ нихъ старое название—Фуллы? Для Кыркора это объяснимо отдаленностью отъ него Генуэзцевъ, не имѣвшихъ съ нимъ никакого дѣла, потому что тогда у Татаръ онъ еще не имѣлъ официального значенія; его упоминаютъ часто лишь въ самое послѣднее время Генуэзцевъ. Иначе обстоитъ дѣло относительно Солхата. Генуэзцы не только принимали большое участіе въ его заселеніи, но и ихъ сношенія съ этимъ городомъ были самыя близкія, по истинѣ повседневныя, и официальныя, и торговыя, и народныя, до самаго конца Кафы. Тамъ пребывала татарская власть, съ которой Генуэзцы неустанно ссорились, воевали, мирились, заключали договоры; тамъ чеканили деньги; тамъ сосредоточивалась караванная торговля съ средней Азіей; слѣды жилья тамъ Генуэзцевъ, не только документальныя, но и по памятникамъ, видны и до сихъ поръ. При такомъ положеніи совершенно невѣроятно, чтобы Генуэзцы не знали, что этотъ городъ ранѣе Татаръ, т. е. менѣе чѣмъ за полвѣка, звался также и Фуллами, если это было; а зная, они, по своему неизмѣнному правилу, должны были сохранить это название, не заимствуя татарское; наконецъ, хотя бы упомянуть о томъ гдѣ либо. Что самое название Фуллы было имъ знакомо, что они знали о существованіи такого города гдѣ-то въ Тавридѣ, видно изъ титула, дан-

¹⁾ Thoumann, Descr. de la Crimée, 33.

²⁾ Micosich, op. c., DLXXIV.

наго ими въ Кафѣ греко-уніатскому епископу, какъ то указано выше, въ главѣ II. Отсюда слѣдуетъ, что и здѣсь Генуэзцы соблюдали свое правило; они не сохранили древняго названія гор. Крыма потому, что его вовсе не было, а новому городу, при нихъ населявшемуся, дали и новое название— Солхать, заимствованное съ татарскаго языка, но не у Татаръ, называвшихъ городъ иначе— Крымъ. Отъ Генуэзцевъ заимствовали название Солхать и восточные историки, а не обратно, но ни одинъ изъ нихъ не обмолвился ни о старомъ названіи этого города, ни объ его взятіи, ни о былой его принадлежности христіанамъ, а все это было бы непремѣнно указано, будь это Фуллы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить о прошлыхъ судьбахъ этого города; С. Мух. Риза не только ничего подобнаго не вспоминаетъ, но и прямо говоритъ, что городъ основанъ во время Генуэзцевъ, какъ выше показано. Эти соображенія рѣшительно удостовѣряютъ несовмѣстимость Фулль съ Солхатомъ (гор. Крымомъ) и невозможность приложенія обоихъ названій къ одному и тому же городу.

Всѣ вышеприведенные данныя пріурочиваются Фуллы къ Чуфутъ-кале, но долженъ замѣтить, что всѣ они не прямого значенія, а косвенаго и сравнительного, поэтому приведу и еще кое-что въ пользу Чуфутъ-кале, но уже прямо къ нему и относящееся.

Существовалъ Чуфутъ-кале за долго до Татаръ, каково бы ни было его название, и къ татарскому времени имѣлъ такое значеніе въ странѣ, что Татары взялись за его осаду, вели ее долго, значитъ оборона была упорной, и успѣли захватить городъ только съ помощью особой уловки, придуманной однимъ изъ беевъ Яшлавскихъ, вѣроятно ставшихъ владѣльцами города и долго сохранявшихъ за собой право взимать особыя пошлины съ его жителей¹⁾. Существованіе здѣсь города— крѣпости до Татаръ точно опредѣляется этимъ, неизвѣстно только время его взятія но вѣроятно это было въ самомъ концѣ XIII вѣка, при Ногаѣ²⁾; лишь послѣ того, въ началѣ XIV вѣка³⁾, (1321 г.) у Абульфеды и далѣе въ иныхъ

¹⁾ Смирновъ, Кр. ханство, 105, 119—122; Лашковъ, Сельск. общ. въ Кр. ханст., 59; Хартахай, Историч. судьбы Крымск. татаръ, Вѣстн. Европы, 1866, № 6, 220—223.

²⁾ Смирновъ, оп. с., сравн. 31—32, 102, 105, 119; Тизенгаузенъ, Сборн. матер., 111—112.

³⁾ Géographie d'Aboulfeda, trad. p. M. Seinaud, 1848, Paris, II, 319. Не только подлинникъ, но даже и указываемый переводъ трудно

источникахъ эта крѣпость стала извѣстной подъ ея татарскимъ названіемъ — Кыркоръ, слово, къ которому имѣются многочисленные варіанты и объясненія. Происхожденіе этого названія и его значеніе отыскивались многоразлично. Очень полныя обѣ этомъ справки и объясненія приведены В. Д. Смирновымъ¹⁾. Изъ нихъ можно видѣть, что нѣкоторые учёные (Кеппенъ, Гаркави) считали название Кыркоръ происходящимъ отъ индо-европейского корня, какъ въ латинскомъ — *casus* или въ греческомъ — *κίρκος*²⁾. Самъ г. Смирновъ полагаетъ, что свое бытіе это название получило изъ тюркского языка, въ чемъ сдѣли можетъ быть сомнѣніе послѣ его подробныхъ и ясныхъ доводовъ³⁾). Однако и онъ думаетъ, что Татары, переимено-вавъ городъ по своему, подобрали ему новое по значенію название, но, по закону вліянія омониміи, близкое къ прежнему звукосочетанію, каковое онъ отыскиваетъ въ словѣ — *каллакра*, поясняя, что онъ легко превращается у Татаръ въ — Кркр⁴⁾). Всѣ эти объясненія сводятся къ тому, что старое, до-татарское название этой крѣпости звучало подобно Кыркору. Если счѣсть это объясненіе вѣрнымъ, то было бы напраснымъ трудомъ отыскивать здѣсь Фуллы. Однако, всѣ эти толкованія основаны исключительно на предвзятой мысли о неизбѣжности вліянія омониміи и затѣмъ единственно на простыхъ догадкахъ о возможномъ и весьма разнообразномъ, но подобномъ созвучіи словъ, а этого для исторической географіи маловато. Приходится еще разъ вспомнить вышеприведенныя сравненія греко византійскихъ, генуэзскихъ и татарскихъ наз-
доступенъ; мнѣ извинять, если я представлю здѣсь сказанное въ немъ о Кыркорѣ: „26) Керкеръ или Керкри (внутри Крыма), по расчету 55°30' долг. и 50° шир. Керкеръ находится на краю седьмаго климата въ странѣ Ассовъ, его имя значитъ по турецки сорокъ человѣкъ; это укрѣпленный замокъ, трудно доступный; онъ опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, гдѣ жители страны (въ минуты опасности) находятъ убѣжище. Этотъ замокъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря; жители принадлежать къ племени Ассовъ. Въ окрестностяхъ есть гора, подымающаяся въ облака, называемая Джатердагъ (по турецки — шатерь-гора). Эта гора видна судамъ, плавающимъ по Крымскому морю. Керкеръ находится на югъ отъ Сари-кермана (Херсонесъ мое замѣч.). между этими двумя мѣстами одинъ день пути“.

¹⁾ Смирновъ, оп. с., 108—115.

²⁾ Гаркави, О происхожд. геогр. назв., 56; Кеппенъ, Кр. сборн., 312; примѣч. 454.

³⁾ Смирновъ, оп. с., 109—110.

⁴⁾ Смирновъ, оп. с., 112—113.

ваний всѣхъ таврическихъ городовъ¹). Изъ нихъ слѣдуетъ, что Татары дѣйствительно перемѣнили названія городовъ въ Тавридѣ, бывшихъ ранѣе ихъ нашествія, но при этомъ вліяніе омонимій возможно предполагать всего лишь въ одномъ случаѣ (Сугдайя—Су-дагъ); остальные же восемь названій просто перемѣнили, безъ какого либо соотношенія къ старымъ звуко-сочетаніямъ, соображаясь лишь съ условіями мѣста или съ чѣмъ-то намъ невѣдомымъ. Отсюда позволительно утверждать, что и въ случаѣ переименованія вновь взятой крѣпости въ Кыркорѣ произошло точно то же самое, а потому нѣть основанія придавать омониміи рѣшающее значеніе и привлекать сюда словарь, пока не окажется на то какихъ либо прямыхъ указаний въ видѣ подходящаго извѣстія о до-татарскомъ названіи Кыркора.

Одна Кафа сохранила у Татаръ свое название, но понятно, что такъ и должно было быть; такъ какъ этотъ городъ развился не только при Татарахъ, но и съ ихъ позволенія, естественно было и имъ удержать название, заимствованное отъ древняго уроцища или какого-то мелкаго поселенія.

Другое название Кыркора—Чуфутъ-кале, или даже просто — Кале, не собственное имя, а нарицательное (Жидовская крѣпость); оно становится извѣстнымъ очень поздно, съ конца XVII вѣка. Нельзя же думать, однако, чтобы ранѣе Татаръ эта крѣпость не носила какого либо названія, а мы кромѣ Фуллъ не знаемъ въ Крыму ни одного непріуроченнаго имени средневѣковаго поселенія.

Дошедшія до насъ развалины Чуфутъ-кале (Кыркора) и сами о себѣ могутъ кое-что разсказать, а ихъ подробное изслѣдованіе, безъ сомнѣнія, дастъ многое, но до сихъ поръ имѣются лишь краткія сводки историческихъ матеріаловъ²); въ археологическомъ смыслѣ только поверхностная, слабая и неудочная описанія въ путеводителяхъ, баснословияхъ больше по исторіи города, чѣмъ описывающихъ и изображающихъ существующее. Даже нѣть ни одного плана, кромѣ сдѣланнаго еще во времена Потемкина и пребывающаго въ

¹⁾ См. выше, глава I.

²⁾ Очень коротенькая замѣтка Гаркави перепечатана въ Арх. Извѣстіяхъ, 1895 года, № 7—8, 273; историческія справки Кеппена и Смирнова показаны выше.

неизвѣстности¹). Приходится дать здѣсь описание Чуфутъ-кале, болѣе подробное, чѣмъ то надобно по смыслу статьи, но безъ этого не получить никакой цѣльности представлениѳ о его судьбахъ. Давно, когда-то, я дѣлалъ много записей и съемокъ, подготавляя описание въ числѣ прочаго и Чуфутъ-кале; возстановить все это въ подробнотяхъ здѣсь будетъ не къ мѣstu, но даю маленький набросокъ плана, безъ котораго невозможны дальнѣйшія поясненія; этотъ планчикъ, въ общемъ достаточно точный, есть увеличенный вчетверо обводъ по верхнему краю скаль, съ послѣдней одноверстной карты, 1889 года, пополненный моими замѣтками; масштабъ плана все-таки слишкомъ малъ, чтобы выразить на немъ подробности развалинъ города, но общій смыслъ, вся необычайная особенность его построенія, указанная дальнѣйшими поясненіями, будутъ понятны.

Изъясненіе къ плану Чуфутъ-кале.

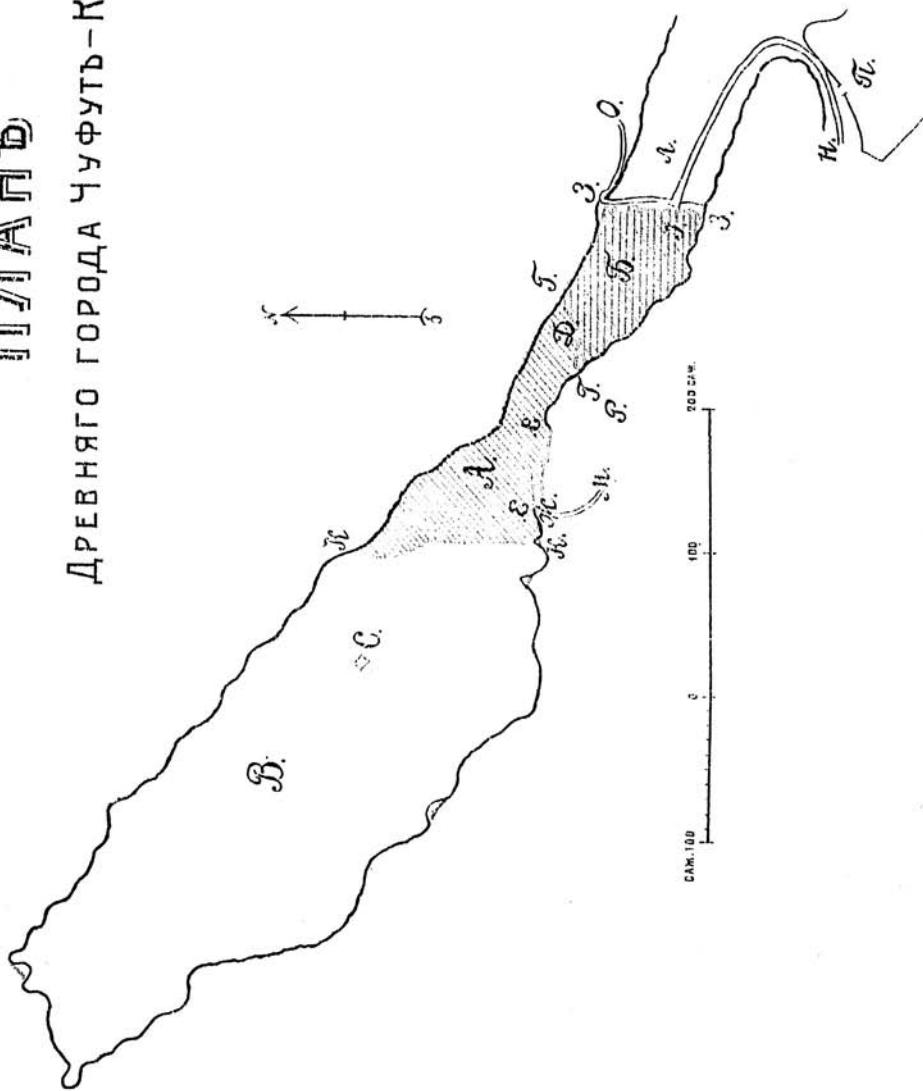
A. Старый городъ.	L. 1590 фут. надъ моремъ.
Б. Новый городъ (караим.).	M. Тропа къ роднику.
В. Пустырь.	Н. Дорога къ Бахчисараю.
Г-Г. Первая, древняя стѣна.	О. Дорога въ Ашлама-дерѣ (оврагъ прививковъ).
Д. Орта-капу (средн. ворота).	П. Іосафатова долина (Караим. кладбище).
Е-Е. Боковая стѣна стар. гор.	Р. Татарск. кладбище.
Ж. Кючюкъ-капу (мал. вор.).	С. Водоемъ.
З-З. Вторая, татарск. стѣна.	
І. Бюкъ-капу (больш. ворота).	
К-К. Внутренняя низкая стѣночка, сложенная насухо.	

Какъ видимъ, мѣстность Чуфугъ-кале представляеть большой выступъ скалистыхъ горъ; родъ полуострова съ высокими, совершенно недоступными, кромѣ рѣдкихъ мѣстъ, обрывами по краямъ. Плоская вершина этого полуострова, доступная лишь съ узкой стороны на юго-востокѣ, гдѣ она поднята около 1590 футовъ надъ моремъ (у точки Л плана, въѣздъ въ Бюкъ-капу), равномѣрно понижается, футовъ на 400, къ крайней точкѣ на сѣверо-западѣ. Въ самой узкой части, на перешейкѣ полуострова, занимая лишь малую часть его, находятся развалины сравнительно большого города (на планѣ зачерчены краснѣмъ). Само собою разумѣется, что жители это-

¹) Воен. Уч. Архив. Главн. Шт. № 9255 (Старого каталог.). „Планъ столичного въ Крыму города Бахчисарай... да города Киркъ ерть“. 1775 года (у меня fac simile).

ПЛАНИ

ДРЕВНЯГО ГОРОДА ЧУФУТЪ-КАЛЕ

го древняго города, крайне неудобнаго и тяжкаго для житъя, ибо въ немъ совершенно нѣть воды и вѣтрами онъ обуреваемъ жестоко, использовали природное, крѣпкое положеніе, именно за которымъ и гнались, пожертвовавъ житейскими удобствами; чтобы стать вовсе неприступной, этой мѣстности оставалось прикрыться крѣпостными стѣнами, отъ одного обрыва къ другому, на узкой единственно доступной восточной сторонѣ перешейка. Такая стѣна, З—З плана, понятна, но, пройдя подъ воротами—І въ этой стѣнѣ, по серединѣ города, встрѣчается, къ великому изумлению посѣтителя, вторая крѣпостная стѣна Г—Г, съ воротами—Д. На такое удивительное обстоятельство не обращали вниманія, а между тѣмъ оно, правильно оцѣненно, вносить прочное и совершенно особое объясненіе въ пониманіе историческихъ судебъ города. Съ военной точки зрѣнія одновременное построеніе этихъ обѣихъ стѣнъ, обращенныхъ въ одну сторону, вовсе невѣроятно и даже прямо невозможнo, да и, приглядываясь къ нимъ, самому малоопытному взгляду не трудно усмотрѣть, что онѣ различны по способу и смыслу кладки и частичнымъ устройствамъ, а, слѣдовательно, и по времени. Нельзя допустить, чтобы, имѣя уже стѣну З—З, вздумали построить сзади, поперекъ города, вторую Г—Г; отсюда слѣдуетъ, что первою была построена стѣна Г—Г, прикрывшая первоначальный, старый городъ—А; затѣмъ, почему-то, выстроился новый городъ—Б, впереди первой стѣны, и былъ прикрытъ новой стѣной З—З. Прежде выясненія такой удивительной странности, дамъ нѣкоторое описание стѣнъ и частей города. Для большей ясности, на планѣ, старый городъ покрытъ косыми красными чертами, а новый городъ—перекрещивающимися.

Наибольшая часть городского полуострова и самая широкая—В, всего около тридцати пяти десятинъ, съ узкой стороны прикрыта крѣпостной стѣной—Г—Г, съ большими въ ней воротами—Д; большая часть этого пространства составляетъ обширный пустырь, пастище и даже поля, на меньшей части, около 5 десятинъ, развалины старого города—А, отдѣленные отъ пустыря низкой оградой—К—К, изъ камня, сложеннаго насухо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта защищенная часть полуострова, вслѣдствіе случайныхъ проваловъ въ обрывахъ боковыхъ скалъ, удободоступна; эти мѣста также закрыты кусочками стѣнъ, и въ одномъ мѣстѣ пришлось сдѣлать такую стѣну довольно длинную, въ два ряда—Е—Е, съ малыми межъ ними воротами—Ж; отъ этихъ воротъ тропа—М ведетъ къ

роднику, изъ котораго городъ бралъ воду, а далѣе по ней можно проѣхать и въ сторону Бахче-саarya. Главная стѣна—Г—Г, почти вполнѣ цѣлая, изрядно высока, до 8 аршинъ, и сверхъ того, конечно, на ней былъ парапетъ, высотой до 3 3 арш., сохранившійся въ самой малой степени. Толщина стѣны до 3 аршинъ; строена она очень старательно, хорошей рядовой кладкой на лицѣ, изъ крупнаго, до трехъ четвертей арш. высоты въ рядахъ, чисто тесаннаго камня, той же породы, что и самая скала материка; кладена стѣна на хорошемъ известковомъ растворѣ: рва передъ нею не было вовсе. Точное время ея построенія нечѣмъ опредѣлить, но она несомнѣнно гораздо старѣе генуэзскихъ временъ и совсѣмъ иного способа работы, чѣмъ то видно въ ихъ укрѣпленіяхъ; даже много лучше стѣнъ, видимыхъ въ сосѣднихъ крѣпостяхъ, строенныхъ въ схожихъ съ Чуфутъ-кале условіяхъ и тѣми же материалами, въ Феодоро (Мангупъ-кале), Сюйрени, Каламитѣ (Инкерманѣ, первая стѣна). Думаю, что эта старѣйшая стѣна Чуфутъ-кале греко-византійской работы и не позднѣе XII вѣка, но вполнѣ возможно, что она строена и ранѣе. О томъ, что ее будто бы строили, защищали или осаждали когда-либо Генуэзцы, мнѣнія удивительныя, но распространенный встарь, теперь неловко даже и вспоминать; всѣ они основывались единственно и исключительно на сказаніяхъ Турко-Татаръ, по мнѣнію которыхъ на побережье Малой Азіи или въ Тавридѣ всякую старую стѣнку строилъ „Джинивезъ“. Какъ бы то ни было, но работа стѣны—Г—Г несомнѣнно не только очень старая, но и христіанскаго народа. На одной изъ большихъ плитъ, случайно перевернутыхъ мною, валявшихся на верху стѣны, на сводѣ надъ воротами—Д, т. е. выпавшихъ изъ древняго парапета этой стѣны, я видѣлъ, въ 1887 году, половину глубоко врубленнаго, хорошо сдѣланнаго, большого креста, поставленнаго на видномъ мѣстѣ и не позднѣйшаго, а соотвѣтствующаго времени построенія самой стѣны, судя по виду камня и способу тески его и креста. Этотъ камень тогда же положилъ на мѣсто и старательно прикрылъ, но въ слѣдующее мое посѣщеніе онъ оказался куда-то убраннымъ, и найти его я не могъ. Съ лѣвой стороны воротъ—Д, на лицѣ стѣны одинъ камень обдѣланъ рамкой и явно былъ приготовленъ для надписи, по таковую, къ сожалѣнію, не удосужились настѣчь, или, что гораздо вѣроятнѣе, она была счищена впослѣдствіи. Ворота—Д покрыты полукруглой аркой, нѣсколько пониженнай, чисто и хорошо сдѣланной; въ ихъ проходѣ, по сторонамъ, попадаются

графиты-кресты; хотя они могли быть выдѣланы позднѣе, плѣнными христіанами, но это мало вѣроятно въ такомъ видномъ мѣстѣ, да и крестики глубоко и чисто вырѣзаны. Все это побудило меня разыскивать, по развалинамъ самого города, остатки того же времени, но такъ какъ я могъ это сдѣлать только поверхностнымъ осмотромъ, то поиски мои были тщетны, да это и неудивительно. Городокъ былъ малый, населеніе полудикое; стѣны ему построили Византійцы, и онѣ могли служить и дѣйствительно служили Татарамъ, а потому и уцѣлѣли, но иная общественная зданія, напр. церкви, были ничтожно малы, и ихъ покрыли или уничтожили постройки Татаръ. Нѣкоторый еще слѣдъ христіанскихъ могильныхъ камней, точно такихъ, какъ на христіанскихъ кладбищахъ Мангупа и въ его базиликѣ, видѣль на караимскомъ кладбищѣ Іосафатовой долины, кое-гдѣ въ глухихъ углахъ, впрочемъ, возможно, что и Караймы ставили такие же могильные камни. Много лѣть тому назадъ, было сообщено объ открытии въ Чуфутъ-кале пещернаго, христіанского храма; такая находка имѣла бы значеніе, но оказалось, что ея указаніе ошибочно и ничего подобнаго въ Чуфутъ-кале не имѣется¹); по крайней мѣрѣ, я ничего такого не знаю, ни въ указываемомъ, ни въ иномъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ именно съ первой стѣны—Г—Г отражали Татаръ, которымъ эта стѣна казалась столь прочной и грозной, что они сохранили даже ея описаніе. Историкъ Сейидъ Мухаметъ-Риза очень похваляется эту крѣпость и объясняетъ, что ея стѣны построены изъ „мелкихъ, твердыхъ камней“²). Эти послѣднія слова вовсе не сходны съ видимымъ, потому что камни на лицѣ старѣйшей стѣны въ дѣйствительности большие; впрочемъ, кажется здѣсь данъ не вполнѣ точный переводъ татарской мысли; повидимому, авторъ хотѣлъ указать не малость камней, а ихъ мелкую, т. е. чистую теску въ стѣнѣ, что совершенно вѣрно. „Упомянутый замокъ (Кыркоръ) есть твердая и безсравненная крѣпость близъ Бахчесарая, расположенная на вершинѣ высокой горы, построенная изъ твердыхъ камней мелкой (т. е. чистой) обдѣлки“, какъ переводилъ Березинъ³).

Взявъ городъ, Татары, заняли его сами, хотя и не любили крѣпостей, по своему обычаю, давъ ему и свое названіе—Киркоръ; населеніе, вѣроятно, частью истребили, частью разогнали. Отъ этихъ первыхъ татарскихъ временъ сохранились замѣтные

¹⁾ Извѣст. Таврич. Уч. Ком., вып. 8, 121.

²⁾ Смирновъ, Кр. Ханство, 104.

³⁾ Березинъ, Тарханные ярлыки, 35, прим. 23.

слѣды. Подлѣ самыхъ воротъ—Д, конечно внутри города, видны развалины большой хорошей мечети, съ двумя рядами колониць внутри, имѣвшихъ сталактитовыя капители; направление михраба мечети S10°W; въ ея стѣнахъ и вокругъ попадаются камни, прекрасно изукрашенные мусульманскимъ ковровымъ узоромъ, стиля Турукъ—Сельджуковъ, судя по которому, построение мечети можно отнести къ XIV вѣку. Вокругъ мечети попадаются татарскія могилы, и остатки большого татарскаго кладбища видны виѣ города, на осыпи—Р, близъ малыхъ воротъ—Ж. Не подалеку отъ этой мечети поставлена тоже мусульманская надгробная часовня (тюрбэ), вокругъ и внутри которой погребены нѣсколько лицъ; изъ нихъ названа Ненекэ-Джанъ-ханымъ, дочь Тохтамышъ-хана, показанная въ надписи умершою въ 1437 г. Съ ея именемъ связано нѣсколько вздорныхъ, мимо народныхъ разсказовъ, но точно исторического о ней ничего неизвѣстно¹⁾. Отъ этихъ же мусульманскихъ временъ кое гдѣ въ старомъ городѣ попадаются въ низахъ домовъ камни съ восточнымъ орнаментомъ; однако возможно, что эти камни находятся не на первоначальномъ мѣстѣ.

Близъ развалинъ мечети видны караимскія кенасы (сиагоги), содержимые въ цѣлости и порядкѣ. Обѣ онѣ въ болѣе простомъ видѣ, но явно подражаютъ архитектурнымъ частямъ сосѣдней мечети; ихъ направление—S35°W. Точное время ихъ построения, несомнѣнно, разное, неизвѣстно Караймамъ, по общему же смыслу всего значительно старѣйшая изъ нихъ не

¹⁾ Бахчесарайскія арабскія надписи, Зап. Од. Общ., II, 527; Кеппенъ, Кр. Сб., 311; Смирновъ, Кр. Ханст., 107, 117. Позднѣйшія монеты Тохтамышъ-хана 1394 года; разбитый Тимуръ-Ленкомъ въ 1399 году, онъ бѣжалъ въ Киргизскую степь и убитъ въ 1406 году. (Смирновъ, оп. с., 143, 147), слѣдовательно Ненекэ умерла па много лѣтъ позже своего отца, едва ли имѣя политическое значеніе и въ возрастѣ не менѣе сорока—пятидесяти лѣтъ, далекомъ отъ возможности приписывать ей романническія увлеченія, бывшія будто бы причиной ея смерти. Это прелестное тюрбэ почти совершенно исковеркано, орнаменты счищены, надписи разбиты, многое разрушено и пелѣно, казарменно, подправлено въ 1886 г., въ видѣ исправленія и украшенія къ прїездѣ государя. По счастью, сохранились, кое гдѣ, фотографіи тюрбэ, снятая до его разрушенія. Въ единственномъ экземпляре (въ Таврич. Уч. Арх. Ком.) дополнительныхъ рисунковъ Уварова (Древности Россіи) 1852 года, на листѣ XLIX тоже данъ рисунокъ этого тюрбэ, но лишь въ общихъ чертахъ, детали же не выработаны. Мурзакеевичъ приложилъ рисуночки этого тюрбэ къ давно напечатанной статейкѣ, но по своему безобразію ни на что не похожий. (Письмен. памяти. Тахтамышъ-хана, Ж. Мин. Нар. Пр., 1840, № 8).

древнѣе переселенія Караймовъ, о чѣмъ подробно далѣе, т. е. конца XIV вѣка, а вѣроятно и того позднѣе, другая, кажется, начала XIX вѣка. Ничего болѣе, принадлежащаго христіанамъ, Татарамъ или Караймамъ не нашлось до сихъ поръ въ старомъ городѣ.

Выходя изъ старого города воротами—Д (Ортакапу), вступаемъ въ новый городъ—Б (на планѣ показанъ перекрещающимися красными чертами). Эта часть Чуфутъ-кале сохранилась лучше старой; она была тѣснѣе застроена исключительно караймскими домами, принадлежность которыхъ и до сихъ поръ извѣстна поименно между караймскими семьями.

Безъ дальнѣйшихъ поясненій само по себѣ понятно, и было и есть, всякому, что постройка домовъ впереди древней стѣны—Г—Г не только крайне вредна для обороны этой стѣны, но почти уничтожаетъ ея боевой смыслъ; во всякомъ случаѣ сами эти новые дома оставались безъ обороны, и для ихъ защиты приходилось строить новую крѣпостную стѣну, что и было сдѣлано. Только какія-то чрезвычайныя обстоятельства могли побудить на это, по прежде чѣмъ представлю, что именно, укажу, какъ и когда была построена новая стѣна—З—З, закрывшая новый городъ. Характеръ этой крѣпостной стѣны, и военный, и строительный, совсѣмъ иной, по сравненію съ старой стѣной—Г—Г; она во всѣхъ отношеніяхъ гораздо хуже исполнена, значительно длиннѣе, усиlena башнями и даже мелкимъ рвомъ, криво и небрежно долбленнымъ въ скалѣ; все этостроено очень плохо и невѣжественно, по замыслу и по выполненію. Относительно стиля построенія стѣны здѣсь неудобно входить въ мелочныя подробности, да и трудно это сдѣлать безъ обилія рисунковъ, но могу безусловно утверждать, что она, если и не вся, то въ наибольшей своей части (отъ воротъ къ сѣверу) не ранѣе начала XVI вѣка; довольно указать, что въ ней устроены ружейныя бойницы, точно такого вида, какъ описаны въ стѣнѣ цитадели въ Мангупъ-кале, относящіяся къ началу XVI вѣка¹); даже близъ болѣшихъ воротъ—I, къ сѣверу, выдѣлана одна орудійная амбразура—необычайная рѣдкость въ крѣпостныхъ стѣнахъ въ Тавридѣ. По времени все это согласуется съ обстоятельствами правленія Менгли-Гирея хана, часто сидѣвшаго въ Кыркорѣ, хорошо и долго правившаго и знакомаго съ европейскими порядками

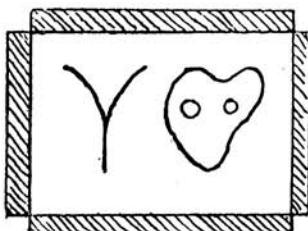
¹⁾ Подробно въ ст. „Каламита и Феодоро“, Изв. Тавр. Уч. К., № 55.

жизни и техники, а также съ военными постройками Турокъ, особенно въ Мангупѣ.

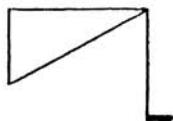
Впрочемъ, о времени постройки этой стѣны есть даже и документальное показаніе, данное въ двухъ надгробныхъ надписяхъ, приведенныхыхъ Фирковичемъ. Эти надписи указаны г. Шапшаломъ, нынѣ гахамомъ караимскимъ¹⁾). Привожу лишь существо этихъ надписей; оказывается: въ первой— „Именитый мужъ общины - Менагемъ... положилъ основаніе крѣпостной стѣнѣ, а Елеазарь, изъ его же рода, спаскать себѣ почетъ окончивъ, умеръ въ 5156 (1396) году“; во второй— „Памятникъ сей поставленъ надъ могилой Елеазара, начальника обѣихъ крѣпостей, умеръ въ 5193 (1433)“. Давняя и обширная полемика гебраистовъ о работахъ Фирковича сдѣлала то, что всякия его показанія почитаются сомнительными. Такое положеніе вещей не слѣдовало бы длить безъ конца, и всѣ вопросы, поднятые Фирковичемъ, имѣющіе высокое значеніе для исторіи Тавриды, должны бы быть обсужденены и окончательно выяснены. Повидимому, въ его изданіяхъ и трудахъ окажется не мало темныхъ мѣстъ, но, конечно, остальное должно быть введено въ оборотъ исторіи. Пока что, было бы желательнымъ издать хотя бы русскій переводъ его сочененія „Авне-Зикаронъ“. Въ настоящемъ случаѣ полагаю, что нѣтъ повода сомнѣваться въ данныхъ вышеупомянутыхъ надписей о построеніи новой стѣны - З—З, которое ими относится ко времени вѣкомъ ранѣе, чѣмъ показано выше по военно-строительнымъ признакамъ. Такое кажущееся разномысліе могло бы объясняться тѣмъ, что стѣна значительно позже перестроена, съ цѣлью выдѣлать въ ней вновь вводимыя амбразуры и бойницы, но такихъ перестроекъ, по техническимъ условіямъ, нельзя скрыть; однако ихъ непримѣтно. Вѣрнѣе полагать, что показаніе надписей относится только къ малой, начальной, южной части стѣны: г. Шапшаль говорить, что въ нихъ указано о построеніи воротъ—I. Да это объясненіе и естественно, такъ какъ невозможно допустить, чтобы въ ту пору, когда крѣпостная стѣна обычно строились многія десятки лѣтъ, здѣсь таковыя были построены очень скоро одними лицами и, надо понимать, за ихъ личный счетъ.

¹⁾ Шапшаль, Карaims и Чуфутъ-кале, 17; Фирковичъ, Авне-Зикаронъ стр. 74 и 75, № 291 и 294. Г. Шапшаль перевѣлъ вполнѣ эти надписи по моей просьбѣ, за что и приношу ему глубочайшую благодарность.

Надъ воротами — I въ этой новой стѣнѣ вѣланы мрамор-
ная плита около полутора ари. длины съ изображеніями, пред-
ставленными на рисункѣ *а*; это, можетъ быть, тоже могло бы

а.

б.

служить указаніемъ къ построенію стѣны, по самыя изобра-
женія остаются неразгаданными. Во всякомъ случаѣ Яшлавскіе
бен, одинъ изъ которыхъ нѣкогда завладѣлъ бывшо здѣсь
крѣпостью Асовъ и потомъ взимавши съ Караймовъ особыя
подати, тутъ не при чёмъ. Ихъ тамга, называющаяся —таганъ
и изображающая, по татарскимъ толкованіямъ, знамя съ древ-
комъ, совсѣмъ иная, какъ видимъ тутъ же на рисункѣ *—б.*
Это изображеніе, надъ воротами Чуфутъ-кале, тицились тол-
ковать не разъ. С. Беймъ видѣлъ въ ---рис. *а* стремя, вилы и
пулю, будто бы означающія караимскія побѣды¹⁾; но это объ-
ясненіе не соотвѣтствуетъ видимому и само по себѣ не имѣть
никакого смысла. Кондараки, вдохновленный этимъ соображе-
ніемъ, усмотрѣлъ тоже стремя и вилы, но нашелъ, что это
безспорно гербъ Тавро-скиѳовъ, эмблема ихъ промысла²⁾. Но
вѣйшее объясненіе предполагаетъ, будто это изображеніе двухъ
еврейскихъ буквъ, начальныхъ въ словахъ, означающихъ „ска-
ла іудеевъ“³⁾). Пусть рѣшатъ гебраисты, можно ли тутъ видѣть
двѣ подходящія буквы, но название Чуфутъ-кале слишкомъ
позднее, да и значитъ крѣпость, а не скала іудеевъ. Своихъ
соображеній по этому вопросу, ни по смыслу изображеній, ни
по ихъ значенію, никакихъ не могу представить. Какъ указано
выше, старый городъ прикрывался основной стѣной —Г—Г,
съ воротами Д и боковой- Е--Е, съ воротами Ж. Построен-

¹⁾ Беймъ, Память о Чуфутъ-кале, 37.

²⁾ Кондараки, Новый путевод. по Крыму, 1885 г., 51—52;
Его-же, Въ пам. столѣт. присоед. Крыма, Ист. и Арх. Тавр. 177
(рис. не тотъ).

³⁾ Ельяшевичъ, Таинственная надпись, Караймская жизнь, № 3-4,
114.

ніемъ нової стѣны З—З старая стѣна Г—Г потеряла боевое значение, но стѣна Е—Е продолжала служить общей оборонѣ; поэтому ея паралель передѣланъ въ началѣ XVI вѣка въ бойницы, по типу нової стѣны, и эта передѣлка отчетливо видна и познаваема понынѣ. Плита мраморная, взятая изъ древняго сооруженія, можетъ быть слѣдовало бы осмотрѣть, ея оборотъ.

Опредѣливъ, когда строились стѣны Чуфутъ-кале, слѣдуетъ прибавить, что, на сколько можно судить по историческимъ слѣдамъ, Татары съ конца XVI вѣка стали постепенно покидать Кыркоръ, оставивъ его однимъ Караймамъ; тогда начали разрушаться и крѣпостныя стѣны, а Караймы, оставаясь полными хозяевами, воспользовались и первою стѣной — Г—Г, изъ которой образовали опору домовъ, примкнувшихъ къ ней снаружи, и даже въ нее вдолбленныхъ.

Указавъ главныя черты въ остаткахъ двойного построения города, возвращусь къ объясненію такого удивительного обстоятельства, поведшаго къ упраздненію превосходной стѣны и необходимости строить новую. Всего охотнѣе и какъ бы естественнѣе оно толковалось тѣмъ, что населеніе города увеличилось, и городскую площадь надо было расширить¹⁾. Пока это говорится непродуманными словами, то можетъ казаться возможнымъ, но стоитъ взглянуть на планъ города, чтобы съ очевидностью примѣтить совершенную невѣроятность такого соображенія. Если понадобилось расширить городъ — А, то для этого тутъ же рядомъ, за низенькой стѣночкой, оградой отъ скота, — К—К, имѣлась совершенно свободная земля — В, вдесятеро большая площади нового города — Б; занявъ самую малую часть этого пустыря, легко получалось бы желаемое расширение города, сохраняя и крѣпостную стѣну, подъ защитой которой оно ставилось. Очевидно, что побудительной причиной важнаго рѣшенія, поведшаго къ перестройкѣ крѣпости, было вовсе не желаніе расширить городъ, а чѣмто иное, представляемое въ послѣдований историческихъ данныхъ, именно и получающихъ надлежащее освѣщеніе въ событияхъ этой перестройки.

Турецкіе историки, подробно рассказавъ объ обстоятельствахъ взятия крѣпости, впослѣствіи названной Кыркоромъ, у скверныхъ гяуровъ, непохвальнааго народа — Асовъ (Алагъ?), съ помощью хитрости, трехдневнаго непрерывнаго шума, при осо-

¹⁾ Шапшаль, Караймы и Чуфутъ-кале, 17; Беймъ, Пам. о Чуфутъ-кале, 45.

бомъ участіи Яшлавскихъ бековъ, прибавляютъ: „Современемъ, когда мусульманамъ не стало надобности въ означенной крѣпости, въ ней заставили водвориться корпорацію каравиновъ, изъ жившаго въ Бахче-Сараѣ племени іудейскаго. До сего времени изъ поголовной подати съ нихъ часть приходится на долю Яшлавскихъ бековъ“¹⁾). Это извѣстіе, указывающее на позднее и къ тому же насильственное поселеніе Караймовъ въ Чуфутъ-кале представлялось сомнительнымъ, и о немъ говорять не такъ подробно, какъ бы слѣдовало для такого рѣшительного и опредѣленнаго показанія, но именно оно, подходя ко всѣмъ обстоятельствамъ удивительной застройки новой крѣпости, вполнѣ ее объясняетъ, согласуясь со всѣми соображеніями, чѣмъ и утверждается точность свидѣтельства турецкихъ историковъ о самомъ событии, переселеніи Караймовъ. Оно же подтверждается и инымъ путемъ. Время этого переселенія неизвѣстно въ точности, но, судя по тому, что новую крѣпость, по вышеуказаннымъ надписямъ, начали строить сами Караймы, въ самомъ концѣ XIV вѣка, а ея необходимость могла сказаться только послѣ переселенія ихъ сюда, то таковое можно полагать не сколько ранѣе, около половины XIV вѣка. Съ другой стороны, мы знаемъ, что по завоеваніи Тавриды въ 1795 г. Караймы посыпали въ Петербургъ депутацію, подавшую прошеніе Зубову о разныхъ своихъ правахъ; въ немъ ихъ повѣренные писали, что они поселились въ Тавридѣ около 450 лѣтъ тому назадъ²⁾). Теперь это показаніе кажется явно невѣрнымъ, такъ какъ Караймы были уже въ странѣ много раньше, но даваемая не круглая цифра показываетъ, что ее дѣйствительно знали, а не говорили примѣрно, наугадъ. И вотъ мы видимъ, что, примѣнія это счисленіе ко времени переселенія Караймовъ въ Чуфутъ-кале, получаемъ совершенно точное его подтвержденіе. Оказывается, что и показаніе депутаціи, и замѣчаніе турецкаго историка, и караимскія надписи между собою сходятся расчетомъ времени, стало быть могутъ почитаться достовѣрными. а событие во всѣхъ подробностяхъ совершенно точнымъ.

¹⁾ Смирновъ, Кр. Ханство, 104—105. Татарскую хитрость взятія города г. Смирновъ считаетъ вымысломъ, навѣяннымъ сказаниемъ о йерихонѣ; но въ разсказѣ о послѣднемъ вымышлены подробности—рушение стѣнъ отъ трубного звука, существо же—взятіе города утомленіемъ осажденнаго непрерывными, шумными, но ложными тревогами, дѣло во всѣ времена извѣстное и часто употребительное.

²⁾ Ордера Зубова правит. Тавр. Области, Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., вып. 23, 20.

Само переселеніе виѣ сомнѣнія, но выставленная турецкимъ историкомъ его причина — ненадобность Татарамъ крѣпости не можетъ быть допущена, потому что еще долго послѣ переселенія Караймовъ не только старая крѣпость не была покинута Татарами, служа имъ убѣжищемъ и государственной тюрьмой, но и Караймовъ въ нее не просто переселили, а выдѣлили ихъ въ особый новый городъ.

Г. Смирновъ усматриваетъ иное побужденіе къ переселенію; онъ полагаетъ, что Татары хотѣли вытѣснить Караймовъ изъ плодородныхъ и водныхъ низинъ Бахче-сарага, но мнѣ кажется и этотъ поводъ сомнительнымъ¹⁾). Въ XIV вѣкѣ Татары — кочевники едва ли упорно гонялись за культурными землями, но если это и было, то выводъ Караймовъ изъ Бахче-сарага все же нисколько не поясняетъ, почему ихъ собрали въ одно мѣсто, въ чёмъ и заключается главный смыслъ переселенія. Изъ Бахче-сарага ихъ можно было вытѣснить куда угодно, ибо земли было преизобильно, и надобны были особыя причины, чтобы свести ихъ въ неприступное, но крайне тяжелое для жития мѣсто, испортивъ старую крѣпость и построивъ для нихъ новую. Къ тому же слѣдуетъ вспомнить, что Татары всегда были въ добрыхъ отношеніяхъ съ Караймами, которые образомъ жизни, одеждой, обычаями, языкомъ почти не отличались отъ Татаръ и были имъ необходимы, какъ торговцы и ремесленники. Что ихъ не хотѣли просто выжить изъ Бахче-сарага и что добрыя отношенія съ Татарами не прекратились послѣ переселенія, видно изъ того, что они сохранили въ Бахче-сарагѣ свое имущество, владѣли лавками, домами, садами вокругъ, проводили внизу всѣ дни и только на ночь обязаны были уходить на высоты Чуфутъ-кале²⁾; даже въ вышеприведенной надписи видно, что иѣкій караймъ Елеазаръ былъ въ Киркорѣ начальникомъ двухъ крѣпостей, т. е. и старой стѣны и новой, а это никакъ не похоже на преслѣдованіе Караймовъ. Если бы дѣло шло только о захватѣ ихъ имущества, то не трудно было бы просто разогнать Караймовъ, куда ни попало; весь ходъ же ихъ переселенія вовсе не указываетъ на враждебное къ нимъ отношеніе, какимъ было бы отображеніе ихъ имущества и поселеніе въ особенные и тяжкія условія жизни. Разумѣется, выселеніе было не безъ принужденія, ибо самое мѣсто Чуфутъ-кале — голая скала, не представляло ничего заманчиваго, и какъ

¹⁾ Смирновъ, оп. с., 106.

²⁾ Это указываетъ и Д. д'Асколи, для начала XVII вѣка; оп. с., Зап. Од. О. XXIV, 119.

только русское завоеваніе уничтожило татарскіе порядки, то Караймы очень скоро бросили свои насиженныя мѣста и разошлись, кто куда. Такимъ образомъ, сообразя всѣ обстоятельства, думаю, что причиной выселенія Караймовъ были тѣ самыя религіозно-соціалныя условія, которыя въ то время всюду побуждали заключать Евреевъ въ особыя части городовъ, окруженныхъ стѣнами, въ гетто, куда Евреи и сами собирались, чувствуя себя въ нихъ въ большей безопасности. То же самое, повидимому, было и въ Тавридѣ, и не въ одномъ Чуфутъ-кале; Караймы также и въ Мангупѣ издавна были собраны въ особую, уединенную часть города; талмудисты, Евреи-Крымчаки, были скучены въ Кара-су-базарѣ. Подъ влияніемъ такихъ соображеній и Караймамъ окрестностей Бахче-сарайя, можетъ быть цѣлой юго-западной Тавриды, отвели неприступное мѣсто впереди крѣпостной стѣны въ Кыркорѣ, около трехъ десятина земли, устроивъ тамъ вредную съ крѣпостной точки зренія, но столь обычную крѣпостную слободу; неудобное съ житейской стороны, это мѣсто могло быть весьма легко ограждено въ видѣ гетто, для чего сзади уже была стѣна, а передъ нимъ позволили построить новую, за которой и сами Караймы чувствовали себя и свои семьи спокойнѣе въ ту пору постоянныхъ грабежей и разбоевъ. Однако, не обижая Караймовъ, имъ все же не безусловно довѣряли Татары и потому не пускали ихъ въ старую крѣпость; эта часть осталась цитаделью самихъ Татаръ, державшей подъ своей угрозой новыхъ поселенцевъ; въ рукахъ Татаръ оставался путь къ водѣ, шедшій черезъ цитадель; въ ихъ же рукахъ была и синагога (кенаса), единственное караимское зданіе, построенное въ старомъ городѣ: путь и къ водѣ и къ синагогѣ не трудно было закрыть. Допустивъ все это объясненіе, становится совершенно понятнымъ платежъ Караймами Яшлавскимъ беямъ, ближайшимъ владѣльцамъ Кыркора и земли, на которой поселили Караймовъ; эти пошлины и составляли плату владѣльцу.

Нѣсколько пополняя описаніе, укажу еще одну сторону изслѣдованія развалинъ Чуфутъ-кале. Онъ считается въ числѣ такъ называемыхъ пещерныхъ городовъ, и дѣйствительно въ немъ очень много долбленныхъ въ самой скалѣ помѣщеній; но и здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ въ Крыму поселеніяхъ, и даже лучше, чѣмъ гдѣ-либо, видно, до чего нелѣпо-вздорны рассказы о морѣ, подступавшемъ къ вершинамъ скаль, ввинченныхъ тамъ кольцахъ для привязыванія судовъ и какихъ-то особыхъ, чуть ли не допотопныхъ племенахъ троглодитовъ, жив-

шихъ въ этихъ пещерахъ, будто бы не умѣвшихъ строить домовъ, но долбившихъ точное ихъ подобіе въ скалахъ. Самой ничтожной наблюдательности довольно, чтобы видѣть, что пещеры въ скалахъ Чуфутъ-кале, да и повсюду въ Тавридѣ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ надземными постройками и въ подчиненной къ нимъ зависимости. Они идутъ по начертанію дорогъ и улицъ обычнаго города, слѣдя за ихъ излучинами, служа частью подвалами домамъ, а частью и просто жилищами бѣднѣйшей части населенія, всѣ и вездѣ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, находясь подъ защитой крѣпостныхъ стѣнъ; это, можно сказать, непремѣнное условіе, во всѣхъ городахъ, и внѣ его имѣются только пещеры, долбленыя въ самихъ низахъ, назначенные для содержанія скота. Жилья пещеры, свѣтлые, выходящія на наружныя стороны обрывовъ, всѣ, за рѣдкимъ исключениемъ, продѣланы на солнечной, южной сторонѣ; онѣ сосредоточены всего болѣе въ южномъ обрывѣ между К—Г плана; понятно, что сѣверные обрывы вѣтрены и холодны для жилья. Въ старой части Чуфутъ-кале пещерныхъ помѣщеній подъ домами мало, а новый караимскій городъ изрыть ими, нерѣдко даже въ два яруса, что, конечно, объясняется малостью его площади на поверхности. Въ числѣ пещеръ новой части города есть довольно большія, трехъярусныя въ сѣверо-западномъ углѣ, и надъ ними остатки разрушенного зданія; вся эта связь, prawdopodobno, выдается за тюрьму и относится къ позднимъ временамъ; нелѣпые разсказы обезглавленія преступниковъ въ этихъ пещерахъ, надъ корытами, не заслуживаютъ опроверженія. Вспоминаю старика Карайма, водоноса, который болѣе сорока лѣтъ тому назадъ водилъ меня показывать свою наслѣдственную пещеру, подъ малыхъ воротъ—Ж, подробно разсказывая, какъ именно онъ помѣщался въ пещерѣ съ семьей, какъ жилъ, гдѣ что стояло и какъ все это было хорошо. Ближайшійсосѣдъ Чуфутъ-кале въ противоположномъ обрывѣ скаль, Успенскій монастырь, частью наслѣдовалъ пещеры, а частью отъ самаго своего возобновленія, и на моихъ глазахъ въ семидесятихъ годахъ прошлаго вѣка, долбилъ новыя. У монаховъ даже выработались единичныя цѣны такихъ работъ, тогда же мною записанныя, которая и привожу на память въ будущемъ: въ самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось долбить скалу сидя, платили за кубич. аршинъ до пяти рублей; гдѣ было посвободнѣе, цѣна понижалась до одного—двухъ рублей и даже до пятидесяти копѣекъ; среднюю стоимость обыкновенной жилой пещеры считали рубль за аршинъ; рубка лѣстницы на самый верхъ

скалы обошлась монастырю всего въ сто рублей, при высотѣ лѣстницы около двухсотъ футовъ. Отсюда видно, что кубическая сажень пещерного помѣщенія, считая его внутри, обходилась менѣе тридцати рублей, тогда какъ сажень обыкновенного дома, съ прибавленіемъ наружныхъ обводовъ, вчертѣ стоила не менѣе шестидесяти—восьмидесяти рублей.

Вдвое меньшая первоначальная стоимость, крайняя простота работы, требовавшей лишь слабаго умѣнія въ одномъ мастерствѣ — каменотеса въ самомъ мягкому камнѣ, а всего болѣе почти вѣчна прочность, несгораемость и модная подражательность — вотъ основная и даже единственная причины устройства пещерныхъ помѣщеній, въ особенности для тѣхъ потребностей и той части населенія, которая не требовали особыхъ житейскихъ удобствъ: церкви, кельи, склады, сторожки, жилья бѣдняковъ. Въ городахъ сколько нибудь значительное скопленіе пещеръ непремѣнно находится подъ защищай крѣпостныхъ стѣнъ, въ прямомъ имъ подчиненіи, стало быть устроено позже этихъ стѣнъ. Вопросы времени построенія пещеръ, а тѣмъ болѣе народности, ихъ создавшей, основываются на находимыхъ обычныхъ признакахъ и никоимъ образомъ не могутъ рѣшаться однѣмъ существованіемъ пещеръ. Кто бы и когда, по какимъ бы то ни было особымъ причинамъ, находилъ надобнымъ поселиться на мѣловыхъ горахъ Тавриды, непремѣнно устраивалъ и пещерные жилища, включительно до нашихъ временъ. Я много собираль докumentальныхъ данныхъ, думая современемъ издать по этому вопросу подробное изслѣдованіе, но теперь очевидно уже, что не буду въ силахъ это сдѣлать; поэтому, пользуясь случаемъ и даю опредѣленіе основныхъ выводовъ изъ моихъ изысканій, пригодныхъ не только для Чуфутъ-кале, но и для всей Тавриды. Прибавлю, что нигдѣ я не нашелъ ни малѣйшаго указанія на какую-либо народность, ихъ строившую; нигдѣ не видѣлъ признаковъ, дающихъ право отнести пребываніе человѣка въ пещерномъ жилищѣ древнѣе X, даже XII вѣка.

Еще не мало можно бы сдѣлать замѣтокъ по разнымъ древнимъ остаткамъ въ Чуфутъ-кале, но все это уже совсѣмъ не относится къ существу настоящаго вопроса. Да и сказанное касается его весьма косвенно, а потому усердно прошу извинить меня за это длинное описание.

Повторяя вкратцѣ вышесказанное, вотъ что получается изъ исторически извѣстнаго и въ особенности изъ написаннаго самими развалинами этого древняго города:

На скалѣ Чуфутъ-кале существовало поселеніе Асовъ (Аланъ), христіанъ, названіе котораго не сохранилось; оно было защищено прочной, умѣло построенной стѣной, сооруженной не позже XII вѣка.

Въ самомъ концѣ XIII вѣка эту крѣпость завоевываютъ Татары и называютъ ее—Кыркоромъ.

Овладѣвъ крѣпостью, Татары занимаютъ ее сами; строятъ въ ней мечеть (вторая половина XIV вѣка), тюрбэ (половины XV в.); содержать и сносить туда свои цѣнности, скрываясь и отсиживаясь въ ней.

Съ половины XIV вѣка, сохраняя старую крѣпость, какъ цитадель, водворяютъ Караймовъ впереди крѣпостной стѣны, позволяя имъ выстроить новую; постройка этой стѣны и передѣлка части старой продолжается съ конца XIV по начало XVI-го; въ то же время строится и старѣйшая кенаса (синагога) Караймовъ.

Къ концу XVII вѣка Татары покидаютъ Кыркоръ, оставляя его однимъ Караймамъ, съ какихъ поръ онъ и начинаетъ называться—Чуфутъ-кале (Жидовская крѣпость).

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка, съ завоеваніемъ Крыма Русскими, начинаютъ уходить изъ крѣпости и Караймы; въ половинѣ XIX вѣка она пустѣеть вовсе, и въ ней остаются только хранители ея остатковъ.

Непреложный выводъ изъ сказанного тотъ, что предположеніе исключительного, чрезвычайно древняго пребыванія Караймовъ въ Чуфутъ-кале должно быть оставлено. Этимъ мѣстомъ прежде всего владѣлъ полукочевой народъ, ставшій христіанами, затѣмъ Татары, а Караймы позднѣйшіе насельники. Конечно возможно, что Караймы жили въ частности тамъ и въ окрестностяхъ гораздо раньше; не только возможно, но и весьма вѣроятно, что караймское кладбище въ Іосафатовой долинѣ (названіе только русскихъ временъ) служило имъ гораздо ранѣе, чѣмъ ихъ поселили всѣхъ въ Чуфутъ-кале. Остается думать, что когда-нибудь разслѣдованія и тщательныя раскопки дадутъ большія подробности, сдѣлавъ опредѣленныя находки, но, какъ уже сказано, прочные выводы будутъ получаться не легко. Вѣроятно, тогда поселеніе Караймовъ въ окрестностяхъ Чуфутъ-кале будетъ признано гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ нашествіе Монголо-Татаръ на Крымъ, но это нисколько не умалитъ сумму доводовъ за бытіе на мѣстѣ Кыркора христіанскаго, а потомъ татарскаго города; эти вопросы могутъ решаться въ согласіи, а не въ противо-

положеніи. Уже и теперь позволительно утверждать, что неизвѣстный христіанскій городъ, названный Татарами Кыркоромъ, несомнѣнныя Фуллы и ничѣмъ инымъ не могъ быть.

Что такое „Фулльский языкъ“, въ точности не опредѣлено, но нѣтъ сомнѣнія, что это была народность, отличная отъ со-сѣдей Готовъ, жившая своими особынностями и своимъ языкомъ. Какъ бы ни была она бѣдна и культурно малозначаща, но все же отъ нея кое-что сохранилось къ времени нашествія Татаръ, такъ что ихъ историческія извѣстія, какъ выше мы видѣли, могли очень опредѣленно указать, у кого именно Татары брали крѣпость, названную ими Кыркоръ: тогда тамъ сидѣли Асы (Аланы)¹⁾. Это было въ концѣ XIII вѣка, а въ началѣ слѣдующаго, около 1321 года, то же свѣдѣніе объ Асахъ, живущихъ въ Кыркорѣ, повторяетъ Абульфеда²⁾; въ нихъ и приходится видѣть „Фулльский языкъ“. Ю. А. Кула-ковскій, относя Фуллы къ Старому Крыму, опредѣляя ихъ на-селеніе отличнымъ отъ Грековъ и Готовъ, полагаетъ, что это были Аланы³⁾. Это племя численно большое, появившееся съ III вѣка въ степяхъ Юлной Россіи, въ значительной мѣрѣ за-селяло сѣверныя предгорья Тавриды. Повторять здѣсь все, такъ полно о нихъ сказанное, совершенно излишне⁴⁾. Въ XIII вѣкѣ Аланъ все еще почитали настущескимъ племенемъ, ко-чевымъ, не имѣвшимъ ни стойла, ни навѣса; но не могъ же большой народъ, за тысячелѣтнюю свою историческую жизнь, будучи въ близкомъ прикосновеніи съ Византіей, не образо-вать какихъ либо административныхъ скопленій, населенныхъ и укрѣпленныхъ по примѣру и съ помощью его ближайшихъ сосѣдей, греческихъ городовъ, съ которыми онъ былъ въ по-стоянныхъ спошненіяхъ и дружескихъ связяхъ. Вліяніе греческой культуры въ городскихъ скопленіяхъ Аланъ, конечно, было настолько значительно, что затмѣвало основную народ-

¹⁾ Смирновъ, Кр. Ханство, 104, 106.

²⁾ Aboulfeda, Géographie, 319, (1331); Кеппенъ, Кр. Сборн., 309, показаніе Абульфеды 1321 г., примѣч. 47.

³⁾ Кула-ковскій, Гдѣ наход. Фуллы, 201—202.

⁴⁾ Свѣдѣнія объ Асахъ, ихъ историческія судьбы и распространеніе, собраны и указаны подробно Ю. А. Кула-ковскимъ: Аланы по свѣд. писат., Чт. въ Общ. Нест., лѣт., XIII; Его-же, О христ. Аланъ, Зап. Од. О., XX, 76, протоколы; Его-же, Еп. Феодора ал. посл., Зап. Од. О. XXI; Его-же, Прошлое Тавриды, 2-е изд., 98—101, Ламан-скій, Замѣтки объ Ясахъ-Асахъ, Тр. XI Арх. Сѣвѣзда. 11, 118—121; Васильевскій, Труды, III, CLVI—CLX; Шестаковъ, Очерки по исторіи Херсонеса, 121—124.

ность, отъ которой сохранялись лишь слабыя воспоминанія; можетъ быть поэтому о городскихъ Аланахъ не упомянуль еп. Феодоръ, говоря о кочевыхъ¹⁾). Константий Багрянородный въ X вѣкѣ писалъ, что Аланы могутъ прикрыть Херсонъ отъ нападеній Хазаръ съ сѣверо-востока²⁾). Объ огражденіи и охранѣ этого города Аланами говорить и еп. Феодоръ. Но вѣдь ничто подобное не могло быть сдѣлано мелкими кочующими племенами, къ тому же далеко отброшенными къ востоку (у Солхата) отъ прямого пути на Херсонъ; неизбѣжно для этого существованіе сильного ихъ поселенія, именно близкаго къ Херсону съ сѣвера. Такому условію ничто не удовлетворяетъ такъ, хорошо, какъ Фуллы—Чуфутъ-кале, гдѣ и приходится видѣть одинъ изъ центровъ аланскихъ силъ, сохранившій всего дольше самобытность, по причинѣ дикости мѣстныхъ условій; отсюда вссго легче и удобнѣе было оберегать и охранять подступы къ Херсону отъ нападеній степняковъ.

Пріурочивая Фуллы къ Чуфутъ-кале, можетъ показаться страннымъ, почему Фулльскую епархію, если она была вокругъ этихъ мѣсть, присоединили не къ близкой Готской, а къ болѣе отдаленной Сугдейской; разъясненіе такого сомнѣнія подтвердитъ и самое положеніе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дальность тутъ не много значила, ибо хотя разстояніе отъ Чуфутъ-кале до Феодоро всего около двадцати верстъ, а до Сугдеи около восьмидесяти пяти, но и послѣднее очень не велико, такъ что значеніе какихъ-либо иныхъ причинъ легко могло превысить неудобство большаго разстоянія. Такими причинами могли быть какія либо политическія обстоятельства или чье-либо личное значеніе и вліяніе. Это видно, напр., въ показанномъ выше спорѣ іерарховъ, когда, въ противность вся кому праву и даже смыслу, присудили Херсонскому сугдей скій округъ Элиссе, находившійся еще дальше отъ Херсона, болѣе стадвадцати верстъ, чѣмъ Фуллы отъ Сугдеи. Такое возможное соображеніе, однако, прямоничѣ не подтверждается, а потому лучшимъ объясненіемъ будетъ иное, имѣющее рѣшающее значеніе, относящееся къ народности, населявшей Фуллы. Этой народностью, какъ показано выше, были Аланы, но извѣстно, что въ средѣ ихъ же поселеній возникла и Сугдя въ началѣ III вѣка (въ 212 году) по Р. Х. Здѣсь населеніе,

¹⁾ Кулаковскій, Еп. Феод. Ал. пос., Зап. Од. Об., XXI, Матер. 17.

²⁾ Константий Багр., О народахъ, гл. 11, стр. 76, перев. Ласкина; Васильевскій, Труды, II, 198.

въ условіяхъ большого приморскаго города, скорѣе ограничивалось и пополнялось разноплеменными поселенцами, такъ что отъ основной народности сохранялось еще менѣе, чѣмъ въ глуши Фулльского языка, но память объ Аланахъ не забывалась и въ Сугдеѣ¹⁾.

Въ сопоставленіи извѣстій объ этихъ двухъ городахъ и открывается поводъ соединенія епархій,— имъ была одноплеменность основного населенія, если не сплошь, то все же въ значительной его части и въ особенности въ промежуточныхъ, между Фуллами и Сугдеей, дикихъ деревенскихъ горныхъ пространствахъ. Значеніе одноплеменности Аланъ, населявшихъ горные склоны и сѣверное предгорье Тавриды, сказывалось не только на епархиальномъ управлениі, его можно указать и въ чисто административномъ смыслѣ. Кыркоръ еще и при Татарахъ оставался въ связи съ Сугдеей, что становится очевиднымъ изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Ярлыкомъ, даннымъ Тимуръ-Кутлукомъ въ 1397 году, какою-то Мухаммедъ, пожалованъ тарханомъ въ „крымской Кыркъерской области, въ сосѣдствѣ селенія, именуемаго Судакъ“²⁾), что указываетъ не только административную связь этихъ мѣстностей, но даже какъ бы главенство Кыркора надъ Судакомъ.

Однородное по смыслу и близкое по времени показаніе находимъ въ описаніи путешествія Шильбергера, бывшаго на мѣстахъ въ Тавридѣ около 1421 года. Его разсказъ, касающійся Кыркора³⁾, часто вспоминаютъ, но изъ-за неудачныхъ толкованій относятъ не къ тому мѣсту и дѣлу, куда слѣдуетъ. Въ русскомъ переводѣ говорится, будто бы Шильбергеръ писалъ: „Item городъ Киркъеръ (Karkeri), въ хорошей странѣ, именуемой Готеїей (Sudi, suti), но которую язычники называютъ Татъ (that, Than). Она населена греческими христіанами и производить отличное вино. Въ этой странѣ, лежащей при Черномъ морѣ...“⁴⁾. Отсюда обычно и заключаютъ, что въ ту пору Кыркоръ былъ

¹⁾ Брунъ, Черноморье, 11, 122, 136; Васильевскій, Труды, III, CLVIII; Арх. Антонинъ, Замѣтки отн. къ Сугдеѣ, 3. О. О., V, № 61, 62, 63.

²⁾ Березинъ, Тарханные ярлыки, Казань, 1851, 35, примѣч. 23.

³⁾ Schiltbergers, Reise in der Orient, Mюnchen, 1914, 100, 157. Есть нѣсколько не точно одинаковыхъ нѣмеckихъ изданій этого путешествія; въ настоящемъ такъ сказано: Karkeri, Stadt; das zu ihr gehörende fruchtbare Gebiet heisst: Suti, die Turken nennen es aber Than. Die Stadt liegt am schwarzen Meer. Die Einwohner sind griechische Christen.

⁴⁾ Шильбергеръ, Путешествіе, Зап. Нов. Унив., I, 56, прим. 2, 57—59, прим. 4, 102; переводъ и толкованія Ф. Бруна.

населенъ христіанами. Выше показано, кѣмъ тогда былъ насе-ленъ Кыркоръ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать его въ Готеи, да и все остальное, сказанное въ этомъ переводѣ о странѣ, сравнительно съ подлинникомъ, для знающихъ мѣст-ныя условія, представляется недоразумѣніемъ, которое ни-коимъ образомъ нельзя отнести къ ошибкамъ самого Шильт-бергера; хотя Брунъ и увѣряетъ¹⁾), что онъ успѣлъ доказать, будто у Шильтбергера, ошибкой компилята, Готея превратилась въ „Sudi“, но совершение невѣрою, чтобы столь знакомое вся-кому нѣмцу слово, какъ Готея, могло превратиться въ „Sudi, suti“, ни по звучанию, ни по пониманію всего разсказа не отно-сящагося къ Готеи: какихъ либо доказательствъ этого у Бруна вовсе и не приводится, кромѣ того, что въ числѣ одиннадцати языковъ, на которыхъ служать по греческому вѣроисповѣданію, числится — „7) Küchirich, kuthia, язычниками (турками) называе-мый That“; говорится объ этомъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ (102 и 151 стр.), и неизвѣстно, къ чему относится такое пока-заніе, повидимому даже и не къ Тавридѣ. Такимъ образомъ, не можетъ быть и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что подъ выра-женіями „Sudi, suti“ можно понимать только Сугдею, Судакъ; иначе придется допустить, что Шильтбергеръ, подробно гово-рящій о сосѣднихъ городахъ Кафѣ и Солхатѣ, вовсе не наз-валъ имени такого важнаго города, какъ Сугдя, но говорить о подробностяхъ, именно и только къ нему относящихся. Наз-ваніе Татъ, даваемое Турками, не относится непремѣнно къ Готеи или вообще ко всѣмъ христіанамъ, а лишь къ жителямъ южнаго прибрежья Тавриды, т. е. вѣрно для Сугдеи и вовсе не годится Кыркору. Выше достаточно подробно представлено, что во время Шильтбергера крѣпость Кыркоръ не только уже болѣе вѣка была занята Татарами, но туда были переселены и Караймы, а для нихъ строилась и вторая крѣпость, такъ что если тамъ первоначально, при покореніи Татарами, и остава-лись слѣды христіанъ — Асовъ, то ихъ было такъ мало, что конечно никакъ нельзя было сказать, что страна или городъ насыщены христіанами, а для Сугдеи это было вполнѣ правильно. Также основательно указаніе для Сугдеи того, что этотъ городъ производить отличное вино; это вообще его характерная черта тѣхъ временъ, но подобное опредѣленіе никакъ не подходитъ къ Кыркору, гдѣ такая культура ни тогда, ни нынѣ неизвѣстна

¹⁾ Notices sur les col. ital. en Gazarie, Mem. de l'Ac. des Sc. de St. P., № 9, 54; Черноморье, II, 136, Матер. для ист. Сугдеи; Черном. II. 236, Черн. Готы.

и даже невозможна. Наконецъ, въ изданіи Пенцеля говорится, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, лежитъ на Черномъ морѣ, а это также точно для Сугдеи, какъ и совершенно неприложимо къ Кыркору; чтобы исправить это показаніе, пришлось, безъ надобности, отнести это къ Херсону.

Послѣ всѣхъ этихъ толкованій точный переводъ Шильтбергера будетъ инымъ: „Item городъ Каркери (Karkeri); къ нему принадлежащая плодоносная область называется Сугдя (Sudi, suti), именуемая язычниками Татъ (That, than). Ея жители, греческие (т. п. православные) христіане, производятъ отличное вино. Этотъ городъ (т. е. Сугдя) лежитъ на Черномъ морѣ“.

Здѣсь мы видимъ совершенно такое же взаимное отношеніе между Кыркоромъ и Сугдеей, какъ и по ярлыку Тимуръ-Кутлука: какъ бы подчиненіе Сугдеи, что не должно наскъ удивлять, ибо въ пору и ярлыка (1397) и путешествія Шильтбергера (1421), хотя Сугдееи владѣли Генуэзцы, но въ отношеніи я татарского населенія тамъ были особые порядки, недостаточно уясненные и до сихъ поръ; повидимому, оно пользовалось правилами экстерриториальности, подчиняясь тудунамъ, конечно, видѣвшимъ надъ собой власть въ Татарскихъ правителяхъ Кыркора, а не въ Генуэзцахъ, что и давало Кыркору нѣкоторое право считать себя какъ бы властующимъ въ Судакѣ, расположивающимся тамъ въ отношеніи Татаръ, подчиняя ихъ ближайшимъ, чисто татарскимъ управлениямъ.

Въ обоихъ этихъ показаніяхъ нельзя не видѣть тѣсной связи и зависимости между Кыркоромъ и Сугдеей еще и въ XV вѣкѣ, безъ сомнѣнія, какъ слѣдѣтъ исконной одноплеменности.

Все представленное выше изслѣдованіе показываетъ съ несомнѣнностью, что Фуллы могли быть только на съверномъ склонѣ Таврическихъ горъ; съ наибольшою вѣроятностью, онѣ были именно въ западной части этого склона; наконецъ, съ достаточнымъ правомъ можно подойти еще ближе — пріурочивъ Фуллы къ Кыркору, т. е. Чуфутъ-кале.

Такимъ образомъ, полученное здѣсь рѣшеніе хотя и не безусловной точности, но весьма близко къ ней, и достаточно какой либо случайной находки или счастливо направленной археологической развѣдки, чтобы покончить съ вопросомъ о мѣстоположеніи столь загадочныхъ Фулль.

ПОРЯДОКЪ ЕПАРХІЙ ВЪ ТАВРИДѢ.

Спис. А.

По росписямъ Константинопольскаго престола.

Епархія.	Время и указания росписей								Примѣчанія.
	Кон. VII в. Not. VII ¹⁾ .	Нач. VIII в. Not. VI и VIII ¹⁾ .	Кон. VIII в. Not. de Boor ^{3).}	Кон. IX в. Not. Leo ^{2).}	Нач. XI в. Not. II. ¹⁾ .	XI в. Not. Geltz ^{4).}	Нач. XII в. Not. X ¹⁾ .	Нач. XIII в. Not. Nil Dox. ^{1).}	
Херсонъ	24 (aprx.)	25 (aprx.)	28 (aprx.)	21 (aprx.)	16 (aprx.)	15 (aprx.)	13 (aprx.)	11 (аптр.)	93 (аптр.) 97
Боспоръ	25 (aprx.)	26 (aprx.)	39 (aprx.)	29 (aprx.)	26 (aprx.)	26 (aprx.)	22 (аптр.)	94 (аптр.) 98	1) Parthey, Hierocl. Synecd. et. Not. graec. episc., 99—100, 148, 149, 153, 201, 202, 232—233, 242, 304, 305. 2) Gettzer, Georg. Cyprii, desc. Ob. Rom., 60 6!.
Горія	"	"	37 (аптр.)	46 (aprx.)	34 (aprx.)	34 (aprx.)	30 (аптр.)	28 (аптр.)	83 (аптр.) 86
Судакъ	"	"	30 (aprx.)	47 (aprx.)	35 (aprx.)	35 (aprx.)	31 (аптр.)	29 (аптр.)	521, 522, 531, 533, 534. 3) De Boor, Nachrichten zu den Not. Episc., Zeit. für Kirchengesch., XII B., 257.
Фулы	"	"	48 (aprx.)	36 (aprx.)	36 (aprx.)	33 (аптр.)	30 (аптр.)	96 (аптр.) 99	4) Gettzer, Byzantin. Zeitschr. T. 253—257.

ХЕРСОНСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Титулъ.	И м я .	г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
Епископъ	Василій.	"		"		
id.	Ефремъ.	"		"		
id.	Евгеній.	"		"		Кеппенъ.
id.	Агафодоръ.	"		"	Житія св. еписк.	Шестаковъ, 17.
id.	Елпідій.	"		"	Херсонськихъ.	
id.	Ефесій I.	"		"		Латышевъ, жит. св.
	Капітонь.	"		"		ен. Херс.
id.	Ефесій II.	325	"	1-ый всел. соборъ.	Шестаковъ, 19.	
id.	Асклепій.	"	381	"	Прис. на 2-мъ вс. соб.	Шестаковъ, 24, 25.
id.	Лонгинъ.	"	419	"	Помилов. Оеодос. II.	Lebeau, Hist. du B. Emp., V, 459.
id.	Андрей.	"	431	"	Прис. на Ефесск.	Родіоновъ, 15.
id.	id.	"	448	"	Прис. на Конст. соб.	
id.	Степанъ.	"	451	"	Прис. на Халкід. соб.	Шестаковъ, 24.
id.	Георгій I.	"	553	"	Прис. на 5 вс. соб.	Кеппенъ, 232.
id.	Анастасій.	"	692	"	Прис. на 2-мъ Труль- скомъ соборѣ.	Кеппенъ, 233, пр. 79.
Архієписк.	Левъ I.	"	?	"	Погребеній въ Синопѣ.	Шестаковъ, 37.
	Георгій II.	"	809		Лишень каѳедри.	Арсеній, 296
id.	Павелъ.	"	861	"	Прис. при обрѣт. мощ. св. Клим.	Арсеній, 319.
—	Пензів'сти.	913	"	"	Прис. на Конст. соб.	Арсеній, 336.
id.	Оеодоръ I.		1081—		Посланій къ хазарамъ.	Шестаковъ, 58—60.
id.	Оеодоръ I.	"	1118	"	Въ цар. Алекс. Коми.	Кеппенъ, 233.
id.	Оеофанъ.	"	1147	"	Прис. на помѣщ. соб.	Кеппенъ, 233.
id.	Пензів'сти..	"	1240?	"	Аланское посел.	Кулаковскій.
Митропол.	Оеодоръ II.	"	1280	"		
id.	Левъ II.	"	1280	"	Прис. на упіатек. соб.	Арсеній, 485.
id.	id.	"	1282—		въ Константинополь.	Кеппенъ, 233.
id.	Іеремія.	1338	"	"	Возвед. въ митр.	Parthey, 135, 234.
id.	id.	"	1340	"	Прис. въ Констант.	Acta, LXXXIII.
					Прис. въ Констант.	Acta, XC.

Титулъ.	И м я .	г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
Не указано	Пензѣбет.	"	1364	"	Прис. въ Констант.	Acta, CCXXI.
Митропол.	Игнатій.	1365	"	"	Переведенъ изъ Иисы. Управляеть епарх.	Acta, CCXIX.
"	"	"	1368	"	Готескій.	Acta, CCXL.
Митропол.	Пензѣбет.	"	1382	"	Прис. въ Конст. Споръ съ Сугдейскимъ.	Acta, CCCLV.
id.	id.	"	1382	"	Прис. въ Констант.	Acta, CCCLVII.
id.	id.	"	1383	"	id.	Acta, CCCLX.
id.	id.	"	1384	"	Споръ съ Готескимъ и Сугдейскимъ.	Acta, CCCLXVII.
id.	id.	"	1385	"	id.	Acta, CCCLXVIII.
id.	id.	"	1386	"	id.	Acta, CCCLXX.
id.	Кириллъ.	"	Ранѣе 1390	года.	Названы въ спорѣ съ Готескимъ и Сугдей- скимъ, какъ прежде бывшіе.	Acta, CCCCXIX.
id.	Игнатій.	"				
id.	Василій.	"				
id.	Оаддей.	"	1390	"	Прис. въ Констант.	Acta, CCCCXVII.
id.	id.	"	1390	"	id.	Acta, CCCCXVIII.
id.	Пензѣбет.	"	1392	"	id.	Acta, CCCCXXXIV.
id.	id.	"	1393	"	id.	Acta, CCCCCXL.
id.	id.	"	1393	"	id.	Acta, CCCCCXLVI.
id.	id.	"	1393	"	id.	Acta, CCCCLI.
id.	id.	"	1394	"	id.	Acta, CCCCLIV.
id.	id.	"	1394	"	id.	Acta, CCCCLXI.
id.	id.	"	1394	"	id.	Acta, CCCCLXV.
id.	id.	"	1396	"	Жалоба Готескаго.	Acta, DV.
id.	Макарій.	1401	"	"	Рукоположенъ.	Acta, DCLXXII.
id.	Пензѣбет.	1440	"	"	Рукополож., уніатъ.	Арсеній, 544.
id.	Іосифъ.	1608	1626	"	Прощеніе въ Москву.	Моск. Арх. И. Д., Крымскій дѣлъ, 1626, Янв. 20, № 3.
id.	Серафимъ.	"	1627	"	id.	Моск. Арх. И. Д., Крымскій дѣлъ, 1637, Авг. 16, № 24, дѣлъ грамоты.
id.	id.	"	1636	"	id.	

БОСПОРСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Титулъ.	И м я .	Г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Нач.г.	Упоми- наніе.	Концѣ.		
Архиеписк.	Кадмъ.	"	325	"	Прис. на 1-омъ вс. соб.	Кулаковск. Пр. Бог. Энцикл. IX Керчи. 535.
"	Ненавѣсти., (Накроній).	"	344	"	Соб. въ Никомид. (По- грабъ отъ землетр.).	Кулаковск., тоже 535. Чистаковъ, О нач. хр. въ Лерс., 203; Сборн. Кулак- овск. Арсеній, 143.
"	Унила.	397	"	404	Посвященъ.	
"	Евдоксій.	"	448	"	Ефес. соборъ.	
"	Евдоксій.	"	449	"	Конст. соборъ.	Кулаковск., Керчи, Пр. Богодел. Энцикл. IX. 535.
"	Іоанізъ.	"	519	"	Конст. соборъ.	
"	Іоанізъ.	"	536	"	Конст. соборъ.	
"	Ненавѣсти.	"	764	"	Сказ. о Стеф. Павомъ.	Арсеній, 284.
"	Андрей.	"	787	"	На 7 всел. соборѣ его діаконтъ.	Арсеній, 289.
"	Колюпадій.	Нач. IX в.	"	"	"	Васильевск. Труды, II, Хожд. ап. Андрея, 275—7.
"	Лука.	"	879	"	Конст. соборъ.	Арсеній, 336.
"	Аntonій.	"	880?	"	Письмо 239, патр. Фотій.	"
"	Ненавѣсти.	1222—	"	"	Отецъ еписк. Оеод. Аланск.	Кулаковскій, Алан- ское посланіе, З. О. О, XI, 12.
		"	1240	"		

ГОТСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Епископъ.	Левъ?	"	754	754	Иконоборч. соборъ 754 года, подпись.	Васильевск., Труды, II, 396, 406; Ареоп. 283; Ареоп. Гот. еп., 65.
id.	Іоанізъ.	759	787	791	Его предст. на со- борѣ 1872.	Арсеній, 291; Вас., Жит. I. Г. 407, 420.
Архиепископъ.	Ненавѣсти.	"	{ 1066 1067	"	Прис. на соборахъ.	Кеппенъ, 67.
id.	Ненавѣсти.	"	1143	"	Прис. на соборѣ.	Кеппенъ, 68.
id.	Константинъ.	"	{ 1147 1156	"	Прис. на соборахъ.	Арсеній, Готск. еп., 69; Кеппенъ 69.
id.	Арсеній.	"	—	"	" " "	Кеппенъ, 69; Арсеній, Гот. еп. 69.
Митропол.	Софроній.	"	1292	"	Прис. въ синодѣ.	Арсеній, Гот. еп., 69; Кеппенъ, 69.
id.	Ненавѣсти.	"	1317	"	Синодъ въ Оугд.	Аста, XLI.
id.	Ненавѣсти.	"	1347	"	Прис. въ Конст.	Аста, CXX.
id.	Ненавѣсти.	"	1368	"	Экз. въ Херс. еп.	Аста, CCXL.

Титулъ.	И м я .	Г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
Митропол.	Ненавѣст.	"	1382	"	Прис. иѣ Конст.	Acta, CCCLV.
id.	Ненавѣст.	"	1383	"	Прис. иѣ Конст.	Acta, CCCLX.
ib.	Ненавѣст.	"	1384	"	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLXVII.
id.	Оеодосій.	"	1384	"	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLXVII.
id.	Оеодосій.	"	"	1385	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLXVIII.
id.	Антоній.	1386	"	"	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLXX.
id.	Антоній.	"	1386	"	Управл. ставр. Ялты.	Acta, CCCLXXI.
id.	Антоній.	"	1389	"	Прис. въ Конст.	Acta, CCCCII.
id.	Ненавѣст.	"	1389	"	Прис. въ Конст.	Acta, CCCCIII, CCCCIV, CCCCV, CCCCVI.
id.	Ненавѣст.	"	1390	"	Прис. въ Конст.	Acta, CCCCCIX.
id.	Ненавѣст.	"	1393	"	Прис. въ Конст.	Acta, CCCCLI.
id.	Ненавѣст.	"	1396	"	Жалоба на Херс.	Acta, DV.
id.	Іоаннъ Оло- волъ.	1399	"	1410?	Бывш. хартофлакъ назначается Готек.	Acta, DXXVIII. Кеннекъ 69.
id.	Ненавѣст.	"	1401	"	Прис. въ Конст.	Acta, DCLX.
id.	Даміанъ.	"	1427	"	Надпись Партен.	Латышевъ, греч. надписи № 70.
id.	Каллиникъ.	"	{ 1536 1567	"	Называется.	{ Іерусалимск. библ., IV, 62, указ. Нана. Кераменса.
id.	Константій.	"	1587	"	Надпись Віасала.	Латышевъ, № 62.
id.	Іосифъ.	1608?	1626	1628?		
(Херс. и Готек.).	Серафимъ.	"	1627	"	Прошенія въ Москву.	M. Арх. Ии. Д., Крымский дѣлъ, 1626, 1637, № 3 п 24.
id.	Серафимъ.	"	1636	"		
id.	Анонмъ.	1639	"	"	Прѣѣхалъ въ Кр.	Хартахай, 36.
(Готекій).	Анонмъ.	"	1642	"	Назначенъ.	Саоа, 576.
id.	Анонмъ.	"	"	1652	Изложенъ.	Саоа, 587.
id.	Давидъ.	1652	"	1673	Умеръ.	Саоа, 587, 599; Хартахай, 36.
id.	Давидъ.	"	1652	"	Фирм. Султ. Магом. IV.	Изв. Тайр. Арх. К. № 7, 81.
id.	Меодій.	1673	"	1680	Назначенъ.	Саоа, 599; Харта- хай 36.
id.	Меодій.	"	1678	"	Присоед. Кафск. епарх.	Саоа, 603—604.

Титулъ.	И м. я.	Г о д ы.			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
(Готск. и Кафск.). id.	Небоитъ.	1680	"	1707	Назначенъ.	Хартахай, 36.
id.	Шеоитъ.	"	1695	"	Однѣ на весь Крымъ.	Литемировъ, З. О. О., XVIII, 26.
id.	Макарій.	1707	"	1710	Назначенъ.	Хартахай, 36.
id.	Пароеній.	1710	"	1725	Назначенъ.	Хартахай, 36.
id.	Гедеонъ.	1725	"	1760	Назначенъ.	Хартахай, 36.
id.	Гедеонъ.	"	1757-9	"	Фирманъ Султана.	З. О. О., II, 680., } Хартахай, 37.
id.	Дороюй.	1760	"	1771	Назначенъ.	Хартахай, 36.
id.	Ігнатій.	1771	"	1778	Назначенъ; вышелъ изъ Крыма.	Хартахай, 36.
id.	Ігнатій.	"	"	1786	Умеръ въ Маріуполѣ.	Надп. его могилы.

СУГДЕЙСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Спис. Д.

Епископъ.	Непзвѣсти.	"	715 } 730	"	При патр. Герм.	Арсен., Готск. еп., 66
"	Стѣфанъ.	"	787	"	Прие. на VII соборѣ.	Васил., Р.-Виз., CLXXIV.
"	Филаретъ.	"	826	"	Преомн. св. Стеф.	Васил. Труды, II, 427.
Архієписк.	Константина.	"	997	"	Подп. соборн. актъ.	3.0.0., V, 624; Васил. Р.-Виз., CLXXV.
"	Арсоній.	"	1026	"	Подп. патр. актъ.	3.0.0., V, 624; Васил. Р.-Виз., CLXXVI.
"	Непзвѣсти.	"	1087	"	Синод. актъ.	3.0.0., V, 624; Васил. Р.-Виз., CLXXVI.
"	Евфимій.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 85.
"	Петръ.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 94.
"	Климентъ.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 121.
"	Захарія.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 145.
"	Непзвѣсти.	"	1156	"	Соед. съ Фулльск.	3.0.0., V, 624; Васил. Р.-Виз., CLXXVI.
(Судго-Фулльск.)	Непзвѣсти.	"	1158	"	Прие. въ Конст. при Лукѣ Хрис.	Копченъ, 131.
"	Василій.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 18.
"	Илкита.	"	"	"	Умеръ.	Синаксарь, № 130.

Титулъ.	И м я .	Г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
(Судо-Фульльск.).	Іоакимъ.	”	”	”	Умеръ.	Синаксарь, № 99.
”	Левъ.	”	”	1217	Умеръ.	Синаксарь, № 139.
”	Николай.	”	1238	”	Рукополагалъ.	Синаксарь, № 11.
”	Неназѣти.	”	1253	”	Указ. Рубрукъ.	Рубрукъ, Пут. 67.
”	Оеодоръ I.	”	”	1274	Умеръ.	Синаксарь, № 19.
”	Оеодоръ II.	”	1280	”	Прис. на соборъ. Уніатъ.	Кеппенъ, 133; Ар- сеній, 485.
Митрополитъ.	Феодоръ II.	”	”	1292	Умеръ.	Синаксарь, № 44.
Архієпископъ.	Лука I.	”	”	1312	Переведенъ.	Васил., Р.-Виз. CCVIII—IX.
Митрополитъ.	Неназѣти.	”	1317	”	Жалоба на Готскаго.	Acta, XII.
Архієпископъ.	Іоанизъ.	”	”	1322	Умеръ.	Синаксарь, № 27.
”	Лука I.	”	1327	”		Acta, LXVI.
”	Лука I.	”	1329	”	Присут. въ Констант.	Acta, LXVII.
”	Лука I.	”	1331	”		Acta, LXXIII.
Архієписк.	Лука I.	”	”	1339	Умеръ.	Синаксарь, № 101.
Митропол.	Неназѣти.	”	1347	”	Присутств. въ К.	Acta, CXX.
”	Евгений.	1351	”	”	Нарочен. прис. на со- боръ.	Acta, CXXXI.
”	Неназѣти.	”	1356	”	При国度. въ К.	Acta, CLXII.
”	Неназѣти.	”	1361	”	При国度. въ К.	Acta, CLXXXIII.
”	Неназѣти.	”	1362	”	При国度. въ К.	Acta, CLXXIX.
”	Неназѣти.	”	”	1363	Переводится.	Acta, CLXXXVIII.
”	Неназѣти.	”	1363	”	При国度. въ К.	Acta, CXCI.
”	Неназѣти.	”	1366	”	Не вѣдѣшилься въ управл. монаст. въ Каф.	Acta, CCXXVI.
”	Неназѣти.	”	1371	”	Управл. Ялтой.	Acta, CCCVII.
”	Неназѣти.	”	1382	”	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLV.
”	Неназѣти.	”	1382	”	При国度. въ К.	Acta, CCCLVII.
”	Неназѣти.	”	1384	”	Споръ съ Херс.	Acta, CCCXLVII.
”	Неназѣти.	”	1385	”	Споръ съ Херс.	Acta, CCCLXVIII.

Карта Юго-западного Края

**Красной краской подчеркнуты поселения, въ которыхъ православные жители въ XVIII в. говорили только по татарски.
Синей краской подчеркнуты поселения, въ которыхъ говорили и по татарски и по гречески.
Точками очерчены названия 18ти селений числившихся въ консультствѣ солдая.**

Карта Юго-западного Крима

Map illustrating the administrative divisions and settlements of Southern-Western Crimea (Юго-западного Крима). The map shows various districts (Консульство Чембало, Капитанство, Кинчхинское, Солдайское, Фулльская ЕП., Готская ЕП., Херсонская ЕП.) and numerous settlements, many of which are marked with red or blue dots indicating the language spoken by their inhabitants in the 18th century.

Красном краской подчеркнуты поселения, въ которыхъ православные жители въ XVIII в. говорили только по татарски.

Синей краской подчеркнуты поселения, въ которыхъ говорили и по татарски и по гречески.

Точками очерчены названия 18ти селеній числившихся въ консульствѣ солдаія.

Лит. В.Н. Якубовича, Симферополь.

Титулъ.	И м я .	г о д ы .			Родъ упоминанія.	Источники.
		Начало.	Упоми- наніе.	Конецъ.		
Митропол.	Неизвѣстн.	"	1386	"	Споръ съ Херс.	Acta, CCCCLXX.
	Оеокнѣстъ.	"	1387	"	Присутств. въ К.	Acta, CCCXCIV и др.
	Оеокнѣстъ.	"	1389	"	Присутств. въ К.	Acta, CCCCCII и др.
	Оеокнѣстъ.	"	1393	"	Присутств. въ К.	Acta, CCCCCXXXV и др.
	Оеокнѣстъ.	"	1394	"	Присутств. въ К.	Acta, CCCCCIV и др.
	Феофилактъ.	1400	"	"	Перевед. изъ Перги.	Acta, DLXXIV.
(Судго-Фулацк.).	Оеофанъ.	"	1484	"	Прис. на соборѣ прот. уаин.	Арсеній, 577, 673; Кеппенъ, 134.
(Судгейск.). Эзархъ Патріарха.	Іоаннъ.	"	1566	"	Епархию расхватали состди.	Тр. VI арх. съѣзда II, 177.
Митропол., по заѣзжий.	Неизвѣстн.	"	1578	"	Жилъ въ Судакѣ.	Broniovius, Tart. descr. 10.

КАФСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Спис. Е.

(Кафы-Фулацк.).	Софроній.	"	1546	"	Названо имя.	Махорокорб. Зѣѣк., I, 12.
	Іоасафъ.	"	1590	"	Подigne. грам. патр. Русск.	Арсеній, 673.
	Іаконъ.	"	"	1604	Изложенъ.	Саеа, 551.
	Митрофанъ.	1616	"	1631	Посвященъ.	Саеа, 560.
	Митрофанъ.	"	1618	"	Тит. Каф. и Ф.	Тр. VI съѣзда, II, 178.
	Пароеній.	1631	"	1644	Посвященъ.	Саеа, 568.
	Кириллъ.	1644	"	1655	Переведенъ.	Саеа, 591.
	Мелетій.	1656	"	"	Изложенъ.	Саеа, 592.
	Неизвѣстн.	"	1666	"	Присоединенъ къ Амасії.	Саеа, 597.
	Неизвѣстн.	"	1678	"	Присоединенъ къ Готекой.	Саеа, 603.

ИСТОРИЯ

Древне-Русского Искусства.

Киевъ-Царьградъ-Херсонесъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знакомство съ древне-русскимъ искусствомъ важно не только для специалистовъ, но и для всякаго образованнаго русскаго человѣка. Исторія говорить намъ о дѣяніяхъ, но часто за ея повѣствованіемъ скрыты отъ нашего взора культура, искусство и бытъ страны. И вотъ, въ то время, когда греческая и римская исторія преподаются параллельно съ греческимъ и римскимъ искусствомъ и древностями, преподаваніе русскаго искусства и древностей опущено нашей университетской программой, не считается обязательнымъ знаніемъ даже для филолога съ университетскимъ образованіемъ, а въ русскомъ древнемъ искусствѣ онъ не находитъ для себя важнаго дополнительного знанія, способнаго пролить яркій свѣтъ на исторію и бытъ древней Руси. Причины этому обстоятельству сами по себѣ понятны. Недостаточность научныхъ работъ въ области древне-русского искусства, неразработанность многихъ отдѣловъ нашихъ отечественныхъ древностей и искусства — вотъ главныя причины тому, что древне-русское искусство не читается съ каѳедры. Кромѣ этой главной причины, есть и другая, имѣющая основу въ первой. Незнаніе своего древняго искусства повело уже издавна къ ложному представленію о немъ. Въ древне-русскомъ искусствѣ видѣли не такъ давно лишь одно варварство, мало поучительное для русскаго человѣка. Изученіе искусства древней Греціи и эпохи возрожденія воспитывало умы въ узкихъ рамкахъ ходячихъ эстетическихъ воззрѣній и теорій о совершенствахъ великихъ мастеровъ итальянскаго возрожденія и мастеровъ классической Греціи, о прекрасномъ въ искусствѣ, единственно возможномъ и допустимомъ на почвѣ Италии и Греціи. Эта пора, однако, прошла и для европейскаго и для русскаго сознанія и художественнаго воззрѣнія. Въ древнихъ и старыхъ формахъ архитектуры, живописи и пластики народовъ Европы отысканы и раскрыты новыя самостоятельный усилія творчества. Романскій и готический стили теперь заняли свое мѣсто въ воззрѣніяхъ народовъ какъ великіе, самостоятельные художественные стили. Византійское искусство выразилось въ не менѣе определенномъ и великому художественномъ стилѣ, вполнѣ самостоятельномъ, съ мощнымъ внутреннимъ развитіемъ, имѣвшимъ ог-

ромное вліяніе на образованіе стилей европейскихъ искусствъ, искусствъ славянскихъ земель и Россіи.

Въ настоящее время нѣтъ страны и народа, который не зналъ бы о существованиі „русскаго стиля“. Его историческое образованіе постепенно выясняется наукой, но составившіеся ложные взгляды на русское искусство и русскій стиль еще до сихъ поръ отражаются на нашихъ общихъ понятіяхъ и взглядахъ. До самыхъ послѣдніхъ дней невѣрныя представленія о древне-русскомъ искусствѣ обыкновенно бываютъ основаны на совершенномъ незнаніи его формъ. Къ числу такихъ, болѣе чѣмъ странныхъ взглядовъ принадлежать, напримѣръ, указанія известного историка искусства Карла Вѣрмана на то, что Черниговскій соборъ однокупольное зданіе, что Десятинная церковь была деревянная, что пятикупольная система храмовъ привилась на Руси только послѣ татарскаго ига и т. п., вплоть до того, что въ древнемъ Кievѣ не было Кремля или Дестица.

Еще въ 1866 году знаменитый Буслаевъ опровергалъ ложныя представленія о древне-русскомъ искусствѣ какъ западныхъ, такъ и отечественныхъ ученыхъ, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ отзывовъ иностранцевъ о національномъ русскомъ искусстве. Такъ, напримѣръ, въ общераспространенномъ трудѣ Карла Шнаазе „Історія образовательныхъ искусствъ“, сдѣлавшемся классическимъ въ извѣстное время во всей Европѣ, равно какъ и у насъ въ Россіи, и переведенномъ на русскій языкъ, отзывъ о русскомъ искусстве стремился вызвать прямо враждебное недовѣре и боязнь къ Россіи. Здѣсь мы находимъ и первобытную дикость нравовъ и неспособность къ воспринятію христіанскихъ понятій, и необозримыя степи и болота, и трескучій морозъ, и полярныя ночи безъ разсвѣта, и титаническую борьбу съ суровой природой и съ дикими звѣрями, однимъ словомъ, все звѣрское, дикое и безотрадное сгруппировано вмѣстѣ, чтобы дать сдѣдающую характеристику нравовъ: „отсюда смѣсь какъ бы противорѣчивыхъ качествъ: наклонность къ покойному досугу и къ возбудительнымъ чувственнымъ удовольствіямъ, способность къ механической работе при недостаткѣ собственныхъ идей и возвышенныхъ порывовъ, почти сентиментальная мягкость чувствъ при грубой безчувственности, колебаніе между благогодушіемъ и суровостью, между работой и патріархальнымъ чувствомъ равенства“. Монголы дали окончательную отдѣлку этому племени, которое отличается свойствамиnomadovъ. „Номады“, говорить авторъ, „не сооружали храмовъ, довольствуясь своими палатками, но они принесли въ Россію плоды азіатской культуры изъ Китая, Индіи, Персіи. Такимъ образомъ при варварскомъ дворѣ монгольскихъ хановъ должна была образоваться пестрая смѣсь разныхъ формъ, въ которой господствовалъ духъ востока и особенно сѣверной Азии, съ ея пестрою, затѣйливою и пышною роскошью. Не могло безъ того быть, чтобы русские князья и вельможи, вынужденные тогда по цѣлымъ годамъ находиться при дворѣ хановъ, не позаимствовались такимъ вкусомъ и чтобы не распространили его въ своеѣ отечествѣ“. Такимъ образомъ, монгольский вкусъ съ примѣсью китайскаго, индійскаго былъ водворенъ въ Россіи, и характеръ русскаго стиля готовъ. Русскіе города кажутся Шнаазе безобразною смѣстью куполовъ и башенъ, и русская архитектура хуже магометанской. Архитектурныя зданія отличаются свою пышностью,

пестротою, произволомъ и вліяніемъ чуждыхъ формъ и воззрѣній; церковные образа ужасаютъ своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытного преданія, въ силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы такъ, какъ писалъ ихъ монахъ XIV вѣка Андрей Рублевъ. Въ русскомъ искусствѣ не нашло себѣ соотвѣтствующей формы глубокое настроеніе духа, проникающее всю жизнь и запечатленное чувствомъ Божества. Божество является русскому въ чувственныхъ, ужасающихъ формахъ. Въ Новгородѣ на одномъ изображеніи читалось: „смотри какъ ужасенъ Господь твой“,—этимъ вполнѣ выражается чувство этого народа. Его благоговѣніе основывается на страхѣ; ужасающее въ его глазахъ подобаетъ Божеству и замѣняетъ красоту. Затѣмъ авторъ проводить параллель между русскими и армянами и, отдавая предпочтеніе послѣднимъ, распространяется о рабствѣ и свободѣ, прилагая эти идеи къ русскому религіозному искусству, которое оказывается рабскимъ, и высказывая мысль, что только свобода способствуетъ развитію искусствъ.

Этотъ отзывъ и характеристика не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, но нельзя не отмѣтить, что въ немъ у К. Шнаазе вмѣсто древнѣйшаго периода Руси является варварство и дикость, вмѣсто эпохи роста XIV- XVI стол. татарщина и китайщина, а вмѣсто культурныхъ заимствованій—рабство.

Другой, не менѣе авторитетный ученый Куглеръ, также переведенный на русскій языкъ, полагаетъ, что русскіе поклоняются не Божеству, а иконамъ, и потому одѣваютъ ихъ въ дорогія ризы, что иконописцы соблюдаются въ своихъ иконахъ однажды навсегда установленные типы, причемъ русское искусство примыкаетъ у него не къ византійскому, а къ магометанскому и индійскому, какъ и сами русскіе примыкаютъ также къ магометанамъ по своей культурѣ, и Василий Блаженный слѣдуетъ за турецкими и персидскими мечетями.

Третій Эрнѣстъ Ферстеръ. Этотъ ученый полагаетъ, что „русскій стиль представлять отклоненіе отъ византійскаго, или, вѣрнѣе, искаженіе его. Въ этомъ стилѣ наблюдается скопленіе неправильныхъ формъ, нагроможденныхъ одна на другую, и произволь въ сочетаніи частей соединяется съ безобразнымъ родомъ куполовъ, въ видѣ луковицъ, помѣщенныхъ на церквяхъ и башняхъ“.

Приводя подобные взгляды, основанные на невѣжествѣ западныхъ историковъ искусства, Буслаевъ замѣчаетъ: Я вовсе не имѣлъ безполезного намѣренія доказывать общеизвѣстную истину, что иностранцы мало насъ знаютъ, но полагалъ, что принять къ соображенію эти мнѣнія будетъ не бесполезно для того, чтобы по достоинству оцѣнить ихъ отголоски въ нашемъ отечествѣ и вмѣсть съ тѣмъ возвратить ихъ кому слѣдуетъ, по принадлежности“. (Сборн. Древн. Русск. Иск. 1868 г. стр. 89).

Съ тѣхъ порь многое возвращено обратно, много установлено незыблемыхъ основъ для сужденія о русскомъ древнемъ искусстве.

Въ 1878 г. вышла извѣстная книга Віоле-ле-Дюка о русскомъ искусствѣ. Это былъ знатокъ архитектуры, стилей, обладавший прекрасно развитымъ вкусомъ и особенно занимавшійся орнаментомъ. Въ его книгѣ, однако, повторяется все, что раньше мы слышали объ Индіи, монголахъ и т. д.. Разница лишь та, что Віоле-ле-Дюкъ, живя въ Россіи, близко ознакомившись съ русскимъ стариннымъ стилемъ иконописи,

архитектуры, орнаментики, быль пораженъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и красотой формъ, роскошью, единствомъ мысли и гармоніей тоновъ русского орнамента и потому думаль, что сможетъ уже написать исторію русского искусства. Мы увидимъ далѣе, какія требование должно предъявлять къ тому, кто захотѣлъ бы написать исторію хотя бы одного древнійшаго периода русского искусства, но по отношенію къ Віоле-ле-Дюку эти требование предъявилъ уже Буслаевъ. Шагъ за шагомъ разбираестъ онъ не только воззрѣнія Віоле-ле-Дюка на исторію русского искусства, но и на связи его съ иноземными искусствами и въ концѣ концовъ устанавливаетъ пути движеній художественныхъ стилей изъ Болгаріи и Византіи, откуда шла и наша образованность и письменность. Результатъ критического разбора Буслаевымъ книги Віоле-ле-Дюка ложится въ основу исторіи русского искусства, созидаемой на научныхъ основаніяхъ. Въ исторіи русского древняго искусства теперь нельзя сдѣлать ни шагу, не принимая въ расчетъ византійскаго и средневѣковаго европейскаго искусства. Буслаевъ пришелъ къ этому послѣ основательного изученія западнаго искусства X, XI, XII вѣковъ, народившагося подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ византійскаго, послѣ самаго кропотливаго и тщательнаго сопоставленія и сравненія формъ, т. е. на основаніи сравнительно исторического метода, а не только одной эстетической оцѣнки, какъ у Віоле-ле-Дюка. Этотъ историко-сравнительный методъ, примѣненный къ исслѣдованію русскихъ древностей и искусства, есть важное пріобрѣтеніе нашей науки. Въ самомъ, дѣлѣ, изящно образованный вкусъ можетъ и даже долженъ избирать, одно и отбрасывать другое. То, что не удовлетворяетъ этого вкуса, будетъ грубо, не эстетично, дико,—наоборотъ то, что подходитъ подъ условія этого образованнаго вкуса, прекрасно. Иначе поступаетъ объективная наука. Она сравниваетъ, устанавливаетъ и доказываетъ преемство и родство формъ, объясняетъ исторію формъ того искусства, которыемъ занимается. Теперь, только по прошествіи какихъ-нибудь 30, 35 лѣтъ, уже невозможны такие отзывы о древне-русскомъ искусстве, какіе высказывались ранѣе, наоборотъ, теперь въ той же самой западной наукѣ господствуетъ иная оцѣнка, и памятники древне-русского искусства связываются съ исторіей обще-европейского искусства. Русское искусство для Буслаева не было той сферой, гдѣ пресыщенный вкусъ ищетъ непремѣнно изящныхъ и удовлетворяющихъ его формъ; это была область, рисовавшая бытъ, жизнь, стремленія, всѣ самыя завѣтныя думы и чувства древняго русского человѣка. Онъ слѣдилъ по мѣрѣ силъ своихъ за исторіей русского искусства отъ самыхъ первыхъ шаговъ, начиная съ X, XI вѣковъ, когда Русь жила подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, вплоть до сооруженія памятника тысячетѣтія и картинъ Рѣшина. Сопоставляя, напримѣръ, старинную рукопись Псалтыри боярина Годунова 1602 года съ Псалтырью Угличской, а затѣмъ Хлудовской IX вѣка, онъ вскрылъ такое важное явленіе, которое не было доступно ни одному европейскому ученому, интересовавшемуся византійскимъ и русскимъ искусствомъ. Дѣло въ томъ, что на поляхъ этихъ рукописей можно видѣть множество картинокъ или миниатюръ, поясняющихъ текстъ или толковыхъ рисунковъ. Среди этихъ рисунковъ, соотвѣтствующихъ картинкамъ въ нашихъ печатныхъ книгахъ, попадаются такіе, которые представляютъ различныя стихіи, какъ, напримѣръ, четыре вѣтра,

или изображения рѣкъ, или солнца, луны подъ видомъ, человѣческихъ фигуръ. Русскіе мастера, изображавшіе эти аллегоріи, были вполнѣ освоены съ подобного рода аллегорическими представленіями и вполнѣ понимали ихъ значеніе. Буслаевъ доказалъ, что въ древней Руси эти аллегорическія изображенія не только были обычнымъ дѣломъ, но что они были единственными въ своемъ родѣ по близости, по сиѣжести представленія къ аллегоріямъ, созданнымъ геніемъ древней Греціи, и вошли въ сознаніе русскаго народа черезъ посредство Византіи. Такимъ образомъ, въ складѣ воображенія древне-руssкаго человѣка вскрываются черты античной мифологіи и культуры, вскрываются слѣды культурно-исторического воспитанія, однороднаго съ западно-европейскимъ.

Но это только начало. Цѣлымъ рядомъ монографій Буслаевъ воз-создаетъ передъ нами картину единства древней Руси въ области ис-кусства съ Западной Европой. Онъ изслѣдуетъ настолько же симво-лический языкъ нашей иконописи въ связи съ византійскими, какъ и европейскими началами, которая одинъ и тѣ же для Европы среднихъ вѣковъ, какъ и для Россіи. Въ то время, когда Ф. И. Буслаевъ посвя-тилъ себя изученію русскаго народнаго искусства, этимъ искусствомъ интересовались очень мало. Въ русской ученой литературѣ не было ничего руководящаго въ этой области, не было ни средствъ, ни умѣнья приступить къ научному изслѣдованію русскихъ древностей и русскаго искусства. Эта область нашего знанія влачила проблематическое суще-ствованіе, и даже со стороны славянофиловъ и западниковъ высказы-валось отрицательное отношеніе къ древнему русскому искусству и творчеству. Лишь нѣкоторые люди съ любовью къ старинѣ, какъ, напримѣръ, графъ Строгановъ, занимались изученіемъ рельефовъ Дмитріовскаго собора, Корсунскихъ вратъ, но въ русской наукѣ не было тогда сознательной цѣли, къ которой должны были направляться по-добнаго рода занятія. Буслаевъ единственный понялъ, что древне-руssкое искусство не можетъ быть возсоздано безъ изученія Византіи, какъ основы древне-руssкой жизни. Самъ о себѣ онъ говорилъ: „не стану я вмѣстѣ съ Чаадаевымъ позорить Византію, потому что знаю высокое ся призваніе въ среднѣ-вѣковой исторіи просвѣщенія не только Россіи, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произве-деніями византійского художества, базиликами временъ Юстиніана въ Равеннѣ, Палатинской капеллой въ Палермо, соборомъ апостола Марка въ Венеціи и т. д. до безконечности“. Эти слова писалъ онъ незадолго до своей смерти, когда уже въ русской наукѣ существовала школа ученыхъ византологовъ, частью вышедшая изъ его аудиторіи, но въ продолженіе всей своей жизни Буслаевъ не переставалъ изучать ви-зантійское искусство и вдохнулъ свой интересъ въ цѣлую плеяду уче-ныхъ, разрабатывавшихъ разныя стороны русскаго искусства и лите-ратуры. Лучшая исторія византійского искусства написана ученикомъ его, нынѣ общеизвѣстнымъ на западѣ ученымъ, академикомъ Н. П. Кондаковымъ. На западѣ, встрѣтясь однажды съ молодымъ ученымъ Ж. П. Рихтеромъ, Буслаевъ совѣтовалъ ему заняться изученіемъ живописи равеннскихъ церквей, и такимъ образомъ, на нѣмецкомъ языкѣ появилось первое наиболѣшее изслѣдованіе древней живописи V - VII вѣка, связанное съ именемъ Буслаева и посвященное благодарнымъ

ученикомъ своему учителю. Штудії въ области византійского искусства вызвали появление и нѣкоторыхъ выпусксовъ Русскихъ Древностей Толстого и Кондакова и особенно труда Кондакова „Русские клады“, крайне важного въ методологическомъ отношеніи. Въ этомъ сочиненіи рамки изслѣдованія древне-русского искусства раздвинуты до ихъ естественныхъ границъ. Эти границы опредѣляютсясосѣдними странами, съ которыми въ непрестанныхъ сношенияхъ находилась Русь. Если главнымъ вліяніемъ приходится признать все же византійское, то не меньшее значеніе имѣли для древней Руси и сношения съ Персіей, Сиріей, Средней Азіей, Кавказомъ, Болгарами, греческими поселеніями въ Крыму, особенно съ Херсонесомъ и Керчью, финскими племенами на сѣверѣ, со скандинавами, имѣвшими смѣшанную культуру. Изученіе русскихъ художественныхъ древностей поставлено въ этомъ сочиненіи въ связь съ древностями запада, востока и сѣвера. Русское древнее искусство при самомъ своемъ образованіи отличается такимъ сложнымъ составомъ, чо требуетъ изученія прежде всего вѣтвей, входящихъ въ него, или самостоятельныхъ отдѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ трудѣ мы находимъ и указанія критического характера на состояніе древней Руси. „Періодъ велиокняжескій считается темнымъ періодомъ въ русской исторіи не только по отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствующему будто бы варварству; историки заранѣе отказывались изучать быть этой темной, безличной, однородной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. „Между тѣмъ“, прибавляеть онъ, „нельзя принимать безъ критики и даже рѣшительного отпора тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которая сдѣлана нашими историками только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца“. Всѣмъ извѣстна характеристика Несторомъ славянскихъ племенъ, въ которой онъ языческія племена древней Руси считаетъ погаными, живущими звѣринымъ образомъ, „ядуще все нечисто“, имѣющими особые брачные обычаи и обряды. Онъ противопоставляетъ эту языческую жизнь христіанской жизни и морали. Но значитъ ли это, что древнія славянскія племена не имѣли никакой культуры, а были примитивны въ этомъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ наукѣ. „Еще менѣе“, говоритъ Кондаковъ, „можно характеристику промысловъ древней Руси начинать со звѣринныхъ лововъ, рыболовства, такъ какъ рядомъ съ земледѣліемъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условиемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла.., и кустарная промышленность въ домонгольскій періодъ стояла даже выше, чѣмъ въ Московское время“... Дѣйствительно, изслѣдованіе курганныхъ древностей и кладовъ доказываетъ это съ полной ясностью. Русь была знакома съ издѣліями своихъ культурныхъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей, и сама имѣла высоко-художественные ремесла. Изучая стили тѣхъ предметовъ, которые обращались въ быту древней Руси, „мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросами о разнообразныхъ культурныхъ и художественныхъ вліяніяхъ на племена древней Руси въ ея начальную эпоху. изслѣдованіе формъ восточнаго стиля поведетъ науку къ разсмотрѣнію того, какое вліяніе шло съ Волги и Персіи, Сиріи, Средней Азіи; изученіе русско-византійского стиля должно дать въ будущемъ точныя

указаниіа всего запаса, который русскіе вынесли изъ Византіи и своихъ съ нео связей".

Итакъ, вотъ какимъ образомъ только можетъ быть написана история древне-русского искусства. Ясно, какъ видоизмѣнились воззрѣнія на это искусство въ поль столѣтія, какія требования предъявляются въ нашей наукѣ къ изслѣдованию его и какие горизонты открылись на будущее этой науки. Отсюда также ясно само по себѣ, что въ дальнѣйшей судьбѣ своей эта наука о древне-русскомъ искусствѣ должна будетъ занять видное мѣсто въ системѣ преподаванія съ университетской каѳедры и стать самостоятельнымъ предметомъ рядомъ съ курсами по русской исторіи, русской литературѣ.

Я указалъ пока на тотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на древне-русское искусство, который произошелъ въ очень короткое время въ нашей ученой литературѣ. Понятно само по себѣ, что такие перевороты могутъ происходить только на основаніи добытыхъ фактовъ, на основаніи научныхъ работъ и изслѣдовацій, а ихъ можно указать теперь великое множество. Намъ остается перейти къ самому изложению предмета, чтобы изслѣдовать всю важность этихъ фактовъ.

В В Е Д Е Н И Е.

Извѣстія нашихъ лѣтописей представляютъ важный матеріалъ для освѣщенія русского искусства Кіевскаго периода и особенно нуждаются въ болѣе точномъ ихъ пониманіи. Настоящее введеніе посвящено обзору наиболѣе употребительныхъ древнихъ терминовъ художественнаго языка лѣтописей, важнаго для дальнѣйшаго изложенія и для пониманія древнѣйшихъ формъ русского искусства.

Мы говоримъ: картина *написана*, статуя *изваяна*. Откроемъ нашу начальную лѣтопись, тамъ мы найдемъ разсказъ о греческомъ философѣ, который показалъ Владимиру "запону", на которой было *"написано* страшное Судице Господне". Слово "запона" объясняется предыдущимъ изложеніемъ рѣчи философа: "испусти духъ Иисусъ, церковная запона раздрася на двое". Изъ этого видно, что лѣтописецъ подъ словомъ "запона" подразумѣваетъ церковную "завѣсу" (у Матея 27, 51, Марка 15, 38 и Луки 23, 45, латинское: "aulaem"), то есть катапетасму (*καταπέτασμα*) греческаго текста Евангелія, или вообще дверную завѣсу. Присланная Владимиру завѣса не называется однако церковной, и слѣдовательно въ пониманіи лѣтописца является одной изъ тѣхъ завѣсъ или "синдоновъ", т. е. картинъ, написанныхъ на полотнѣ, существованіе которыхъ въ античномъ и средневѣковомъ искусствѣ общеизвѣстно¹). Это была живописная картина на синдонѣ („γραφή·εν αιγάλου·“), присланная Владимиру изъ Царьграда, какъ дорогая и не менѣе цѣнная,

¹⁾ Египетский "синдонъ", принадлежащий В. Голенищеву, описанъ въ статьѣ „Археологические результаты путешествія по Египту зимой 1898—9 г.“. Записки Восточного отдѣленія Императорскаго Археологического Общества, Т. V., вып. I, таб. III, 6—7. Du Cange, Glossar. I, 651. См. *Византійскій Временникъ* т. IX (1902) № 1 и 2—разборъ сочиненія I. Стриговскаго „Orient oder Rom. Leipzig 1901, въ которомъ указана подробная литература о синдонахъ, стр. 90 сл.“. Ср. также въ Актахъ VII-го Вселенскаго Собора: διεσπέρας τὴν γεγραμμένην αιγάλου, Du Cange. Gloss. I p. 651.

чъмъ икона на доскѣ, картина Страшного Суда. Впослѣдствіи понятіе о синдонѣ-запонѣ, написанной красками, потеряло свой первоначальный смыслъ, и въ Густинской лѣтописи Владимира „запона“ превратилась въ златотканную. Ближайшая причина такого измѣненія я указать не могу, но въ виду того, что Густинская лѣтопись сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, нельзя думать, что такая замѣна должна быть приписана невѣжеству лѣтописца. Скорѣе должно придать извѣстное значеніе извѣстію его, сообщающему новый фактъ, стоящій въ зависимости, быть можетъ, отъ почитанія какого-то златотканного синдона подъ именемъ Владимира. „Въ тое же лѣто“, говоритъ лѣтописецъ, „царствующимъ въ грецѣхъ Василію и Константину, присла патріарха Никола Хризоверхъ Кирилла философа ко Владиміру со великими дарами; послѣ же и запону златотканную, на ней же бѣ истканно Второе пришествіе Христово и Страшный Судъ“¹⁾.

Въ XV вѣкѣ вмѣсто запоны почиталась въ Москвѣ уже деревянная икона, съ изображеніемъ только одного Спасителя. Объ этой иконѣ говорить Татищевъ²⁾). Эта же икона изображена и въ Радзивилловскомъ спискѣ лѣтописи³⁾, какъ иллюстрація къ указанному мѣсту ея.

Въ другихъ древнихъ текстахъ находимъ выраженіе: „Христосъ написанъ или изваянъ“⁴⁾). Эти термины, употребляющіеся для обозначенія цѣлыхъ областей искусства, такие же памятники съдѣй старины, какъ и древніе вещественные памятники. Происхожденіе ихъ уходитъ въ глубокую даль вѣковъ, когда слово „γραφή“ употреблявшееся въ Византіи для обозначенія живописи, было передано на русскій языкъ словомъ „письмо“, терминъ „γραφία“ словомъ „живопись“, а терминъ „ваяніе“ употреблялся для обозначенія техники при изготавленіи языческихъ кумировъ⁵⁾). Такъ выраженіе „γλυπτὰ τὸν Θεόν“ передано въ Біблії: „изваянія боговъ“ (Исходъ, XXXIV, 13). Въ апокрифическомъ откровеніи Авраама также находимъ: „обрѣтохъ бога Марумафа именемъ отъ камни зово-іана“ (испорченное „изваяніе“⁶⁾). Также и въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1254 годомъ: „Созда церковь св. Ивана красну (Даниилъ Галицкій) и лѣпу, зданіе же ея сице бысты: комары четыре съ каждого угла и переводъ и стоянѣе ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ изваяно отъ нѣкоего хитреца... и др. Терминъ „ваяніе“ употребляется по преимуществу для обозначенія рѣзьбы въ камнѣ или на камнѣ. Такъ Антоній Новгородскій говорить о дорогомъ камнѣ Ольгина блюда, на которомъ былъ изваянъ Христосъ а въ другихъ приведенныхъ текстахъ говорится уже о каменныхъ изваяніяхъ. Относительно деревянныхъ статуй употребителенъ терминъ „истесанъ“

1) Густинская л., стр. 254.

2) Татищевъ, Исторія I, 27.

3) Радзивилловская или Кенигсбергская лѣтопись. Издание Общества Любителей Древней Письменности. Т. CVIII, стр. 58.

4) Въ разныхъ спискахъ Антоніева хожденія въ Царыградъ Х. М. Лопаревъ, книга „Паломникъ“ (Правосл. Палест. Сборн. Вып. 51, Спб. 1899). Сказаніе мѣсть связанныхъ въ Цариградѣ Антонія Архіепископа Новгородского въ 1200 году. Также „мусіею по золоту писано“; „дробница писаны мусіею“ у Никифора Толочанова. Рук. Древн. в. IV, стр. 79.

5) Отсюда же получилось и описательное выраженіе: „написанъ аки живъ“ и др.

6) Среднеевр. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. XX. Также: Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. 58.

(отъ слова „тесать“). Различіе этихъ терминовъ до самаго поздняго времени хорошо понималось русскими мастерами. Не лишенъ интереса, поэтому, текстъ Алфавита № 130, собранія гр. А. С. Уварова, въ которомъ говорится о разныхъ способахъ изготовлениі статуй у Еллиновъ, главнымъ образомъ по употребленію терминоў мастерства: „Истуканіюму дутому, ибо же бо кая вещь облай, яко яблокъ сотворено спаяніемъ, а не воліячно (литейное дѣло), то есть глаголется истуканно: сице бо идолы творяху Еллини, того ради идолы истуканіи наричутся, ино бо есть истуканное и ино изваяно, и ино воліячное, и ино истесанное и выбойчатое“¹⁾). Къ книгѣ „Каafa“ (ред. XV вѣка) также проведено различіе между изваяніемъ, рельефомъ и живописью: „Прежде бо творяху елини образные образы, то суть идолы, не соуть бо бывшихъ вещей подобіе, но изляно или выдолото, а не писано, якоже по подобію написанныхъ образовъ“²⁾). Въ основѣ послѣдняго текста лежитъ текстъ греческій, несомнѣнно послѣконоборческой эпохи, такъ какъ „писанный по подобію“ образъ не признается за идола³⁾). Эта же точка зрењія проведена и по отношенію къ русскимъ кумирамъ или идоламъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ какъ подъ кумиромъ въ нихъ подразумѣваются статуи, въ то время какъ подъ „письмомъ“— церковныя росписи, иконы.

Почти на первыхъ страницахъ нашей начальной лѣтописи встрѣчается упоминаніе о богахъ Перунѣ и Волосѣ. Именами этихъ боговъ клялся Олегъ со своей дружиной въ Царьградѣ при заключеніи договора съ греками въ 907 году. По русскому закону они клялись: „и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотыимъ богомъ и утвердиша миръ“. Лѣтописецъ не говоритъ, стояли-ли въ это время въ Кievѣ идолы нашихъ боговъ, но это еще не значитъ, чтобы ихъ, по его понятію, тамъ не было. Кумиръ Перуна упоминается лѣтописью на холмѣ въ 945 году по поводу клятвы Игоря и людей его при заключеніи договора, а обѣ идолы Волоса встрѣчается упоминаніе въ житіи Владимира⁴⁾). Кѣмъ поставленъ былъ этотъ первый упоминаемый кумиръ Перуна, лѣтописецъ также не сообщаетъ. Онъ даже не называетъ его кумиромъ или идоломъ, а коротко замѣчаетъ: „Игорь... приде на холмъ, идѣже стояше Перунъ“. Этотъ первый упоминаемый въ лѣтописи Перунъ, стоявшій на холмѣ въ Кievѣ, начинаетъ собою область древнерусского ваянія, извѣстную лѣтописцу.

Далѣе мы узнаемъ, что Владимиръ, занявшій велиокняжескій столъ въ Кievѣ, поставилъ на холмѣ цѣлый рядъ кумировъ. „И постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебрену, а усь златъ, и Хорса, Даждьбога и Стрибога, и Симаргла,

¹⁾ Древности. Труды Московскаго Археологического Общества, т. I, стр. 6 ма теріаловъ археологическаго словаря. Истуканъ отъ „истукаю“-выливаю образуетъ Срезневскій на основаніи Лексикона Памви Берынды 1627 г. См. Святилище и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. Харьковъ 1846, стр. 55, прим. 4.

²⁾ В. М. Истринъ. Замѣченіе о составѣ Толковой Палеи. Выпускъ 1-й СПБ. 1897, стр. 95.

³⁾ Богомилы признавали иконы за кумиры. Косма пресвитеръ болгарскій Хвѣка говоритъ: „Еретици уже не кланяются иконамъ, но кумиры наричутъ я“ Лѣтоп. Истор. Филолог. Общества VIII, 107.

⁴⁾ Макарій. Исторія русской церкви. I, стр. 265. Также Петровъ, Историко-топографические очерки Киева, Киевъ 1897 г., стр. 45; Закревскій. Описаніе Киева 1862 годъ, стр. 212—213.

и Мокошь. Жряху имъ, наричующе я боги, привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернился кровмы земля Руска и холмъ той" (*Ibid.* 77—8):

Наконецъ, третье извѣстіе о кумирѣ, поставленномъ въ Новгородѣ, слѣдуетъ непосредственно за приведеннымъ. „Владиміръ же посади Добрыну, уя своего въ Новгородѣ; и пришель Добрына Новгороду постави кумира Перуна (II и X списки) надъ рѣкою Волховомъ и жряху ему людіе Новгородстіи, аки богу“ (*Ibid.* 78). Въ Новгородской первой лѣтописи о Перунѣ сдѣлано важное топографическое добавленіе: „что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни“.

Почти каждая фраза въ этихъ трехъ извѣстіяхъ о Кіевскихъ и Новгородскихъ кумирахъ представляетъ собою загадку, требующую объясненій. Дѣйствительно, изъ всѣхъ кумировъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ, болѣе подробно описанъ только идолъ Перуна въ Кіевѣ, поставленный Владиміромъ, остальные лишь упоминаются. Когда лѣтописецъ говорить „стояше Перунъ“ или „Владиміръ поставилъ кумири на холмѣ“, — передъ нами возникаетъ картина сомнительной вѣрности. Намъ представляется только холмъ со стоящими на немъ изваяніями, и мы не знаемъ, въ какое отношеніе къ нимъ должно поставить упоминаемыя въ другихъ источникахъ и лѣтописяхъ „капища“ и „требища“. Еще болѣе затмняется это обстоятельство тѣмъ, что, описывая принесеніе человѣческихъ жертвъ, лѣтописецъ выражается: „оскверняху землю требами“ и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что требы эти совершились прямо на землѣ. Кромѣ того, упоминая объ этихъ жертвахъ съ полною ясностью лишь по поводу кумировъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что кіевскіе язычники „жряху имъ, наричующе я боги“. Эти слова придаютъ особый смыслъ всему приведенному ранѣе мѣсту. Уже при заключеніи Олегомъ договора русскіе клялись Перуномъ и Волосомъ, какъ своими богами, и выраженіе „наричующе я богы“ кажется или лишней вставкой, или же заставляетъ предположить, что идолы, поставленные Владиміромъ, были первые, которые стали называться богами. Такъ же онъ выражается и о Перунѣ, поставленномъ Добрынею въ Новгородѣ: и „жряху ему, аки богу“.

Не имѣя болѣе раннихъ свѣдѣній о существованіи кумировъ въ Новгородѣ, приходится думать, что лѣтописецъ заставляетъ поставить Добрыню первого идола, котораго Новгородцы стали почитать за бога. Въ болѣе позднихъ изводахъ лѣтописей, каковы Никоновскій, упоминаются вообще идолы, Перунъ и требища. Въ Тверской лѣтописи и Новгородскомъ лѣтописцѣ „требища и Перунъ“, въ Іоакимовской лѣтописи сказано, что Іоакимъ Корсунянинъ „идолы сокруши, деревянніи сожгоша, а каменніи изломавъ въ рѣку ввергаша“¹⁾. Эти идолы и требища, кромѣ Перуна, поставленного Добрынею, должны по прямому смыслу извѣстій, считаться болѣе ранними изваяніями и сооруженіями, существовавшими до Владиміра, что хотя и не противорѣчитъ первоначальной лѣтописи, но ею не подтверждается.

Съ другой стороны, не очень щедрый на подробности лѣтописецъ считаетъ необходимымъ отмѣтить каждый разъ, что кумиры стоять на холмѣ надъ Волховомъ, на Перыни, а одинъ разъ довольно

¹⁾ Татищевъ, Исторія I, 39.

точно опредѣляетъ мѣстонахожденіе этихъ кумировъ въ Киевѣ „внѣ двора теремнаго“. Онъ упоминаетъ о серебрянной головѣ и золотомъ усѣ Перуна, но ни словомъ не говоритъ объ особенностяхъ изваянія, какъ священнаго языческаго кумира. Изъ его описанія мы даже не знаемъ, были ли эти кумиры человѣкоподобныя статуи, или какія либо иныя, такъ какъ серебряная голова и золотой усъ могутъ быть и у изваяннаго изъ дерева животнаго. Между тѣмъ вопросъ о внѣшнемъ человѣкоподобномъ или звѣрообразномъ видѣ языческихъ идоловъ самъ собою возникаетъ при изученіи русскихъ литературныхъ первоисточниковъ, знакомящихъ настъ съ понятіями русскаго человѣка объ идолопоклонствѣ человѣческаго рода вообще и русскаго въ частности, такъ какъ фантастическая формы кумировъ въ миниатюрахъ Радзивиловскаго списка лѣтописи закрѣплены и за русскими идолами¹⁾). Наконецъ, можетъ возникнуть и вопросъ техническаго свойства, если задуматься надъ серебряной головой, поставленной на деревянномъ остовѣ статуи.

Всѣ эти вопросы не могутъ быть разрѣшены до тѣхъ поръ, пока извѣстія начальной лѣтописи о кумирахъ будуть рассматриваться каждое въ отдѣльности, въ томъ порядкѣ, въ какомъ приведены мною раньше, т. е. безъ связи съ общимъ составомъ лѣтописи, какъ литературнаго и историческаго труда²⁾.

Дѣло въ томъ, что лѣтописецъ начинаетъ свое изложеніе съ исторіи всего человѣчества, даетъ въ ней опредѣленное мѣсто славянамъ, проходитъ къ славянамъ русскимъ, упоминаетъ, при какомъ царѣ, по извѣстіямъ византійскихъ хроникъ, они стали называться Русью, и кладетъ числа, т. е. устанавливаетъ хронологію событий, который долженъ описать. Этимъ общимъ содержаниемъ и характеромъ лѣтописи, какъ историческаго труда, устанавливается прямая необходимость изученія каждого изъ приведенныхъ извѣстій въ связи съ общимъ составомъ лѣтописи, въ какое бы время она не сложилась, и историческими воззрѣніями лѣтописца. Русское язычество онъ ставить въ непосредственную связь съ идолопоклонствомъ всѣхъ народовъ, а потому ясно само по себѣ, что воззрѣнія лѣтописца на русское язычество нельзя установить ранѣе, чѣмъ не будутъ выяснены его общія понятія объ идолопоклонствѣ всего человѣческаго рода.

Лѣтописецъ имѣть точныя и ясныя для его времени понятія о язычествѣ и христіанствѣ, знаетъ исторію идолопоклонства и излагаетъ начало появленія и распространенія кумировъ въ человѣчествѣ, т. е. исторію ваянія кумировъ, относительно значенія которыхъ, повидимому, придерживается евгемеристической точки зрѣнія.

Эта исторія ваянія кумировъ представляетъ собою вставку въ рѣчь философа, излагающаго сущность ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи предъ Владиміромъ, еще пребывающимъ въ язычествѣ. Важность этой вставки состоять въ томъ, что она содержитъ въ себѣ поученіе язычнику

1). Сравните, напримѣръ, мѣсто изъ посланія Никифора митрополита Кіевскаго къ Великому Князю Владиміру, въ которомъ подъ елинами разумѣются вообще язычники: „и Елини словесни суще и не сохранише словесное, ни добрѣ разумѣвшe, на идолопоклонство снідоша и вѣровати въ крокодилы, и въ козлы и въ зміе, въ огнь и въ воду и въ прочая“. Буслаевъ. Христоматія (полное изданіе) 1909 г.

2). Такъ Соловьевъ, основываясь въ узкомъ смыслѣ на приведенныхъ извѣстіяхъ, отрицаль у Славянъ русскихъ существованіе храмовъ. Исторія Р. Дополненія, стр. 8. Также Голубинскій, Исторія русской церкви Т. I, стр. 846.

и служителю кумировъ, но, какъ изложеніе исторіи кумиротворенія, она пріобрѣтаетъ большое значеніе для оцѣнки *краткихъ свѣдѣній о русскихъ идолахъ*, которыя лѣтописецъ приводитъ въ разныхъ мѣстахъ своей повѣсти.

Вторая половина приведеннаго ранѣе мѣста о человѣческихъ жертвахъ, приносившихся предъ кумирами, постаконными Владимиromъ, очень напоминаетъ, какъ по содержанію, такъ и отдѣльными выраженіями, то мѣсто начальной лѣтописи, въ которомъ излагается упомянутая исторія кумиротворенія. Вотъ это мѣсто:

Послѣ потопа и столпотворенія Вавилонскаго люди на „70 и одинъ языкъ раздѣлиша и разыдаша по странамъ и каждо своя норовы пріяша. По дьяволю наученію ови ращеніемъ, кладеземъ и рѣкамъ жряху и не познаша Бога... По семъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иные златы и серебряны, и кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дщери и заколаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Начальникъ бо бише кумиротворенію Серухъ, творящетъ бо кумиры во имена мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другимъ храбрымъ и волхвамъ и женамъ прелюбодѣйницамъ“ (*Ibid.* 89).

Это замѣчательное мѣсто нашей лѣтописи, рисующее идолопоклонство всего человѣческаго рода, представляетъ въ своемъ родѣ цѣльное и стройное возврѣніе на происхожденіе и исторію ваянія кумировъ и сопряженное съ нимъ поклоненіе идоламъ, какъ богамъ. Лѣтописцу представляется первая ступень язычества, когда весь человѣческій родъ поклонялся рощамъ, колодцамъ, рѣкамъ; затѣмъ человѣчество переходитъ ко второй ступени, къ поклоненію рукотворнымъ кумирамъ, дѣлать которые первый началь отецъ Фары. Ему известны деревянныя, мѣдяныя, мраморныя, золотыя и серебряныя изваянія кумировъ, представляющія царей, полководцевъ, волхвовъ, женъ прелюбодѣяніцъ, впослѣдствіи обожествленныхъ уже въ качествѣ боговъ. Ваяніе кумировъ онъ считаетъ прелестью или соблазномъ дьявола, и тѣми же почти словами: „привожаху сыны своя и дщери“, „осквернена кровми земля Руска“, какими онъ описалъ идолослуженіе на Руси, онъ характеризуетъ и язычество всего человѣческаго рода. Онъ интересуется первымъ изобрѣтателемъ кумировъ совершенно такъ же, какъ интересовались въ средніе вѣка родопачальниками всякихъ искусствъ и ремеселъ.

Уже изъ такого совпаденія въ описаніи русскаго идолослуженія съ общечеловѣческимъ становится яснымъ, что русское язычество сливаются въ представлѣніи лѣтописца съ общечеловѣческимъ. На основаніи только этого сближенія нельзѧ думать, что авторъ начальной лѣтописи, судя по его вышеупомянутымъ выдержкамъ объ идолахъ въ Кieвѣ и Новгородѣ, хочетъ сказать, будто идолослуженіе и человѣческія жертвы начались при Владимириѣ. Изъ этихъ извѣстій слѣдуетъ только, что лѣтописецъ въ своей „Повѣсти“, какъ историческомъ и литературномъ трудѣ, впервые упоминаетъ о нихъ и впервые рисуетъ картину идолослуженія, начиная хронологію свою съ того времени, когда славяне стали называться Русью. Равнымъ образомъ общія представленія о кумирахъ у лѣтописца вращаются около человѣкопо-

добныхъ статуй царей, полководцевъ, волхвовъ. Онъ не знаетъ, или не упоминаетъ звѣроподобныхъ изваяній¹⁾.

Это общее представлениe свойственно настолько-же лѣтописцу, какъ и его эпохѣ: „кто ли не веселится, видя кресты на высокихъ мѣстахъ, на нихъ же прежде жеруаху бѣсомъ человѣци, закалающе сыны своя и дщери“²⁾, воскликаетъ Косма Пресвитеръ, болгарскій писатель X—XI вѣка. Тотъ же писатель выражаетъ вкратцѣ и мысли о распространеніи кумировъ среди людей по существу тѣ же, что и нашего лѣтописца. „Прежде Распятія Господня“, говоритъ онъ, „кумиромъ умножившемся на земли и требамъ сквернавнымъ всюду творимомъ, величашеся дьяволъ, царствование же съ нимъ грѣхъ и смерть³⁾“.

Ни хроника Амартола, ни сочиненія пресвитера Космы нельзя счи-тать за источники, которыми пользуется начальная лѣтопись для на-чертанія идолослуженія всего человѣчества, такъ какъ данныя ея пол-нѣе, опредѣленѣе и точнѣе.

Говоря о кумирахъ, которымъ поклонялось все человѣчество, ука-зывая матеріалъ, изъ которого они дѣлались, начальная лѣтопись не только не описываетъ храмовъ, но даже не отмѣчаетъ факта ихъ су-ществованія. Точно также, говоря о русскихъ идолахъ Кіева и Новго-рода, начальная лѣтопись ни однимъ словомъ не намекаетъ на су-ществованіе храмовъ, *въ которыхъ* они могли стоять, и въ этомъ об-стоятельствѣ многіе изслѣдователи склонны были признать указаніе на отсутствіе языческихъ храмовъ въ древней Руси. Правда, лѣтопи-сецъ нигдѣ не упоминаетъ о нихъ, но въ то же время нигдѣ не зая-вляетъ прямо и рѣшительно, что храмовъ не было, т. е. поступаетъ со-вершенно такъ-же, какъ и при описаніи языческихъ кумировъ вообще.

Однако, область общихъ представлений автора начальной лѣтопи-си о языческихъ богахъ даетъ возможность освѣтить вопросъ о язы-ческомъ храмѣ съ идолами съ иной точки зрѣнія. Говоря о дальнѣй-шемъ развитіи язычества при Фарѣ и Авраамѣ, лѣтописецъ передаетъ извѣстный апокрифъ о сожженіи Авраамомъ идовъ Фары. Авраамъ понялъ ничтожество кумировъ и убѣдился въ существованіи единаго Бога: „И рече Авраамъ: искушу боги отца моего. Пріимъ Авраамъ огнь, зажже идолы въ *храминъ*. Видѣвъ же Ааронъ, братъ Авраамовъ, ревнуя по идолѣхъ хотѣ вымчати идолы и самъ сгорѣ ту Ааронъ, и

1) Особенную любовь къ изображенію ихъ обнаружили средніе вѣка. Они встрѣчаются такъ же часто въ живописи, какъ и въ скульптурѣ церковныхъ порта-ловъ. Въ частности о Серухѣ говорятъ византійскіе хронисты: Амартоль (Ср. Сухом-линовъ. О древней русской лѣтописи, стр. 94) и Манассія: „Σερούχ τε πρῶτος γρήγορας γλυπταις καὶ στῆλαις“. Const. Manasses, p. 11. II. Ср. съ античнымъ воззрѣніемъ на Дедала, который былъ πρῶτος ἀγαλμάτου ἐνεργέως. Aporion. III, 159.

2) Православный Собесѣдникъ 1864 г. I, 496. Еще со временъ Константина Великаго возникъ обычай ставить кресты на мѣстахъ, где раньше стояли языческие храмы и идолы. См. мою статью: „Расположеніе главныхъ зданій Константиновыхъ построекъ по даннымъ письменныхъ источниковъ“, стр. 17 и слѣдующія. Илларіонъ (Прибавленія къ Твор. Св. Отцовъ 1844 г., кн. 2 и 3) говоритъ объ Ольгѣ, что она поставила крестъ въ своей землѣ. Другие источники приписываютъ ей постановку крестовъ на мѣстахъ языческихъ требницъ и капищъ.

3) Православный Собесѣдникъ 1864. II. 98.

умре предъ отцомъ; предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцомъ, но отецъ предъ сыномъ” (*Ibid.* 90).

Храмина, упоминаемая здѣсь безъ всякаго предварительного указанія на какія либо помѣщенія для идовъ, тѣмъ не менѣе не изобрѣтена лѣтописцемъ, а подробно описывается въ указанномъ апокрифѣ, который въ числѣ другихъ библейскихъ апокрифическихъ сказаний помѣщался обыкновенно въ Палеяхъ¹⁾). Лѣтописецъ слѣдуетъ почти словно двумъ статьямъ Палеи, изъ которыхъ одна посвящена „началу идолослуженія”, а другая, извѣстная подъ именемъ „Откровенія Авраама”, содержитъ эпизодъ о сожжении кумирницы Фары. Здѣсь „храмина” называется храмомъ, храминой и даже церковью. Въ этомъ храмѣ стоять идолы деревянные, каменные, золотые, серебряные и желѣзные. Послѣдніе въ лѣтописномъ текстѣ не упоминаются, и въ этой чертѣ передачи апокрифа лѣтописцемъ, нельзя не отмѣтить извѣстнаго критического отношенія его къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ сказаниемъ, такъ какъ желѣзные идолы вообще неизвѣстны въ языческой пластикѣ. Фара дѣлаетъ идолы посредствомъ инструмента, который называется „сѣчivo”, и приносить имъ жертвы: „и тельца и юнца и все угодіе дьяволу творяше”.

Онъ ходить въ этотъ храмъ на служеніе идоламъ. Изъ нихъ идолъ Зухія золотой, Марумафа—каменный, а богъ Іоавъ „дѣланъ отъ дерева и отъ сребра покованъ”²⁾, какъ и Варисата³⁾).

Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Откровенія Авраама вмѣсто словъ „храмъ” является та же „храмина”, что и въ лѣтописи⁴⁾), а эпизодъ сожжения идовъ разсказывается совершенно такъ-же, какъ и въ Палеяхъ, то есть приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ тѣмъ же нравоученіемъ о гибели сына ранѣе отца, какъ и въ книгѣ Юбилеевъ, откуда онъ заимствованъ въ откровеніе Авраама⁵⁾.

Такимъ образомъ, первоисточникъ нашей начальной лѣтописи говоритъ о существовании храмовъ, о стоящихъ внутри ихъ идолахъ⁶⁾. Ясно, что авторъ ея мыслить тѣми же образами, которые ему извѣстны изъ его первоисточника, и, рисуя картину языческаго поклоненія идоламъ, онъ представляетъ себѣ ихъ стоящими въ храминѣ или хра-

¹⁾ М. Н. Сухомлиновъ. О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. СПБ. 1856 г., стр. 94, полагалъ, что этотъ разсказъ основанъ на хроникѣ Амартола. И. Я. Порфириевъ. Апокрифическая сказанія о вѣтхозавѣтныхъ лицахъ и событияхъ, СПБ. 1877, первый указаль на дословное почти заимствованіе лѣтописи изъ Палеи. В. М. Истринъ. Замѣчанія о составѣ толковой Палеи. Выпуски первый. СПБ. 1897, стр. 15 и слѣд., указываетъ на отклоненіе отъ редакціи лѣтописнаго апокрифа и предполагаетъ существование неизвѣстнаго источника для послѣдняго.

²⁾ Порфириевъ о. с. 115.

³⁾ *Ibid.* 117.

⁴⁾ Срезневскій. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. XX.

⁵⁾ А. Смирновъ. Книга Юбилеевъ, или Малое Бытіе. Казань, 1845, стр. 95, обѣ извѣніяхъ Серуга, стр. 91.

⁶⁾ Храмы и идолы встрѣчаются часто и въ другихъ текстахъ: въ мученіи Св. Георгія (Хлуд. № 195) говорится, что святой Георгій: вси идолы отца своего имѣяше въ дому своемъ, златые и серебряные же сокруши... но и церкви еллинские начешь разорять и идолы сокрушати”. Интересно употребленіе слова „церкви” для обозначенія языческаго храма, какъ и въ Откровеніи Авраама. А. Н. Веселовскій, Розысканія II, Св. Георгія, стр. 165. Такжѣ въ житіи Св. Клиmentа словомъ „церкви” называются языческие храмы. З. О. Т. Д. т. X, стр. 168.

мъ идольскомъ. Эти идолы суть человѣкоподобныя статуи, такъ какъ, по мнѣнию лѣтописца и его первоисточника, кумиры суть изображенія обожествленныхъ царей, полководцевъ и т. п.

Знакомство лѣтописца съ апокрифическимъ откровеніемъ Авраама позволяетъ дополнить область его представлений о языческихъ храмахъ и о поклоненіи вообще кумирамъ еще нѣсколькими крайне важными чертами. Смыслъ неопределенныхъ выраженій лѣтописца: „*кланяхуся кумирамъ*“, „*закалаху предъ ними сыны своя и дщери*“ съ полною ясностью возстаиваетъ однимъ изъ видѣній Авраама, о которомъ разсказывается въ томъ же апокрифѣ:

„Видѣхъ ту подобіе идола, яко подобіе *древодѣльско*, яко же дѣлаше отецъ мой (т. е. Фара), и тѣло его яко *мъди лъщащеся и передъ нимъ мужъ и поклоняшеся ему, и требникъ прямо ему и отроцы закалены на немъ въ лице идолу*. Ему же рекохъ: что есть идолъ сей, или что есть требникъ, или кто есть жеремый, или кто жрѧй, или что есть церковь, юже азъ вижу *добро.тьно хитроство и красоту*“¹⁾.

Въ этомъ описаніи языческаго храма съ человѣкоподобнымъ идоломъ внутри его, требникомъ или алтаремъ, на которомъ приносятся человѣческія жертвы, и кланяющимся мужемъ, или жрецомъ, находятся на лицо всѣ элементы лѣтописнаго сказанія о языческомъ идолослуженіи, но уже въ полной и цѣльной картинѣ. Важно отмѣтить, что жертвы закалываются не на землѣ, а на требнике, предъ лицомъ кумира, и выраженіе лѣтописца „*бѣ вся земля осквернена*“ должно понимать не въ прямомъ смыслѣ закланія человѣческихъ жертвъ на землѣ, а въ смыслѣ риторического указанія на грѣховность такихъ жертвъ, осквернявшихъ землю. Отсюда само по себѣ вытекаетъ, что если лѣтописецъ не упоминаетъ о храмахъ, требникахъ, о человѣкоподобномъ видѣ кумировъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что по его понятіямъ всего этого не было. Къ этому должно присоединить, что лѣтописная выраженія: „*привожау сыны своя и дщери и жрѧху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернили кровми земля Руска и холмъ той*“, также выраженіе Космы Пресвитера: „*жеруаху бѣсомъ человѣцы, закалающе сыны своя и дщери*“, а равно и выраженіе лѣтописнаго сказанія о кумиротвореніи: „*и привожау сыны своя и дщери и закалаху передъ ними*“ основаны на библейскомъ пониманіи языческаго культа и представляютъ передѣлку такого-же текста Псалтири. „*И пожроша сыны своя и дщери своя бѣсомъ. И пролиша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и дщерей и пожроша истуканнымъ Ханаанскимъ и убіена бысть земля ихъ кровми*“. 105, 37—8.

Таковы общія представленія лѣтописца о язычествѣ всего человѣческаго рода. Далѣе возникаетъ вопросъ, различаетъ ли онъ русское поклоненіе идоламъ отъ общечеловѣческаго и ставить ли въ какуюнибудь связь одно явленіе съ другимъ.

„По столпотвореніи“, говоритъ онъ, „отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ отъ имени Афетова, еже суть словѣнне“. Славянскихъ племенъ лѣтописецъ знаетъ много, а тѣ славяне, которые въ древности сѣли по Днѣпру и другимъ русскимъ рѣкамъ и называются Русью отъ варяговъ Руси, составляютъ одинъ языкъ съ остальными

¹⁾ Порфириевъ о. с. 126.

славянами. Такимъ образомъ, лѣтописецъ ведеть происхожденіе русскихъ славянъ отъ тѣхъ, которые представляли одинъ изъ 72 языковъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго, и, которые, слѣдовательно, сначала поклонялись рощамъ, колодцамъ и рѣкамъ, а затѣмъ, по изобрѣтеніи кумировъ, перешли къ такому же поклоненію имъ, какъ и все человѣчество. Весьма поучительнымъ является указаніе числа народовъ 72 при опредѣленіи давности славенскаго языка или народа и происхожденіи его отъ племени Афетова, въ то время какъ въ рѣчи философа чи-
слу народовъ достигаетъ 71. Лѣтописецъ присоединяетъ къ племенамъ, разошедшися послѣ столпотворенія вавилонскаго, новое племя славянъ и, слѣдовательно, принужденъ отступить отъ ранѣе приведенной цифры 71.

Когда, въ какое время русскіе стали поклоняться кумирамъ, лѣтописецъ ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ. Можно думать, что они, по выраженію лѣтописца, „каждо своя норови пріяша“, такъ какъ онъ посвящаетъ много труда описанію нравовъ различныхъ славянскихъ племенъ русской земли, и такимъ образомъ опредѣляетъ различія между ними. Въ общемъ, всѣ они погані, т. е. язычники, такъ какъ со всѣми народами одинаково не познали истиннаго Бога. Въ поздней передѣлкѣ начальной лѣтописи такая точка зрѣнія проводится уже съ полною ясностью, и кievляне язычники представляются жрущими „озеромъ и кладезямъ, якоже прочіи погані“¹⁾). Относительно постепенности, съ какой происходитъ переходъ отъ поклоненія озерамъ, колодцамъ и рощамъ къ поклоненію идоламъ, нѣкоторыя указанія находимъ въ словѣ Григорія: „Како первое погані суще языци кланялися идоламъ и требы имъ клали“, въ которомъ, какъ и въ начальной лѣтописи, проводится взглядъ постепенности въ переходѣ отъ поклоненія упырямъ и берегынямъ, къ поклоненію Роду и Рожаницѣ, и наконецъ Перуну. Родъ и Рожаница признаны Артемидомъ и Артемидой, появившимися у славянъ отъ еллиновъ²⁾). Артемидъ, повидимому явился здѣсь, какъ подысканное соотвѣтствіе Роду. Русское язычество въ эпоху первыхъ русскихъ князей съ его кумирами есть, по понятіямъ лѣтописца, продолженіе стараго идолопоклонства, появившагося до Фары и Авраама. Такимъ образомъ, лѣтописецъ, какъ и слѣдующіе за нимъ писатели, не знаютъ, когда началось ваяніе кумировъ у русскихъ славянъ. Въ его представленіи это время сливаются съ эпохой распространенія кумировъ между народами и въ ней тонеть. Этотъ фактъ самъ по себѣ крайне важенъ. Начало русского ваянія кумировъ уходитъ, по мнѣнію лѣтописца, въ глубокую даль вѣковъ, равно какъ и поклоненіе имъ и принесеніе человѣческихъ жертвъ.

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1905 г. мартъ. А. И. Соболевскій, Древняя передѣлка начальной лѣтописи, стр. 104. Въ Густинской лѣтописи: „Людіе же тогда бяху невѣгласы и невѣдушіе Бога, ниже закона Божія имуще, но тъмою идолобѣсія помрачены суще, жертвы богомерзкія богамъ своимъ приношау и озерамъ и рощеніямъ яко же бо тогда кого дьяволъ прельсти и научи, тако вѣроваше и тако творяше“, стр. 234 (прибавленіе къ Ипатской л.).

²⁾ „Извыкоша еллини класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше Роду и Рожаницѣ; также и уптияне; такоже и до славянъ дойде се слово, и тѣ начаша требы класти Роду и Рожаницамъ прежде Перуна бога ихъ, а прежде тѣго клали требу упыремъ и берегынямъ“. Лѣтоп. russk. liter. и дрвн. Т: V.. 97. Буслаевъ. Историческая христоматія 540. О родѣ и рожаницѣ стр. 78, 82—3.

Послѣ всего сказаннаго можно съ полнымъ правомъ вывести заключеніе, что лѣтописецъ не распространяется о человѣкоподобномъ видѣ русскихъ кумировъ, о ихъ помѣщеніи внутри храмовъ, о присутствіи требниковъ или алтарей, а равно и о существованіи жрецовъ и вообще всей обстановки языческаго культа по той причинѣ, что эти черты въ его представленіи являются общими для всякаго языческаго идолослуженія. Библія окончательно устанавливаетъ совершеннуу определенность такого возврѣнія на язычество у нашего лѣтописца, такъ какъ въ ней встрѣчаются тѣ-же черты идолопоклонства, какія лѣтописцу извѣстны у еллиновъ, т. е. въ ней упоминаются тѣ-же требники, кумиры, храмы, жертвы и т. п. какъ увидимъ далѣ. Понятно, какое значеніе для нась должны имѣть краткія свѣдѣнія лѣтописца о русскихъ кумирахъ. Взятыя въ связи съ его общими представленіями о кумирахъ и о поклоненіи имъ, онъ приобрѣтаютъ новый смыслъ, въ нихъ возможно установить черты, относящіяся къ русской дѣйствительности съ большей точностью и опредѣлить истинный смыслъ каждого извѣстія.

Дѣйствительно, нельзя иначе, какъ русской дѣйствительностью объяснить имена русскихъ кумировъ, нѣкоторыя черты въ ихъ исполненіи, т. е. ваянія изъ разныхъ матеріаловъ, и ихъ мѣстоположеніе на холмахъ, не смотря на то, что аналогичныя черты встрѣчаются какъ въ указанномъ откровеніи Авраама, такъ и въ Библіи и въ другихъ источникахъ. Лѣтописецъ точно освѣдомленъ о тѣхъ данныхъ русскаго язычества, которыя сообщаетъ, и только въ особенныхъ случаяхъ его свѣдѣнія могутъ быть заподозрѣны въ измѣненіи русской дѣйствительности и въ подстановкѣ взамѣнъ ея данныхъ изъ другихъ источниковъ. Такъ уже Прейсъ нашелъ невозможнымъ считать имя бога Симаргла за славяно-русское. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ источникахъ это имя читается „Симанрегла“, „Сима и Регла“ онъ отожествлялъ это имя съ двумя библейскими именами „Асѳмѣд“ и „Ергѣл“, что вполнѣ допустимо. Древняя русская литература даетъ огромное количество примѣровъ подстановки подъ греческія названія божествъ именъ славянскихъ боговъ¹⁾ и обратно. Съ другой стороны первое и самое краткое извѣстіе о Перунѣ, стоявшемъ на холмѣ въ Кіевѣ, разсмотрѣнное въ связи съ общими представленіями лѣтописца о кумирахъ, является очень содержательнымъ. Прежде всего оно является такимъ историческимъ свидѣтельствомъ, въ которомъ нѣтъ никакого намека на то, что это былъ первый идолъ на Руси. Равнымъ образомъ, въ этомъ идолѣ нѣтъ никакихъ

¹⁾ Другіе варианты: Симаргла (И и Х списки). Сѣмаргла (Тверская лѣтопись 73), Семаргла (Лаврентьевская лѣт. стр. 34 прим. е) Сима и Регла встрѣчаются въ словѣ нѣкоего христолюбца. Тихонравовъ Н. С., Лѣтопись русск. лит. и древн. Т. IV. 89 слѣд. Прейсъ считаетъ за ассирийскія божества 'Асѳмѣд' и 'Ергѣл' (о нихъ смотрите Книга царствъ IV, 17, 30) „Μετὰ δὲ τελευτὴν Ἡφαίστου ἐβασιλεύειεν Ἀιγυπτίοις ὁ ὕδες ἀυτοῦ Ἄλιος“ передано на славянскій языкъ такъ: „По умертвии же Феостовѣ, его же и Сварога наричатъ, и царствова египтянъ сынъ его Солнце именемъ, его же наричатъ Дажы-Богъ“ (Chronicon Malala ed Bonn., р. 23). Въ Александріи фраза: „Радуйся сынъ Божій Поруна“ (т. е. Перунъ), славянскому Поруна соответствуетъ греческое Δίὸς (Ξεῦς). См. Истринъ, Александрия, текстъ 114, изслѣдованіе 222. Родъ и рожаница являются Артемидой и Артемидомъ, о чёмъ см. выше.

кой возможности видѣть что либо иное, кромѣ человѣкоподнаго изваянія. Нельзя также считать это извѣстіе за доказательство отсутствія на холмѣ храма и полагать, что Перунъ стоялъ подъ открытымъ небомъ, что кромѣ него здѣсь не было кипищъ и требищъ, о которыхъ говорятъ другіе источники. Оно имѣетъ смыслъ краткаго поясненія къ разсказу о заключеніи Игоремъ договора съ греками, и не имѣетъ цѣли описывать идолослуженіе русскаго князя, происхожденіе кумировъ, вѣшняго ихъ вида, такъ какъ все это сдѣлано лѣтописцемъ въ свое мѣстѣ. По той же причинѣ нельзя думать вѣстѣ съ Соловьевымъ, что если въ этомъ извѣстіи нѣтъ указанія на храмъ, то, слѣдовательно, языческихъ храмовъ на Руси и не было¹⁾). Кромѣ того сама лѣтопись даетъ возможность съ полною точностью установить характеръ этого извѣстія. Оно выражено тѣмъ обычнымъ оборотомъ рѣчи, къ которому лѣтописецъ прибѣгаєтъ и тогда, когда говоритъ: „стояша подъ св. Кириломъ“ (т. е. подъ горой, на которой и теперь еще стоитъ Кирилловскій монастырь), идуть „ко святому Феодору“, „пойдоша на Игоря во св. Федоръ“. Теремъ Ольги и дворъ Деместиковъ стояли за „св. Богородицей“, т. е. за церковью св. Богородицы Десятины. Подобно тому, какъ лѣтописецъ говоритъ: „Игорь приде на холмъ, идѣже стояше Перунъ“, такъ онъ выражается: „ступиша на мѣстѣ, идѣже стоитъ св. Софья“, т. е. церковь св. Софии. Лѣтописецъ говоритъ о кумирѣ Перуна въ такихъ-же выраженіяхъ, какъ и о церкви св. Софии, не упоминая о существованіи самого зданія, т. е. сокращенно.

Такъ-же точно должно смотрѣть и на другія извѣстія лѣтописи о русскихъ кумирахъ. Лѣтописецъ, говоря, что Владимиръ поставилъ кумиры на холмѣ, а Добрину надъ рѣкою Волховомъ, не хочетъ этимъ сказать, что здѣсь не было всей обстановки языческаго культа. Онъ сокращаетъ свою картину и описываетъ постановку кумировъ въ такихъ же общихъ чертахъ, какъ и поклоненіе идоламъ во время Фары и Авраама.

Слѣдуетъ признать, что общія представленія лѣтописца о язычествѣ общечеловѣческомъ и русскомъ ничуть не требуютъ предположенія, что онъ не знаетъ языческихъ храмовъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что когда онъ говоритъ объ идолослуженіи русскаго народа, а также объ уничтоженіи идоловъ, у него всякий разъ является нѣкоторая параллель тѣмъ образамъ идоловъ и храмовъ, которыя онъ имѣетъ. Такъ, говоря о принесеніи въ жертву варяговъ Феодора и Иоанна, Несторъ читаетъ въ сердцѣ обрадованного дьявола слѣдующую мысль: „сде-же мняшеся окаянный: яко где ми есть жилище“. Другой разъ дьяволъ говоритъ о своемъ жилищѣ при уничтоженіи идоловъ: „Увы мнѣ“, стенаєтъ онъ, „яко отсюда прогонимъ есмь, сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселихся о службѣ ихъ, еже служаху мнъ.... не имамъ царствовать въ странахъ сихъ (Лавр. Л. 50—1). Жилище, службы дьяволу и, наконецъ, представленіе о царствѣ его, служатъ въ данномъ случаѣ признаками того, что лѣтописецъ имѣетъ въ виду храмы, въ которыхъ

¹⁾ Исторія I, Дополненія, стр. 8; также Голубинскій. Исторія русской церкви Г. I, З изданіе, стр. 846. Мнѣніе Кавелина см. также въ исторіи Соловьева I, Дополненіе, 8 слѣд. А. Архангельскій, Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Наканунѣ христіанства и письменности. Варшава 1901, стр. 42.

живутъ языческіе боги или кумиры, царствуя въ нихъ на подобіе царей земныхъ. Наконецъ слово „храмина“ въ начальной лѣтописи является помимо указанного случая для обозначенія языческаго храма Фары и Авраама, еще разъ подъ 1071 годомъ: „Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему новгородцу прити во Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ-же по обычаю своему, нача призывать бѣсы въ храмину свою, Новгородцу сѣдящу на порозъ той же храмины (въ сторонѣ И. Х), кудесникъ же лежаше оцѣпивъ и шибе имъ бѣсь; кудесникъ рече новгородцу: бози не смѣютъ прити“ и проч. (стр. 77). Въ данномъ случаѣ храмина кудесника могла быть и домомъ его, въ которомъ онъ жилъ, и чудскимъ храмомъ. Кудесникъ не пустилъ новгородца въ храмину, и послѣдній сидѣлъ на порогѣ ея. Въ эту храмину слетаются бѣсы. Въ дѣяніяхъ Апостольскихъ слово храмина употребляется для обозначенія дома („*δικος*“ и „*δικα*“), въ которомъ жилъ апостоль Петръ въ Іопіи (глава II, стр II). Храмы и хоромы въ нѣкоторыхъ случаяхъ равнозначущи, что въ свою очередь, крайне важно для понятія о языческихъ и христіанскихъ храмахъ, какъ жилищахъ боговъ¹⁾, и потому можно думать, что лѣтописецъ, говоря о жилищахъ дьявола подразумѣваетъ такую-же храмину. какъ кумирница Авраама, или храмина чудского кудесника. Изъ такого употребленія слова „храмъ“, „храмина“, обозначающаго вообще какое либо строеніе, однако, не слѣдуетъ, что эти зданія не носили другихъ болѣе специальныхъ названий. Напротивъ, лѣтописный языкъ и языкъ Библіи сохранилъ намъ достаточное количество такихъ названий, извѣстныхъ наряду и въ переводныхъ съ греческаго произведеніяхъ древней русской письменности.

О томъ, что кумиры стояли на холмахъ въ иной обстановкѣ, чѣмъ та, которая представляется при первомъ знакомствѣ съ извѣстіями начальной лѣтописи, мы узнаемъ изъ другихъ лѣтописей и что особенно, изъ рѣчи митрополита Илларіона, произнесенной ранѣе 1050 года²⁾ Въ Новгородскомъ лѣтописцѣ, въ Тверской лѣтописи говорится, что Ioакимъ Корсунянинъ, пришедши въ Новгородъ въ 991 году, „требища разруши и Перуна посѣче“³⁾). При идолахъ находились и такія „капища“, которые въ Ростовскомъ и Сузdalскомъ княжествахъ предавалъ огню Исаія Чудотворецъ: „И аще обрѣташе идолы и капища разориша ихъ и огню предаваше⁴⁾). Начальная лѣтопись упоминаетъ какія-то „двѣ капищи“ мѣдныя, привезенныя Владиміромъ изъ Херсонеса, но уже по принятіи имъ христіанства. О капищахъ-же, находящихся въ Кieвѣ много говорить митрополитъ Илларіонъ въ „Словѣ о благодати и истинѣ“. Эта замѣчательный памятникъ нашей древней литературы, при томъ крайне достовѣрный, представляетъ важное дополненіе къ лѣтописи, которую превосходитъ свѣжестью своихъ дан-

¹⁾ Въ Лаврентьевской лѣтописи: „Инъ же законъ Гилиомъ: жены въ нихъ орютъ, зиждутъ храмы“. Въ Ипатскомъ спискѣ вмѣсто „храмы“—„хоромы“. Сравн.: „Премудры жены создаша храмы, а безумныя раскопаша руками своими“ Изъ Прит. Сол. Буслаевъ. Истор. христ 151 и: „согралиша во Йерусалимѣ и храмъ Божій и трѣбникъ въ тѣска мѣсто и столпа“. (Jibid. p. 193)

²⁾ Прибавленіе къ Твор. св. Отцовъ при Московской Духовной Академіи. Т. II, 292.

³⁾ П. С. Р. Л. 114. Карапзинъ. Ист. Гос. Росс. I прим. 126. Так же Патр. или Никонова Л. стр. 64—65 ооъ извѣстіи этой лѣтописи см. дальше.

⁴⁾ Патерикъ Печерскій стр. 94.

нахъ и ихъ большей древностью. Въ краснорѣчіи Иларіона встрѣчаются тѣ же общія понятія обѣ идолопоклонствѣ, которыя были указаны у Нестора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большая точность въ наименованіи нѣкоторыхъ чертъ языческаго идолослуженія на Руси. Онъ начинаетъ свою рѣчь благодарностью Богу за то, что Онъ не презрѣлъ человѣчество „до конца идольскимъ мракомъ одержиму быти“, что представляетъ ту-же мысль, которую Несторъ развиваетъ, какъ историкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ яснѣ характеризуетъ язычество, чѣмъ Несторъ, и называетъ его „многобожествомъ идольскимъ“. Весь родъ человѣческій представляется ему, какъ и Нестору, „многажды идоломъ ся поклонявшимъ“, а русское язычество ему кажется какъ бы „озеромъ“ предъ океаномъ язычества¹⁾.

„И уже не идолослужителями зовемся, но христіане“, говорить онъ, „уже не капища сограждаемъ“, но христовы церкви зиждемъ, уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга“. Онъ ясно упоминаетъ о томъ, что идоламъ молились („моляще идолы“),²⁾ а это данное вполнѣ совпадаетъ съ представлениемъ о языческомъ служеніи. Въ словахъ пророка Исаіи, приводимыхъ имъ: „и вся горы и холмы смирятся“ виденъ ясный намекъ на тѣ кумиры, которые стояли на кіевскихъ и другихъ холмахъ и были уничтожены. Восхваляя Владимира, онъ еще разъ упоминаетъ обѣ идолахъ и капищахъ. „Тогда, говорить онъ, тьма бѣсовскаго служенія погыбѣ.... Капища разрушилася и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святыхъ являхуся“. Рядомъ съ этими указаніями Иларіона выраженіе его: „уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга“ является свидѣтельствомъ о человѣческихъ жертвахъ, приносившихся идоламъ. Отсюда съ болѣйшей ясностью можно понять и характеристику древлянъ въ устахъ лѣтописца, которые „убиваху другъ друга“.... „бѣаху бо людіе погані (язычники) и невѣгласы“. У Нестора, очевидно, разумѣются человѣческія жертвы бѣсамъ, какъ у Иларіона, а не простыя убийства, месть и проч.

Иларіонъ ясно говоритъ лишь о капищахъ и не упоминаетъ о требищахъ. Однако, общій смыслъ всѣхъ приведенныхъ извѣстій таковъ, что капища и требища были какія-то сооруженія. Ихъ, съ одной стороны, надо было сограждать, а съ другой—разрушать, разорять, предавать огню³⁾. Иларіонъ противопоставляетъ капища церквамъ, а идолы иконамъ, изъ чего можно было бы заключить, что подъ капищами онъ разумѣеть идольскіе храмы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что слово капище въ Библіи обыкновенно относится къ предметамъ языческаго богослуженія, а словомъ церковь переводится въ Дѣяніяхъ Апост. (passim): слово—ἐκκλησία, ἵερον (также собраніе) „Словомъ капище передаются

1) Быть можетъ, не безъ вліянія поклоненія русскихъ славянъ водѣ: колодцамъ, озерамъ, рѣкамъ.

2) Ср. въ стихахъ о Егоріи Храбромъ: „Молитесь богамъ моимъ кумирскимъ, Поклоняйтесь моимъ идоламъ“. Буслаевъ, Хрест. 368.

3) Въ Похвалѣ Владиміру и Ольгѣ монаха Іакова разрушеніе требищъ приписывается и св. Ольгѣ: „требища бѣсовская сокруши“. Владиміръ „храмы идольскіе и требища всюду раскопа и посѣче и идолы сокруши“, или: „Владиміръ крести всю землю и поганськие боги. паче-же бѣсы Перуна и Хорса и ины многы попра и сокруши идолы“ и отверже всю безбожную лесть“. Макарія, Исторія русской церкви. СПБ. 1868, I 256—259—261 „разруши храмы идольскія со лжемиennыми боги, святыя же церкви постави, требища бѣсовская истреби“.

греческія понятія: *ῷορᾶς* (*aga*), т. е. жертвеннікъ, *εἴλη*, *statua*, т. е. статуя, храмъ¹⁾.

Во всѣхъ изводахъ начальной лѣтописи говорится, что Владіміръ, возвращаясь изъ Корсуні и везя съ собою иконы, кресты, книги, попа Анастасія, захватилъ „и двѣ капищи мѣдяны и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же не вѣдуще мнять я мраморяна суща“. Съ какой бы стороны мы ни рассматривали это извѣстіе, оно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Лѣтописецъ, столь часто высказывающій свое осужденіе идоламъ и кумирамъ, здѣсь не выражаетъ ни осужденія по поводу этихъ капищъ и коней, ни недоумѣнія по поводу того, что Владіміръ, уже христіанъ, везетъ вмѣстѣ съ иконами и крестами такія же капища, какія онъ будетъ разрушать въ Кіевѣ²⁾). Правда, въ Радзивиловскомъ и Академическомъ спискахъ стоитъ не 4 конѣ, а 4 иконѣ³⁾). Однако, все же эти четыре иконы еще болѣе противорѣчать двумъ капищамъ, съ которыми онъѣ вѣдутъ на Русь. Признавъ это чтеніе вѣроятнымъ, мы должны будемъ опредѣлить, что такое эти „двѣ капищи“, и какимъ образомъ иконы стоять за святою Богородицею, а не во святѣи Богородицѣ, гдѣ ихъ настоящее мѣсто, а не съ капищами на площади. Является самъ по себѣ вопросъ, не хочетъ ли сказать лѣтописецъ, что эти четыре иконы представляли родъ тѣхъ иконъ, которая выставлялись на улицахъ, площадяхъ, на стѣнахъ храмовъ, какъ въ Византіи, такъ и у насъ. Уже въ актахъ VII Вселенскаго Собора говорится объ иконѣ, стоявшей предъ императорскимъ дворцомъ, на которой были изображены пророки со свитками. Въ Халки была выставлена сначала мѣдная икона Христа, впослѣдствіи замѣненная мозаической, а еще ранѣе живописная изображенія извѣстны на виѣшнихъ частяхъ дворцовъ Константина Велика-

1) Да не поклонишися богамъ (*Ὕεσσις*) ихъ, да не сотвориши по дѣломъ ихъ, но разореніемъ разориши и сокрушеніемъ сокрушиши капища (*στήλας*, *statuas*) ихъ. „Исходъ XXIII, 24. Или же: „Капища (*ταῦς*; *βωμοὺς*, *agas*) ихъ разорити, кумиры (*στήλας*, *statuas*) ихъ сокрушити и дубравы (*ἄλσος*) ихъ посѣците и изваянная боговъ (*γυμνῆτὰ τῶν Θεῶν*) ихъ сожжите огнемъ“. Исх. XXXIV, 13. Или: „приходя и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище, на немъ же написано: „не вѣдомому Богу“: „εἰρού καὶ βωμὸν ἐν φέπεγέρατο“ Агуштѡ *Θεῶν* Дѣянія. Глава 17, 24. Въ апокрифической молитвѣ Кипріана *ἡ ἐν μεσῳ μυημάτων* передано: въ капищѣ идолъскомъ. Лѣт. Ист. Филол. Общ. VIII, стр. 503. Порфириевъ Апокр. молитвы, стр. 17. „Онъ же пришель въ нѣкую гору сѣдяще въ пещерѣ; отстояша же та гора отъ Херсона града яко сто стадій и нарицаема бѣ Парѳононъ, сиесть дѣвича; *ποκεῖται τοι τοῦ καπιθανοῦ πεπλός* и *ποκεῖται τοι τοῦ καπιθανοῦ πεπλός* нѣкія греки“. Четыре Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Мартъ 7, стр. 116. Описывается, очевидно, храмъ на горѣ съ идолами внутри и пещерой въ горѣ. „Приде же оубо въ градъ Прѣскъ Врукинскій, идѣ же бяше стье и капище Орфеово и звѣrie мѣдяне предстояще ему. Истрина. Александрия, текстъ 50. Здѣсь, повидимому, описывается храмъ Орфея съ идоломъ. Идолъ въ другомъ мѣстѣ называется „болванъ“ 173. Подъ словомъ „капище“ подразумѣвается храмъ и въ житіи херсонскихъ мучениковъ: „растяше церковь Христова, а эллинская капища помалу упраздняхуся“. Записки Одесского Общества т. VII.

2) Лавр. Л. (Изд. 1872) стр. 114.

3) Ср. Н. П. Кондаковъ. Русскіе клады, стр. 34.

го¹). О вывѣшиваніи иконъ надъ входами, на стѣнахъ домовъ и храмовъ у насъ есть множество извѣстій, какъ относящихся къ Царыграду, такъ и Риму, Антіохіи и другимъ городамъ²). Относительно же распространенія такого обычая на Руси указываютъ сохранившимся до настоящаго времени фресковыя изображенія на фасадахъ церквей Новгорода (храмъ Спаса въ Нередицахъ, св. Стратилата) и Кieва. На этотъ же обычай намекаетъ, повидимому, и Иларіонъ, когда говоритъ о го-родѣ Кieвѣ: „освящаемомъ иконами“.

Однако, лѣтописецъ, говоря о крестахъ, книгахъ, попѣ Анастасѣ, уже упомянуль объ иконахъ, и, слѣдовательно, если бы вмѣстѣ съ капищами на Русь шли еще какія-то мѣдныя иконы, то указанія на нихъ должно было бы ожидать рядомъ съ перечисленіемъ упомянутыхъ ранѣе церковныхъ предметовъ, а не съ капищами. Указанный ранѣе обычай выставлениія и вывѣшиванія иконъ могъ обусловить отчасти и порчу лѣтописнаго текста. Она очень характерна, такъ какъ указывается на стремленіе осмыслить забытый эпизодъ, вызвавшій недоразумѣніе, какъ это часто встрѣчается въ показаніяхъ лѣтописныхъ варіантовъ. Осмысленіе, однако, оказалось не вполнѣ удачнымъ, такъ какъ лѣтописецъ, выставивши за святою Богородицею четыре иконы, быть можетъ, въ связи съ практиковавшимися обычаями, помѣстилъ ихъ вмѣстѣ съ капищами. Древнѣйший списокъ начальной лѣтописи, Пушкинскій 1377 года, говоритъ не объ иконахъ, а о четырехъ коняхъ, слова же „двѣ капищи“ остаются неизмѣнно во всѣхъ спискахъ. Лаврентьевская лѣтопись всего одинъ разъ упоминаетъ привезенные Владимиromъ капища, и потому прямой смыслъ этого слова не можетъ быть установленъ изъ употребленія его въ разныхъ случаяхъ³). Можно думать, однако, что лѣтописецъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ не статуи, а другіе предметы. Для статуй у него есть два неизмѣнныя термина: „кумиры“ и „идолы“. Однако, патріаршая лѣтопись слова „двои капищи“ переводитъ „два болвана мѣдяны“. Слово „болванъ“, извѣстное впервые изъ Слова о Полку Игоревомъ и употребительное въ XIV, XV вѣкахъ для обозначенія статуй цареградскихъ и иныхъ, стоитъ подъ 1246 годомъ Лаврентьевской лѣтописи и дано въ употребленіи, равнозначущемъ слову „кумиръ“: „посла Батый къ Михаилу (Черниговскому) князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ; Михаилъ же, не повинуясь велѣнью ихъ, но укори и и глухыя его кумиры“. Съ другой стороны, и слово идолъ, представляя заимствованіе изъ греческой терминологіи, означаетъ также статую⁴). Можно думать, что Патріаршая лѣтопись передаетъ слова „капища“—„болваны“⁵) подъ

1) Д. В. Ниналовъ. Эллинистическая основы византійского искусства. См. указатель.

2) Мозаики IV и V столѣт. стр. 146.

3) Слово „капищи“ въ начальной лѣтописи можно было бы сопоставить съ мѣстомъ Капичи подъ 978 годомъ.

4) Телець-идоль εἴδωλος; χατεΐδωλον οὐδαν τὴν πόλιν, Деянія 31, ст. 51 передано на славянскій: „идоль полнъ сущъ градъ“.

5) Вотъ нѣкоторые примѣры употребленія слова „болванъ“ въ смыслѣ идола и статуи: „А разбиваютъ все Кафарини, ни хрестьяне, ни Бесермене, а молятся каменнымъ болванамъ...“...Хожденіе Дeянasія Никитина. Буслаевъ, Историческая хрестоматія стр. 967; Зосима 1420 г. говорить: „а сарацинскіе цари противу ему (т. е. противъ статуи Юстиніана) стоять вѣспъ болваны мѣдлны“. Православный Пале-

вляніємъ позднихъ неправильныхъ толкованій этого слова или уже подъ вляніємъ Библіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово „капища“ передаетъ греческое στύλας и латинское statuas (Исх. XXIII, 24). Равнымъ образомъ, слово „кумиръ“ означаетъ обыкновенно языческую статую, рѣдко „храмъ“, затѣмъ „бога“¹), и соответствуетъ по большей части греческимъ словамъ ἀνθράκης, στύλη, какъ показано выше. Отсюда возможно сдѣлать заключеніе, что какъ начальная лѣтопись, такъ и Иларіонъ подъ капищами разумѣютъ не статуи, а скорѣе всего алтари. У Иларіона сверхъ того замѣчается отчетливое и рѣзкое противопоставленіе „капищъ“ церквамъ“, при чемъ о капищахъ онъ говоритъ, что ихъ сограждали, а церкви строили и постановляли. Я не знаю, какое значеніе можно придать такому словоупотребленію, но замѣчу, что въ библейскомъ языкѣ употребительно согражденіе не только „града“²), но и храма и „требника“, т. е. алтаря³). Слово „капище“ теперь сдѣлалось синонимомъ языческого храма не безъ основанія, и потому можно думать, что у Иларіона это слово означаетъ не только алтарь, но и храмъ или храмину Нестора, въ которомъ или предъ которыми стоялъ алтарь. Требища, какъ сооруженія, извѣстны не болѣе, чѣмъ капища. Послѣ побѣды надъ Ятвягами Владимиръ „иде Кіеву и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими“ (983 г.). Подъ 988 го-

---

стинскій Сборникъ, вып. 24, стр. 5. Бесѣда о Царѣградѣ, изд. Майкова, стр. 23: „на то же постави стражъ въ другомъ углу болванъ, аки человѣкъ каменъ и лукъ мѣдянъ въ руцѣ и стрѣла мѣдяна жъ“. Близъ деревни „Болваны“ Смоленской губ. и того же уѣзда находится изваяніе изъ камня въ одинъ арш. 2 верш. надъ землей и 10 верш. въ землѣ, давшее название самой деревнѣ. Археологический Извѣстія и Замѣтки 1894 г., стр. 17.

Соловьевъ объясняетъ „капищи“ словомъ „болванъ“ на основаніи Патраршей Лѣтописи. Истор. I, примѣченіе 245. Слово „болванъ“ заимствовано съ востока изъ неизвѣстного пока турецкаго нарѣчія. См. П. Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языке Слова о Полку Игоревомъ. СПБ. 1902, стр. 1—11.

Болванъ статуя въ переводѣ Александри: „бяше бо болванъ здѣланъ ѿ чернаго камени (Орфея) дръжа гоусли въ роуцѣ и звѣrie дивіи послушають его“. Историцъ, Александрия, стр. 173 (текста). Наконецъ, могу указать на переводъ слова „βοῦμός“. „Βοῦμός“ скорѣе по звучанию слово „болванъ“, а быть можетъ и по значенію, которое свойственно слову болванъ (столбъ, тумба) въ той же Александрии стр. 7. Буслаевъ объясняетъ „капищи“ также статуями или колоннами, Историческая хрестоматія (ученническое изданіе), стр. 35; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго I, стр. 132 и примѣченіе 458 „истуканами“; Курбскій, Исторія: „Болваны поганскихъ боговъ“.

¹⁾ Сбивчивою терминологіей отличается, именно, Александрия. Здѣсь встрѣчается „υαχὴ ἱερόμενον“, переданное посредствомъ „коумиръ поставленъ“ стр. 82, вмѣстѣ съ тѣмъ кумиръ—богъ стр. 159 и кумиръ ἀνθράκης: „οὗτος єστι ὁ ἀνθράκης“ передано: „се есть коумиръ“ стр. 167, объ употребленіи слова кумиръ разныхъ значеній смотри выше.

²⁾ Библія по Синодальному списку 1499 г. Буслаевъ, Историческая хрестоматія, стр. 178.

³⁾ Буслаевъ, ibid., „соградижеся во Іерусалимѣ храмъ“, стр. 193: „да соградиши требникъ, 123 и 133“. Капища или алтари могли быть взяты Владиміромъ и для нуждъ языческаго культа. Такіе факты не безприимѣны въ исторіи искусствъ, начиная съ посылки алтаря или жертвенника Ахазомъ изъ Дамаска къ себѣ въ Іерусалимъ: „И послѣ царь Ахазъ іерою подобіе жертвенника и начертаніе его и все твореніе его“. IV кн. Царствъ, гл. XVI, 10. За указаніе этого факта приношу благодарность П. К. Коковцеву.

домъ объясняется, что мѣсто, гдѣ происходили требы, находилось на томъ же Перуновомъ холмѣ: „повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святого Василья на холмѣ, идѣ же стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣ же потребу творяху князь и людіе“. Въ той же начальной лѣтописи указано, что Владіміръ кумиры поставилъ „на холмѣ въ дворѣ теремнаго“, т. е. того двора отцовскаго (отня), въ который онъ вошелъ по возвращеніи въ Киевъ и занялъ велиокняжескій столъ. Отсюда само по себѣ слѣдуетъ, что мѣсто требища также находилось вблизи двора теремнаго, и потому слѣдуетъ придать извѣснное значеніе Патріаршіи или Никоновской лѣтописи, въ которой сказано, что Іоакимъ Корсунянинъ, прішедши въ Новгородъ, „достолная“ требища разори¹). Откуда бы ни было заимствовано этой лѣтописью слово „достолная“, оно имѣть полное право на вниманіе, такъ какъ представляеть прямое отношеніе къ указаннымъ словамъ начальной лѣтописи: „и идѣже потребу творяху князь и людіе“ и „внѣ двора теремнаго“. Изъ такого сопоставленія вытекаетъ, что начальная и патріаршая лѣтописи разумѣютъ мѣста, гдѣ совершили требы великие князья. Патріаршая лѣтопись называетъ эти мѣста, „достолными“ или „стольными“ требищами. Церковь св. Васілія, поставленная впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ въ Киевѣ, находясь въ дворѣ теремнаго, стала велиокняжеской не только по имени св. Васілія, воспринятаго Владіміромъ въ крещеніи, но и по мѣстоположенію, замѣнивъ собою требище.

Въ Похвалѣ Владіміру и Ольгѣ монаха Іакова, памятникѣ, возникшемъ въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ въ эпоху до монгольского ига, нѣсколько разъ упоминаются храмы идолъскіе и требища, капища же совершенно не упоминаются. Разрушеніе требищъ приписывается княгинѣ Ольгѣ по возвращеніи ея изъ Царьграда: „И потомъ требища бѣсовская сокруши“. Уподобляя Владіміра Константину Великому, монахъ Іаковъ такъ обрисовываетъ дѣятельность обоихъ: Константінъ Великій „разруши храмы идолъскія со лжеименными боги, святыя же церкви по всей вселенной поставил... требища бѣсовская истреби и храмы идолъскія раздруши и церквами украси всю вселенную и грады“. Съ другой стороны Владіміръ „храмы идолъскія и требища всюду раскопа и посѣче, идолы сокруши и всю землю русскую и грады (и) честными иконами украси²). Весьма важно отмѣтить, что слова „храмы идолъскіе“ одинаково приписаны монахомъ Іаковомъ какъ греческому, такъ и русскому языческому миру, что совпадаетъ съ указаннымъ выше лѣтописнымъ воззрѣніемъ на русское язычество. Притомъ „храмъ идолъскій“ у монаха Іакова является такимъ же сооруженіемъ, какъ храмина у лѣтописца, и противопоставляется понятію о „церкви“ въ такомъ же смыслѣ, какъ у Иларіона понятію о ней противопоставляется капище. Кромѣ того, у монаха Іакова встрѣчается выраженіе „украсить церковь иконами“, отдающее глубокой древностью, какъ будетъ показано ниже. Какъ въ лѣтописи, такъ и въ Библейскихъ тек-

¹) „Пріиде къ Новгороду, и достолная требища разори и идолы сокруши и Перуна (перуны) разсѣче, и въ Волховъ вверже“. Патріаршая лѣтопись 64—65 стр.

²) Или же: „Владіміръ крести всю землю русскую и поганскіе боги, паче же бѣсы Перуна и Хроса и ины многи попра и сокруши идолы и отверже всю безбожную лесть. Макарій, Исторія русской церкви. СПБ. 1868, I, 256, 259—61.

стахъ мы встрѣчаемся съ двумя понятіями: „мѣстомъ требища“ и „требищемъ“¹⁾). Приведенный ранѣе указанія на то, что требища надо было разорять, разрушать и сожигать, ясно говорить, что подъ ними надо разумѣть какія-то сооруженія, расположенные на требищихъ мѣстахъ. Эти мѣста, какъ оказывается, находились вблизи идоловъ или кумировъ, какъ въ Киевѣ, такъ и въ Новгородѣ. Весьма возможно, что Колядскія пѣсни сохранили отдаленное воспоминаніе о языческихъ храмахъ или иныхъ сооруженіяхъ, въ описаніи фантастического двора „обнесенного желѣзнымъ тыномъ, или кипарисовымъ, съ серебромъ, съ позолотой, внутри которого стоятъ три терема. Въ этихъ теремахъ живутъ хозяинъ-свѣтлый мѣсяцъ, хозяинка-красное солнышко и дѣти-частыя звѣздочки, отдельно въ каждомъ теремѣ“²⁾).

Здѣсь кстати будеть вспомнить, что у Сефрида описываются, именно, три храма у западныхъ славянъ. Внутри трехъ другихъ сооруженій онъ описываетъ столы и сѣдалища, за которыми ъли идоложертвенное.

Въ словахъ „иссѣщи“ кумиры, а другія „огневи предати“ можно видѣть указанія на матеріаль, изъ которого они дѣлались. Начальная лѣтопись нѣсколько разъ говоритъ о деревянныхъ идолахъ: „Перуна древяна“, „боги ваши древо есть“³⁾). Автору ея, какъ сказано было ранѣе, извѣстны и каменные идолы. Если онъ не упоминаетъ, какіе изъ числа поставленныхъ Владиміромъ кумировъ были каменные, то изъ его словъ „повелѣ иссѣщи“, противупоставленныхъ „огневи предати“, вытекаетъ, что въ числѣ ихъ были и каменные. Каменный идолъ бога Волоса упоминается въ Ростовѣ⁴⁾), Іоакимовская лѣтопись⁵⁾ упоминаетъ о деревянныхъ кумирахъ въ Новгородѣ. Эти идолы представляли, по мнѣнію лѣтописца, держащагося евгемеризма, человѣкоподобныя статуи. Однако, это возрѣніе лѣтописца не препятствуетъ предположенію, что у русскихъ славянъ и звѣриныя формы могли имѣть отношеніе къ пластикѣ. На это указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ общаго значенія, что слова „кумиръ“ и „идоль“ одинаково употребительны для обозначенія того и другого рода изваяній, быть можетъ,

¹⁾ „Аще бо кто видить тя, имуща разумъ, въ требиши возлежаша, не суть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенныя ясти: εάν γάρ τις ἴδῃ σε, τον ἔχοντα, γυῶσιν, ἐν εἰδωλαιφ χαταχε!μενον οὐχὶ ἡ συνειδησις αὐτοῦ ἀσθενοῦς ὅντος οἰκοδομηθήσεται ἐις τὸ τὰ εσθίειν“. προς. Кор. хв. 8. 10
Здѣсь разумѣется какое-то сооруженіе. Въ Откровеніи Авраама упоминается требищное мѣсто: „се оубо нѣсть со мною жертвы, ни мѣста требищного не свѣде на горѣ“. Порфириевъ. Ветхозвѣтные апокрифи. 119. Лишняя черта, указывающая на совпаденіе въ расположеніи требищ на горахъ, холмахъ, какъ и въ нашей лѣтописи.

²⁾ Срезневскій, святилища славянъ.

³⁾ Лаврентьевская лѣтопись, подъ 988 годомъ о поруганіи Перуна: „се же не яко древу чуюшу, но на поруганіе бѣсомъ“ били его „жезлемъ“. Перунъ плыль по рѣкѣ до „Перуняновой рѣни“. Деревянный идолъ Перуна былъ и въ Новгородѣ и также плыль по рѣкѣ, сброшенный въ нее. Пріиде къ Новгороду Акимъ Архиепископъ Корсунянинъ и требища разруши и Перуна постѣче и повелѣ влещи въ Волховъ поверзше, ужи волочаху по калу, бьюши жезлемъ и заповѣда никому нигдѣ пріяти“. Новгородская лѣтопись. Карамзинъ I, примѣчаніе 126.

⁴⁾ Макарій. Исторія русской церкви I, стр. 271. Также, Тверская лѣтопись, стр. 144.

⁵⁾ Татищевъ, Исторія I, 39.

однако, въ зависимости отъ греческихъ текстовъ. Такъ телецъ, которому поклонился Израиль, названъ идоломъ отъ греческаго „εἴδωλον“ (Дѣян. Апостоловъ). Съ другой стороны бѣсы, смущавши благочестіе первыхъ русскихъ подвижниковъ, являлись имъ то въ видѣ людей (ляха), то въ видѣ звѣрей, гадовъ, змѣевъ. Такими являлись они Исаакію, иноку пещерскому: „паки же являхуся ему звѣринымъ образомъ и змѣевымъ и гадовыемъ, всякимъ привидѣніемъ страшаще“¹⁾). Идолы и кумиры въ понятіи благочестивыхъ людей отождествлялись съ бѣсами, какъ и у древнихъ христіанъ. Эти боги и идолы такіе же бѣсы для древне-русского христіанина, какъ и для древняго христіанина вообще, а потому заслуживаетъ интереса разсказъ лѣтописи о волхвѣ, явившемся въ Киевѣ и смущавшемъ народъ. „Яко явило ся ми есть пять богъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто потечеть Днѣпръ рѣка вспять“²⁾ и проч. По сторонамъ Кіевскаго Перуна изображены въ Кенигсбергской лѣтописи два бѣса въ обычномъ типѣ, принятомъ для изображенія чертей³⁾), очевидно, на слова лѣтописи: „жряху бѣсомъ“. Такое отождествленіе боговъ языческихъ и бѣсовъ открываетъ для русской языческой поры обширную область демонологіи, прослѣдить связь которой съ пластикой русскихъ языческихъ ваятелей теперь невозможно.

Русскіе идолы дѣланы руками, что заставляетъ предположить особое сословіе художниковъ, ваятелей кумировъ или дѣлателей кумировъ (кумиротворцевъ). Ни одного имени этихъ древнѣйшихъ русскихъ ваятелей до насъ не дошло, и только изрѣдка сообщаются тамъ и сямъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно орудій и способовъ изгото-вленія идоловъ. Въ Инатской и Хлѣбниковской редакціяхъ Лаврентьевской лѣтописи къ словамъ варяга: „боги ваше древо... дѣланы руками въ дрѣвѣ“ прибавлено: „сѣкирою и ножемъ“. Варягъ упоминаетъ только о деревянныхъ идолахъ, а потому понятно, что сѣкира и ножъ являются еще довольно подходящими инструментами для истесанія ихъ. Каменные идолы не могли быть выполнены ими, и потому приходится вспомнить о томъ инструментѣ, который въ Откровеніи Авраама названъ „сѣчиво“ и употребленъ Фарой для обработки мраморныхъ и каменныхъ идоловъ. Этотъ же инструментъ употребленъ и для выдѣлки каменного требника или алтаря въ книгѣ Каafa⁴⁾). Но сѣчи-вомъ же рубятъ дрова монахи Печерской лавры (въ житіи Феодосія). Мастера, занимающіеся обработкой камня, и въ Никоновской лѣтописи названы „каменоносыцы“ въ отличіе отъ зодчихъ, которые названы „зидатели палатъ каменныхъ“.

¹⁾ Лаврентьевская лѣт. 261.

²⁾ Тверская лѣтопись, 161.

³⁾ Суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще... прельщаютъ человѣкы, веляше имъ глаголати видѣнья... являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ... подъ 1071 годомъ разсказъ новгородца о кудеснике. Лаврентьевская лѣтопись (П. С. Р. Л.) стр. 77. Исаакію бѣсъ является въ образѣ ляха, свины и проч.

⁴⁾ В. М. Истринъ, Замѣчанія о составѣ толковой палеи. Выпускъ I, стр. 88. „Что есть аще алтарь отъ каменія створиши, не възградиши ихъ сѣка. Сѣчиво бо свое возложиши еси на нихъ“. Порфириевъ, Ветхозавѣтные апокрифы, стр. 275, объяснилъ слово „сѣчиво“ словами: топоръ, сѣкира. Св. Феодосій „самъ же възмѣ сѣчиво нача сѣкы дрова“. Житіе преподобнаго отца нашего Феодосія игумена Печерскаго, Нестора. Сборн. XII в. Моск. Усп. Собора. Вып. I. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. Москва. 1899, стр. 3, 5.

Несторъ описываетъ кумиръ Перуна съ деревяеннымъ остовомъ, серебряной головой и золотыми усами. Для изготоенія такой статуи требовалось умѣніе обработки металловъ. Ковачи или кузнецы, которымъ древніе источники приписываютъ ковку золота и серебра, могли работать надъ статуей Перуна, если предположить, что деревянный остовъ былъ окованъ серебромъ и золотомъ. Въ томъ видѣ, какъ кумиръ Перуна описанъ въ лѣтописи, онъ былъ истесанъ въ деревѣ и, быть можетъ, "покованъ серебромъ и золотомъ". Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера причисляются къ разряду "художниковъ". Слово *τεχνίται* переводится одинаково—"хитрецы" и "художники", термины, очевидно, бывшіе въ употребленіи въ глубокой древности и сохранившіеся до настоящаго времени¹⁾). Существование въ славянскомъ и русскомъ языкахъ терминовъ мастерства: ковать, наковальня, кладиво (молотъ), горнило, доказываютъ существование самого мастерства ковачей золота и серебра.

Особенности идоловъ, какъ боговъ русскаго языческаго Олимпа, почти совершенно неизвѣстны. Новгородская лѣтопись передаетъ, однако, что кумиръ Перуна, сброшенный въ рѣку Волховъ, плывя бросилъ на мость свою палицу: "Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсь, и начать кричати: "охъ мнѣ, охъ, и пловя внизъ, вверже палицу на мость: "еще кто не крещеніи поминайте и бейтесь безумніи на мосту есмъ". На поляхъ рукописи Императорской Академіи Наукъ № 32, 8, 1, стр. 358 находится любопытная приписка, указывающая на то, что Перуновы палицы, употреблявшіяся новгородцами во время боевъ, хранились обыкновенно въ церкви Св. Бориса и Глѣба и были сожжены Никономъ: "Послѣди же въ 1652 году послѣднія палицы у святого Бориса и Глѣба вземъ Никонъ Митрополитъ сожже и тако преста бѣсовское то тризнище оттоле, со оловянными наконечники тяжкими"²⁾. Въ Кенигсбергскомъ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи Перунъ изображенъ въ видѣ человѣкоподобной, нагой статуи со щитомъ на лѣвой руцѣ. Въ правой руцѣ онъ держитъ одинъ разъ высокое копье, другой разъ небольшой величины жезлъ, или б. м. стрѣлы (листы 16, 45). Онъ стоитъ то на холмѣ, сообразно съ лѣтописнымъ текстомъ, то на высокой и тонкой или толстой и приземистой колонкѣ, какъ стоять вообще языческіе боги, изображаемые въ византійскихъ миниатюрахъ и мозаикахъ³⁾). Такія изображенія не лишены интереса для представленія русскаго человѣка XV вѣка о языческихъ богахъ, но не имѣютъ значенія для той поры, которая насть занимаетъ. Перунъ, въ видѣ обнаженной человѣческой юной фигуры, представленъ уже по византій-

¹⁾ Среброковачъ Димитрій, "творяй храмы серебряны Артемидѣ, подаяше хитрецомъ дѣланіе", упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ гл. 10, ст. 4 и 5. "Среброковачъ" ἀργυροχότος. Въ Лаврентьевской лѣтописи выраженіе: "да явится яко злато искучено въ горниль", стр. 166 можно сопоставить со словами пресвитера Космы: "и злато бо, аще много горить въ огни, то свѣтлѣе бываетъ; и съсуда золата и серебряна не можемъ ковать, ни искривлена поправити, аще не положимъ его на наковальня и кладивомъ тяжкимъ биемъ". Православный Собесѣдникъ 1864, стр. 215.

²⁾ За сообщеніе этой приписки приношу искреннюю благодарность С. Ф. Платонову.

³⁾ См. нашу статью: *Византійскіе памятники Аѳона*, отдѣльный оттискъ, стр. 35—37.

скимъ миниатюрамъ и по литературнымъ памятникамъ: „узрѣ столпъ высокъ и кумиръ на немъ стоящъ“¹⁾). Изображенія другихъ боговъ повторяютъ образы бѣсовъ съ крыльями, птичьими носами и клювами, которые являются и на другихъ миниатюрахъ этой рукописи (112, 113, 114. листы). А. В. Лонгиновъ, основываясь на выраженіи клятвы договора 945 года: „да не имутъ помощи отъ Гога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчены будуть мечами своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія“, полагаетъ, что „стрѣлы и иное оружіе“ были смертоносныя орудія Перуна²⁾), что оправдывается многими данными, приведенными имъ. Въ Густинской лѣтописи сказано, что Перуну „яко богу жертву приношау и огнь неугасающій съ дубового древія непрестанно паляху“, что напоминаетъ Зничъ литовскаго Перкунаса и дубовая роща его³⁾). Въ собраніи графа А. С. Уварова находятся какіе-то идолы Перуна, подобные идолу, найденному въ Кернѣвѣ, но я не видѣлъ ихъ.

Изъ Слова о полку Игоревѣ извѣстно, что вѣтры представлялись въ воображеніи русскаго язычника съ крыльями. Они называются вну-ками Стрибога, кумиръ котораго упоминается въ числѣ поставленныхъ Владиміромъ на холмѣ Киевскомъ: „Се вѣтри, Стрибожи виуци, вѣютъ съ моря стрелами на храбрыя полки Игоревы“⁴⁾). „О Вѣтре, вѣтило, чему, господине, насильно вѣши, чему мычещи хиновскыя стрѣлки на свою нетрудною (т. е. легкую) крильцю на моя лады вои“. Изъ этого же Слова извѣстна и какая-то дѣва „Обида“ съ лебедиными крылами. Относительно Даждь-Бога извѣстно только, что это было божество солнца. Въ Ипатской лѣтописи говорится: „Солнце царь, сынъ Свароговъ, есть Даждь-Богъ“. Въ хронографѣ Малалы читается: „Солнце, его-же наричуть Дажь-Богъ“. Богъ Волосъ называется „золотымъ“. „Овии же глаголаху, яко златомъ Власомъ поверзена есть церкви отъ небесе и тѣмъ же устроена“ (подъ 1290 г., стр. 479). Вмѣстѣ съ тѣмъ Волосъ „скотій Богъ“. Въ договорѣ Святослава: „вѣруемъ въ Перуна и въ Волоса скотья Бога и да будемъ золоти, яко золото“. Эти факты даютъ возможность предполагать, что идолы Волоса могли быть украшены золотомъ (Златый Волосъ). Почитаніе его устанавливается разными извѣстіями въ Киевѣ, Ростовѣ и, быть можетъ, Тмутараканіи⁵⁾. Въ Киевѣ Владиміръ „Волоса идола, его же именоваху скотья бога, вели въ Почайну рѣку въврещи“⁶⁾.

Различіе въ значеніи каждого божества должно было отразиться въ различныхъ характеристикахъ каждого идола, что недостаточно отмѣчается въ археології древнѣйшаго периода русскаго искусства. Пред-

1) В. М. Истринъ, Александрія, стр. 166.

2) Мирные договоры съ греками З. И. О. О. И и Др. т. XXV, 500 сл.

3) Древности. Труды Московскаго Археологического Общества I. Материалы для археологического словаря, стр. 47—9. Густинская лѣтопись, стр. 207.

4) Древности, Ibid. 49.

5) Лонгиновъ; ор. с. стр. 503—4 возводить его къ тому скотскому священному золоту, которое по Геродоту ниспослано съ неба. Золото есть твореніе Волоса. Преемство легенды очевидно. Объ отношеніи Волоса къ Юлу и коню см. Ibid. 500. О небесной церкви см. нашъ комментарій къ тексту Антонія Новгородскаго: „церковь небеси подобна“.

6) Лонгиновъ, Ibid. 503. О Киевскомъ Волосѣ см. Н. И. Петровъ, Историко-топографические очерки Киева, стр. 45 и тамъ указанную литературу. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I. (I-ое изданіе), стр. 200.

полагать грубые деревянные чурбаны и обрубки тамъ, гдѣ несомнѣнныя даннныя указываютъ на богатство техники и широкую практику въ изготовлениі идоловъ, нѣтъ никакихъ основаній. Если же намъ извѣстно, что народъ до самаго поздняго времени сохранилъ обычай изготавлять соломенные чучела, то это не значитъ, чтобы языческая Русь могла довольствоваться такими идолами, какъ полагаетъ Голубинскій¹⁾. Въ Греціи извѣстенъ былъ праздникъ дедалій, во время котораго сжигались деревянныя человѣкоподобныя изваянія, называвшіяся „дедалами“, но отъ такого обычая изготавлять „дедалы“ далеко до ваянія Фидіева Зевса. Въ соотвѣтствіе образу языческаго храма терема наша народная поэзія сохранила воспоминаніе о богато изукрашенныхъ идолахъ. Въ образѣ св. Георгія, или Юрія, народная пѣснь отмѣчаетъ такія черты, которая нельзя не сопоставить съ чертами лѣтописнаго Перуна. У Юрія „по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды частыя“. Или же:

„По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды“.

Таковъ и сынъ Дона Ивановича: „По колѣни-то ноженьки въ серебрѣ, по локоть-то рученьки въ золотѣ, а по косицамъ будто звѣздушки, а назади будто свѣтель мѣсяцъ, а спереди будто солнышко“.

Любопытенъ и тотъ фактъ, что Донъ Ивановичъ находитъ этого сына внутри жены своей Нѣпры, т. е. какъ бы на лонѣ рѣки Днѣпра, по которому плылъ сброшенный съ кievскаго холма идолъ Перуна. Такія даннныя ничуть не препятствуютъ предположенію, что языческіе ваятели придавали каждому идолу особыя черты, т. е. они должны были выработать особый типъ каждого божества.

Итакъ, кумиры представляли собою обширный отдѣль древне-русскаго ваянія, а требища и капища такой-же отдѣль языческой храмовой архитектуры. Оба отдѣла остаются намъ неизвѣстными за гибеллю всего того, что соединялось съ культомъ языческихъ боговъ. На Руси повторилось то же самое, что и въ другихъ языческихъ странахъ, принявшихъ христіанство. Народъ, однако, долго не могъ забыть своей языческой старины. При уничтоженіи идоловъ Кіевляне, Новгородцы, Ростовцы печалились и плакали, видя разрушеніе своихъ кумировъ и надолго сохранили память о таинственной силѣ своихъ языческихъ боговъ. Каменные идолы по принятіи христіанства разбивались, деревянные послѣ поруганія сбрасывались въ рѣку. На русской землѣ повторялись тѣ же самыя явленія, которые историки церкви, акты мучениковъ, рисуютъ повсемѣстно при появленіи христіанства. Тибръ постепенно раскрываетъ свои тайны, и со дна его извлечено много античныхъ статуй и мраморовъ. Наши рѣки еще хранять обломки сброшенныхъ въ нихъ каменныхъ идоловъ. Языческая эпоха отложилась въ умахъ послѣдующихъ поколѣній, какъ особое царство, но царство бѣ-

¹⁾ Голубинскій, Исторія Ц. стр. 845.

са, пора мрака, ночи¹⁾ и идолъского служенія бѣсамъ, которую надо было забыть. Съ этой точки зрѣнія смотрить на язычество и начальна лѣтопись. Болѣе поздніе изводы лѣтописи раскрываютъ эту точку зрѣнія уже въ подробностяхъ. „Здѣ скажемъ нѣчто“, говорится въ Густинской лѣтописи, „о богахъ русскихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, какой слѣпотой тогда діаволъ помрачилъ бяще человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко и худымъ и бездушнымъ вещамъ и стихіямъ боговидную честь воздаваху“.

Въ другой эта мысль выражается еще ярче: „Понеже Русская земля крестися, чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскую вѣру забывали“²⁾. Еще Татищевъ, начиная главу объ идоло-служеніи древней Россіи, считаетъ нужнымъ заявить, что онъ не имѣть цѣли кого либо соблазнить, но доказать, „колико бо первое было безумно и вредно богослуженіе мерзко“³⁾. Такое отношение лѣтописцевъ къ русскому язычеству объясняетъ особенную краткость и неясность свѣдѣній объ идолахъ, капищахъ и требищахъ. Вмѣсть съ тѣмъ съ еще большей силой возстаетъ вопросъ объ указанныхъ ранѣе двухъ капищахъ и четырехъ коняхъ, привезенныхъ изъ Корсуни Владиміромъ и пережившихъ время уничтоженія идоловъ. Отношеніе лѣтописца къ этимъ предметамъ ничуть не напоминаетъ его отношенія къ кумирамъ и идоламъ, а, напротивъ, проникнуто интересомъ къ ихъ появлению въ Киевѣ и къ искусству, съ какимъ они сдѣланы. Дѣйствительно, въ средніе вѣка (въ XI—XII столѣтіяхъ) искусство отливанія изъ бронзы большихъ статуй и группъ было забыто, и тѣ статуи, которыя наполняли большие города, возбуждали въ народѣ удивленіе и суевѣрные толки. Царьградъ, хорошо известный тогдашней Руси, былъ особенно богатъ статуями, стоявшими на улицахъ, площадяхъ и представлявшими собою частью произведенія античной пластики, собраныя сюда со всѣхъ концовъ міра еще Константиномъ Великимъ, частью произведенія христіанского времени, поставленныя разными христіанскими императорами. Перечни и описанія этихъ статуй оставили намъ византійскіе писатели⁴⁾. Какъ у этихъ писателей, такъ и у нашего лѣтописца объясняется происхожденіе этихъ предметовъ; привозъ ихъ приписанъ Владиміру изъ Корсуни, а интересъ лѣтописца къ нимъ, какъ произведеніямъ искусства, сказывается въ томъ, что онъ опровергаетъ ходившіе въ народѣ слухи, будто кони и капища сдѣланы были изъ мрамора. Съ полнымъ убѣжденіемъ, очевидно, послѣ личной провѣрки онъ заявляетъ: „мѣдяны“... „иже невѣдуши мнятъ я мраморы суща“. Уже Карамзинъ пришелъ къ тому убѣжденію, что эти

¹⁾ У Кирилла Туровскаго: „Зима бо языческаго кумиро-служенія... престала“. Буслаевъ. Хрестоматія, 355; П. С. Р. Л. Лаврентьевская лѣтопись: „ночь успѣ, день приближися“, стр. 118.

²⁾ Ростпись или краткій лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ. П. С. Р. Л. Томъ IV, 179.

³⁾ Исторія, томъ I, стр. 9—10.

⁴⁾ Th. Graegeg, Scriptores originum Constantinopolitarum, Bibl. script. graecor. et romanorum. Teubneriana. Lipsiae MCMI. E. Maas, Analecta sacra et profana. Marburgi MDCCCI. А. И. Кирпичниковъ, Чудесныя статуи Константинополя. См. также нашу книгу: Эллинистические основы византійского искусства, стр. 159 и 221—223.

предметы были „изящные произведения древняго искусства и стояли въ Несторово время на площиади старого Кieва близъ извѣстной Андреевской и Десятинной церквей¹). Дѣйствительно, врядъ ли можно установить иной взглядъ на чтеніе древнѣшаго лѣтописнаго извода: „четыре кони мѣдяны“, чѣмъ какъ на свидѣтельство о существованіи въ Кieвѣ бронзовой четверни коней, или античной квадриги, т. е. цѣлой античной группы. Нѣть ничего невозможнаго и въ томъ, что эта группа вмѣстѣ съ двумя капищами была перевезена въ Кieвъ Владимиromъ. Случай похищенія античныхъ памятниковъ пластики хорошо извѣстны. Такъ поступали Римляне, вывозя знаменитыя произведенія искусства для украшенія Рима изъ Аѳинъ, Родоса и другихъ мѣстъ; такъ поступилъ и Константинъ Великій, собравшій для украшенія Константинаополя большое количество древнихъ произведеній искусства. Позднѣе Карль Великій увозить изъ Равенны конную статую Теодориха и украшаетъ ею свою столицу Аахенъ, а венеціанцы похищаютъ одну изъ трехъ извѣстныхъ въ Константинополь квадригъ бронзовыхъ коней и ставятъ ихъ на фасадѣ церкви св. Марка, гдѣ эти кони стоять до нынѣшняго дня Къ этимъ историческимъ фактамъ должно только прибавить, что и Владимиръ привезъ изъ Херсонеса четверню античныхъ коней и „двѣ капищи“ для того, чтобы украсить Кieвъ. Возникаетъ только важный вопросъ о томъ, когда онъ могъ это сдѣлать. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Владимира въ Херсонесѣ объясняется въ нашей исторической наукѣ различно, но и во времія написанія его ходили разныя сказанія, по которымъ Владимиръ крестился въ Кieвѣ, въ Васильевѣ, „друзіи же и иначе скажутъ“. По всей вѣроятности, къ числу подобныхъ сказаній принадлежало и то, въ которомъ взятіе Херсонеса относилось ко времію послѣ крещенія Владимира, какъ обѣ этомъ говорится въ житіи св. Владимира: „послѣ крещенія на третью лѣто Корсунь взя“²). Но еще болѣе важнымъ обстоятельствомъ является то, что въ житіи Владимира, имѣющемъ много точекъ соприкосновенія съ лѣтописнымъ сказаніемъ о крещеніи Владимира, ничего не говорится о привозѣ имъ изъ Корсуня коней и капищъ, такъ что лѣтописецъ сообщаетъ, повидимому, одну изъ извѣстныхъ ему версій, казающихся времію привоза въ Кieвъ интересующихъ его предметовъ, которые онъ, однако, знаетъ, какъ очевидецъ³). Самое назначеніе четверни коней и какихъ-то капищъ, предметовъ, судя по названію, языческаго происхожденія и назначенія, быть можетъ, алтарей, заставляетъ предположить появленіе ихъ въ Кieвѣ еще въ то времія, когда Владимиръ былъ язычникомъ. Нѣть никакихъ данныхъ отодвигать появленіе ихъ къ эпохѣ до Владимира, равно какъ и предполагать, что Владимиръ привезъ ихъ уже будучи христіаниномъ. Кони, по всей вѣроятности, какъ и капища, погибли во времія татарскаго нашествія. Краткое и не вполнѣ достовѣрное извѣсіе о судьбѣ этихъ предметовъ находится въ Тверской лѣтописи. Переписчикъ лѣтописнаго текста Георгій дѣлаетъ такое примѣчаніе къ мѣсту о четвернѣ коней: „Взя-же Владимиръ четыре кони мѣдяны, иже тогда стояли за святою Богородицею въ Кieвѣ, нынѣ же того и тамо, якоже рѣкохъ, нѣсть отъ многихъ

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго томъ I, 132, примѣчаніе 458.

²⁾ Макарій, Исторія русской церкви, томъ I-й, стр. 263.

³⁾ Голубинскій, Исторія русской церкви, томъ I, стр. 230—I.

плѣненій татарскихъ¹). Остается неизвѣстнымъ, сообщаетъ ли онъ свое предположеніе, или заимствованное откуда нибудь достовѣрное свѣдѣніе.

Почтеніе лѣтописца къ четыремъ конямъ и двумъ капищамъ, выразившееся въ томъ, что онъ ихъ описалъ и отмѣтилъ, какъ произведенія корсунскія, проявляется и въ дальнѣйшей исторіи русского искусства. Все, приходившее на Русь изъ Корсуни, почиталось за прекрасное и древнее. Корсунскіе кресты и иконы особенно чтились на Руси. Корсунское иконное письмо почиталось драгоцѣннымъ. Такъ новгородскія бронзовыя двери, украшающія западный входъ храма св. Софіи въ Новгородѣ, прослыли за корсунскія, хотя они происхожденія не корсунскаго, а западнаго.

Понятно, какой взглядъ на эти произведенія искусства устанавливается такимъ пониманіемъ лѣтописнаго извѣстія. Они должны рассматриваться въ исторіи русского искусства не иначе, чѣмъ и всякая иная привозныя произведенія пластики въ какой угодно странѣ. Такія произведенія въ началѣ каждого искусства имѣютъ значеніе воспитательныхъ въ художественномъ отношеніи оригиналовъ. Значеніе ихъ для тѣхъ русскихъ ваятелей, которые дѣлали человѣкоподобныя статуи, конечно, прослѣдить нельзя, но должно указать, въ виду требованія научнаго метода, что эти античныя произведенія на русской почвѣ представляютъ первый и ясный слѣдъ соприкосновенія античной пластики съ древне-русской. Въ виду близости славяно-русского племени къ Тавридѣ, такое соприкосновеніе можно было бы понимать въ видѣ прямыхъ заимствованій техническихъ, необходимыхъ при ваяніи кумировъ, т. е. такихъ-же человѣкоподобныхъ статуй, какъ и античные боги.

Русь приняла христіанство, а потому и содержаніе, и формы русского искусства должны были измѣниться. Изъ многочисленныхъ, всегда отрывочныхъ, иногда неясныхъ для современного читателя извѣстій лѣтописей возсоздается такая яркая картина этой второй эпохи въ исторіи русского искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ такая сложная, что здѣсь можетъ быть намѣчена лишь въ главнѣйшихъ частяхъ, примѣнительно къ основной задачѣ настоящаго введенія: выясненія нѣкоторыхъ терминовъ лѣтописнаго художественнаго языка.

Особенность новаго періода состоитъ въ томъ, что на мѣстахъ языческихъ кумировъ, требищъ и капищъ ставятся деревянныя и каменные церкви, что, въ свою очередь, представляетъ повтореніе древняго обычая, извѣстнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно со временемъ Константина Великаго, Феодосія и другихъ²). Подобно тому, какъ уничтоженіе идоловъ и языческихъ храмовъ явилось повтореніемъ древняго обычая, при чемъ разбиваніе идоловъ, уничтоженіе ихъ посредствомъ сбрасыванія въ рѣки, иногда пропасти, а затѣмъ сожиганія, разоренія и разрушенія храмовъ до основанія, сдѣлалось обычными

¹⁾ Тверская лѣтопись, стр. 108.

²⁾ См. Д. В. Яніловъ, Эллінистическія основы византійскаго искусства. Стр. 132 и слѣд.; также: Расположеніе Константиновыхъ построекъ по даннымъ письменныхъ источниковъ, II, стр. 17 и сл.

спутниками насажденія христіанства, такъ и построеніе храмовъ на мѣстахъ прежнихъ капищъ и требищъ явилось на Руси повтореніемъ общаго порядка¹⁾). Важность этого преемства для русской дѣйствительности заключается въ томъ, что храмы, замѣнившіе собою языческія капища и требища, сохранили, однако, свои общенародныя древнія названія, какъ это повторялось на греческой и римской почвѣ. Кромѣ словъ—храмъ и церковь, сдѣлавшихся общеупотребительными въ русскомъ языкѣ для обозначенія христіанскаго храма, лѣтописный языкъ даетъ намъ еще и другія названія, несомнѣнно очень древнія: „божница“, „божонка“.

Что церкви въ просторѣчіи назывались „божницами“, показываютъ ясно нѣкоторые тексты лѣтописи: Подъ 1147 годомъ разсказывается обѣ убіеніи Игоря Ольговича: „повелъ Лазарь взяти Игоря и понести и въ гробъ, ѣхаша на гору“²⁾). Это была церковь св. Михаила на Подолѣ. На Подолѣ же упоминается и древнѣйшая Турова божница: „Паки скучиша вси князи у Туровы божницѣ“. Извѣстная церковь въ Острѣ (Старогородкѣ) св. Михаила носила название „Юрьевой божницы“; отъ нея сохранилась теперь лишь алтарная апсида съ фресками, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе. Убитаго Андрея Боголюбскаго „взмѣши на коверъ клирошане Боголюбскыи, внесоша и въ божницю, пѣвша надъ нимъ, вложиша и въ гробъ камень“³⁾). Подъ божницей здѣсь разумѣется церковь Рождества Богородицы, выстроенная Андреемъ Боголюбскимъ. Подъ 1154 годомъ упоминается церковь св. Бориса и Глѣба на рѣкѣ Лѣтѣ: „пожгла бо (половцы) села вся и Лѣтскую божницу святою мученику зажгоше“⁴⁾). Изъ посланія Никифора видно, что внутренній притворъ церкви, въ просторѣчіи божницы, назывался „прибожнокъ“: „Ни честять святого алтаря болѣ, яко же пріяхомъ и научимся отъ святыхъ отецъ. А „прибожнокъ“ и предверіе въ иномъ чину имѣемъ, и въ нихъ стояти велимъ простцемъ и женкамъ, внутренній же церкви паки инѣхъ ставляемъ“⁵⁾). Въ Печерскомъ монастырѣ подъ 1109 годомъ упоминается часовня надъ Евпраксіей, дочерью Все-волода: „И сдѣлаша надъ иею божонку, идѣже лежить тѣло ея“⁶⁾.

Подобно тому, какъ у грековъ и римлянъ *χαρᾶς* и *templum* закрѣпились одинаково за языческимъ и христіанскимъ храмомъ, такъ „божница“, обозначая по существу сооруженіе, въ которомъ живеть или находится божество, удержалось за христіанскимъ храмомъ на Руси, сохранившись еще отъ языческаго времени⁷⁾). Эти данные позволяютъ съ

¹⁾ Исе рѣкъ (Владимѣръ) повелъ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь св. Василія на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ, идѣже потребу творяху князь и людіе. П. С. Р. Л. т. I, стр. 51.

²⁾ Ibid. стр. 138.

³⁾ Лаврентьевская лѣтопись (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей), стр. 157.

⁴⁾ Описаніе развалинъ церкви и состоянія ея въ цѣломъ видѣ въ 1629 г. см. А. В. Стороженко, Очерки переяславской старины. Кіевъ, 1900, ст. 24 и сл.

⁵⁾ Ф. И Буслаевъ. Историческая хрестоматія, стр. 906.

⁶⁾ Лаврентьевская лѣтопись (П. С. Р. Л.) стр. 121.

⁷⁾ О Туровой божнице см. Н. И. Петровъ. Историко-Топографические очерки Кіева, стр. 176—7. О божницахъ см. у Голубинскаго. Исторія русской церкви, у Даля и Срезневскаго.

большой опредѣленностью установить значеніе лѣтописныхъ извѣстій о деревянныхъ и каменныхъ церквахъ въ древней Руси. Эти церкви украшались живописью, иконами, а каменные, сверхъ того, и разнообразными породами камня.

Лѣтопись, очерчивая дѣятельность первыхъ князей Владимира и Ярослава, представляетъ много неясностей. Владимиրъ, принявши христианство, начинаетъ сразу „рубить церкви и поставляти по мѣстамъ“, „идѣже стояху кумиры“, а такая непосредственная замѣна требищъ и капищъ церквами заставляетъ предполагать особенную легкость въ исполненіи такого предпріятія. Такъ какъ лѣтопись съ особой тщательностью отмѣчаетъ призывъ греческихъ мастеровъ для построенія каменныхъ церквей, и въ то же время ни разу не указываетъ на участіе ихъ въ построеніи деревянныхъ, то самъ по себѣ возникаетъ вопросъ о причинахъ такой самостоятельности Владимира по отношенію къ деревяннымъ церквамъ. Выраженія „рубить“ и „ставить“ показываютъ, что лѣтописецъ подразумѣваетъ постановку деревянныхъ церквей, отсюда слѣдуетъ, что и церковь св. Василія, которую Владимиръ „постави“ на мѣстѣ прежняго требища, была деревянная¹⁾). Въ виду молчанія лѣтописей о видѣ и формахъ первоначальныхъ церквей, становится необходимымъ связать церковное древнее строительство съ деревяннымъ русскимъ зодчествомъ, а на этотъ счетъ данныя изобилуютъ. Деревянные палаты и терема, ихъ внутреннее устройство, во множествѣ любопытныхъ чертъ и особенностей ихъ внѣшняго и внутренняго расположения обрисовываются изъ разныхъ извѣстій лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ, говорящихъ о жизни и дѣлахъ первыхъ князей.

Извѣстно, напримѣръ, что въ томъ велиокняжескомъ дворѣ, виѣ котораго находились кумиры, стоялъ „теремъ каменъ“ Ольги (упоминается подъ 945 г.). У этой же княгини были и деревянные терема. Одинъ изъ этихъ теремовъ занялъ Владимира. Лѣтописецъ называетъ этотъ теремъ отцовскимъ: „Володимеръ внide въ Кieвъ, вшедъ во дворъ теремный отень, о немъ же прежде сказахомъ“. Эти терема и дворы теремные, княжьи дворы, носятъ иногда очень красивыя названія. У Ярослава былъ „Великій дворъ“, „Красный дворъ“ упоминается въ Kieвѣ и Черниговѣ, наконецъ, „теремный дворъ“, называвшійся „Раемъ“, находился въ Kieвѣ въ Выдбичахъ²⁾). Если въ лѣтописяхъ часто встречаются указанія на златоверхія церкви, то съ другой стороны изъ Слова о Полку Игоревѣ намъ извѣстенъ „златоверхій теремъ“ въ Kieвѣ. Кромѣ того, если въ той же лѣтописи говорится о церквахъ, которые были „исписаны“³⁾), т. е. украшены живописью, то рядомъ съ этимъ

¹⁾ А. А. Шахматовъ указываетъ новый варіантъ извѣстія обѣ этой церкви и о мѣстѣ ея постановки.

²⁾ „Тогда же зажгла дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарицаемъ Выдбичи: то все оканьніи половцы запалиша огнемъ“ (Лаврентьевская лѣтопись, 99). „Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила и разболѣя и преставися.. Разграбиша Дворъ его Красный и другой дворъ за Днѣпромъ разграбиша, его же звашеть самъ Раемъ“. (ibid 81).

³⁾ „Исписана“ упоминается подъ 1187 г.; „украшена писаніемъ“ подъ 1212 г., „писати церкви“ подъ 1230 г. „написана“ 1233 г., Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1872 г. Тверская лѣтопись подъ 1205 годомъ — „писаніемъ“.

имъемъ рѣдкое указаніе и на украшенную живописью „повалушу"¹⁾. Въ Лаврентьевской лѣтописи встрѣчаемъ малопонятное для насть теперь удивленіе и восторгъ лѣтописца передъ Ростовской церковью Богородицы, выстроенной изъ дуба и сгорѣвшей въ 1160 году, послѣ того, какъ онаостояла болѣе 150—60 лѣтъ. „Того же лѣта“, говорить лѣтописецъ, „погорѣ Ростовъ и церкви всѣ, и соборная дивная и великая церковь Святая Богородицы, якое-же не было и не будетъ“. (Лаврентьевская лѣтопись 150). Какія красоты подразумѣваетъ лѣтописецъ, говоря намъ о церкви въ Ростовѣ, мы не знаемъ, но все же можемъ предполагать, что онъ разумѣетъ красоту формъ деревянной церкви и ея дорогое убранство. Иной разъ, говоря о громѣ и молнѣ, лѣтописецъ упоминаетъ и „маковицу“, разрушенную молнѣй, столь хорошо извѣстную въ нашей былинной поэзіи въ разнообразномъ примѣненіи, и даетъ возможность ясно представить верхнюю часть деревянной церкви²⁾). Рядомъ съ этими данными, неясными и лишенными внутренней связи, изъ житія Бориса и Глѣба извѣстно и описание деревянной церкви этихъ святыхъ, выстроенной „клѣтски“, т. е. въ видѣ клѣти, съ четыреугольнымъ основаніемъ въ планѣ: „христолюбивый князь (Ярославъ Мудрый) украси церковь є верховъ (т. е. 5-ю верхами) и всякими красотами, иконами и иными письмены; повелѣ же и на иконѣ святою написати, да входяще вѣрніи людіе въ церковь ти, видяще ею образъ написанъ и аки самою зряще, ти тако съ вѣрою и любовію покланяющеся има и цѣлующе образъ ею³⁾). Отсюда мы узнаемъ, что пять верховъ составляли родъ украшений церкви въ ея архитектурномъ строеніи и увѣнчивали собою четыреугольную клѣть ея. Внутри церкви находилась намѣстная икона свв. Бориса и Глѣба, такъ что входящіе могли видѣть изображенія мучениковъ, и кромѣ того вся церковь была украшена еще и другими иконами и „иными письмены и всякими красотами“. Выраженіе „иными письмены“, употребленное рядомъ со словомъ „иконами“, ясно показываетъ, что кромѣ иконописи, въ этой деревянной церкви была и другая какая-то живопись, не имѣвшая характера первой. Какова бы ни была эта живопись, но разъ она покрывала деревянныя части церкви, она не можетъ быть рассматриваема иначе, чѣмъ полихромія деревяннаго зданія. Деревянная церковь исписана такъ же, какъ и повалуша. Съ другой стороны, если такія общія выраженія: „всякими красотами, иными письмены“, заключая въ себѣ свидѣтельство о цвѣтной живописи, обозначаетъ лишь ихъ разнообразіе (*χρωμάτου τοιχι!⁴⁾), то древній лѣтописный языкъ заполняетъ этотъ пробѣль въ общихъ чертахъ, такъ какъ въ немъ извѣстны слѣдующія краски или цвѣта: бѣлый, черленый (т. е. красный), зеленый, синий, багряный, наконецъ, золотой и серебряный. Число цвѣтовъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ значительно больше. Здѣсь находимъ: черный, бѣлый, синий, зеленый, сѣрый, сизый, багряный, черленый, красный, золотой, серебряный⁴⁾). Затѣмъ, едва-ли было бы правильно пред-*

1) „Исписавъ повалушу сѣдиши“. И. Е. Забѣлинъ.

2) Даниилъ Заточникъ говорить „глава церкви-крестъ“.

3) Срезневскій, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 28.

4) Лаврентьевская лѣтопись (полное собраніе русскихъ лѣтописей Г. I.) „Очервленна и багряна одѣянья, 179. лучи кровавые, 160, мѣста черны, 506; столпъ огнень 273; явишася столпове черлени зелене и синии (подъ 1230 г.) стр 193. Въ

полагать въ этой древней полихроміи еще языческаго времени только одинъ орнаментъ. Въ одномъ древнемъ источнике встрѣчается довольно, правда, глухое извѣстіе, отнесенное къ славяно-русской средѣ, придерживавшейся еще долго языческихъ обычаевъ, о томъ, что въ „недѣлинъ день... кланяются, написавше жену въ человѣческъ образъ тварь“¹⁾, изъ чего можно заключить, что существовали и человѣкоподобныя живописныя изображенія, причемъ понятіе объ образѣ, написанномъ красками, является одинаково соответствующимъ какъ языческому, такъ и христіанскому изображенію, какъ и въ приведенномъ выше текстѣ изъ книги Каафа²⁾.

Въ похалахъ лѣтописца ростовской церкви Богородицы слышится его удивленіе также и предъ архитектурой церкви. Церковь эта „дивная и великая“ въ одно и то же время. Если слово „великая“ указываетъ на величину церкви, то слово „дивная“ должно указывать на ея замѣчательную архитектуру и красоту, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю. Обычное для указанія на убранство церкви слово „дивно“ или „удививъ“ иногда точно объясняется лѣтописцемъ. Андрей Боголюбскій, построивши (въ 1160 году) церковь Богородицы во Владимірѣ, „украси ю дивно многоразличными иконами и драгымъ каменемъ без-числа и ссуды церковными и вверхъ ея позлати“. Или: „Великій князь Всеvolodъ Юрьевичъ „созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ святого мученика Димитрія и украси ю дивно иконами и писаніемъ“. Тѣ же украшенія подразумѣваютъ лѣтописецъ, говоря о церкви Ioanna Предтечи въ Ростовѣ, сгорѣвшей въ 1211 году: „се же есть дивно церкви въ Ростовѣ во имя св. Ioanna Предтечи, на дворѣ въ епископы у св. Богородицы“. Иногда „удививъ“ относится къ украшеніямъ изъ различного мрамора, какъ, напримѣръ, въ извѣстіи и его вариантахъ о Сузdalской церкви Богородицы. Владимірскій соборъ былъ удивленъ всякими „узорочьи“, а каменный соборъ въ Бѣлгородѣ „высотою и величествомъ и прочими украшеніями вдивъ былъ удобрѣнъ“³⁾. Въ житіи св. Владимира о Десятинной церкви сказано: „украси ю (и) икона-ми удививъ“.

Въ оцѣнкѣ похвалъ, расточаемыхъ лѣтописцемъ Ростовской церкви надо, по всей вѣроятности, принять въ разсчетъ и красоту ея архитектуры, или тѣхъ „переводовъ“⁴⁾, которые, какъ опредѣленныя и типическія формы строительства, были совмѣщены въ ея общемъ планѣ и внѣшнемъ видѣ. Подобное же восхищеніе высказано лѣтописцемъ (Первой Псковской лѣтописи) относительно церкви св. Николая Псков-

Словѣ и Полку Игоревѣ: „черная паполома и туча, земля; синее вино, багряная столпа, красное солнце, синее море, бѣлый гоголь, серебрянныя берега, зелено чрево, сѣрый волкъ, сизый орелъ, кровавая зорь, синія молніи, черлень стягъ, бѣла хоруговъ, черлена челка, серебreno стружie.“

¹⁾ Лѣтопись русской литературы и древностей. IV, 101, Ср. „Образъ его бѣ запомъ написанъ, въ Александрии“. В. Истринъ, Изслѣдованіе 175.

²⁾ Константина Всеvolodовичъ (1218 г.) „многи церкви созда во своей власти, воображая чудными воображеніи святыхъ иконъ“... Образъ и теперь обозна-чаетъ „икону“.

³⁾ Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, стр. 84 и о Десятинной церк-ви въ „Житіи блаж. Владимира“.

⁴⁾ „Переводъ“ упоминается уже подъ 1230 годомъ въ церкви св. Михаила въ Переяславлѣ „каменный“: „и паде переводъ съ кровлею 3-хъ комаръ“. „Переводы“ деревянной церкви прекрасно объяснены покойнымъ И. Е. Забѣлинъ мъ.

ской волости: въ 1471 году Новгородцы „много хоромовъ пожгли и церковь Николая сожгли преудивлену и чудну, таковъ не было во всей Псковской волости, о полутортью-десяти углахъ”¹⁾.

Украшениe деревянной рѣзьбой можетъ быть также подсказано, какъ одно изъ свойствъ деревянной постройки, чтобы сдѣлать хотя нѣсколько понятной дивную красоту деревянного зданія. Рѣзьба въ деревѣ уже потому должна считаться однимъ изъ коренныхъ русскихъ художественныхъ ремеселъ, что примѣнялась для изготовлениe деревянныхъ идоловъ, но ни въ одной лѣтописи не встрѣчается прямыхъ указаній на рѣзьбу въ деревѣ въ примѣненіи ея для украшениe древнѣйшихъ церквей домонгольского периода. Мы можемъ догадываться о существованіи ея благодаря извѣстію византійского писателя Зецеса, который получилъ отъ друга своего, митрополита Силистрия въ подарокъ раба, по имени Всеволода (Σεβλάδου), и рѣзную русской работы чернильницу изъ рыбьей кости, такъ искусно украшенную рѣзьбой, что она напомнила ученому византійскому „хитрое искусство Дедала“²⁾. „Дорогъ рыбій зубъ“, искусно вырѣзанный, очень хорошо извѣстенъ нашему былинному эпосу, именно, въ примѣненіи къ архитектурѣ: „подворотня, чердакъ—дорогъ рыбій зубъ“. Рѣзьба въ деревѣ могла развиться вслѣдствіе потребности самой жизни для украшениe деревянныхъ палатъ и теремовъ, а родственная ей рѣзьба на кости изъ потребностей быта.

Такимъ образомъ, въ русской деревянной архитектурѣ уже въ XI- XII вѣкахъ должно признать особый, оригинальный видъ зданія, совмѣщавшій въ себѣ не только украшенные золотомъ верхи, особенные приемы зодчества, но разноцвѣтную раскраску или полихромію зданія.

Изъ числа наиболѣе древнихъ деревянныхъ церквей, кромѣ Ростовской церкви св. Богородицы, были извѣсты: первоначальный храмъ св. Софіи въ Новгородѣ, выстроенный въ 988 году Ioакимомъ изъ дуба. Вторая Новгородская лѣтопись говоритъ, что этотъ храмъ имѣлъ 13 верховъ и былъ „честно устроенъ и украшенъ“. Онъ сгорѣлъ въ 1045 году. Затѣмъ „дивная“ церковь св. Иоанна Предтечи въ Ростовѣ, сгорѣвшая въ 1211 году, и церковь св. Николая въ Псковѣ, сожженная новгородцами въ 1471 году, упомянутая ранѣе.

Вмѣсть съ тѣмъ Владіміръ построилъ и первую замѣчательную каменную церковь во имя Успенія Богородицы (Десятинную). Для этой цѣли „пославъ приведя мастера отъ грекъ и яко сконча зижка украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину, вдавъ ту все еже бѣ взяль въ Корсуни: иконы и сосуды и кресты“. Въ этомъ извѣстіи лѣтописи заключается два крайне важныхъ данныхъ. Первое состоить въ томъ, что для построенія каменной церкви Владіміръ призываетъ греческихъ мастеровъ, второе въ томъ, что онъ украшаетъ ее иконами. Возникаетъ вопросъ, о какихъ иконахъ здѣсь идетъ рѣчь, и почему

¹⁾ Голубинскій ibid. стр. 134.

²⁾ ... καὶ τὸ ταυρογλυφὲς εἰ δὲ βούλει ῥιστογλυφὲς μελάνδοχον ἐκεῖνο ποζίδιον ὃ ἔξ διτέου ἰχθύος ὑπὲρ τὰ Δαιδᾶλου θυρὶλλύμενα χειροιργῆματα ἄφα τού τι κάλλος ἐνετεῖτο.

онъ упоминаются два раза. Не украсиль ли Владіміръ свою первую церковь тѣми иконами, которыя онъ привезъ изъ Корсуни, и только?

Выраженіе „украсить церковь иконами“ встрѣчается въ нашей на-
чальной лѣтописи ранѣе 1187 года. Съ этого года въ ней для обозна-
ченія живописныхъ украшеній обычны „писать“, „исписать“, „написать“,
„подписать“ церковь. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ, напримѣръ,
въ приведенномъ выше, обѣ украшениія церкви Бориса и Глѣба въ
Вышгородѣ, упоминаются „иконы“ и „иная письмены“. Уже изъ этого
сопоставленія словъ можно было бы вывести заключеніе, что подъ
иконами разумѣется настѣнное письмо. Но въ „Сказаніи о Борисѣ
и Глѣбѣ“, представляющемъ какъ бы сокращенный пересказъ „Чте-
нія“, изъ котораго приведено данное извѣстіе, вместо слова „укра-
си ю иконами и иными письмены“, сказано: „исписа всю“¹⁾, т. е. всю
ее украсиль настѣнною живописью. Равнымъ образомъ относительно
церкви св. Софіи, выстроенной въ Кіевѣ Ярославомъ Мудрымъ, въ
Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ Лаврентьевской лѣтописи ска-
зано: „украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и сребромъ и сосу-
ды церковными“. Подъ иконами, которыми сообразно этому тексту ук-
рашена церковь, подразумѣвается сохранившаяся до настоящаго вре-
мени мозаическая и фресковая живопись.

Въ похвальномъ словѣ митрополита Иларіона обѣ иконахъ нѣтъ
рѣчи. Онъ говоритьъ, что Ярославъ украси церковь Св. Софіи „со вся-
кою красотою, златомъ, сребромъ и каменiemъ драгымъ и съсуды че-
стными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ странамъ“.

Густинская лѣтопись, прибавляя къ этимъ украшеніямъ еще и
новыя, все же, повидимому, стоять близко къ Лаврентьевской лѣтопи-
си и къ рѣчи митрополита Иларіона: „украси ю всякою красотою,
златомъ и каменiemъ многоцѣнными, иконами и кресты и съсуды и
паволоки“. Надо полагать, что такой способъ выраженія „украсить ико-
нами“ принесенъ на Русь греками вмѣстѣ съ понятіями о византійской
иконописной живописи разныхъ родовъ. Со времени иконоборства,
когда священные изображенія, изгнанныя иконоборцами изъ храмовъ
и замѣненные обычной свѣтской живописью, снова заняли свои старыя
места въ храмѣ, слово „икона“ стало синонимомъ всяческаго живопис-
наго изображенія въ храмѣ, будь это икона на доскѣ или мозаическая
и фресковая настѣнная живопись. Въ актахъ VII Вселенскаго Собора
обычны выраженія εἰκόνες и ἴστορίαι для обозначенія иконъ на дос-
кахъ и настѣнной живописи. Въ надписяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ
храмовъ мозаическая живопись подразумѣвается подъ словами „святые
иконы“. Подъ возстановленіемъ свв. иконъ (Ἀναστήλωσις τῶν ἀγίων εἰ-
κόνων) въ Византіи подразумѣвалось возстановленіе прежней настѣнной
живописи въ храмахъ и употребленіе въ нихъ иконъ на доскахъ²⁾) на

¹⁾ Срезневскій, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 74.

²⁾ „ἐν ταῖς εἰκληρίαις διὰ μυῆμη τὰς ἴστορίας ἀναστήλωσιμεν καὶ
τὴν ἵερὰν εἰκόνα.... καταστήσωμεν... Ιερ. Συν. р. 774. „τοῦ ποθουμίου
μάρτυρος τὴν εἰκόνα ἐστηλογράφου ibid. р. 830. Въ надписи Никейской церкви:
στηλοῖ Ναυκράτιος τὰς θείας εἰκόνας. O. Wulff, Die Koimesiskirche in Ni-
cäa, Strassburg. 1903, 194—7. Ср. съ выражениемъ: „δὲ γεγραφῶς ἐπὶ τοῖς

металлъ и проч. Русское слово „украсить иконами“ есть прямой переводъ съ греческаго: *κοσμεῖ τὰς ἱστορίας* или *εἰχόσι* или *ζωγραφίας*¹), а въ надписяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ храмовъ мозаическая живопись подразумѣвается подъ словами „святыя иконы“. Безъ этой исторической справки нельзя извлечь надлежащаго смысла изъ обычнаго въ лѣтописи выраженія „украси ю иконами“. Вслѣдствіе этого становится понятнымъ, почему лѣтописецъ въ приведенномъ выше описаніи Десятинной церкви два раза упоминаетъ объ иконахъ. Одинъ разъ подъ словами „украси ю иконами“ онъ разумѣеть настѣнную живопись, а другой разъ, говоря объ иконахъ, крестахъ и сосудахъ, имѣеть въ виду иконы, писанныя на доскахъ, и упоминаетъ о нихъ, поэому, при перечисленіи предметовъ церковной утвари, вывезенной изъ Херсонеса. О другой, не менѣе знаменитой, Печерской церкви въ лѣтописи подъ 1051 годомъ сказано: „церковь свершиша и иконами украсиша“²). Изъ другихъ источниковъ, какъ увидимъ ниже, извѣстно, однако, что и эта церковь была роскошно украшена мозаической и фресковой живописью греческими мастерами, въ школѣ которыхъ образовался русскій извѣстный иконописецъ Алипій³). Впослѣдствіи такой способъ выраженія относительно настѣнной живописи измѣнился, и слово „икона“ употребляется по преимуществу для обозначенія деревянныхъ иконъ, а настѣнная живопись называется „писаніемъ“. Такъ великий князь Все-володъ Юрьевичъ украсиль дивно церковь святого Димитрія „иконами и писаніемъ“ и такъ далѣ.

Къ числу такихъ же выраженій лѣтописи, которыя требуютъ историческихъ справокъ для точнаго ихъ пониманія, принадлежать: „украси ю каменьемъ дорогимъ“, „каменьемъ многоцѣннымъ“, когда эти выраженія относятся къ красотамъ церкви, какъ зданія въ его цѣломъ. Обыкновенное значеніе, придаваемое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ словамъ „камень драгій“, равнозначуще нашему понятію о драгоценномъ камнѣ. Такъ Антоній Новгородскій говоритъ о драгоценныхъ камняхъ, которые онъ видѣлъ въ церкви св. Софіи въ Царьградѣ. „Во блюдѣ же Ольжинѣ камень драгій“, „во лбу царя Короля“ также „камень драгій“⁴) и т. п. Въ надписи Мстиславова Евангелія Наславъ говоритъ: „исправихъ злато и серебро и драгій камень“. Иконы;

τοῖχοις εἰκόνας θείας διαφορῶν ἀγίων συντιθησι. *Rhetores graeci (Christianus Walz*, ed. Didot, T. I. p. 638.

¹⁾ „ἀλλέκοσμηθησαν διὰ τὰς ζωγραφίας καὶ ἱστορίας τῶν θαυμάτων τῶν ἀγίων καὶ παθημάτων τοῦ Κυρίου (τὰς εκκλησίας)“.... Ιερ. Συν. р. 716. Изъ письма папы Григорія ко Льву Исавру Также: „πᾶσαν εἰκονικὴν διαζωγράφησιν, εἴτε ἐν σανίσιν, εἴτε διὰ μουσείων ἐν τοῖχοις. Du Cange, Gloss. graec. I, 651. (Изъ Acta Synod. VII, p. 385, A. A. 5).

²⁾ По всей вѣроятности, живописныя украшенія въ числѣ прочихъ надо понимать и подъ сокращеннымъ выражениемъ: „украси ю“ или „украси церковь“, особенно, если говорится о каменныхъ церквяхъ.

³⁾ „Украси многоразличными иконами“ сказано относительно украшеній церкви Богоодиши во Владимірѣ (1160 г.) Подразумѣвается, очевидно, стѣнная живопись и вообще иконы.

⁴⁾ Подробно объ этомъ будетъ сказано въ комментаріи къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгородскаго. См. Журн. М. Н. Просв. 1906 и 1908.

по выражению лѣтописи, также украшались драгимъ каменьемъ; Андрей Боголюбскій, взявши Киевскую икону Богоматери, принесъ во Владиміръ, роскошно ее украсилъ золотомъ, серебромъ „каменьемъ драгимъ и жемчугомъ“ (подъ 1155 годомъ). Въ данномъ случаѣ подразумѣваются драгоценные камни, или „честные“ камни, буквально τιμων λίθοι¹). въ то время, какъ „драгое и многоцѣнное камене“, употребленное для украшения зданія церкви, отвѣчаетъ греческому понятію о „βαστός λίθος“²), подъ которымъ разумѣются дорогія породы камней и мраморовъ, употреблявшихся для облицовки стѣнъ дворцовъ и храмовъ. По всей вѣроятности, именно, живопись и облицовки стѣнъ разными породами дорогихъ камней подразумѣвается митрополитъ Иларіонъ, когда говоритъ: „и весь клиросъ украсиша въ лѣпоту и одѣша святыя церкви“. Церковная живопись и мраморная украшениія уже очень рано уподобляются въ византійской литературѣ роскошнымъ одѣяніемъ церкви, одеждамъ невѣсты и проч.³) Сохранившіеся въ Кievѣ остатки мраморныхъ и иныхъ облицовокъ, инкрустаций, равно какъ колонны и капители, каменные и мраморные раки и гробницы составлять предметъ особой главы въ послѣдующемъ изложении о Кievскихъ церквяхъ и о разныхъ извѣстіяхъ о нихъ. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ общаго значенія, что лѣтописная терминологія стоитъ въ зависимости отъ византійской, принесенной, несомнѣнно, на Русь греческими мастерами и заимствованной русскими людьми въ самой Византіи во времена наиболѣе живыхъ сношеній до нашествія монголовъ. Первая глава настоящаго сочиненія поэтому посвящена культурнымъ сношеніямъ Руси и Византіи.

ГЛАВА I.

Пріемы русскихъ князей и пословъ при византійскомъ дворѣ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ часто упоминаются, а иногда и кратко описываются пріемы русскихъ князей и ихъ пословъ при дворѣ византійскихъ императоровъ. Наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи извѣстія касаются пріемовъ первыхъ русскихъ князей, побывавшихъ еще до принятия Русью христіанства въ Царьградѣ.

¹⁾ Атаульфъ невѣстѣ своей Плацидіи принесъ дары: пятьдесятъ юношей несли таїς χεραὶ ἀνὰ δύώ μεγάστων δίσκων, ὃν δὲ μεν χρυσίου πλήρης, ὃ δε τίμιων λίθων, μᾶλλον δε ἀτίμητων. De cerim. 11 р. 694. Описаніе этого события Олимпіадоромъ находится у Фотия р. 108.

²⁾ Krause, Die byzantiner im Mittelalter, p. 50.

³⁾ Изъ письма папы Григорія ко Льву Исавру: ἀλλ' εύρων τὰς ἀγίας ἐκκλεσίας ἐν χρυσῷ τοῖς χρυσοῖς περιβλημένας πεποικιλμένας, ἀπεκβαμησας καὶ ἡρύμασας... Ier. Sun p. 716. Астерій Амассійскій, описывая домъ богача, говоритъ: οἰκίας πολυτελεῖς, ψήφῳ καὶ λίθοις καὶ χρυσῷ κατὰ τὰς γύμφας κεκοσμημένας. Patr. gr. XL p. 619.

Древнѣйшее извѣстіе относится къ легендарному киевскому князю Кію. Лѣтописець оспариваетъ преданіе о томъ, что Кій былъ днѣпровскій перевозчикъ, и прибавляетъ. „Аще бы былъ перевозникъ Кій, то не ходилъ Царюгороду, но сей Кій княжаше въ роду своемъ и приходившо ему ко царю, якоже сказають, яко великому честь пріяль (есть) отъ царя, при которомъ приходилъ цари“¹⁾). Извѣстіе это важно въ томъ отношеніи, что давность хожденій русскихъ князей въ Царьградъ въ эпоху написанія лѣтописи, или даннаго ея извода, сдѣлалась легендарной. Пребываніе Кія въ Царьградѣ, какъ въ великой столицѣ міра, и почетный пріемъ, оказанный ему неизвѣстнымъ византійскимъ императоромъ, облагораживають въ понятіи лѣтописца личность Кія, такъ какъ перевозникъ не могъ быть принятъ императоромъ и не могъ удостоиться „великой чести“. Въ легендахъ о Кіѣ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ твердо установленными понятіями лѣтописца о величинѣ Царьграда и о великой чести, которой удостоился Кій. Лѣтописецъ не объясняетъ въ частностяхъ, что онъ разумѣеть подъ словами: „велику честь пріяль есть“, но изъ другихъ извѣстій его о премахъ русскихъ князей и ихъ пословъ при византійскомъ дворѣ и у себя на родинѣ въ стольномъ градѣ Кіевѣ становится яснымъ, что онъ подразумѣваетъ не только почетъ, оказанный Кію въ Царьградѣ, но и дары и угощенія и разнаго рода особенности пышныхъ цареградскихъ пріемовъ.

Смысль своихъ словъ лѣтописецъ объясняетъ подробно при описаніи почестей, оказанныхъ въ Царьградѣ посламъ Олега: „Царь же Леонъ почти послы Рускыя дарми, златомъ, и паволоками и фофудьями, и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и палаты златны и въ нихъ сущаа богатства, злато много и паволокы и каменье драгое, и страсти господня, и вѣнецъ, и гвоздие, и хламиду багряную, и моши святыхъ, учаще я к вѣре своей и показующе имъ истину вѣру, и тако отпусти а во свою землю съ честию великою“²⁾.

Послы Владимира получили подобную же честь. Отправленные имъ для испытанія греческой вѣры мужи „приидоша Царюгороду“ и внидоша ко царю; царь же испыта, кыя ради вины придоша, они же сповѣдоша ему вся бывшая. Се слышавъ царь радъ бывъ и честь велику створи имъ въ отъ же день“. Въ большой праздникъ послы были приведены въ церковь святой Софіи: „поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣния и службу архиѣрѣски, престоянѣ дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего... И призываша е царя Василій и Костянтинъ, рѣша имъ: „идѣте въ землю вашу“ и отпустиша я съ дары велики и съ честью“³⁾.

Изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи становится яснымъ, что въ понятіе великой чести входили не только пріемы пословъ во дворцы,

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, изданіе Археографической Комиссіи 1872 г. стр. 9. Въ повѣсти временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку сказано: „И приходившо ему къ царю, не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже сказають“ и проч. стр. 8.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 37. Въ Тверской лѣтописи находимъ варианты: „церковную красоту палаты златыя“ не лишенный интереса по отношенію къ Христотриклину, о которомъ сказано далѣе. Золотая палата, равно какъ и другія дворцовые палаты, украшались церковными предметами, взятыми изъ ризницъ.

Лаврентьевская лѣтопись (изданіе Археографической Комиссіи 1846 г.) стр. 24. Такъ и князья возвращаются „съ честью великою“. Лавр. лѣт., 162 (1177 г.).

но и всенародное оглашениe почестей, проявленie ихъ передъ народомъ. Съ полною ясностью представлениe о великой чести обрисовывается въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописца о мести Ольги. „Хочю вы почити наутрія предъ людьми своими“, говоритъ Ольга древлянскимъ посламъ, „а нынѣ идите въ ладью свою и лязите въ ладью величающеся“. Утромъ Ольга посылаетъ сказать посламъ: „зоветъ вы Ольга на велику честь“. Пословъ, гордыхъ своимъ положенiemъ и роскошно одѣтыхъ, несутъ въ лодкѣ всенародно. Византійскіе писатели для обозначенія почестей, оказанныхъ иностранцамъ въ Константинополѣ, употребляютъ подобныя же общаго характера выраженія. Такъ знатная пелопонесская владѣтельная особа Данелида была принята во дворцѣ ἐντύμῳ καὶ λαμπρῷ¹⁾ т. е. „съ честью и блестящe“, но такъ какъ приемъ ея состоялся въ Магнаврѣ, то и не остается никакихъ сомнѣній на счетъ того, что ей оказаны были наивысшія почести, какія только возможны были при византійскомъ дворѣ. Авторъ греческаго сказанія о крещеніи Руси передаетъ разсказъ о приемѣ русскихъ пословъ очень близко къ лѣтописнымъ текстамъ съ описаніемъ приемовъ пословъ Олега и Владимира, приведеннымъ раньше: Послы приходятъ къ Василію Македонянину, который очень обрадованъ этимъ. Онъ назначаетъ архонтовъ, которые должны освѣдомить пословъ на счетъ цѣли ихъ прихода и показать имъ всѣ достопримѣчательности и святыни города. Послѣдніе приводятъ ихъ въ церковь святой Софіи. Принявши ихъ вторично, послѣ ознакомленія съ церковной службой, царь отпускаетъ ихъ обратно μετὰ χαρᾶς μεγάλης καὶ εὐφροσύνης выраженіе, которое нельзя не сопоставить со словами нашей лѣтописи: „съ дарами велики и съ честью“²⁾. Слова „χάρις τιμῆσσα“, сказанныя Кедринымъ о нашей княгинѣ Ольгѣ, могутъ быть во всей полнотѣ выяснены лишь при изученіи текста Устава церемоній Византійскаго двора, въ которомъ описываются два приема русской княгини при дворѣ Константина Порфорородного въ связи съ данными нашихъ лѣтописей, упоминающихъ также о великой чести и дарахъ, которыхъ удостоилась княгиня Ольга во время пребыванія своего въ Царградѣ³⁾. Честь посламъ уставливалась и по договорамъ⁴⁾.

¹⁾ Theophanes Continuatus, ed. Bonn. p. 317—318.

²⁾ .... „Βασιλείῳ φύμι τῷ ἐκ Μακεδονίας προσέρχονται; καὶ τῷ αἰτίᾳ τῆς διτῶν ἀριστεῶς ἀπαγγεῖλουσιν, οὐ δέ ἄσμενος καὶ τρισάμενος ἀποδεῖξαμένος ἀργούντας τινας παραντὰ τῶν ἐλλογίμων ἀυτοῖς ἐπιδιδωσιν, ὅπως τὰ κάλλιστα πάντα τῆς πόλεως αὐτοῖς ἐπιδεῖξωσι καὶ τὰς πεύπεις ἀυτῶν πάντας καλῶς δεικνύσσωσι καὶ ἀπολογήσονται, οἱ δέ ἄνδρας παραλαβόντες καὶ πολλὰ ἐν τῇ πόλει ἀξιοθέατα ἐπιδεῖξαντες, εἰσάλλουσι καὶ πρὸς τόν περιβότου καὶ μέγαν θεόν ναὸν τῆς τοῦ θεοῦ Σοφίας“. Послѣ вторичнаго приема: „οὕστερ καὶ ἀπέπεμψαν μετὰ χαρᾶς μεγάλης καὶ εὐφροσύνης πάλιν ἐκεῖσε“. W. Regel, *Analecta byzantino-rossica*. Petropoli AMDCCXC I p. 47—49. Въ жизни благеннаго Владимира сказано: „съ дарами и съ честью“. Голубинскій, Исторія Русской церкви Т. I, стр. 195.

³⁾ Georgii Cedreni, Historiarum compendium, ed. Bonn, p. 329.

⁴⁾ „Да егда ходимъ въ грекы или въ солбу ко цареви вашему, да пустить съ честью проданное рухло лодьи ихъ“, Лаврентьевская лѣтопись.

Въ приведенныхъ текстахъ вмѣстѣ съ тѣмъ вкратцѣ передаются черты пріемовъ иностранныхъ пословъ при византійскомъ дворѣ и черты ихъ жизни въ столицѣ востока.

„Палаты златыя“, упоминаемыя въ текстѣ о пріемѣ пословъ Олега, въ воображеніи лѣтописца обозначаютъ вообще роскошныя залы цареградскихъ дворцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ вспоминать о Хризотриклии („Христорѣжлии“). или Золотой палатѣ, одной изъ знаменитыхъ залъ большого дворца. Въ разныхъ частяхъ этого дворца русскимъ посламъ были показаны многія драгоцѣнности и святыни; нѣкоторыя изъ этихъ драгоцѣнностей и святыни, не упомянутыя, однако, въ лѣтописи, каковы жезлъ Моисея, кресты Константина Великаго и Константина Порфирородного и проч., упомянуты въ придворномъ уставѣ¹⁾). Для лѣтописнаго текста болѣе важное значеніе имѣть извѣстіе Антонія Новгородскаго, который видѣлъ многія изъ извѣстныхъ лѣтописи святыни также въ „златыхъ палатахъ“: „се же во царскихъ златыхъ палатахъ“: крестъ честной, вѣнецъ, губа, гвозди, кровь же лежаше иная; багряница, копье, трость, повой святыя Богородицы и поясь и срачица Господня, пласть шейный и лентій и проч.²⁾). Указывая на значительное согласіе лѣтописи съ текстомъ Антонія, я не могу здѣсь входить въ болѣе подробное изслѣдованіе обоихъ извѣстій о цареградскихъ святыняхъ, такъ какъ намѣренъ это сдѣлать въ подробнѣ комментаріи къ тексту нашего паломника. Въ Золотой палатѣ, какъ и въ другихъ залахъ, происходили пріемы пословъ и парадные обѣды³⁾). Въ этой же палатѣ пировала, какъ увидимъ далѣе, мужская свита княгини Ольги. Можно думать, поэтому, что выраженіе „златыя палаты“ хранить отдаленное воспоминаніе о Хризотриклии⁴⁾.

Послы Олега и Владимира были допущены къ подробному осмотрѣ дворцовыхъ залъ, церквей и святынь города въ сопровожденіи особо приставленныхъ мужей. Эти мужи были на самомъ дѣлѣ особые чины двора и имперіи изъ числа тѣхъ, на обязанности которыхъ лежала служба при иностранныхъ послахъ. Они должны были встрѣчать пословъ, заботиться объ ихъ удобствахъ и пріятностяхъ жизни, доносить имъ о распоряженіи царя, о времени пріемовъ при дворѣ, принимать по списку привезенные дары и выдавать обратные. Обязанности этихъ чиновниковъ подробно описаны въ придворномъ Уставѣ и кратко упомянуты въ договорахъ Олега и Игоря: „и мужъ царства нашего да хранитъ я“¹⁾), то есть русскихъ пословъ и купцовъ, входящихъ въ городъ по дѣламъ. Греческій авторъ сказанія о крещеніи Руси называетъ этихъ мужей архонтами⁶⁾), что сходится съ показаніемъ придвор-

¹⁾ De cerim. T. I. стр. 640—1.

²⁾ Путникъ Антонія Новгородскаго, изд. Х. М. Лопарева, стр. 87.

³⁾ Саракинскіе послы были приняты первый разъ въ Магнаврѣ, вторично въ Золотой палатѣ. De cerim. I. p. 586—7.

⁴⁾ Н. П. Кондаковъ, Константинопольскія церкви, подъ златыми палатами подразумѣвается у Антонія Влахернскій дворецъ, стр. 25. О Золотой палатѣ московскихъ царей см. И. Е. Забѣлинъ. Быть русскихъ царей и царицъ, 2-е изданіе, I, 241—2.

⁵⁾ De cerim. 396—410, то-есть 88—90 главахъ. Лаврентьевская лѣтопись 31, 48.

⁶⁾ Reg. I. Ibid. p. 47 Русскимъ дозволялось входить въ городъ въ числѣ 50 человѣкъ подъ надзоромъ царева мужа, какъ сказано въ договорѣ Олега: „Да входить въ городъ однѣми вороты со царевыми мужемъ безъ оружья мужъ 50“ (Лаврентьевская лѣтопись 21). Аналогично съ этимъ уставъ запрещалъ впускать и

наго устава, въ которомъ въ числѣ прочихъ чиновниковъ для указанной цѣли названы чиновники въ чинѣ „архонта“. Тѣмъ не менѣе вполнѣ отвѣчаетъ тексту устава и выраженіе договора Олега „царевъ мужъ“ и „мужъ царства нашего“, т. е. греческаго, такъ какъ уставъ называетъ государственныхъ чиновниковъ разныхъ категорій. Только съ такими вожатыми русскіе послы могли проникнуть во дворцы, осматривать залы, дворцовые храмы и молельни, въ которыхъ имъ были показаны упоминаемая лѣтописью и Антониемъ Новгородскимъ святыни. Дворцы были доступны для приемовъ и осмотра лишь въ опредѣленное время дня. По истеченіи положенного срока по данному знаку народъ удаляли изъ залъ дворца, какъ обѣ этомъ опредѣленно говорить Ліутпрандъ. Съ другой стороны, въ самомъ уставѣ находимъ указанія, что дворецъ Магнавры отпирали съ ранняго утра лишь во время торжественныхъ приемовъ, требовавшихъ очень сложныхъ дѣйствій для ихъ подготовки. Что касается посѣщенія храмовъ, то сюда послы являлись съ чинами двора не только для облегченія осмотра, но и для занятія почетнаго мѣста во время богослуженія, какъ это видно изъ разсказа объ испытаніи русскими послами вѣръ. Антоній Новгородскій также присутствовалъ въ храмѣ св. Софіи 21 мая 1200 года съ посольствомъ Твердяты Остромирица.

Равнымъ образомъ, лѣтописецъ, перечисляя драгоцѣнныя вещи, которая видѣли во дворцахъ послы Олега, какъ-то: „злато много и паволоки и каменье драгое“, въ общихъ чертахъ рисуетъ вѣрную картину убранства дворцовыхъ залъ. Послы Олега видѣли не только золотые предметы, каковы троны, украшенные драгоцѣнными камнями, царскія кресла, иконы, узорчатыя завѣсы, но также и тѣ драгоцѣнныя одежды, ткани, вѣнцы, стеммы, издѣлія изъ золота, представлявшія собою церковные сосуды съ эмалью, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями (*срѣда үзимечтѣ. ბալթի, ბլոմարդի*¹), затѣмъ фигуры грифовъ, орловъ, всадниковъ, которые выносились изъ церковныхъ и дворцовыхъ ризницъ и развѣшивались и ставились въ палатахъ по случаю торжественныхъ приемовъ. Подробное описание украшеній разныхъ залъ этими предметами находится въ главахъ придворного устава, посвященныхъ приемамъ саракинскихъ и испанскихъ пословъ и во всемъ подобного имъ приема княгини Ольги. Перечень этихъ предметовъ находится также въ описяхъ разныхъ дворцовыхъ и городскихъ храмовъ, внесенныхъ въ тотъ же уставъ²). То же самое должно сказать и о дарахъ, полученныхъ послами Олега и Владимира: „злато много, паволокы и фофуды“ и вообще „дары многи“. Подарки золотыми вещами были обычны при византійскомъ дворѣ, какъ и золотыми деньгами. Характеръ денежнаго дара имѣли и деньги, которые были выданы саракинскимъ посламъ и ихъ свитѣ и всему посольству Ольги, какъ будетъ

персовъ большими толпами. Архонтъ Дара долженъ быль строго слѣдить за тѣмъ, чтобы они входили по частямъ. De cerim. I p. 399. *moris est palatum hoc it. e. Magnauram) post., matutinum diluculum omnibus patere, post tertiam vero diei horam dimissis omnibus dato signo quod est „Mis“ usque ad horam попам cunctis adytum prohibere. Hist. VI, c. 9.* См. у Reiske примѣчаніе къ слову: „μίσα:“ II, 600. Du Cange, Gloss. lat. См. это слово у Д. Ф. Бѣляева, *Bysantina* II, 6, 1, 148 сл.

¹⁾ De cerim. I p. 566, cap. 15.

²⁾ De cerim. I 570 и слѣд., 640—649—Также Х. М. Лопарева, Паломникъ Антонія Новгородскаго XV, IX и 18.

показано въ послѣдующемъ изложеніи на основаніи данныхъ устава и нашихъ лѣтописей. Эти деньги, дѣйствительно, преподносились въ видѣ дара, по существу же представляли условленную договорами плату. Слова „паволоки и фофуды“ показываютъ, что послы получили въ качествѣ даровъ и ткани изъ числа тѣхъ, которыми славился и торговалъ Царьградъ. По договору Игоря каждому русскому позволялось покупать поволокъ не болѣе чѣмъ на 50 золотниковъ¹⁾). Фофуды же упоминаются въ лѣтописи вторично подъ 1115 годомъ по поводу перенесенія свв. мощей Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь въ Вышгородѣ, освященную Владиміромъ Мономахомъ. Чтобы легче дойти до церкви, Владиміръ приказалъ бросать въ толпы сильно налегавшаго народа отрѣзанные куски паволокъ, фофудій²⁾ и пр. Епитрахиль, русскій фофудный упоминается въ описи имущества Аѳонского монастыря Ксилургу³⁾) 1143 г. Извѣстный Ліутпрандъ также получилъ дары тканями и хотѣлъ отправить ихъ на родину, но, по приказанію разгнѣваннаго императора они были у него отобраны назадъ.

Весьма любопытную черту лѣтописнаго разсказа о послахъ Владимира представляеть вторичный пріемъ ихъ императоромъ для отпуска домой и награжденія дарами. Подтвержденіе такому порядку вѣщей находимъ въ придворномъ уставѣ. Когда императоръ отпускалъ домой персидскихъ пословъ, то снова принималъ ихъ во дворцѣ, при чемъ по списку, заранѣе составленному и одобренному самимъ императоромъ, каждый изъ пословъ получалъ денежную плату⁴⁾). Такой порядокъ быль принятъ вообще по отношенію къ посламъ при ихъ отѣзданіи.

Всѣ данныя нашихъ лѣтописей, касающіяся пріемовъ пословъ Олега и Владимира при византійскомъ дворѣ, представляютъ, такимъ

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись подъ 945 годомъ.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, 276 (изд. 1872 г.). Патріаршая или Никоновская 149. По Ипатскому списку Лаврентьевской лѣтописи (изд. 1871 года) 202. П. Савватиовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и проч., СПБ. 1896, стр. 158 приводить лучшій варіантъ: „рѣжущіи“, „разметати“ относительно паволокъ и фофуды. Изъ житія св. Алексія Пар. Нац. Библіот. Дюканъ привель мѣсто, доказывающее существование фофудныхъ одѣждъ: *ρένδαν Βαβυλονικήν φοφουδοτήν καλὴν, γόνου χλαμύδα βαζιλείκην ρρυστήν.* Gloss. med. et inf. graecit. t. II, appendix¹⁶³. Слово „фофуды“ объясняетъ Савватиовъ еврейскимъ „ефодъ“ или „ефудъ“. 2 Цар. 6, 14 и 1 Парал. 15, 27. Возможно, что фофуды принадлежали къ числу вавилонскихъ тканей, выдѣлку которыхъ въ Балдахѣ (древнѣмъ Вавилонѣ) засталь еще Марко Поло въ XIII столѣтіи. „Путешествіе по Татаріи и другимъ странамъ Востока“. Спб. 1873, 23—3. Въ придворномъ уставѣ я встрѣтилъ только *χλαμύδα φοφουδάτα*, De cerim. 641, с. 41. Однако не знаю, можно ли сопоставить эти хламиды съ фофудьями.

³⁾ Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, 56; Русск. древности, VI, стр. 7.

⁴⁾ Въ этомъ спискѣ, говорить Рейске, было обозначено, сколько каждый изъ пословъ долженъ быль получить въ даръ и на дорогу *in munus et veluti viaticum*. Списокъ назывался *γυնαις*, а получаемое *ρόγα*. Подобные списки приведены въ уставѣ. Наиболѣе подробные изъ нихъ два списка денежныхъ суммъ, полученныхъ Ольгой и ея свитой, и болѣе краткій—суммъ, полученныхъ саракинскимъ послольствомъ. Объ отпускѣ пословъ (*επὰν δὲ θέλῃ ἀπολῦσαι αἰτοῦς...*) смотри: De cerim. I р. 397, II 390—3.

образомъ, значительное совпаденіе съ данными первоисточниковъ и показываютъ довольно близкое знакомство лѣтописцевъ съ обычаями придворной жизни въ Византіи.

Княгиня Ольга въ Царьградѣ.

Въ нашей начальной лѣтописи—о путешествіи княгини Ольги въ Царьградъ и о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ей императоромъ Константиномъ Порфиороднымъ, говорится съ прибавленіемъ легендарныхъ преданій. Мѣсто лѣтописи, относящееся сюда, гласить слѣдующее:

„Иде Ольга въ Греки и приде къ Царюгороду. Бѣ бо тогда царь Константина сынъ Леоновъ, и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смысленну, удивися царь разуму ея, бесѣдо-ва къ ней... и дастъ ей дары многи, златы и серебро, поволокы и съсу-ды различныя и отпусти ю¹⁾). Говоря о смерти св. Ольги, лѣтописецъ прибавляетъ, что она была похоронена по христіанскому обычаю, своимъ придворнымъ священникомъ: „бѣ бо имущи презвутеръ“. Эти краткія свѣдѣнія о пріемѣ св. Ольги во дворцахъ византійскихъ владыкъ уже давно сопоставляются историками съ подробнымъ описаніемъ двухъ пріемовъ Ольги и ея свиты, занесеннымъ въ уставъ обрядовъ византійского двора Константина Порфиороднаго. Однако, нельзѧ сказать, чтобы до сихъ поръ описаніе это понималось вѣрно и объяснялось надлежащимъ образомъ. Картина пріемовъ рисуется неполно, противорѣчива и блѣдно. Смысль пріемовъ, ихъ послѣдовательность остались, до сихъ поръ непонятными. Въ частностяхъ оказываются такие недосмотры, какъ, напримѣръ, „комнаты“ вмѣсто торжественныхъ и парадныхъ залъ; вмѣсто точнаго названія залъ—„пріемная палата“; „рѣшетки“ мѣсто „завѣсь“. Особенно много значенія было придано тому факту, что св. Ольга, появившись предъ императрицею въ палатѣ Юсти-ниана, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, „лишь слегка наклонила голову“, а не поклонилась до земли или не пала ницъ. Ей приданъ былъ по этому поводу эпитетъ „гордой“, а затѣмъ изъ этого было выведено дальнѣйшее заключеніе, что Ольга должна была „выгораживать“ свое достоинство, попранное гордыми византійскими императорами, и выступила съ рѣзкимъ нарушеніемъ требуемыхъ ими унизительныхъ дѣйствій. Съ другой стороны, униженіе достоинства Ольги видѣли въ томъ, что она стояла передъ императоромъ. На самомъ дѣлѣ оказывается обратное, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ истинный смыслъ этихъ особенностей пріемовъ. Правила пріемовъ и этикета придворного устава даютъ возможность нарисовать величественную, почти волшебную картину пребыванія Ольги во дворцахъ византійскихъ императоровъ и освѣтить ярко одну изъ сторонъ культурныхъ сношеній древней Руси и Византіи. Древне-русскій бытъ и искусство получаютъ свое объясненіе съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно, отъ точнаго пониманія данныхъ устава Константина Порфиороднаго.

День и часъ пріему назначались самимъ императоромъ по извѣстному ритуалу и въ извѣстныхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ это слѣдуетъ изъ главъ, посвященныхъ пребыванію иностранныхъ пословъ

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись подъ 955 годомъ, стран. 59—60.

въ Константинополь (стр. 408 слѣд.). Посолъ долженъ быть приготовленъ къ пріему, т. е. долженъ быть проникнуться правилами придворного этикета.

Дворці византійскихъ императоровъ жили своей сложной, размѣренной по днямъ и часамъ жизнью. Мы видимъ, поэтому, что и пріемъ Ольги былъ назначенъ на 9 сентября въ 4 часа по тогдашнему исчислению.

Описаніе пріемовъ княгини Ольги при дворѣ Константина и Романа, какъ примѣрное, помѣщено вслѣдъ за описаніемъ пріемовъ саракинскихъ пословъ и, поэтому, носить заглавіе: „Другой пріемъ Елги Русыни (éterá δοχή τῆς ἔλγας τῆς Ρωσένης),¹⁾ т. е. другой при мѣрный пріемъ.

По характеру изложенія и по своему содержанію этотъ отрывокъ II книги 15 главы тѣсно связанъ съ предыдущими отрывками, въ которыхъ излагаются обряды, совершившіеся при пріемахъ саракинскихъ и испанскихъ пословъ, и съ отдѣльнымъ параграфомъ общаго характера, въ которомъ излагаются общія правила и наставленія, исполнявшіяся при пріемахъ иностранцевъ вообще. Эта связь явствуетъ изъ того, что составитель описанія подробнѣ и точно описываетъ лишь тѣ особенности пріемовъ княгини Ольги, которыя разнятся чѣмъ либо отъ особенностей или общихъ правилъ предыдущихъ пріемовъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится повторить ранѣе описаныя дѣйствія пріема, онъ опускаетъ ихъ, дѣля замѣчаніе, что „все слѣдующее за сказаннымъ происходило такъ, какъ во время ранѣе изложенныхъ пріемовъ“.

Отрывокъ, посвященный описанію пріемовъ Ольги, начинается слѣдующими словами: „Въ мѣсяцѣ Сентябрѣ, въ 9 день, въ четвертомъ часу происходилъ пріемъ по поводу прѣзда Елги княгини Россіи (ἀρχούτισσῆς Ρωσίας), въ всемъ подобный предыдущему²⁾). Княгиня вошла сама въ сопровожденіи родственницъ своихъ также княгинь, почетныхъ дамъ и служанокъ. Она шла впереди всѣхъ женщинъ, которыя шли за ней одна за другой по рангу и остановились на томъ мѣстѣ, где логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. Вслѣдъ за ней вошли послы русскихъ князей и купцы (πραγμάτευται) и стали позади у завѣсы (ἐις τὰ βῆλα). Слѣдующее затѣмъ произошло обычно, какъ и въ вышеизложенномъ пріемѣ“.

Такимъ образомъ, описаніе вводитъ насъ прямо въ самыя дѣйствія, происходившія въ началѣ пріема, не называя ни зала, въ которомъ происходилъ пріемъ, ни императорскихъ особъ, предъ которыми явилась княгиня Ольга со своею свитою. Всѣ эти данные подробнѣ объясняются въ предыдущихъ описаніяхъ и особенно въ общей главѣ,

¹⁾ Я перевожу слово — ‘Ρωσένης — Русыни по аналогии съ такими речевыми лѣтописи, какъ „грекиня“, „чехыня“. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической Комиссіи. 78: Имя Ольги передается посредствомъ Олга, Волга, что можетъ отвѣтствовать греческому „Елга“ и Оулга. Ср. Н. П. Кондаковъ, Русские клады, рисунокъ изъ рукописи Скилицы Куропалата съ надписью „Οὐλγα“. Также Никоновская лѣтопись, издание Археографической Комиссіи, стр. 16 и 18.

²⁾ κατὰ πάντα ὄμοία τῆς πορρόθεσης δοχῆ σр. 595.

носящей названіе: „Что должно соблюдать, когда пріемъ происходит въ большомъ залѣ Магнавры, когда цари сидять на тронѣ Соломона“¹⁾.

Въ описаніяхъ пріемовъ саракинскихъ пословъ, въ пріемѣ Делемика Амира Эмета и тарсійскихъ пословъ (р. 569), предшествующихъ описанію пріемовъ Ольги, мы каждый разъ встрѣчаемъ ссылки на этотъ общій обрядъ, и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обрядъ прерывается и въ описаніи пріема нашей княгини Ольги, именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. Какъ пріемы саракинскихъ пословъ, такъ и испанскихъ, происходили въ большомъ залѣ или триклиниѣ Магнавры, а общій обрядъ, какъ гласить заглавіе, заключаетъ правила пріемовъ, именно, въ Магнагрѣ. Поэтому ясно, что и пріемъ св. Ольги происходилъ въ томъ же, наиболѣе роскошномъ изъ всѣхъ, торжественномъ залѣ, въ Магнагрѣ. Этотъ залъ не упомянутъ потому, что мѣсто дѣйствія точно обозначено ранѣе. Это обстоятельство имѣть особенную важность и стоить въ связи съ другими данными церемоній византійского двора, при которомъ характеръ пріемовъ и ихъ пышность зависѣла отъ ранга и чина принимаемаго лица. Дѣйствительно, княгиня Ольга нигдѣ не называется „посломъ“ (*πρέσβυτος. πλος. ἐντύκος*) „другомъ“, или „чужестранкой“, какъ назывались вообще саракинские, испанские или славянские послы, а „архонтиссой“ словомъ, хорошо передаваемымъ русскимъ титуломъ „княгиня“. Но кромѣ этого княгиня Ольга имѣла еще и другой титулъ, который не употребленъ ни разу въ текстѣ описанія, но выставленъ въ оглавлении ко второй книгѣ, гдѣ при этомъ ясно и точно указано, что она была принята въ Магнагрѣ по общему обряду. Пріемъ Ольги здѣсь упомянутъ послѣ пріема Делемика Амира въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Такъ-же, какъ произошелъ пріемъ *γεγεμον* и *αρχοντισσы* Руссовъ Елги (*ἔτι τοῖς ὑγεμόνοις καὶ τοῖς ἀρχοντισσαῖς Ελγας τῷ Ρῶς ὅποιως ταῦτα πάντα ἐτελέσθη*, р. 511). Такимъ образомъ, при византійскомъ дворѣ Ольга была принята какъ „гегемонъ“ и „архонтисса“, что соотвѣтствуетъ нашему понятію „великой княгини“.

Такія лица, какъ явствуетъ изъ прямого указанія продолжателя хроники Феофана, обыкновенно принимаемы были въ Магнагрѣ: „обычай принимать въ Магнагрѣ“, говоритъ онъ, „существуетъ у царей ромейскихъ, когда они хотятъ принять кого либо изъ знаменитыхъ и великихъ людей по гегемоніи“²⁾. Такъ „блестяще и съ честью“ была принята знатная матрона Данелисъ изъ Пелопонеса при дворѣ Василия Македонянинна, такъ была принята и наша княгиня Ольга при дворѣ Константина Багрянороднаго.

¹⁾ οὐα δεῖ παραφυλάττειν δοχῆς γένομένης ἐν τῷ μεγάλῳ τρικλίνῳ τῆς Μαγναύρας, τῷ δεσποτῶν καθεζομένων ἐπὶ τῷ Σολομοντείου θρόνου. Ibid. p. 510 - 66

²⁾ δοχῆς δε γενομένης ἐν τῇ Μαγναύρᾳ, καθώς ἔστιν ἔνος τοῖς βασιλεῦσι: Ρωμαίοις ποιεῖν, ὅταν τινὰ τῶν ἐργαμονίας ἔηνοις τινὲς περιφανῶν καὶ μεγάλων εἰσέχεσθαι μέλλωσιν, εἰσήλθη καὶ αὐτὴ πρὸς βασιλέα ἐντίμως τε καὶ λαμπρῶς (τ. ε. ἡ ἐκ Πελοποννήσου γυνὴ Δαυηλίς). Theoph. contin. ed. Bonnæ p. 317-18.

Триклиний Магнавры представлялъ величественный тронный залъ. Онъ былъ построенъ еще Константиномъ Великимъ и роскошно имъ украшены. Въ глубинѣ зала, внутри глубокой ниши, помѣщался великолѣпный, съ хитрымъ механизмомъ царскій парадный тронъ. Онъ стоялъ на возвышенной эстрадѣ, на которую цари входили по нѣсколькоимъ ступенямъ изъ зеленаго мрамора. Четыре колонны, двѣ справа, двѣ слѣва, отдѣляли тронное помѣщеніе отъ боковыхъ. Между колоннъ висѣли драгоцѣнныя завѣсы. Справа отъ трона находилось помѣщеніе, въ которомъ императоръ снималъ одежды, присвоенные его ежедневнымъ выходамъ и приемамъ государственныхъ чиновъ, и надѣвалъ облаченія своего императорскаго сана, прежде чѣмъ взойти на тронъ. Эти одежды „хламиды и стеммы“—лежали на отдѣльныхъ креслахъ. Во время приема саракинскихъ пословъ императоръ надѣлъ восьмиугольную хламиду и большую бѣлую стемму (*βετάγμου γλυπτον καὶ τὸ μέγα λευκὸν στέμμα.* р. 583), изъ чего слѣдуетъ, что въ этой одеждѣ онъ принималъ и нашу княгиню Ольгу. Когда императоръ садился на тронъ, тогда по очереди отдѣльными группами вводились чины двора, имперіи, и размѣщались по сторонамъ трона на опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ это описано въ главѣ о приемахъ пословъ вообще и саракинскихъ въ частности. Всльдъ за тѣмъ, по мановенію золотого жезла церемоніарія, завѣса главнаго входа отдергивалась, и вводились послы. Чины двора „катепанъ“ и „комитъ ставла“ вводили ихъ подъ руки, въ надлежащихъ мѣстахъ указывая имъ, гдѣ надо кланяться и падать ницъ. Для поясненія того, что послы должны были являться поддерживаемые двумя чинами, въ уставѣ употреблено выраженіе „*ἐπιτηχίς... χρήστοι μενος*“). Это выраженіе прекрасно объясняется Люитпрандомъ, который явился въ залъ Магнавры и направился къ трону, падая ницъ, гдѣ нужно, ведомый двумя евнухами, на плечи которыхъ онъ опирался¹⁾). Всльдъ за посломъ входила свита его и размѣщалась позади, у завѣсы. Посолъ, вошедший въ кругъ чиновъ, стоявшихъ по сторонамъ трона, падалъ ницъ при звукахъ духовыхъ органовъ, затѣмъ поднимался, и при звукахъ ударныхъ органовъ, становился на указанное ранѣе мѣсто, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы черезъ переводчика. Сравнивая этотъ обрядъ приема пословъ въ Магнаврѣ до того момента, когда они становятся передъ трономъ для разговоровъ, съ описаніемъ появленія Ольги передъ императоромъ, должно указать на значительную разницу. По отношенію къ княгинѣ Ольгѣ не употреблено выраженіе, изъ которого бы слѣдовало, что ее вели подъ руки, наоборотъ, отмѣчено, что она не имѣла такихъ пособниковъ. Княгиня Ольга идетъ къ трону *одна*, безъ поддержки чиновъ, ибо сказано, что

¹⁾ Cp. De cerim. II cap. 15 p. 568, 13. Luitprandi Historia VI. Migratori Reum Ital. script II p. 469—70. Рейске передаетъ „*χρήστοι μενος*“ посредствомъ „ex brachio tenent“, очевидно, основываясь на словахъ Люитпранда. Въ указ. мѣсть: *In haec igitur duorum eunuchorum humeris incubens ante imperatoris presentiam sum deductus.* См. также Рейске De cerim. 11, 638 — παραχρήστοι μενος. Так же „*γρῦπτα σχῆπτρα ὑπὸ των κανθάρατων χρήστοι μενος*“.

она вошла (*εἰσῆλθεν*), а не была введена (*εἰσήγειτο*), не падает ницъ¹⁾, а останавливается тогда, когда приходить къ мѣсту, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. По смыслу общаго обряда ея шествіе должно было сопровождаться звуками указанныхъ органовъ. Чтобы знать, что произошло вслѣдъ за тѣмъ, какъ Ольга стала, и послѣ того какъ вошла и размѣстилась въ залѣ ея многочисленная свита, необходимо обратиться къ образцамъ тѣхъ привѣтственныхъ рѣчей, которыми обмѣнивались въ такихъ случаяхъ императоръ и послы и которыхъ занесены въ 47 главу второй книги. Здѣсь приведены образцы привѣтствія пословъ римскихъ, болгарскихъ, пословъ изъ Амира и Тарса, Египта, Персии, Хорасана и отвѣты царей черезъ логофета, но отсутствуетъ привѣтствіе княгини Ольги и отвѣтъ ей царя Константина Багрянородного. Эти всѣ привѣтствія носятъ совершенно официальный характеръ и состоятъ изъ величанія титулами, благопожеланій, вопросовъ о здоровьи правящихъ особъ, ихъ дѣтей и родни. Общий характеръ и смыслъ этихъ привѣтствій, вопросовъ и отвѣтовъ какъ нельзя болѣе удачно характеризуется часто употребляемымъ въ уставѣ выражениемъ „обычные вопросы“ (*συνήθεις ἐρωτήσεις*). Изъ этого видно, что въ моментъ представленія пословъ не имѣли мѣста переговоры политического характера, или переговоры о цѣли посольства. Люйтпрандъ также весьма опредѣленно говоритъ, что, представившись царю, онъ ничего не говорилъ ни о себѣ, ни о чемъ другомъ, а лишь о здоровьи Беренгара и о его роднѣ черезъ логофета²⁾, такъ какъ говорить о чемъ либо другомъ было неприлично. Вопросы, которые предлагалъ логофетъ Ольгѣ черезъ переводчика, также названы „обычными“, вслѣдствіе чего надо думать, что и ея разговоры съ царемъ въ моментъ представленія вращались около тѣхъ же самыхъ темъ, какія составляютъ предметъ привѣтствій, вопросовъ и отвѣтовъ царя и пословъ въ 47 главѣ II книги устава³⁾.

Въ то время, когда логофетъ оканчивалъ свои вопросы, начинался новый актъ пріема, состоявшій въ занимательномъ зрелищѣ, которое давалось принимаемому лицу и его свитѣ. Въ этомъ зрелищѣ виднѣйшую роль игралъ тронъ, на которомъ сидѣлъ императоръ. Этотъ тронъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Въ уставѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ⁴⁾ трона Соломона, такъ какъ сдѣланъ былъ на подобіе трона *иудейскаго* царя. Онъ былъ соруженъ изъ чистаго золота и усыпанъ драгоценными каменьями. На разныхъ частяхъ сѣдалища трона сидѣли золотыя птицы, которая въ

¹⁾ Папарригоупло полагаетъ, что Ольга лишь поклонилась императору. Онъ распространяетъ на весь обрядъ сказанное въ уставѣ относительно ея поклона передъ обѣдомъ.

²⁾ „Per se autem tunc nihil locutus: quoniam et si vellet; et intercapedo maxima indecorum faceret, de vita Berengarii, et sospitate per logothetam est percontatus“. Historia, VI, Muratori. r. Itall. script p. 470.

³⁾ Это подтверждается и пріемомъ саракинскихъ пословъ, произшедшемъ передъ пріемомъ Эмета Делемика Амира. Саракинскіе послы были приняты Константиномъ въ Магнаврѣ, но не на тронѣ Соломона, а на двухъ золотыхъ креслахъ, и въ такомъ пріемѣ уже изложили свое дѣло.

⁴⁾ Лабартъ упоминаетъ передъ трономъ большой и высокій крестъ. но ссылки, которая онъ приводить (De cerim. 56 . 569, 595) или совсѣмъ не указываютъ на крестъ, или же относятся къ кресту на площади передъ Халки. De cerim. (57). Labarte, Palais imperiale de Constantinople, 85.

надлежащихъ случаяхъ вдругъ начинали гармонично пѣть. Изъ описания дѣйствій съ трономъ, въ общей главѣ о приемѣ иностранцевъ, должно заключить, что по общимъ сторонамъ ступенекъ трона находились фигуры различныхъ животныхъ (*τὰ ζῷα*), которыя могли подниматься на своихъ мѣстахъ и становиться на лапы. Тронъ былъ украшенъ фигурами львовъ, которые могли рычать такъ же громко, какъ и цари пустыни (*βρογχάσι*). Въ уставѣ не упоминается число львовъ. Продолжатель Феофана и вслѣдъ за нимъ Симеонъ Магистръ говорятъ о двухъ золотыхъ львахъ. Какимъ образомъ они были приспособлены для украшения трона, не явствуетъ изъ известныхъ источниковъ. Рейске вспоминаетъ о львиныхъ ножкахъ трона на консультскихъ диптихахъ (11, 644—5). Подножие трона было золотое, эстрада въ коврахъ. Близъ трона находились два (?) дерева изъ чистаго золота, на вѣтвяхъ которыхъ сидѣли различные птицы, также сдѣланныя изъ золота, и пѣвшія въ надлежащихъ случаяхъ каждая особеннымъ голосомъ. Близъ трона, за завѣсой и вѣнцемъ ея, стояли органы: одинъ золотой, украшенный эмалью и драгоценными камнями (Прасиновъ), другой тоже золотой (Венетовъ), третій серебряный. Люитпрандъ говоритъ, что дерево (мѣдное, позолоченное) стояло впереди трона предъ глазами императора. Изъ его словъ нельзя, однако, представить себѣ, въ какомъ отношеніи находились къ трону львы, числа которыхъ онъ также не упоминаетъ, а говоритъ, что они какъ бы стерегли сѣдилище, которое было огромной величины¹⁾. Дерево представляло собою платанъ²⁾, Левъ Грамматикъ, равно какъ и Абульфеда говорятъ также объ одномъ деревѣ. Продолжатель Феофана и Симеонъ Магистръ говорятъ, что императоръ Михаилъ уничтожилъ дерево, именно, платанъ³⁾.

Въ уставѣ упоминаются „деревья“, но число ихъ, какъ и число львовъ не указывается (I, 569).

Всѣ эти диковинки искусства и механики были устроены императоромъ Феофиломъ при участіи ювелира, механика и ученаго — Льва. Они, на ряду съ различными статуями, машинами, греческимъ огнемъ и другими чудесами Константинополя слыши у насъ на Руси подъ именемъ „хитростей“ Царьграда. Въ Патріаршіи или Никоновой лѣтописи упоминаются нѣкоторыя изъ этихъ хитростей на основаніи византійскихъ источниковъ, упомянутыхъ ранѣе, продолжателемъ Феофана и Симеона Магистра: „Царь же Михаилъ вся сокровища истощи съ игрецомъ своимъ, не токмо грипсоси (*δύο γρύπας*) дастъ на разореніе златыя, но доброкованную злагую тополу, сирѣчь дерево, на немъ же сидяху многоразличныя птицы златыя и пѣсни возглашаху, яко отъ жи-

¹⁾ Historia, VI, Migatorii Rer. Ital. script. II, 469.

²⁾ Другія извѣстія о тронѣ, деревѣ, поющіхъ птицахъ указаны у Рейске въ примѣчаніяхъ 11, 641—4.

³⁾ „δένδρον γρυποῦ ἐν τῷ στρογῷ ἐψεύδεσθαι διὰ μεγάλης μουσικῆς ἐπιλάδουν“ Patr. gr t. 109, 688. Абульфеда такъ описываетъ это дерево: erat aurea partim et partim quoque argentea arbo in octadecim ramos majores deducta, per quos et reliquos minores aves diversae formae sedebant, aureae et argenteae. Folia pariter hujus arboris ita utroque erant facta ut rami machinis acti librati certa lege mitabant, sic etiam aves demensis quoque inditis arte organica modulis pipulabant. Рейске. Ibid. II, p. 64, 34.

ва языка, слышащимъ ихъ удивленіе творяху, чудящимся новой хитрости оной¹⁾).

Среди извѣстныхъ до сихъ поръ памятниковъ византійского искусства ни одинъ не изображаетъ намъ трона Соломонова, о которомъ говорять византійскіе источники.

Замѣчательное изображеніе трона Соломона въ Библіи св. Павла внѣ стѣнъ Рима, представляющее этотъ тронъ въ три этажа, усыпанный драгоцѣнными каменьями, не имѣть ни птицъ, ни львовъ, ни звѣрей²⁾). Единственный извѣстный мнѣ пока образецъ изображенія трона Соломона, навѣяннаго, внѣ всякаго сомнѣнія, знаменитымъ трономъ зала Мангавры, находится въ одной латинской рукописи XIV вѣка (Bibl. Casanatensis P. D. 1. 15 Cod. 1404). Рукопись называется „Optimum virtutum et vitiorum delineatio“. На листѣ 11 находится миниатюра съ надписью: Tropus Salomonis. Этотъ тронъ стоитъ на высокой эстрадѣ съ пятью ступеньками зеленаго цвѣта, что сходится съ извѣстіемъ о высокой эстрадѣ и ступенькахъ изъ зеленаго мрамора трона Соломона въ залѣ Магнавры. Ступеньки идутъ вверхъ пирамидой. На каждой изъ нихъ по обѣ стороны сидѣть звѣри на заднихъ лапахъ. Справа и слѣва отъ трона стоятъ два льва, обращенныхъ головами къ трону. Пасты ихъ открыты, что должно означать ихъ ревъ. Тронъ, стоящій на эстрадѣ, не имѣть ножекъ. Низъ его сплошной. Полоска раздѣляетъ его на двѣ части. Подъ полоской идутъ аркады. Широкое сѣдалище безъ перилъ и безъ подушки. Стѣнка кресла представляетъ родъ высокой и широкой арки. На тронѣ сидѣтъ Соломонъ, поднимая руку и показывая пальцевъ вверхъ. У подножія ступенекъ стоитъ на колѣньяхъ человѣкъ, держащий птицу (орла или сокола). Животныя, сидящія по сторонамъ ступенекъ, львы, птица въ рукахъ человѣка, окрашены также въ зеленый цвѣтъ. Фонъ миниатюры украшенъ точками, образующими крестики или звѣзды.

Чтобы покончить съ трономъ Соломона, остается упомянуть еще объ извѣстіи Люйтранда, который говоритъ, что тронъ весь могъ подниматься почти до потолка съ сидящимъ на немъ императоромъ³⁾). Въ уставѣ церемоній на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній. Люйтрандъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета и очень удивился. Оч-

¹⁾ Патріарш. или Ник. Лѣтопись. Издан. Археогр. Коммисс. Спб. 1862. 10. Вотъ текстъ продолжателя Феофана съ легкими измѣненіями, передаваемый Симеономъ Магистромъ: τὴν τε χριστὴν ἐκείνην καὶ πολυπλόκον πλάτανον καὶ τοῦ δύο χριστῶν ἀέρας, πρὸς δὲ καὶ τοῦ δύο χρυπᾶς, ὑλοχριστὸν ὄργανον, ἀλλὰ καὶ ἔτερα ἕργα βασιλικῆς ἐκτέσεως. ὅλητην ἔχουτα τον ἀλαζούνον οὐκ ἔλαττον κεντυραρίου. χρυσέστερος χαράδραι δέδομεν εὐ τῷ βασιλικῷ ταρσίῳ. Theoph. cont. ed. Вѣннѣ р. 173, 6 и 659, 17.

²⁾ Тронъ Соломона въ Библіи св. Павла внѣ стѣнъ Рима, чрезвычайно высокий, съ эстрадой, состоящей изъ нѣсколькихъ этажей, украшенный драгоцѣнными камнями, соотвѣтствуетъ скорѣѣ „кувуклю“ Консисторіи, такъ какъ имѣть киворий и лишень звѣрей и птицъ. Царскій тронъ съ четырьмя головами птицъ изображенъ въ рукописи Парижской Национальной Библ. № 510. Л. 239. У варовъ. Византійскій Альбомъ.

³⁾ In primis vero solium hujusmodi arte erat compositum ut in momento humile. excelsius modo quam mox videretur sublime; tertio itaque Imperatorem pronus adorans, caput sustuli et quem prius moderata mensura a terra elevatum sedera vidi, mox aliis indutum vestibus penes domus laquear sedere prospexi. Ibid. p. 469—70.

видно, что звуки органовъ, пѣніе птицъ, ревъ львовъ, движенія животныхъ и самаго трона имѣли цѣлью не только поразить воображеніе иностранца варвара, но и устрашить его. Люитпрандъ оставилъ относительно этого пункта свидѣтельство, изъ котораго явствуетъ, что людямъ, не знакомымъ со всѣмъ происходившимъ во время пріемовъ, многое казалось страшнымъ. Онъ нашелъ нужнымъ заявить, что не испыталъ этого страха: „Когда при появлѣніи моемъ въ залѣ львы испустили рыканіе, а птицы стали пѣть различными голосами, сообразно породѣ каждой, я не испыталъ никакого страха, никакого удивленія, такъ какъ обо всемъ этомъ былъ освѣдомленъ тѣми, которые хорошо это знаютъ“¹⁾). Не смотря на то, что въ приведенномъ ранѣе заголовкѣ къ общей главѣ говорится о „царяхъ“, сидящихъ на тронѣ Соломона, подъ которыми надо подразумѣвать Константина Багрянороднаго и его сына Романа, тѣмъ не менѣе изъ описанія пріемовъ саракинскихъ пословъ и княгини Ольги видно, что принималъ пословъ и княгиню Ольгу въ Магнаврѣ одинъ Константинъ Порфиородный. Уставъ очень точенъ на этотъ счетъ и всегда указываетъ, гдѣ принималъ и гдѣ сидѣлъ императоръ. Такъ, во второмъ пріемѣ саракинскихъ пословъ, когда они были приняты не въ Магнаврѣ, а въ Хризотриклии, присутствовалъ уже и Романъ, сидя на тронѣ царя Аркадія, а Константинъ Багрянородный сидѣлъ на тронѣ Константина Великаго. Изъ описанія пріема Ольги видно, что съ трона встаетъ и выходитъ обычнымъ порядкомъ одинъ царь, а не цари (тѣсъ *ρας λέων*; *κατὰ τὸν εἰσιθεῖται κάτιον εἰσελθεῖται* *ἐν τῷ παλατῳ*²⁾). Это указаніе является рѣшающимъ. Несомнѣнно, княгиня Ольга была принята однимъ Константиномъ Багрянороднымъ, съ чѣмъ согласно извѣстіе нашей лѣтописи и нѣкоторыя другія данныя. Такъ на миниатюрѣ рукописи Иоанна Скилицы Курополата св. Ольга изображена стоящей предъ однимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ. Объ этой миниатюрѣ будеть еще рѣчь впереди. Не менѣе важнымъ является и указаніе, что пріемъ Ольги былъ „во всемъ подобенъ предыдущему“, т. е. пріему саракинскихъ пословъ. Лѣтопись вполнѣ согласна съ этимъ даннымъ Придворнаго Устава, такъ какъ Ольга, согласно лѣтописи, была принята однимъ Константиномъ въ палатѣ Магнаврѣ, т. е. съ особой честью.

Этими данными дополняются наши свѣдѣнія относительно обстановки, среди которой очутилась княгиня Ольга, вошедши въ залъ Магнавры со своею свитою. Приведенное ранѣе выраженіе устава о томъ, что... „слѣдующее затѣмъ“ произошло обычно, какъ въ вышеизложенномъ пріемѣ“, можетъ быть легко восстановлено текстомъ общей главы.

„Когда логоѳетъ предлагаетъ свои обычные вопросы“, сказано здѣсь, „то львы начинаютъ рычать, птицы, какъ на сѣдалищѣ трона (*ἐν τῷ σεύτῳ*³⁾, такъ и на деревьяхъ начинаютъ гармонично пѣть, а звѣри, находящіеся на тронѣ (*ἐν τῷ θρόνῳ*), подниматься на своихъ подножіяхъ (*ἀπὸ οἴδιου ψαλιδίου*“ и „*ψαλιδίου*“⁴⁾). Въ то время, когда

¹⁾ Cumque in adventu meo leones rugitum emitterunt, aves secundum species suas perstrepent. nullo sum terrore, nulla admiratione commotus, quoniam quidem ex his omnibus eos qui bene poverant fuerat percontatus. Ibid. II. 469—470.

²⁾ Любопытно различие, дѣлаемое между „*σέυτῳ*“ и „*θρόνῳ*“, показывающее, что птицы находились въ верхней части трона, а звѣри на нижней части.

все это происходит, вносятся дары (*χαμάσιον*) протонотаремъ дрома, спустя немного начинаютъ играть органы, а львы успокаиваются, птицы перестаютъ пѣть, и звѣри садятся на свои мѣста. Когда же осмотрѣть дары, то чужестранецъ по знаку, данному логоѳетомъ, кланяется и удаляется, и въ то время, когда онъ слѣдуетъ къ выходу, его шествіе сопровождается звуками органовъ, ревомъ львовъ и пѣнiemъ птицъ, поющихъ каждая сообразно своей породѣ, а всѣ звѣри снова поднимаются на своихъ ступенькахъ. Когда же чужестранецъ прослѣдуетъ за завѣсу, то органы перестаютъ играть, птицы пѣть, а звѣри садятся на своихъ мѣстахъ¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ Устава видно, что княгиня Ольга, представившись царю, послѣ взаимныхъ привѣтствій, послѣ устроенного ей зрелища и выноса на показъ ея даровъ, которые она привезла съ собою, должна была прослѣдовать обратно изъ зала Магнавры съ поклономъ при звукахъ органовъ, ревѣ львовъ, и проч. Куда она прослѣдовала, и что затѣмъ совершилось, вполнѣ обстоятельно разъясняетъ дальнѣйшее описание пріема Ольги, которое мы прервали, чтобы объяснить смыслъ ссылки на предыдущіе обряды. Значеніе этой ссылки до сихъ поръ никѣмъ не было принято въ соображеніе, вслѣдствіе чего въ изложеніи ихъ не только потерялся смыслъ пріема княгини Ольги въ Магнаврѣ, но и нарушилась полнота его.

II.

„Вышедши же опять черезъ самый Анадендрадій“, продолжаетъ составитель устава, „княгиня прослѣдовала черезъ Анадендрадій, залъ Кандидатовъ и залъ, въ которомъ стоитъ камелавкій и происходятъ производства въ чинъ магистра, прошла черезъ Оноподъ въ Золотую Руку, или вестибуль (портикъ)²⁾ Августея, и здѣсь сѣла. Послѣ того, какъ царь обычнымъ порядкомъ возвратился во внутренніе покой (*εὐτῷ παλατῳ*), произошелъ другой (второй) пріемъ (у императрицы) слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана стояла эстрада (*πούλπιτον*), покрытая шелковыми пурпурными тканями. На этой эстрадѣ стоялъ большой тронъ царя Феофила, а сбоку—золотое царское кресло. Два серебряныхъ органа двухъ партій ипподрома стояли ниже за завѣсами, а духовые органы стояли передъ завѣсами. Княгиня (Ольга) прослѣдовала изъ Августея черезъ Апсиду и внутренніе портики ипподрома, прилежащаго къ Августею, и сѣла въ Скилѣ. (Между тѣмъ) императри-
Ср. тронъ въ рукоп. Григ. Наз. Парижская Нац. Библ. № 510, съ четырьмя головами птицъ на стѣнкѣ трона. Подъ словомъ „Задушу“ можно подразумѣвать и ступеньки трона, и базы, на которыхъ стояли фигуры животныхъ.

¹⁾ De cerim. 1, 586—9. 1-го января на св. Василія въ Магнаврѣ происходили церемоніи пріемовъ архонта Тара и болгарскихъ пословъ, повторявшіеся ежегодно. Во время этихъ пріемовъ царь, однако, сидѣлъ не на тронѣ Соломона, а на особымъ тронѣ, приготовленномъ посреди зала Магнавры. De cerim. 1. 136—9.

²⁾ И здѣсь, какъ и ранѣе, слова, заключенные въ скобки, обозначаютъ опущенная для краткости выраженія самаго текста, или же подлиннѣя выраженія текста.

ца возсѣла на указанномъ тронѣ, а ея невѣстка заняла мѣсто на креслѣ; введенъ былъ весь кувуклій, а препозитъ и остіарій ввели по порядку чиновъ свиты (императрицы). Первая вошли Зосты, вторая *Магистриссы*, третья *Патрикіи*, четвертая — *Оффіциаліи*, пятая — *Протоспатариссы*, 6 остальная *Протоспатариссы*, 7-я *Спатариссы*. Вслѣдъ затѣмъ препозитъ и два остіарія предоставили войти (въ залъ) княгинѣ. Она шла, какъ и ранѣе, впереди, въ сопровожденіи своихъ родственницъ княгинь и наиболѣе важныхъ прислужницъ. Тогда произошелъ разговоръ отъ имени императрицы, при чемъ вопросы предлагалъ препозитъ, (по окончаніи котораго) княгиня прослѣдовала обратно изъ зала и сѣла въ Скилѣ. Царица, вставши съ трона, удалилась черезъ Лавзіакъ въ Кенургій, а оттуда въ свою опочивальню. Княгиня (Ольга), равнымъ образомъ, со своими родственницами княгинями и прислужницами, пройдя черезъ Лавзіакъ, Трипетонъ, также вошла въ Кенургій и тамъ отдохнула (*ἀνεπάγετο*, сѣла отдыхать). Послѣ этого царь (вошедши въ покой царицы), сѣлъ вмѣстѣ съ царицей и багрянородными дѣтьми. Сюда приглашена была княгиня Ольга, которая, сѣвшіи по приглашенію (зову) царя, бесѣдовала съ нимъ, о чемъ желала (*ἐλάλησεν*, *ἵσα ἐβιόλετο*).

Приведенное мѣсто представляетъ описание торжественного приема княгини Ольги царицей въ залѣ Юстиніана Ринотмета, а затѣмъ болѣе интимнаго приема въ средѣ царской фамиліи семьи во внутреннихъ царскихъ покояхъ.

Залъ Юстиніана въ уставѣ часто называется „прекраснѣйшимъ“, „самымъ блестящимъ“, а продолжатель Феофана называетъ его „удивительнымъ“¹⁾). Императоръ Феофиль украсилъ этотъ залъ золотой мозаикой²⁾). Мраморный полъ его имѣлъ порфировый кругъ, на который становился императоръ. Этотъ кругъ назывался „омфаляй“. По продольной оси пола находилось еще нѣсколько другихъ такихъ-же плитъ, на которыхъ становились чины двора³⁾). Содержаніе мозаикъ зала Юстиніана осталось неизвѣстнымъ. Нѣть никакикъ данныхъ также для того, чтобы возоздать картину приема Ольги во внутреннихъ покояхъ царицы⁴⁾), также точно данныя не изобилуютъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ залъ, по которымъ должна была прослѣдовать княгиня Ольга и въ которыхъ она ждала и отдыхала. Изъ послѣдовательности, въ которой упоминаются Анадендрадій, залъ Кандидатовъ, Оноподъ, Августей, Скила, какъ въ приведенномъ отрывкѣ, такъ и въ описаніи приемовъ саракинскихъ пословъ и во многихъ другихъ мѣстахъ устава, можно только судить о ихъ смежности. Извѣстно также, что залъ Кандидатовъ представлялъ собою большой залъ Совѣта или Консисто-

¹⁾ Д. Ф. Бѣляевъ, *Byzantina* 1, 56. У него приводятся свѣдѣнія объ украшениі стѣнъ этого зала разнообразными блестящими мраморами; потолокъ былъ украшенъ золоченою мозаикою... *Ὕαυματικό τριχλήμα τοῦ Ἰουστινιανοῦ Ρινοτμήτου*. Theoph. Cont. dt. Bonnæ 458, 14. Этотъ залъ былъ построенъ Юстиніаномъ Безносымъ.

²⁾ *προσέτι δὲ μὴν καὶ τοῦ Ἰουστινιανοῦ, ἐκεῖνος (Θεοφίλος) τοῖς χριστιανοῖς φήσοις ἐκβαμῆσε* Theoph. cont. 147, 9.

³⁾ Д. Ф. Бѣляевъ, *Byzan.* 1, 50.

⁴⁾ Д. Ф. Бѣляевъ, *Byzan.* 1, 40.

рій, а упоминаемый въ немъ камилавкій представляль собою балдахинъ или киворій, воздвигнутый на возвышенной экстрадѣ, на которую во время засѣданій для царя ставился тронъ. Троє дверей изъ слоновой кости вели въ сосѣднія съ нимъ залы. Августей представляль собою также тронный залъ, въ которомъ стояла статуя царицы св. Елены (Августы). Скила или портикъ Августея было то помѣщеніе, недалеко отъ царскихъ покоевъ, изъ которого княгиня Ольга, уже одна, прошедши черезъ залъ Августея, имѣла возможность видѣть упомянутую статую и оттуда вошла въ покой царицы¹⁾). Въ Лавзіакѣ упоминаются золотыя мозаики²⁾.

Болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились относительно Кенургія, въ которомъ отдыхала княгиня Ольга и, слѣдовательно, могла видѣть его болѣе продолжительное время. Кенургій былъ построенъ императоромъ Василіемъ Македоняниномъ и украшенъ имъ со всею роскошью и царской пышностью. Кенургій собственно представляль собою отдельное дворцовое помѣщеніе со многими залами, но въ уставѣ, въ данномъ описаніи имѣется въ виду тотъ дворецъ Кенургій, который описанъ внукомъ царя Василія, Константиномъ Багрянороднымъ, и которого входъ въ царское помѣщеніе (китонъ) украшенъ имъ фонтаномъ и мозаиками. Риторическое описаніе разбивается на двѣ части, въ которыхъ, можно думать, описываются два разныхъ зала³⁾). Первый залъ имѣлъ шестнадцать колоннъ изъ онихита и єессалійского мрамора. Тонкая рѣзьба покрывала колонны первого ряда. Представлена была виноградная лоза, обвивавшаяся вокругъ колонны, а среди листьевъ, въ плетеніяхъ лозы видны были различныя изображенія животныхъ. Пространство надъ колоннами и гемисферой (куполь) на восточной сторонѣ были украшены прекрасной мозаикой на золотомъ фонѣ. Здѣсь изображенъ былъ самъ строитель, окруженный своими полководцами и соратниками, подносившими ему въ видѣ даровъ покоренные города. На потолкѣ были представлены „геркулесовскія дѣла царя на пользу подданныхъ, военные подвиги, сдѣланные въ потѣ лица, и даннія Богомъ побѣды“.

Другой залъ, описанный подъ именемъ „китона“ Кенургія, былъ украшенъ еще роскошнѣе. Поль китона былъ украшенъ великолѣпной мозаикой. Въ серединѣ его былъ изображенъ павлинъ въ кругломъ медальонѣ изъ карійского мрамора, отъ которого шли лучи на подобіе звѣзды къ другому, большему кругу. Этотъ послѣдній съ четырехъ сторонѣ былъ ограниченъ полосами изъ зеленаго єессалійского мрамора, похожими на четыре рѣки. Въ четырехъ углахъ пола были представлены орлы съ поднятыми крыльями, готовые какъ бы подняться и улетѣть. Нижняя часть стѣнъ была облицована разноцвѣтными стеклянными плитами, украшенными инкрустациими въ формѣ различныхъ цвѣтовъ. Выше этой облицовки посредствомъ мелкой мозаической живописи на золотомъ фонѣ былъ изображенъ императоръ Василій съ

¹⁾ Относительно всѣхъ этихъ помѣщеній и залъ мы отсылаемъ читателя къ указателямъ Лабарта и Бѣляева въ приведенныхъ ранѣе сочиненіяхъ, а относительно Анадендрадія см. у Рейске примѣчанія во II томѣ *De cerim.* p. 651. Трипетонъ встрѣтится далѣе.

²⁾ *Theoph. Contin.* p. 14 р. Украшенъ ими еще єеофиломъ.

³⁾ *Theoph. Contin.* 331—5; *La barte, Palais* 78—9; Кондаковъ, Визант. церкви Констант. Труды VI арх. съѣзда III, стр. 58—59; Бѣляевъ, *Byzan.* I, 40—1.

супругой Евдоксієй въ царскихъ одѣяніяхъ, съ коронами на головахъ, сидящіе на тронѣ. По сторонамъ находились ихъ царственные дѣти, одѣтые также въ царскія столы (верхнія одежды) и державшіе въ рукахъ, какъ женское такъ мужское поколѣніе, книги священнаго закона, ибо художникъ хотѣлъ показать, что та и другая отрасли царскаго дома одинаково получили наставленіе въ божественной премудрости. Эти изображенія находились на стѣнахъ, поднимающихся до самаго потолка, а самыи потолокъ, блеставшій золотомъ, былъ украшенъ изображеніемъ побѣдного креста (*υκτοριόν*), сдѣланнаго изъ зеленаго стекла. Надписи вокругъ заключали моленія родителей за дѣтей и дѣтей за родителей.

По общему мнѣнію, именно, входъ къ этому китону украсилъ Константина Багрянородный фонтаномъ или фіалой съ серебряной группой, представлявшей орла съ поднятой вверхъ головой, раздиравшаго ногами змѣю. Изъ клюва его былъ фонтанъ. Чаша фонтана была порфировая. Пропили эти онъ украсилъ также мозаической живописью, представлявшую различныя изображенія и орнаменты¹⁾. Проходя черезъ рядъ этихъ залъ, княгиня Ольга сидѣла въ передней (вестибулѣ) Августея, называвшейся Золотая Рука. Причина того, что Ольга со свитой была приглашена сюда, не объясняется въ описаніи, но изъ главы, содержащей пріемъ саракинскихъ пословъ, видно, что они, прославивши тѣмъ же путемъ, какъ и Ольга, въ Золотую Руку, ждали здѣсь съ опредѣленною цѣлью, которая тамъ и объясняется. Именемъ, саракинскіе послы сидѣли тамъ въ ожиданіи обратнаго шествія въ палаты царя, вышедшаго изъ зала Магнавры. Это обратное шествіе представляло особый обрядъ. Дѣйствительно, когда царь прославлявалъ въ свои покои, княгиня Ольга была отведена въ Скилу, гдѣ дождалась пріема въ залѣ Юстиніана, а Саракинскіе послы были приглашены прямо въ залѣ Юстиніана, но не для пріема, а для рекреаціи, куда имъ высланы были одежды для переодѣванія, чтобы присутствовать на царскомъ обѣдѣ (1, 524—5). Рекреація Ольгѣ и ея свитѣ была дана, очевидно, въ Кенургіи, гдѣ она сѣла отдыхать. Рекреація состояла въ томъ, что лицамъ посольства прѣдлагались умываніе, души, новыя одежды для присутствованія на обѣдѣ.

Во внутренніе царскіе покои княгиня Ольга была приглашена одна, безъ своей свиты. Во время этого пріема упоминается лишь самъ царь Константинъ Порфиородный, его супруга Елена (дочь Романа старшаго Лакапина) и ихъ дѣти, подъ которыми надо разумѣть другихъ дѣтей Константина Порфиороднаго, кромѣ Романа Младшаго и его жены Феофано, которыхъ не было при этой частной аудіенціи. Не упоминаются также соприсутствующіе царскимъ особамъ и посламъ чины двора. При такихъ обстоятельствахъ аудіенція, данная княгинѣ Ольгѣ въ царскихъ покояхъ, получаетъ особый интимный характеръ. Она бесѣдовала съ царемъ, очевидно, черезъ своего специального переводчика, упомянутаго въ свитѣ, и это лицо — единственное, присутствіе котораго требуетъ строгое пониманіе пріема. Можно думать, что въ словахъ: „княгиня бесѣдовала съ царемъ, о чёмъ желала“ заключается главнѣйший моментъ пріема, и ихъ должно толковать не только въ смыслѣ простой бесѣды, а въ смыслѣ изложенія княгиней Ольгой

¹⁾ Theoph. Cont., p. 451. c. 24.

важныхъ причинъ и цѣлей, приведшихъ ее въ Царьградъ. Но о содѣржаніи бесѣды княгини Ольги съ императоромъ уставъ молчть, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ цѣли изложенія. Здѣсь Ольга уже не стояла, а была праглашена сѣсть самимъ императоромъ.

III.

„Въ тотъ же день“, говорится далѣе въ уставѣ, „въ залѣ Юстиніана, той же самой, гдѣ княгиня Ольга была принята царицей, проходилъ торжественный званый обѣдъ (*и́лгтѡроу*)¹). На указанномъ ранѣе тронѣ сѣли царица и ея невѣстка. Княгиня же стала сбоку. Постѣ того какъ „стольникъ“ (*и тѣ; трахѣ-тѣ;*) ввелъ другихъ архонтиссъ (родственницъ княгини Ольги) по обычному ритуалу, онѣ поклонились ницъ. Княгиня же, только слегка наклонивъ голову, сѣла за отдѣльный столъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла (*и хтѣ тѣ тѣпю*) по обычая вмѣстѣ съ зостами. Слѣдуетъ указать, что пѣвчиѳ апостолиты и агіософиты присутствовали во время пира и пѣли царскія пѣсни (*тѣ Заслѣхія*). Происходили также зрѣлица и игры шутовъ. Зъ Золотой же палатѣ между тѣмъ происходилъ другой званый пиръ, гдѣ обѣдали всѣ послы (*а́тоуризаро!*) князей Россіи (*тѣн а́хурунъ Роза́къ*), люди ихъ, родственники княгини Ольги и купцы. И анепсій (*и чуефѣсъ*) княгини Ольги получилъ 30 миліарисіевъ; родственники ея, числомъ восемь, по 20 каждый; двадцать ея пословъ по 12; сорокъ три купца равнымъ образомъ по 12; священникъ (*и пахѣзъ*) Григорій получилъ 8 миліарисіевъ; два переводчика по 12 каждый; люди Святослава (*и юндроу тѣн Свѧду-эллѣзоу*) по 15, люди пословъ, числомъ шесть, по 3, наконецъ, переводчикъ княгини Ольги получилъ 15 миліарисіевъ. Когда императоръ поднялся послѣ обѣда, то предложенъ быль десертъ (*боблжю=дoulcіni*) въ Аристириї. Здѣсь стояла малая золотая трапеза, находившаяся обыкновенно въ Пентапиргії (*и пеутатрѹгъ*), а на ней предложенъ десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями. (За эту трапезу) сѣль царь Константинъ Багрянородный и царь Романъ Багрянородный, ихъ багрянородная дѣти, невѣстка и княгиня Ольга. Княгинѣ поднесено было золотое блюдо, украшенное драгоцѣнными камнями, съ 500 миліарисіевъ, 6-ти ея свойственницамъ²) предложено по 20; восемнадцати ея прислужницамъ по 8“.

Эта часть описанія пребыванія княгини Ольги во дворцахъ византійскихъ владыкъ, чрезвычайно интересна по множеству отдѣльныхъ чертъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, въ которомъ описывается ритуаль пира. Этотъ пиръ происходитъ въ описанномъ ранѣе залѣ Юстиніана. Царица и ея невѣстка сѣли вмѣстѣ на

¹⁾ Собственно „почестной столъ“ или „званый обѣдъ“, отъ *и́лгтѡсъ*, какъ безъ труда можно передать на русскій языкъ.

²⁾ *тахѣ єзъ идѣзъ* р. 598 и ранѣе *и юндроу хѣтѣ*, т. е. свойственники или родственники ея и родственницы.

одномъ тронѣ царя Феофила, а княгиня Ольга стала сбоку. По смыслу обряда, по даннымъ, которыхъ находятся въ послѣдующихъ описанияхъ подобныхъ пировъ на весь годъ, слѣдуетъ заключить, что княгиня Ольга стала сбоку отъ трона Феофила, и, такъ какъ далѣе говорится, что она сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, то изъ этого слѣдуетъ, что она по ритуалу стала за трапезой, находившейся сбоку отъ трона Феофила, на которомъ сѣли обѣ царицы. Эта трапеза далѣе называется "отдѣльной" (*ἀποχοπ്തή*), и часто упоминается въ различныхъ случаяхъ во время пировъ въ залѣ Юстиніана¹⁾. Въ залѣ Юстиніана, гдѣ приготовленъ былъ пиръ, княгиня Ольга вошла съ обѣими царицами изъ внутреннихъ покоевъ, послѣ данной ей аудіенціи и послѣ приглашенія къ столу. Обѣ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что въ описаніи аудіенціи въ покояхъ царицы не сказано, чтобы княгиня Ольга была отведена обратно и гдѣ нибудь ждала со своей свитой, а напротивъ, обрядъ заставляетъ ее въ залѣ Юстиніана, одну съ царицами, безъ свиты, занимающей свое мѣсто за отдѣльной трапезой, стоящей сбоку отъ трона Феофила. Когда обѣ царицы заняли мѣста на тронѣ, а княгиня Ольга стала на приготовленномъ ей мѣстѣ, стольникъ ввелъ свиту Ольги, но не всю, а лишь однѣхъ женщинъ, по ихъ чину и рангу, при чемъ онъ привѣтствовали царицъ по обычному ритуалу паденiemъ ницъ, а княгиня, лишь слѣгка наклонивъ голову. Изъ послѣдовательности этого привѣтственного обряда слѣдуетъ, что княгиня Ольга не только не должна была кланяться ницъ, какъ казалось нѣкоторымъ изъ нашихъ историковъ, но къ ней не могло быть и не было предъявлено подобное требование по ея рангу и чину, и потому, что обрядъ заставляетъ ее въ обѣденной залѣ вмѣстѣ съ царицами, а не входящей и представляющейся. Такимъ образомъ, легкое наклоненіе головы²⁾ въ сторону царицъ должно быть рассматриваемо, какъ требование этикета или обряда передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, а не какъ эксцентричность княгини Ольги, ставившейся, будто бы, такимъ дѣйствиемъ показать свое достоинство. Съ другой стороны, если княгиня Ольга стала сбоку отъ трона, за отдѣльной трапезой, а не сидѣла на тронѣ, какъ хотѣлось бы инымъ, то этому препятствовали тѣ же правила придворного этикета. Нигдѣ не извѣстно, чтобы византійскіе императоры сажали на свои царскіе троны иностранныхъ особъ³⁾, а обрядъ подтверждаетъ это обстоятельство словами, что княгиня сѣла за трапезой *по обычая* между зостами, т. е. съ дамами первого ранга. При

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что выражение *εἰς τὸ ἀποχοπτήν* относится въ данномъ случаѣ не къ самой трапезѣ, а къ ея расположеннюю отдѣльно и сбоку. Надо думать, что эта самая или подобная ей трапеза упоминается въ обрядахъ, указы ваемыхъ Рейске, Софокломъ: 7. *De cerim.* 70, 95, 293; 11; 531; *Sophocles, Gloss.* 221; Рейске 11, 168. трапеза *ἀποχοπτή*, см. I. 162, 17; 769, 3 и др. въ описаніи пировъ въ залѣ Юстиніана.

²⁾ О наклоненіи головы см. *De cerim.* 11, 63.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ византійскіе императоры дозволяли сидѣть имъ на стульяхъ или креслахъ. Иногда послы требовали, чтобы ихъ сажали, а Бозундъ Нормандскій даже поступилъ эксцентрично во время торжественного представленія: онъ потребовалъ сидѣній, и когда ихъ не дали, то онъ бросилъ на полъ свой плащъ и сѣлъ на него, почему послѣдовала его свита. Ничего подобного не было съ княгиней Ольгой. Ср. Рейске, прим. къ *De cerim.* 11, Р. 75—76; 198—200. 700—1.

описаний того, какъ царицы и княгиня заняли свои мѣста, обрядъ не упоминаетъ никакихъ придворныхъ дамъ, но это потому, что самое появление царицъ должно было совершиться по общему обряду, т. е. чиновныя дамы царицъ должны были явиться вслѣдъ за тѣмъ, какъ онѣ заняли свои мѣста¹⁾. зосты были ближайшія къ царицѣ придворныя дамы, ихъ спутницы и повѣренныя. Въ данное время, какъ полагаетъ Рейске, было двѣ зосты, одна императрицы, другая ея невѣстки. Съ этими двумя дамами первого ранга сѣла за столъ княгиня Ольга.

Такимъ образомъ, изъ самого обряда слѣдуетъ, что княгиня Ольга не должна была падать ницъ, такъ какъ уставъ точно предписываетъ это дѣйствіе родственницамъ княгини, а ей самой—легкое наклоненіе головы. Изъ приведенныхъ указаній явствуетъ также, что свита княгини Ольги расположилась за другими столами, и не сидѣла вмѣстѣ съ зостами и княгиней Ольгой. Это, въ свою очередь, доказываетъ, что Ольгѣ дана была высшая честь, чѣмъ ея свитѣ, въ которой были ея родственницы также княжеской крови. Изъ главы 52, 1 (стр. 743—4), рисующей формальности царскихъ пировъ, видно, что органы, стоявшіе въ залѣ Юстиніана, служили къ подачѣ знаковъ садиться, вставать при самомъ обѣдѣ, при чемъ приглашаемымъ внушалось слѣдить за звуками органовъ, чтобы не нарушить привила пира и поступать сообразно общимъ требованіямъ пиршества. Кромѣ органовъ, слухъ пировавшихъ услаждали, какъ сказано въ уставѣ, пѣвчиѳ изъ церкви св. Софіи и свв. Апостоловъ, пѣвшіе царскія величанія. Кроме пѣвчихъ, однако, пиръ былъ осложненъ новой особенностью, которая нигдѣ въ уставѣ подробнѣ не описывается, но о которой дошли извѣстія разныхъ писателей. При царскихъ обѣдахъ упоминаются въ уставѣ часто пляски партій димовъ вокругъ столовъ (*σάξιμον*)²⁾ и хороводы или танцы (*χορεύσεις*) для увеселенія императоровъ за обѣдомъ³⁾. Во время пиршества, данного въ честь Ольги, не упоминаются самостоятельно пляски и танцы, но говорится, что представлены были всяческія игры шутовъ и зрѣлища (*έπιτελον* *δὲ οἱ θυματήρες πάντα τὰ γυμνά*). Нигдѣ въ уставѣ не описываются эти скоморошьи игры, музыка, фокусы и пляски, но о нихъ оставилъ свидѣтельство упомянутый раннѣй Люйтрандъ, которому удалось видѣть все это также во время пира. Къ сожалѣнію, онъ отказался отъ задачи описать всю программу видѣннаго имъ, а останавливается лишь на нѣкоторыхъ упражненіяхъ, которыхъ его особенно поразили. Свидѣтельство Люитранда тѣмъ болѣе важно, что его послѣдство состоялось въ эпоху, очень близкую ко времени пребыванія княгини Ольги въ Царьградѣ, и что одно изъ упражненій, описанныхъ имъ, изображено во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора. Онъ былъ посланъ къ императору Константину Багрянородному отъ царя Беренгара II въ 946 году⁴⁾. Какъ наша княгиня Ольга, такъ и Люйтрандъ видѣли эти игры при дворѣ одного и того же императора, и весьма возможно, что составъ игръ былъ одинъ

¹⁾ О приглашеніяхъ къ столу, о церемоніяхъ введенія чиновъ императрицы см. De cerim. 1, 1, 9, р. 66—7; также р. 293—б; 703 сл.

²⁾ Бѣляевъ, Byzantina 1, 31, гдѣ укасаны мѣста устава, говорящія о пляскахъ.

³⁾ De cerim. 1, 781.

⁴⁾ Соловьевъ, Русск. ист. 1, 145 относилъ къ 947 году.

и тотъ-же въ обоихъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи фрески Кіево-Софійскаго собора, возникшія, по всей вѣроятности, въ эпоху построенія самаго собора, между 1015—1037 годами, даютъ блестящее доказательство, что иѣкоторыя изъ гимнастическихъ упражненій акробатовъ Х вѣка перешли въ XI-й. Такими играми и зрѣлищами завѣдывали при дворѣ византійскихъ императоровъ особые чины, которыхъ имена упоминаются въ уставѣ. Это были „Доместикъ зрелищъ“ („δομέστικος τῆς θερέτρου“) и „Архонтъ зрелищъ“. Такія игры и зрелища давались особенно по поводу прибытія иностранныхъ пословъ, и во время обѣда саракинскихъ пословъ и двухъ Тарситовъ были представлены тѣ же игры, какъ и во время обѣда Ольги и ея свиты. Для обозначенія этихъ игръ въ описаніи обѣда первыхъ (1, 592) повторено буквально то же выраженіе, что и въ описаніи обѣда вторыхъ, приведенное выше. Изъ различныхъ извѣстій историковъ и отцовъ церкви узнаемъ, что эти игры заключали различныя представления 1) актеровъ-мимовъ, 2) музыкантовъ и 3) акробатовъ. Можно думать, поэтому, что извѣстіе Люитпранда, затѣмъ фрески Кіево-Софійского собора и многочисленныя изображенія подобныхъ игръ въ византійскихъ рукописяхъ въ высшей степени правдиво рисуютъ развлечения византійского двора, предлагавшіяся иностраннымъ особамъ¹⁾). Вотъ что говорить о видѣнномъ Люитпрандъ: „Игры, которыя я тамъ видѣлъ, было бы долго описывать, но не лишнимъ считаю разсказать обѣ одной изъ нихъ, возбудившей мое удивленіе. Вошелъ нѣкій человѣкъ, неся на лбу своею шесть вышиной въ 24, а то и болѣе шаговъ, безъ всякой поддержки руками. Шесть имѣлъ вверху кубокъ, а на лбу опрокинутый другой двойной кубокъ. Приведены были два обнаженныхъ мальчика, но въ обуви, которые пользали по шесту и такъ на немъ сидѣли, какъ будто онъ впрямь утвержденъ былъ на землѣ. Затѣмъ, когда спустился первый, второй, который оставался внизу, одинъ выдѣлывалъ разныя штуки, чѣмъ повергъ меня еще въ большее изумленіе. Какое бы положеніе они ни принимали и на какомъ бы мѣстѣ шеста ни находились, всегда управляли они этимъ шестомъ, по которому поднимались. А одинъ изъ нихъ, оставшійся на верху шеста, такъ удивительно сохранилъ ровновѣсіе, что, представивъ (свои фигуры), слѣзъ невредимо на землю, и въ такое привель меня изумленіе, что оно не укрылось отъ самого императора. Обратившись ко мнѣ черезъ переводчика, онъ спросилъ: „Кто болѣе меня удивляетъ—мальчикъ ли, который такъ умѣренно дѣйствовалъ, что шесть оставался неподвижнымъ, или тотъ, который съ такимъ умѣніемъ удерживалъ шесть, что ни тяжесть мальчиковъ, ни ихъ дѣйствія ничуть его не утомили. Такъ какъ я не зналъ, что именно меня болѣе удивило, и сказалъ обѣ этомъ, то онъ съ болѣшимъ смѣхомъ сказалъ, что и онъ не знаетъ“. Во фрескахъ Кіево-Софійского собора изображенъ Геркулесъ, поддерживающій за затылкомъ высокій шесть, по которому взирается вверхъ мальчикъ, и на верху которого находится сосудъ. Въ одной миниатюрѣ Евангелія Гелатскаго

¹⁾ Рейске даетъ прекрасное примѣчаніе къ ἄργυρῳ τῆς θερέτρου 11, 363 сл. Подробно обѣ этихъ играхъ въ русско-визант. быту см. у А. Н. Веселовскаго, Розыскъ въ области русского духовнаго стиха. VIII. Айналовъ и Рѣдинъ, Кіево-Соф. соборъ, 102—133.

монастыря представленъ просто столбъ, по которому взираются вверхъ двое мальчиковъ¹⁾.

Во фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійского собора находятся и другія изображенія изъ того же цикла: 1) выходъ двухъ бойцовъ, стоящихъ другъ противъ друга со сжатыми кулаками и 2) сложная композиція, представляющая пляску подъ звуки музыки. Послѣдняя сцена любопытна тѣмъ, что пляска скомороховъ, изображенныхъ здѣсь, проходитъ внутри палаты, такъ какъ изображенъ потолокъ. Музыканты играютъ на струнныхъ, духовыхъ и ударныхъ инструментахъ²⁾.

Въ то время, какъ происходилъ пиръ, такимъ образомъ, въ залѣ Юстиніана, въ Золотой палатѣ, или Хризотриклиниѣ, обѣдалъ императоръ въ сообществѣ родственниковъ княгини Ольги и остальной ея свиты. Крайній интересъ представляетъ точное указаніе лица ея свиты. Изъ перечня денежныхъ даровъ, которые были разданы членамъ свиты, явствуетъ, что Ольга прибыла во дворецъ, имѣя съ собою 20 человѣкъ пословъ отъ русскихъ князей. Эти послы въ текстѣ называются „апокрисіаріями“ — терминъ, соотвѣтствующій русскому „поклисарь“ съ гласомъ на поляхъ „посоль“ въ повѣсти о Дракулы³⁾). Кроме того родственниковъ княгини было 8 человѣкъ. Девятый, очевидно, наиболѣе важный родственникъ ея, названный въ текстѣ два раза „анепсій“, упоминается каждый разъ отдельно и ранѣе указаныхъ 8 родственниковъ. Кто такой былъ этотъ „анепсій“? По общепринятой терминологіи

это долженъ быть быть племянникъ княгини Ольги, съ другой стороны это могъ быть и вообще родственникъ и двоюродный братъ⁴⁾. Уставъ не называетъ по именамъ этихъ родственниковъ⁵⁾) княгини Ольги, обозначая ихъ словами „διοι“ и „ταγενεῖς“. Лишь одно имя князя Святослава упомянуто по поводу награды, полученной его людьми („χαρωποι Σφευδοσιλάριοι“). Во всякомъ случаѣ, мужская свита Ольги представляла, очевидно, настолько знатную среду, что императоръ обѣдалъ вмѣстѣ со свитой, а не съ Ольгой. Золотая палата, въ которой происходилъ обѣдъ императора съ мужской свитой Ольги, также была одна изъ знаменитыхъ залъ дворца. Она имѣла купольный верхъ, покрытый стеклами, черезъ которыхъ проникалъ въ нее светъ. Восемь глубокихъ нишъ, обставленныхъ колоннами изъ дорогого мрамора, шли по стѣнамъ. Внутри однѣхъ находились золотые съдалища, дру-

1) Н. П. Кондаковъ, Ист. виз. иск. 240.

2) Болѣе подробное описание этой композиціи предложено въ книгѣ Кіево-Софійский соборъ, стр. 118. Здѣсь же указаны и аналоги. Болѣе подробное изложеніе вопроса объ играхъ и музыкѣ при византійскомъ дворѣ и въ русскомъ быту и указанія на музыкальные инструменты и проч. предложены въ моей статьѣ: Два примѣчанія къ слову Даниила Заточника. Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, XIII СПБ. 1909, I, 352—365

3) Ф. И. Буслаевъ, Историч. Христ., стр. 212, прим. I.

4) Племянникомъ называетъ его и Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. I., но не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ его имени. Въ Никоновск. лѣтописи 87,—„братья сыны“: „Царь убо Михаиль, послушавъ его, анепсія своего, сирѣчь братъ сына“ и проч. См. Du Cange, Gloss. graecit. ἀνεψιος=consorbinus. Fr. Possev Handwörterbuch d. griech. Sprache; ἀνεψιος=Geschwestersohn, Vetter. Въ лѣтописяхъ нѣть лица, которое соотвѣтствовало бы этому термину родства съ княгиней Ольгой.

5) Братъ или родственникъ Ольги Янъ изъ Пскова извѣстенъ въ легендарной исторіи города Углича.

гія представляли выходы въ сосѣднія залы и были завѣшаны дорогими завѣсами, украшенными изображеніями птицъ, животныхъ и разными орнаментами. Въ восточной нишѣ находился образъ Спасителя, подъ которымъ стоялъ императорскій тронъ. Самъ Константинъ Багрянородный возобновилъ великолѣпный мозаической полъ Золотой палаты. Онъ сочинилъ для него рисунокъ. Полъ былъ выложенъ изъ разноцвѣтнага мрамора и окружено со всѣхъ сторонъ серебряной каймой¹⁾). Всѣ ниши были также украшены мозаической живописью. Полилихній, или люстра висѣла подъ куполомъ для вечерняго освѣщенія. Судя по описаніямъ обѣдовъ въ Золотой палатѣ во время пира, даннаго въ честь пословъ русскихъ, императоръ сидѣлъ подъ куполомъ, въ центрѣ зала за особой трапезой²⁾), а свита княгини Ольги расположилась за столомъ, а можетъ быть и за нѣсколькоими столами, поставленными въ залѣ.

По окончаніи обѣда въ обѣихъ палатахъ десертъ былъ поданъ въ роскошной столовой (Аристиріи), богато украшенной мозаикою и мраморами. "Аристирій", говорить продолжатель хроники Феофана, "имѣеть стѣны украшенныя блестящимъ виенинскимъ мраморомъ, а полъ составленъ изъ блестящей разноцвѣтной мозаики-камешковъ различного цвѣта"³⁾). „Царь Константинъ Багрянородный, большой любитель художества, приказалъ для украшенія столовой сдѣлать серебряный столъ (трапезу) по своимъ рисункамъ и мыслямъ, украсивши его разноцвѣтной эмалью и инкрустациеми и придавши ему цвѣта багряные, родственные ему по рожденію, для того, чтобы приглашенные за столъ могли наслаждаться не только сладостю десерта, но и красою стола"⁴⁾). Въ Аристиріи обыкновенно давались обѣды небольшому числу близкихъ и избранныхъ особъ, или же родственниковъ⁵⁾). Для десерта въ Аристиріи была принесена изъ Пентапиргія, т. е. хранилища въ видѣ пятибашенного сооруженія⁶⁾, малая золотая трапеза, которая тамъ обыкновенно хранилась на ряду съ другими драгоцѣнностями. За эту золотую малую трапезу, на которой стоялъ приготовленный десертъ, разложенный на золотыхъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями сосудахъ, сѣли слѣдующія особы: цари Константинъ и Романъ Багрянородные, ихъ багрянородныя дѣти, жена Романа и княгиня Ольга. Императрица отсутствовала по неизвѣстной причинѣ. Такимъ образомъ, и за десертомъ княгинѣ Ольгѣ была оказана высокая честь сидѣть за столомъ въ присутствіи царей и рядомъ съ ними. За десертомъ не упоминаются члены свиты Ольги. Очевидно, они не были приглашены къ нему. Послѣ десерта Ольгѣ поднесенъ былъ дежный даръ въ 500 миліарисій на золотомъ, украшенномъ драгоцѣнными камнями блудѣ. Такой же даръ въ 500 миліарисій получили каждый изъ двухъ саракинскихъ пословъ⁷⁾.

¹⁾ Theoph. Contin. p. 456 (ed. Bonn.).

²⁾ Бѣляевъ, Вуз. I, 28—29.

³⁾ Theoph. Contin. ed. Bonn. p. 145, 10.

⁴⁾ Ibid. 450—1.

⁵⁾ Бѣляевъ, Вуз. I, 28, прим. 3.

⁶⁾ О Пентапиргії см. примѣчанія Рейске 11, 1, 1, 683—5.

⁷⁾ Первый разъ саракинские послы получили по 500 миліарисій на золотыхъ блудахъ, второй разъ на серебрянныхъ также по 500, а Ольга второй разъ получила 200. Подробности см. далѣе.

Таковъ былъ первый пріемъ княгини Ольги при византійскомъ дворѣ. Вторично она была во дворцѣ 18-го октября въ воскресеніе, при чёмъ уставъ не упоминаетъ о томъ, была ли она принята царемъ на аудіенци, а лишь кратко описываетъ обѣдъ въ двухъ торжественныхъ залахъ дворца.

Вотъ описание этого обѣда: Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ 18 день, въ воскресеніе, данъ былъ царскій обѣдъ въ Золотой палатѣ, гдѣ императоръ обѣдалъ съ русскими (μετὰ τῷ Ρω); а другой столь происходилъ въ Пентакукуліи св. Павла. И сѣла царица съ ея порфиородными дѣтьми, съ невѣсткой и княгиней Ольгой, и дано было княгинѣ 200 миліарисій, ея анепсію 12, 18 прислужницамъ—по 6, 22 посламъ по 12, 44 купцамъ по 6 и двумъ переводчикамъ по 12".

Пентакукулій св. Павла, въ которомъ вторично обѣдала княгиня св. Ольга, былъ построенъ Василиемъ Македоняниномъ и представлялъ огромный (μέγατος τρίκλινος) залъ, украшенный всяческой красотой и великолѣпіемъ¹⁾. Къ нему примыкалъ храмъ апостола Павла (τοῦ απόστολοῦ Παύλου), названный описателемъ „изящнымъ“ („περικαλλές“). Формальности придворного этикета, очевидно, на этотъ разъ были иныя, чѣмъ раньше, такъ какъ въ описаніи составителемъ отмѣчены отклоненія. Одно изъ подобныхъ отклоненій указано. Оно состояло въ томъ, что съ царицей обѣдали ея порфиородные дѣти, которыхъ Ольга впервые увидала во внутреннихъ покояхъ царицы. О другихъ можно догадываться по точному смыслу выражений. Оно касается размѣщенія царскихъ особы за столомъ. Царица, сказано здѣсь, сѣла (за столъ) вмѣстѣ (μετὰ) съ дѣтьми, невѣсткой и княгиней. Во время этого послѣдняго обѣда, слѣдовательно, Ольга сидѣла за однимъ столомъ въ обществѣ императорской семьи, а не за отдѣльной трапезой съ зостами. Третье отличие заключается въ меньшемъ количествѣ денегъ, въ отсутствіи специальнаго переводчика княгини Ольги, въ отсутствіи людей Святослава, въ присутствіи двухъ новыхъ пословъ, такъ какъ во второй разъ ихъ было уже 24, и въ появлениі одного новаго купца.

Торжественность этого второго пріема, хотя и меньшая, чѣмъ въ первомъ случаѣ, присутствіе всей свиты княгини Ольги, какъ мужской, такъ и женской, денежная полученія всей свиты доказываютъ, что обѣдъ былъ специально данъ въ честь посольства Ольги, но съ особымъ значеніемъ. На счетъ вторичнаго пріема саракинскихъ пословъ мы можемъ сказать съ точностью, что они требовали его и получили аудіенцію въ Магнаврѣ, но уже дѣловую, т. е. императоръ сидѣлъ на простомъ тронѣ. Ольгѣ второй аудіенціи не было дано, а она со свитой была приглашена лишь на обѣдъ, который и былъ, повидимому, прощальнымъ.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Наблюдая тонкости этикета, съ которыми была приимаема Ольга, нельзя не указать на тотъ фактъ, что она была приглашена сѣсть въ

¹⁾ Theoph. Contin. p. 335. Н. П. Кондаковъ, Виз. ц. 59.

присутствіи императора, императрицы и ихъ дѣтей всего одинъ разъ во время частной аудіенціи въ покоѣ (китонѣ) царицы. Во время десерта, когда княгиня Ольга должна была сѣсть за золотую малую трапезу также въ присутствіи всей императорской семьи, царица по неизвѣстной причинѣ отсутствовала. Наконецъ, въ послѣдній разъ Ольга садится за столъ при отсутствующемъ императорѣ, но въ кругу царской семьи за однимъ столомъ. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія византійского двора поставить извѣстную границу между богоизбранными императорами и чужестранкой княгиней. Однако, въ сравненіи съ пріемами саракинскихъ пословъ, пріемы, оказанные княгинѣ Ольгѣ, отличаются чрезвычайно важными особенностями. Княгинѣ Ольгѣ была оказана такая честь, по сравненію съ которой пышность и блескъ пріемовъ саракинскихъ пословъ являются чисто офиціальными. Ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ въ интимномъ кругу императора, царицы, невѣстки ея и царскихъ дѣтей. Ихъ принимали только Константина и Романа. Кромѣ того, въ пріемахъ саракинскихъ пословъ ни разу не упоминается о десерте, за которымъ бы объединилось царское семейство и императоры, невѣстка и дѣти сидѣли бы за одной трапезой, какъ съ княгиней Ольгой. Требуя вторичнаго пріема, саракинскіе послы черезъ нѣсколько дней послѣ первого пріема были вторично приняты и изложили свое дѣло¹⁾ стоя передъ трономъ царя, между тѣмъ какъ княгиня Ольга для изложенія своихъ дѣлъ была приглашена во внутренніе покоя царицы.

Во время первого пріема все посольство Ольги состояло изъ 108 человѣкъ, не считая людей Святослава, число которыхъ не указано. Во время второго—изъ 106 человѣкъ. Это была лишь та свита, которая была допущена во дворецъ для представительства, изъ чего слѣдуетъ, что Ольга должна была имѣть значительный экипажъ на своихъ судахъ.

Во время обоихъ пріемовъ въ свитѣ княгини Ольги упоминается попъ Григорій, данное, подтверждаемое и нашей лѣтописью въ словахъ: „бѣ бо имущи презвутерь“. Такимъ образомъ, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Кіевѣ Ольга имѣеть при себѣ священника. Священникъ Григорій лицо неизвѣстное исторіи, равно какъ и племянникъ Ольги²⁾. Наша лѣтопись наравнѣ съ нѣкоторыми византійскими источниками утверждаетъ, что княгиня Ольга приняла христіанство въ Константинополѣ и была наставляема въ вѣрѣ самимъ патріархомъ. Въ уставѣ упоминаются πατέρες τοῦ πατριάρχου (I. 761). „πατέρες Γρηγόριος“ могъ быть однимъ изъ числа ихъ. Что этотъ попъ Григорій состоятель, именно, при особѣ Ольги и числился въ ея свитѣ, само собою вытекаетъ изъ того обстоятельства, что если бы княгиня Ольга была ярая язычница, то въ свитѣ ея нельзя было бы ожидать присутствія священника, получавшаго содержаніе наравнѣ со всею свитою.

Въ уставѣ нигдѣ не сказано, чтобы княгиня Ольга посѣтила какую либо церковь при дворѣ, не смотря на то, что подробно перечисляются всѣ выходы ея въ разныя залы дворца. Церковь св. Павла

¹⁾ „συνέτυχον μετὰ τοῦ βασιλέως ἵζε ἐβούλουτο“. De Serim. p. 588. 5. Выраженіе аналогичное тому, которое употреблено и при указаніи дѣлового характера бесѣды царя съ княгиней Ольгой.

²⁾ Сводъ данныхъ о попѣ Григоріи см. въ моей статьѣ: Икона св. Ольги въ Десятинной церкви въ Кіевѣ (готова къ печати).

упомянута лишь для определения зала, въ которомъ происходилъ обѣдъ, такъ какъ этотъ залъ носить название упомянутой церкви. Однако, отсутствіе этихъ данныхъ въ обрядѣ еще ничего не доказываетъ, такъ какъ въ немъ ничего не говорится и о выходахъ въ церкви императора, которые тѣмъ не менѣе всегда происходили въ назначенное время каждого дня, какъ это явствуетъ изъ обрядовъ ежедневныхъ выходовъ царя. Русскій поломникъ Антоній, архіепископъ Новгородскій, видѣлъ въ ризницѣ церкви св. Софіи „блюдо велико злато“ служебное, „Ольги русской, когда взяла дань, ходивши Царюгороду“... „Въ блюдѣ же Олжинѣ камень драгий, на томъ же камени написанъ Христосъ, и отъ того камени емлютъ печати людіе на все добро, у того же блюда по верхови жемчугомъ учинено“¹⁾). Блюдо это, слѣдовательно, было украшено жемчугомъ, а въ серединѣ имѣло рѣзное на камнѣ изображеніе Христа. Служебнымъ это блюдо названо потому, что оно наряду съ другими такими же блюдами употреблялось во время церковныхъ службъ, какъ объ этомъ говорить далѣе Антоній. „Ту есть въ алтарѣ... и иныхъ служебныхъ золотыхъ блюдъ съ каменiemъ драгимъ и зъ жемчугомъ, и серебряныхъ множество разноличныхъ, яже износять на службу во всяку недѣлю и въ господьскіе праздники“. Въ виду того обстоятельства, что обрядъ поднесенія дара церкви императоромъ обставленъ былъ различными процессіями и особенностями обрядовой стороны, можно думать, что и даръ княгини Ольги былъ принесенъ ею лично при соблюденіи определенныхъ правилъ, сопряженныхъ съ выходомъ ея въ церковь св. Софіи. Слѣдуетъ вспомнить также о томъ, что св. Ольга долго прожила въ Константинополѣ и, слѣдовательно, должна была видѣть достопримѣчательности его, которая охотно показывались иностранцамъ, какъ это слѣдуетъ изъ указаній нашей лѣтописи относительно пословъ Олега, затѣмъ пословъ Владимира и путешествія Антонія Новгородскаго. Важно, поэтому, указаніе византійскаго историка Кедрина о томъ, что княгиня Ольга пріѣзжала въ Царьградъ... и крещенная показала щедрость святымъ церквамъ и одаренная императоромъ возвратилась домой²⁾). Блюдо княгини Ольги въ ризнице ц. св. Софіи подтверждаетъ это извѣстіе. Изъ далѣе сдѣланного мною очерка памятниковъ Константинополя въ Х вѣкѣ можно представить себѣ, что, именно, должна была видѣть и могла видѣть княгиня Ольга въ Царьградѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія такія мѣста, какъ церковь св. Маманта, гдѣ жила обыкновенно Русь, и памятники языческихъ и христіанскихъ этихъ мѣстъ также видѣла наша княгиня Ольга.

Академикъ Н. П. Кондаковъ издалъ интересную миниатюру, представляющую княгиню Ольгу во время пріема ея императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ. Эта миниатюра представляетъ одну изъ нѣсколькихъ картинокъ, иллюстрирующихъ события изъ древней русской исторіи рукописи Иоанна Скилицы Куропалата въ Мадридѣ. Св. Ольга стоять передъ императоромъ, рядомъ съ переводчикомъ или логотетомъ³⁾). Императоръ Константинъ Багрянородный въ высокой и

¹⁾ П. Савватова, Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія. Изд. Археогр. Комисс. С. П. Б. 1872, 59—8.

²⁾ Н. Полонская, Къ вопросу о христіанствѣ на Руси до Владимира.

³⁾ Обращаетъ на себя вниманіе то, что костюмъ фигуры, стоящей рядомъ съ Ольгой, тотъ же самый, что и у людей свиты. Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе, что эта фигура представляетъ особу изъ свитскихъ княгини Ольги.

широкой стеммъ, соотвѣтствующей по всей вѣроятности большой стеммъ устава (*и҃е́хъ э́фи́хъ*). въ хламидѣ и со скипетромъ въ правой руцѣ сидить на царскомъ тронѣ. Это обыкновенный тронъ безъ спинки, а не тронъ Соломоновъ зала Магнавры. Сзадя княгини Ольги стоять ея мужская свита въ видѣ толпы людей со сложенными на груди на-крестъ руками. Лѣвая рука императора лежитъ у него на груди. Дѣй-ствіе происходитъ внутри дворца, представленного въ разрѣзѣ, съ кры-шней, колоннами внутри, сводами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крышей, баш-нями, съ двумя входами вѣнчанными и съ балкономъ¹⁾). Надъ княгиней Ольгой надпись „Ольга“. Въ текстѣ надъ миніатюрою она названа „Ельга“. какъ и въ уставѣ. Она одѣта въ хламиду, застегнутую на правомъ плечѣ. Чрезвычайную близость къ описанной миніатюрѣ об-наруживаетъ извѣстная фреска лѣстницы Кіево-Софійского собора. Здѣсь также представленъ императоръ на тронѣ безъ спинки, въ ним-бѣ, въ широкой стеммѣ и хламидѣ. Передъ императоромъ стоитъ жен-ская фигура, а за ней наполовину видна мужская. Потолокъ зала, въ которомъ происходитъ пріемъ, раздѣленъ на кассеты. Двѣ колонны по сторонамъ и сводъ соотвѣтствуютъ колоннамъ и сводамъ на ми-ниатюрѣ Мадридской рукописи. Въ слѣдующемъ отдѣлѣніи, украшен-номъ висящими тканями и завѣсами, представлена толпа, соотвѣтствую-щая свитѣ княгини Ольги на миніарѣ. Повторяются головные уборы, подпоясанныя одежды, сложенные на груди руки. Внизу квадрата съ изображеніемъ императора находится любопытная сцена приглашенія свиты въ заль по знаку, который даетъ церемоніарій съ жезломъ въ руцѣ. Этотъ жезль называется въ уставѣ золотымъ. Свита, размѣсти-вшаяся въ извѣстномъ порядкѣ, стоитъ слѣва. Въ красномъ квадратѣ справа, подъ сводомъ, между двухъ колоннъ, представляющихъ, оче-видно, одну изъ аркадъ какого-то портика, изображены три фигуры. Въ углу надъ колонной, справа, находится изображеніе херувима, и мѣсто дѣйствія, такимъ образомъ, переносится въ храмъ. Ниже, въ по-слѣднемъ квадратѣ, находится окно, въ котороеглядитъ какая-то фи-гура. Отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій относительно содер-жанія разобранный фрески не позволяетъ сдѣлать опредѣленного за-ключенія относительно особы, принимаемой императоромъ. Однако, сход-ство Мадридской миніатюры и фрески требуетъ сопоставленія памят-никовъ²⁾. Уже Карамзинъ сдѣлалъ остроумное замѣчаніе, что лѣтописецъ, описывая пребываніе княгини Ольги въ Царградѣ, могъ имѣть въ виду какую либо икону, представлявшую княгиню Ольгу стоящей пе-редъ патріархомъ, такъ какъ выраженіе его: „она же (Ольга), покло-нивши главу, стояше, акы губа напаляема, внимающи ученію“, напоми-наетъ живописная изображенія. Дѣйствительно, поза Ольги со скре-щенными руками на груди, стоящей передъ императоромъ, подтвер-ждаетъ это. Лѣтописцу могли быть извѣстны такія изображенія, какія встрѣчаются въ рукописи Скилицы Курополата или во фрескахъ Кіево-Софійского собора. Но эти памятники сами по себѣ-копіи и заставляютъ

¹⁾ О способѣ представлениія дворцовъ см. мое сочиненіе: Эллинистическая ос-новы виз. искусства, стр. 150.

²⁾ Объясненіе фрески, предложенное въ сочиненіи А. Й. на лова и Р. д. д. и. а., „Кіево-Софійский соборъ“, 128 стр., не можетъ считаться вѣрнымъ въ виду близкой аналогіи этой фрески и миніатюрою.

предполагать болѣе ранніе оригиналы. Такъ полагаетъ Н. П. Кондаковъ относительно нѣкоторыхъ миниатюръ Мадридской рукописи. Появленіе аналогичныхъ сюжетовъ въ росписяхъ стѣнъ лѣстницъ также предполагаетъ копированіе болѣе раннихъ оригиналъ.

Ни въ уставѣ, ни въ нашей лѣтописи мы не встрѣчаемъ такихъ чертъ и данныхъ, которая указывали бы на какое либо нарушение правильнаго почетнаго приема княгини Ольги при дворѣ Константина и Романа Багрянороднаго. Это тѣмъ болѣе важно, что такія отклоненія дѣйствительно бывали съ нѣкоторыми иностранными посольствами. Богемундъ Нормандскій не пожелалъ стоять передъ царемъ во время торжественнаго приема и, снявши съ себя плащъ, бросилъ его на полъ и сѣлъ на него, что сдѣлала и свита его (См. выше стр. 194, прим. 3). Другіе требовали сѣдальца. Чрезвычайно грубо былъ принятъ упомянутый раннѣе Люитпрандъ при дворѣ Никифора Фоки. Ничего подобнаго не было съ княгиней Ольгой. Въ уставѣ мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ, которые блестяще подтверждаютъ извѣстіе лѣтописей о чести, оказанной Ольгѣ въ Царьградѣ. У Иоанна Скилицы также сказано, что княгиня Ольга была „достойнымъ образомъ почтена“ императоромъ, послѣ чего возвратилась въ Киевъ (ἀπέστη τιμῇ οὐετα). Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что лѣтописи наши, находя вполнѣ почетнымъ для Ольги ея пребываніе въ Царьградѣ и во дворцѣ, отмѣчаютъ другой фактъ, непріятно подѣйствовавшій на самолюбіе великой русской княгини: она долгаго ждала въ Судѣ на своихъ корабляхъ, прежде чѣмъ ступила на ту почву, которую еще такъ недавно попирали дружины ея свекра и ея мужа. Въ Новгородской лѣтописи находятся любопытныя добавленія сравнительно съ краткимъ текстомъ Лаврентьевской лѣтописи о прибытии княгини Ольги въ Царьградъ: „Иде Ольга въ Греки и прииде Царюграду... они уже (т. е. Греки) повѣдаша царю приходить ея; і аbie царь возва ю къ себѣ; она же иде къ немуничто-же мѣдлящи“. Въ этихъ словахъ находится указаніе о предувѣдомленіи царя относительно прїѣзда княгини Ольги и о согласіи царя видѣть ее у себя. Въ главѣ, посвященной описанію встрѣчи пословъ еще за предѣлами государства, о распросахъ цѣлѣй ихъ посольства и приемахъ, назначавшихся по прибытии ихъ въ Царьградъ, находятся разъясненія болѣе точные, относящіяся къ приведенному мѣсту лѣтописи. По смыслу устава порядокъ прибытия Ольги въ Царьградъ и появленія ее при дворцѣ доженъ былъ въ общихъ чертахъ походить на тогъ, который описывается лѣтопись. Быть можетъ и справедливо господствующее мнѣніе, что Ольгѣ пришлось долгое время прождать въ виду Константинополя, благодаря подозрительности византійского двора и его боязни. Уставъ, перечисляя свиту Ольги, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что Ольга появилась въ Константинополѣ со значительнымъ флотомъ.

Такимъ образомъ, наша старина Х вѣка не такъ ужъ бѣдна интересными эпизодами и фактами культурной жизни. Княгиня Ольга привезла съ собою изъ Царьграда не только роскошные дары, но и огромный запасъ видѣннаго и слышаннаго. Такія пышныя поѣздки должны были имѣть огромное значеніе для тогдашней Руси, въ особенности по своимъ культурнымъ послѣдствіямъ. Великолѣпіе Царьграда, его волшебные дворцы, различныя статуи, стоявшія на площа-

дяхъ, его святыни и церкви, кончая той, близъ которой должна была по договорамъ жить Русь, т. е. „у св. Мамы“, церкви, обставленной различными статуями античной древности, наконецъ, различная хитрости Царыграда были хорошо извѣстной тогдашней Руси.

Припомнімъ, какъ внукъ Ольги Владіміръ, воспитывавшійся подъ надзоромъ Ольги вмѣстѣ со своими братьями Ярополкомъ и Олегомъ, старался объ украшеніи престольного города Кіева. Онъ поставилъ въ немъ, подражая греческимъ городамъ, „двѣ капищи мѣдяны и 4 кони мѣдяны“, вывезенные для этой цѣли изъ Корсуни. Ярославъ строить церковь св. Софіи и Золотыя ворота, подражая Цареградскимъ монументальнымъ сооруженіямъ.

Для того, чтобы представить себѣ все значеніе культурныхъ заимствованій изъ Византіи, необходимо подробно остановиться на состоянії Кіева въ эту раннюю эпоху его существованія.

Драгоцѣнныя свѣдѣнія на этотъ счетъ сохранились въ нашихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ. Эти данные, въ свою очередь, дополняются памятниками искусства.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ этимъ памятникамъ, считаю необходимымъ установить болѣе правильное понятіе о дарахъ, золотѣ, серебрѣ, которая получали русскіе послы и князья въ Византіи. Эти драгоцѣнныя предметы искусства положили первое начало русско-византійскому стилю.

О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византіи.

Въ придворномъ уставѣ византійского двора, въ 15 главѣ второй книги, два раза подробно перечисляются денежныя подношения княгинѣ Ольгѣ и ея свитѣ. Эти подношения не совсѣмъ правильно принимаются въ нашей наукѣ за *дары* въ собственномъ смыслѣ слова. На чальная лѣтопись, между тѣмъ, дѣйствительно говоритъ о многихъ дарахъ, полученныхыхъ княгиней Ольгой: „и дастъ ей (царь) дары мно-
гы, злато и серебро, павлочки и съсуды разноличные и отпусти ю“ (подъ 955 годомъ Лавр. л.). Въ первый пріемъ княгиня Ольга полу-
чила на золотомъ блюдѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, 500
миліарисіевъ; въ описаніи второго пріема не указано, какъ поднесены
были ей 200 миліарисіевъ, а говорится, что ей была дана, или выдана
эта сумма (ἐδόθη). Золотое блюдо—существенный предметъ, кото-
рый можно было бы сопоставить съ „сосудами разноличными“ нашей
лѣтописи, но такъ какъ лѣтописецъ описываетъ еще и другіе предме-
ты, то является вопросъ, не есть ли лѣтописное перечисленіе даровъ
преувеличенная легендарная подробность, относящаяся къ числу тѣхъ
несомнѣнно легендарныхъ примѣсей, которая на лицо въ нашихъ лѣ-
тописяхъ.

Соловьевъ склоненъ былъ считать извѣстія лѣтописей о дарахъ за преувеличенія, и пришелъ къ такому заключенію, сопоставивъ лѣ-
тописный перечень даровъ княгинѣ Ольгѣ съ данными Придворного
устава церемоній. „Извѣстія о подаркахъ Ольгѣ“, говорить онъ, „очень
важны, они могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣто-
писия извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ и множествѣ золота,

серебра и проч.¹⁾). Вообще денежные суммы, полученные Ольгой и ея свитой, признаны за ничтожные и даже оскорбительные для русского самолюбия *дары*. Карамзин замечает по этому поводу: „Хотя государи российские не могли быть весьма богаты металлами драгоценными, но одна учтивость, безъ сомнінія, заставила великую княгиню Ольгу принять въ даръ 16 червонцевъ²⁾). Погодинъ шелъ дальше, предположивъ, что вольная и гордая княгиня Ольга осталась недовольной константинопольскимъ пріемомъ, оскорблена ничтожествомъ даровъ, полученныхъ отъ императора³⁾.

Списки денежныхъ суммъ, полученныхъ Ольгой и ея свитой и внесенные въ Придворный уставъ, повліяли, такимъ образомъ, на воззрѣнія историковъ въ томъ смыслѣ, что ими заподозрѣна была правильность лѣтописныхъ свѣдѣній о дарахъ, и, во вторыхъ, эти списки повліяли даже на освѣщеніе политическихъ сошений Руси и Византіи, служа какъ бы коррективомъ для нашихъ лѣтописей.

Голубинскій старался указать на то, что эти денежные дары во все не были ничтожны и не должны служить къ уменьшению достоинства Ольги⁴⁾, но въ виду того, что цифры списковъ слишкомъ краснорѣчивы, если признать полученные Ольгой и ея свитой подношенія денежные за дары, этотъ взглядъ, повидимому, не раздѣляется.

Выраженія нашей лѣтописи, посредствомъ которыхъ описываются дары, полученные въ разное время русскими послами и князьями въ Царьградѣ, могутъ считаться почти стереотипными. „Царь же Леонъ почти послы русскіе (отъ Олега) дарми, златомъ и паволоками и фо-фудьями“. Пословъ Владимира цари Василий и Константинъ „отпустиша съ дары велики и съ честью“. Святославу греческій царь посылаетъ дары „злато и паволокы“, а затѣмъ „оружіе“.

Если такие предметы, какъ паволоки, фофуды, сосуды, оружіе, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что дары представляли, именно, вещественные подарки, то золото и серебро отличается неопредѣленностью. Способъ выраженія лѣтописца только отчасти проливаетъ свѣтъ на эти дары златомъ и серебромъ. Такъ, описывая царьградскія золотыя палаты „и сущая въ нихъ богатства“, которая видѣли послы Олега, лѣтописецъ говоритъ, что это было „злато много и павалокы, и каменье драгое, и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвозди, и хламида багряная“. Ясно, что подъ „златомъ“ разумѣются въ данномъ случаѣ не деньги и не монеты, а золотые предметы, такъ какъ золото упоминается наряду съ предметами убранства—паволоками, каменьемъ драгимъ и наряду съ предметами страстей Господнихъ. Что подъ словомъ „злато“ надо подразумѣвать золотыя украшенія, показываетъ название „златыя палаты“, которая, по понятію лѣтописца, совершенно правильному и вѣрному исторически⁵⁾), должны были быть украшены золотомъ. Та-

¹⁾ *Історія*. I, 134. Онъ исчисляетъ получки Ольги въ 40 и 20 червонцевъ, ссылаясь на Карамзина, который однако говоритъ о 32 и 16 червонцахъ.

²⁾ *Історія* Р. Г. I, стр. 102.

³⁾ *Історія* Р. до мономъскаго царя, стр. 48.

⁴⁾ *Історія церкви*, I, стр. 88, прим. 5. Онъ исчисляетъ миліарисій въ 35 к. (Паппаригоупло), или немного болѣе франка (Ск. Византія, Кючутактуонч. 111, 267).

⁵⁾ „Златыя палаты“, упоминаемыя лѣтописцемъ, повидимому, тѣ самыя „златыя палаты“, которая посѣтилъ въ 1200 году Антоній Новгородскій, т. е. знаменитый

кое же, не совсѣмъ опредѣленное значеніе имѣютъ слова „злато и сребро“ въ извѣстномъ разсказѣ о серебряныхъ ложкахъ, которая приказаль выковать для своей дружины Владіміръ, говоря: „сребромъ и златомъ не имамъ налѣти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже и дѣдъ мой, и отецъ доискалъ дружиною злата и сребра“. Слова Владіміра могутъ быть поняты въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ онъ говорить собственно о военной добычѣ и дани, которая могли состоять какъ изъ предметовъ золотыхъ и серебряныхъ, такъ и изъ монетъ. Что подъ золотомъ часто подразумѣвались предметы, показываетъ извѣстное мѣсто въ договорѣ Игоря 945 года: „А некрещеная Русь полагаетъ щиты своя и мечи наги, обручи и прочая оружія, да кленутся всѣмъ, яже суть на харатьи сей“. Описывая далѣе самую клятву Руси предъ Перуномъ, лѣтописецъ говоритъ: „Покладоша оружіе свое и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ“. Въ договорѣ Святослава объясняется, повидимому, и причина, почему они должны были класть на землю золотые обручи. Они клянутся, „да будемъ золоти, яко золото“, т. е., слѣдовательно, золото есть предметъ клятвы, какъ и оружіе и „мечи наги“, т. е. обнаженные мечи¹⁾.

Говоря о дани, которую царь Романъ обѣщалъ Игорю, лѣтописецъ прибавляетъ, что царь послалъ и печенѣгамъ „паволокы и злато много“, а дружина говоритъ Игорю: „аще глаголеть царь, то что хо-чемъ болѣ того не бившеся имати злато и сребро, и паволокы... и взя злато, и сребро, и паволокы на вся вои“. Это была мирная дань, по золото и серебро добываются и грабежомъ. Олегъ послѣ набѣга и послѣ полученія дани везетъ награбленное и полученное добро: „золото и паволокы, и овоши, и вина, и всяко узорочье“. Игоревы воины также „имѣнья не мало обою страну взяша“. Такимъ образомъ ясно, что подъ словомъ „злато и сребро“ разумѣются золотыя и серебряныя деньги и предметы добычи и полученной дани. Такъ часто упоминаемыя паволокы, которая получаютъ Олегъ и Игорь „на вся вои“, позволяютъ предполагать, что лѣтопись сохранила ясныя и точныя понятія о практикованшейся въ Византіи уплаты денежной пени, даже жалованья матеріями, по преимуществу шелковыми (объ этомъ см. дальше), вмѣсто монетъ. Отсюда не исключается возможность думать, что подъ златомъ и серебромъ подразумѣваются деньги и въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминаются рядомъ паволокы, но по преимуществу для дани (а не для военной добычи), какъ въ случаяхъ получения дани Олегомъ и Игоремъ. Рисовальщикъ миніатюрь Радзивиловской лѣтописи изображаетъ дары Ольгѣ въ Царьградѣ подъ видомъ сосуда, продолговатыхъ неопределенного вида предметовъ вродѣ ларцевъ и, что самое любопытное, подъ видомъ чаши, наполненной, повидимому, монетами (Листъ 32). Иногда дары изображаются въ точномъ соотвѣтствіи тексту: поляне даютъ козарамъ по мечу отъ дыма (Л. 7 обор.), или бѣлички шкурки, дѣвицу, при чемъ за предѣлы текста выходитъ поднесеніе сосуда (Л. 8): иногда вмѣсто упоминаемыхъ въ текстѣ черныхъ куницъ изображены сосуды, какъ въ случаѣ поднесенія дани Олегу

„Христорѣхіюс“ Юстиніана. О немъ подробно было сказано въ изслѣдованіи о премахъ кн. Ольги въ Царьградѣ.

¹⁾ Ср. у А. В. Лонгинова, О договорахъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XXV, стр. 502.

древлянами (Л. 11 обор.); подобные же сосуды изображены и въ дани Олегу грековъ, причемъ вмѣсто гривенъ, которыхъ онъ требовалъ, греки несутъ стаканъ, вазу и большой съ двумя ручками сосудъ. Эти сосуды не упоминаются ни въ дани, полученной Олегомъ (еще и паволоки кромѣ денегъ), ни въ его добычѣ.

Съ другой стороны, подъ златомъ разумѣется и вѣсовая единица золота и серебра (литръ серебра и золота и золотникъ) и монеты, какъ въ договорахъ съ греками, т. е. собственно деньги. Это обстоятельство должно быть связано съ тѣмъ, что на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ надпись гласить: „Владимиръ“ или „Ярославъ на столѣ, а се его злато“.

Такимъ образомъ, въ понятіе о дарахъ золотомъ и серебромъ входило представлѣніе какъ о золотыхъ и серебряныхъ предметахъ, такъ и о деньгахъ, въ частности монетахъ. Если къ этимъ вещественнымъ и денежнымъ дарамъ присоединить паволоки, фофуды, то и получатся тѣ „дары велики“, „дары многи“, о которыхъ говорить лѣтописецъ, подразумѣвая подъ ними то же самое, что въ средніе вѣка въ Византіи разумѣлось подъ словами „*δῶρα δωλιά*“., „*δῶρα πολυτελή*“¹). т. е. дорогѣ и драгоценныя предметы и деньги. Съ этой точки зрѣнія полученные княгиней Ольгой и ея свитой денежныя суммы и одинъ золотой сосудъ, конечно, по справедливости, могутъ казаться ничтожными дарами. Но были ли это дары?

Дѣло въ томъ, что въ уставѣ занесены не только два списка денежнѣхъ получений Ольги и ея свиты, но также и два списка саракинскихъ пословъ, при чёмъ оба саракинскіе посла получили также по 500 миліарисіевъ, и на такихъ же золотыхъ блюдцахъ (ἐν ἔχουτελλοις;), какъ и княгиня Ольга, а свита ихъ по три миліарисія на душу. Но и эти списки не единственны въ уставѣ. О нихъ говорится много разъ, и наиболѣе ясно въ главѣ о пріемѣ и отпускѣ итальянскихъ пословъ. Здѣсь сказано²):

„Когда императоръ желаетъ отпустить пословъ (Италіи), то ма- гистръ заранѣе долженъ составить съ вѣдома императора списокъ (γುಷಾಣ), что долженъ получить каждый изъ нихъ и что получаетъ каждый изъ ихъ людей, и передать этотъ списокъ комиту ларгионовъ (τι ἔχεστος ὀφείλη λαζεῖν καὶ πάγκου τοῦ ἀνθρώπου τι ἔχεστος ἀρμάζει). И когда этотъ (списокъ) будетъ готовъ, то императоръ даетъ аудіен- цію, и все остальное происходитъ, какъ во время пріемовъ, и входятъ послы..., и по приказанію императора вводить декуріонъ ихъ людей..., возглашаютъ имена (людей) и даетъ императоръ каждому его плату (ρύχу), рогу. И когда люди выйдутъ, тогда и пославъ императоръ даетъ столько, сколько приказано приготовить по уговору съ ними (εἰς λόγου ἀντῆμ)³).

Въ этомъ текстѣ особенно важными являются выраженія: „сколь-ко кто изъ пословъ долженъ получить и сколько получаетъ каждый

¹⁾ Такъ выражается о дарахъ Данелиды Феофанъ Theophanes contin. p. 317—18.

²⁾ Эта глава можетъ считаться какъ бы образцовой для формальностей со- ставленія подобныхъ списковъ и выдачи по нимъ денегъ.

³⁾ De serim. I, 397—8.

изъ ихъ людей" наряду съ выражениемъ, „по ихъ слову" (*εἰς λόγου χάττου*). Ясно, что послы и люди ихъ указываютъ магистру цифру должна полученія, а императоръ только разрѣшаетъ выдачу и выдаѣтъ получку. Эта получка представляется не единовременнымъ даромъ, а платой „рога" (*ρύγα*). сколько кто *получаетъ*, сколько кто *долженъ получить*. Количество этой платы въ уставѣ не указывается, такъ какъ оно обусловливалось договорными статьями, различными, надо думать, въ разное время. Изъ главы 56 второй книги устава слѣдуетъ также, что списокъ (*γυώσις*) составлялся акrostихомъ (*ἀκρότητον τῆς ρύγας*), т. е., повидимому, въ отдельности для каждого лица или же лицъ извѣстнаго ранга, что самая „рога" устанавливалась за службу каждого (*πρὸς τὴν δουλείαν ρύτον* I, 807). Было два рода „роги", одна воинская, другая чиновъ двора или комитовъ. Обѣ представляли ежегодную плату подъ видомъ подарка или царской милости, и потому отличались отъ обычнаго жалованья чинамъ двора, которое было постояннымъ и называлось *τυγχάνειχ* (*consuetudo* I, 459). Другая „рога", шедшая на содержаніе арміи и флота, занесена въ уставъ въ такихъ подробныхъ спискахъ ассигновокъ, которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что „рога" была, именно, плата за службу стратигамъ, солдатамъ и матросамъ въ военное время, именно, во время Критскаго похода. Эти списки, или *γυώσις*, императора Льва представляютъ подробныя и точныя указанія цифръ съ исчисленіемъ суммъ итога. Въ одномъ изъ этихъ списковъ, между прочимъ, сказано: „Русскихъ 700; рога одинъ кентенарій. Всему флоту съ русскими рога кентенаріевъ 17, литровъ 59, нумисмъ 42" (De серії. I, 654). Рога, говорить Райске, выдавалась обыкновенно золотомъ, а когда не было золота, то замѣнялась шелковыми одеждами¹⁾). Бывала „рога" и единовременная, въ отличіе отъ постоянной, стоявшей въ зависимости отъ продолжительности военной службы.

Изъ этихъ поясненій слѣдуетъ, что итальянскіе послы получили „рогу", т. е. плату при отпускѣ по договору, а не дары, но получили ее подъ видомъ царской милости въ особой специальной аудіенціи отъ самого императора. Что эта плата не представляла даровъ, видно изъ показаний о дарахъ того же устава. Дары въ уставѣ называются „*ένια*" и „*δῶρα*". Ихъ привозили послы иностраннѣхъ государствъ, и при доставленіи ихъ императору происходилъ особый приемъ, одинъ изъ актовъ котораго „*πρατήρωσις τοῦ καμιτάξιου*" (De серії. I, 138; II, 226) состоялъ въ представленіи ихъ императору самими послами. Дары оцѣнивались, заносились въ особые списки, чтобы въ случаѣ отদириванія императоръ зналъ, какіе надо послать равносильные отвѣтные дары. Въ числѣ даровъ можно указать не только ткани, сосуды, драгоценныя камни, но и лошадей. Кроме царскихъ даровъ, послы иногда подносили дары и отъ себя, т. е. личные посольскіе дары самому императору, но, кроме того, въ сношеніяхъ съ придворными чинами они

¹⁾ Д. О. Бѣляевъ. *Bizantina* 1, 2470 о жалованье папіи, прим. 1.

²⁾ См. также у А. В. Лонгинова, о. с. 482-о цѣнѣ въ девѣ паволокы за бѣжалвшаго челядина.

обязаны были подносить дары, т. е. дѣлать подарки, и этимъ чиновникамъ¹⁾.

Количество и качество ихъ зависѣло отъ усмотрѣнія подносящаго, что и выражается въ уставѣ словами: „если имѣеть, если хочетъ, что хочетъ“. Не лишнимъ будетъ упомянуть, что извѣстная владѣтельная особа Пелопоннисса Данелида принесла въ даръ Роману великолѣпные ковры, изготовленные ея женщинами²⁾.

Обращаясь къ спискамъ денежныхъ получений Ольги и ся свиты, должно прежде всего указать, что эти полученія совершенно не имѣютъ характера даровъ, и въ текстѣ устава дарами не называются. Въ способѣ выраженія устава относительно этихъ получений лежитъ отчасти и характеристика ихъ. Относительно членовъ мужской свиты сказано, что они получили — „ѣлѣзѹ“, а княгинѣ Ольгѣ было выдано, или даю, столько то: єѣблѹ тѣ архуотѣзѹ єн ѹрошѣ бѣлѣзѹ скорѣзѣлѣзѹ мілѣар. ф.“. (500). Такоже точно и двумъ саракинскимъ посламъ: „єѣблѹзѹ єн ѹрошѣ бѣлѣзѹзѹ скорѣзѣлѣзѹ“ по 500 миллиарисievъ каждому. Такія выраженія, какъ бѣлѡзѹ: фуутѣзѹ, бѣлѡзѹ ѹрошѹ лѣтрас; з’о) и лѣмѣзѹзѹ³⁾, въ смыслѣ выдаются и получаются жалованье, встрѣчаются очень часто и вполнѣ однородны съ выраженіями о выдачѣ и получкѣ жалованья стратигами, воинами, и, какъ указано ранѣе, съ выдачею и получкою „роги“ итальянскими послами по заранѣе составленному списку.

Княгиня Ольга была принята при дворѣ Константина Порфирородного два раза: 9 сентября и 18 октября. Во второй приемъ денежная выдача была значительно меньше, и въ этомъ надо видѣть одну изъ важнѣйшихъ особенностей списковъ, такъ какъ предполагается, что при прощальномъ приемѣ дары должны были быть болѣе щедрыми. Вотъ оба списка. Я привожу ихъ полностью, такъ какъ до сихъ поръ они приведены цѣликомъ только Шлецеромъ и Геснеромъ⁴⁾, другіе же историки приводятъ ихъ въ выдержкахъ и не совсѣмъ правильно. Наблюденія надъ иѣкоторыми цифрами въ связи съ крайне важными показаніями договоровъ Руси съ греками, приводятъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ исторического интереса:

Первый приемъ:

Анепсій Ольги	30	. . . . .	20
8 родственниковъ ся по . . .	20	Опущены или отсутствовали.	
20 пословъ по	12	22 по.	12
43 купца по	12	44 по.	6
Священникъ Григорій	8	. . . . .	8
2 переводчика по	12	. . . . .	12
Люди Святослава по	5	Опущены или отсутствовали.	

¹⁾ Дары пословъ царю и чиновникамъ описаны въ 1, 408—9.

²⁾ Theorh. contin. ed. Вопп. р. 317—18. Также: Гре́горо́віусъ. Истор. города Ае́нінъ, СПБ. 1900, стр. 66—7 и тамъ приведенная литература.

³⁾ De cerim. 1, 803 и др.

⁴⁾ Ibid. стр. 803 ѹрѣзѹзѹ: лѣмѣзѹзѹ 668 и 675.

⁵⁾ Шлецеръ, Несторъ IV, 100 сл.; Gesner, Kleine deutsche Schriften. Göttingen. 1756, 168—184.

6 людей пословъ по	3	Опущены или отсутствовали.
Переводчикъ Ольги	15	Опущенъ или отсутствовалъ.
Княгиня Ольга	500	200
6 родственницъ ея по	20	16 по 12
18 служанокъ по	8	по 6

Въ этихъ спискахъ особенное вниманіе привлекаютъ цифры получекъ: двухъ переводчиковъ, попа Григорія и пословъ. Оба раза всѣ они получаютъ одну и ту же цифру денегъ. Относительно переводчиковъ и священника Григорія должно сказать, что они могутъ считаться за представителей тѣхъ „мужей царевыхъ“, которые получали назначеніе состоять при посольствахъ, и по существу были чиновники византійского двора¹⁾. Обязанности этихъ чиновниковъ подробно описаны въ уставѣ (De cerim. I, 396—410, т. е. 88—90 главахъ), и съ ними мы встрѣчались уже при изложениіи сношеній Руси и Византіи. „Царевъ мужъ“ и „мужъ царства нашего“, т. е. греческаго, упоминаемые въ договорѣ Олега, въ общихъ чертахъ обозначаются подобныхъ чиновниковъ (Лавр. л. 31, 48). Вслѣдствіе этого можетъ стать понятнымъ и отсутствіе колебанія въ ихъ получекахъ, которыя могли быть простымъ жалованьемъ. При этомъ попъ Григорій могъ быть тѣмъ священникомъ, котораго обязанность заключалась въ совершенніи ежедневной молитвы до и послѣ обѣда, и онъ могъ быть приставленъ для этой и иныхъ цѣлей²⁾ самимъ патріархомъ (πατράδες τοῦ πατριάρχου). Равныемъ образомъ, получка пословъ, одинаковая въ обоихъ случаяхъ, можетъ быть объяснена также, какъ родъ посольскаго жалованія, о которомъ имѣются подробная и точная свѣдѣнія, какъ въ уставѣ, такъ и въ договорахъ Олега и Игоря съ греками. Но прежде чѣмъ указать на подробности договоровъ, касающіяся статей посольскаго и мѣсячного полученія Руси, приходившей въ Царьградъ съ мирными цѣлями, должно обратить вниманіе на то, что въ приведенныхъ спискахъ полученія второго приема, всѣ, кроме укаcанийъ трехъ, уменьшены съ какимъ-то особымъ разсчетомъ. Сущность этого расчета можетъ быть опредѣлена лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ нѣкоторая частиности не поддаются объясненіямъ.

Княгиня Ольга, отправляясь въ Царьградъ, должна была руководиться статьями договора Игоря, а также лежащими въ основѣ его договоромъ Олега, болѣе раннимъ. По договору Олега 907 года Русь, приходящая въ Царьградъ должна была останавливаться близъ церкви св. Маманта. Здѣсь, а можетъ быть и ранѣе, судя по сношеніямъ съ другими народами, имена пословъ и ихъ свиты должны были быть переписаны. Иногда посольства бывали встрѣчаемы на границѣ, и даже ранѣе границы, и перепись совершалась изъ предосторожности заранѣе, при встрѣчѣ, какъ это бывало въ сношеніяхъ съ восточными народами, саракинами, печенѣгами и проч. Статья договора Олега, устанавливающая необходимость переписи русскихъ посольствъ, очень краснорѣчива и непосредственно касается разбираемыхъ списковъ.....

¹⁾ Такъ полагалъ уже Wilken, Über die Verhältnisse d. Russen zum byzant. Reiche etc. p. 107.

²⁾ Шлецеръ съ правдоподобіемъ считалъ его за путеводителя по Царьграду, приставленного къ Ольгѣ, Nestor, IV, 105 сл.

„и послетъ царство наше да испишють имена ихъ и тогда возьмутъ мѣсячное свое, первое отъ города Кіева и паки отъ Чернигова и Переяславя и прочіи городи“.

Эта статья болѣе подробно и ясно и съ новыми добавленіями ре-
дактирована въ договорѣ Игоря:

„А великий князь русскій и боляре его да посылаютъ въ грекы
къ великимъ царемъ греческимъ корабли, елико хотять со слы и съ
гостями, якоже имъ уставлено есть. Ношау сли печати златы, а гости
серебрени. Нынѣ же увѣдѣль князь вашъ (нашъ) посылати грамоту ко
царству нашему (нашему) иже посылаемы бывають отъ нихъ слы и
гости, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль сель-
ко. И отъ тѣхъ да увѣмы и мы, яко съ миромъ приходятъ... Аще при-
дуть Русь безъ купли да не взымаютъ мѣсячина... И приходящимъ
имъ да витають у церкви св. Мамы, да послеть царство наше и ис-
пишють имена ваша, и тогда возьмутъ мѣсячное свое, сли слебное, а
гости мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки отъ Чернигова и Пере-
яславля“.

Изъ этой статьи договора уже прямо слѣдуетъ, что предувѣдо-
мленіе о посольствѣ на корабляхъ должно было происходить заранѣе
посредствомъ особой грамоты. По прибытии въ Царьградъ и по размѣ-
щенніи въ особомъ кварталѣ у церкви св. Маманта, посольство должно
было быть переписано для того, чтобы поступить на полное содержаніе
государства съ особымъ жалованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, надо
искать первое происхожденіе двухъ списковъ, приведенныхыхъ въ уставѣ.
Соответствующая глава о пріемѣ пословъ въ уставѣ только ближе по-
ясняетъ статью договора Игоря, и особенно слова: „якоже имъ уста-
влено есть“, такъ какъ подробно разъясняетъ вопросы о царскомъ муш-
жѣ (магистрѣ), и приготовленіи квартиръ, о размѣщенніи пословъ и
проч.¹⁾). Крайне важнымъ для пониманія посольского и мѣсячного со-
держанія является статья договора Олега, въ которой находимъ вы-
раженія, соответствующія вышеприведеннымъ словамъ *εἰς λέγουσιν*,
употребленнымъ въ уставѣ для опредѣленія „роги“ итальянскимъ по-
сламъ. Здѣсь сказано: „да приходятъ Русь слебное емлють, елико хотятъ,
а иже придутъ гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяцевъ и хлѣбъ,
и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовы,
елико хотять“. Изъ этой статьи слѣдуетъ, что посольское жалованье
получали послы и что количество „слебного“ и „мѣсячного“ устанав-
ливалось по желанію пословъ и купцовъ. Нельзя не видѣть, что въ
словахъ „елико хотять“ на лицо тотъ же смыслъ, что и въ выраженіи
„по слову ихъ“, т. е. „по ихъ назначенню“, употребленному относитель-
но итальянскѣй пословъ. Изъ этикѣ выраженій слѣдуетъ, что коли-
чество посольского и мѣсячного жалованья не было установлено заранѣе,
а вытекало изъ соглашенія сторонъ. Въ договорѣ Игоря эта
статья редактирована менѣе уступчиво: „возьмутъ мѣсячное свое,
сли слебное, а гости мѣсячное“. Я не могу согласиться съ многоу-
важаемымъ изслѣдователемъ договоровъ Лонгиновымъ относительно
того, что „мѣсячное“ состояло только изъ предметовъ натурой: хлѣба,
вина, мяса, рыбы, овощей и бани²⁾). Текстъ договора Олега ясно го-

¹⁾ De серіїл. 1, сар. 87, р. 393.

²⁾ О. с., стр. 471.

ворить о посольскомъ и мѣсячномъ на шесть мѣсяцевъ, и кромѣ того еще о натурѣ: хлѣбѣ, винѣ и проч., что подтверждается главой о послахъ въ уставѣ, только что указанной¹⁾). Что касается шестимѣсячного срока для получения „слебнаго“ и „мѣсячнаго“, то онъ поясненъ договоромъ Игоря, въ которомъ сказано, что Русь не имѣеть права оставаться въ Царьградѣ на зиму, т. е., слѣдовательно, лишается и жалованья и содержанія на зимніе мѣсяцы. Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что персидскому послу при передвижениі его къ столицѣ полагалось 5 вередовъ денегъ и 30 муловъ. Кромѣ того, на путевыя издержки восточныхъ пословъ полагались особыя суммы, списки которыхъ хранились въ „скринѣ варваровъ“ (ἐν σκριψτῷ τῶν Βαρβάρων). По пріѣздѣ въ Царьградъ персидскіе послы поступали на полное иждивеніе государства. Имъ отводилась квартира съ обстановкой, а въ 946 году они были помѣщены въ Хризейонѣ на полномъ довольствіи и събанѣ въ томъ же домѣ, или по сосѣдству. Баня оговорена и въ русскихъ договорахъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что по условіямъ договоровъ и русскимъ посольствамъ составлялись списки, или „γυψεῖς“, что подтверждается двумя приведенными въ уставѣ списками смѣть. Что такие списки были поименными, указываютъ три имени, вошедшія въ эти смѣты: Ольга, Святославъ, Григорій. Эти списки представляютъ, несомнѣнно, одобренныя императоромъ смѣты, въ основѣ которыхъ лежитъ общій поименный списокъ. Затѣмъ, всѣ остальные свитскіе вошли въ смѣту по рубрикамъ, а второе по рангу лицо послѣ княгини Ольги вошло подъ именемъ Анепсія, или племянника ея²⁾). Суммы, обозначенные въ смѣтахъ, были раздаваемы оба раза послѣ пира, въ видѣ царской милости, по обычаю византійскаго двора, что видѣлъ и описалъ въ это же приблизительно время Ліутпрандъ, присутствовавшій при такой раздачѣ денегъ. Для яснаго пониманія способа составленія этихъ списковъ имѣетъ важное значеніе и то, что мужчины и женщины выдѣлены въ особыя группы, что, въ свою очередь, связывается съ требованиями придворнаго строя, такъ какъ мужская и женская половины посольства пировали отдельно: Княгиня Ольга пировала въ обществѣ императрицы, а ея племянникъ съ императоромъ. Кромѣ денегъ, никакихъ предметовъ никому не было ни выдано, ни подарено, а это обстоятельство прямо указываетъ на то, что денежная выдача имѣла специальный характеръ и не представляла даровъ. Правда, самой Ольгѣ 500 миліарисіевъ были поднесены на золотомъ, украшенномъ драгоценными камнями блюдѣ, но самое блюдце представляло обычный и необходимый предметъ для поднесенія денегъ. Въ такихъ же блюдцахъ были поднесены по 500 миліарисіевъ двумъ сараскинскимъ посламъ, и Райске многими примѣрами подтвердилъ существованіе этого обычая въ глубокой древности. Такъ, еще Геродотъ, передаетъ онъ, описываетъ даръ Демокеду, состоявшій изъ золотого фіала, наполненнаго статерами. Олимпіодоръ, въ описаніи свадьбы Аги-

¹⁾ Всѣ предметы обстановки и стола прекрасно разъяснены въ этой главѣ.

²⁾ Указываю пока на сочиненіе: Krug, Kritische Versuch zur Aufklarung d. byzantinischen Chronologie, S. Petersburg, 1810, p. 210—214, гдѣ подробно разобрана этимологія слова ἀνέψιος.

лульфа съ Галлой Плацидіей, говорить о дарѣ золота и драгоцѣнныхъ камней, поднесенныхъ женихомъ своей невѣстѣ. Пятнадцать юношей несли каждый по два золотыхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ былъ наполненъ золотомъ, а другой драгоцѣнными камнями, но такихъ случаевъ можно было бы указать множество. Повидимому, этотъ же обычай изображаетъ миниатюристъ Радзивиловской лѣтописи, давая въ руки одного изъ юношей вазу съ круглыми предметами внутри (монетами?), которую онъ несетъ въ даръ княгинѣ Ольгѣ, идя за другими, несущими сосуды (Л, 32). Указанное блюдо, такимъ образомъ, представляя обычный предметъ для поднесенія денегъ, не нарушаєтъ общаго денежнаго содержанія двухъ разбираемыхъ смѣтъ и не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть показателемъ того, что Ольга и ея свита получили дары, а не специальную плату, подъ видомъ царской молости.

Такая плата могла быть только посольскимъ и мѣсячнымъ жалованьемъ, какъ самой княгинѣ Ольгѣ, такъ и ея племяннику, посламъ, купцамъ и всей свитѣ. При такомъ взглядѣ на двѣ смѣты совершенно устраниется возможность видѣть во второй изъ нихъ какое-либо предумышленное униженіе посольства, выразившееся въ уменьшениі даровъ. Такъ какъ деньги эти представляли не дары, а плату за извѣстное время помѣсячно, то совершенно ясно, что плата уменьшена сообразно съ разсчетомъ времени, за которое выдана. Такъ какъ по смыслу договора княгиня Ольга съ посольствомъ не могла оставаться въ Царьградѣ на зиму, то второй пріемъ надо считать послѣднимъ предъ ея отъѣздомъ. Доживши до 18 октября и оставаясь долѣ, она не только могла нарушить условія договора, но и рисковала ъхать домой въ бурный періодъ глубокой осени по морю, особенно „негостепримному“ въ это время года. Поэтому, можно думать, что смѣта второй выдачи составлена за время, прошедшее отъ 9 сентября по 18 октября, или даже по день отъѣзда. Отсюда самъ по себѣ вытекаетъ крайне важный выводъ, что смѣта первого пріема составлена за время болѣе продолжительное, чѣмъ одинъ мѣсяцъ и 9 дней, а это, въ свою очередь, показываетъ, что Ольга значительное время прожила въ Царьградѣ, прежде чѣмъ была принята при дворѣ первый разъ. Наша лѣтопись, неожиданно подтверждаетъ это обстоятельство, передавая отвѣтъ Ольги посламъ Константина, требовавшаго даровъ и войска: „аще... также постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду, тогда ти дамъ“. Изъ этого неудовольствія Ольги слѣдуетъ, что она долго стояла на корабляхъ въ гавани въ ожиданіи пріема при дворѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, числа двухъ мѣсяцевъ 9 сентября и 18 октября въ связи съ указанными соображеніями даютъ прочное основаніе усомниться въ правильности лѣтописной даты, т. е. 955 года, къ которому пріурочена поѣзда княгини Ольги въ Царьградѣ. Такъ какъ старый годъ начался съ сентября¹⁾, а изъ общаго показанія цифръ первой смѣты вытекаетъ, что Ольга получила посольское и мѣсячное содержаніе за значительный промежутокъ времени, протекшій со дня пріѣзда до первого получения, т. е. до 9 сентября, то ясно, что годъ 955 ошибоченъ. Ограничиваюсь пока этимъ простымъ указаніемъ на неправильность лѣтописной даты, долженъ сказать, что описание пріемовъ княгини Ольги,

1) Въ дипломатическихъ сношеніяхъ по индиктамъ См. Mas. Latrue, Le trésor de chronologie. Paris. 1889, p. 28.

внесенное въ уставъ, даетъ еще и другія частности для правильнаго опредѣленія даты, но эти частности стоять въ связи съ редакціей всей 15 главы второй книги устава, а разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса о редакціи 15 главы, увлекло бы меня далеко за предѣлы настоящаго изложения.

Такимъ образомъ, денежныя суммы, полученные оба раза княгиней Ольгой и ея свитой, представляли не дары, а посольское и мѣсячное жалованье подъ видомъ царской милости, полученное оба раза согласно договору Игоря, а не дары, которые она должна была получить особо, въ отвѣтъ на привезенные ею дары. Что княгиня Ольга должна была прибыть въ Царьградъ съ дарами, о томъ свидѣтельствуетъ не только весь строй дипломатическихъ сношеній тогдашняго времени, но и самыи уставы. Княгиня Ольга была принята въ великолѣпномъ залѣ Магнавры и удостоилась высшаго и наиболѣе почетнаго приема царемъ, который сидѣлъ на золотомъ Соломоновомъ механическомъ тронѣ. Весь церемоніалъ приема прошелъ согласно общему обряду, который требовалъ предъявленія даровъ послы царю, т. е. такъ называемаго „*зэрпѣророзу тѣхъ халифовъ*“; а текстъ описанія не указываетъ въ этомъ отношеніи никакого отступленія отъ общаго обряда, заявляя, что „все произошло какъ въ предыдущемъ обрядѣ“. Въ лѣтописи, правда, нѣтъ никакихъ указаній на то, что Ольга повезла съ собою дары, но въ Четьяхъ Минеяхъ Димитрия Ростовскаго подъ 11 июля находимъ любопытное свѣдѣніе, неизвѣстно откуда почерпнутое, что Ольга „пояши съ собою нѣкіе отъ россійскихъ нарочитыхъ боляръ¹⁾ и дворянъ, поиде со многимъ имѣніемъ въ Царьградъ и пріята бысть тамо съ великою честью отъ царя и патріарха, имже и *дары многы*, таковыхъ лицъ достойныя принесе“... Это свѣдѣніе тѣмъ болѣе интересно, что рядомъ съ нимъ сообщается и о великомъ пирѣ послѣ крещенія Ольги и по поводу его. Пиры, какъ сказано ранѣе, описаны и въ текстѣ устава.

Принесши дары императору, она не могла не получить даровъ отъѣтныхъ. Лѣтопись перечисляетъ эти дары. Это были: „злато, сребро, паволокы, сосуды разноличные“, и уменьшать значеніе этого показанія лѣтописи, какъ видно изъ предыдущаго, нѣтъ надлежащихъ основаній. Правда, оно можетъ быть легендарнымъ, шаблоннымъ, какъ и другія свѣдѣнія о дарахъ русскимъ посламъ и князьямъ, но въ немъ заключается вѣрный историческій смыслъ. Оно утверждаетъ, что Ольга получила отвѣтные дары, а это показаніе лѣтописи не менѣе цѣнно, чѣмъ показаніе договора Игоря о „слебномъ и мѣсячномъ“, которое она должна была получить, разъ єхала на основаніи этого договора, хотя бы въ уставѣ и не сохранилось драгоценныхъ смѣтъ денежныхъ получений ея самой и ея свиты. Дары понимаются лѣтописцемъ совершенно такъ-же, какъ и другими историками, болѣе ранними, говорящими о дарахъ халифамъ, Карлу Великому, о дарахъ упомянутой уже Данелиды и имъ подобныхъ, и, какъ понимаетъ уставъ, называя ихъ єоніа, єѡра.

¹⁾ Ср. въ договорѣ Игоря: Князь великий и боляре его да посылаютъ въ грекы къ великимъ царемъ и т. д.

Приведенные мною многочисленные данные, рисующія состояніе языческаго русскаго искусства, и роскошная картина сложныхъ сношений древней Киевской Руси съ Византіей позволяютъ легко перейти къ изслѣдованію древнаго искусства Кіева и Чернигова.

КІЕВЪ.

Данныя нашихъ лѣтописей, извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей, показываютъ, что древняя Русь знакомилась съ искусствомъ своихъ соѣдей, восточныхъ и западныхъ народовъ, при посредствѣ торговыхъ, политическихъ сношеній и войнъ. Различные предметы народнаго художественаго быта Византіи, Болгаріи у Итиля привозились на Русь купцами или же появлялись здѣсь въ видѣ даровъ посламъ и князьямъ, или, наконецъ, привозились сюда въ видѣ военной добычи и дани. Роскошныя шелковыя ткани (паволоки) шли изъ Византіи, Китая, Персіи торговыми путями и какъ дань. Русскіе, бывавши въ Царьградѣ имѣли право покупать эти паволоки на основаніи договоровъ Руси съ греками. Съ востока и запада приходили въ Русь золотая и серебряная ювелирная издѣлія, служившія для украшенія мужскихъ и женскихъ костюмовъ, шла золотая, серебряная и полилія посуда, восточная арабская и византійская монета, частью скандінавская. Раскопки древнихъ русскихъ могилъ и городищъ (т. е. нѣкогда населенныхъ и укрѣпленныхъ со стратегическою цѣлью мѣсть) показываютъ, что древняя Русь въ IX - X столѣтіяхъ не только была знакома съ разнообразными художественными ремеслами своихъ соѣдей, но и сама имѣла свои мастерскія и своихъ мастеровъ¹⁾. Эти раскопки показали, что и позднѣе, въ XI XII столѣтіяхъ, въ главныхъ городахъ домонгольской Руси, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Рязани, существовали самыя уточнѣнныя производства изъ золота, серебра, что художественными ремеслами занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Ихъ мастерскія изготавливали драгоценныя ожерелья, украшенныя эмалью, сканью и филигранью (*filum granum* - нить изъ зеренъ, зернь), діадемы, браслеты, кольца, запястья, серебряные и золотые сосуды, посуду, конскую сбрую, художественно украшенную, оружіе: мечи, стрѣлы, которыми Кіевъ славился еще и въ XIV XV вѣкахъ. Кіевскія серебряныя издѣлія съ чернью, т. е. наведеннымъ на серебряные предметы чернымъ эмалевымъ, рисункомъ, славились въ западной Европѣ въ XII вѣкѣ и позднѣе. Множество предметовъ этого рода найдено въ видѣ кладовъ, другіе встрѣчены въ курганахъ и могилахъ. Кроме этихъ художественныхъ ремеселъ въ древней Руси процвѣтала рѣзьба на рыбьей кости, на деревѣ. Извѣстна и рѣзьба на графитѣ, на камнѣ и мраморѣ. Картина быта, рисуемая этими художественными ремеслами, заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія. Тѣмъ болѣе, что первыя начала русскаго историческаго художественнаго стиля здѣсь выступаютъ съ особенной яркостью и обрисовываются одну изъ его сторонъ.

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады. Также: Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности. Вып. V. 1897.

Съ другой стороны, наша лѣтопись говоритъ о Киевѣ, какъ о славномъ и большомъ велиокняжескомъ городѣ, съ развитой культурной жизнью, находящемся издавна въ непрестанныхъ спопеніяхъ съ Византіей, востокомъ и западомъ. Войны Игоря, Олега, Святослава сдѣлали древнюю Русь извѣстной всему тогдашнему миру. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ говорить съ увлечениемъ о славѣ Святослава, донесшейся до пѣмцевъ, венеціанцевъ, грековъ и моравовъ послѣ побѣды его надъ Кобякомъ, а митрополитъ Илларіонъ, современникъ Ярослава, вспоминая объ Игорѣ, Владимірѣ и Святославѣ, восклицаетъ: „не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли“.

Дѣйствительно, Киевъ, распространившій свою власть на сосѣднія племена сѣвѣра, сѣверо-запада, юга и востока, вѣль обширную торговлю съ иностранными государствами, былъ наполненъ выходцами изъ европейскихъ странъ и развивался на подобіе большихъ средневѣковыхъ городовъ тогдашняго міра. Расположенный на живописныхъ возвышеностяхъ Днѣпра, окруженный лѣсами, Киевъ представлялъ собою естественно укрѣпленный пунктъ. Киевскіе холмы представляли для тогдашняго времени мало доступнія твердыни, какъ и холмы Рима, Царѣграда, Александрии, Іерусалима и другихъ средневѣковыхъ городовъ. Какъ и эти міровые города—крѣпости, Киевъ имѣлъ свой средний или главный холмъ, представлявшій крѣпость. Со времени Олега, повидимому, главнымъ центромъ города стала холмъ Кія, или та часть современного Киева, которая извѣстна подъ именемъ старого города. Этотъ холмъ защищалъ нижнюю часть города или Кіево-подоль, сначала по свидѣтельству нашей лѣтописи, лишенный жителей и отгороженный отъ верхняго города защитной деревянной стѣной (кольями), но затѣмъ, со времени укрѣпленія холма Киева, заселенный людьми. Отсюда шелъ въ гору подъемъ, извѣстный подъ именемъ „Боричева взвода“¹⁾). Земляные насыпи или валы съ деревянными стѣнами и башнями огибали крѣпость. Изъ одной части города въ другую вели также спуски и были перекинуты черезъ „дебри“, или рвы, деревянные мости.

Холмъ Кія одинъ изъ первыхъ на Руси сталъ украшаться великолѣпными храмами. Вмѣстѣ съ христіанствомъ, воспринятымъ изъ Византіи, на Русь проникло и византійское зодчество съ его роскошью украшеній и религіозная живопись. Формы и стиль наиболѣе древняго русскаго искусства, существовавшаго въ языческую эпоху, вступаютъ въ борьбу съ новыми формами.

Все, сказанное ранѣе (во введеніи) о Владимірѣ, свидѣтельствуетъ, что заботы его объ украшеніи Киева были велики, разносторонни и касались не только украшенія въ собственномъ смыслѣ города, но и въ введеніи новыхъ формъ христіанского культа и въ просвѣщеніи. И вотъ Владиміръ задумалъ создать величественную церковь въ Киевѣ! Была ли это первая церковь? Еще въ 947 году въ договорѣ Игоря упоминается церковь св. Иліи, въ которой клялась княжеская варяжская христіанская дружина Игоря, такъ какъ многие варяги были христіане. Извѣстны также церкви въ селѣ Васильевѣ, на Берестовѣ, въ Вышгородѣ, выстроенные Владиміромъ, и кромѣ того Киевскій Патерикъ при-

¹⁾ Быть можетъ теперешній Андреевскій спускъ.

писываетъ Олмъ (владѣтелю Олмина двора) построеніе церкви св. Николая на Аскольдовой могилѣ, а св. Ольгѣ построеніе ц. св. Софіи. Ничего не извѣстно объ этихъ церквяхъ. Мы не знаемъ даже, были ли онъ деревянныя или каменныя, за исключеніемъ деревянной Вышгородской церкви. Съ другой стороны, лѣтопись вполнѣ опредѣленно удостовѣряетъ, что Владіміръ, принявъ крещеніе, приказалъ повеоду уничтожать идоловъ, капища и требища и на ихъ мѣстахъ строить церкви: „*повелъ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры, и постави церковь св. Василья, идѣже стояше кумиръ Петрунь и прочиц, идѣже творяху потребы князь и людіе. И нача ставити по градомъ церкви и попы.*”

Изъ этихъ выраженій должно заключать, что церкви эти были деревянныя, рубленныя изъ дерева, и что онъ заняли собою мѣста капищъ и требищъ. Не касаясь пока разбора терминовъ „рубити“ церкви и „ставити“ церкви, о которыхъ будетъ сказано при изложении исторіи русскаго деревяннаго зодчества, укажу только на то, что лѣтописецъ ни словомъ не упоминаетъ о вызовѣ греческихъ мастеровъ для построенія этихъ церквей, изъ чего можно сдѣлать прямое заключеніе о томъ, что эти церкви возникали при посредствѣ своихъ собственныхъ мастеровъ.

Припомнай, что Владіміръ въ языческую пору своей жизни поставилъ идоловъ, что, затѣмъ, принявши христіанство онъ строить церкви, украшаетъ городъ привезенными мѣдными конями „Бабинъ торжокъ“, наконецъ, строить вселоклѣпную Десятинную церковь, мы станемъ передъ эпохой, ярко освѣщенной дѣятельностью этого князя. Владіміръ вообще отличался широкимъ починомъ въ строительной дѣятельности. У него было нѣсколько загородныхъ дворцовъ, где онъ любилъ проводить времена.

Десятинная церковь.

Обстановка, среди которой является лучшее сооруженіе Владіміра въ Кіевѣ Десятинная церковь, выстроенная изъ камня и очень значительныхъ размѣровъ, показываетъ, что этой церкви надлежало выполнить главнѣйшую роль разсадника христіанскаго культа и проповѣщенія. Въ житіи свв. Бориса и Глѣба, составленномъ Несторомъ, Десятинная церковь названа „нашей каѳолической церковью“, т. е. соборной („каѳоликонъ клісіа“¹⁾). Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ о построеніи этой церкви, выдвигая ея значеніе среди другихъ кіевскихъ храмовъ: „*Посемъ же Володіміръ (т. е. послѣ крещенія) живяше въ законѣ хрестьянскіи, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, Пославъ, приведе мастера отъ грекъ. И наченши же ему здати и яко сконча зика украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину, и попы корсунскіе пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взяль въ Корсуни, иконы, и сосуды и кресты*“²⁾.

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: Миніатюры „Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ Сильвестровскаго сборника“. Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ 1910, Т. XV, книжка 3-я, стр. 46.

²⁾ Лавр. л. стр. 119. Въ 1-й Новгородской лѣт. прибавлено: „иконы и кресты честные съ драгимъ каменiemъ“. (Лѣт. по Синод. списку, стр. 71).

Въ этомъ повѣствованіи лѣтописца важно отмѣтить, что Владими́ръ призываетъ мастеровъ огъ грековъ. Церковь была каменная, выстроена по греческому архитектурному плану и богатствомъ своихъ украшений превзошла все извѣстное до сихъ поръ въ Киевѣ убранство церквей. Церковьостояла въ цѣлости до 1224 года и пала во время нашествія Батыя, не выдержавъ тяжести скопившагося въ ней народа съ имуществомъ. Въ маломъ видѣ она была возстановлена на части своихъ развалинъ¹⁾ Петромъ Могилой, а въ 1828 году остатки ея были открыты генераломъ Анненковымъ, выстроившимъ также на части ея плана теперь существующую церковь. Изъ развалинъ ея извлечены части мраморныхъ досокъ, цвѣтного шифера, обломки мозаики и фресокъ, части большой греческой надписи, часть мозаичного пола. Изъ этого должно заключать о роскоши и богатствѣ ея внутренняго убранства. Обиліе мраморныхъ украшений повело къ тому, что церковь называлась „мраморной“: „шедше сквозѣ Бабинъ торгъ, также на великий торгъ, пришедше ко мраморной церкви Пречистыя Богородицы“²⁾.

Какъ видно изъ отчета о раскопкахъ Десятинной церкви, предпринятыхъ Императорской Археологической Комиссіей въ 1908 году, эта каменная, наиболѣе знаменитая церковь, была выстроена на такъ называемой теперь рушенной землѣ. Фундаменты церкви были положены хотя и на материковой землѣ, но нарушенной погребеніями болѣе древними и какимъ-то деревяннымъ срубомъ, устроеннымъ слѣва ниже фундаментовъ церкви. Неустойчивость почвы потребовала особыхъ приемовъ въ устройствѣ фундаментовъ, т. е. въ ихъ укрѣпленіи. Важнымъ обстоятельствомъ является то, что могилы не были разрушены и kostяки оставлены въ цѣлости. Построеніе церкви на неустойчивой почвѣ, бережное отношеніе къ могиламъ, здѣсь бывшимъ, и особенные приемы въ укрѣпленіи фундаментовъ двумя слоями деревянныхъ бревенъ и рядами колъекъ, залитыхъ известью, причемъ укрѣпляемая та кимъ образомъ площадь простидалась и за алтарной частью церкви, показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то нарочитымъ требованіемъ тогдашняго времени воздвигнуть храмъ именно на этомъ мѣстѣ, не смотря на его неудобства въ строительномъ отношеніи. Найденная въ одной изъ могиль монета византійскихъ императоровъ Василия I и Константина (869—870) ясно доказываетъ, что на этомъ мѣстѣ существовало кладбище болѣе чѣмъ за столѣтіе до построенія церкви Владимиромъ. Можно думать что, именно, эта неустойчивость рушенной почвы была основной причиной ранней гибели зданія, упавшаго при перегруженіи его народомъ, прятавшимся здѣсь со своимъ имуществомъ во время осады Киева Батыемъ. Деревянная бревна, служившая укрѣпленіемъ площади постройки, чтобы облегчить корпусу храма равнотѣрную осадку, найдены истлѣвшими, а самый слой извести во многихъ мѣстахъ раздавленнымъ тяжестью стѣнъ³⁾.

Въ лѣтописи находимъ свѣдѣніе, что Десятинная церковь была выстроена на томъ мѣстѣ, где стоялъ домъ варяговъ Иоанна и сына его Феодора, погибшихъ мученической смертью, такъ какъ оба они бы-

¹⁾ Въ постройку Петра Могилы вошелъ юго западный уголъ развалинъ церкви. Эта церковь просуществовала отъ 1635 до 1822 года.

²⁾ Сборн. матеріаловъ для истор. топogr. Киева. 1874, 18, 19.

³⁾ См. Отчетъ Императорской Археолог. Комиссіи за 1908 г., стр. 132—158.

ли принесены въ жертву тому Перуну, который былъ поставленъ Владимиromъ близъ двора теремнаго.

Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не усмотрѣть обычной христіанской традиціи ставить церкви на мѣстахъ мученической кончины святыхъ или надъ тѣлами, могилами мучениковъ: „*Вяще варягъ единъ и бѣ дворъ его, идѣ же есть церкви Святыя Богородица, юже сдѣла Володимиръ: бѣ-же варягъ той пришелъ изъ грекъ, держалъ въру хресто-анску*“.¹⁾ (Лавр. л. 35). Весьма знаменательнымъ въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что Владимиrъ, стремясь искоренить язычество въ Кieвѣ, поставилъ церковь св. Василия на томъ мѣстѣ, где стоялъ Перунъ, т. е. на мѣстѣ требища, а Десятинная церковь была поставлена на мѣстѣ убіенія варяговъ Феодора и Ioanna, первыхъ русскихъ христіанскихъ мучениковъ. Выборъ мѣста для построенія церкви былъ опредѣленъ мѣстомъ мученія, и, такимъ образомъ, лѣтопись косвенно подтверждаетъ даннаго раскопокъ. Мѣсто это по лѣтописи было жилое, а это подтверждается найденнымъ срубомъ, хотя о кладбищѣ лѣтопись не сообщаетъ ничего. Во всякомъ случаѣ построеніе Десятинной церкви на неудобной для строенія землѣ должно было быть вызвано серьезными причинами, и мы ихъ находимъ въ указаніи на смерть первыхъ русскихъ мучениковъ на этомъ мѣстѣ. Митрополит Илларіонъ, говоря о построеніи Десятинной церкви Владимиromъ, приводитъ, что онъ „созда ю на правѣворнѣй основѣ“²⁾. Подъ правовѣрной основой надо резумѣть именно мѣсто мученической кончины варяговъ Феодора и Ioanna, державшихъ правую вѣру, „въ отличие отъ языческой основы, на которой была построена церковь св. Василия: „на мѣстѣ идѣже стояше Перунъ и прочи“²⁾... Слѣдуетъ также помнить и о томъ, что Софійскій соборъ, выстроенный на полѣ, где произошла битва съ печенѣгами, стоялъ и не разрушился, несмотря на то, что былъ, повидимому, переполненъ народомъ не менѣе Десятинной церкви: Причину этого можно видѣть въ томъ, что Софійскій соборъ былъ выстроенъ на цѣльной, не рушеннай почвѣ.

На эту церковь Владимиrъ далъ десятую часть своихъ доходовъ, отчего она и получила название Десятинной.

Разборъ совокупности всѣхъ данныхъ, касающихся Десятинной церкви, показываетъ, что въ Кieвѣ явилось роскошное зданіе византійской архитектуры, отличной отъ формъ мѣстной, деревянной архитектуры, зданіе, выстроенное византійскими зодчими и украшенное греческими же художниками. Какъ бы ни были ничтожны остатки этикъ украшений, найденныхъ въ развалинахъ ея, при раскопкахъ, но и они заслуживаютъ вниманія, такъ какъ церковь была выстроена въ такое время, которое отстоитъ отъ нашего почти на тысячу лѣтъ. Десятинная церковь была заложена въ 989 году а окончена 12 мая 996 г.

Мы не можемъ судить теперь о виѣшнемъ архитектурномъ видѣ Десятинной церкви. Открытыя части ея фундаментовъ показываютъ только, что она имѣла на востокѣ обычную три выступающія абысиды, изъ которыхъ средняя абысида-алтарная больше боковыхъ, т. е. жертвенника слѣва и діаконика справа. Всѣ три абысиды съ виѣшней сто-

1) Буслаевъ, Историч. христом. стр. 898.

2) См. мою статью въ „Сборнику въ память крещенія Руси Владимиromъ“, подъ заглавиемъ: Къ вопросу о строительной дѣятельности Владимира Святого.

роны представляютъ выступающія полукружія, сомкнутыя вмѣстѣ, а не отдаленныя другъ отъ друга. Съ внутренней стороны эти полу-кружія имѣютъ видъ, нѣсколько напоминающій подкову, что встрѣчается въ византійскомъ зодчествѣ отмѣченномъ по преимуществу восточнымъ вліяніемъ. По сторонамъ этихъ трехъ абсидъ справа и слѣва примыкаютъ какія-то пристройки, образовавшія на восточной сторонѣ родъ заплечій. Повидимому, это были боковые притворы. Эти особенности даютъ понятіе о томъ, что открытыя до сихъ поръ части плана Десятинной церкви продолжались на востокѣ, къ восточному притвору, образуя въ планѣ типъ, близкій къ базилическому и купольному, съ которымъ мы встрѣтились еще въ Черниговѣ.

О внутреннихъ украшеніяхъ храма можно сказать только то, что онъ былъ украшенъ фресковой и мозаической живописью, какъ и Кіево-Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, т. е. что въ немъ соединены были оба рода живописи, а не одинъ. О содержаніи этой живописи мы можемъ себѣ составить иѣкоторое представленіе на основаніи общихъ данныхъ, свойственныхъ вообще росписи византійского храма X столѣтія, а также на основаніи иѣкоторыхъ косвенныхъ указаній лѣтописи.

Византійское церковное искусство X вѣка, недавно еще пережившее потрясенія иконоборческаго движенія, въ это время переживало свой вторичный расцвѣтъ. Стѣны храмовъ вновь одѣлись въ свои рѣкошные священные формы живописи. Въ зодчествѣ византійского храма соединялись издавна всѣ роды искусства, чтобы создать изъ него цѣльное, единое по замыслу художественное произведеніе. Въ это время особенной любовью пользуется купольный видъ храма, разрабатываемый на тѣхъ же общихъ архитектурныхъ принципахъ которыя явились въ строительныхъ формахъ купольной базилики времени Юстиніана—въ знаменитомъ цареградскомъ храмѣ св. Софіи. Внутри стѣны и полы покрывались дорогими разноцѣнными мраморами, инкрустациями, мозаической и фресковой живописью. Мраморная изъ карійскаго и вессалійскаго мрамора колонны поддерживали своды. Купола, алтарные абсиды и стѣны покрывались священными изображеніями на синихъ и золотыхъ фонахъ. Въ вѣкъ Василія Македоняніна (867—886), отмѣченный въ исторіи особымъ подъемомъ въ строительствѣ Царьграда, является „Новая базилика“, знаменитый храмъ, въ которомъ уже узаконенъ новый пріемъ церковной росписи. Патріархъ Фотій описываетъ въ этой базиликѣ въ куполѣ образъ Христа Вседержителя, а въ главной абсидѣ образъ Пречистой Дѣвы, поднявшей за насть свои чистыя руки, т. е. образъ молящейся Богородицы, въ типѣ древней оранты. На стѣнахъ церкви вновь явились события Ветхаго и Нового Завѣтovъ, т. е., иначе говоря, уже сложился обычный типъ росписи, основную мысль которой послѣдующее искусство развивало съ разныхъ сторонъ примѣнительно къ посвященію храма имени святого. Эта мысль должна была выражать исторію человѣчества въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, искупленіе его въ Новомъ жертвой Христа и подвигами мучениковъ. Поэтому въ каждомъ храмѣ независимо отъ его посвященія обычно встрѣчаются изображенія ветхозавѣтныя, затѣмъ страсти Христовы, изображенія Христа Вседержителя въ куполѣ (а иногда Вознесеніе Христово) и образъ молящейся Богородицы въ алтарной абсидѣ. Столбы, поддер-

живавшіе своды, украшались изображеніями святыхъ и мучениковъ, съ крестами въ рукахъ. Изображенные на столбахъ, они какъ бы сами служили опорой и столбами церкви. Акад. Гейзенбергъ доказалъ, на основаніи стиховъ Кориппа, что въ церкви свв. Апостоловъ въ Царьградѣ была такая роспись и что кромѣ того въ главной абсидѣ, подъ изображеніемъ Богородицы, молящейся съ воздѣтыми въ вверхъ руками, находилась композиція Причащенія Апостоловъ подъ двумя видами, т. е. та самая композиція, которая, какъ увидимъ далѣе, такъ часто изображается въ росписяхъ Кієва. Это былъ новый типъ церковной росписи, явившейся въ столицѣ Византіи. Греческіе мастера, Евлалій и Хартуларій, должны считаться изобрѣтателями ея¹⁾.

Что въ Десятинной церкви находились эти изображенія, выполненные мозаикой и фреской, мы можемъ частью заключать изъ словъ лѣтописца, влагающаго въ уста Владиміру слѣдующую молитву, выражющую его настроеніе по окончаніи строенія храма.

«Володимеръ, видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню помолися Богу, глаголя: „Господи Боже, призри съ небеси и вижди и посльти винограда своего и сверши, яже насади десница Твоя, новыя люди си, имъ же обратиль еси сердце въ разумъ, познати Тебе, Бога истиннаго, и призри на церковь Твою си, юже создаль недостойный рабъ Твой во имя рожьша Тя Матери Приснодѣвы Богородица. Аже кто помолится въ церкви сей, то услышши молитву его, молитвы ради Пречистыя Богородица» (Лавр. л. подъ 996 годомъ).

Эта молитва крайне поучительна въ томъ отношеніи, что первая часть: *Господи Боже, призри съ небеси* и т. д. встрѣчается въ надписяхъ, вокругъ образа Христа Вседержителя въ куполѣ²⁾). Владиміръ, вошедши въ храмъ и поднявъ взоры, какъ бы видить Господа Бога и читаетъ надпись. Далѣе въ молитвѣ упоминается Пречистая Дѣва Богородица, по молитвамъ Которой будуть услышаны моленія всякаго вѣрующаго. Владиміръ, произнося свою молитву, какъ бы обращаетъ взоръ на алтарную абсиду и видѣть тамъ Приснодѣву Марію, *поднявшую за насть свои чистыя руки*, по выраженію патріарха Фотія.

Десятинная церковь была посвящена празднику Успенія Богородицы, а это возводить первый важнѣйший Кіевскій храмъ къ цареградскому Влахернскому храму и къ почитанію этого знаменитаго храма, столь извѣстнаго на первыхъ страницахъ русской исторіи. По указанію нѣкоторыхъ русскихъ источниковъ, напримѣръ, *„Слова о томъ, како крестися Владиміръ возьмѧ Корсунъ“*, Владиміръ и дружина его приняли крещеніе въ храмѣ Богородицы въ Корсунѣ, называемомъ въ другихъ источникахъ, *„Влахернскимъ“*. Десятинный храмъ, начатый строеніемъ непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ Владимира, могъ сохранить воспоминаніе о Влахернскомъ храмѣ Корсуни³⁾.

Куски фресокъ, и особенно одинъ обломокъ съ изображеніемъ части головы какого-то святого, свидѣтельствуетъ о высокомъ состояніи искусства X вѣка. Эта утонченная и изящная живопись должна

1) A. Heisenberg, Die alten Mosaiken d. Apostelkirche i. d. Hagia Sophia. Εύα. Homm. Internat. à l'Université Nat. de Grèce. 1912.

2) Д. Янталовъ и Е. Рѣдинъ, Кіево-Соф. соборъ, стр. 30—40.

3) См. мою статью: Меморіи св. Клиmenta и св. Martina въ Херсонесѣ. Москва 1915, стр. 20—24.

будеть, хотя бы въ ничтожныхъ остаткахъ, начать собою исторію русскаго искусства Кіевской области. Достаточно сказать, что этотъ обломокъ фрески сохранилъ стилъ византійской живописи VIII—X вѣка: широко открытые большие глаза, красные контуры, очень правильныя линіи носа, т. е., иначе говоря, на немъ видны пріемы еще античной портретной живописи.

Мраморные остатки, по преимуществу отъ перилъ, точно также своими нѣжными и изящными линіями рѣзьбы говорятъ о стилѣ X вѣка византійского искусства.

Владиміръ, повидимому, не успѣлъ закончить всѣхъ своихъ строительныхъ плановъ, завершеніе которыхъ онъ оставилъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ. Владиміръ умеръ 76 лѣтъ отъ рода въ 1015 году, а при сынѣ его Ярославѣ Мудромъ возникъ знаменитый Кіевскій Софійскій соборъ, до сихъ поръ существующій, какъ рѣдкій обломокъ нашей художественной древности.

Владиміръ и супруга его, Анна, были погребены въ Десятинной церкви, въ двѣхъ мраморныхъ гробницахъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Церковь св. Софіи и другія сооруженія Ярослава.

Дѣятельность Владимира, направленную къ украшенію и возвышению Кіева, продолжалъ сынъ его Ярославъ Мудрый.

Въ княженіе Ярослава Мудраго холмъ Кія принимаетъ видъ настоящаго уголка Царыграда, и наиболѣе важное сооруженіе этого мудраго князя, церковь Св. Софіи, стало впослѣдствіи національной русской святыней. Дѣятельность Ярослава прекрасно оцѣнена современникомъ его, очевидцемъ его построекъ, митрополитомъ Илларіономъ. Въ торжественной рѣчи, сказанной въ Десятинной церкви въ присутствіи самого Ярослава, жены его Ирины и всего княжескаго дома, Илларіонъ, обращаясь мысленно къ умершему Владимиру, сказалъ:

„Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженниче, святая церкви Святыхъ Богородица Марія, юже созда на правовѣрнѣй основѣ, идѣже и мужественное твое тѣло нынѣ лежитъ, ожидаа трубы Архангеловы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, его же створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, *иже недокончанная твоя доконча*, аки Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великий святой его Премудрости създа на святость и освященіе граду твоему, юже со всякою красотою украси златомъ и сребромъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ странамъ, якоже ина не обрящется во всемъ полунощіи земнѣмъ отъ востока до запада, и славный градъ твой Кіевъ величествомъ яко вѣнцемъ, обложилъ, предаль люди твоя и градъ святѣй всеславнѣй, скорѣй на помошь христіаномъ, святѣй Богородици, ей же и церковь на великихъ вратѣхъ созда во имя первого Господскааго призданія святааго Благовѣщенія, да еже цѣлованіе Архангель дастъ Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ опой бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный градъ, Господь съ тобою“.

Какъ бы въ дополненіе и поясненіе словъ митрополита Илларіона о дѣятельности Ярослава Мудраго, наша первоначальная лѣтопись говоритъ: "Заложи Ярославъ городъ великий, у него же града суть Златыя врата; заложи же и церковь Святая Софья, митрополью, и по семъ церковь на Золотыхъ воротехъ святая Богородицы Благовѣщеніе, посемь святого Георгія монастырь и Святая Ирины" (подъ 1037 годомъ).

Ярославъ, такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ, выстроилъ каменные и, подражая Царьграду, главная или великія ворота назвалъ Золотыми воротами. Золотыя, серебряные и мѣдные ворота были въ обычай средневѣковой архитектуры. Надъ Золотыми воротами Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія, т. е. увѣнчаль массивный остовъ воротъ вверху церковью Благовѣщенія также въ подражаніе Константинопольскимъ Золотымъ воротамъ, имѣвшимъ поверхъ ихъ такую же церковь. Огромная развалины Золотыхъ воротъ, построенныхъ Ярославомъ, еще и теперь стоять въ Кіевѣ, но церковь Благовѣщенія на ней не сохранилась до нашего времени. Эти развалины свидѣтельствуютъ, что Ярославъ, дѣйствительно, построилъ свои Золотыя ворота по образцу Цареградскихъ, и, быть можетъ, при посредствѣ византійскихъ мастеровъ. Сохранились двѣ параллельныя стѣны съ контрфорсами снаружи и съ остатками сводовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ видна арочная кладка кирпичей, повидимому, для укрепленія длинныхъ стѣнъ. Ряды контрфорсовъ снаружи, повидимому, были завалены землей вала, на которомъ стояли деревянныя стѣны.

Подражая столицѣ Византіи, Ярославъ, по завѣту Владимира, выстроилъ и церковь Св. Софіи въ Кіевѣ. Начальная лѣтопись такъ описываетъ это событие подъ 1036 и 1037 годами.

Въ 1036 году печенѣги обложили Кіевъ. Ярославъ выступилъ противъ нихъ съ войскомъ: "Печенѣзи приступати почаша, и сступиша на мѣстѣ, идѣ же стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья русская; бѣ бо тогда поле виѣ града"...

Изъ этого извѣстія лѣтописи слѣдуетъ, что церковь св. Софіи въ Кіевѣ была выстроена на мѣстѣ побѣды Ярослава надъ печенѣгами, на полѣ, лежавшемъ виѣ города или огражденного Дѣтинца или Вышгорода, и, слѣдовательно, на нерушеннѣ землѣ.

Первую церковь св. Софіи выстроилъ въ Царьградѣ еще Константина Великаго. На мѣстѣ этой церкви, уничтоженной пожаромъ въ 404 году, Юстиніанъ Великий въ 537 году построилъ великолѣпный храмъ во имя Премудрости Божіей, или св. Софіи, ставшій святыней всего христіанскаго востока. Въ подражаніе имени этого знаменитаго храма Ярославъ построилъ свой Кіевскій храмъ. Однако, ни планъ, ни украшенія кіевскаго храма не соотвѣтствовали цареградской знаменитой святынѣ. Кіевскій храмъ лишь однимъ именемъ напоминаль о храмѣ Юстиніана.

Въ вѣкъ Ярослава византійскіе архитекторы строили иначе, чѣмъ въ вѣкъ Юстиніана. Такъ какъ начальная лѣтопись ничего не говоритъ о призваніи греческихъ мастеровъ для построенія церкви св. Софіи, то возникаетъ вполнѣ возможное предположеніе, что церковь св. Софіи строили мастера, призванные еще Владиміромъ, или ихъ школа, основавшаяся въ Кіевѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что митрополитъ Илларіонъ ясно указываетъ на преемственность строительной дѣятель-

ности Ярослава отъ начинаній Владимира. На это ясно указываютъ слова Илларіона: „иже недоконъчанная твоя доконча, аки Соломонъ Давыдова, иже дамъ Божій великий святый Его Премудрости созда“.

Прямой смыслъ этихъ словъ тотъ, что церкви св. Софії задумали строить еще Владимира, но замыселъ его выполнилъ сынъ его Ярославъ, какъ Соломонъ, выстроившій іерусалимскій храмъ, задуманный отцомъ его Давидомъ.

Отъ такого взгляда на возникновеніе церкви св. Софії, который еще никѣмъ не былъ проводимъ въ наукѣ, зависить и самая оцѣнка церкви св. Софії, какъ художественнаго древняго памятника, и установленіе даты построенія храма. Закладка церкви св. Софії въ Новгородской лѣтописи отнесена въ 1017 году, что весьма вѣроятно. Подъ этимъ т. е. 1017 годомъ сказано: „Иде Ярославъ на Берестье. Заложена быть св. Софья Кыевѣ. Такимъ образомъ, надо полагать, что церковь св. Софії была заложена въ 1017 году, а окончена въ 1037 году¹⁾.

Архитектурный типъ храма кіевской Софії отличается отъ св. Софії Юстиниана тѣмъ, что вмѣсто одного купола имѣеть 12; купола эти стоять на высокихъ фонаряхъ или барабанахъ, съ окнами въ главномъ купольѣ. Внутри цѣлые ряды столбовъ (а не четыре только зиждительныхъ) держать арки и своды. Пропорціи въ высоту иные, болѣе узкія и стройныя. Храмъ Ярослава имѣеть въ планѣ видъ почти четыреугольника съ пятью первоначальными абсидами и по внутреннему виду скорѣе напоминаетъ церковь Пантократора (Вседержителя) въ Царьградѣ, близкую по времени построенія къ церкви св. Софії кіевской. Кіево-Софійскій соборъ сохранилъ въ цѣлости среднюю часть своего архитектурного остова, т. е. пять алтарей съ отвѣчающими имъ продольными кораблями (или нефами) и нижнія основанія галлерей или портиковъ, окружавшихъ этотъ остовъ съ трехъ сторонъ: съверной, западной и южной. Эти галлереи или портики на колоннахъ или столбахъ были открытыми. Теперь они застроены цѣлымъ рядомъ сооружений почти въ высоту храма и только кое-гдѣ видны слѣды ихъ существованія. Кіево-Софійскій соборъ, какъ архитектурное сооруженіе, принадлежитъ къ числу купольныхъ зданій второго тысячелѣтія, т. е. онъ имѣеть почти кубическую форму, а не форму базилики продолговатаго типа и увѣнчанъ 15 куполами, изъ которыхъ одинъ, средній купольѣ, есть главный, стоящій на высокомъ барабанѣ или фонарѣ. Появленіе высокихъ барабановъ на вершинѣ храмового остова падаетъ специально на то время, когда боковые нефы храма поднялись вверхъ до уровня общей высоты его и закрыли низкій прежній купольѣ отъ зрителя, вслѣдствіе чего купольѣ также поднялся и сталъ на возвышенномъ барабанѣ. Этотъ процессъ образованія нового вида купольного, кубового типа храмового зданія падаетъ на X столѣтіе и заканчивается въ XI, вслѣдствіе чего такой храмъ и извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ храма второго тысячелѣтія. Въ примѣненіи обычныхъ строительныхъ формъ Кіево-Софійскій соборъ отличается отъ другихъ кіевскихъ храмовъ. Въ немъ употребительны два рода арочныхъ устоевъ: 1) съ приplusplusнотой аркой и 2) съ аркой чистаго центральнаго строенія. Первый родъ

¹⁾ См. указанную ранѣе статью: „Къ вопросу о строительной дѣятельности Владимира“.

арочного устоя или перекрытия особенно извѣстенъ на востокѣ, а второй въ архитектурѣ западной и византійской. Вмѣсто колоннъ употребляются столбы, сложенные изъ того же камня, что и стѣны. Такого рода столбы на хорахъ храма являются въ видѣ сложныхъ и гранныхъ столбовъ, употребительныхъ въ романскомъ искусствѣ, равно какъ и искусство собственной Греции, напримѣръ, въ церкви города Аѳинъ, т. е. такие столбы состоять какъ бы изъ четыреугольного столба, на каждой сторонѣ которого выступаетъ полуколонна, вслѣдствіе чего кажется, что столбъ составленъ изъ нѣсколькихъ колоннъ. Архитектура Софійского собора, кромѣ того, отличается крайне важной особенностью, вытянутостью вверхъ и узостью своихъ арокъ, вслѣдствіе чего получается особое впечатлѣніе утонченности и изящества его отдельныхъ строительныхъ формъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что основные строительные формы принесены были въ Киевъ греческими мастерами, но вполнѣ понятно также и то, что эти мастера должны были считаться съ мѣстными условіями русского зодчества. Такъ, они стали употреблять мѣстный днѣпровскій красный камень (шиферъ) двухъ сортовъ, вмѣсто обычного мрамора или другого подобного камня; вмѣстѣ съ тѣмъ эти мастера выстроили при Кіево-Софійскомъ соборѣ крещальную въ томъ типѣ, какой наиболѣе часто встречается не въ Цареградѣ, а въ Херсонесѣ Таврическомъ, что говорить намъ о вліяніи херсонесской архитектуры на кіевскую. Херсонесская архитектура, въ свою очередь, какъ и херсонесское искусство вообще, находилась подъ вліяніемъ малоазійскаго и сирійскаго. Крещальный бассейнъ представлялъ собою не отдельную купель, стоявшую посреди крещальни, какъ это обычно наблюдалось въ византійскихъ и равеннскихъ раннихъ крещальняхъ, а устроенное въ глубинѣ ниши, въ стѣнѣ крещальни, водоемище, облицованное спереди ровнымъ камнемъ или мраморомъ¹⁾). Восточные вліянія, вліянія Херсонеса или Корсуня, несомнѣнно отразились на архитектурѣ Кіево-Софійского собора, равно какъ и вліянія мѣстного строительства. Примѣненіе на западномъ фасадѣ храма двухъ башенъ, какъ бы flankирующихъ западный фасадъ, заставляетъ вспомнить о средневѣковыхъ романскихъ храмахъ и о сирійскихъ болѣе древнихъ прототипахъ для романскихъ храмовъ. Родство сложныхъ столбовъ съ ранне-романскими столбами также не должно быть упущенено изъ вида при сужденіи о тѣхъ вліяніяхъ, на Кіевскую архитектуру, которые могли имѣть мѣсто въ вѣкѣ Владимира и Ярослава, т. е. въ вѣкѣ сильного варяжского вліянія.

Ярославъ употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать этотъ храмъ важнымъ центромъ нарождающагося на Руси христіанства, храмомъ, достойнымъ быть „митрополией русской“. Онъ былъ богато отстроенъ и украшенъ. Кромѣ того, Ярославъ, заботившійся о русскомъ просвѣщеніи, основалъ при храмѣ св. Софії библіотеку. Несторъ такъ говорить объ этомъ и объ украшеніи храма вообще: „Ярославъ-же, яко же рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, много написавъ, положи въ церкви св.

¹⁾ Д. В. Янналовъ, Памятники христіанского Херсонеса I. Развалины храмовъ. М. 1905, § IX, рис. 57. Я. И. Смирновъ, Рисунки. Кіевъ 1651 г. Труды XIII арх. Съѣзда, Табл. IX, рис. 1. См. статью Н. Л. Окунева: Крещальная Софійского собора въ Кіевѣ. Сборникъ Д. В. Янналову отъ учениковъ. Петроградъ 1915, стр. 113—121.

Софії, яже созда самъ, украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными и иконами многоцѣнными".

Еще въ XVI вѣкѣ Кіево-Софійскій соборъ сохранилъ облицовку изъ различныхъ камней на своихъ внѣшнихъ частяхъ. Въ 1595 году католической бискупъ Верещинскій видѣлъ эту облицовку и писалъ: "храмъ этотъ отстроенъ роскошно и не имѣлъ цѣны. Не только самое зданіе было возведено изъ камня, похожаго на халцедонъ, но и внутри вмѣсто живописи красками онъ былъ украшенъ изображеніями святыхъ лицъ изъ золотыхъ и смальтовыхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ". Описывая внѣшность храма, Верещинскій, повидимому, считалъ, что каменная облицовка изъ камня, похожаго на халцедонъ, представляла и самый матеріалъ, изъ которого были выстроены стѣны. Онъ, конечно, ошибся, но его ошибка еще яснѣе показываетъ, что онъ видѣлъ наружная стѣны храма не въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся теперь, а покрытыми камнемъ, въ которомъ нельзя усмотрѣть иной породы, кромѣ краснаго шифера, обычно употреблявшагося въ Кіевской области для разныхъ нуждъ. Яснѣе говорить объ этомъ Гейденштейнъ (1596 г.): "Это прекрасное зданіе, притворы и колонны которого изъ порфира, мрамора, алебастра, въ такомъ находится запустѣніи, что на немъ нѣтъ кровли и оно все больше приходить въ запустѣніе". Изъ этого свидѣтельства, кромѣ того, вытекаетъ, что съ наружной стороны Софійскій храмъ въ это время еще сохранилъ притворъ съ колоннами разныхъ породъ камня.

Павель Алеппскій съ восхищеніемъ описываетъ храмъ св. Софіи въ эпоху Алексія Михайловича.

"Умъ человѣческій не въ силахъ обнять ее (т. е. церковь св. Софіи) по причинѣ разнообразія цвѣтовъ ея мраморовъ и ихъ сочетаній, симметричнаго расположенія частей ея строенія, большого числа и высоты ея колоннъ (повидимому, столбовъ, т. к. внутри колоннъ нѣтъ за исключеніемъ хоровъ), возвышенности ея куполовъ, ея обширности, многочисленности ея портиковъ и притворовъ. Та (т. е. цареградская св. Софія) была по имени и въ подлинности, а эта по имени и подобію" (стр. 67). "Со стороны западнаго нарѣка она наполовину въ развалинахъ. Разсказывали, что татары въ давнее время ее разрушили и сожгли, и она оставалась въ разрушениіи около ста лѣтъ, служа убѣжищемъ для скота и выочныхъ животныхъ. Потомъ она была отстроена, но ее разрушили гунньяты (уніаты), т. е. русскіе послѣдователи папы: они выломали всѣ плиты ея пола и мозаику и помѣстили въ своихъ церквахъ... Петръ Могила ее реставрироваль и привель въ теперешній видъ (стр. 68).

"Справа отъ входящаго въ западнага двери въ настоящее время находятся два покинутые алтаря: одинъ во имя Богоявленія, т. е. Крещенія, гдѣ стоитъ купель для почтенныхъ людей изъ твердаго камня, похожаго на порфиръ, а внутри другого алтаря сохранились какія-то сооруженія.

"Когда входишь въ храмъ черезъ западнага двери, то глазамъ твоимъ открывается полъ церкви, сдѣланній изъ удивительной многоцѣнной мозаики съ разнообразными тонкостями искусства. Такой-же полъ внутри алтарей и передъ ними... Надъ поломъ находится высокій куполъ со многими стеклянныи окнами: ихъ кругомъ 12. Въ верхней

части его изображенъ Господь Христосъ съ ангелами, и по окружности 12 учениковъ Его: въ четырехъ же углахъ купола четыре Евангелиста—все это изъ прекрасной позолоченной мозаики съ удивительными орнаментами и греческими надписями. Такъ же украшены четыре арки и портики съ этой стороны (стр. 69).

„Величественный алтарь подобенъ прославленному алтарю св. Софии по своей длине, обширности, ширинѣ и подбору цвѣтовъ мозаики на его стѣнахъ и на полу. Въ немъ отъ верху абсиды до низу, по всей ея длине, въ высшей степени прекрасное изображеніе Владычицы во весь ростъ, которая стоитъ съ платомъ у пояса, съ раскрытыми для нами поднявъ руки. Она сдѣлана изъ разноцвѣтной блестящей мозаики съ позолотой.... Здѣсь же подъ Непорочной Дѣвой изображенъ столъ Тайной Бечери, окруженный ангелами: Господь передаетъ направо Петру и его содругамъ божественный хлѣбъ, говоря (а существенные слова исходятъ изъ Его устъ большими греческими буквами): „Примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое“ и до конца: и вторично Его изображеніе: Онъ даетъ пить изъ чаши нальво, говоря: „Пейте отъ нея вси“ до конца. Ниже упомянутаго божественного стола находятся три большихъ окна. Между окнами изображены древніе святые Алексій и Петръ, митрополиты кіевскіе, въ своихъ облаченіяхъ и бѣлыхъ клобукахъ, расшитыхъ золотомъ. При нихъ написаны по-гречески ихъ имена. Направо отъ нихъ изображены: архидіаконъ Стефанъ съ кадильницей, и, какъ подобаетъ архіереямъ, въ свѣтлыхъ облаченіяхъ: Григорій Чудотворецъ, Григорій Нісскій, Іоаннъ Златоустъ и Василій (Великий).—Налѣво подлѣ окна изображены: діаконъ Лаврентій, Николай Мирликийскій, Григорій Богословъ, Климентъ папа римскій и Епифаній Кипрскій. Всѣ ихъ изображенія сдѣланы изъ позолоченной мозаики съ греческими надписями.

„Весь полукругъ каѳедры (т. е. горячаго мѣста) съ тремя высокими ступеньками, а посерединѣ его гронъ съ шестью такими же ступеньками. Вокругъ него, на высотѣ около полуроста выложено (по стѣнѣ) всевозможными породами мрамора и чудеснѣйшей цвѣтной мозаикой. Чудныя арки алтарей и высокаго купола всѣ украшены позолоченою мозаикой и изображеніями святыхъ.

Кругомъ святой абсиды начертано мозаикой по-гречески, какъ мы списали, слѣдующее: ὁ Θεὸς ἐν μέσῳ Ἀυτῆς καὶ ὁ σαλευθήσεται Ζωὴ Ήγεῖ Ἀυτῇ ὁ Θεός..., что значитъ на нашемъ языке: „Богъ посредѣ Ея и Она не поколеблется; поможеть Ей Богъ отъ утра до утра. Рассказываютъ касательно сооруженія св. Софии, что царь Юстиніанъ написалъ то же на всѣхъ кирпичахъ ея (стр. 70).

„Затѣмъ мы поднялись во второй ярусъ церкви по лѣстницѣ одной изъ ея внѣшнихъ башенъ. Это восхитительное мѣсто, съ которого отовсюду открывается видъ на хорось (т. е. полъ церкви) и алтари. Оно имѣть два нефа; одинъ съ пятью куполами (алтарь св. Николая), другой нефъ также съ 5-ю куполами, и въ передней сторонѣ его второй алтарь во имя св. Димитрія.

„Перила здѣсь передъ арками состоять изъ одного куска краснаго камня и идутъ отъ основинія одной арки до другой; на нихъ изо-

бражены кресты и фигуры по точному образцу перилъ св. Софіи (стр. 71—72^а)^{1).}

Много видѣвшій и знатій Павелъ Алеппскій крайне внимательно описалъ всѣ древности, которыя видѣлъ въ церкви св. Софіи, а онъ, оказывается, видѣлъ больше, чѣмъ до сихъ поръ сохранилось. Такъ, онъ описываетъ ангеловъ въ куполѣ вокругъ Христа, а теперь сохранилась лишь полуфигура одного изъ нихъ. Онъ описываетъ также мозаїческіе полы въ самой церкви и въ алтарѣ. Теперь они не существуютъ, и лишь недавно открыты остатки мозаїческихъ половъ въ главномъ алтарѣ. Его приподнятый тонъ при восхваленіи храма св. Софіи ничуть не долженъ считаться фальшивымъ, такъ какъ въ то время храмъ сохранилъ въ цѣлости многія свои украшенія, теперь погибшія. Онъ, какъ и другіе, указываетъ на существование западнаго притвора, въ его времія находившагося еще въ развалинахъ.

Внѣшнія украшенія и облицовка храма со временемъ погибли, исчезли также мраморныя, порфировыя и алебастровыя колонны западнаго притвора, исчезъ мозаїческій полъ и нѣкоторыя мозаїческія фигуры, но не смотря на многія бѣдствія, постигавшія храмъ въ разныя времена²⁾, онъ сохранилъ много настѣнныхъ мозаїческихъ изображеній и фресковую роспись, въ нѣкоторыхъ придѣлахъ, оставшуюся безъ повтореній по распоряженію императора Николая I.

Мозаїческія изображенія находятся въ куполѣ и въ алтарѣ, фресковая живопись покрываетъ остальныя пространства церковныхъ стѣнъ и сводовъ. Въ куполѣ, внутри радужнаго круга-медальона, находится величественный образъ Христа Вседержителя по грудь съ закрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и съ благословляющей правой рукой. Его окружали четыре архангела въ роскошныхъ царственныхъ одѣяніяхъ со сферами (они же печати Господинъ) въ рукахъ и съ лабарумами, т. е. знаменами на высокихъ дрекахъ. На знаменахъ греческія надписи *Святъ, святъ, святъ* (ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ).

Ниже, въ простѣнкахъ между окнами были изображены двѣнадцать апостоловъ, изъ которыхъ сохранилось лишь одно изображеніе ап. Павла. Въ парусахъ купола находились изображенія четырехъ Евангелистовъ, пишущихъ свои Евангелія сидя за столиками, а внутри четырехъ подпружныхъ арокъ, держащихъ куполь, 40 мучениковъ. Изъ числа этихъ изображеній до нашего времія сохранилось изображеніе Ев. Марка и небольшая части фигуръ другихъ Евангелистовъ, и 15 изображеній свв. мучениковъ по грудь, въ медальонахъ.

Въ алтарѣ обращаетъ ни себя вниманіе величественное изображеніе Бѣгуродицы, стоящей на особомъ подножіи съ молитвенно поднятыми къ небу руками. Этотъ колоссальный образъ (около 7 арш. въ вышину) извѣстенъ подъ именемъ „Богородицы—Нерушимой стѣны“. На Ней изсия голубыя одежды, украшенныя по краямъ золотой бахромой, на ногахъ красная царская обувь, за поясомъ бѣлый платокъ, а на плечахъ и на головѣ три звѣзды.

Ниже представлено Причащеніе апостоловъ подъ двумя видами, композиція мистического содержанія. Она отличается отъ изображенія

¹⁾ Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія, описанное диакономъ Павломъ Алеппскимъ. Перев. Муркоса. Москва 1887.

²⁾ Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ, Кіево-Софійскій соб., СПБ. 1889, стр. 4—7.

Тайной Вечери по Евангелію тѣмъ, что всѣ ея особенности указываютъ на догматъ, а не на историческое воспроизведеніе послѣдней вечери Христовой съ учениками. Посрединѣ изображенъ престолъ съ сѣнью или киворiemъ. По сторонамъ престола находятся два ангела съ рицами и оарями, представляющіе собою какъ бы діаконовъ (чинъ діакона есть ангельскій чинъ), прислуживающихъ во время Таинства Евхаристіи. Съ правой и съ лѣвой стороны Христосъ (изображенный два раза) преподаетъ подходящимъ апостоламъ, по шести съ каждой стороны, чашу и хлѣбъ. Ниже Евхаристіи изображены святители.

На главной алтарной аркѣ, обрамляющей алтарное помѣщеніе и издавна носящей название „триумфальной“, изображено Благовѣщеніе, причемъ на лѣвомъ (съверномъ) столбѣ изображенъ Архангель Гавріиль, а на правомъ святая Дѣва съ пурпурной (красной) пряжей въ рукахъ и веретеномъ. По разсказу нѣкоторыхъ апокрифическихъ Евангелій Архангель засталъ Пресвятую Дѣву за пряжей пурпурной ткани для храма Соломонова. Вверху триумфальной арки сохранились, кроме того, три мозаическия медальона съ изображеніемъ Іисуса Христа въ среднемъ и Богородицы и Иоанна Предчети въ двухъ боковыхъ, а на боковой внутренней части арки изображеніе первосвященника Аарона. Мозаическая роспись, такимъ образомъ, занимаетъ центральную часть храма. Она выполнена на ровныхъ золотыхъ фонахъ и отличается своимъ монументальнымъ видомъ. Стиль этихъ мозаикъ отличается чрезвычайнымъ архаизмомъ формъ, восходящимъ еще къ X столѣтію. Фигуры имѣютъ очень широкія пропорціи, а не узкія, какъ въ послѣдующее время, лица отличаются правильностью линій, и, что особенно характерно, глаза очень велики и широко открыты, чтобы быть замѣченными на разстояніи—свойство еще античной живописи. Замѣчательнымъ совершенствомъ отличается изображеніе Иоанна Златоуста, выполненное портретно, какъ и всѣ остальные учителя церкви, способное напомнить древнюю портретную технику восковыхъ иконъ, столь похожую на нашу масляную живопись. Равнаго этому образу неизвѣстно въ другихъ современныхъ мозаическихъ росписяхъ, но подобные ему можно указать въ росписи VIII вѣка церкви св. Георгія въ Солуни. Не менѣе архаичны и изображенія свв. мучениковъ въ медальонахъ, передающіе древніе портретные типы, но образъ Пресвятой Дѣвы — Нерушимой стѣны и Христосъ въ куполѣ отличаются болѣе новымъ стилемъ. Эти архаизмы можно объяснить тѣмъ, что мозаики церкви св. Софіи могли быть выполнены той школой греческихъ мастеровъ, которые были призваны еще Владиміромъ и украсили мозаиками Десятинную церковь.

Фресковая живопись покрывала остальныя пространства храма. Въ среднихъ пространствахъ церкви изображены страсти Христовы, какъ символы крестообразного плана средней части храма; на хорахъ изображены нѣкоторые прообразы Евхаристіи и Воскресенія (Три странника у Авраама, Бракъ въ Канѣ и Три отрока въ пещи и т. п.). Въ боковыхъ предѣлахъ Иоакима и Анны, Архистратига Михаила, обширные циклы картинъ изъ ихъ жизни, а въ придѣлахъ св. Георгія, патрона самого Ярослава, жизнь и мученичество св. Георгія. На столбахъ храма написаны святые и мученики въ ростъ и по грудь въ медальонахъ. Какъ извѣстно, внутри такихъ столбовъ клались на освященіе частицы мощей свв. мучениковъ.

Византійская живопись XI століття не отмежувалася високими техніческими совершенствами современної. Фигури часто неестественно удлинені, движенья лишено свободы, отдѣльные части фігуръ нарисованы неумѣло, подъ ногами идущихъ фігуръ часто нѣтъ почвы, и онѣ ступають по воздуху, но взамѣнъ этихъ несовершенствъ въ нихъ открывается нравственное величие и строгое, цѣломудренное выражение. Какъ измѣденныя, худыя лица подвижниковъ, такъ и полныя, цвѣтущія лица юныхъ мучениковъ спокойны, строги, углублены въ созерцаніе. Эти лики съ большими, широко открытыми глазами обращены къ зрителю, встремляютъ его взоръ и какъ бы входятъ въ интимную связь съ настроениемъ молящагося. Лики Іисуса Христа, Богородицы и святыхъ почитаются въ христіанской церкви, какъ портреты ихъ (греч. *εἰκόνες*—иконы), дошедшіе до нашего времени путемъ художественного преданія. На нихъ нѣтъ, поэтому, никакихъ мимолетныхъ житейскихъ настроений, и входящаго въ храмъ охватываетъ особое строгое молитвенное настроеніе. Блестящіе золотые и глубокіе синіе фони, красота и разнообразіе орнаментовъ чаруютъ взоръ и смягчаютъ техническія несовершенства живописи. Содержаніе живописи остается историческимъ, т. е. роспись храма передаетъ Біблію и Евангеліе въ рядѣ картинъ исторического характера. Но въ эту историческую тему росписи уже входитъ символизмъ и доктрина, впослѣдствіи такъ сильно измѣнившіе содержаніе росписи, что она вся цѣликомъ становится символической и доктринальной. Изобрѣтенная въ Царьградѣ и принесенная на Русь греческими мастерами, эта роспись стала типичной для второго тысячелѣтія византійского искусства и повторена съ небольшими различіями во всѣхъ извѣстныхъ кievскихъ и иныхъ храмахъ. Греческие мастера, исполнявшіе эту роспись въ Десятинной церкви и въ Софійскомъ соборѣ, были художники первого призыва, пришедши при Владимирѣ. Вторая школа греческихъ мастеровъ явилась позднѣе. Эти черты составляютъ характеръ или стиль византійской живописи. Русская церковная живопись и иконопись навсегда сохранила этотъ стиль, переработавъ его сообразно своему національному характеру.

Любопытна также фресковая роспись лѣстницъ, ведущихъ на хоры и устроенныхъ въ съверной и южной башняхъ. Много было сдѣлано попытокъ объяснить содержаніе этихъ фрескъ, но всѣ предположенія объ ихъ смыслѣ оказывались произвольными и не выдерживающими строгой критики. Только теперь, основываясь на ближайшемъ изученіи самыхъ изображеній и на литературныхъ извѣстіяхъ, можно вслѣдъ за академикомъ Н. П. Кондаковымъ¹⁾ предложить достаточно вѣроятное толкованіе этихъ любопытныхъ сценъ. Живописное украшеніе лѣстницъ собора представляеть различные эпизоды, охоты, игры скомороховъ и какія-то процесіи царственныхъ особъ и разнообразные орнаментальные мотивы. Эти изображенія исполнены, по всей вѣроятности, по княжескому заказу и объясняются сильною любовью нашихъ древнихъ князей къ охотѣ, что доказывается показаніями лѣтописей и иныхъ памятниковъ старинной русской письменности. Не подлежить, однако, сомнѣнію, что художники, воспроизведши эти сцены, были, быть можетъ, не русские, а византійцы, такъ какъ многія частности въ ихъ композиціяхъ ука-

¹⁾ Н. Кондаковъ, Фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора. Отд. оттискъ.

зываютъ не на русскую, а соверенно иную жизнь и обстановку. Такъ, напр., молодой охотникъ, концомъ копья натравляющій барса (животное неизвѣстное на Руси), на олениху, написанъ совсѣмъ въ стилѣ византійского искусства и одѣтъ въ костюмъ, издревле свойственный Востоку. Здѣсь мы видимъ сцены охоты на волка, на кабана и на медвѣдя, котораго поражаетъ копьемъ быть можетъ всадникъ; это княжіе ловы, и сцены, близко напоминающія цирковую травлю звѣрей, извѣстную Риму и Византіи, гдѣ она сопровождала, преимущественно, такъ называемыя Врумаліи, Воты и Каланды, составлявшія циклъ рождественскихъ празднествъ. Мы видимъ здѣсь рядъ представлений цирка: охотникъ выпустилъ барса на козулю и подстрекаетъ его копьемъ; два ученыхъ медвѣдя терзаютъ козулю; а затѣмъ охоты: охотникъ съ собакою охотится на кабана; отрядъ всадниковъ гонится за дикою лошадью; охотникъ на лошади убиваетъ копьемъ волка, другой медвѣдя; двое охотниковъ съ копьемъ и лукомъ преслѣдуютъ вѣкшу на деревѣ и пр. Костюмъ, въ который одѣты нѣкоторыя изъ изображенныхъ лицъ, тождественный съ гладіаторскимъ, подтверждаетъувѣренность, что дѣйствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ на ипподромѣ. Этого мало: представлена даже самая стамма, или зданіе ипподрома въ видѣ буквы П; за четырьмя рѣшетками видны четыре геніоха на квадригахъ-представители цирковыхъ партій, голубой, зеленой, бѣлой и красной; надъ ними ихъ значки съ изображеніемъ рога луны; въ окна смотрятъ зрители. Ниже этой сцены былъ изображенъ кулачный бой гладіаторовъ, а напротивъ, огибая столбъ лѣстницы, воспроизведена весьма интересная сцена поздравительного поднесенія свиной головы и окорока, происходящая, очевидно, въ царскихъ палатахъ. Этотъ способъ поздравленія, напоминающей обычай дѣлать подобные подарки на Васильевъ вечеръ у русскихъ, у сербовъ, у болгаръ, не оставляетъ сомнѣнія, что сцены принадлежатъ къ циклу рождественскихъ празднествъ. Бородатый колядникъ, со свиной головой на плечѣ и окорокомъ въ рукахъ, вступаетъ въ палаты въ сопровожденіи слугъ и человѣка съ блюдомъ въ рукахъ для сбора подачки, извѣстнаго въ русскомъ быту подъ названіемъ „мѣхноши“ или „волочинника“. Слѣдующая сцена представляетъ цѣлый рядъ скоморошескихъ игръ; мы видимъ здѣсь двухъ силачей, собирающихся вступить въ бой, плясуновъ, водящихъ хороводъ, музыкантовъ, играющихъ на арфѣ, трубахъ, домрѣ и флейтѣ,—словомъ, увеселенія, противъ которыхъ такъ сильно возставало церковное поученіе, и о которыхъ говорится, напр., въ житіи преподобнаго Феодосія Печерскаго, видѣвшаго такія увеселенія при дворѣ Изяслава: „овы гусельныя гласы испуштающе, друзіи же органные гласы поюще, а тѣмъ замарынныя писки глашающе и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай есть предъ княземъ“; или „ови біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ сопѣли сопяху, ини же возложиша на ся скураты (т. е. маски) дѣяху на глумленіе человѣкомъ и нарекоша игры тѣ русалія“.

Пополненiemъ къ этой сценѣ служатъ нѣкоторыя изображенія, помѣщенные въ медальонахъ; гудочникъ, шуточная борьба двухъ ряженыхъ, изъ которыхъ одинъ одѣтъ воиномъ, а другой фантастическимъ животнымъ; раскрытыя и, очевидно, щелкающія челюсти его маски, равно какъ и его костюмъ, состоящей изъ вывороченной мѣхомъ вверхъ шку-

ры, указывают на то, что изображенъ ряженецъ, подражающій какому-то звѣрю.

Кромѣ забавъ и охотничихъ сценъ, въ разматриваемой рукописи мы находимъ изображеніе императора и императрицы съ ихъ свитою. Императоръ сидить на большомъ креслѣ, у высокой двери съ занавѣсью; по сторонамъ его стоять по два протоспаторія—евнухи съ большими параллельными щитами и копьями. Императрица, въ стеммѣ, хламидѣ и лоронѣ, сидить среди придворныхъ патрицианокъ и, подобно императору, любуется на происходящія передъ ними въ ипподромѣ игры и ристанія; къ этой царственной четѣ, очевидно, направлялась процесія, отъ которой сохранились лишь два фрагмента: Ѣдуцій верхомъ на конѣ юноша, съ нимбомъ вокругъ головы, и женская фигура, также въ нимбѣ, сопровождаѣмые толпою. Эта процесія, повидимому, представляла одинъ изъ императорскихъ выѣздовъ въ рождественскій праздникъ, согласно этикету, существовавшему при византійскомъ дворѣ.

Весьма любопытна по содержанію сцена, представленная такъ, что видны зданія, и то, что въ нихъ происходит. Изображенъ императоръ: онъ сидить на тронѣ, одѣтый по церемоніалу, въ стемму и плащъ, отороченный золотомъ; передъ нимъ стоять женщина и мужчина, а далѣе ихъ свита; ниже остіарій, т. е. привратникъ, подаетъ знакъ къ поднятію завѣсы. Эта сцена выше была сопоставлена съ картинкой рукописи Скилицы Куропалата, на которой изображенъ приемъ княгини Ольги Константиномъ Порфиророднымъ. Вверху, среди аркадъ,увѣшанныхъ шитыми тканями и коврами, представлены зрители; внизу смотрѣть изъ окна также человѣческая фигура.

Кромѣ сценъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ изъ игръ святочнаго цикла, фрески лѣстницы нашего Собора представляютъ остатки бывшей здѣсь прежде богатой орнаментики. Въ орнаментальныхъ плетеніяхъ, образующихъ медальонъ, или просто въ медальонахъ, изображены ученые ястреба и соколы въ ошейникахъ, грифоны, двухголовая чудовища, крылатые львы, Ѣгущій волкъ, орелъ, царь, Ѣтущій на дикомъ звѣрѣ.

Этотъ фантастический животный жанръ является однимъ изъ отдельновъ византійской орнаментики, вошедшими въ нее изъ орнаментики искусства Востока. Вмѣстѣ съ появлениемъ бестіаріевъ, получившихъ широкое распространение на востокѣ и западѣ, произошелъ наплыvъ звѣриныхъ формъ въ искусствѣ, что особенно замѣчается въ орнаментикѣ запада въ XI—XIII стол. Звѣриныя формы, имѣя часто символическое значеніе, указываемое и христіанскими бестіаріями, пороковъ, добродѣтелей и силъ враждебныхъ человѣку, когда соответствуютъ тексту рукописей, какъ толковая иллюстрація¹⁾, въ большинствѣ случаевъ представляютъ просто обыденныя орнаментальные формы или украшенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, эта орнаментика нашихъ лѣстницъ имѣть такое-же символическое значеніе, какъ и различные звѣри, птицы и гады Физіологовъ и Бестіаріевъ, но она можетъ заключать также нѣкоторыя бытовыя данныя: ручные соколы и ястреба, из-

¹⁾ Напр. въ рукописи Григорія Богослова Парижск. Нац. Библ. 1262 г., Кондаковъ Ист. виз. иск., 200—201.

вѣстные на востокѣ, а также и въ Россіи, гдѣ ихъ приманивали или „вабили“, употреблялись для любимой княжеской охоты¹⁾.

На южной лѣстницѣ представлены два грифона по сторонамъ монограммы, которая въ данномъ случаѣ является простой орнаментацией. На съверной лѣстницѣ въ потолкѣ въ медальонныхъ плетеніяхъ представлены грифоны, сражающійся со змѣемъ, —мотивъ обыкновенный въ рукописяхъ византійскихъ, славянскихъ, въ росписи плафоновъ Палатинской капеллы и др. Въ другомъ кругѣ представлено фантастическое двухголовое чудовище съ лицомъ человѣка сбоку, держащее въ одной лапѣ мечъ, одно изъ средневѣковыхъ легендарныхъ существъ.

Растительные формы орнаментики нашего Собора, какъ въ мозаикахъ, такъ и во фрескахъ, представляютъ обыкновенную для этого времени смѣсь орнаментальныхъ формъ классического и формъ восточного, напр. персидского искусства.

Изъ предыдущаго видно, что содержаніе росписи на лѣстницахъ Киево-Софійского собора, стиль этой живописи и характеръ орнаментации ставить ея византійское происхожденіе вѣнчаною сомнѣніемъ. Отношеніе ея содержанія къ русскому быту — лишь косвенно и легко объясняется какъ заимствованіемъ нашими предками культуры отъ Византии, такъ и общимъ родствомъ святочныхъ обрядовъ почти у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Охоты, веселые пѣсни и танцы были, однако, излюбленными развлечениями кievскихъ князей. Владіміръ Мономахъ краснорѣчиво описываетъ свои охотничіе подвиги, часто угрожавшіе опасностью его жизни, а въ житіи Феодосія Печерскаго описываются увеселенія внутри княжескаго терема: „всѣмъ играющимъ и веселящимся якоже обычай есть предъ княземъ“. Эти игры и музыка подробно описываются современниками.

Украшения лѣстницѣ, такимъ образомъ, представляютъ особый отдѣлъ свѣтской живописи, издавна существовавшій въ Византии. Присутствіе такой живописи на лѣстницахъ храма св. Софіи можетъ быть объяснено тѣмъ что эти, лѣстницы раньше сообщались съ княжескими палатами, изъ которыхъ великие князья проходили по нимъ въ храмъ.

Византійскіе императоры украшали свои дворцы сценами разныхъ увеселеній, а иногда приказывали изображать на стѣнахъ свои военные подвиги и удачныя охоты, въ которыхъ участвовали лично. Такъ Никита Хоніатъ описывается въ загородномъ дворцѣ Андроника Комнена (1183—1185) фресковую и мозаическую живопись, содержащую охоту съ собаками, ловлю птицъ, охоту на зайцевъ, на зубра (*бѣзпѣро;*), котораго поражали копьемъ, на дикаго быка, а затѣмъ привалъ и пиръ охотниковъ, причемъ самъ Андроникъ былъ представленъ полевавшимъ т. е. разрѣзавшимъ убитую добычу, которая здѣсь же жарилась надъ костромъ²⁾.

Повидимому, такой-же живописью приказалъ украсить свой дворецъ Борисъ царь Болгарскій. Здѣсь были изображены сцены охоты, которая затѣмъ послѣ проповѣди Меѳодія были счищены и замѣнены

¹⁾ „Аще добъ сынъ у отца яко ястребъ на руцѣ добъ. аще золь синъ, то аки ястребъ на руцѣ слѣпъ“ (Архивъ Н. Калачева, 1854 кн. II, ст. Буслаева о пословицахъ и поговоркахъ, стр. 67 и слѣд.).

²⁾ Nicetas Choniates, De Andronico Comneno. Ed. Bonn. с. II р. 433—4.

картиною Страшного суда¹⁾). Подобнымъ же образомъ, т. е. сценами охотъ, изображеніями звѣрей, деревьевъ, орнаментовъ украшена знаменитая комната короля Рожера въ Палатинскомъ дворцѣ въ Палермо. Мозаики, украшающія эту комнату, примыкавшую ко храму, т. е. къ извѣстной Палатинской капеллѣ, до сихъ поръ частью сохранились. Неудивительно, если въ Кіевѣ, при церкви св. Софіи, встрѣчается подобная-же свѣтская роспись лѣстницѣ.

Другія сооруженія Ярослава.

При Ярославѣ возникли также два монастыря: мужской монастырь св. Георгія (патрона Ярослава) и женскій монастырь св. Ирины неподалеку отъ него. Монастырь св. Георгія находился „предъ враты Святой Софіи“, а потому ясно, что дѣятельность Ярослава направлена была по преимуществу къ украшенію Вышгорода, т. е. города Кія, верхняго города. Онъ окружилъ этотъ городъ стѣнами и украсилъ, какъ сказано было ранѣе, Золотыми воротами. Оба монастыря погибли, а развалины Золотыхъ воротъ до сихъ поръ говорятъ о строительной дѣятельности Ярослава.

Кіевъ при наслѣдникахъ Ярослава.

При наслѣдникахъ Ярослава холмъ Кія и весь остальной городъ продолжали украшаться великолѣпными храмами и палатами. Великий князь Изяславъ (1054—1078), въ крещеніи Димитрій, основалъ Дмитровскій монастырь, отличавшійся богатствомъ и роскошью украшеній. Его сынъ Ярославъ заложилъ въ этомъ монастырѣ церковь во имя св. Апостола Петра. Ни одинъ изъ этихъ храмовъ, однако, также не сохранился до нашего времени. Нѣкоторые изъ погибшихъ храмовъ (св. Ирины, св. Петра) также были украшены мозаической живописью, на что указываютъ остатки мозаикъ, найденныхъ въ ихъ развалинахъ. Но наиболѣе важнымъ и знаменитымъ храмомъ, возникшимъ въ это время и имѣвшимъ огромное художественное значеніе для послѣдующаго русского искусства, перенесеннаго на сѣверъ, былъ Печерскій храмъ.

Кіево-Печерскій храмъ.

Изъ текста Кіево-Печерскаго Лагерика мы узнаемъ, что основаніе Печерскаго храма связано съ какими-то особыми обстоятельствами, теперь еще не совсѣмъ ясными, но крайне поучительными съ фактической стороны. Ближайшимъ образомъ основаніе этого храма восходить къ почину Цареградскаго Влахернскаго храма, но не его одного.

Три инициативы соединились въ одномъ стремленіи построить этотъ храмъ, на нѣсколько столѣтій ставшій особо чтимой святыней древней Руси: русская съ Антоніемъ и Феодосіемъ, Ярославомъ и Святославомъ во главѣ, греческая при посредствѣ Влахернскаго храма и

¹⁾ Patr. gr. T. I. 109, Theophanes contin. IV, p. 178 сл.

варяжская съ Шимономъ и его родомъ во главѣ. Сама Богородица Влахернская послала въ Кіевъ мастеровъ, давъ имъ намѣстную икону, мощи святыхъ и золото. Она избавила отъ потопленія на морѣ варяга Шимона, Она, раныше потопившая варяжскія ладьи Аскольда и Дира, Она же избавила его отъ гибели на полѣ битвы, съ тѣмъ, чтобы (по гласу отъ Распятія) онъ шелъ въ Кіевъ и отнесъ вѣнецъ золотой и поясъ съ отцовскаго Распятія строющемуся храму Богородицы въ Кіевѣ. Антоній и Феодосій встрѣчають приходящихъ изъ Царьграда мастеровъ и варяга Шимона съ дарами. Самъ Святославъ копаетъ ровъ для фундаментовъ церкви, размѣры которой обозначены золотымъ поясомъ отъ Распятія, принесеннымъ Шимономъ. Сама Богородица даетъ название церкви: „Богородичина будеть церковъ“ и желаетъ прйтти на Русь, чтобы видѣть церковь, „въ ней же хощу жити“. Несомнѣнно, въ этихъ показаніяхъ Патерика съ полной ясностью выступаетъ починъ Влахернского храма въ связи съ варяго-русскими отношеніями. Шимонъ и его родъ крестились и оставили „латинскую буестъ“.

Печерскій храмъ бытъ посвященъ празднику Успенія Пресвятой Богородицы, между тѣмъ Влахернскій храмъ такого посвященія не имѣлъ. Однако, въ немъ хранился гробъ пресв. Богородицы, привезенный изъ Палестины Львомъ Великимъ (457—474), вслѣдствіе чего церковь называлась „Святымъ Гробомъ“. При томъ же Львѣ I изъ Палестины была привезена риза Богородицы, положенная въ этомъ храмѣ въ серебряномъ саркофагѣ. Все это близко напоминало объ Успеніи Богородицы, и ю не могу найти иной причины посвященія Печерскаго храма празднику Успенія Богородицы, кромѣ указанныхъ реликвій Влахернского храма. Корсунскій Влахернскій храмъ также не называется Успенскимъ въ русскихъ источникахъ, а несомнѣнно Влахернскій Успенскій Печерскій храмъ не называется Влахернскимъ. Однако, крайне поучителенъ фактъ, что въ Кловѣ выходцемъ изъ Печерскаго храма Стефаномъ бытъ основанъ храмъ во имя Божіей матери Влахернской¹⁾.

Начиная съ эпохи Владимира Святого, на русской почвѣ начинаютъ пользоваться особыніемъ значеніемъ, именно, Успенскіе храмы Пресвятой Богородицы. Соборный Кіевскій храмъ, знаменитая Десятинная церковь была посвящена Богородицѣ и имѣла намѣстную икону Пресвятой Богородицы, какъ передаетъ Несторъ въ Житіи свв. Бориса и Глѣба. Глѣбъ передъ бѣгствомъ изъ Кіева идетъ въ Десятинную церковь „и ту падъ поклонися со слезами и цѣловавъ образъ святаго Богородицы, ти тако изыде изъ церкви“. За Десятинною Богородичною церковью послѣдоваль Успенскій Печерскій храмъ, а за нимъ и въ полной зависимости отъ него, Успенскій храмъ въ Ростовѣ, выстроенный по мѣрѣ, подобю въ широту и долготу съ повтореніемъ всей росписи Печерскаго Успенскаго храма Владиміромъ Мономахомъ, и подобный же храмъ въ Суздалѣ, выстроенный Георгіемъ, сыномъ Владимира Мономаха. Во Владиміре и въ селѣ Боголюбово возникаютъ два Успенскихъ храма Пресвятой Богородицы, выстроенные Андреемъ Боголюбскимъ, затѣмъ Успенскій храмъ въ Звенигородѣ и особенно въ Москвѣ (первый храмъ выстроенъ Ioannomъ Калитой) какъ бы заканчивають собою традицію главенства Успенскихъ Богородичныхъ

¹⁾ Въ се же лѣто (т. е. 6616=1108) коньчаша върхъ святаго Богородица Влахерны на Кловѣ, заложенъ бывши Стефаномъ, игуменомъ Печерскимъ.

храмовъ въ Великихъ княженіяхъ. Эта традиція восходитъ черезъ по-средство Печерскаго Успенскаго храма къ почитанію знаменитаго цареградскаго Влахернскаго храма.

Не менѣе важно и то, что изъ школы тѣхъ греческихъ мастеровъ, которые были присланы въ Кіевъ отъ Влахернскаго храма, вышелъ русскій иконописецъ и мозаичистъ Алипій Печерскій. Это была вторая исторически извѣстная школа греческихъ мастеровъ въ Кіевѣ.

Печерскій храмъ быль основанъ, какъ сказано, Святославомъ Ярославовичемъ (1073—89) и быль роскошно украшенъ. Церковь была „мусією (т. е. мозаикой) сложена не токмо по стѣнамъ, но и по землѣ“, какъ сказано въ Синопсисѣ. Часть этихъ роскошныхъ украшений становится извѣстной изъ разсказа Патерика, а часть видѣль упомянутый уже Павель Алеппскій. Вотъ какъ разсказываетъ обѣи украшениіи церкви Кіево-Печерскій Патерикъ въ житіи иконописца Алипія: „Преподобный же Алипій преданъ бысть родителемъ своимъ на ученье иконального писанія, егда бо гречестіи письци изъ Царяграда Божімъ изволеніемъ и Пречистыя приведены быша нужео писати церквѣ Печерскіе, въ дни благовѣрнаго князя Высеволода Ярославича, при преподобѣньемъ игуменъ Никонъ, яко о сихъ съказано есть въ посланіи Симоновѣ, еже показалъ есть Богъ и сътвори чудо страшно въ церкви своей. *Мастеромъ бо олтарь мусією кладущимъ и образъ Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Присынодѣвы Маріи самъ вообразися, въсѣмъ же симъ внутрь сущимъ алтаря, покладываху мусією, Алимпій-же бѣ помагая имъ и учася. И видѣвше вси дивное и страшное чудо, зрящимъ имъ на образъ, се вънезапу просвѣтися образъ Владычица наша Богородица и Присынодѣвы Маріи паче солнѣца: и, не могуще зрѣти, падоша ницъ ужасъни, и, мало возъникше, хотяху видѣти чудо. И се изъ усть Пречистыя Богоматери изълетѣ голубь бѣль и леташе горѣ къ образу Сѣпасову и тамо скрыся. Сія же вси смотряху, аще изъ церкове излетѣть есть; и въсѣмъ зрящимъ, и пакы голубь изълетѣ отъ усть Сѣпасовыхъ и леташе по всей церкви, и къ коемуждо святому прильпая овому на руцѣ сѣдая, иному же на главѣ, сълетѣвъ же долу, сѣде за иконою чудною Богородичною, намѣстною. Долу же стоящіи хотѣша яти голубь и стояху вси зряще къ иконѣ и се пакы предъ ними изълѣтѣ голубь изъ усть Богородиченъ и идяше на высоту къ образу Сѣпасову, и возопиша горѣ стоящимъ: „имѣте и“. Они же простроша руки, хотяху яти его; голубь же пакы вълетѣ въ уста Сѣпасова, отнюдо же изыде. Съ ними же бѣ и сей блаженный Алимпій, видѣвъ дѣтель Святого Духа приспевающу въ той святой честнѣй церкви Печерской“.*

Текстъ Печерскаго Патерика даетъ возможность возстановить въ общемъ схему росписи храма. Слѣдя за полетомъ голубя, видимъ, что мастера изобразили въ куполѣ образъ Спасовъ, въ алтарѣ Богородицу, а на стѣнахъ „по всему храму“ святыхъ. Можно возстановить и имена нѣкоторыхъ святыхъ, изображенныхъ мастерами. Это быль Артемій, Поліевкѣ, Леонтій, Акакій, Ареѳа, Іаковъ, Федоръ, т. е. тѣ святые, мози которыхъ перечисляются въ Патерикѣ и относительно которыхъ сказано, что онѣ были положены подо всѣми стѣнами храма: „и мощи свѣтл. мученикъ подо всѣми стѣнами положены быша, идѣже и сами написаны суть надъ мощами по стѣнамъ“. Мощи этихъ мученикъ были

привезены изъ Влахернъ присланными въ Киевъ мастерами. Въ этомъ же храмѣ находилась „намѣстная чудная икона богородичная“, стоявшая въ храмѣ довольно высоко отъ пола, такъ какъ для того, чтобы найти скрывавшагося за нею голубя, приставили лѣстницу, „и не обрѣтеся ни за иконою, ни за завѣсою“. Это изложеніе, такъ интересно описывающее украшеніе храма Печерскаго мозаиками, восходитъ къ болѣе раннему тексту, упомянутому авторомъ, именно къ посланію Симона, но и само оно относится еще къ тому времени, когда въ цѣлости были золотой поясъ варяга Шимона и золотая корона, повѣшенные въ алтарѣ, какъ его благочестивое приношеніе храму. Онъ самъ, принявъ православіе подъ именемъ Георгія, былъ погребенъ въ Печерскомъ храмѣ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти предметы существовали въ цѣлости до нашествія Батыя, и къ этому времени должно отнести сказаніе Печерскаго Патерика.

Съ другой стороны, указаніе лѣтописи, что церковь была украшена мозаикой не только по стѣнамъ, но и по землѣ, даетъ новое указаніе, что и полъ церкви былъ украшенъ мозаикой, повидимому, на подобіе того, какъ въ Десятинной церкви и въ церкви св. Софії. Значительно позднѣйшій источникъ, кіевскій Синопсисъ, говоритъ: помостъ церковный весь отъ различныхъ шаровъ (т. е. красокъ) каменіи и всякими узорами бысть насажденный, а крестъ надъ церковью великия ваги отъ самаго злата сдѣланнныи¹⁾.

Тотъ-же Синопсисъ сообщаетъ, что татары въ 1240 году „верхъ алтаря великаго по перси иконы Пресвятая Богородица сбили“, изъ чего слѣдуетъ заключить, что мозаическое алтарное изображеніе Богородицы было въ полный ростъ.

Изъ того-же Печерскаго Патерика мы почерпаемъ еще одно драгоцѣнное свѣдѣніе относительно росписи Печерской церкви. Этотъ храмъ прославился больше другихъ, и вотъ Владміръ Мономахъ, „письменемъ хартии написавъ, идѣже кайждо празникъ въ коемъ мъстъ написанъ есть, сія вся въ чинъ и подобіе сотвори (въ Ростовѣ) по образу великія той церкви богознаменаннныя. Сын же того, князь Георгій, слышь отъ Владміра, еже о той церкви сотворися и той въ княженіи своемъ созда церковь въ градѣ Суждалѣ въ ту же мѣру“. Изъ этого свидѣтельства явствуетъ, что Владміръ Мономахъ и сынъ его Георгій выстроили въ своихъ удѣльныхъ княженіяхъ храмы во всемъ подобные Печерскому и даже на хартияхъ отмѣтили, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ были изображены праздники. Они могли воспользоваться для своихъ цѣлей тѣми планами, которые мастера и художники оставили Печерскому храму: „суть-же и нынѣ свиты (нѣкоторые читаются „свитки“) и книги ихъ (т. е. греческихъ художниковъ) греческие на полатѣхъ (т. е. на хорахъ) и блюдомы на память таковому чудеси“. Итакъ къ прежнимъ указаніямъ на роспись можно присоединить и еще одно, что въ храмѣ были также написаны двадцатые праздники.

Михалонъ Литвинъ также указываетъ на богатство Печерскаго монастыря въ его время и въ общихъ выраженіяхъ говорить о разныхъ мраморахъ и инкрустацияхъ кіевскихъ церквей, но Павелъ Алеппскій передаетъ наиболѣе важныя свѣдѣнія, дополняющія вышеприведенные. Онъ видѣлъ на западной стѣнѣ надъ главнымъ входомъ изо-

¹⁾ Синопсисъ. 2-е Кіевск. изд. стр. 15.

браженіе праздника этого храма, т. е. Успенія Богородицы, а справа и слѣва отъ него изображеніе двухъ князей, построившихъ эту церковь. Однако, неизвѣстно, были ли эти изображенія написаны въ древности, или принадлежали времени Петра Могилы.

„Хорось, т. е поль на хорахъ, говорить онъ, вымощенъ тверды-ми красными плитами вродѣ порфира. Говорять, этотъ камень добываются въ Днѣпрѣ. Таковъ же и поль церкви, на которомъ доселѣ остаются слѣды удивительной древней многоцѣнной мозаики“.

„Въ верху большого купола изображенъ Господь, да будетъ про-славлено имя Его“. „Алтарь очень высокъ и возносится вверхъ на боль-шое пространство. Отъ верха его полукруглой арки до половины ея изображены: Владычица, стоя благословляющая, съ платомъ у пояса. а ниже Ея Господь, окруженный апостолами, мозаикой съ золотомъ, какъ въ церкви св. Софіи и въ церкви Виолеема“. Поль алтаря сдѣланъ изъ чудесной мелкой мозаики. По окружности алтаря идетъ ка-ѳедра (горнее мѣсто) съ тремя ступенями, надъ нею на высоту роста тоже мозаика изъ превосходнаго мрамора“.

Павель Алеппскій видѣлъ, такимъ образомъ, еще сохранившееся по поясъ изображеніе Богородицы Оранты и композицію Евхаристіи въ алтарѣ, а въ самомъ храмѣ мозаическіе полы и инкрустациіи изъ мра-мора. Теперь все это погибло, и не осталось даже слѣдовъ мозаикъ или древней живописи. Роспись, покрывающая стѣны этого знаменита-го храма, выполнена въ концѣ XIX столѣтія.

Златоверхо-Михайловскій монастырь.

Заложеніе церкви во имя св. Михаила, по свидѣтельству Лаврен-тьевской лѣтописи, совершено въ 1108 году великимъ княземъ Свято-полкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ⁴⁾). Церковь за свои позолоченные ку-пола получила название „Златоверхой“ По обычному плану древнихъ и русско-византійскихъ церквей, она имѣетъ три алтарные абсиды: среднюю, или собственно алтарь, лѣвую жертвенникъ, правую діако-никъ. Первоначальный планъ церкви измѣненъ различными пристрой-ками, расширившими церковь, но затемнившими ее. Изъ семи купо-ловъ, имѣющихся нынѣ на церкви, лишь одинъ древній-средній. Бла-годаря различнымъ перестройкамъ, различнымъ невзгодамъ, испытан-нымъ церковью, она лишилась своихъ древнихъ драгоцѣнныхъ укра-шеній, которыми несомнѣнно была богата не менѣе св. Софіи. Она, на сколько можно судить по слабымъ остаткамъ этихъ украшеній въ видѣ мозаики абсиды алтаря, имѣла роспись, отчасти воспроизведен-шую ту, что находится въ св. Софіи въ той-же части ея, т. е. алтарѣ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Павла Алеппскаго, который въ половинѣ XVII вѣка посѣтилъ въ Кіевѣ церковь Михайловскаго мона-стыря и описалъ мозаичную живопись ея алтаря, которая въ то время была еще въ сохранности: „Великій алтарь (говорить онъ) похожъ на алтарь св. Софіи и монастыря Печерскаго, съ тремя большими окнами. На передней (восточной) его сторонѣ есть изображеніе Владычицы,

⁴⁾ Въ лѣто 6616 (1108 г.) заложена бысть църкви святаго Михаила Златоверхая Святополкомъ къняземъ, мѣсяца иуля въ 11 (день).

стоящей, воздъвь сваи руки съ открытыми дланями,—изъ позолоченой мозаики; также изображеніе Господа, который подаетъ своимъ ученикамъ, стоящимъ съ обѣихъ сторонъ, хлѣбъ и кровь божественные, подъ ними кругомъ изображенія архіереевъ — все изъ мозаики¹⁾.

Ни образа Богородицы Оранты, ни изображеній святителей, кроме первомучениковъ Димитрия и Стефана, теперь не имѣется; сохранилось только изображеніе св. Евхаристіи въ литургическомъ изводѣ. Но и эта мозаика сохранилась не вполнѣ: многія части представленного въ ней престола осыпались и подмалеваны красками. Изображеніе св. Евхаристіи въ мозаикѣ Михайловскаго монастыря въ общихъ чертахъ сходно съ изображеніемъ въ мозаикѣ Софійскаго собора, но въ частностяхъ между ними разница. Въ Михайловской мозаикѣ надъ св. престоломъ нѣтъ киворія, но престоль находится внутри канцелль или древняго иконостаса, алтарной преграды, поставленной на солеѣ изъ мраморовъ; Христосъ при раздаяніи хлѣба держить въ лѣвой руцѣ дискосъ; Ангелы держать надъ престоломъ рипиды скрещенными; на престолѣ одинъ только дискосъ. Болѣе существенная разница — въ самомъ исполненіи мозаики, ея техникѣ и стилѣ. „Общий характеръ стиля ниже Софійской мозаики; уже нѣтъ той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ; пропорціи угрированы до крайности: несоразмѣрно малы головы, руки и ноги; драпировки спутаны, и подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи, мозаика отличается сѣрыми, безцвѣтными тонами; въ ней преобладаютъ кубики бѣлые и красные. Чернаго цвѣта надпись (не греческая, какъ въ св. Софіи) церковно-славянская, вышина въ буквахъ около шести вершковъ, тянется поверхъ обѣихъ апостольскихъ группъ; слѣва читается: „пріимъте и ядите се есть тѣло мое ломимое за вы въ оставленіе грѣховъ; справа „пійте отъ нея въси се есть кровь моя новаго завѣта і завѣта изливаемая за вы за“... Хотя надпись отличается ошибками, однако можетъ служить яснымъ доказательствомъ того, что если искусство и здѣсь, какъ въ св. Софіи, было византійское, то мастерство уже было русское и самая мозаика должна была быть исполнена отчасти киевскими учениками грековъ": безъ существованія мѣстныхъ мастерскихъ, какъ указывалось выше, не могли исполняться такія обширныя работы, какъ украшеніе стѣнъ мозаикой, отъ которой дошли до насъ лишь небольшиe, слабые остатки, но тѣмъ не менѣе весьма важные, дающіе цѣнныій матеріаль для нашего знакомства съ состояніемъ искусства въ Россіи въ XI—XII вѣкѣ, о культурныхъ интересахъ нашихъ предковъ этого времени.

Фрески Кирилловскаго монастыря.

Кирилловскій монастырь находится на знаменитомъ, извѣстномъ въ лѣтописи мѣстѣ „Дорожиче“ (или Дорогожиче), бывшемъ единственнымъ доступомъ въ древности къ городу Кіеву; всякий врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этому мѣсту. На немъ одержали побѣду Ольговичъ Черниговскій, князь Всеволодъ II-й, послѣ чего овладѣлъ Кіевомъ и велиокняжескимъ престоломъ въ 1140 году. На мѣ-

¹⁾ Муркосъ, ibid., 7.

стъ своей побѣды опъ воздвигъ монастырь, сдѣлавшійся усыпальницею рода Ольговичей, во имя Кирилла, епископа Александрійскаго. Какъ и Софійскій соборъ, Кирилловскій монастырь испыталъ въ теченіи многихъ вѣковъ множество невзгодъ, поврежденій, измѣненій. Въ 1787 г. монастырь былъ упраздненъ и мѣсто съ церковью было отдано Инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и нынѣ богоугодныя заведенія. Вѣроятно, въ это время фрески, украшавшія церковь, и были закрыты. Въ 1860 г. при освѣженіи штукатурки обнаружена была древняя живопись, но полное открытие ея, почти всѣхъ древнихъ фресокъ, было сдѣлано лишь въ 1880 году профессоромъ А. В. Праховыемъ¹⁾.

Церковь имѣеть три престола, какъ показываютъ изслѣдованія ея кладки и плана XII вѣка; къ тому же времени относятся украшавшія ее фрески; лишь часть изъ нихъ—XVII вѣка. Содержаніе росписи и самое распределеніе ея обычно съ тѣмъ, какое извѣстно въ византійскихъ и русскихъ церквяхъ того же времени.

На паперти, прямо противъ входа остатки изображенія Страшнаго суда: 12 апостоловъ, толпы праведниковъ, ангелъ, „завивающій небо“; лоно Араамово. Надъ главнымъ западнымъ входомъ, напротивъ изображенія суда, троны. Въ главномъ продольномъ кораблѣ: между окнами-изображеніе четырехъ столпниковъ; на южной стѣнѣ—Рождество Христово, на съверной—Успеніе Божіей Матери. Первая сцена—въ сложномъ переводѣ—съ ангелами, волхвами, омовеніемъ Младенца, во второй группы ангеловъ, несущихъ на облакахъ апостоловъ: апостолы у гроба. На съверной стѣнѣ жертвенніка-интересный подборъ святыхъ Македонскихъ, Фессалоникіевъ: св. Константинъ, вѣроятно Кириллъ, свв. Климентъ (Болгарскій), Иоаннъ Македонскій, Іосифъ Солунскій, да-лѣе: Евменъ, Анфимъ, Кириакъ.

На столпахъ царской арки—въ три яруса: Срѣтеніе, Ап. Петръ, Павелъ, Благовѣщеніе.

Съверный придѣлъ (Михайловскій) весь украшенъ лицевыми изображеніями. Роспись главнаго алтаря повторяетъ то, что въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ Софійскомъ соборѣ и Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, тутъ: Богородица Оранта, св. таинство Евхаристіи, Святыни.

Наиболѣе интересна по своему содержанію, и сохранности роспись на стѣнѣ южной абсиды теперешняго Кириллонскаго придѣла. Какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, всѣ изображенія поясняются соотвѣтствующими надписями на церковно-славянскомъ языкѣ, весьма важными и для исторіи русскаго языка. Указанная роспись иллюстрируетъ главные моменты изъ житія св. Кирилла, епископа Александрійскаго. Такимъ образомъ, здѣсь видимъ: благословеніе Богородицею св. Кирилла и св. Аѳанасія (трудившихся надъ установлениемъ догматіа о Пресвятой Дѣвѣ); исцѣленіе св. Кирилломъ бѣсноватыхъ: поученіе имъ народа; писаніе имъ заповѣдей Божіихъ („Кирилль пишетъ заповѣдь божию“): онъ сидить на креслѣ и пишетъ пе-

1) Фрески эти, къ сожалѣнію, еще до сихъ порь, за исключеніемъ трехъ изображений, не изданы; краткое описание ихъ въ ст. проф. А. В. Прахова „Киевские памятники византійско-русского искусства“. Древн. Труды Московск. Арх. Общ. томъ XI, вып. 3-й стран. 19—24.

ромъ, держа книгу лѣвою рукой; передъ нимъ низкій письменный столъ со шкафомъ, около него ученики; поученіе св. Кирилломъ царя Феодосія (Стый Кирилль обучить и пр.); въ дѣйствительности св. Кирилль не былъ въ Константинополѣ, а только писалъ императору Феодосію поученія о вѣрѣ. Въ любопытномъ и интересномъ костюмѣ изображенъ императоръ: на головѣ у него стемма съ драгоценными камнями, верхняя одежда малиновая парчевая, оплечья ея съ камнями, зеленые порты и красные вязанные жемчугомъ сафьяновые сапоги; надъ трономъ, на которомъ сидѣть императоръ, сѣнь, по сторонамъ у дверей — св. Кирилль и другой святителъ. Далѣе слѣдуютъ сцены изъ борьбы его противъ ученія Несторія, противника догмата почитанія Пресвятой Дѣвы, какъ Богородицы: святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейѣ сидѣть во главѣ другихъ св. епископовъ, предсѣдательствуя на соборѣ. Можно полагать, что здѣсь имѣется въ виду Александрийскій соборъ. Слѣдующее изображеніе, поясненное въ надписи: «Святыи Кириль обучить въ соборѣ», очевидно, представляетъ третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ. Посреди, на тронѣ, богато украшенномъ, сидѣть императоръ; на головѣ у него царская корона въ видѣ обруча, съ матерчатою шапочкою внутри, съ камнями; на вискахъ жемчужная подвеска (препендулы); верхняя одежда — пурпурная, далматика съ лорономъ, прекрещеннымъ на груди; въ рукахъ императоръ держитъ большой свитокъ соборныхъ постановленій или грамоту; по сторонамъ сидя и стоя, окружаютъ императора отцы церкви; сзади стоятъ два тѣлохранителя въ азіатскихъ колпакахъ.

Далѣе заключительныя изображенія: св. Кирилль проклинаетъ еретиковъ (несторіанцевъ); погребеніе св. Кирилла: двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную, розовую раку; тутъ же ученики и кадящій священникъ.

Кромѣ указанныхъ изображеній, имѣются остатки древнихъ композицій и отдѣльныхъ изображеній святыхъ, и равно масса чисто орнаментальныхъ, дающихъ вмѣстѣ съ описанными — богатый матеріалъ для исторіи русского искусства XII в., находившагося подъ сильнейшимъ вліяніемъ византійского искусства, представители мастера кого-раго, какъ указывалось и выше, могли работать въ Россіи сами непосредственно, при помощи учениковъ, открывавшихъ несомнѣнно свои самостоятельныя мастерскія. Стиль фресокъ Кирилловскаго монастыря также не однороденъ. Въ то время, какъ единоличныя изображенія святыхъ на столбахъ отличаются широкими, мощными пропорціями, почти превосходящими обычныя представленія о мозаїческой фігуры и слѣдуютъ кievскому стилю, извѣстному особенно въ ц. св. Софии, изображенія изъ жизни св. Кирилла отличаются тонкимъ, мелочнымъ исполненіемъ, напоминающимъ утонченную технику мозаикъ и фресокъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Извѣстій о призываѣ греческихъ мастеровъ для расписи храма нѣтъ, а потому, надо полагать, что церковь была расписана смѣшанной школой кievскихъ мастеровъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что въ Киевѣ въ эпоху до татарскаго нашествія было шесть большихъ и роскошныхъ храмовъ, украшенныхъ мозаической и фресковой живописью. Для выполненія мозаикъ и фресокъ необходимы были мастерскія и мастера. Сначала

эти мастера были греки, а затѣмъ русскіе. Первымъ мозаичистомъ, русскимъ ученикомъ грековъ, былъ иконописецъ Алипій, а первая мозаика, выполненная русскими мастерами и снабженная славянскими надписями, была мозаика Златоверхо-Михайловского монастыря. Такъ пришли на Киевской почвѣ церковное зодчество, роскошная живопись и иконопись, водворенные здѣсь мастерами изъ Византіи и воспринятыя русскими. Формы византійского искусства, ставшія на мѣсто прежняго языческого искусства, общераспространенного, представлявшаго формы древне-языческаго быта, были вкраплены въ эту сложную среду народнаго искусства и медленно въ теченіе вѣковъ вліяли на ихъ измѣненіе. Такъ изъ борьбы вѣковыхъ формъ зодчества еще языческой поры съ новыми византійскими выработалась русская деревянная храмовая архитектура. Однако византійское вліяніе съ его цареградскимъ, корсунскимъ и сирійскимъ восточнымъ развѣтленіями, не вполнѣ опредѣляетъ характеръ Киевскаго древне-русскаго искусства. Съ очень ранняго времени приходится принимать въ соображеніе также западное, „латынскос“ вліяніе, приходившее въ Кіевъ вмѣстѣ съ варягами и другими выходцами изъ западной романской Европы. Это западное вліяніе переплеталось съ главнымъ византійскимъ вліяніемъ, и вліяніемъ востока и отразились въ формахъ Киевскаго искусства. Такъ въ почвѣ Кіева найденъ очень интересный кусокъ прирейнской эмали XI вѣка, занесенный сюда, повидимому, при посредствѣ торговли. Въ Кіевѣ, какъ известно въ XII вѣкѣ и позднее существовала латинская миссія, служившая проводникомъ латинскаго вліянія вообще. Съ другой стороны въ Кіевопечерскомъ Патерикѣ разсказывается о находкѣ въ одной изъ пещеръ Печерскаго монастыря множества латинскихъ серебрянныхъ сосудовъ. Золотые поясъ и корона отъ латинского Распятія были привнесены варяжиномъ Шимономъ въ Печерскій монастырь и были повѣшены въ алтарѣ Успенскаго Печерскаго храма. Западное романское вліяніе отразилось также и на Кіевской архитектурѣ, что является самымъ важнымъ даннымъ для кіевскаго искусства домонгольского периода. Извѣстная Трехсвятительская церковь, выстроенная, повидимому, до нашествія монголовъ, т. до 1224 года, украшена романскими полыми внутри полуколоннами по своимъ виѣшнимъ фасадамъ, и имѣеть на одной изъ стѣнъ изображеніе креста внутри треугольника, или романского „вымпера“. Незначительное въ Кіевѣ западное вліяніе особенно сильно и ясно выражено въ Черниговѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и Суздалѣ, какъ будетъ показано дальше.

Мраморы и инкрустациіи Кіево-Софійскаго собора и Десятинной церкви¹⁾.

Свойство византійской архитектуры X XI вѣковъ, унаследованное ею еще отъ античной древности, состояло въ томъ, что храмовое зданіе должно было соединять въ себѣ разнообразную многоцвѣтную живопись съ облицовками стѣнъ и половъ разнообразными мраморами и инкрустациями, т. е., иначе сказать, храмъ, какъ и дворецъ, соеди-

¹⁾ Болѣе подробно см. въ моей статьѣ: „Мраморы и инкрустациіи Кіево Софійскаго собора и Десятинной церкви“ въ Трудахъ Харьковск. Археологич. Съѣзда.

няль двѣ отрасли украшений: полихромію и полилитію. Понятно само по себѣ, что только изучая обѣ стороны украшений храмовыхъ зданій, можно получить о нихъ надлежащее представление.

Какъ бы ни были ничтожны остатки древнѣйшей церкви Киева Десятинной (хранившіеся въ шкафу слѣва отъ входа), однако, и они заслуживаютъ полного вниманія уже потому, что въ этихъ остаткахъ наблюдается искусство X вѣка на Руси, такъ какъ церковь заложена въ 989, а освящена въ 996 г.г. Фрагменты мозаикъ съ золотыми и синими кубиками, найденные въ развалинахъ этой церкви, свидѣтельствуютъ, что храмъ былъ украшенъ настѣнной мозаикой. Нѣсколько порфировыхъ квадратиковъ, прекрасной шлифовки, тонкаго и точнаго разрѣза показываютъ, что стѣнная инкрустациія Десятинной церкви были выполнены съ замѣчательнымъ мастерствомъ и совершенствомъ, известными также и въ Киево-Софійскомъ соборѣ. Остатокъ фрески, представляющей часть головы какого-то святого (скопированный мною въ краскахъ), даетъ ясное представление о достоинствахъ фресковой живописи X вѣка. Строгость византійского стиля сопровождается здѣсь широкими формами лица, большими выразительными глазами, тщательной отдѣлкой и даже тушонкой тѣней, красными контурами вѣкъ и блѣдно-розовымъ цвѣтомъ лица.

Обломки мраморныхъ и шиферныхъ (красныхъ) плитъ не менѣе интересны. Онѣ доказываютъ, что храмъ въ X вѣкѣ имѣлъ такія же краснаго шифера облицовки хоръ, какъ и Киево-Софійский соборъ, но имѣлъ также и рельефныя плиты бѣлаго проконісского мрамора, очень внимательного и художественнаго рѣзца. Нѣкоторые фрагменты бѣлыхъ мраморныхъ плитъ по тонкости рѣзбы и извѣстной округлости рельефовъ, т. е. иначе ихъ пластичности, превосходятъ плоскую рѣзбу рельефовъ Ярославовой гробницы.

Поль Десятинной церкви сохранилъ значительную часть своей древней настилки, состоящей изъ небольшихъ квадратныхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго шифера, и представляетъ обширное пространство шахматнаго рисунка. Важнѣе однако, то, что онъ сохранилъ довольно большую часть инкрустациіи ковроваго рисунка. Эта инкрустация выполнена разноцвѣтными мраморами, между которыми особенно интересны: лиловый порфиръ, зеленый или *verde antico*, бѣлый мраморъ съ прослойками, затѣмъ различные роды пятнистаго мрамора. Продолговатый четыреугольный коверь какъ бы лежить на полу, отороченный широкимъ бордюромъ порфира. Внутрь его вписанъ кругъ или омfalій, выложенный концентрическими полосами разноцвѣтнаго мрамора и мелкимъ узоромъ мозаической инкрустациіи. Внутри омfalія, въ центрѣ его заключенъ кружокъ порфира. По четыремъ угламъ — повторены по четверти центральнаго омfalія того же рисунка. По сторонамъ четыреугольника идутъ двѣ дорожки, выложенныя изъ шести угольныхъ продолговатыхъ плитокъ, бѣлыхъ и красныхъ вперемежку. Далѣе также повторены четыреугольники, но болѣе простой кладки. Этотъ единственный мозаический полъ, сохранившійся въ Киевѣ отъ древности, заслуживаетъ точнаго возпроизведенія въ краскахъ и изданія въ свѣтъ. Я не рѣшаюсь издать свой карандашный рисунокъ. Рисунокъ этой ковровой мозаики еще не имѣетъ примѣсей арабскихъ, витковъ и напоминаетъ простоту античной геометрической орнаментики.

Въ верхъ восточной стѣны теперешняго храма вдѣланы части надписи красивымъ уставомъ. Историческій Музей въ Москвѣ владѣеть отличной гипсовой копіей съ фрагментомъ этой надписи, и въ виду того, что надпись эта до настоящаго времени еще не прочитана правильно, она здѣсь не приводится. Надпись состоить изъ нѣсколькихъ фрагментовъ, составленныхъ вмѣстѣ въ рядъ, перепутанныхъ и не дающихъ понятыхъ отдѣльныхъ словъ. Обычное чтеніе этой надписи (о Нѣсъ єнъ рѣзю жѣтъ; и т. д.) не можетъ быть принято уже по той причинѣ, что отдѣльные части словъ, о и фи не встрѣчаются въ вышеприведенномъ текстѣ, находящемся, какъ извѣстно, въ Киево-Софійскомъ соборѣ по бордюру алтарной арки и, какъ передаютъ византийские авторы, находившемся на черепицахъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ въ такомъ видѣ: 'О Нѣсъ єїнъ рѣзю жѣтъ. ижо оу захѣя юзати зогуїзъ жѣтъ о Нѣсъ то прю; прю! прю!').

Киево-Софійский соборъ Относительно мраморовъ и инкрустаций Киево-Софійского собора историческая данныя изобилуютъ въ такомъ количествѣ, что восстанавливается въ значительной степени картина былаго величія и красоты этого храма, подобного которому, по выражению митрополита Илларіона, „не обрящется во всемъ полунощіи земиъ“. Данныя вещественные позволяютъ придать этой картинѣ характеръ достовѣрности.

Писатели XVI и послѣдующихъ вѣковъ упоминаютъ объ украшенияхъ храма, состоявшихъ изъ мрамора и мозаическихъ инкрустаций, а Гейденштейнъ, секретарь короля Сигизмунда, (въ 1596 г.) видѣть въ цѣлости притворъ, колонны изъ порфира, мрамора и алавастра²). Въ этихъ извѣстіяхъ важно то, что наружный видъ Киево-Софійского собора, равно какъ и внутреннее убранство его рисуются въ иномъ видѣ, чѣмъ тотъ, который храмъ представляетъ въ настоящее время. Мраморные остатки, хранящіеся въ бывшей крещальнѣ собора, для возстановленія указанного притвора представляютъ особенную важность. Измѣреніе этихъ фрагментовъ и опредѣленіе ихъ первоначального назначенія приводятъ къ важнымъ результатамъ.

Мраморные фрагменты разбиваются на двѣ группы. Къ первой группѣ должны быть отнесены капители, остатки отъ облицовки арки, дверные пилистры и антаблементъ съ арочками. Всѣ эти фрагменты сработаны въ размѣрахъ однородныхъ, не представляютъ массивовъ и по техникѣ, болѣе изысканной и тонкой, еще болѣе объединяются въ одну группу.

Вторая группа представляетъ рядъ большихъ и массивныхъ блоковъ, въ связи съ которыми должны стоять и сохранившіяся колонны и база. Указанныя ранѣе капители могли украшать колонны не шире 5, 6¹ и вершковъ въ діаметрѣ. Капителей, украшавшихъ сохранившіяся колонны, не сохранилось.

Извѣстія о существованіи портика западнаго входа вполнѣ подтверждаются, на мой взглядъ второй, группой фрагментовъ. Колонны, база принадлежали этому входному портику, и теперешняя высота его

¹⁾ Vanduri Antiquitates Constantinopolitanae lib. IV, 63.

²⁾ Ср. Н. И. Петровъ Историко-топографические очерки древніаго Киева; стр. 139—40.

вполнѣ совпадаетъ, съ высотой его въ древности. Гейнденштейнъ видѣлъ не только мраморныя колонны, но порфировыя и алебастровыя. Эти колонны были, очевидно, похищены изъ храма въ періодъ уніатскаго владычества, и ихъ должно искать въ католическихъ костелахъ юго-западнаго края, а быть можетъ и Киева. Среди различныхъ безформенныхъ обломковъ мраморовъ, нашелся лишь одинъ ничтожный кусокъ порфира, отшлифованного гладко съ одной стороны, но не прилежащей колоннѣ а какой-то инкрустациії.

Дверные стояки, косяки и карнизы съ крестами представляютъ остатки облицовокъ по меньшей мѣрѣ двухъ дверныхъ входовъ въ храмъ, а существование фрагментовъ дозволяетъ предположить, что все три двери, ведущія въ храмъ съ западной стороны, были облицованы мраморомъ по обычай византійской архитектуры, и что теперешніе входы въ видѣ арочныхъ пролетовъ представляютъ позднѣйшія передѣлки. Такимъ образомъ, западный фасадъ храма св. Софіи долженъ быть возстановленъ по обычному плану византійскихъ храмовъ, имѣвшихъ колончатый притворъ, изъ которого во внутрь храма вели три массивныя мраморомъ облицованныя двери.

Извѣстіе католического бискупа Верещинскаго (1595 года) относительно вида храма заставляетъ предполагать, что и стѣны съ виѣшней стороны были облицованы какимъ-то камнемъ. Онъ передаетъ, что весь храмъ былъ воздведенъ „изъ камня похожаго на халцедонъ“, а это данное указываетъ, что онъ видѣлъ какую-то облицовку стѣнъ. Дѣйствительно, сказавши о виѣшности храма, онъ продолжаетъ: „но и внутри вмѣсто живописи онъ былъ украшенъ изображеніями св. лицъ изъ золотыхъ и эмалированныхъ камешковъ“... Присутствіе на виѣшнихъ стѣнахъ храма широкихъ краснаго шифера карнизовъ указываетъ на то, что они должны были играть служебную роль и служили для поддержки облицовокъ. Возможно, что въ эпоху уніатскаго владычества многие мраморы и облицовки были сорваны со своихъ мѣстъ и послужили для украшений уніатскихъ церквей.

Такимъ образомъ, виѣшность храма должно представлять себѣ не въ теперешнемъ видѣ со стѣнами, имѣющими неровныя и шероховатыя поверхности, а въ такомъ же видѣ, какъ и виѣшность богатыхъ византійскихъ храмовъ, т. е. съ красивыми линіями профилей и угловъ, съ ровными полироваными облицованными мраморомъ стѣнами, чemu примѣромъ можетъ служить церковь св. Марка въ Венеції.

Изъ всего богатства инкрустаций и мозаичныхъ половъ, которыя существовали еще во времена Павла Алеппскаго, теперь сохранились ничтожные остатки на нижнихъ частяхъ алтарной абсиды и на древнемъ митрополичемъ сѣдалищѣ. „Когда входишь въ храмъ черезъ западныя двери“, говорить этотъ крайне внимательный очевидецъ, „то глазамъ твоимъ открывается поль хороosa (т. е. самой церкви), сдѣланной изъ удивительной многоцѣнной мозаики, съ разнообразными тонастями искусства“. Такой-же поль онъ видѣлъ внутри алтаря и удивлялся красотѣ инкрустаций на стѣнахъ алтарной абсиды въ перемежку съ мраморными плитами. Полы церкви а алтаря теперь чугунные.

Инкрустациіи на стѣнѣ алтарной абсиды сохранились лишь во фрагментахъ. Они представляютъ длинныя полосы шашечнаго рисунка, набраннаго изъ синихъ и бѣлыхъ поливныхъ треугольниковъ или квад-

ратогъ. По концамъ абсиды справа и слѣва находились выложенные инкрустацией кресты съ двумя свѣчами внутри ниши. Подобная композиція сохранилась лишь слѣва отъ зрителя.

Митрополичье сѣдалище представлять драгоценный древній памятникъ, сохранившійся до нашего времени еще довольно хорошо. Онъ состоитъ изъ трехъ мраморныхъ плитъ бѣлыхъ, но окрашеныхъ теперь въ коричневую краску, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ стѣнѣ образуя спинку, а двѣ другія выступаютъ впередъ на подобіе перилъ косо срѣзанными верхними краями. Какъ спинка, такъ и перила инкрустированы вглубь разноцвѣтными камешками. Верхъ спинки въ видѣ полукруга потерялъ всѣ свои украшения, но поле спинки сохранило завитки орнамента, и лишь круглые довольно крупные вставленные внутрь завитковъ умбоны были выдернуты въ неизвѣстное время.

Говоря о мраморахъ и инкрустацияхъ Кіево-Софійскаго храма, нельзя обойти молчаніемъ главнѣйшаго памятника, относящагося къ роду описываемыхъ древностей, гробницы Ярослава. Она украшена рельефными крестами, кругами, рыбами, птицами, сидящими на деревьяхъ, и четыреугольными отверстіями вродѣ бассейновъ. Неизданный до сихъ поръ въ ясныхъ и точныхъ фотографіяхъ и извѣстный въ рисункахъ академика Солицева, по преимуществу, этотъ памятникъ до сихъ поръ описывается не точно и остался необслѣдованнымъ съ противоположной стороны, примыкающей къ южной стѣнѣ, у которой онъ стоитъ. Птицы на деревьяхъ сидятъ касаясь вѣтвей, а не линій четыреугольниковъ, которые принято считать за бассейны. Онъ обращаются клювы къ птенцамъ, сидящимъ въ гнѣздахъ на вершинахъ деревьевъ. Птенцы и гнѣзда отсутствуютъ на рисункахъ Солицева. Эти даннныя мѣняютъ смыслъ изображеній. Птицы у гнѣздъ съ птенцами представляютъ пережитокъ христіанской пластики еще IV, V вѣковъ. Кромѣ того, отъ четыреугольниковъ, считаемыхъ за бассейны, только на лѣвой сторонѣ идетъ одна полоса внизъ отъ праваго угла четыреугольника. На рисункахъ Солицева четыреугольники имѣютъ видъ верхнихъ частей какихъ-то поставцевъ довольно высокихъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Задняя поверхность выравнена, но не сглажена и шероховата, и представляетъ приготовленную для рѣзца иллюстрацію, на которой онъ успѣлъ уже провести вглубь контуры квадратовъ того рисунка, который намѣревался рѣзать и въ углахъ прошель своимъ долбиломъ вглубь на полсантиметра по указаннымъ линіямъ. Работа осталась неоконченной, очевидно, по той причинѣ, что именно, этой стороной саркофагъ долженъ былъ быть поставленнымъ къ стѣнѣ.

Извѣстно, затѣмъ, что въ Десятинной церкви была похоронена Владиміромъ св. Ольга въ особенномъ каменномъ гробѣ. Объ этой гробницѣ имѣемъ слѣдующія указанія въ „Памяти и похвалѣ св. Владиміру“ и въ минейномъ житіи св. Ольги: „Во гробѣ, идѣ же лежитъ блаженное и честное тѣло блаженныя и честныя княгини Ольги, гробъ камень малъ въ церкви св. Богородица.... и на верху гроба оконце сотворено, и ту видѣти тѣло блаженныя княгини Ольги лежаще цѣло“.

Въ 1011 году была похоронена въ этой же Десятинной церкви жена Владиміра царица Анна, а въ 1015 году здѣсь же положенъ былъ въ „корсту мраморяну“, т. е. въ мраморную гробницу Владиміръ и по-

хороненъ съ плачерь великимъ. Дитмаръ Мерзебургскій подтверждаетъ, какъ очевидецъ, что Владими́ръ и Анна лежали въ мраморныхъ гробницахъ, посреди церкви (*in duobus magnis sarcophagis*).

Въ 1078 году Изяслава Ярославича, „вложивше въ раку мраморяну“, похоронили въ той же Десятинной церкви, а Ярополка Ярославича „съ честью положиша въ рацѣ мраморянѣ въ церкви св. Апостола Петра, юже бѣ самъ началь здати прежде“. Свв. Бориса и Глѣба положили въ раку каменную, какъ и св. Ольгу. Можно думать, что указанныя мраморные гробницы привозились въ готовомъ видѣ изъ Византіи, но все же и на Руси несомнѣнно могли приготавляться такія гробницы уже потому, что русские мастера были освоены съ обработкой мрамора и камня еще въ языческое время при изготавлении или ваяніи языческихъ идоловъ, а во вторыхъ потому, что пришедшіе при Владими́рѣ вмѣстѣ со „здателями палатъ каменныхъ“ „каменоствѣцы“, могли обучить своему мастерству русскихъ мастеровъ. Прямое указаніе на изготавленіе русскими мастерами каменной гробницы для князя имѣется въ „Словѣ о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба“: „Пѣвшу же епископу надъ княземъ Давидомъ Святославичемъ (1123 г.) гробъ не докончанъ бысть“, поэтому удлинили службу, „дондѣже камень сравняша и князя вложиша въ гробъ“. Гробницѣ изъ красного шифера найдено значительное количество въ древнихъ храмахъ Кіева, Чернигова, Переяслава и др. Въ прежнее время полагали, что этотъ красный шиферъ также приносился изъ чужихъ земель, но теперь, послѣ изслѣдований инженера Осовского, открывшаго залежи этого камня въ Овручѣ, и указаній Павла Алеппскаго о добываніи этого прекраснаго камня въ Днѣпрѣ, стало яснымъ, что всѣ издѣлія изъ красного шифера должны по преимуществу принадлежать русскимъ мастерамъ. Такова, напримѣръ, отличная гробница, украшенная рельефными крестами въ арочкахъ, открытая въ развалинахъ Десятинной церкви и тѣ рѣзныя изъ красного шифера рельефныя доски, которая открыты въ тѣхъ же развалинахъ и которые принадлежали самой церкви, и представляли доски для перилъ, подобныя находящимся на хорахъ Софійскаго собора.

Слѣдуетъ замѣтить, что „мраморъ“, „мраморяный“, „камень“, „драгій камень“ термины хорошо известные нашимъ древнимъ лѣтописямъ, и другимъ источникамъ. Мраморъ и дорогія породы камня шли на Русь обычнымъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, по Днѣпру. Онъ могъ идти и въ глыбахъ и въ видѣ готовыхъ отдѣланныхъ колоннъ, капи-телей, гробницѣ и т. п. Объ этомъ явственно говорить не разъ упоминавшійся уже Павелъ Алеппскій, прибавляя, что этотъ мраморъ шелъ изъ Царьграда, именно, съ острова Мармара. Наши русские паломники также хорошо знали это мѣсто мраморныхъ ломокъ, и одинъ изъ нихъ Зосима еще въ 1420 году писалъ: „И поидохъ въ корабли исъ Константина града и идохъ 100 миля ускимъ моремъ и минухомъ острозвъ Мармаръ. Въ симъ острозвъ цариградци колютъ мармаръ и мостять церкви и палаты“.

Бросимъ взглядъ на все сказанное. При Ольгѣ и Владими́рѣ начинаются такія сношения Руси съ Византіей, которыя заканчиваются принятіемъ христіанства и наследиемъ византійскаго искусства въ Кіевѣ. Городъ Кія, и безъ того богатый по тогдашнему времени различными зданіями, украшенный на подобіе Царьграда статуями и роскош-

нымъ Десятиннымъ храмомъ, въ которомъ все, начиная съ его почвы, обагреною кровью мучениковъ, и кончая стѣнами, расписанными мозаической и фресковой живописью, все говорило о новыхъ формахъ искусства, не языческаго, а христіанскаго, при наслѣдникахъ Владимира пріобрѣтаетъ еще болѣе важный для исторіи русскаго искусства характеръ и видъ. Св. Ольга и св. Владиміръ выступаютъ передъ нами, какъ первые насадители нового христіанскаго искусства, т. е. европейскаго искусства тогдашняго времени. Первые ихъ шаги показываютъ, что у нихъ была мечта возвеличить Киевъ, какъ Царьградъ. При Ярославѣ Мудромъ эта мечта принимаетъ вполнѣ ясныя и рѣзко выраженные формы. Современники говорятъ намъ о богатствѣ и красотахъ Киева и его зданій. Въ предмѣстьяхъ Киева, въ Вышгородѣ, селѣ Берестовѣ, въ Вы добычахъ стояли княжеские загородные терема „съ золотыми верхами“, упоминаемыи въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ былинахъ Владимира цикла. Какъ измѣнился вицѣшній видъ Киева со времени язычества, уже при Ярославѣ, видно изъ словъ митрополита Илларіона, въ его знаменитой рѣчи, произнесенной въ Десятинной церкви, на которую раньше часто указывалось. Обращаясь къ гробницѣ съ тѣломъ Владимира, Илларіонъ сказалъ: „Встань... виждь же и градъ величествомъ сіяющъ, виждь церкви цвѣтуши. виждь христіанство ра стуще, виждь градъ иконами святыхъ освѣщающими блистающеся и ти міаномъ обухаемъ и хвалами и божественными пѣніи святыми оглаша ѿмъ“. Этотъ христіанскій видъ Киева, однако, сохранялъ въ себѣ еще многія языческія черты. Его жизнь и художественный бытъ, соединившій древнія черты народнаго искусства съ новыми формами византійскаго искусства, восхищалъ современниковъ и казался „прелестью міра“, т. е. чрезмѣрной и даже грѣховной роскошью: „Выехаль князь Святоша, сынъ княжъ Мстислава, внукъ княжъ Юрьевъ, Черниговскій изъ града Киева, и обратився на градъ Кіевъ и рече болярамъ своимъ: воистину братіе суета свѣта сего и прелесть міра сего“.

И намъ придется вслѣдъ за ними направиться въ другой древній русскій городъ Черниговъ и изучить его памятники.

Професоръ Д. Ашаловъ.

КЪ ИСТОРИИ

Колонизациі Азовскаго побережья.

Азовскія дѣла по сношеніямъ съ Крымомъ и Кубанью
(1698—1701).

хранящіяся въ Историческомъ Архивѣ Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Въ историческомъ развитіи русской народности играеть первенствующую роль процессъ колонизаціи, усвоенія русскимъ племенемъ той огромной территоії, на которой построилась Россійская Имперія XVIII—XIX вѣковъ. „Исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизуется“, говорилъ покойный В. О. Ключевскій.

Въ собраніяхъ старыхъ документовъ и историческихъ архивахъ различныхъ мѣстностей Россіи, равно какъ и въ ея центральныхъ архивахъ (напримѣръ, Московскихъ — Архивѣ Министерства Юстиціи и Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), хранится очень большое количество еще неиспользованныхъ въ полной мѣрѣ изслѣдователями архивныхъ документовъ, выясняющихъ картину развитія русской колонизаціи. Архивы южной Россіи—Крыма и Кавказа—представляютъ данная конца XVIII—XIX вѣковъ, когда русская колонизація этихъ мѣсть пошла широкою волною въ раздвинувшихся рамкахъ русского государства. Ученаго изслѣдователя должна интересовать однако не только законченная стадія колонизаціонного процесса, но также первоначальная, еще намѣчающіяся его тенденціи, не только исторический его періодъ, но также и доисторический. Доисторическимъ періодомъ русской колонизаціи Крыма и Предкавказья нужно считать время предшествовавшее включенію этихъ мѣсть въ составъ русского государства.

Въ русской колонизации обычно различимы двѣ волны. одна слѣдующая за другой: колонизация принудительная и вольная. Движущей силою для первой было государство. Государство выдвигало въ степь „сторожевыя“ и „засѣчные черты“ укрепленныхъ городковъ и острожковъ. селило въ нихъ служилыхъ людей, или — какъ то было по отношенію къ Сибири,

сплавляло въ новыя земли „колодниковъ“ — преступный элементъ. Вторая волна состояла изъ людей, переселившихся въ новыя земли по своему собственному почину, безъ побужденій со стороны государственной власти, а иногда и противъ желанія этой власти.

Юго-востокъ Россіи былъ преимущественной областью этой вольной колонизации второго типа. Отъ тягостей государства московскіе люди бѣгутъ на Волгу, на Донъ, на Яикъ, на Терекъ, позже на Кубань. Съ конца XVII вѣка начинается новый усиленный потокъ бѣженцевъ — старообрядцы, спасающіеся отъ религіозныхъ преслѣдований. Государство идетъ по пятамъ вольной колонизации и постепенно утверждается въ областяхъ, ею уже занятыхъ. Подъ вліяніемъ этого, поселенцы этихъ областей часто снимаются съ нового гнѣзда и идутъ искать счастья дальше, съ Волги на Яикъ, съ Дона и Хопра на Кубань. Обычно, такіе переселенцы прилагаютъ всяческія старанія къ тому, чтобы государство не послѣдовало за ними; они вступаютъ въ борьбу съ „государевыми людьми“, действуютъ за одно съ „государевыми ворогами“, но тѣмъ не менѣе фатально приготовляютъ почву для дальнѣйшей русской колонизации, для дальнѣйшаго распространенія ненавидимаго ими русского государства. Такъ личныя усилія расходятся съ историческимъ процессомъ, — яркій примѣръ гетерономіи цѣлей въ историческомъ процессѣ.

Въ поступательномъ движениіи русского государства на югъ и юго востокъ, къ побережью Чернаго моря, имѣть громадную важность обладаніе устьемъ Дона. Это ключъ къ сѣверному побережью Азовскаго и Чернаго морей съ одной стороны, къ восточному побережью тѣхъ же морей — съ другой. И Крымъ и Кубань вошли въ область возможныхъ достиженій русского государства только послѣ занятія Донскаго устья. Стратегическая важность Ростова на Дону сдѣлалась всѣмъ намъ близко — понятной послѣ событий гражданской войны 1917—1919 г.г. Именно такова же была стратегическая цѣльность Азова во времена предшествовавшія завоеванію Крыма и Кавказа. Недаромъ Азовъ былъ притягательной цѣлью мо-

сковской политики XVII вѣка. Безъ обладанія Азовомъ имѣло мало значенія издавнєе утвержденіе Московскаго государства на Терекѣ, и не могли увѣнчаться успѣхомъ ратные походы московскихъ людей въ Крымъ, вродѣ походовъ кн. В. В. Голицына въ 80-хъ годахъ XVII-го вѣка. Такъ естественно, что великодержавная программа Петра Великаго начала свое осуществлениѳ именно съ удара на Азовъ. Взятіе Азова Петромъ въ 1696 г. было началомъ новой эры русской колонизаціи юга и юго-востока. Если бы въ дальнѣйшемъ силы Петровской Россіи не были отвлечены другими задачами, если бы не было шведской войны и прутской катастрофы, взятіе Азова конечно положило бы начало немедленному овладѣнію черноморскимъ побережьемъ. Въ дѣйствительности, оно осталось только яркимъ указаніемъ для будущей русской политики. Но значеніе его все же огромное.

Печатаемая ниже азовская дѣла, хранящаяся въ архивѣ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, относятся именно къ первымъ годамъ русскаго Азова послѣ взятія его Петромъ. Азовскія дѣла по сношеніямъ съ Крымомъ и Кубанью попали въ Таврическую Архивную Коммиссію случайно изъ Воронежскаго Митрофаніева монастыря, гдѣ, вѣроятно, тоже очутились случайно. Дѣла эти не представляютъ особо выдающагося исторического интереса. Тѣмъ не менѣе, они все же любопытны, потому что относятся какъ разъ къ до-историческому періоду русской колонизаціи Крыма и Кавказа. Конечно, документовъ и этого періода сохранилось довольно много — въ видѣ дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ пограничныхъ русскихъ областей или памятниковъ дипломатическихъ сношеній русскаго государства. Въ настоящее время, когда мы отрѣзаны отъ московскихъ архивовъ, нельзя утверждать, чтобы дѣла Таврической Архивной Коммиссіи вносили что-либо безусловно новое въ сохранившейся архивный фонлѣ русской исторіи. Однако печатаемая черновая воеводскихъ отписокъ заключаютъ иногда свѣдѣнія, исчезнувшія въ перебѣленномъ текстѣ: такимъ образомъ дѣла эти и со стороны архивной своей сущности могутъ представить интересъ. Какъ бы то ни было, всякая свѣдѣнія и намеки о русскихъ въ Крыму и на Кубани до утвержденія здѣсь русскаго государства — имѣютъ свою цѣнность, особенно для мѣстной, краевой исторіи.

Печатаемыя дѣла — большою частью „распросныя рѣчи“ показанія азовскихъ казаковъ и служилыхъ людей, ъздившихъ

по направленію къ Крыму и Кубани съ развѣдочными цѣлями „для братья языковъ“ или бѣжавшихъ съ Кубани и изъ Крыма „невольниковъ“: эти невольники большою частью русскіе люди, захваченные въ плѣнъ ногайцами и татарами. Но среди нихъ попадаются также „можары“ (мадьяры) и другіе подданные германскаго императора („Цесаря христіанскаго“), вошедшиѣ пленниками въ турецкія земли съ запада и выходящіе изъ нихъ съ востока. По поводу такого захвата въ плѣнъ людей въ мирное время, а равно по поводу угона лошадей и пр. азовскіе воеводы вели переговоры съ крымскимъ „султаномъ“ на Кубани¹⁾. Въ началѣ 1700 г. азовскіе воеводы — бояринъ С. И. Салтыковъ „съ товарищи“ — отправили на Кубань къ султану „Шабезъ“ или „Сабезъ-Гирею“ (Шегбазъ-Гераю) прапорщика М. А. Озерова²⁾.

Озерову былъ данъ особый наказъ изъ 5 статей — что говорить султану; статьи требовали выдачи грабителей и бѣглыхъ изъ Россіи людей. Озеровъ, приѣхавъ на Кубань, не засталъ уже въ живыхъ Шегбазъ-Герая. Шегбазъ былъ убитъ въ концѣ декабря 1699 г. черкесами, повидимому, подосланными его братомъ, Сѣядетъ-Гераемъ³⁾). Озеровъ же слышалъ отъ татаръ, что „ногайскіе черкесы поссорились и убили салтана Шабезъ-Гирея“⁴⁾). Озерова принималъ салтанъ „Нарадынъ“, т. е., конечно, нур-ед-динъ. По отношенію къ Крымскому ханству, это не собственное имя, а титулъ „второго наслѣдника“: первый получалъ титулъ „калги“⁵⁾). Въ 1699 г. калгою былъ назначенъ Шегбазъ-Герай, нур-ед-диномъ — Сѣядетъ-Герай, который однако отказался принять титулъ, не желая быть ниже Шегбаза. По смерти Шегбаза калгою стала Сѣядетъ, а нур-ед-диномъ — Гази-Герай. Эта, Гази-Герай и принималъ Озерова. Татарскій пропускъ который былъ данъ Озерову для обратнаго проѣзда съ Кубани, подписанъ „Кази-Кирѣмъ салтаномъ“⁶⁾). Гази-Герай обѣщалъ Озерову „сыскивать“ о всѣхъ грабителяхъ и исполнить въ будущемъ всѣ просьбы азовскихъ воеводъ, но ни одной не исполнилъ немедленно.

¹⁾ Собственно, намѣстникомъ Крымскаго хана; обычно это былъ одинъ изъ ханскихъ сыновей. Смирновъ, Крымское ханство (Спб. 1887), стр. 668 и по указат.

²⁾ См. ниже дѣло № VI.

³⁾ Смирновъ, назв. соч., стр. 669—670.

⁴⁾ Ниже, дѣло № VI, л. 3.

⁵⁾ Смирновъ, назв. соч., стр. 439.

⁶⁾ Текстъ пропуска см. ниже въ дѣлѣ № VI, л. 7.

Наказъ прашорщику Озерову, такъ же, такъ и нѣкоторыя „разспросныя рѣчи“, въ числѣ лицъ, вредящихъ интересамъ приазовскаго русскаго населенія, упоминаетъ „ахреянъ“.

Ахреяны или окреяны — общественная группа, имѣющая крупный соціологический интересъ. Это — представители вольной русской колонизаціи, враждебной русскому государству. Одна изъ записей показаній на допросахъ въ Азовѣ пріѣзжихъ съ Кубани людей опредѣляетъ ахреянъ — такъ: „ахреяны — кои пришедъ іс казачыхъ донскихъ городковъ казаки живутъ у насъ на Кубани“¹⁾.

С. М. Соловьевъ считалъ вѣроятнымъ, что название „ахреяны“ произошло отъ „аграханъ“ или „аграханскихъ раскольниковъ“²⁾). Предположеніе Соловьева мнѣ кажется правильнымъ. Если не имя „ахреяновъ“, то во всякомъ случаѣ сами „ахреяне“ произошли отъ „аграханцевъ“.

Въ концѣ XVII вѣка усиленная эмиграція съ Дона, Хопра, Медвѣдицы дальше на югъ и юго-востокъ вызывается, какъ я уже упомянулъ выше, религіозными преслѣдованіями. Бѣгутъ „роскольщики“, старообрядцы, спасая не только жизнь и имущество, но и чистоту своей вѣры. Въ 1687 г. большая партия старообрядцевъ ушла съ р. Медвѣдицы на р. Куму во главѣ съ атаманомъ Кострюкомъ. Въ слѣдующемъ 1688 году на Куму переселилось съ Дона до 2000 старообрядческихъ семей съ обозомъ и запасомъ подъ предводительствомъ атамана Левка Манацкаго³⁾). Манацкій строилъ широкіе политическіе планы — образованія большого вольнаго казачьяго государства на Терскѣ. Провѣдавъ объ этомъ, московскія власти рѣшили уничтожить старообрядческое гнѣздо на Кумѣ. Тогда, не дожидаясь прихода карательной экспедиціи, большая часть кумскихъ гулебщиковъ въ 1690 г. ушла съ Кумы за Терекъ на рѣчу Аграханъ. Такъ возникли „аграханскіе роскольщики“⁴⁾). Широкіе ихъ политическіе планы не кончились съ этимъ переселеніемъ. Аграханскіе поселенцы заводили теперь рѣчь о томъ, чтобы съ помощью турокъ, крымскихъ татаръ и черкесовъ взять Черкасскъ, разорить донскіе городки и отдать

¹⁾ Ниже, дѣло № IV л. 6. Ср. № I, л. 9.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. „Обществ. Польза“, книга II (томъ XIV), стр. 1147.

³⁾ См. Доп. къ Акт. Ист. т. XII № 52. Ср. Соловьевъ, указ. изд. и т. стр. 1044.

⁴⁾ Соловьевъ, тамъ-же, стр. 1044 и 1096—1098.

весь донской край во владѣніе турецкому султану¹). Московские воинскіе отряды грозили однако добраться и до Аграхани. Къ этому присоединились распри аграханцевъ съ ихъ со-сѣдями, кумыками. Въ 1692 г. значительное число аграханцевъ рѣшили переселиться на Кубань, въ крымскія владѣнія. По дорогѣ на нихъ напали черкесы, и на Кубань аграханцевъ добралось не болѣе 200 человѣкъ. Прійдя на Кубань, аграханцы нашли тамъ уже прежде осѣвшихъ бѣженцевъ казаковъ: туда же пришелъ изъ-подъ Азова со своимъ татарскимъ улусомъ Кубекъ-ага. Такимъ образомъ устроилось смѣшанное русско-татарское поселеніе²). Одинъ изъ печатаемыхъ ниже документовъ именно этихъ казаковъ, жившихъ на Кубани съ Кубекомъ-агой, и называетъ *ахреян ми*³). Слѣдовательно догадка Соловьева — о происхожденіи ахреянъ отъ аграханцевъ — получаетъ подтвержденіе.

Историческими преемниками ахреянъ были известные *некрасовцы* — старообрядцы, ушедшіе съ Дона на Кубань во главѣ съ атаманомъ Игнатомъ Некрасовымъ при подавленіи Булавинскаго бунта на Дону въ 1708 г. По мѣрѣ того, какъ русское государство подвигалось дальше къ югу, Некрасовцы уходили все глубже въ турецкіе предѣлы, пока не вынырнули уже въ Европейской Турціи на Дунай, гдѣ встрѣтились съ русскими во время русско-турецкихъ войнъ 1806 1812 и 1828—1829 г.г.⁴).

Сообщая отдельныя детали жизни русскихъ невольниковъ въ Крыму и на Кубани, а также отрывочныя, но любопытныя свѣдѣнія о вольныхъ русскихъ колонистахъ на Кубани, печатаемые документы представляютъ, кроме того, иногда нѣкоторыя интересныя подробности дипломатическихъ отношеній тогдашней Москвы къ южнымъ и юго-восточнымъ землямъ.

Толмачъ Максимъ, ёздившій съ прaporщикомъ Мих. Озеровымъ на Кубань въ 1700 г., узналъ о предполагавшемся разрывѣ Турціей приходившихъ уже къ концу мирныхъ переговоровъ съ Россіей. „А какъ онъ Михайло съ казаками ёду-

¹) П. П. Короленко. Некрасовскіе казаки. „Ізвѣстія Общества Любителей изученія Кубанской области“, вып. II, Екатеринодаръ. 1900, стр. 5—10. Частичное исполненіе этого плана выразилось въ томъ, что „аграханцы“ помогали туркамъ при оборонѣ ими Азова въ 1695 г. (Соловьевъ, указ. изд. и т. стр. 1147.

²) Тамъ же, стр. 12—13.

³) См. ниже, дѣло № VI, л. 6.

⁴) Историческій очеркъ судьбы некрасовцевъ см. въ указанной статьѣ П. П. Короленко.

чи по селамъ и деревнямъ Кубанскимъ къ Салтану и отъ него, по приказу боярина и воеводы Степана Ивановича (Салтыкова) съ товарищи чрезъ невольниковъ и татаръ тайно провѣдывали, и было въ словахъ у толмача Максима съ татары и съ русскими невольники про посла думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, что де ево салтанъ турской хочетъ отиustить съ Чешикъ-Буруну, а самъ онъ (салтанъ) хочетъ итти подъ Азовъ со всѣми своими силами¹⁾).

Какъ извѣстно, разрыва не послѣдовало договоръ о неремирии съ Турцией быль подписанъ Украинцевымъ 3 июля 1700 года)²⁾.

Украинцевъ сообщаъ, что во время константинопольскихъ переговоровъ польскій посолъ Лещинскій всячески интриговалъ противъ заключенія мира между Турцией и Россіей, убѣждая султана, наоборотъ, заключить союзъ съ поляками и помочь имъ „отыскивать Кіевъ и всю малороссійскую украину“³⁾.

Прапорщикъ Озеровъ доносилъ о такихъ же стараніяхъ Польши въ Крыму: „Про польскаго посла сказывалъ ему же толмачу Максиму въ селѣ подъ Ачевымъ татаринъ, что де пришелъ посолъ польскій въ Крымъ и говорить хану Крымскому, чтобы итти въ соединеніи съ нимъ на малороссійскіе города доступать вотчины свои“⁴⁾). При этомъ случаѣ Озеровъ отмѣтилъ лояльныя дѣйствія гетмана Мазепы: „А черкасскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы посолъ у него же хана въ Крыму говоритъ, чтобы они татары съ поляками не мирились и на нихъ (черкасъ) войною не ходили, для того что де у нихъ (черкасъ) вотчинъ ихъ (поляковъ) никакихъ нѣть, а жить бы ему хану съ ними черкасы въ братской любви“⁵⁾).

Украинцевъ описалъ Петру ревнивое и завистливое отношеніе англичанъ и голландцевъ къ возникающему русскому флоту. „Послы англійскій и голландскій во всемъ держать крѣпко турскую сторону, и больше хотятъ имъ всякаго добра, не жели тебѣ, великому государю. Торговля англійская и голландская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельского города, и тому они завидуютъ, и того ненавидятъ, чая се-

¹⁾ См. ниже дѣло № VI, л. 3.

²⁾ Соловьевъ, тамъ же, стр. 1235.

³⁾ Соловьевъ, тамъ же.

⁴⁾ Ниже, дѣло № VI, л. 3.

⁵⁾ Тамъ же, дѣло № VI, л. 3.

бѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки¹). Озеровъ сообщаетъ о такихъ же чувствахъ французовъ по отношенію къ молодому русскому флоту. „Ему жъ де Михайлу сказывалъ Васька Болдырь, говорилъ де ему татаринъ: французского де короля посолъ говоритъ, которые де корабли великого Государя, и тѣ же корабли згубятъ они своими людьми²).“

Разспросныя рѣчи выбѣжавшаго съ Кубани полонянина Аеоньки Нагаева (1699 г.) указываютъ на турецкій замыселъ похитить царя Петра Алексѣевича. Турки желали воспользоваться личнымъ участіемъ царя въ ратномъ дѣлѣ.

Въ началѣ августа 1699 г. Аеонька съ товарищами ѿздили изъ Азова на взморье „для братья яблокъ и ягодъ“. Однажды ночью напали на нихъ непріятельскіе люди, двоихъ „убили до смерти“, остальныхъ взяли въ полонъ. „И говорили имъ тѣ непріятельскіе люди и брали, зачѣмъ де васъ изъ Азова вынесло, мы де было ѿхали въ донскія гирла и хотѣли понимать отца вашего или котораго боярина изъ нѣмцевъ и разспросить бояръ и нѣмцевъ. о ихъ мудростяхъ. И спрашивали его Аеоньку, каковъ де Государь у васъ въ лицо, и онъ де Аеонька про Государя вѣдомости тѣмъ непріятельскимъ людямъ не сказалъ³).“

Высказанныя мною замѣчанія далеко не исчерпываютъ всего содержанія печатаемыхъ документовъ; такой задачи я себѣ не ставлю. Не могу однако не указать здѣсь еще на любопытныя разспросныя рѣчи солдата Михайлы Чичагова (1698 г.), сообщающаго подробныя свѣдѣнія о состояніи турецкихъ крѣпостей на Тамани и въ Темрюкѣ⁴); отмѣчу также данины того же 1698 г. о недружелюбномъ отношеніи ко вновь возникшему Азову со стороны не только турокъ, татаръ и ахреинъ, но и со стороны донскихъ казаковъ⁵).

Мартъ 1919 г.

Г. Вернадскій.

¹⁾ Соловьевъ, тамъ же, стр. 1234.

²⁾ Ниже, дѣло № VI, л. 3.

³⁾ Ниже, дѣло № IV, л. 7.

⁴⁾ № I, л. 11—12,

⁵⁾ Тамъ же, л. 10.

Въ печатаемыхъ ниже документахъ славянскія буквы, по техническимъ типографскимъ условіямъ, замѣнены русскими (а обозначенія цифры, арабскими цифрами). Слитыя въ одно слова раздѣлены. Для облегченія чтенія всюду, гдѣ это требуется нынѣшней орѳографіею, поставлены большія (прописныя) буквы. При передачѣ чернового текста всѣ зачеркнутыя слова поставлены въ скобкахъ, а всѣ вписаныя вновь отмѣнены курсивомъ. Въ одномъ случаѣ сильно-измѣненного текста (дѣло № IV) даны послѣдовательно оба текста черновой и бѣловой одинъ вслѣдъ за другимъ. Надстрочная обозначенія (титла) по техническимъ условіямъ опущены; надстрочныя буквы напечатаны въ текстѣ.

I.

1698.

(Л. 1.) Гсдну кнзю Алексю Петровичю¹⁾ Иван Щепинъ челомъ бьетъ въ нынешнемъ 206 году єевраля въ 11 де въ отписке твоей Гсдне писано ко мнѣ которые выходцы ис Крыму Генваря въ 28-мъ да въ 29-мъ числахъ явилис у меня въ Павловскомъ розныхъ городовъ черкасы Ігнашко Остапов съ товарыщи шесть члвкъ и я ихъ послалъ къ тебѣ въ Азовъ полку своего съ порутчикомъ зъ Даниломъ Санинымъ и онъ де Данило въ Азовѣ явился одинъ а тѣхъ выходцовъ въ Лютине казаки задержали и ему не отдали и о присылке бы мнѣ тѣхъ выходцовъ роспросныхъ ихъ речей учинить по указу великаго Гсдря и тѣхъ ихъ роспросные рѣчи подъ сею отпискою послалъ я къ тебѣ Гсдне Рейтарского строю съ подполковникомъ зъ Даниломъ Неклюдовымъ.

(Л. 1. об.) Гсдну кнзю Алексю Петровичю.

[Другимъ почеркомъ] 206 г. єевраля въ 27 де подалъ отписку ис Павловскаго подполковника Данила Неклюдовъ.

[Третьимъ, почеркомъ, вверху листа] Писать о томъ къ великому Гсдрю къ Москве въ пушкарской приказъ ис роспросныхъ речей списокъ послать подъ отпискою і записать въ книгу.

(Л. 2) 206 г. Генваря въ 28 де. въ Павловскомъ думному дворянину і воеводе Ивану Ивановичу Щепину да дяку Ивану Ушакову явилис ис Крыму выходцы три члвка казаковъ.

А въ роспросе первой выходецъ сказался Игнашко зовутъ Остаповъ сынъ уроженецъ города Бѣлики Полтавскаго полку казакъ і въ 201-мъ году въ великой пость поѣхалъ онъ для рыбного промыслу на реку Бѣлосарайскую косу съ казакомъ съ Ивашкомъ Морозомъ съ товарыщи семидесятъ члвкъ и какъ де они съ рѣбою²⁾ поѣхали назадъ и на нихъ де н[апали]³⁾ Азовцы турки и татары члвкъ съ тр[и]ста⁴⁾ і всѣхъ де

¹⁾ Прозоровскому.

²⁾ Край листа оторванъ.

³⁾ Край листа оторванъ.

⁴⁾ Край листа оторванъ.

их побрали в полонъ и привезли въ Азовъ и із Азова Игнашку с товарыщи тритцать члвкъ тѣ Азовцы продали въ Крымъ ево Игнашку в село Сарайменъ нагайцу татарину Атывлю і в нынешнемъ де 206 году как арда пошла Перекопской был салтанъ ханской сиѣ да ис Керча города наша и ево татаринъ под руские города а под которые того онъ не вѣдаетъ и он де Игнашка с товарыщи своими с казаками с Васкою да с Івашкою пошли за ордою вскоре тогож числа в ночи в пятокъ тому ныне двѣ идли взяв лошади и приѣхавъ къ морю і покинув лошадей пошли по морю лдомъ подле берегу а орда пошла в степь и какъ они пришли на Миус и донские казаки камышники имъ (Л. 3) сказали что на Петрушине тубе построенъ город и они де по тѣмъ их казачьимъ словамъ въ городъ Павловской пришли а Крымской де ханъ взять къ турскому салтану в Царь Град и с ханства отставленъ для того что ему счастия нѣть и шлют де на ево мѣсто иного хана а про то де онъ слышаль у татарина своего у которого жиль.

Другой выходецъ на допросе сказался Васкою зовутъ Івановъ сиѣ Хожняковъ родиною города Решетиленки Полтавского полку казачей сиѣ і в прошлом де 205-м году в великой постѣ поѣхал онъ на рыбные промыслы на реку Берду с казаками съ Наумком а чай сиѣ и чай словеть того онъ не упомнить всего их было семдесят члвкъ и не доѣзжая реки Берды на дороге напали на них крымские люди члвкъ съ триста и іхъ всѣхъ побрали в полонъ и привезли в Крымъ і з дувану де достался он Васко Керчинскому паше а как того пашу зовутъ того он нѣ знаетъ а паша де отдалъ ено хорунжему своему татарину Ушкувату в село Елчюры а Ушкуват де отдалъ ево в приданые за дочерю в село Сараймен татарину Атывлю и какъ в нынешнем 206-м году арда пошла под руские города и он де Васка с товарыщи своими с казаками с Ігнашкою, да с Васкою ушли к морю і моремъшли до Петрушиной тубы а про арду как пошла под руские города и про хана сказал тѣ ж рѣчи что і первой выходецъ.

(Л. 4). Третей казакъ сказался Івашком зовутъ Федоров сиѣ прозвище Метешекъ уроженецъ ис под Винны города Городенка тому ныне шестой год нас онъ животину с товарыши своими всего их было девять члвкъ и напали на них татары Белогороцкой арды с четыреста члвкъ и іхъ всѣхъ побрали в полон и животину отогнали и привезли их в Крымъ и продали ево Івашку татарину Ишуму в село Сараймен а про поход арды под руские города сказал тѣ ж рѣчи что и первой выходецъ.

Генваря въ 29 де. в Павловскомъ явились выходцы три члвка.

А вроспросе один члвкъ сказался Антошком зовутъ Андросов города Журавны села Монастырца крестьянской сиѣ і в прошломъ 201-м году перед сырною неделю Белогороцкая (Л. 5.) орда и крымские люди колга салтан приходил под ихъ города с великою силою і село ихъ розорили і в полон многих побрали и Бѣлогородцкой де орды татарин Темака продал ево в Крым в село Озименду татарину Марпе и жил де он у него одно лѣто і Марпа де продал ево в село Шершанъ татарину с Лимен Копексе и какъ де пошли ис Крыму мурзы и татары под руские города тому ныне третя недѣля и он де Антошка соединяяс с казаками с Федкою да с Пашкою на другой дѣнъ в ночи пошли морем к Дону пѣши и какъ де они пришли на рѣчу Ко-

ланчакъ і Донские казаки камышники сказали имъ что на Петрушиной тубъ построенъ город і они де по тому в Павловской и пришли а слышал де он Антошка в Крыме от невольников и от татар что турской салтан с силою морем под Азовъ будет на весну а Крымской де хан в Крыме ль или нѣт того он не вѣдает а орда пошла ль под русские города и под которые будуть быть того он не вѣдает же толко при немъ збиралис і из домов своих выѣзжали.

(Л. 6). Другой выходецъ сказался Федкою зовутъ Остаповъ синь Калашников казачей сынъ города Санжарова Полтавского полку а отцъ де ево взят в полон прежде ево до первого Крымского походу з братом ево Сенкою і в прошлом 205-м году в великой постѣ ъздилъ онъ для соли с казаками самъ четверть на Тор¹⁾ і какъ они поѣхали с Тору и напали де на них крымские люди ста с три и болши і побрали де ихъ всѣхъ в полон члвкъ з двести и продали де ево в село Шершанъ крымскому ж татарину Орломию и тому ныне недели с три крымские люди салтанъ и мурзы пошли под русские города взяв с собою три пушки и они де после ихъ походу на третей день в ночи пошли пеши до моря и до моря шли две ночи а в день лежали в каменяхъ а морем шли до здешнего бѣрега полторы идли і какъ дошли они до камышников і они де в первомъ камыше у донских казаков у зверовщиков жили три дни в другом начевали ночь в третемъ ночь же в четвертом камышнике были днь да две ночи і тѣ де казаки сказали им что построен на Петрушиной тубѣ город а кормились де они идуши дорогою до камышников пшеном а про поход орды под русские города и про крымского хана сказал тѣ ж рѣчи что и первой выходецъ.

(Л. 7). Третей выходецъ сказался Пашкою зовутъ Іванов уроженецъ города Касылюка Полтавского полку казакъ тому ныне восмой год ъздили он с товарищи своими для рыбного промыслу на рѣку Калмиюс всѣхъ ихъ было члвкъ з двѣсти и как де они поѣхали с рыбью назад і на них дѣ начали азовцы турки и татаровя а с ними были три пушки и сколько их было того он сказал не упомнит да с ними ж было казаков охреянов члвкъ с пятдесятъ и побрали их всѣх в полон и привезли в Азовъ і в Азовъ де были недели з две и повезли в Крым и продали ево Пашку в село Шоршанъ татарину Коурсупе и тому ныне идли с три іс Крыму орда пошла на Украину под русские города под Харков да под Змиевъ і какъ они ис Крыму ушли и сколько идль шли и гдѣ начевали про то про все сказалъ тѣ ж рѣчи что и товарищи ево.

(Л. 8). Великого Гѣдря его црского пресвтлаго величества в Азов боярину и воеводам кнзю Алексѣю Петровичю Прозоровскому с товарищи Донския атаманы козаки Фрол Минаев и все войско Донское целом бывают въ нынешнѣм 206-м году генваря въ де²⁾) приѣхали к нам войску Донскому въ Черкаской с Кубани от Кубѣка нагайцы члвкъ с пятдесят излишним а привезли рускова полону всяких чинов члвкъ съ сорок и у нас с ними нынѣ размена чинитца хто чем споможетца адного полонянника рускова Сенку взяли наши казаки Мосейка Степанов Стенка Тапорков на поруки въ ценѣ в семидесят рублях и по члобить є де того полонянника Сенки онъ Мосейка и Стенка хотят ево

¹⁾ Торъ – позднѣйшій Славянскъ.

²⁾ Число отсутствуетъ въ подлинникѣ.

весть в Азов для збору тѣх окупныхъ денегъ и какъ тѣ наши козаки съ полонянником Сенкою въ Азове явятца и вамъ бы боярину и воеводамъ о томъ было извесно и буде тѣхъ окупныхъ днгъ собрано не будетъ ихъ бы козаковъ изъ Азова отпустить не мотчав.

(Л. 8 об.) Великого Гедря его прскаго пресвѣтлого величества въ Азов боярину и воеводамъ кнзъ Алексѣю Петровичю Прозоровскому съ товарыщи.

[Другимъ почеркомъ] 206 г. генваря въ 28 де подалъ донской казакъ Мосейко Степановъ.

[Сверху, третьимъ почеркомъ] Того полоненика роспросить і записать въ книгу.

(Л. 9). Генваря 28 дня нынешняго 206 году въ Азовѣ въ приказной полате передъ бояриномъ и воеводы кнземъ Алексѣемъ Петровичемъ Прозоровскимъ съ товарыщи по отписке войскового атамана ѡрола і всево войска Донского присланной полонянникъ роспрашиванъ.

А въ роспросе сказалъ Сенкою зовутъ Степановъ снъ Бобровниковъ, Кадашевецъ посадской члвкъ и въ прошломъ де 203-мъ году въ первой Азовской походѣ былъ онъ стольника и полковника въ Мартемьянове полку Сухарева съ иными своею братьею для харчевого промыслу и августи де въ 14-мъ чистѣ ѡздилъ онъ съ товарыщи пятнадцать члвкъ для дровъ терновыхъ на рѣчку Кагалникъ и напали де на нихъ непріятельския люді нагайцы члвкъ съ четыреста и учинили съ нимъ Сенкою съ товарыщи бой а они де Сенка съ товарыщи билися съ ними изъ обозу и ісъ тѣхъ де непріятелскихъ людей убили они дву члвкъ а ево де Сенкиныхъ товарыщѣ убито восмь члвкъ а ево де Сенку ранили оба плеча пробили коньемъ правую ногу и того де бою было у нихъ съ тѣми непріятелскими людми часовъ съ пять и какъ де не стало у нихъ Сенки съ товарыщи пороху и пулекъ і отпору отъ себя давать стало нѣ-чимъ і ихъ де семи члвкъ і съ обозомъ взяли въ полонъ и убитыхъ русскихъ людей тѣла отвезши въ степь къ морю бросили а своихъ нагайцовъ тѣла склонили и привезли ихъ Сенку съ товарыщи къ морю а въ томъ де мѣстѣ стоялъ калга салтанъ а съ нимъ де непріятелскихъ людей съ пять тысячъ члвкъ и обѣ явили ихъ Кантемирю мурзѣ і ево де Сенку роспрашивали и связавъ пытали а спрашивали сколько было подъ Азовымъ великого Гедря ратныхъ людей і онъ де Сенка сказалъ имъ что не вѣдаетъ а сказался имъ Иль инымъ члвкомъ Лутковскаго и ісъ того мѣста повезли ево Сенку за Кубань а иныхъ товарыщевъ ево продали на катаргу да въ Темрюкъ і въ иные розные мѣста и привезли ево Сенку за Кубань въ улусъ Кантемира мурзы и жиль онъ у него Генваря по 16 числу нынешняго 206 году и съ того числа съ Кубани гдѣ ахреяны живуть которые бежали зъ Дону Кубекъ аулъ послалъ семи члвкъ нагайцовъ (Л. 10) да татарь которые жили въ Азовѣ члвкъ съ шестидесять съ сыномъ своимъ Батыремъ а съ ними русскихъ полонянниковъ Московскихъ Преображенского полку салдатъ дву члвкъ да стрелца да ево Сенку да изъ Мояцкова священника да донскихъ казаковъ тринадцати члвкъ і въ Черкасскомъ де того священника і казаковъ размѣнили на дву татарскихъ а Московские де по се время не окуплены а ѡроль де Ми-наевъ і все войско Донское замирися съ Кубекомъ ауломъ на три мѣсяца а Азова де Донские казаки не замирили и сказали имъ кубанцомъ чтобъ они отъ Азова опасалисъ и если де кто изъ нихъ взять будетъ и отъ

нихъ де казаковъ имъ выручки не будетъ і они де кубанцы имъ сказали что отъ Азова они пойдутъ въ далніхъ мѣстехъ и Азова боятца имъ въ розѣзде не для чего. А і въ Черкаской де тѣ Кубанцы съ ними полонянниками ъхали отъ Азова верстахъ во штидесяти а какъ де вышепомянутые нагайцы будутъ на Кубань і въ то де время и самъ Кубѣкъ будетъ для розмѣны и съ товары въ Черкасское а подбѣговъ де Кубанскихъ татаръ і Азову для взятъ языковъ не слышать и отъ Азова де они кубанцы и сами опасаютца толко де вѣдомості обносятца на Кубани такие что турецкой салтанъ збираетца въ иишинемъ 206-м году по веснѣ рано быть къ Азову моремъ а иныхъ де вѣдомостей никакихъ онъ не вѣдаетъ¹⁾.

(Л. 11) 206 г. Февраля въ 10 де въ Азовѣ въ приказной полате боярину і воеводамъ кнзю Алексѣю Петровичю Прозоровскому съ товарыщи явился Преображенского полку солдатъ Михайло Евдокимовъ снъ Чичаговъ и по приказу боярина і воеводъ кнзя Алексѣя Петровича съ товарыщи допрошиванъ.

А въ допросе сказалъ служилъ де онъ великому Гсдрю въ Преображенскомъ полку въ салдатахъ лѣтъ съ пять и быль въ обѣихъ азовскихъ походахъ і въ прошломъ 204-м году оставленъ былъ въ Азовѣ у ѹркатъ і въ прошлом же де 205-м году декабря въ 31 де стоялъ онъ межъ Азова і каланчей на ѹркатѣ съ иными салдаты двенадцать члвкъ на карауле и того же де числа въ первомъ часу дни къ тому ѹркату приступали непридувиские люди съ кубанскими агами Кубѣкомъ да которые жили въ Азовѣ Хумакомъ да съ Клюкѣемъ крымские і ногайские татары съ три тысячи члвкъ и на томъ де ѹркате трехъ члвкъ Василя Жилку да по прозванію Пономарева да Щипаново а какъ ихъ имя не упомнитъ закололи до смерті а четвертого ранили а иные въ бранборе отсидѣлись и ево де Михайла покололи противъ срдца копьемъ і тѣмъ сшибли съ ѹркатного носа на землю і взяли ево да дву члвкъ салдатъ Михайла Оконничникова да Андрѣя Стягова въ полонъ и тѣхъ дву члвкъ остали на Кубани а ево де Михайла отвезли въ Бакчесарай къ Крымскому хану послѣ Бгоявленія дни въ идлю і ханъ ево роспрашивалъ въ своихъ полатахъ самъ и пытая кляпами а спрашивалъ для чего де великии Гсдръ строить суды морския голиасы и какъ Азовъ утврженъ и каковы около рвы і великии Гсдръ на которые мѣста изволить итить и кто будетъ весною къ Азову бояръ і воеводъ и сколько въ Азовѣ великого Гсдря ратныхъ людей і онъ де Михайло сказалъ имъ морския де (Л. 12) суды по указу великого Гсдря строить для морскаго ходу бояръ і воеводъ съ ратными людми на ихъ бусурманъ чтобъ свтую православную христианскую вѣру утвердить а ихъ проклятую бусурманскую вѣру въ конецъ искоренить а Азовъ де крѣпости всякими утврженъ и кругомъ во рвахъ вода а шириной тѣ рвы дватцати четырехъ сажень и глубиною зъ донскою подъшвою а каковъ Азовъ мѣрою и стѣны въ вышину про то онъ не вѣдаетъ потому что не мѣрилъ и великии Гсдръ на которые места изволить итить того ему вѣдать не по чему а къ Азову де будетъ на весну великого Гсдря съ ратными людми бояринъ и большаго полку воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ со многочислен-

¹⁾ На л. 10 об. рукоприкладство показывавшаго (оканчивавшееся, по обыкновенію на л. 10), но т. к. верхній край листа оторванъ то остались только послѣднія слова „руку приложилъ“.

ным множеством а в Азове де ратных людей двадцать четыре полка по полторы и по две и по три тысячи члвкъ в полку и ханъ де крымской говориль когда де Азовъ такъ укреплень и они де к Азову не пойдутъ а пойдутъ под Киевъ или под Астрахань да взявъ Паншинъ построятъ город і в Азовъ де никаки запасы рекою Доном не пропустят а взятой же де в полонъ с Тору черкашениъ говориль имъ что в Азове только шесть полков і в тѣхъ де полкахъ осталось только тысячи с полторы а иные де померли а в Бакчи де Сарайхъ держали ево шесть идль у грековъ скованы и з греками де куда возмутъ хаживал а тотъ де город Бакчесарай стоит въ яме а под горами со всѣхъ сторонъ живутъ тутосные жители и приходу к тому городу, со всѣхъ сторонъ ратнымъ людемъ быть свободно а из Бакчесарай для подлинного вѣдения послал ево Михайла в Царь Градъ і везли до морского пристанища сухимъ путем и на дороге де онъ от раны заболѣлъ и ево де привезли в Бакчесарай же и отдали азовскому агѣ Клюкѣ который ево в Бакчесарай привез и тотъ де ага на третьей идли великого поста привез ево в Керчю и отдал татарину Баймаметю і велѣл ево кормить и лечить (Л. 13) покаместъ онъ обможетца і жиль онъ в том мѣсте до Николина дни і какъ де он обмогся и ево де приѣхавъ взялъ агинъ шуринъ в Тавань і в Тавани онъ жиль у агина шурина четыре идли а ис Тавани де по писму аги Клюкѣя взялъ ево колмыцкой ага и отвезъ в Темрюкъ і в том мѣсте жиль онъ октября до первого числа нынешняго 206 года а тотъ де городъ Темрюкъ менине Лютина мѣрою в длину и поперекъ по девяносту по пяти шаговъ с полуширом в нем четыре башни и стѣны каменные тонкие бойницы в нихъ нижние а верхних боевъ нѣть а с приходу с Кубани на одной башнѣ двѣ пушки в том числѣ одна чугунная а другая скорострѣлная мѣдная а на другой башнѣ пушка небольшая ж чугунная да в воротехъ дробовая да слышалъ де онъ Михайло от тутосныхъ жителей что на четвертой башнѣ стоят двѣ пищали затинные только самъ тѣх дву пищалей он не видалъ а от Кубани де к тому городу приход тѣсной потому что пришли моря Азовское и Черное а меж ними сажень с семидесят а с стороны которая от гавани приходъ свободной а от Азова к Темрюку переправы рѣчка Кирпели да в дву мѣстах чрез Кубань на телѣгах возможно переправитца а в третем мѣсте сажень з двенадцать і в том мѣсте лѣсь свободной и здѣлать мостъ возможно а до Тавани от Темрюка с пятнадцать верстъ и никаких переправ нѣть а подобенъ тот город Темрюку ж а в немъ де по скаске неволников только двѣ пушки не большие а октября де после первого числа ага Клюкѣй взялъ ево Михайла с Темрюка на Кубань в кочевъ е свое и жил онъ у него в неволе покамѣсть какъ для размѣны в Черкаской побѣхали з Батырем татарином а когда де взяли перемирье кубанцы с войском Донским і в то де время ага Жюмакъ збирался с Кубанцы члвкъ с пятсотъ ити для языков к Петрушиной тубе и к Павловскому а в Крыму де і на Кубани Великого Гедря ратных людей і калмыков приходов зѣло опасаютца а вѣдомости де также носилися что и ханъ Крымской и Кубѣкъ ага с ордою мыслили вѣчное подданство под высокодержавную руку великого Гедря только де хану Крымскому о том розговорили два мурзы а ины[л. 14]хъ де никакихъ вѣдомостей онъ не вѣдаетъ и ни от кого не слыхал а с Кубани де в Черкаской послал ево ага Клюкѣй

татарином с Усманком для размѣны і в Черкаской де они приѣхали тому идли с три и ево де Михайла окупил Донской казакъ Федот Василюевъ а окупу дал двѣсти рублевъ а в Азовъ де онъ приѣхал для збору в тот окупъ и в платеж донскому казаку Федоту¹⁾.

II.

1698.

(Л. 1) Имена козаком которые ходили на море: атаман Андрей Васильев Самарски Андрей Шулга Оверкей Прокопьев Иван Бочески Тимош Коваленко Михайла Тимошев Михала Кондратьев Игнат Петров Грицко Васильевъ Лукьян Степанов Алексѣй Иванов Леско Демков Иван Лазарев Демко Семенов Василий Болдар Назар Андреев Юско Кравецъ Семен Назаров Федор Мелешков Нестер Барадин Андрей Корсунъ Омелко Болдыр Роман Манадыкъ Яков Лабченко Миско Василев Климент Гетман Василей Занковски Михала Юсков Федор Савелевъ Иван Сем'инов Лаврин Иванов Харко Полуянов Иванъ Павлов Космо Назаров Петро Демьянов Грицко Матв'євъ.

(Л. 1 об.) К сему писму Іаганъ Воїчевски руку приложилъ.

(Л. 2). В нынѣшнемъ 206 году маія въ 27 де. по указу великого Гедря і по приказу боярина і воевод князя Алексія Петровича Прозоровского с товарыщи посыланы были азовские запорожские конные казаки Матв'єва полку Степанова Тимошка Коваленко Мишка Тимошевъ с товарыщи тритцать шесть члвкъ моремъ в лоткахъ под Крымские селения и под юртъ ихъ для поиску и взятъ языков.

И іюня въ 9 де приѣхавъ в Азов они Тимошка с товарыщи в приказной полате явились а с собою привели неволника а сказали что де с ними ж Тимошко с товарыщи в то посылку ъздиль и был у нихъ атаманом запорожской же казакъ Андрюшка Васильев сынъ Самарский а пріѣхал де онъ Андрюшка в Азовъ въ полкъ ихъ служить великому Гедрю в мае міце в первыхъ числѣхъ. И по приказу боярина і воевод князя Алексія Петровича Прозоровского съ товарыщи тѣ казаки и Андрюшка Самарской і невольникъ роспрашиваны порознь.

А в роспросе Андрюшка Самарскій сказал в прошлом де 204 году перед взятиемъ Азова собрався онъ Андрюшка с запорожскими казаками сто пять члвкъ ходили в лоткахъ морем под Крымъ для взятъ языков а невольникъ которого нынѣ они с собою привезли запорожской же казака Пашкою зовут Васильев і в то время былъ с ними ж і пришед под Крымские улусы разорили они жилую деревню и побрали полону мужска и женска полу члвкъ с семдесять і пошли к морю до судов и тѣ де ихъ суды на море до ихъ приходу погодою розбило і на дороге нагнав ни них на лошадяхъ Муртаза паша с татарами и с черкѣсы ста с четыре и іхъ розбили і полон у них отбили і всѣхъ ихъ казаков побрали в полон и розвезли в розные мѣста ево Андрюшку взяль калга салтан и жиль у него три идли і переводили по разнымъ мѣстам і проданъ былъ в черкѣсы купил Шеретрюкъ бѣй і в нынешнемъ де 206-м году зимою іс Крыму ево Андряя с иными полонянами

¹⁾ Далѣе послѣдній слогъ рукоприкладства „жиль“. Т. к. верхній край листа срѣзанъ, то на оборотѣ самого рукоприкладства нѣть.

от Кубѣка привезли на откупъ в Черкасской і был скован посажен в Павловской станице в банию и іс той бани желѣза росковавъ у нихъ татаръ ушол и жиль в Черкасском и пожелая служить великому Гедрю той же зимы іс Черкасского пришел онъ Андрюшка в Азов в полкъ запорожскихъ казаковъ к головѣ Матвѣю Степанову і маия де в послѣднихъ числѣхъ і с того ево Матвѣева полку с казаками ѣздил он в четырех лотках морем под селенія крымскихъ татар і под Казантои для взятъ языков и до тѣхъ жилищъ шли двѣ идли а онъ де Андрюшка былъ у нихъ (Л. 3) атаманом и под Казантом залегли по мѣстам і нажидали на себя і приѣхал де близъ дрвни для сѣнокосу Алиман мурза Шиков с татары пятнадцать члвкъ да с ними вышепомянутой неволникъ Пашка а онъ Андрюшка того мурзу зналъ потому что в Крыму будучи в неволе ево видаль і на того мурзу и на татар он Андрюшка с товарищи набѣжали и мурзу и неволника Пашку взяли с собою а татары врознь разбѣжались і взяв их поѣхали в лотках и тотъ мурза живъ былъ у нихъ с идлю и на дорогѣ на Калмиюсе умре и они то умершее тѣло из лотки выбросили а взяли с него каѳтан сѣрой да шапку а какъ де тотъ мурза жив былъ и ему Андрюшке сказыватъ по татарски ханъ де крмской в прошлом 205-м году будучи под Казыкерменем поѣхал в Црь град к салтану и зимовал а по нынешней де веснѣ дано ему хану от салтана турецкого турских сил шездесят тысяч члвкъ и с тѣми де силами пойдет онъ ханъ под Казыкерменъ же а черкѣсы де нынѣ кочуютъ в своихъ улусах а у нихъ де для обережи и одержания ихъ ис Крыму стоит Муртаза паша для того что де они Черкѣсы де под высокодержавную Великого Гедря руку не поклонилися а они де черкѣсы желают под его Великого Гедри высокодержавную руку и приходу его Великого Гедря силь и оттого в великом страхѣ а калга де салтан кочуетъ в черкѣсех же а неприятельскихъ де людей с ним было тысяч с восмь да іс Крыму ж де салтан а с ним татар с полторы тысячи пошли для іязыков к Таганрогу или к русскимъ городам а подлинно на которые мѣста и какъ того салтана зовутъ того ему Андрюшке тот мурза не сказалъ а салтанъ же де Шибиз Гирей с татары ис Крыму пошли к салтану турскому в помочь на можары (Л. 3 об.) К се...¹⁾ полку Васильева полковой писарь Олексій Прокопиевъ вмѣсто того ж полку козаковъ Андрѣя Самарского с товарищи неволники Павла руку²⁾ приложилъ³⁾.

(Л. 4) Казаки ж Андрюшка Шулга Аверка Прокопиевъ Іванко Бочкевскиі Тимошъ Коваленко Мишка Тимошев Мишка Кондратьев Ігнатко Петров Гришко Васильев Лукашка Степанов Алешка Іванов Леско Демков Івашко Лазарев Демко Семеновъ Васка Болдырь Назарко Андрїєвъ Юско Кравецъ Сенка Назаров Федко Мелешков Нестерко Бородинъ Андрюшка Корсунъ Омерко Болдырь Ромашко Манадыко Яшка Лобченко Миско Васильевъ Климко Гетман Васка Винковскій Мишко Юсков Федка Савельев Івашко Семенов Лавринко Іванов Харко Полуянов Івашко Павлов Кузка Назаров Петрушко Демьяновъ Гришка Матвѣев і взятой неволникъ запорожской казакъ Пашка Васильев

¹⁾ Верхъ страницы оторванъ.

²⁾ Слово „руку“ написано на л. 3.

³⁾ Слово „приложилъ“ помѣщено на л. 4.

сказали тѣ ж рѣчи что и Андрюшка Самарскій а иныхъ де вѣдомостей они не вѣдают и ни от кого не слыхали.

Таковыя же роспросные рѣчи и за рукою того же писаря посланы под отпискою к Москве в пушкарской приказ чрез почту июня въ 13 де отписка в столицу.

III.

1698.

(Л. 1) 207 г. сентября въ 7 де в Азовѣ в приказную (по)лату запорожскихъ конныхъ казаковъ которыхъ вѣдаетъ капитанъ Аѳонасей Смирной капитанъ же Іванъ Карша привель незнаемого члвка а сказал полку де ихъ казаки стояли на карауле на каланче и ото взморья пришелъ к нимъ на карауль тотъ члвкъ сказался выходецъ из за Кубани и тѣ де караульщики того члвка привели к нему Івану а он Іванъ привел ево в приказную палату.

И тот члвкъ в приказную палату принят и по приказу боярина і воевод кнзя Алексея Петровича Прозоровскаго с товарыщи распрашиван.

А в роспросе сказался черкашенинъ города Санжаровки Полтавскаго полку казакъ Косткою зовуть Яковлевъ снъ Вытков і тому де года з два ъздилъ он Костка с сыном своим Алешкою и с казаками же всего пять члвкъ на рыбную ловлю для взятъя наловленой рыбы в пяти бочкахъ і взявъ рыбу поѣхали в дома и на дороге де на той кренице напали на них нагайскихъ татар члвкъ съ полтараста и их всѣх побрали в полонъ и приведши их х Кубани развезли врознь ево Костьку взяль татаринъ а какъ звали не упомнит и приведши в улус свой держаль идли с четыре и продал ево в нагаи татаром Істеречку да Вайтеричку и у тѣх татар жил он идль с пятнадцать а тѣ татары отдали ево въ Нагаи татарину ж Зенетайку а за него взяли дѣвку и у того татарина жил онъ года с полтора работал всякою чернью работу а к ночи ево ковали в желѣза і тому мѣса з дна отдал ево тот татаринъ другу своему татарину ж касить сена и с того де сенокосу он Костка ушел і шел к Озову по скаске тамошнихъ полонянниковъ и шель днем и ночью а ъл з дерев вершки да тернъ да траву казалицу и пришел к Азову явился на карауле и караульщики де (Л. 2) отвели ево к тому члвку которой ево привел в приказную палату а вѣдомостей де никаких онъ Костка не вѣдает и языка ихъ татарскаго не знаетъ и ни от кого ничего не слыхал.

(Л. 3.) 207 г. сентября въ 14 де в Азовѣ в приказную полату столника и полковника стремянного Іванова полку Конищева пягидесятникъ Семенъ Федоровъ привел незнаемыхъ людей пять члвкъ а сказал стоит де онъ Семенъ на карауле у Полцатныхъ воротъ и тѣ люди пришед к тѣмъ воротамъ сказались выходцы с Кубани не из моровыхъ мѣсть и онъ взяв привел ихъ в приказную полату.

И тѣ люди в приказную полату приняты і по приказу боярина і воевод кнзя Алексея Петровича Прозоровскаго с товарыщи роспрашиванъ по рознь.

а впроспросехъ:

одинъ сказался Алешкою зовутъ Григорьевъ отцъ де ево которого города и какова чину быль и он гдѣ родился не знаетъ потому что взять (де онъ) в полонъ в Крымъ малыхъ лѣтехъ а слышал де он Алешка в Крыму от жонки Аленки (которая ныне в Крыму ж) что (де онъ Алешка) взять в полонъ с нею (полономъ не) под Киевом от Коломыскихъ горъ тому лѣть с трицать (и) а отца ево звал Гришкою (и жилъ де) а онъ Алешка жилъ в Крыму у татарина Темралейка 18 .и (работалъ всякую работу 18 лѣ. и тому двенадцать лѣть) і и с Крыму (он) Темралейко продал ево Алешку в нагай татарину ж Озембаю (взялъ) за шестьдесятъ тарелей и жиль у него Озембая близ (города) Тамани против Темрюка девять лѣть а три года жилъ у рѣки Кубани в кочевые ево Озембаеве (и нынешняго де лѣта работалъ он Алешка в Кубекове селѣ Курмасахъ жалъ просо и тому третья идля говорясь онъ Алешка с товарыщи своими которые с нимъ пришли вмѣстѣ а какъ ихъ зовутъ не знаетъ ночью с той работы ушли в степь и пришли к Азову а вѣдомостей никакихъ не знаетъ и ни от кого не слыхалъ потому что быль безпрестанно в работе).

(Л. 4.) Другой сказался сербенинъ Па(влушкою)шком зовут а чеи сынъ и которого города не знаетъ (же для того) что де взять (онъ) в полон в нагай в малыхъ лѣтехъ тому девять лѣть а слышал (онъ) от полонянников же что взять (онъ) из за Бела города и жил в нагаяхъ у татарина Чекабавка (работал всякую работу) и ныне де они с товарыщи жали проса и зговорясь с той работы пятеро ночью ушли в степь и пришли к Азову а вѣ(стей)достей де никакихъ он не знаетъ сказалъ.

Третей сказался волошанинъ из села Корлеякъ Апосткомъ (ево) зовутъ Васильев тому тринадцать лѣть подбегали к тому селу Белогородской орды Шлукъ Темиръ Мурза с татары члвкъ з двадцат и у того села за прудомъ взяли ихъ шти члвкъ в полон и привезли в Крымскую Перекопъ и развезли врознь а он Апостко жил у татарина Женай у Талычка (работал всякую черную работу и ныне он с товарыщи которые (были на жити) убирали просо(а) и зговорясь ушли и шли степью к Азову і пришедъ к Азову явился на карауле а вестей да никакихъ он Апостко не вѣдаетъ).

Четвертой сказался волошанинъ же города Снятина Юркою зовутъ отца *своего* не помнить потому что (де) взят(ли) (ево) в полон из села Городенка (*tatar*) в малыхъ лѣтехъ и привез(ли)енъ в нагай тому лѣть с двенадцать и жиль у татарина Остайка Либека в селѣ Курмасахъ (работалъ всякую работу и тому идли с три жал у того села просо и зговоряс с товарыщи ушли и пришли к Азову).

Пятой сказался города Ясна Косткою зовутъ Иванов тому де лѣть с тринадцат пас он под городом животину и набежали на него татари увезли в Перекопъ и жил (все) у татарина Калейка (работалъ всякую работу а нынешнемъ лѣтом жал просо и зговорясь с товарыщи пять члвкъ ушли и пришли к Азову а вѣдомостей никаких не знаетъ і ни от кого не слыхалъ) а будучи де они Алешка с товарыщи всѣ пять¹⁾...

(Л. 5) 207 г. сентября въ 15 де. в Азовѣ в приказную полату (полку) азовскихъ конныхъ казаковъ (которыхъ вѣдаетъ капитан Аeo-

¹⁾ Слѣдующая строчка оторвана.

насей Смирной) капитанъ (же) Федор Горчишников привелъ донского казака Павловой станицы Максимка Вавилова а сказал сего де числа пришел онъ Максимко из степи от Кубанской стороны х караулу (ихъ которой на каланче) казачьей слободы у Полцать а сказал что (де) бытъ он Максимко в полону на Кубани) вышел (и) с Кубани (ушол) и онъ Федоръ для того привел ево въ приказную полату.

И он Максимко в приказную полату принят и по приказу боярина и воеводъ князя Алексея Петровича Прозоровского с товарыщи распрашиван.

А в роспросе сказалъ в прошломъ де 206 году (тому ныне идль с шесть) августа в I-х числѣхъ ъздилъ онъ Максимко с товарыщемъ своимъ той же станицы с казакомъ с Мартином Белогородымъ ис Черкасского водою в дву лоткахъ на море к Сазанницкой косѣ для (бою и) ловли кабанов (и какъ они к той косѣ стали пріѣзжать і в то времѧ)...¹⁾ С той косы набѣжа(въ)ли на нихъ в лотке восемь члвкъ кубанскихъ татар (прежние азовские жители и стали) по ним стреля(ть) из луковъ (а они по тѣхъ мужикахъ выстрелили из ружья и одного мужика ранили в ногу а они мужики) товарыща ево Мартинку (пострелили) ранили из лука (в спину) меж плечъ и взяли (их) обѣихъ в полон и привезли на Кубань в Кубековъ улусъ (скованыхъ в жѣлѣзахъ) татарин Мамбетка держаль ихъ четыре идли скованых (и іс того улуса) и росковал (ихъ) он Мамбетко с товарыщи пят члвкъ повезли их в ыной улусъ и на дороге де (стали) на кошу (и) ево Максимка связали а товарыща ево не связали для того что онъ (от раны был болен) ранен болно и заставили ево их с товарыщем варить кашу) ранен а они сами всѣ легли спать и он Максимко велѣл ему Мартынку(у) себя розвязать (и стали меж себя совѣтывать)...¹⁾ чтоб тѣхъ татар сонных порубить (взявъ топоры которые с тѣми татары были) и уйтить (бы) в Ру(сы)...¹⁾ (и тѣ топоры) і взяв онъ Максимко топор порубиль дву (мужиков) татаринов (в груди) до смерти а Мартинко де ударил одного татарина (и пришло) топором (и ево не) по бурке и ево (не про) не порубиль и тотъ татаринъ (вскочил) (Л. 6) ухватиль ево Мартинка за ноги (и повалил) и с ногъ сшиб і онъ Максимко оборотясь того (мужика) татарина ударил топоромъ (остреемъ) по виску и голову разрубил (и онъ повалился ж а товарыщъ ево Мартинко не всталъ потому что рана была тяжела и как тотъ мужикъ повалил и о землю ево росшиб) а (послѣдние дв(о)е) татарина (послышиав) вскоча (і один) і ухват(илъ) один кол де (дротикъ) а другой саблю бросили на него Максимку и он от нихъ (побѣжал) ушол в камышъ (и забежав) і лежаль до (ночи а Мартинку они захватили) вечера и ночь всю и дождався дня пошол к Азову и шолъ девять дней ъль дорогою (толко) тернъ (гдѣ найдеть) и не до(shed)ходя до Азова верстъ семи (у)ви(дав онъ Максимко)дъгъ у Ачаковой косы (мужиков на коняхъ) татар члвкъ с тритцат на лошадях и от них утаился и обошед ихъ пришел к Азову х казачью караулу и капитан Федоръ Горчишников взяв привел ево в приказную полату а товарыщъ де ево Мартынко жив или нѣтъ не вѣдѣтъ а какъ он Максимко бытъ у татарина Мамбетка в улусе и он Мамбетко сказывал ему Максимке салтанъ де турецкой ныне с можары замирился на девять лть потому что де мо-

¹⁾ Одно слово не разобрano.

жарской владѣтель умре а после ево остался сын ево в малыхъ лѣтъ и мать де ево велѣла ему с ним салтаном замиритца пок(оих)амѣсть онъ в совершенные лѣта войдеть и он Максимко спро(сил)ши-
вал ево Мамбетка сулганъ де турецкой на лѣто пойдеть ли куда вой-
ною и не будет ли под Азов или под иные русские города и он Мам-
бетка сказал что салтанъ (де ихъ) под Азовъ не пойдетъ для того
что де Азов укреплен (а думаетъ на лѣто) а замысел имѣеть итить
войною в пріидущее лѣто на полския города (разорять Полину а го-
ворил де онъ Мамбетко с ним Максимкой по руски потому что он го-
ворить по руски умѣет) а иныхъ де вѣдомостей он Максимко (не знает)
ни от кого не слыхал.

Сентября ж въ 17 де в Азовѣ ж в приказную полату капитан
московскихъ стрелцов Лука Есиповъ привел незнаемого члвка а ска-
зал стоитъ де онъ (Лука) на карауле у Полцатныхъ ворот и тот члвкъ
из степи пришед к тѣм воротамъ сказался выходецъ ис Черкѣс не из
моровыхъ мѣсть и он Лука для того взяв привел ево в приказную
полату.

И по приказу боярина і воевод кнзя Алексея Петровича Прозо-
ровскаго с товарыщи тот члвкъ принял і распрашиванъ (Л. 7.) А в
роспросе сказался города Обояни казакъ Макаркомъ зовутъ Кирилов
сынъ Моршалков тому ныне третій год ъздили он Макарко с товары-
щи члвкъ с трицат зимию на санях на Тор для покупки соли и не
доѣзжая Тору напали на нихъ татары члвкъ со сто и побрали всѣх в
полон и розвезли в рознь ево Макарку привезли на Кубань и жиль з
год у татарина а какъ зовутъ не знаєтъ (был) скован (в желѣза рабо-
тал всякую работу) и продал ево тот татаринъ в Крымъ татарину ж
а какъ зовутъ не знает же (работал ходиль за животиною) и жиль с
поль года и іс Крыму продан он за море в турецкой городокъ Стам-
буль турчанину а какъ зовут не знает же и жиль не скованъ (рабо-
тал всякую работу и тому з годъ) і ис того города (Тамбулу) тотъ
турчанинъ поѣхалъ в судне морем в Абазы которые за морем близъ
Черкѣс меж гор с товаром а ево Макарка взялъ с собою для работы
и гребли и приѣхав к тѣм Абазам пристали к пристани (и товар тотъ
турченинъ продавал) и он Макарко сошедъ с того судна ночью ушол
в Черкѣсы и жиль с пол года у черкѣшенина у Иваса (и от него ушел
же тому третья идля) и от него ушел же и шол степми к Азову...¹⁾
а дорогою ъл (набрав) лѣсные яблоки и прише(л)д к Азову явился на
карауле (и у караулу) и ево взявъ привели (ево) в приказную полату
а вѣдомостей никакихъ (на знаетъ) и ни от кого он не слыхаль (пото-
му что де они и говорять и он языку их турецкого и татарского не знаетъ)
и языков турецкого и татарского не знаетъ.

Таковы 7 члвкъ роспросные рѣчи посланы под отпискою к Москве в пушкарской приказ чрез уставленную почту. Сентября въ 23 де.

(Л. 8) 207 г. октября въ 7 де в Азовѣ в приказную полату капи-
танъ московскихъ стрелцов Лука Есипов привел назнаемого члвка а
сказал стоитъ де он на карауле у полцатныхъ ворот и тот члвкъ
приѣхав к воротамъ на лошади сказался выходецъ с Кубани не из мор-
овыхъ мѣсть и он Лука взяв ево привел в приказную полату.

¹⁾ Два слова неразобраны.

И тот члвкъ в приказную полату принят і по приказу боярина і воеводъ кнзя Алексія Петровича Прозоровскаго с товарыщи распрашиван.

А в распросе сказался донской казакъ городка Старого Григорьевскаго Назаркомъ зовутъ Нестеровъ сынъ Безрукавниковъ родился де онъ в Романовскомъ уѣзде великого Гедря в дворцовой волости в селѣ Коровине и тому лѣтъ с тридцать ис того села сошелъ на Дон и служил великому Гедрю с донскими казаками і в прошлом 203 году на службѣ великого Гедря под Азоном из Сергиева города что у каланчей на выласке ево и иных разныхъ людей члвкъ с пятьдесят взяли в полонъ нагайские татары и розвезли врознь ево Назарку взял нагайской татаринъ темрюской и отвез на Кубань и на Кубани у того татарина жил онъ года с три скован в кондалахъ работалъ всякую черпную работу и тому дней с десять тотъ татаринъ (ево росковаль) для молотбы проса (а тому дней с шесть) *ево Назарка росковал и он Назарко взявъ ночью* у того татарина (взял) лошад ево (ночью) уѣхал в степь і в первой день (видал за собою погоню) *за нимъ гоняли татары* нять члвкъ (с пять и от той погони) *и от них уѣхалъ* (же) и прїѣхав к Азову *шестымъ днемъ* явился на карауле и караулщики де взяв ево привели в приказную полату а кубанские де татары (Алис Мурза с татары большая половина пошли войною на мажары (а досталны де) живутъ на Кубани *от приходу* великого Гдя от ратныхъ людей и от казаковъ и от калмыкъ в великом *опасеніи* (і боязни а черкѣсы) *и страхованіи проживают а черкѣсы терские зѣло* желают под высокодержавную ево Великого Гедря руку да одерживает их салтан крымской которой живет в нагаях да нагайцы (и бывают у них с ними почасту бои) а под Азов де нагайские татары собрався члвкъ по тритцати и болши (ѣздят) для взятия языков подбегают почасту а казаков де (ахреянов) на Кубани *ахреянов живут по скаске ахреяна* ж которой в прошлом 207 году приѣжал к хозяину ево Назаркову для лечения лошади члвкъ с пятысот да на Кубани ж де в прошлом 207 году построен вновь городок а какъ называют не знает а в том городке по скаске полонянников которые в том городке бывали турокъ азовскихъ жителей члвкъ с тысячу да слышаль онъ...¹⁾ (Л. 9) (одни говорять) что де салтанъ де турецкой на весну собираетца с силами итиль под Азовъ а (други) *иные* говорять что он салтан (турецкой) под Азовъ (итиль никогда не хочетъ) не будет и говорит что де Азов укреплен а у него сил мало и стало де ему только оберегать себя а иныхъ де вѣдомостей он не вѣдает *и ни от кого не слыхал*. Того же числа в Азовѣ ж в приказную полату капитан московскихъ стрелцовъ Иванъ Забусовъ да столника и полковника Михайлова полку Протопопову пятидесятиникъ Григорей Яковлев привели незнаемыхъ четырехъ члвкъ а сказали стоят де они на карауле у Полцатныхъ ворот что єздят в садъ великого Гедря и тѣ де люди приѣхав к тѣмъ воротамъ на осми лошадяхъ сказались выходцы с Кубани не из моровыхъ мѣсть и они де взять их привели в приказную полату И тѣ четыре члвка в приказную полату приняты и по приказу боярина и воеводъ кнзя Алексія Петровича Прозоровскаго с товарыщи распрашиваны порознь.

¹⁾ Край страницы оторванъ.

а в роспросъхъ:

Первой сказался черкасского города Золочи казачей сынъ Антонком зовутъ Дацков сынъ Волосковецъ и тому лѣтъ с десять ъздиль онъ с товарыщи члвкъ со сто для соли в город Бани и на дороге де напали на нихъ нагайскихъ татаръ члвкъ с триста и ихъ всѣхъ побрали в полонъ и привезши на Кубань разделили по себе и розвезли врознь ево Антонку взял нагайской татаринъ Кулайко (и у того татарина жилъ он не скован работал всякую черную работу).

Второй сказался города Лобыня мещанскої сынъ Харком зовутъ Иванов сынъ Морычъ и тому лѣтъ с десять ъздиль он самъ друг с продажною пшеницею в город Полоню и на дорогѣ де напали на нихъ кубанские татары члвкъ с пятдесят и они де от тѣхъ татар отбивались и тѣ татары товарыща ево убили а ево в полонъ взяли и отвезли на Кубань и с того времени жил он у нагайского татарина Асанайки (не скован работал всякую черную работу).

(Л. 10) Третей сказался города Золочи казачей сын Ивашком зовутъ Масычевъ и тому лѣтъ с пятнадцать приходили под город Золочю нагайские татары и ево в малыхъ лѣтехъ и іныхъ многихъ черкас побрали в полон и привезши на Кубань розвезли врознь ево Ивашку взял нагайской татаринъ Астанко (и у того татарина жил онъ не скован работал всякую черную работу).

Четвертой сказался города Лобыня казачей сын Левкою зовут Яковлев и тому лѣтъ с пятнадцать приходили подъ город Лобыню нагайские татары и ево и іныхъ многихъ черкас побрали в полонъ и привезши на Кубань розвезли врознь ево Левку взял нагайской татаринъ Байтазы (и у того татарина жил он нескован работал всякую черную работу).

А живучи де они у тѣхъ татар работали всякую работу.

И тому де пятой день зговорясь они всѣ четыре члвка (убрав конскую збрую и) взял татарских осми лошадей ночью (по) уѣхали к Азову а у Азова а явились на карауле и караулщики де взял ихъ привели в приказную полату а на Кубани де для обереженія от калмыкъ ныне кочуют салтан крымской с нимъ крымскихъ татар члвкъ с семьюсот (а иныхъ) де а вѣдомостей никакихъ они не вѣдаются и ни от кого не слыхали.

(Л. 11) 207 г. октября въ 10 де в Азовѣ в приказную полату капитанъ московскихъ стрелцовъ Яков Переильевъ привель члвка а сказал стоит де онъ Яковъ по Азову город у палцатныхъ воротъ на караулѣ и тот члвкъ пришед к тѣмъ воротамъ сказался донской казакъ а ушел с Кубани и онъ ево для того привел в приказную полату.

И по приказу боярина і воевод кнзя Алексія Петровича Прозоровскаго с товарыши тотъ члвкъ в приказную полату принят и роспрашиванъ.

А в роспросе сказался донской казакъ черкасской станицы Аeonкою зовутъ Терентьевъ синъ Бурлакъ в нынешнемъ де 207 году тому идѣли с три пошли ис Черкасского атаманъ Леонтей Поздѣевъ с ним казаковъ тритцать шесть члвкъ в том числѣ и онъ Аeonка на реку Черную протоку под турецкой городокъ Ачовъ для промыслу и поиску над неприятельскими людьми и для взятья языков в трех лотках и приѣхавъ моремъ выше городка Ачова стали въ Ерикъ и неприятел-

ские люди подмѣтия их собрався ис того городка Ачова конные и пѣшие члвкъ с пятсотъ в томъ Ерикъ их казаков захватили и они де вытаща из воды лотки положа осыпали землею и здѣлали городокъ и ис того городка с теми неприятельскими людми билися часа с тры и из них казаков одного казака а какъ зовут не знает убили а они де казаки тѣх неприятельских людей побили члвкъ с тритцат и закрыча тѣ неприятельские люди наступили на них вдруг и атамана Леонтья Позднѣева с нимъ казаков тритцат (пять) четыре члвк(ъ)а взяли в полонъ а онъ Аөонка от тѣх неприятельских людей ушел в камышъ и дождався ночи пошел к Азову и шель до Азова с идлю и пришед х караулу і взяв ево у того караулу привели в приказную полату.

(Л. 12) 207 г. октября в 24 де в Азовѣ в приказную полату капитанъ московскихъ стрелцов Еким Степанов привел незнаемого члвка а сказал стоит де он на карауле у Полцатныхъ ворот і тотъ члвкъ приѣхавъ к тѣмъ воротамъ на дву лошадях сказался выходец с Кубани не из моровыхъ мѣсть и онъ де для того взяв ево привел в приказную полату.

И тот члвкъ в приказную полату принятъ и по приказу боярина і воевод кнзя Алексія Петровича Прозоровскаго с товарыщи роспрашиван.

А в роспросе сказался уроженецъ он волосские земли Николайкомъ зовут а которого города і какова чину отцъ ево былъ и какъ звали не упомнит і в малых лѣтехъ взяли ево в полон Белогороцкой орды татары в Крымъ а іс Крыму продали в нагаи і жил в нагаях шеснатцать лѣтъ у нагайского татарина Стемъянка не скованъ работал всякою черной работой и пас животину і в прошлом 205 году (какъ был под Азовымъ Большого полку боярина Алексія Семеновича Шеина с Кубани он ушел самъ четверть і іс полку боярина Алексія Семеновича) с Кубани он Николайко с товарыщи сам четверть ушел с того полку отпушены в Черкаской і в Черкаском де он Николайко жилъ у каз(ака) у Ивана Самарина з год і тому с полгода ис Черка(с) ходил он Николайко с товарыши шеснатцать члвкъ на Кубань для поиску і промыслу над неприятельскими людми и для взятия языков и отгону лошадиныхъ стад и на Кубани де под нагайскими улусы татары ихъ подмѣтили і взяли в (полон)...¹⁾) снатацать члвкъ ушо(л).

(Л. 12 об.) И пришли под Азов в полкъ боярина и большого полку воеводы Алексія Семеновича Шеина.

IV.

1699.

(Л. 4)²⁾ 207 августа въ³⁾ посланы на Таганрогъ конми азовские конные казаки Аөонасьева полку Колошинова Яков Тимофѣевъ Леонтьй Старчевской⁴⁾.

¹⁾ Край страницы оторванъ.

²⁾ Лл. 1—3 касаются отношеній Дона съ калмыками. Азовскія дѣла, посвященные калмыкамъ, имѣются и сверхъ того въ историческомъ архивѣ Таврической Архивной Комиссии и могутъ быть напечатаны особо.

³⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

⁴⁾ Сначала л. 4а до сихъ поръ—вклеенный листокъ другимъ почеркомъ, чѣмъ нижеслѣдующее.

Лѣта 7207 августа въ 21 день по указу Великого Гдя къ боярину и большаго полку воеводе Алексѣю Семеновичю Шеину инешияго 207 году августа 19 числа приѣхали к Азову с Кубани от Сабез Гирѣя салтана тринацать члвкъ татар в том числѣ два сказались посланниками с письмом да с собою привезли семь члвкъ полонянниковъ и они взяты на взморье в инешнем 207 году августа в первых числах и то письмо и тѣхъ приѣзжих татар дву члвкъ что сказали записки и полонянников и выходцов (да одного члвка полонянника ж кои бѣжал августа въ с Кубани и пришелъ к Азову августа въ 20 день) распросные рѣчи из Азова посланы запечатав в письму на Таганрог к тебѣ боярину и большаго полку воеводе Алексѣю Семеновичю (а у тѣхъ приѣзжих татар до указу великого гдя поставленъ нарядъ) с азовскими конными казаками Аванасьевы полку Колошинова съ Яковом Тимоѳѣевым и с Леонтьем Старчевским а которое письмо привезено с Кубани того письма в Азове перевѣстъ нѣкому.

Припись и закрѣпа дѣяка Кирила Алексѣева.

(Л. 4 об.) И по указу великого Гдя и по приказу боярина і воеводы Степана Івановича Салтыкова с товарыщи тѣ (посланники) татары поставлены у виноградного саду и что приѣхавъ сказали записано а письмо которое они привезли у них (а письмо) и полонянники взяты в приказную полату, и распрашиваны да августа въ 20 день того же полону одигъ члвкъ с Кубани ушед пришелъ к Азову ж и распрашиван же.

(л. 5.) 207 гд. августа въ 19 день за два часа ночи приѣхали к Азову к Полцатным воротам что от казачьи слободы татар тринацать члвкъ сказались присланы с Кубани от Сабаз Гирѣя салтана с письмомъ да съ полонянниками (два члвка посланниковъ с письмомъ). Да с ними де прислано семь члвкъ полонянниковъ русских людей.

И по приказу боярина і воеводы Степана Івановича Салтыкова с товарыщи от Полцат переведены они (татары) к виноградному саду и у виноградного саду (по посылке ис приказныи полаты) через толмачи (ис) приѣзжих¹) татаръ²) два члвка сказались посланниками (мі) от Сабаз Гирея салтана нагайские татары одного зовутъ Матбекулъ Турлендигн другова Эсенгулъ Доингилдѣвъ тому де ние пятой день посланы (присланы) они да с ними кубековыхъ людеi татар же одиннадцать члвкъ с Кубани от Сабаз Гирѣя салтана в Азовъ к боярину і воеводам к Степану Івановичю Салтыкову с товарыщи с письмом да с ними ж де прислано для отдачи семь члвкъ полонянниковъ азовскихъ салдатъ четыре члвка конных (запорожских) казаковъ два члвка донской казакъ один члвкъ³) (всего семь члвкъ) которые де взяты в инешнем въ 207 году тому идли с три на взморье. Да с ними ж де было четыре члвка татар кубековых же людеi (і сверхъ) і от Кагалника побѣхали з двумя полонянниками з донским казаком да з другим взятым іноземцом с немчином кои де взяты подкопщикъ въ 206 году зимою на взморья для размѣны (л. 6) на татарь в Черкасское, а которыхъ де полонянниковъ привезли они і тѣхъ полонянниковъ взяли полономъ

¹⁾ Переправлено вм. „приѣзжие“.

²⁾ Переправлено вм. „татары“.

³⁾ Въ послѣднихъ четырехъ словахъ именительный падежъ переправленъ изъ родительного.

ахреяны кои пришед іс казачих донских городковъ казаки живуть у них на Кубани да с ними ж де ъздили із кубанских же из аулов татар и китайцовъ дватцат пять члвкъ бѣз вѣдома салтана и кубѣкона самодуромъ и про тое де их ахреянов и татар китайцов поѣску и про взяте полону свѣдал Кубекъ і послал сказать к нему салтану. И салтанъ послал от себя татар наскоро і велѣл тѣх ахреянов і татар и китайцов сыскать і полонъ собрать для того что де они то учинили за договором и за миром с великомъ Гдремъ у салтана турского *воровски i (и тѣ)* два члвка ахреянов на Кубани скованы (закованы) в желѣза. И для того *de* он салтанъ тѣх взятыхъ полонянниковъ для отдачи въ Азовъ с ними и послал, а что де тѣ же ахреяны и татары и китайцы в той же ъзде взяли осмова члвка (запорожского ж) казака ж и отъ казакъ был у них китайцовъ и по посылке от салтана тот казак у них не сысканъ а сказали де они китайцы что де от них тот казакъ ушол. Да в то ж де время какъ в полон их брали дву члвкъ (русских) убили до смерти да тому де ине идли с четыре или болши (из Азова) приїхали к нимъ из Азова на Кубань (к нимъ на Кубань) трое члвкъ русских людей а с собою пригнали лошадей со сто і в городѣ ж¹) (и) Ачевѣ²⁾ (и) бусурманились а тѣ *de* лошади (и) ине в том же городкѣ всѣ в цѣлости (и о том де имъ приказано от салтана говорить) а иннешняго ж де лѣта не в давных числѣх с Кубани ушли времяни³⁾ пять члвкъ с собою увѣли тринадцать лошадей (в ыное время) два члвка увѣли четырехъ лошадей да тому дней з дватцать подбѣгая к ним под Кубань черкасские казаки Савка а чей не помнятъ (с товарыщи) кой у них бывал в мировицахъ с товарыщи і отогнали сто сорокъ лошадей да взяли ж в полон дву члвкъ татар из Азова и будет де тѣхъ их лошадей на Кубань из Черкасского отдаут и салтан *de* (отдаут и они де азовских из Азова) (л. 7) (отдасть же. Да тѣ татары спрашиваны) тѣхъ лошадей отдастъ же а которой столникъ и полковникъ Данило (Никитин) Титовъ из Азова посланъ на Кубань (и к нимъ на Кубань приїхали или гдѣ татары сказали что знают на Кубань онъ бывалъ і в степи не спѣздживались разве гдѣ они разѣхались) и они де ево не видали знатно разѣхались или проѣхал да они ж де татары привели с собою для продажи тринадцать лошадей, бурокъ з десять, бархатов, соєяннов, кушаков по малому числу в сумкахъ. Тѣ их слова переводиль Аѳонасева полку Колошинова казакъ Васка Болдырь, (л. 8) (и того ж числа привозные с Кубани полоняники семь члвкъ в приказной полате роспрашиваны порознь) а привозные полоняники взяты в приказную полату и роспрашиваны порознь. А в роспросе первой сказался (а в допросе) Степанова полку Сонина солдатъ Аѳонкою зовут Нагаев (сказал) в иннешнем де в 207 году августа ж в первых числѣх а в котором не упомнит ъздили (де) он из Азова на взморье в лодке с товарыщи (девять) девять члвкъ для (иманья) братъ яблок (и калины) и ягод (на продажу и как будучи) і на очаковской косѣ у берегу noctью напали (де) на них (ночью)¹⁾ неприятельскихъ людей

¹⁾ „В городѣ ж, переправлено изъ „в городокъ“.

²⁾ Переправлено изъ „Ачевъ“.

³⁾ Переправлено изъ „времяни“.

⁴⁾ Начиная отсюда до конца 8-го листа идетъ сильно переправленный текстъ: печатаю его уже въ переправленномъ видѣ, а здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, помѣщаю текстъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ до переправки: ....неприятельскихъ

турскихъ которые жили в Азовѣ и нагайскихъ татар и ахреянов члвкъ со сто пѣши с ружьем а лошади у них были в авраге і из них четверых ранили двоих убили до смерти а их семь члвкъ взяли в полон и отвезли на Кубань а как везли и имъ тѣ неприятельския люди говорили зачем де вас из Азова вынесло мы было де ъхали в донские гирла и привезли с собою лотку хотели взять великого гдя іли кого із бояръ і із немцовъ спрашивать бояр и немцов о вѣдомостях і ево Аeonку спрашивалі про великого гсдря каков де он велики гсдря в лицо и он Аeonко сказал не знает и привезши их ахреяны взяли к себѣ на Кубань і посадили в тюрму и о том учинилось вѣдомо Кубѣкъ и Кубѣкъ об нихъ писал к салтану крымскому і по тому писму крымской салтан для разыска на Кубань послал к Кубеку писмо ж и Кубекъ разыскан про взятие и вѣль пожитки которое с ними были им отдать и по разыску явилось что ходили нагайские татары без вѣдома ево Кубекова і двоих охреянов тот ага сковав посадил в тюрму а их Аeonку с товарыщи 7 члвкъ послал в Азов с проводники с татары с шеснатцать члвкъ а пожитков их самапала винтовки пиццали і котла осми нагалищ ружейных дву пологов шести епанчей девяти зипунов дву кожанов штанов козлиных трех топоров пяти барашней рубахи им не отдал а дорогою де им проводники которые их везли говорили тѣ де их пожитки взял к себѣ ага Кубекъ.

[л. 8 об.: „а осмого куды отвезли не знаетъ“ (слова эти перечеркнуты)].

(л. 9) Другой сказался того ж полку салдатъ Сидоркомъ зовутъ Чернецов в иннемде 207 году августа въ 1 числѣ ъздил он із Азова на взморье в дву лотках с товарыщи того ж полку с салдатом ж с Аeonкою Нагаевымъ да с Артемкою да с Кускою а чьи дѣти не упомнить да полковника Венедиктова полку Янъ Грека с салдаты с Федкою Селиверстовым да с казаками а какъ зовутъ не знаетъ (четырмя члвки) для братя яблокъ і ягод и на Ачаковской косѣ ночью напалі на них неприятельския люди члвкъ со сто с ружьемъ и они с тѣмі неприятельскими людми билися и із них (салдатъ) Артюшку и Куску убили до смерти а ево Сидорку и Аeonку да казаков (дву человѣкъ) Лукашку а чей сын не упомнит переранили і всѣх семерых взяли в полон (а после того) и перевязаных в тѣх же уроцищах тѣ неприятельския люди со сто члвкъ пѣши с ружьемъ самопалы у них были в авраге і в то число всѣх их ранили а двоих до смерти із нихъ убили і взял повезли их в полон на Кубань і говорили имъ дорогою тѣ неприятельския люди і брали зачем де вас из Азова вынесло мы де было ъхали в донские гирла і хотели поймать отца вшего или которого боярина із немцовъ і проспросит бояр и немцов о их мудростях і спрашивали ево Аeonку каков де Гдя у вас в лицо і он де Аeonка про Гдя вѣдомости тѣм неприятельским людям не сказал и привез на Кубань посадили всѣх их сковав в тюрму и какъ их привезли на Кубань і в то число учинилось вѣдомо Кубѣкъ а Кубекъ писал к салтану турскому і по тому писму приспал салтан для разыска на Кубань агу воровских людей і разыскан вѣль салтан ему аге пожитки которое с ними было им неволникам отдать і тот ага разыскал что ходили мужики и иных улусов калмыки і охреяны воровски бес сказу Кубѣкъ і двоих охреянов тот ага сковав посадил в тюрму а их неволников послал в Азов с проводники а которые пажитки их было самапал винтовки пиццаль котел восмь нагалищ ружейныхъ два полога шесть епанчей девять зипунов два кожана штаны козлиные три топора пять барашней рубахи и то им неволником ничего не отдано а сказали им проводники которые их везли тѣ де все ваши пожитки взял к себѣ ага которой разыскивал“.

телские люди отъѣхав от Ачаковской косы с версту (взя) напали на казаков которые ловилі рыбу и одного казака взяли в полон і взявшим всѣх восьмь члвкъ перевязав отвезлі на Кубань и везучи (их) говорили им ахреяны привезли де было они ахреяны и татары на взморье большую лотку а хотѣли в морских гирлах дожидатца великого гдя илі кого из бояр и із немцов чтоб взявшъ (про вѣдомости дошроси) да они де им попалис и того дѣлать им помешали и привезши на Кубань их разделили по себѣ и они всѣ достались ахреяном и тѣ ахреяны разделя ево Сидорку с Федкою Селиверстовым продалі нагайским татарам а четверых на каторги турчаном а казака Івашку водили ко город(ку) х крымскому салтану который живет на Кубани а после того в городок гдѣ живутъ ахреяны приехал Кубекъ ага и казаком которые были взяты в полонъ велѣл их собрать и собрав их послал в Азов с татары ж а иных вѣдомостей он Сидорко не вѣдает и ни от каго не слыхал. (л. 10)¹⁾. Третей сказался козловецъ салдацкой сынь Івашком зовут Савельевъ сынъ прозвище Еорѣмов тому восьмь лѣтъ із дому отца своего сошел на Дон і на Дону в Черкасском в Скородумовой станице жил у казака Івана Воробья (а тому) а июля в послѣдних числах (поѣхал было) *ннешниго 7 году* той же станицы с казаками с Никиткою Семеновым с Іашком Федоровым с Петрушком Івановым с Кускою Юрьевым с Екимком Федоровым ъздил он на взморье для рыбной ловли и на Ачаковской косѣ напалі на них неприятельские люди пѣши с ружьем и они де с нимі билися и Никитку ранилі и он Никитка раненой и товарищи ево 5 члвкъ розбѣжалис врознь а ево Іашку тѣ неприятельские люди взяли в полон и отвезли на Кубань и разделилі ево Іашку взял татаринъ а как зовут не знает (и отдал в іной улус и продали) и тот татарин продал было ево нагайскому татарину а какъ зовутъ не знаетъ же а тот татарин которой (ево) купил возил ево хрымскому салтану и салтанъ де ево спрашивал что в то время много ль их полонянников взято и он ему сказал что взято их восьмь члвкъ и салтанъ де велѣл товарищев ево сыскав всѣх осьмь члвкъ и дав им провожатых нагайских татар проводить и тѣ де татары их сем члвкъ привели к Азову, а они нагайские татары от приходу великого гдя разныхъ людей зѣло боятся и живут в великом страхованіи а иные рѣчи (и про вѣдомости) сказал тож что сказалі салдаты полковника Венедиктова полку Янъ Грека Федка Селиверстовъ²⁾.

А полковника Венедиктова полку Янъ Грека салдат Федка Селиверстов да казаки Аѳонасіева полку Колошинова Лукьян Болсунов Калина Іванов (сказали) Матвѣй сказалі тѣж рѣчи что выше сего сказали Аѳонка Нагаев с товарыщи.

(л. 11) 207 августа въ 20 де. в Азовѣ в приказную полату азовских конных казаков полковника Аѳонасіева полку Колошинова пятидесятникъ Іван Волков привел незнаемого члвка а сказал стоит де на карауле у полцатных воротъ что за каза(ч)ею слободою (капи) полку их десятникъ Тит Мухин и пришел к нему Івану а сказал что пришед тот члвкъ х караулу их сказался выходецъ с Кубани не из моровых

1) (Л. 9 об. исписанъ другимъ почеркомъ, въ обратномъ направленіи, и другого содержанія.

2) Начиная отъ словъ „а иные рѣчи“, вся фраза обведена чертой, повидимому ее надо считать зачеркнутой; фраза не кончена.

мѣсть, и онъ Иванъ взявъ ево для того привелъ въ приказную полату и тотъ члвкъ въ приказную полату принятъ и по приказу боярина і воеводы Степана Ивановича Салтыкова съ товарыщи распрашиван.

А въ распросе сказался города Чигуева казачей сынъ Якушкомъ зовутъ Анофрѣевъ (сынъ) і въ иииницемъ де 207 году весною (іс того города) іс Чигуева пришелъ онъ въ Азовъ для работы і въ Азовѣ жилъ у запорожскаго казака (у Ха) у Захара Полуянова кормился работою своею (и тому) и авгуаста въ первыхъ числѣхъ изъ Азоваѣзилъ онъ съ азовскими жилымъ салдаты (а) всего девять члвкъ а какъ салдат зовутъ не знаетъ на взморье для братыя яблокъ і ягодъ и за косою а какъ зовутъ не знаетъ напали на нихъ неприятельские люди ногайские татары і ахреинны (члвкъ) съ шездесятъ члвкъ (і ихъ всѣхъ) и они съ тѣмъ татары учинили бой и тѣ татары изъ нихъ (троихъ азовскихъ салдатъ нобра) двоихъ убили до смерти а (двоихъ) иныхъ ранили і тѣхъ раненыхъ и досталихъ всѣхъ побрати въ полонъ и отвезли на Кубань (ево) а на Кубани разделили по себѣ ево (Яшику) Якушку взяли ногайские татары (и отвезли) и хотѣлъ продать и онъ Якушко отъ тѣхъ татар ушелъ а шелъ до Азова девять дней и на взморье увидавъ ево рыбные ловцы привелъ въ Азовъ (а везучи въ Азовъ) а вѣдомостей никакихъ онъ не вѣдантъ и ни отъ кого не слыхалъ.

(л. 12) Великаго гдя црѧ и великаго кнзя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Іѣлья Росїи Самодержавца црскаго пресвѣтлаго величества въ новозавоеванной городъ Азовъ боярину и воеводамъ Степану Ивановичю Салтыкову съ товарыщи донскія атаманы казаки наказной атаман Лукьянъ Максимовъ и все войско донское целомъ бьетъ въ ппѣшнемъ 207-мъ году авгуаста въ 20 дн. приехали къ намъ войску донскому съ Кубани ногайцы отъ Кубековыхъ ауловъ съ розбодою а привезли къ намъ дву полонянниковъ иноземца Никанора которои взятъ въ прошломъ году взятъ подъ Таганрогомъ зимию а другои привезенъ низовои казакъ которои бранъ съ Леонтьемъ Познѣевымъ подъ Ачиюевымъ а спрашивають онъ ногайцы своихъ лошадей которыхъ у насъ отогнали азовскія казаки и вамъ бы боярину и воеводамъ было о томъ знатно а объ отдать и лошадеи остальныхъ сыскавъ учинить по указу великаго Гдя.

л. 12 об. (Адресъ):

Великаго Гдя его црскаго пресвѣтлаго (sic) Величества въ Азовъ боярину и воеводамъ Степану Ивановичю Салтыкову съ товарыщи.

(Помѣта другимъ почеркомъ) Взять къ отпуску.

V.

1699.

(Л. 1) 208 г. сентября въ 28 дн. пришедъ въ приказную полату Степанова полку Верховскаго сержантъ Никита Моровъ извѣщалъ словесно а сказалъ стоитъ де онъ на карауле у Полиціатныхъ воротъ что къ виноградному саду и сего де числа приѣхали къ тѣмъ воротамъ пять члвкъ на лошадяхъ верхами сказалисъ изъ нагаю и ему де сержанту приказывали чтобъ объ нихъ вѣдомо учинить боярину і воеводе Степану Ивановичу Салтыкову.

И по приказу боярина і воеводы Степана Ивановича Салтыкова съ товарыщи для допросу тѣхъ приѣзжихъ людей посыпанъ ис приказные полаты подячей Алексѣй Рудѣевъ да ему ж велено взятъ для перевода ихъ языка переводчика.

И подячей Алексѣй Рудѣев взяв с собою для перевода татарина Гришку Лба і тѣх приїзжих людей через того переводчика спрашивал и они сказались одинъ армянинъ Минасомъ зовуть Семеновъ с работником своимъ армянином же да с ним же два члвка татар нагайских а имян своих не сказали приїзжали де оні Минас с товарыщи для торгу с товары в Азов и їздили они для продажи і покупки товаров в Черкаской і ис Черкаского поїхав на Кубань и как стали приїзжат к рѣкѣ Кагалнику и он де Минас с работником своимъ армянином и з двумя татарами взяв с собою иноземца немчина Антония Котия которого они взяли в полон в прошлом въ 206-м году отстав товарыщев своих со всѣм кошем на лехке приїхали под Азов для того чтоб бояринъ і воевода Степанъ Івановичъ...¹⁾).

[К сему изнѣту вмѣсто Никиты Морова по ево велению того ж полку писарь Алеша Палкин руку приложил].

(Л. 2) которыхъ дву члвкъ татар Сайнку з братом отдавая в прѣжней их приїздъ за того иноземца на размѣну а они де в то время на размѣну ево Антония за тѣх татар не отали і с собою ево возили в Черкаской а нынѣ де если он бояринъ і воевода Степанъ Івановичъ велит по прежнему с ними разменятца і они де того иноземца Антония за тѣх татар отадут. И сентября ж въ 24 дѣ. пришед в приказную палату полковник Веденикъ Янъ грекъ боярину і воеводам Степану Івановичю Салтыкову с товарыщи извѣщаю словесно а сказал сего ж де сентября въ 23' дѣ пришел к нему Яну татарин а какъ зовут не знает в лицо ево узнает и говорил послал дѣ ево армянин Минас Семенов і вѣлел ему к себѣ прислать грека Юрья а спросить велѣл про него у него Яна и он де Веденихъ тому татарину Юрью грека азовскаго жителя у которого он Янъ живет указал и послѣ того увидя вся он Янъ грекъ с ним Юрьемъ спросил для чего ево Минас призывал и он де Юрью ему сказал спрашивал дѣ он Минас и велѣл к себѣ быть Юрью ж греку кои в матросах а не ему Юрью и того ж числа в час ночи послал он Янъ члвка своего і велѣл смыкатъ и привезть к себѣ Юрью Грека кои в матросах чтоб ево стросить для чего ево Минас звал и был ли он у него і что с ним говорил і тот ево члвкъ пришед к нему Яну сказал что ево не напівл і той же де ночи ходил он Янъ Грекъ по городам Азову и Алексѣенскому руном і пришед к Полцатом что к виноградному саду послалъ (Л. 3) за полцаты дву члвкъ денщиковъ єщетку Никитина Емелку Барисова гдѣ прежде онъ Минас стоял провѣдать нынѣ он на том же ли мѣсте начюеть і нѣт ли того матроса у него и тѣ денщики пришел сказали ему Яну что де ево армянина и татар никого в том мѣсте и немчина которого привезли нѣть а караулщики де ево ж Янова полку салдаты кби в том саду стоят имъ денщикомъ сказали что де тѣ татары и с немчином в вечеру от Азова отѣхали всѣ. А караулщики полковника Веденикта Янъ Грека салдаты Гришка Минаев єшлатко Алексѣевъ сказали стоят де они с товарыщи на карауле в виноградном саду і сентября ж в 23 дѣ проѣхал мимо караулной избы от Черкасскаго к Азову к полцатом армянин Минас самъ пят на лошадях а для чего не знают и будучи у полцатных ворот поїхали назад самъ пять же а иных де никаких людей в то число с нимъ Минасом с товарыщи они не видали.

¹⁾ Низъ страницы оторванъ.

(Л. 3 об.) К сей скаске вмѣсто короулщиков Гришки Минаева Филатки Алексѣева по их велѣнию того ж полку писарь Ѣетко Григорьев руку приложил.

(Л. 4) И того ж числа татарин Гришка Лоб в приказную полату сыскан ироспрашиван.

А в роспросе он Гришка сказал отцъ ево Якушко былъ руской породы а мать татарка и служил отцъ ево на Яике казацкую службу и умре і в прошлом де 206-м году в мае мсце был онъ Гришка в Астрахани у сродников и Ѣздили разныхъ чинов с работными людми двадцаг семь члвкъ для соляного промыслу на озеро Кобылское и на том озере напали на них татары кои преж сего жили в Астрахани и откочевали Курманком зовут с товарыщи члвкъ с сорокъ с ними ж был Сыдак Мурза и ихъ Гришку с товарыщи побрали в полонъ а члвкъ восемь товарыщев ево побили до смерти для того что они с ними бились долгое время и привезли ихъ к быстрому Кубану в верховье и меж себя роздуванили ево Гришку татары подарили Сыдаку Мурзе и жил у него на Кубани в улусе ево четыре идли и продал ево Гришку он Мурза нагайскому татарину взял руских денегъ двадцать два рубли а нагайской татарин продал ево в Крымъ татарину ж Монатку взял двадцать девять рублей и жиль у того татарина близ бѣлого моря против городка Темрюка з год работал всякую работу и тому мсца с три зговоряс он Гришка с волошенином с Гришкою ж которой жил в другом улусе с нимъ в близости Ѣдучи по дрѣва ушли пѣши в лѣс и лежали девятеры судки и до Кубани шли ночми а от Кубани ночми ж и днями и юля въ 7 де прошлого 207 году вышли в Азов і в приказной полате о вышеписанном роспрашиванъ и живет в Азовѣ кормитца Христовым именем и работою своею и із Азова Ѣздили в Черкасское одиножды для сбору млстыни ж а приѣхав ис Черкасского жил в казачье слободѣ у казаков переходя и сего де сентября 23 числа стоял он Гришка в Азовѣ у плаучего моста и пришел к нему приказные полаты (Л. 5) подячей Алексѣй Рудѣевъ взял ево Гришку с собою для толмаченя и пришли к полцатным воротамъ что от винограднаго саду а у тѣхъ де полцать стояли приѣхав на лошадях арменинъ Минас Семенов с ним три члвка татар в том числѣ одинъ армянинъ да немчинъ а какъ их зовуть не знаетъ и что говорил онъ Минас по татарски то онъ Гришка ему подячemu переводиль и тот подячей записав тѣ слова пошел в город а онъ Гришка пошел было за ним же и арменинъ Минась призвал ево Гришку к себѣ и говорил ему чтоб он прислал к нему грека Юрья и сказал бы ему чтоб он грекъ Юрья взятой ево товар которой взял на продажу а буде проданъ деньги б к нему Минасу принес и онъ Гришка ему Минасу сказал что онъ грекъ Юрья не знаетъ и Минас ему говориль укажеть де тебѣ ево Юрья Венедиктъ Янъ грекъ и онъ де Гришка прищед к Венедикту Янъ греку про того грека Юрья спросил и онъ Венедиктъ указал ему Гришке грека Юрья Азовскаго жителя у которого живет он Янъ грекъ и ему Юрью он Гришка Минасовы слова сказал и чтоб он товар ево или деньги к нему принес і Юрья грекъ сказал что де у него прочь и после ево Юрья вскоре пришел к тому чюлану грекъ старик без него Юрья а какъ ево зовуть не знает и спросил ево Гришки для чего стоит и онъ Гришка ему молвиль у него ль де взятой товар арменина Мина-

са и будет у него чтобы онъ к нему принес ево де Гришку для того он прислал и туть де грекъ выняв ис того чолана мешокъ шерстяной в нем завязана а что в нем накладено (Л. 6) не знаетъ и с нимъ Гришкою на рынке купя калачей и яблокъ пошли къ нему Минасу и пришед онъ грекъ туть кулекъ ему Минасу отдалъ а как отдавал говорили меж себя знатно по гречески а что говорили того он Гришка не вѣдаетъ для того что греческого языка не знаетъ и отдав он грекъ ему Минасу туть кулек пошел и онъ Гришка за ним же в город и к городу приходя розошлисъ и до того времени ево грека онъ Гришка не знал и случая пникаова не было.

И того ж числа по приказу боярина і воеводъ Степана Івановича Салтыкова с товарыщи посланъ из Азова по Кубанской дороге за нимъ армянином Минасом полковника Аѳанасьеву полку Колошинова капитан Федоръ Горчишниковъ с нимъ казаков двадцать члвѣкъ на конях на скоро а велено им гдѣ извѣдуть ево Минаса того матроса Юрья грека осмотрить и буде явится взяты и провести в Азовъ.

(Л. 7) 208 г. сентября въ 25 де в Азовѣ в приказной полате перед боярином і воеводы Степаномъ Івановичемъ Салтыковымъ с товарыщи иноземецъ капитанъ Стаматії Мануйловъ извѣщаль словесно а сказалъ по указу де на галере с нимъ оставлено на той же галере матросов четыре члвка в томъ числѣ грековъ Николай Каравалий Юръ Савиновъ и были в Азовѣ на той галере а онъ де Стаматії тому дней с двенадцать из Азова отѣхавъ быль на взморье на караблѣ и сего же сентября въ 24 де в вечеръ на взморье приѣхаль на карабли ж капитанъ Яганъ Бекъ и сказалъ ему Стаматії что де тѣ матросы греки Николай и Юръ из Азова бѣжали и онъ де Стаматії слыша от него Бека про побѣгъ тѣхъ матросов его числа для извѣту приѣхаль в Азовъ а на перед де сего к нимъ грекамъ приходилъ Азовской татарской толмачъ а какъ ево зовут того он не знаетъ и приходя к нимъ их вызывал а для чего вызывалъ того он Стаматії не знаетъ а знает де того толмача полковникъ Венедиктъ Янъ грекъ а какъ де тѣ матросы із Азова ушли того он Стаматії не вѣдаетъ.

(Л. 7 об.) εἰς¹ τὰς γυναῖκας ἔβαλλε τὸν (sic) χέρι² μου καπετά(υος)³ στεράτις καμαροῦ⁴.

(Л. 8) И против сего писма полковникъ Венедиктъ Янъ грекъ допрашиван и татаринъ Гришка Лоб которой в приказной полате закъ а смотря ево Гришки он Венедиктъ сказал сентября де въ 27 де приходил к нему Венедикту и грека хотя спрашивалъ он Гришка и он ему указал Юрья грека у которого он Венедиктъ живеть а прежде того онъ Гришка к грекомъ же матросомъ и Николаю Каравалию и къ Юрье Савинову приходилли или иѣть того он Венедиктъ не вѣдает.

А Гришка Лоб сказалъ что того 23 числа к нему Венедикту Янъ Греку спросить про Юрья грека приходиль онъ Гришка и прежде то-

¹⁾ Въ подлиннике: εἰς οὐαὶ τούτη, т. е. εἰς ἑτούτη. провинциализмъ.

²⁾ Въ подлиннике: γαρρ.

³⁾ Въ подлиннике: οὐαὶ(παῖς)τα.

⁴⁾ „Къ этому тексту приложиль руку капитанъ Стаматисъ изъ Камары“ - Транскрипція и переводъ обязательно исполнены проф. А. Н. Деревицкимъ, которому приношу искреннюю признательность. Г. В.

го числа и никогда он Гришка к греком же к матросам к Николаю Карафалию и къ Юрью Савинову не прихаживал и не вызы(зы)валъ и тѣхъ греков он не знает.

Да того ж вышеписанного числа капитанъ Федор Горчишников в Азовѣ с казаками явился а сказали ъздили де они по Кубанской дороге за рѣчку Кагалникъ до рѣчки Чубура и ево Минаса и никого не наѣхали только де х Кубани наѣхали шляхъ знать шли четыре арбы недавно и конной слѣд кои были в тѣхъ арбахъ а иного де конного слѣду они не наѣхали.

[Другимъ почеркомъ] С сего дѣла списокъ послан чрез почту в пушкарской [приказъ] сентября въ 26 де. за закрѣпою дьяка Ивана Жданова ноября въ 21 де. прислана Великого Гѣдри грамота а в неї написано.

(Л. 8 об.) Вмѣсто Федора Горчичникова по его велѣнію того ж полку полковой писарь Тимошко Астраханецъ руку приложил.

(Л. 9) Великого Гѣдри Цря і великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росії Самодержца Его црского пресвѣтлаго Величества от боярина и Азовскаго воеводы Степана Ивановича Салтыкова Крымскому салтану Шабез Гирею поздравленіе. В нынешнем въ 208 году сентября 13 дня писано из Азова на Кубань к тебѣ с ирислаными с Кубани в Азовъ татары с Манбекутом Турхандиным с йысенгултомъ Доингилдѣевым которые привезли с Кубани для отдачи в Азовъ полонянников коихъ подбѣгая под Азовъ воровски Ахреяны взяли на рѣчке Кагалнике а іных побили да смерти и чтоб тѣхъ ахреяновъ которые были у вас сысканы и скованы да трех члвкъ руских людей казаков кои из Азова ушед отогнали у Азовскихъ же казаковъ сто лошадей прислал в Азовъ для того какъ они из Азова ушли и за ними была погоня а вашихъ улусовъ татары у тѣхъ погонщиковъ какъ было почали нагонять их и с лошадми отбыли и по тому писму тѣхъ ахреяновъ і азовскихъ бѣглецовъ с лошадми с Кубани в Азовъ генваря по 13 число не присылывано а зачѣмъ о том ты ко мнѣ не писывал.

Да вышевленного ж сентября въ 23 де приѣжал ис Черкасского к городу Азову армянин Минас Семенов с товарыщи с татары а с собою привозили неволника иноземца Антония Котия будто для размены и призвавъ он Минас к себѣ азовскаго жителя татарина толмача Гришка Лба и послал ево в город а вельѣ ему прислать (Л. 10) матроса Юрку Савинова и принес бы к нему положенные товары ево и тот Гришка того матроса сыскавъ к нему Минасу привел і пошел в городъ а после ево матрос же Николайка Карафали товаровицъ ево Юркинъ вышел к нему ж за городъ Минас не дождався о размѣнѣ того иноземца отловеди и не сказалъ от Азова и с товарыщи отъ ѿхали а тѣ матросы по подговору ево Минасову с товарыщи ѿхали с ними на Кубань и о том въ Азовѣ туть толмачъ Гришка сказал про то имянно да і сверхъ того подговор ево Минасов и увоз с собою тѣхъ матросовъ явенъ иноземецъ полонянникъ Антоні Коті с Кубани привезенъ для откупу в Черкасской и отданъ на поруки а іс Черкасского приѣхал в Азовъ он Антоні сказал какъ де онъ Минас с товарыщи к Азову и с ним Антониемъ приѣзжали и от Азова тѣхъ матросов посадя на свои лошаді он Минас с товарыщи отвезли на Кубань і на Кубани де

тѣхъ матросовъ онъ Антоній какъ ево привозили заковывать въ кандалы видѣлъ у ахреяновъ въ городкѣ.

Да въ нынешнем же въ 208 году ноября 1 числа новокрещеные мурзы Янтемирко во крещении Захарко да Янгурчийко во крещении Мишка зъ братомъ своимъ Мураткомъ и съ улусными калмыки и зъ женами своими и зъ дѣтми и съ кибитки и со всеми пожитки которые мурзы и калмыки приѣхавъ въ Азовъ подъ его великого Гедря высокодержавную руку крестилися въ православную христіянскую вѣру и кочевали около Азова и ему великому Гедрю измѣнили бѣжали (Л. 11) со всѣмъ на Кубань да они же отогнали у новокрещенного ж мурзы Моисея Алексѣева пять сотъ семидесять две лошади.

И тебѣ бъ салтану по договору любителного мира тѣхъ ахреяновъ кои у васъ сысканы і бѣглыхъ изъ Азова трехъ члвкъ казаковъ которые въ Азовѣ и съ отысканными лошадми и подговорныхъ увозныхъ матросовъ дву члвкъ и новокрещеныхъ бѣглыхъ Мурзъ и калмыкъ зъ женами и зъ дѣтми и со всѣмъ ихъ пожиткомъ и съ отгонными лошадми жъ по договорнымъ статямъ вѣдѣть сыскавъ прислать въ Азовъ съ посланиемъ къ тебѣ изъ Азова члвкомъ кой къ тебѣ съ симъ листомъ будетъ безъ удержанія а какъ тѣхъ ахреяновъ и казаки съ отгонными лошадми и матросы и новокрещеные мурзы зъ женами и зъ дѣтми и калмыки и съ пожитки и лошадми въ Азовъ присланы будутъ и кубанские отогнаные что отогналъ черкасской казакъ Савка Кочетъ вамъ на Кубань будутъ возвращены а за купленного (полнонянника) неволнику казака кой у него Минаса ушолъ (въ Азовѣ) заплачено будетъ ему за сто левковъ исъ казны великого Гедря денгами.

Для вышеписанныхъ дѣлъ посланъ къ тебѣ съ симъ листомъ начальной члвкъ Михайло Артемьевъ синъ Озеровъ съ товарыщи всего бѣ члвкъ.

И учиня тебѣ Шабез-Гирю салтану по вышеписанному о всемъ посланного начального члвка съ товарыщи съ Кубани отпустить въ Азовъ безъ задержания и ко мнѣ о томъ о всемъ съ тѣмъ посланнымъ писалъ отстатьить изъ Азова нынешняго 208 году генваря 14 днія.

(Л. 12¹) Лѣта 7208 генваря въ 14 де по указу великого Гедря и по приказу боярина і воеводы Степана Івановича Салтыкова съ товарыщи (капитану) прaporщику Михайлу Артемьеву сину Озерову щать тебѣ ізъ Азова на Кубань хъ крымскому салтану Сабез-Гирѣ (яю съ листомъ каково писму) и приїхавъ на Кубань отдать тебѣ ему Сабез-Гирю писмо каково съ тобою къ нему послано а подавъ ему Сабез-Гирю (письмо) говорить (ему) по статьямъ каковы (тебѣ) писаны въ семъ наказѣ ниже сего (а что онъ) а чтобъ онъ Сабез-Гирей по тому писму отъ боярина і воеводы Степана Івановича и мѣста де тебѣ скажетъ илі по тому писму что откажетъ илі что имъ послать похочетъ и то все записывать тебѣ въ статейной списокъ подлинно (а тотъ списокъ за своею) и о всемъ учиня по сему наказу щать тебѣ (въ Азовѣ безъ мотчанія) съ посланными съ тобою (ізъ Азова) азовскими конными казаками въ Азовѣ безъ мотчанія (съ того полку съ товарыщи безъ мотчанія) и доѣздъ и статейной списокъ (илі что онъ) подать илі что онъ Сабез-Гирей (солдатъ) тебѣ отдастъ объявить въ приказной полатѣ боярину і воеводамъ Степану Івановичу Салтыкову съ товарыщи. А для вышеписанной польски посланы съ тобою азовские конные казаки Аѳонасьева полку.

¹⁾ Это первый вариантъ черновика наказа прaporщику Озерову, содержащаяся въ слѣдующемъ дѣлѣ № VI, лл. 1-2 и (другой вариантъ черновика) 8-9.

(Говорить Сабез Гирѣю салтану крымскому по нижеписанным статьям о чём к нему писано¹⁾).

5-я.

Да сверхъ листа написано в сем наказе тебѣ отставить буде тебѣ Сабез-Гирѣй салтан станет говорить про проѣзжих ис Керчи торговых турков и про убивство ихъ и про пожитки и тебѣ говорить.

6-я.

Которые торговые их турки в степи побиты и их побили воровские казаки и тѣ казаки (л. 13 об.) воры кои их турковъ²⁾ пересиманы и скованы и держать ихъ в Азовѣ в тюрямѣ за крѣпкимъ караулом и пожитки тѣх турков которые они воры казаки побраны у них казаков взяты и о том их казаков воровствѣ писано к Москве к великому Гедрю.

(л. 13). 7³⁾.

(л. 13 об.) 8.

І чтоб Сабез Гирѣй по писму⁴⁾.

Припись діяка Ивана Молчанова.

(л. 13). Посланы с ним Михайлom казаков Николаева полку Васильева Максим Иванов, Степан Григорьев, Степан Лукьянинов, Гарасим Василев, Максим же Иванов. Аѳонасьева полку Колошинова казаки Иван Елисьев.

С ними (6) 7 лошадей, дано им на лошадь по рублю.

(Л. 14) Великому Гедрю холони твои Стенка Салтыков с товарыщи человом бьют в нынешнем Гедрю 208 году сентября въ 3-м да ноября въ 21-м числѣх по твоему великого Гедря по указу каков прислан из розрядного шатра боярина і большаго по(лку) воеводы Алексія Семеновича Шеина и по грамоте ис пушкарского приказу велено нам холопем твоим на Кубань к Сабез Гирѣю салтану писать чтоб онъ ахреинов 3-х чел.⁵⁾ кот рые подбегали под Азов воровски і взяли в полон на рѣчке Кагалнике русских людей 8 чел. и дву чел. убили до смерти да трех чел. казаков которые из Азова бѣжали воровски ж и отогнали с собою сто лошадей и в Ачове обусурманилис и прислал в Азов и с отогнанными лошадми без удержания а как тѣ ахреины (ахреины) і казаки с отогнанными лошадми в Азов присланы будут і кубанские отогнанные лошади отдать і казака неволники которой ушель у торговогого чел. Минаса сто левков заплатить из своей великого Гедря казны денгами по настоящей ценѣ а бѣглых матросов Юрку Савинова и Николайка Карапеалия которые из Азова збежали на Кубань велено сыскывать а как сысканы будут о том о всемъ к тебѣ великому Гедрю к Москве в Пушкарской п(риказъ)да по твоей же великого Гедря грамоте какова прислана в Азов к нам холопем твоим генваря въ 10-м числѣ велено нам холопем твоим из Азова на Кубань к Сабаз Гирѣю салтану писать а с тѣм писмом послать начального чел. добра дав ему подводы и провожатых что пристойно і велено ему говорить чтоб но-

¹⁾ Статьи 1, 2, 3 и 4 совпадают съ чистовыми (см. ниже № VI, лл. 1—2) и потому здѣсь опускаются.

²⁾ Верхній край листа оторванъ.

³⁾ Соответствуетъ статьѣ 5 чистовика и потому здѣсь опущена.

⁴⁾ Сдѣланъ значекъ для выноски, но самой выноски нѣть.

⁵⁾ Вместо "человѣнъ" условный значекъ при "ч", какъ и ниже.

вокрещеных мурз и калмык Янтемирка и Янгурчейка с товарыщи которые в нынешнем 208 году тебъ великому Гсдрю измѣнили от Азова отѣхали на Кубань з женами и с детми и с пожитки да с собою ж отогнали иных улусов сто лошади он Шабаз Гирей салтан по договорным статьям велѣл их отдать со всѣми пожитки и с лошадми в Азов и по тому (Л. 15) твоему великого Гсдря указу и по грамо(тѣ) генваря въ 14 де из Азова на Кубань к Сабаз Гирѣю салтану мы холопи твои о всемъ (послали) вышеписанном писали (с тѣмъ писомом) и с тѣмъ письмомъ посыланъ салдацкого строю прапорщикъ Михайло Озеровъ с казаками и о томъ к тебъ великому Гсдрю к Москве в пушкарской приказ мы холопи твои писали чрез почту генваря ж 31-го дня а єевраля въ 1 де. онъ Михайло Озеров с казаки с Кубани в Азов приѣхали і в приказной полате намъ холопемъ намъ Михайло подаль доѣздъ за рукою а казаки противъ того доѣзду допрашиваны и тотъ доѣздъ и допросные рѣчи за руками к тебъ великому Гсдрю Црю і великому кнзю Петру Алексѣевичу всеа Великия и Малая і Бѣлья Росії самодержцу к Москве послали мы холопи твои под сею отпискою с конными казаки которые посыданы с нимъ Михайломъ Озеровымъ для перевода с Максимком Івановымъ с Васкою Григорьевымъ вышепомянутого ж дня а велѣли имъ ѣхать наспехъ днемъ и почью а отииску и доѣздъ и допросные рѣчи подать и імъ казакомъ янитца в пушкарском приказе боярину Алексѣю Семеновичу Шеину с товарыщи а против доѣзду Михайла Озерова кнзю Петръ Алексѣевичъ всеа Великия і Малая и Бѣлья Росії Самодержецъ что укажешь.

VI.

1700.

(л. 1) Лѣта 7208 генваря въ 14 де^т по указу Великого Гдря Цря і великого кнзя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малая і Бѣлья Росії Самодержца и по приказу боярина і воевод Степана Івановича Салтыкова с товарыщи и по наказу из Азова іс приказные полаты за приписью дьяка Ивана Молчанова велено прапорщику Михайлу Артемьеву сыну Озерову ѣхать из Азова на Кубань х крымскому салтану Сабез Гирею и приѣхавъ на Кубань подать ему Сабез Гирею писмо каково к нему Сабез Гирею из Азова послано а подав ему Сабез Гирею говорить по статьямъ каковы писаны в том писмѣ и ему Михайлу в наказе ниже сего.

1-я.

Чтоб он салтанъ по договору любителного мира ахреянов трехъ члвкъ которые подбѣгали под Азов і взяли на рѣчке Кагалнике восьмь члвкъ рускихъ людей да дву члвкъ убилі до смерти прислал в Азовъ.

2-я.

Трехъ члвкъ рускихъ казаков которые из Азова ушел отогнали у азовскихъ конныхъ казаковъ сто лошадеі і в Ачове обусурманилис прислал к ним в Азов же и с отогнанымі лошадмі для того какъ они из Азова ушлі и за нимі была ногоня а кубанскихъ улусов татары у тѣхъ погонщиков какъ было началі наганять их и с лошадмі отбилі, а за неволника кой ушол у армянина Минаса Семенова заплачено ему Минасу будет за сто левков денгамі в Азове ис казны Великого Гдря.

3-я.

Подговорныхъ дву матросов Юрку Савинова Николайка Карапалия которыхъ приѣхав к Азову подговоря увез на Кубань Минас Семеновъ сыскав прислал в Азовъ же.

4-я.

Новокрещеныхъ мурзъ и калмыкъ которые кртясь в Азовъ в православную хриянскую вѣру і взяв за крещение сво Великого Гдря жалованье от Азова отъ ъхали на Кубань же Янтемирка во крещениі Захарка Янгурчийка и з женами и з дѣтми и улусов ихъ с калмыки и з женами ж их и з дѣтми и со всѣми пожитки и отогнаныхъ лошадей новокрещеного мурзы Моисея Алексеева сна Баага Бакши прислал в Азовъ же.

(л. 1 об. помѣта: „К сему дѣздзу“).

(л. 2) 5-я¹⁾.

Чтоб он Сабез Гирей закубанской ордѣ и горскимъ черкесамъ приказал чтоб они великого Гдря с людми которые под сво великого Гдря высокодержавио рукою были в совѣте і в любви по договорнымъ статьямъ мирного поставления..

Ему ж Михайлу по приказу боярина і воеводы Степана Івановича с товарищи приказано сверхъ наказу словесно провѣдать тайныиъ обычаемъ о лумномъ дѣяке Емельяне Игнатьевиче Украинцовѣ и о неприятельскихъ замыслѣхъ и о всякихъ вѣстяхъ чрезъ полонянниковъ и таѣр какъ можно.

И по тому Великого Гдри указу и по наказу и по статьямъ онъ Михайло Озеровъ приѣхав в турецкой город Ачовъ и ачовской пани ево Михайла с казаками принял а сказал что де Шабез Гирей салтанъ умре а будетъ де ис Крыму Нарадын салтан и послал ихъ с проводниками на Темрюкъ а какъ приѣхали на Темрюкъ отвели ихъ к салтану Нарадыну крымскому в село и Савачю і в том селѣ ему салтану письмо подалъ и онъ салтанъ принял письмо велья честь перед собою ему ж Михайлу а переводить перегодчику которой казакъ для переводу посланъ с нимъ же Михайломъ Максимку Іванову, для того что онъ сказал у него де салтана русского письма честь и переводить нѣкому.

А слушав того письма онъ Нарадын салтанъ сказал:

против 1-й статьи.

Которые де три члвка ахреянов приѣхав к Азову і взялі на рѣке Кагаликѣ восмь члвкъ рускихъ людей да дву члвкъ убили де до смерти и ему ихъ здѣсь взять нѣгде а какъ онъ будет в черкесахъ і в закубанской ордѣ и онъ де ихъ сыскывать станет.

Против 2-й статьи сказал то же.

Против 3-й статьи про матрозовъ про Юрку Савинова и про Николайка Карапалия онъ салтанъ сказал, арменинъ Минас Семеновъ, кото-рого города имянио не написанъ, а какъ де онъ будет в своихъ краяхъ и онъ де про то про все розыщеть и сво донросять.

Против 4-й статьи про новокрещеныхъ мурзъ и калмыкъ и про женъ ихъ и про дѣтей и лошадей какъ де онъ будет в закубанской ордѣ і в горскихъ черкесахъ и чтоб боярин і воевода (л. 3) Степанъ Івановичъ Салтыков прислал до Ачова хотя б одного члвка и онъ де буде тѣхъ выненесенныхъ ахреянов трехъ члвкъ и что ушли из Азова

¹⁾ Въ черновикѣ 7-я.

три члвка казаков и отогнаныхъ лошадей и дву матрозовъ и новокрещеныхъ мурзъ и улусовъ ихъ с калмыки и з женамі и с пожитки и отогнаныхъ лошацей пришли в Азовъ.

І выслушав то писмо ево Михайла с казакамі ис того сели Саачугъ дав ему проѣзжее писмо отпустил в Азовъ.

А какъ он Михайло с казаками ъдучи по селамъ и деревням кубанским к салтану и от него по приказу боярина і воевод Степана Івановича с товарыщи через неволников и татар тайно провѣдывали и было в словахъ у толмача Максима с татары и с рускими неволники про посла думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева что де ево салтан турской хотеть отпустить с Чѣшику Буруну а самъ онъ хотеть ити под Азов со всѣми своими силамі плавнымъ и степью ииеншияго 208 году вешним путем.

Про полскаго посла сказывал ему ж толмачю Максиму в селѣ под Ачевымъ татаринъ что де пришелъ посолъ полской в Крымъ и гонорить хану Крымскому чтоб ити в соединениі с ним на малоросійские города доступать вотчини свои.

А черкасскаго гетмана Івана Степановича Мазепы посол у него ж хана в Крыму говоритъ чтоб они с полякамі не мирилис и на них войною не ходили для того что де у нихъ вотчинъ ихъ никакихъ нѣть, а жить бы ему хану с нимі черкасы в братцкой любви.

Ему ж де Михайлу сказывал Васка Болдырь, говорил де ему татаринъ францужскаго де короля посол говорить которые де карабли великого Гдя и тѣ же карабли згубять они своимъ людмі.

Да он же де слышал от татар что де ордя крымская и белого-роцкая и за кубанская с осени собиралис всѣмі людми чтоб под Воронежемъ и под Азовом и под Таганом Рогомъ караблі і всякие мореские суды пожечь только де тотъ их умысьль не состоялся для того что де у хана крымскаго з белогорецкою ордою а нагайские черкѣси поссорились и убили салтана Шабез Гирея.

Имже де говорилі татары и селской абыз что под Ачовыми а какъ то село зовут того онъ не знает имъ де миръ с великимъ Гдремъ не-дорогъ надобенъ де имъ миръ с ляхами жить.

(л. 4) 8 өвраля въ 1 де по указу Великого Гдя цря і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малая и Бѣлыя Росії Самодержца в Азовѣ в приказной полате бояринъ і военода Степан Івановичъ Салтыковъ с товарыщи слушав Михайлова доѣзу Озерова приказалі казаков которые с нимъ Михайломъ посыланы для переводу татарскихъ рѣчей Максимка Іванова с товарыщи допросить порознь кто из нихъ что слышалъ.

А в допросѣхъ порознь казаки Максимко Іванов Васка Григорьев Васка ж Харлицоборъ сказали то ж что писано в доѣзде Михайла Озерова.

(л. 4 об.).

К сему допросу азовской салдат Мишка Чернояров вместо казаков Максима Іванова с товарыщи по их веленю руку приложил¹⁾.

(л. 5) По указу Великого Гдя Цря і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия і Малая і Бѣлыя Росії Самодержца и по при-

¹⁾ Послѣдній слогъ „жил“—на л. 4 непосредственно вслѣдъ за послѣднимъ словомъ („Озерова“).

казу боярина і воевод Степана Івановича Салтыкова с товарыщи посланы из Азова к Великому Гдрю к Москве с вестовыми отписки наспехъ конные казаки Николаева полку Васильева Максимко Іванов Васка Григорьевъ а за ними в провожатыхъ до Волуйки того ж полку казаки Стенки Мелешкинъ Харитонко Демьянновъ Филка Гавриловъ и по городом воеводом и приказнымъ людем а по казачьим городкам атаманом і казакомъ пропущать их везде не задерживая ни часу а с Волуйки по городам до Москвы ж воеводамъ и приказным людем а по ямом ямщиком а гдѣ ямов нѣть чей кто ни будь казаком Максимке Іванову Васке Григорьеву давать подводы с заводными і с проводники вездѣ не задержавъ ни часу без прогоновъ. К сей подорожной боярина і воеводы Степана Івановича Салтыкова печать приложена 208 г. Февраля въ 1 де.

Припись дьяка Кузмы Рудѣєва.

(л. 6) Лѣта 7208 февраля в 1 де по указу Великого Гдря и по приказу боярина і воевод Степана Івановича Салтыкова с товарыщи посланы из Азова к Великому Гдрю к Москве с вестовыми отклики наспех конные казаки Николаева полку Васильева Максимко Іванов Васка Григорьевъ а за ними в провожатыхъ до Волуйки того жъ полку казаки Стенка Мелешкин Харитонко Демьянновъ Филка Гаврилов и от Азова по казачьим городкам атаманом і казаком пропущать их Стенку Мелешкина с товарыщи в ъзде бѣз задержания. К сей проезжей памяти боярина і воевод Степана Івановича Салтыкова печать приложена.

Припись дьяка Кузмы Рудѣєва.

(л. 7) [вверху пришить лоскутокъ съ татарскимъ письмомъ за печатью Казы-Гирея].

208 г. февраля въ 1 де в Азовѣ в приказной полатѣ боярину і воеводам Степану Івановичю Салтыкову с товарыщи подал прaporщикъ Михайла Озеровъ татарское писмо от Казы Гирѧ салтана.

А по переводу в томъ писмѣ написано:

То наше писмо указ сей султан людей присланных казаков нашли в Тамани і в ыных селахъ нашли были опосле і чтоб есте кривды не чинили имъ, и гдѣ придите к городу чтоб Господу им дали. И чтоб их никакимъ дѣломъ не задерживали и пропускали их чтоб мое слово держали и сему писму вѣрили.

У того писма печать изображена на бумаге, а в печати написано Казы Кирѣй султанъ,

А то писмо переводил турчанин Ибраимъ а толмачил Николаева полку Васильева казакъ Максимка Івановъ.

[лл. 8 и 9—черновикъ наказа прaporщику М. Озерову, помѣщенаго на лл. 1 и 2.]

Черновикъ однако содержитъ нѣкоторые статьи, послѣ зачеркнутыхъ.

Чистовикъ.

статья 1-я
" 2-я
" 3-я
" 4-я

Черновикъ.

статьѣ 1-й
" 2-й
" 2-й
" 4-й
статья 5-я

Чистовикъ.

—
статья 5-я

Черновикъ.

6-я
статья 7-я
статья 8-я

Приводимъ изъ черновика зачеркнутая статьи; онѣ находятся на л. 9].

5-я.

Да сверхъ листа в том наказе написано ему Михайлу.

Буде ему Сабез Гирей салтан станет говорить про приѣзжихъ ие Керчи торговых турков и про убивство их и про пожитки и ему говорить, 6-я.

Которые торговые их турки в степи побиты и іх побилі воровски казаки и тѣ казаки воры кои их турков побилі всѣ переняманы и скованы и держат их в Азовѣ в тюрмѣ за крепким караулом и пожитки тѣхъ турков которые оні воры казаки побратлі у них казаков взяты и о том ихъ казаков воровствѣ писано к Москве к великому Гдрю.

(7-я=5-й въ чистовикѣ).

8-я

А что он Сабез Гирей по тому писму от боярина і воевод Степана Івановича и по статьям в том наказе по словам илі по тому писму что отдасть илі с кѣмъ послать похочет и то все записывать в статейной списокъ подлинно и о всем учиня по тому наказу ъхать с посланнымі с ним азовскимі коннымі казакамі в Азов без мотчанья и доѣздъ і статейной списокъ подать илі что он Сабез Гирей ему отдасть обыявить в приказной полате боярину і воеводам Степану Івановичю Салтыкову с товарыщи¹⁾.

(Отвѣты салтана и дальше все соотвѣтствуетъ чистовику (чистовикъ лл. 2, 3, 4, черновикъ лл. 10, 11 и 12 — въ концѣ та же росписка Михайла Черноярова).

(л. 13) В Нагаї закубанских всяких орд владѣлц(у)²⁾ Шагимъ салтану донские атаманы казаки Ілья Григорьевъ і все войско донское целомъ бѣ(т)²⁾ вѣдомо тебѣ будет что присал ты к нам людей сво (ихъ)²⁾ Екшемби с товарыци для юртового дѣла і тѣ тво(и)²⁾ мировщики сказали нам войску и в писмѣ ты своем писаль чтоб приказал де ты к нам чтоб нам послать к тебѣ лучших старых людей чтоб в Тавбузоровых лошадях дши вам дать і мы к вам о том писали что лучших людей нам послать к вам не возможно потому что даром у нась никто не поедеть а і молодых людей посылали мы к вамъ неподиножды і вы молодым ншим людемъ не вѣрите і спрашиваете лучших і старых люд (ей) і нши лучшие і старые люди мировщиком твоимъ і войсковой ншъ атаман дши давали і мировщики присланые твои люди дши у на(съ) взяли і сказали пришлите де хотя і молодых людей к салтану перед ним де пускай дшу дадуть і мы ннѣ послали к вам казаков своих хотя не самых лучших однако ж і не послѣдних сами вы их знаете что они у нас не худые люди добрые, Савелья Павлова да Гната Саѳонова

¹⁾ Вмѣсто статьи 8-й на оборотѣ л. 9-го написанъ абзацъ, помѣщенный въ чистовикѣ послѣ статей (л. 2) "словесное" наставленіе "сверхъ наказа"—собрать "тайны" обычаемъ" свѣдѣнія о дѣякѣ Е. И. Украинцовѣ и пр.

²⁾ Правый верхній край листа слегка попорченъ.

і велѣли им перед тобою за нас за все войско дши дать і за калмык иных і за татар і за Монголиевых калмык в томъ что Тавбузарова табуна никто у насть не брал, в томъ вѣрте вы их Савельевой да Игнатовой дшам для тово мы их к вам инѣ і послали і ты Шагим салтан коней иных вели собрав і к нам прислатъ, а буде имъ Ігнату і Савелью вы не повѣрите і вы пришли с нашими конми вмѣсте к намъ Тавбузара к нам і мы лучшим і старым людем своим дши велим в том дать ему Тавбузару за всѣх чтоб ему Тавбузару вернѣе было. Да еще ваши ж люди Шагимъ салтан инѣ за миром ходили под Камышенку і побрали иных многих людей а іных переранили і побили, да тѣ ж ваши люди вверхъ ідучи верховых иных казаковъ цымлянских трех члвкъ да кушацких дву члвкъ вляли і тѣх одново вы отдали а четырех члвкъ не отдавали і мы тѣхъ четырех члвкъ нам отдайте да тѣ же ваши люд (л. 14) ди иных казаковъ пяти члвкъ побрали которые с Кумы шли і тѣхъ вы нам отдайте, да ваши ж люди инѣ весною Сыртлана мурзы сын приходилъ і по узморью на Ачаковской касѣ многих иных казаков і иных всяких людей побрали і живота всякой бутор і посуду рыбную і всякую побрали ж і вы Шагим салтанъ тово бранья людей к нам отпустили толко двадцать семь члвкъ да пищалей съ тридцать і тѣхъ пищалей ни единой целой нѣть всѣ попорчены і переламаны іные без счастей і без прикладов а инова і ничево вы к нам не присылали і ту всю ишу гибель вы сыскав і к нам пришли да ваши ж люди Солътан Улу аулов в осень иных тековских казаков шести члвкъ съ капканами і со всѣм побрали которые ини казаки ходили с капканами по рѣчкам гулять і добыватца і тѣхъ наших шести члвкъ с конми і съ капканами нам і со всѣмъ ихъ отдайте ж да лѣтошнева году за миром же приходил Кубек і побрал у насть под Черкаским на бакъчах побрал четырех члвкъ і тѣхъ иных вели сыскав отдать да послѣ тово тѣм же лѣтом ваши ж люді на Салу побрали иных дву члвкъ кочетовских да третьева кагалницкова казака с конми і съ ружьем і тѣхъ трех члвкъ с конми и съ ружьемъ со всѣмъ намъ отдайте ж да что Казы мурза за своею неволника у казаков иных баранту взял которые с торгом ездили к вам і тое баранту вели отдать же, а буде тое баранты отдать не похочет і ты Шагим салтанъ вели тово члвка заплатить нам которое мировщик ини Іван отдалъ Кубеку на (sic) за тово члвка что Іван отдал никоторова не отдаите то і у нас также что Казы у ваших людей баранту за то возмутъ в том между нами будетъ съсора да ваши ж люди наших казаков которые стояли на усть Еи с капканами для звѣрю і тѣхъ казаков дву члвкъ ваши люди пограбили которые ездили з балабанами лѣтошней осени, а побрали капканы и бирюки і лисицы і платя и ружье і иную всякую рухлядь что ни было все побрали і то все сыскав вели отдать же да которое ишь окупной животъ есть у Кубека есть что мировщиком ево ни давано за ево миром і тѣ ини окупы всѣ с тѣми ж ево мировщиками к нам прислат чтобы тот нашъ живот напрасно не пропадаль.

(на оборотѣ 13-го л. адресъ) В нагаі закубанских і всяких ордъ владѣльцу Шагим салтану со всѣми мурзы.

VII.

1701.

(л. 1) 1701 г. марта въ 14 де. в Азовъ в приказную полату капитана Петрова полку Дреера салдатъ Сенка Никитинъ привелъ назнаныхъ дву члвкъ а сказалъ стоять де он на карауле в Азовѣ городе на квартерѣ на морскомъ роскате и тѣ де два члвка приѣхавъ к морскому роскату на трехъ лошадяхъ оказались выходцы с Кубани не из моровыхъ мѣсть.

И по приказу думного дворянинна і воевод Степана Богдановича Ловчикова с товарыщи тѣ два члвка в приказную полату приняты и роспрашиваны порознь.

А в роспросѣхъ:

Первой сказался родомъ можаренинъ владѣтельства Цесаря Христианского а которого города бывал того не знаетъ а звали де ево по можарски Сенкою Михаевъ сынъ тому де лѣтъ с сорокъ и болши взяли ево Аюкиныхъ улусовъ татары которые жилі за Волгою и жил он у тѣхъ татар в улусѣхъ шеснатцать лѣт и после того тѣ татары продали ево в Хиву а в Хиве жиль он лѣтъ с четырнадцать а тому лѣтъ с четырнадцать же ис Хивы ушол на Волгу ко едисанцу Азамату мурзѣ а он Азаматъ с Волги с ынымі едисаны а сколко члвкъ не знает отъѣхали на Кубань а ево отвез с собою ж и у того мурзы жиль он на Кубани шесть лѣтъ и был женат и инне тогъ мурза жену у него отнял и тому пятой день от того мурзы зговоряс с тонарыщемъ своимъ которой с ним вышелъ взявъ татарскихъ пять лошадей ночью поѣхали в Русь (л. 2) и какъ они Кубань рѣку переѣхали и татарь де члвкъ с дватцать за ыніи ганяли а не нагнали і в дороге де двѣ лошади стали и они де тѣхъ лошадей покинули де в степи и погонщики их взяли, и приѣхав они к Азову явились на карауле и караулщики де взявшъ их привели в приказную полату, а какъ де он былъ на Кубани бусурманился а женатъ де онъ былъ на руской полонянкѣ и она имѣла бусурманскую ж вѣру а детей де у нихъ ничего не было. А тому де мсца с два приходили на Кубань Аюкая тайши снъ Сарджан с калмыки тысячъ с семь илі с восмь и с кубанскими нагайскими татары и со едисанцы был у них и едисанцовъ они калмыки члвкъ с двѣстѣ взявшъ увезли с собою а в погоне их калмыкъ татары порубили и самихъ многое число и перетопили, да в полон взяли члвкъ с пятдесят и они калмыки осердясь полонных едисанов побили многихъ а после того ъздило на Волгу с Кубани едисанцовъ же сорокъ члвкъ и Аюкаевыхъ калмыкъ взяли восмьдесят члвкъ, а Уракъ де мурза едисанскої которой былъ в Черкаскомъ инне кочуетъ на Кубани в улусе своем. Да с Кубани же мурзы и татары тому мсца с четыре пошли воинскимъ ополчениемъ в Крымъ того и іныхъ вѣдомостей не вѣдѣтъ и ни от кого не слыхалъ.

(л. 3) Другой сказался родомъ черкашенин а которого города не упомнит зовут ево Івашком а чей сын не упомнит же и тому де лѣтъ з десять взялі ево в малыхъ лѣтехъ крымские татары и отвезли в Крымъ а ис Крыму продалі на Кубань и на Кубани жил он у татарина Хожайка работалъ всякую черную работу а не бусурманился а про уход и про вѣдомости сказал тож что выше сего сказал Сенка Михаев.

(л. 4).

1701 гд. марта въ 24 де пришел въ приказную полату думному дворянину і воеводамъ Степану Богдановичу Ловчикову с товарищи салдатцкихъ полковъ капитанъ которой стоить на караулѣ за Полцаты у приѣзжихъ турокъ торговыхъ людей Иванъ Сурминъ сказалъ сего де числа к Полцатнымъ воротамъ гдѣ онъ стоитъ на карауле приѣхали с Кубанской стороны семь члвкъ с ними две арбы одинъ из нихъ говорилъ по руски сказался армянинъ Кочеты ис Крыму да с нимъ шесть члвкъ с Кубани из города Ачюева трое турок да татаръ три жъ члвка да они жъ де привезли полонянику русского члвка на окупъ.

И по приказу думного дворяна (sic) і воевод Степана Бѣгдановичи Ловчикова с товарищи тот руской члвк дтя роспросу взять у нихъ в приказную полату.

А в роспросе сказался Резанского уѣзду Ростиславскаго стану помѣщикъ Андрѣяномъ зовутъ Григорьевъ синь Позняков в прошломъ де 206-м году по указу Великого Гсдря Цря і великого кнзя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлья Росії Самодержца быль онъ Андрѣянъ по наряду на его Великого Гсдря службе на Миюсе в полку бояриня і воевод Алексея Петровича Салтыкова с товарищи і в томъ же де году бояринъ і воевода Алексей Петрович Салтыковъ с Миюса резанские полки отдалъ в город Павловской думному дворянину і воеводамъ Ивану Ивановичу Щепину і в том городе был онъ Андрѣянъ идли з двѣ из города Павловскаго онъ Андреянъ да с нимъ родственник ево Дмитрий Ивановъ синь Позняковъ иные служилыя люди члвкъ з двѣсти ъздили на Миюсь реку для дровъ и сена і в то де время на Миюсе напали на нихъ крымских татаръ на конехъ члвкъ с тысячю и с тѣми татары они билися ево Андрѣяна ранили в дву мѣстехъ на лѣвомъ плѣче из лука да ниже лохтя порубленъ саблею и дватцать члвкъ в том числе и ево Андрѣяна взяли в полонъ а иных члвкъ з дватцать побили в том бою побито и взяв привели ихъ в Крым и меж собо ихъ полоняников роздуванили онъ Андреян достался татарину а какъ зовут не упомнит а сказывался онъ тому татарину члвкомъ боярскимъ и тот де татаринъ продаль ево армянину Шаварлову взял сто осланов (л. 5) и с того времяни жилъ все у того армянина работал всякую работу быль скованъ а в иные времена работалъ и роскошной толко де к ночи клали на него желѣза по двои на шею чепь и прикачивал к арбѣ а товарищей ево и родственника послѣ дувану розвезли врознь а иныхъ продавали на каторги да ево было Андрѣяна онъ армянинъ хотѣль продать на каторгу ж и онъ де Андреянъ но (sic) хотя быть в вѣчной погибели сушил ему армянину за себя окупу сто дватцать рублей и чтобы ево вывезъ для того окупу в Русь и тому де ине мца з два и больши тотъ армянинъ в городе Каєе отдал ево Андрѣяна зятю своему армянину ж Кочетырю и онъ Кочетыр с товары своими на одной арбе взяв ево Андрѣяна скованова с собою для окупу да с нимъ было два члвка проводников татаръ ис Каѣи ъхали до Керчи сухимъ путем от Керчи переѣхали через взморье на кубанскую сторону к Тамани в тимъ по руски что будара без кровли ис Тамани сухимъ путем до Темрюка от Темрюка до Очюева из Ачюева с ними поехали до Азова вышеписанные турки и татары с товары ж для торгового промыслу и ъхали десять дней и приѣхали к Азову к

Полцатомъ а какъ де онъ Андрѣянъ был в Крымѣ в Каѳѣ и перед сырною де недѣлею зимнемъ временем ханъ крымской и керченской Муртаза пата и кубанской султанъ с татары собрався пошли войною на бѣлоградскую арду для того что де они белогородская арда салтану турскому дани платить не похотели и тое де бѣлогорецкую арду хотѣли они для житъя загнать х Крыму tolko de что у них учинилос подлинно вѣдомости нет і в Крымѣ і в Керчю никто не бывали а иных де ведомостей никаких онъ Андрѣянъ не вѣдаетъ и ни от кого не слыхалъ.

[внизу приписка другимъ почеркомъ]:

Каковы посланы к Москвѣ черные под отпискою. апрѣля въ 18 де.
(л. 6) 1701 г. марта в 24 де. пришель в приказную полату думному дворянину і воеводам Степану Богдановичу Ловчикову с товарыщи салдацких полков капитан которой стоит на караулѣ за Полцаты у приѣзжих турок торговых людей Иван Сурмин сказал сего де числа к Полцатным воротам гдѣ онъ стоит на карауле приѣхали с Кубанской стороны семь члвкъ с ними две арбы одинъ из них говорит по руски сказался армянинъ Кочеты ис Крыму да с ним шесть члвкъ с Кубани из города Ачюева трое турокъ да татар три ж члвка да они же де привезли полоняника русского члвка на окупъ.

И по приказу думного дворянина і воевод Степана Богдановича Ловчикова с товарыщи тот руской члвкъ для разпросу взят у них в приказную полату.

А в разпросе сказался резанского уѣзу ростиславского стану помѣщикъ Андрѣянов зовут Григорьев снъ Позняков в прошлом де 206-м году по указу великого Гсдря цря і великого кнзя Петра Алексѣевича всеа Великии і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержца был онъ Андрѣянъ по наряду на его великаго Гсдря службе на Миусе в полку боярина і воевод Алексѣя Петровича Салтыкова с товарыщи і в том же году боярин і воевода Алексѣй Петрович Салтыков с Миуса резанские полки один в город Павловской думному дворянину і воеводе Ивану Ивановичу Щепину і в том городе был онъ Андрѣян да с ним родственник ево Дмитрей Иванов снъ Позняков и иные служилые люди члвкъ з двѣ¹⁾ ъздили на Миус рѣку для дронъ (л. 7) і сѣна і в то де время на Миусе напали на них крымских татар на конех члвкъ с тысячю и с тѣми татары они бились ево Андреяна ранили в дву мѣстѣх на левом плече из лука да ниже локтя порублен саблею и дватцать члвкъ в том числѣ и ево Андрѣяна взяли в полонъ а иных члвкъ з дватцать в томъ бою побито і взяв привезли их в Крым и меж собою их полоняников роздуванили онъ Андрѣянъ достался татарину а как зовут не упомнит а сказывался онъ тому татарину члвком боярскимъ и тот де татарин продал ево армянину Шаварлову взял сто агланов и с того времени жил все у того армянина работал всякую работу был скованъ а в иные времена работал и роскованой tolko de к ночи клал на него желѣза по двои на шею чепь и приковывал к арбѣ а товарышей ево и родственника посль дувану розвезли в рознь а иных продавали на катоги да и ево было Андрѣяна он армянинъ хотѣл продат на катогу ж и он де Андрѣянъ не похотя быть в вѣчной погибели сушил ему армянину за себя окупу сто дватцать рублей и чтоб ево вывез для того

¹⁾ Край страницы оторванъ.

окупу в Русь и тому де ние месца з два и болши тот армянин в городе Каеъ отдал ево Андрѣяна затю своему армянину ж Кочетырю и онъ Кочетыръ с товары своими на одной арбе взяв ево Андреяна скованова с собою для откупу да с ними было два члвка проводников татар ис Каѣы (л. 8) ъхали до Керчи сухим путем а іс Керчи переъхали через взморье на кубанскую сторону к Тамани в тимѣ по руски что будара бес кровли ис Тамани сухим путем до Темрюка от Темрюка до Ачюева і из Ачюева с ними поѣхали до Азова вышеписанные турки и татары с товары ж для торгового промыслу ъхали десять дней и приѣхали к Азову к Полцатам а какъ де онъ Андрѣян был в Крыме в Каеъ и перед сырною неделю зимним временем хан крымской и керченской Муртаза паша и кубанской султанъ с татары собрався пошли войною на бѣлогорецкую арду для того что де они белогорецкая арда султану турскому дани платить не похотѣли и тое де белогорецкую арду хотѣли они для жития загнать х Крыму tolko де что у них учинилось подлинної вѣдомости нет і в Крым і в Керчю никто не бывали а иных де вѣдомостей никаких он Андрѣян не вѣдает и ни от кого не слыхал.

[Здѣсь конецъ помѣты, начало которой на л. 7 об.] К сему допросу Ивашка Ильин вместо Андрѣяна Григорьева сна Познекова по ево велѣнию руку приложил.

Да онъ Андрѣянъ спрашиванъ какъ онъ ис Кѣы ъхал с армянином Кочетырем до Черчи (sic) сухим путем и по Кубанской сторонѣ і в поместех в степи или к морю нет ли гдѣ вновь построенных городков и іных каких крепостей.

И онъ Андреянъ сказал кромѣ де старых крымских городков вновь построенных городков же и іных крепостей от Кѣы городка до Керчи нигде нет і в степи и ко взморью и на кубанской сторонѣ онъ не видал и ни от кого про то чтоб гдѣ вновь крымские и кубанские люди городки или иные крепости от Кѣы х Керче и за Керчею и по взморью и по кубанской сторонѣ строили онъ Андрѣянъ не слыхал.

(л. 10) 1701 г. апрѣля въ 7 де. в Азовѣ в приказную полату полковника Иванова полку Старкова салдат Петр Иванов привел незнаемого члвка а сказалъ стоит де он на карауле у Полцатныхъ ворот что за казачью слободою и тот члвкъ пришед к тѣм Полцатным воротам сказался выходецъ с Кубани не из моровых мѣсть.

И по приказу думного дворянина і воевод Степана Богдановича Ловчикова с товарыщи тот члвкъ в приказную полату принят и роспрашиван.

А в роспросе сказался владѣтельства *de он* куроирста єонъ Беренна города Звизесь (посадского) торгового члвка сынъ Готливомъ зовут Веберь и (іс той землї) служил *de онъ* цѣсарю христианскому 7 лѣтъ и был у запасов (i) раздавал служилым ево цесаревым людем и тому де одиннадцатой год (въ 1691-м году) был он на цесарской службе на Семи Буграх что словет Зибен Бирген приходилі под город Липовой нагайские татары и ево Готлива с товарыщи 15 ч. взялі в полон и отвезли на Кубань и меж себя разделилі ево Готлива взял на...¹⁾) (л. 11)... айской татаринъ Аманъ Гилдейкин и с того времени жил он у того татарина скован работаль всякую черную работу и тому четвертой

¹⁾ Низъ листа оторванъ.

день взял ево тот татарин с собою на реку Акван Челбан и ловили рыбу два дни а на третей *де* день взяв он татагрскую лошадь ночью от того татарина какъ он лег спать (он) уѣхал в степь і ъехалъ до Азова сутки (и при дороге наѣхал) калмыка (ловит) ъздить для (звериной ловлі и тот калмыкъ) по скаске новокрещеного калмыка которой ушел іс под Азова и живет на Кубани а приѣхав к Азову явился на карауле и караулщики де взяв ево привезли в приказную полату а не доѣхавъ до Азова хотели ево поимать торговые турки и (он де) ево де отбилі у тѣхъ турокъ караулщики а вѣдомостей де никаких он не вѣдаетъ і ни от кого не слыхал.

Вышеписанные рѣчи с немецкого языка на руской переводил прaporщикъ Вилем Бранть.

(л. 12) 1701 г. апрѣля въ 11 де. (в Азове) у Азова явились торговые турки Амза с товарыщи три члвка а с собою привезли руского неволника на розмѣну илі на окупъ.

(И тот руской неволникъ у них взять в Азов в приказную полату) и по приказу думного дворянина і воевод Степана Богдановича Ловчикова с товарици *тотъ неволникъ взят в приказную полату и распрашиван* (роспрашиван).

А в роспросе сказался астраханецъ посацкой члвкъ Ѹедко зовут Павловъ сынъ прозвище Мамоновъ тому де пятой год был он с товарыщи члвкъ с сорокъ на соленом озере Корбулате на работе в наймах для ламатъя солі (про обиход великого Гсдря) *которую соль готовили в заборъ великого Гдри* и на том де озере напали на них кубанские нагайские татары на лошадях члвкъ со сто и они де с тѣми татары бились и тѣ татары из них 2-х члвкъ ранилі (и тритцать члвкъ) і ево Ѹедку с товарыщи 30 ч. взялі в полон а десять члвкъ ушли і взяв их повезли на Кубань і дорогою меж себя разделілі ево Ѹедку взял нагайской татарин а какъ зовут не упомнит и у того татарина жил он скован в кандалах і в чепи мсца...¹⁾ работал всякою чернью работу (л. 13) и тот татарин продал ево (в Алга) в Малахаев улус турченину Амзе взял за него сорокъ рублей и у того турчанина жил он и по се время скован же работал всякою чернью работу и тому четвертой день тот турчанин с товарыщи с Кубани привез ево на розмѣну илі на окуп в Азов (и привезши к Азову отдал за окуп взял за него сорок рублей а вѣдомостей *де* никаких он не вѣдает и ни от кого не слыхал для того что татарскаго их языка не знает.

(л. 14) 1700 г. мая въ 7 де. в Азовъ в приказную полату полковника Максимова полку Гурина сержантъ Степанъ Воронов привез незнаемаго члвка а сказал стоит де онъ на карауле в Сергиеве и Никонове городѣхъ и сего де числа ъехалъ тот члвкъ от Азова вверхъ рѣкою Доном в лотке один и как будет против тѣхъ городов и они того члвка окликалі кто ъдетъ і велѣли ему для досмотру проѣзжего писма пристать к берегу и тот члвкъ какова чину имъ не сказался и к берегу не пристал а поѣхал мимо тѣхъ городов на убѣгъ и онъ де сержантъ с салдаты шесть члвкъ сѣдчи в лотку и настигши того члвка стали имать и тот де члвкъ почал было от них отбиватца tolko де оні поимав ево привезлі к столнику и подполковнику кнзю Андрѣю

¹⁾ Низъ страницы оторванъ.

Бигилдѣеву и он же кизь Андреѣ того члвка велѣл им отвесть в Азов в приказную полату.

И тот члвкъ в приказную полату принят и роспрашиван.

А в роспросе сказался бывал города Елца боярина кнзя Ивана Алексѣевича Воротынского села Ржавца крестьянинъ Антошко зовут Павлов и тому де лѣт с сорокъ іс того села сошел онъ на Донъ и на Дону жил в казачьих городках переходя в бурлаках лѣть с двадцать а лѣт же со двадцатью пришел он в Манискую станицу и женился и той станицы с казаками служил великому Гсдрю и нне де жена ево и дѣти живуть в той Маниской станице а он де Антошка тому года с четыре покиня жену свою и дѣтей ис той Маниской станицы сошел и жил в Черкасском і в Азовѣ кормился Христовым именем...¹⁾.

(л. 14 оя) К сему приводу полку полковника Максима Мартынов Гурина салдат Микешко Долговъ вмѣсто того ж полку сержанта Степана Воронова по ево велѣнию руку приложил.

VIII.

1701.

(Л. 6²⁾) 1701 г. Сентября въ 28 де в Азове в приказную полату пришед капитан Никифор Ростопчин которой стоит на карауле у торговых турок а сказал вышеписанного числа конной службы Николаева полку Васильева Матвѣй Сергеев с товарыщи 10 ч. ъздили около Азова в разъездъ для осмотру непріятельских людей (і за рѣчкою) и к городку казачью гдѣ³⁾ (л. 6 об.) они стоять приѣхали к ним три члвка и сказалис выходцы с Кубани не из моровых мѣстъ и по приказу думного дворянини і воевод Степана Богдановича Ловчикова с товарыщи тѣ три члвка (в приказную полату приня) за Полцатными вороты что за казачью слободою роспрашиваны порознь.

А в роспросѣхъ:

(л. 6) Одинъ сказался танбовецъ великого Гсдря дворцовой Ивановской волости крестьянской сынъ Автамошко зовутъ Пименов і тому де лѣть с двадцатью (сошел) после смерти отца своего сошел онъ на Дон и на Дону в Хоперских станицахъ жил 10 лѣть кормился рабою своею а десять лѣть служил великому Гсдрю с донскими казаками (и тому) де і в прошлом 203-м году был он на службе великого Гсдря под Азовым и на бою и на приступех былъ и на томъ бою шурина ево донского жъ казака Осташку Иванова татары коі (были) сидѣли ранили камнемъ в лѣвую руку и онъ того шурина своею раненаго отвез в Черкасской а ис Черкасского поѣхал было под Азов на бои по прежнему и на дороге меж Косоги и Аксая напало на него кубанских татар 15 члвкъ (і взял ево) и с тѣмъ татары они билис и тѣ татары взяв ево в полонъ отвезли в кошь и быв под Азовым с идлю отвезли члвкъ с пять на Кубань (і на) и дорогою меж себя розделили онъ Автомошка достался мурзѣ Ивану а тот Мурза Иванъ продал ево татарину Тугуску взял за него 40 тарелей да два червоныхъ золотыхъ и тот тата-

1) Конецъ оторванъ.

2) Лл. 1—5 этой связки заняты дѣлами совершенно иного рода (о сборѣ моя азовскими полками) и потому здѣсь не печатаются.

3) Фраза кончается припискою на л. 6 об.

ринъ отвез ево на Кубань и с того времени жил онъ у того татарина скован работалъ всякую черную работу а тому 7 год тот татарин же лѣза с него снял и тому четвертой день зговорясь онъ с товарыщем своим которой жил с ним в одном улусе у Кубанского ж тата (Л. 7) рина Таза взяв татарских 4-х лошадей у(шли) ъхали и приѣхав близко Азова к городку гдѣ стоят казаки явились и тѣ казаки взяв их привезли к Полцатным воротам и отдали за караул а какъ де он Автанашка был на Кубани и Кубанские де татары иищеним лѣтом ходили войною на горских черкес и у черкѣсь полонянников и скоту побрали многое число (а иных де) а на Кубани де морового повѣтрия и никаких язвъ і в тѣх мѣстах гдѣ он жил иѣть только де обноситца на Кубани что за Темрюком і в Темрюке на татар моровое повѣtrie а иных де вѣдомостей онъ Автанашка не вѣдает и ни от кого не слыхал. Другой сказался родом полякъ города Krakova мещанскої сынъ Івашкомъ зовут а (чей сын) как отца ево звали того непомнит только помнит прозванием Krakовскии и тому де три года посыпал их члвкъ съ З король полской в помочь от неприятелских людей в Волохи к городу Шацеве і в то время под тот город приходили Белогороцкой орды татар нѣсколко члвкъ и под тѣм городом ево Івашку с товарыщи 5 члвкъ взяли в полон и отвезли в город Кермен и продали в нагаі татарину Таз и с того времени жил он у того татарина скован работал всякую черную работу и уходил у него росковався трижды и тот татарин ево настигал и ковал по прежнему і тому четвертой день росковав желѣза он зговорясь с товарищем своим которой с ним вышел с Автамошкою ушелъ (Л. 8) а какъ онъ был на Кубани слышал от кубанских татар в разговорахъ что салтанъ де турецкой на весну хочет ити под Азов воиною а морового де повѣтрия в тѣх мѣстах гдѣ он был иѣть и ни в которых мѣстах не слыхал.

Третей сказал владѣтельства короля полскаго города Чорторыя мещанскої сынъ Гришкою зовут Игнатов и тому лѣтъ з двадцат ъздили он іс того города на Мельнику деревицу для молотья ржи і смолов муки поѣхал было в тот город попрежнему и не доѣзжая того города на дороге напало на него кубанских татар Абургу ага с товарыщи члвкъ со сто и отвезли в нагаі в нагаях взяль ево татаринъ Кукоико и с того времени жил он у того татарина работал всякую черную работу 5 лѣт скован а 15 лѣтъ не скован и тому пя той день ночью у того татарина взял лошад поѣхал (к Азову) в Русь и приѣхавъ к Азову (яв) к Полцатным воротам что у виноградного саду явился на карауле и караулщики взяв ево отвели около Полцат и привели к полцатным воротам что за казачьем слободкою а какъ де он был на Кубани и иищеною зимою слышал от кубанских татар что у Великого Гсдря с салтном турецким (мир) состоялся мир и тому они кубанские татары раздуютца.

(Л. 8 об.) [Другимъ почеркомъ] 1701 г. Роспросные рѣчи выходцовъ с Кубани танбовца Ивановской волости крестьянина Автамошки Пименова да дву члвкъ поляковъ.

(л. 11¹). Лѣта 1701 г. августа въ 7 де по указу Великого Гсдря отпущенъ із Азова к Москве столнику Иванов члвкъ Владычкина Оска

¹⁾ Лл. 9 и 10 не имѣютъ отношенія къ Крыму и Кубани. Точно также и по слѣдніе листы связки (Лл. 12—16).

Абрамов снъ Вялой которой вышел іс полону с Кубани (Оска Абрамов снъ Вялой) и от Азова по казачьим донскимъ городком атаманом и казаком пропущать ево Оску без задержанія а по городом столни-комъ і воеводамъ и приказным людемъ о пропуске ево Оски чинить по указу Великого Гслря. К сей проѣзжей думной дворянинъ і воево-да и намѣстникъ Муромской Степанъ Богдановичъ Ловчиков печать свою приложилъ. [Другимъ черниломъ и почеркомъ] Припись дьяка Дмитрея Шалкина.

Предварительный отчетъ о находкахъ слѣдовъ каменнаго вѣка на Яйлѣ и на Южномъ Берегу Крыма.

Найдки на Яйлѣ стоянокъ каменнаго вѣка К. С. Мережковскаго, Н. Н. Клепинина и Н. И. Дубровскаго побудили меня заняться изслѣдованиемъ Яйлѣ, съ цѣлью подробно познакомиться съ жизнью доисторического человѣка на вершинахъ горъ. Это обслѣдованіе происходило въ 1916, 1917 и 1918 гг. Результатомъ обслѣдованія явилась карта, на которой отмѣчено уже 24 пункта, где были найдены болѣе или менѣе значительные слѣды жизни первобытнаго человѣка, при чёмъ 17 пунктовъ являются вновь найденными. На картѣ отмѣчались не только типичныя стоянки, где можно было собрать обильный матеріалъ, но и мѣста, где предметы каменнаго вѣка находились въ ограниченномъ количествѣ. При этомъ, конечно, принимался въ соображеніе какъ характеръ найденныхъ предметовъ, такъ и условія мѣстонахожденія. Такимъ образомъ исключается возможность занесенія ихъ сюда современными пастухами. Такое детальное нанесеніе на карту, несомнѣнно, принесетъ пользу будущимъ изслѣдователямъ.

Небольшое количество кремневыхъ орудій и обломковъ кремня было найдено на Яйлѣ надъ усадьбой Ласпи, около источника въ лѣсу.

Очень большая стоянка была найдена около источника Адъ-Башъ (Бешъ-Текне). Она расположена у горнаго прохода надъ дер. Лименами. При обслѣдованіи были заложены траншеи, и всюду подъ слоемъ дерна въ изобилии попадались обломки кремней, ножи, скребки, ядра, отбойники и обломки горшковъ изъ слабо обожженной глины.

У фермы кн. Юсупова при прокладкѣ водопровода рабочие наткнулись на кремни, при чёмъ, по ихъ словамъ, кремней собрали небольшой мѣшочекъ. Въ отвалахъ земли я также собралъ кремни и нѣсколько орудій.

Къ западу отъ Бедене-Кыра, въ мѣстности Баинъ-Кошъ, на распаханномъ полѣ площадью съ десятину или болѣе, въ огромномъ количествѣ были разбросаны кремни. За три года сборовъ здѣсь подобрано мной до 14-ти тысячъ обломковъ, штукъ 50 ядеръ, нѣсколько тысячъ ножей и цѣлый рядъ интересныхъ скребковъ, пилокъ, стрѣль, копій, шиль; одинъ полированный сосудикъ изъ сланца, напоминающій по формѣ греческій свѣтильникъ. Кромѣ того, найдено здѣсь одно орудіе въ 10 с. длиной въ видѣ лавроваго листа, заостренное съ двухъ сторонъ и тщательно обработанное. Благодаря вспашкѣ можно было обслѣдовать въ цѣломъ всю стоянку и собрать значительный материалъ. Въ оврагѣ ниже Баинъ-Коша источникъ.

Къ востоку отъ Бедене-Кыра, въ мѣстности Али-Паша, въ размывахъ найдено ядро, обломки ножей и куски кремня.

Въ одной верстѣ отъ скалы Шишко по Бахчисарайскому шоссе попадаются ножи.

Около плотины Сикорского была значительная стоянка. Именно, здѣсь и нашелъ Н. И. Дубровскій до одной тысячи обломковъ и орудія. К. Ф. Левандовскій подарилъ мнѣ отсюда же нѣсколько стрѣлокъ прекрасной работы. Яила отъ Адѣ-Баша (подъ Лименами) до г. Шишко отличается значительной шириной и присутствіемъ хорошихъ луговинъ.

Далѣе къ востоку Яила суживается, достигая нѣсколькихъ десятковъ саженей ширины надъ Учь-Кошемъ. Въ этой части Яилы по Узень-Башской тропѣ, надъ источникомъ Бешь-Текне, среди размывовъ почвы попадаются кусочки кремня. Здѣсь найдено ядро, два скребка и ножи. Ножи изрѣдка встрѣчаются и неподалеку отсюда, у озера Япрахъ-Коль.

Нѣсколько орудій и значительное количество обломковъ кремня было собрано у Джунынъ-Богаза (надъ Ай-Василемъ), гдѣ имѣется источникъ, а на самой Яилѣ озерцо.

О нахожденіи кремневыхъ орудій надъ Учь-Кошемъ, на Гурзуфскомъ сѣдлѣ и къ западу отъ небольшого озера Сары-Голь на Бабуганѣ упоминается г. Клеопининъ. (Находки орудій каменнаго вѣка въ Крыму. Изв. Таврич. Ученой Архивн. Комиссіи № 54).

Эти мѣста были осмотрѣны мною, и собранъ небольшой материалъ.

На Чатыръ-Дагѣ мѣстонахожденіе кремневыхъ орудій находится у западнаго склона этой горы, у Домчи-Кая, надъ пересыхающимъ источникомъ. Здѣсь попадаются очень часто

мелкія орудія. По словамъ чабановъ, здѣсь они когда-то со-бирали много кремня.

При раскопкахъ пещеры къ Западу отъ Бинъ-Башъ-Хоба, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, подъ слоемъ дерна и слоя съ облом-ками современныхъ черепковъ, было найдено костяное шиль-це и кремневый скребокъ. К. С. Мережковскій раскопалъ пеще-ру Бинъ-Башъ-Хоба и пещеру около Суукъ-Хоба и нашель здѣсь несомнѣнныя слѣды доисторического человѣка.

На Демерджи кремневыя орудія были найдены въ неболь-шомъ количествѣ (трапециевидные скребочки) у озера Аганъ-Коль и на днѣ ущелья между Демерджи и Терке, около ис-точника Курлюкъ-Баша.

Чрезвычайно интересныя данныя были получены на Ка-раби Яйлѣ.

Кромѣ незначительного мѣстонахожденія типичныхъ крем-невыхъ орудій и обломковъ кремня на С.-В. краѣ Яйлы, меж-ду пещерой Аджи-Хоба и нѣмецкой колоніей, на западномъ отрогѣ Яйлы, была найдена большая стоянка. Въ этой части Караби-Яйлы находятся обширныя луговины, съ прекрасной травяной растительностью. Слоны оврага, отдѣляющаго Ка-раби-Яйлу отъ Орта-Сырта, поросли орѣшникомъ. Орѣхи и те-перь привлекаютъ вниманіе жителей окрестныхъ деревень, и они осенью пріѣзжаютъ сюда собирать ихъ. Достаточно было снять слой дерна въ три аршина длиной и полтора аршина шириной, чтобы найти тысячу кусковъ кремня, два десятка скребковъ, ножей, ядра и т. д. Несомнѣнно, что раскопки здѣсь дадутъ очень обильный материалъ. Самая пещера Аджи-Хоба была обитаема въ доисторическія времена. При раскоп-кахъ ея, подъ слоемъ дерна, слоя съ современными остатками, на глубинѣ полутора аршина былъ найденъ кремневый ножъ, обломки горшковъ изъ слабо обожженной глины. Вблизи нѣ-мецкой колоніи имѣются двѣ пещеры, которая жители коло-ниі называютъ пещерой Маматлы. При раскопкахъ ихъ, въ одной — на глубинѣ одного аршина въ слоѣ известковаго туфа были найдены сильно истлѣвшія раздробленныя кости. Весьма вѣроятно, что они были раздроблены доисторическимъ чело-вѣкомъ. Нѣсколько кремневыхъ орудій (ножи и скребки) и обломки кремня были найдены около источника Су-Ать, ниже Кара-Тау.

Долгоруковская Яйла является историческимъ мѣстомъ въ отношеніи изученія каменного вѣка въ Крыму, т. к. на ея от-рогахъ, около дер. Кизиль-Хоба, К. С. Мережковскій раскопалъ

стоянку, которую назвалъ „фабрикой кремневыхъ орудій“, а С. И. Забинъ изслѣдовалъ пещеру Кизиль-Хоба и нашелъ чрезвычайно интересные слѣды пещерного обитанія ся доисторическимъ человѣкомъ. Эта мѣстность необыкновенно удобна для обитанія. Она защищена отъ вѣтровъ, обращена на югъ, хорошо орошаются. Мною на Долгоруковской Яилѣ сдѣланы небольшія находки орудій около Вейратъ-Чокрака и около озера Саботканы.

Таковы слѣды каменного вѣка на Яилѣ. Почти у всѣхъ водоставовъ, родниковъ, значительныхъ горныхъ проходовъ и хорошихъ луговинъ находятся слѣды дѣятельности доисторического человѣка, болѣе или менѣе значительные.

Изъ всѣхъ мѣсть, перечисленныхъ выше, мѣстонахожденія у Адъ-Баша (надъ Лименами), у фермы Юсупова, Байнъ-Коша (къ западу отъ Бедене-Кыра), плотины Сикорского (Шишко), у Гурзуфскаго сѣла, въ пещерѣ къ западу отъ Бинъ-Башъ-Хоба, между Аджи-Хоба и нѣмецкой колоніей (Караби-Яила), у Кизиль Хоба (на Долгоруковской Яилѣ)---можно смѣло назвать стоянками доисторического человѣка, т. к. здѣсь предметы каменного вѣка находятся въ изобилии. Что касается остальныхъ мѣсть, то можно предполагать, что при детальныхъ раскопкахъ здѣсь будетъ найдено значительное число предметовъ; по крайней мѣрѣ условія мѣстности очень благопріятны для стоянокъ.

Не имѣя въ настоящее время возможности точно описать и классифицировать собранный материалъ, ограничусь лишь краткимъ его описаніемъ.

Ядра имѣютъ коническую форму отъ трехъ до восьми сантиметровъ длины. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ очень правильную форму. Отбойниками часто служили ядра, на что указываетъ характерная сбитость звѣздочками острого конца ядра. Одинъ отбойникъ найденъ четырехъ-угольной формы (8 ст. длины, 5 ст. ширины, $2\frac{1}{2}$ ст. толщины), съ характерной отбивкой по одному краю. Нѣкоторые отбойники представляютъ куски кремня полуovalной формы. Къ отбойникамъ нужно, вѣроятно, отнести три орудія, найденные около Адъ-Баша. Они имѣютъ грушевидную форму. Расширенный конецъ служилъ для ударовъ, а суженная часть для вставленія въ ручку.

Самый обширный типъ орудій---призматические ножи, трехъ или четырехъ-гранные, достигающіе 10 ст. длины и до 2-хъ ст. ширины. Они находятся всюду и въ огромномъ количествѣ (до

нѣсколькихъ тысячъ). Среди ножей попадаются крошки, достигающія нѣсколькихъ миллиметровъ ширины. Бока ножей очень часто имѣютъ болѣе или менѣе тонкую ретушь. Иногда имѣютъ съ боку одно или нѣсколько углубленій: въ послѣднемъ случаѣ они служили въ качествѣ пилокъ.

Другой значительный и разнообразный классъ орудій, найденный на Яйлѣ, это скребки. Они имѣютъ круглую форму, отъ $4\frac{1}{2}$ до 2 ст. въ диаметрѣ, съ обработкой по краю, и полуциркульную, съ обработкой по широкому краю. Нѣкоторые скребочки имѣютъ удлиненную форму; ихъ, вѣроятно, вставляли въ ручки. Къ скребкамъ нужно отнести и ножи, расширенная часть которыхъ покрыта ретушью.

Къ шильямъ, вѣроятно, нужно отнести призматическіе ножи, у которыхъ одинъ конецъ заостренъ обработкой. Было найдено весьма интересное шильце $2\frac{1}{2}$ ст. длиной, у которого одна половина заострена, а другая расширена (на стрѣлку не похожа). Были найдены орудія, представляющія комбинацію скребка и шила. Въ значительномъ количествѣ попадаются микролитическія орудія трапециевидной и полуовальной формы, въ $2\frac{1}{2}$ ст. длины, $1\frac{1}{2}$ ст. ширины и $\frac{1}{2}$ ст. толщины. Бока этихъ орудій тонко обработаны. Нѣкоторая изъ этихъ орудій отличаются удивительной миниатюрностью и тщательной обработкой. Они чрезвычайно напоминаютъ кремневыя орудія типа „тарденуазъ“.

Стрѣлки и копья необыкновенно тонкой работы. Въ коллекціи имѣются двѣ стрѣлы въ $2\frac{1}{2}$ ст. длины съ глубокой выемкой для вставленія. Кроме такихъ стрѣлъ найдены стрѣлы 4 ст. длины также прекрасной работы. Найдены наконечники копій, достигающіе 7-ми ст. длины. Здѣсь нужно указать на наше расхожденіе со взглядами К. С. Мережковскаго, который полагалъ, что въ Крыму, по крайней мѣрѣ въ его горной части, человѣкъ былъ настолько еще грубъ, что не зналъ болѣе тонкаго и правильнаго способа оббивать стрѣлы. Очень интересное орудіе было найдено около Байнъ-Коша — 10 ст. длины, въ видѣ лавроваго листа, плоское съ одной стороны и тщательно обработанное съ другой, концы заострены. Около Байнъ-Коша найденъ полированный сосудикъ изъ сланца, напоминающій греческій свѣтильникъ. Эта находка особенно интересна, такъ какъ К. С. Мережковскій, не найдя полированныхъ орудій въ Крыму, высказалъ предположеніе, не отсутствовала ли вообще здѣсь пора полированныхъ орудій. С. И. Забнинъ также нашелъ полированное орудіе (молоточекъ изъ песчани-

ка) въ пещерѣ Кизиль-Хоба. При раскопкахъ стоянокъ очень часто находились обломки горшковъ изъ слабо обожженої глины, а около Адъ-Баша и Бани-Коша плоскія гальки изъ песчаника и діабаза.

Найденные мною кремневыя орудія тождественны съ орудіями, найденными К. С. Мережковскимъ у дер. Кизиль-Хоба.

Въ связи съ обслѣдованіемъ Яйль были предприняты поиски слѣдовъ каменного вѣка на Южномъ Берегу Крыма. До настоящаго времени имѣлись скучные свѣдѣнія о находкѣ предметовъ, относящихся къ этой эпохѣ, въ этой части Крыма.

Лѣтомъ 1918 г. Е. И. Висніовская нашла около Ялты, надъ Ливадійской слободкой, на землѣ Никольскаго, трапеціевидный маленький скребочекъ (такіе скребочки очень часто попадаются на Яйль), обломокъ ножа и нѣсколько обломковъ кремня. Находки были сдѣланы у водоема. Вся мѣстность поросла кустарникомъ. Произвести раскопки пока не представлялось возможнымъ. Затѣмъ въ 1918 г. Д. И. Щербаковъ нашелъ два обломка ножиковъ надъ Профессорскимъ уголкомъ. По словамъ А. И. Маркевича, гдѣ-то подъ Кастелью профессоръ Головкинскій нашелъ стоянку доисторического человека.

Просматривая коллекціи Ай-Тодорскаго музея, я нашелъ три кремневыхъ орудія. Къ сожалѣнію, нѣтъ точного указанія, гдѣ именно они были найдены.

Кое-какія находки были сдѣланы мною около Кикененза надъ Бюкъ-Исаромъ, около источника Чехыль-Чокракъ.

Въ виду того, что область отъ Алушты до Симеиза застроена и воздѣлана, я для исслѣдованія направился въ пустынную часть Южнаго Берега Крыма, именно въ Ласпинскую бухту съ древнихъ временъ славилась обиліемъ рыбы и какъ удобная бухта для судовъ. Она обращена на югъ, защищена отъ вѣтровъ и необыкновенно живописна. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить остатки построекъ, свидѣтельствующихъ о древнихъ поселеніяхъ. При осмотрѣ береговой полосы Ласпинской бухты, въ откосахъ дороги, идущей отъ берега мимо кордона и временнай гостиницы, мною были замѣчены въ трехъ мѣстахъ на глубинѣ полуаршина пласти мидій и устрицъ. Весь береговой склонъ густо поросъ можжевельникомъ. Берегъ образованъ глыбовымъ наносомъ. Глыбы известняка въ морѣ образуютъ массу ходовъ, дающихъ пріютъ рыбамъ и крабамъ, а сами камни густо поросли водорослями, мидіями и пателлами. На размывахъ берегового склона было найдено

нѣсколько десятковъ обломковъ кремней и среди нихъ три характерныхъ орудія (ножи). Были заложены траншеи въ слояхъ съ мидіями. Первая траншея была заложена у дороги, ниже временной гостиницы. Она имѣла 1 саж. 1 арш. длины и 2 арш. ширины. До глубины полу-аршина шель слой земли съ глыбами известняка, ниже отъ полу-аршина до одного аршина шель сплошной пластъ, состоящій исключительно изъ створокъ мидій, устрицъ и изрѣдка раковинъ пателлъ. Преобладали мидіи. Кромѣ раковинъ, попадались обломки кремня. Изъ орудій здѣсь была найдена маленькая типичная неолитическая стрѣлка и еще одно орудіе неопределенного назначения. Кроме того были найдены обломки глиняныхъ горшковъ съ весьма характернымъ рисункомъ, состоящимъ изъ трехъ параллельныхъ зигзагообразныхъ линій, украшенныхъ точечнымъ рисункомъ. Слѣдующая траншея была заложена надъ самымъ морскимъ берегомъ. На глубинѣ одного аршина попадались обломки кремня, обломки глиняныхъ горшковъ изъ слабо-обожженной глины, устрицы, мидіи, пателлы. Осмотръ мѣстности показалъ, что площадь стоянки была довольно значительная, а поэтому раскопки въ широкомъ масштабѣ вознаградятъ изслѣдователя.

Найденные здѣсь орудія тождественны съ орудіями, находимыми на Яилѣ.

Въ очень небольшомъ количествѣ кремни и одинъ обломокъ ножа съ ретушью были найдены въ Бати Лиманѣ.

Къ Западу отъ им. Форосъ, на береговомъ обрывѣ, также были найдены обломки кремня, нѣсколько орудій, створки мидій, устрицы и пателлы. Наконецъ, то же было найдено въ береговыхъ обрывахъ къ Востоку отъ Фороса, не доходя Мшатки, у дороги изъ имѣнія Кикенеизъ и Кучукъ-Кой. Въ этихъ мѣстахъ пока раскопки не были произведены, а поэтому нельзя судить о характерѣ этихъ мѣстонахожденій.

ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

Въ 50 и 51 №№ Извѣстій Таврической Ученой Архивной Комиссіи мною уже были сдѣланы сообщенія о керамическихъ надписяхъ, отпечатанныхъ на амфорныхъ ручкахъ и че-репицахъ, найденныхъ въ Евпаторіи.

Въ 1917 году мнѣ удалось найти здѣсь еще одинъ экзем-пляр амфорной ручки, сработанной изъ глины крупнаго зерна.

На ручкѣ отчетливо можно видѣть штемпель съ надписью:

ΛΛΩΝІо ('Аπο)λλογіо(?)
ΓΝοМоУ (ἀστ)υνόμо

Недостающія три буквы въ имени астинома я дополняю (въ надписи) буквами 'Ап'. что даетъ имя -- 'Аπολλογіо'. По расположению въ штемпель онъ какъ разъ придется надъ буквами ἀστ..., которые легко пополняются.

Изъ встрѣчающихся на черноморскихъ ручкахъ именъ это наиболѣе подходящее. Это имя м. пр. читается въ сообщенії Э. Р. фонъ-Штерна въ Зап. Од. Общ. ХХII. Проток. стр. 114, гдѣ оно также принадлежитъ астиному.

В. Штифтарь.

И. И. Козловъ — переводчикъ Мицкевича.

(„Sonety krymskie“ Мицкевича въ переводе И. И. Козлова).

„Крымские сонеты“ Мицкевича стали появляться въ переводе И. И. Козлова съ 1828 г. въ различныхъ журналахъ и альманахъ того времени („Московский Телеграфъ“, „Альманахъ Сѣверныхъ Музъ“, „Славянинъ“). Въ 1829 г., они вышли отдельнымъ изданіемъ. Впослѣдствіи „Крымские сонеты“ переводились и другими русскими поэтами¹⁾), но переводъ Козлова принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ и распространенныхъ. Задача настоящей статьи — ознакомление съ манерой козловскаго перевода и опредѣленіе его художественныхъ качествъ. Каждый сонетъ разсматривается особо. Пользуюсь изданіемъ сочиненій Козлова подъ редакціей А. И. Введенскаго (Спб., 1892), въ которомъ текстъ сонетовъ свѣренъ съ изданіемъ 1829 г. Текстъ Мицкевича приводится по изданію „Poezje A. Mickiewicza. Nowe wydanie z życiopisem autora skreslonym przez Piotra Chmielowskiego. 4 t. t. Warszawa. 1900. Сонеты помѣщены въ 1-мъ томѣ этого изданія (стр. 199 — 210).

I. Stepi Akmerańskie — Аккерманскія степи.

Переводъ удерживаетъ форму сонета. Размѣръ шестистопный ямбъ.

Строфа 1-я сонета:

„Wpłynąłem na suchego przestwor oceanu.

Woz nurza się w zieloność i jak łodka bodzi,

¹⁾ Ср., напримѣръ, „Крымские сонеты А. Мицкевича“. Переводъ Н. Луговскаго. Одесса, 1858. Это переводъ въ общемъ недурной и довольно близкій къ подлиннику. Значительно хуже переводъ Л. Медвѣдева (Москва, 1892, изд. „Русской Мысли“). То же нужно сказать и относительно перевода сонетовъ, помѣщенного въ собраниіи сочиненій Мицкевича въ переводе русскихъ авторовъ подъ редакціей Н. Полевого. М., 1892, изданіе Вольфа.

środ fal i łak szumiących, środ kwiatow powodzi
Omijam korałowe ostrowy burzanu“¹).

переведена Козловымъ такъ:

„Въ пространствѣ я плыву сухого океана;
Ныряя въ зелени, тону въ ея волнахъ;
Среди шумящихъ нивъ я зыблюся въ цвѣтахъ,
Минуя бережно багровый кустъ бурьяна“.

Первая строка перевода неточно воспроизводить смыслъ оригинала. „Wpływem“ — вплылъ — переводится при помощи глагола наст. вр. *плыву*, обозначающаго длительность дѣйствія. Моментъ, т. ск., переходности, очень замѣтный въ этой строкѣ, не переданъ переводчикомъ. Во второй строкѣ конкретный образъ нырянія воза въ степи также не переданъ Козловымъ: ныряеть среди шумящихъ нивъ самъ путникъ. Четкость и определенность образа переводчикомъ иѣсколько затемнена. Въ строкѣ четвертой выраженіе оригинала „korałowe ostrowy burzanu“ и его переводъ „багровый кустъ бурьяна“ и художественно и по сути не адекватны.

Вторая строфа почти точно передаетъ подлинникъ (подъ точностью разумѣю соотвѣтствіе, конечно, не абсолютное, смыслу и художественнымъ средствамъ выраженія оригинала). Лишь во второй строкѣ переводъ значительно уступаетъ оригиналу:

„Patrzę w niebo, gwiazd szukam, przewodniczek lodzi“

переведено Козловымъ мало удачно:

„Ищу моей ладьѣ вожатую въ звѣздахъ“.

Въ сграфѣ третьей фраза подлинника:

„Słyszę ciągnące żorawie,
Ktorychby nie dościęgły żrenice sokoła“

переведена довольно неловко:

„Далеко слышу я,

Какъ вьются журавли; въ нихъ соколь не взглядится“.

Въ четвертой строфе двумъ послѣднимъ строчкамъ оригинала:

„W takiej ciszy tak ucho natѣjam ciekawie,
Ze słyszałbym glos z Litwy — jedźmy! nikt nie woła“...

соответствуетъ такой переводъ:

„Жду голоса съ Литвы — туда мой слухъ проникнетъ...
Но ѿдемъ, — тихо все — никто меня не кликнетъ“.

Очевидно, что здѣсь Мицкевичъ имѣлъ въ виду лишь передать напряженность и остроту своего слуха: онъ такъ вни-

¹) Вслѣдствіе почти полного отсутствія въ типографскомъ шрифте буквы б (o pochylone) вмѣсто нея ставится обыкновенное о.

мательно прислушивается, что могъ бы услышать голосъ съ Литвы. Ясно, что переводъ не передаетъ смысла этой фразы. Въ концѣ стихотворенія краткое и энергичное „*Jedźmy! nikt nie woła*“... Козловымъ распространено на цѣлую строку, отчего эмоциональный оттѣнокъ фразы въ переводѣ оказался нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ оригиналѣ¹⁾.

II. Cisza morska — Морская тишина.

Въ переводѣ форма сонета не удержана. Стихотвореніе переведено безъ дѣленія на строфы шестистопнымъ ямбомъ. Первой строфѣ оригинала соответствуетъ 6 строкъ перевода, остальнымъ по четыре.

Первая строфа оригинала точно воспроизведена въ переводе, лишь съ нѣкоторымъ стилистическимъ распространениемъ.

Слѣдующая фраза второй строфы:

„*Okręt lekkim ruchem*“

Коѣysa się, jak gdyby przykuty lajciechom“ — переведена невѣрно:

„И, будто на цѣпяхъ, корабль не шевелится“.

У Мицкевича корабль колышется легкимъ колыханіемъ, у Козлова же онъ не шевелится вовсе.

Третья строфа также въ общемъ соответствуетъ подлиннику. Мало удачна лишь замѣна упоминающагося въ сонетѣ Мицкевича полипа неопределеннымъ „страшилищемъ“.

Въ четвертой строфѣ одной строкѣ оригинала въ переводе соответствуютъ двѣ.

У Мицкевича:

„*O myśl! w twojej głębi jest hydra pamiętek*“...

У Козлова:

„О мысль! и у тебя въ туманной глубинѣ

Есть гидра тайная живыхъ воспоминаний“.

Переводъ слѣдующихъ двухъ строкъ:

„*Co śpi w pośród zlych losów i namiętnej burzy,*

A gdy serce spokojne, zatapia w niem szpony“ —

нельзя считать удавшимся Козлову:

„Она, не въ мятежѣ страстей или страданій. —

Но жало острое вонзаетъ въ тишинѣ“²⁾.

¹⁾ Прекрасный переводъ этого сонета у А. Бунина. Ср. полное собр. соч., изд. А. Ф. Маркса т. I, Пгр., 1915, стр. 101—102

²⁾ Значительно ближе къ подлиннику и художественно выше переводъ этого стихотворенія, сдѣянный В. Луговскимъ. Послѣдняя строфа, напр., у него передана такъ:

III. Żegluga -- Плаваніе.

Форма сонета въ переводѣ опять не удержана. Стихотвореніе подѣлено на три строфы. Первой строфѣ оригинала соответствуетъ шесть строкъ перевода, второй — восемь, третьей и четвертой въ совокупности — двѣнадцать. Размѣръ стихотворенія четырехстопный ямбъ, своей живостью и торопливостью удачно передающій картину суетливаго движения, характерную для этого сонета Мицкевича. Переводъ нужно признать однимъ изъ очень удачныхъ и по его ритмической стройности и по образности стиля.

IV. Wurga -- Вуря.

Форма сонета не удержанна. Переводъ состоитъ изъ пяти строфъ по четыре строки въ каждой. Размѣръ — четырехстопный амфибрахій. Принятый, большей частью, въ балладахъ, онъ совершенно не подходитъ для той темы, на которую написано стихотвореніе. Тревожное, беспокойное настроение, характеризующее этотъ сонетъ Мицкевича, передано Козловымъ въ спокойныхъ, какъ будто плавно танцующихъ метрахъ, отчего получается впечатлѣніе рѣзкаго несоответствія между содержаниемъ стихотворенія и его формой.

Это несоответствіе бросается при сравненіи начальныхъ строкъ оригинала и подлинника. У Мицкевича въ первой же строфе въ энергичной, торопливой и напряженной формѣ рисуется разыгравшаяся буря. Для большей выразительности и экспрессіи онъ опускаетъ часто сказуемыя, фразы дѣлаетъ короткими. Никакого соотвѣтствія этимъ приемамъ подлинника у Козлова мы не находимъ. Четыре строки оригинала у него растягиваются на восемь, между тѣмъ впечатлѣніе отъ перевода гораздо слабѣе, чѣмъ отъ подлинника.

Вотъ первая строфа Мицкевича:

„*Zdarto żagle, ster prysnął, ryk wod, szum zawiei,
Głosy trwoźnej gromady, pomp złowieszcze jęki;
Ostatnie liny majtkom wyrwały się z ręki;
Żońce krwawo zachodzi, z niem reszta nadziei“.*

Козловъ такъ перенель эту строфу:

„*Корма затрещала, летять паруса,
Встревоженной хляби звучать голоса,*

„*О мыслы! Такъ и въ твоей гнѣздится глубинѣ
Та гидра памяти, что спить въ часть бурь душевныхъ,
Но въ мигъ спокойствія терзаетъ грудь она...*

И солнце затмилось надъ бездной морскою
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.
Громада, бунтуя, реветь и кипитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумитъ,
И стонъ раздается зловѣщихъ насосовъ,
И вырвались верви изъ рукъ у матросовъ¹⁾.

Строфы вторая и четвертая, если оставить въ сторонѣ
указанное уже несоответствіе метра, довольно близко передаютъ
оригиналъ. Впрочемъ, въ четвертой строфи „jeden pod-
go?nu“ переводится черезъ „младой иноземецъ“.

Въ третьей строфи строка:

„Ten w ob?ciu przyjacio? ,?egnajac si?e, pada“
переведена съ нарушеніемъ смысла:

„Иной полумертвый о другѣ тоскуетъ“.

V. Widok gor ze zt?row Koz?owa—Видъ горъ изъ степей Козловскихъ.

Форма сонета не удержана. Двумъ первымъ строфамъ, произносимымъ пилигримомъ, соответствуютъ двѣ строфы перевода — одна въ десять строкъ, другая въ четыре, причемъ соотвѣтствія строфъ въ оригиналѣ и въ переводѣ не находимъ. Первая строфа оригинала въ переводѣ заняла восемь строкъ, а вторая шесть, двумъ послѣднимъ строфамъ, произносимымъ мирзой, соответствуетъ одна строфа въ восемь полныхъ, одна неполная строка перевода. Первые двѣ строфы подлинника переданы четырехстопнымъ ямбомъ, двѣ послѣднія — шестистопнымъ.

Въ первой строкѣ сонета Мицкевича пилигримъ восклицаетъ:

„Tam!... czy Allach postawi? scian? morze lodu?“

Въ переводѣ Козлова имя Аллаха опущено, и пилигримъ просто спрашиваетъ:

„Кто поднялъ волны ледяныя?“

Нѣть у переводчика упоминанія и о дивахъ, фигурирующихъ у Мицкевича.

Во второй строфи сонета есть строка:

„Na szczytis? jak? ?una! po?ar Carogrod?u!“

Козловъ переводить ее такъ:

1) Эта строфа опять таки гораздо удачнѣе переведена у Луговскаго:

„Снять парусъ, сорванъ руль, плескъ брызговъ до небесъ,
Ревъ моря, вопль толпы, зловѣщій стонъ насосовъ,
Веревки вырвались изъ слабыхъ рукъ матросовъ;
Кроваво Фебъ зашелъ:—надеждамъ съ нимъ конецъ!“

„Что за луна! взгляни, громада
Пылаетъ, какъ пожаръ Царыграда!“

О какой громадѣ идетъ здѣсь рѣчь?

Въ той же строфѣ оригинала есть образное уподобленіе луны фонарю, который Аллахъ зажегъ среди небесъ, чтобы онъ освѣщалъ міры, плывущіе въ пространствѣ. Этотъ образъ у переводчика значительно потускнѣлъ: вмѣсто читаемаго въ подлинникѣ—

„Czy Allach, gdy noc chylat rozeiagnęła bury,
Dla światow, żeglujących po morzu natury,
Tę latarnię zawiesił środ niebies obwodu?“

У Козлова находимъ:

„Иль для міровъ, во тьмѣ ночной
Плытушихъ по морю природы,
Самъ Алла мощною рукой
Такъ озарилъ небесны своды?“

На недоумѣніи вопросы пилигрима отвѣтаетъ мирза. Первые его слова у Мицкевича — „Там? Вѣlem.“ (словомъ tam начинается въ оригиналѣ и рѣчь пилигрима). Въ переводѣ не выражено такъ ярко, какъ въ подлинникѣ, что слова мирзы являются отвѣтомъ на вопросы пилигрима. Переводѣ сдѣланъ довольно свободно, съ допущеніемъ перестановки строкъ.

Послѣднія три строки подлинника переведены Козловымъ совершенно неудачно.

У Мицкевича читаемъ:

„Aż tam, gdzie nad moj turban była tylko gwiazda: To Czatyrdah!
Pielgrzymu.
Aa!!.“

Соответствующее мѣсто у Козлова:

„И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ
Одна уже звѣзда,—и быль то...
Пилигримъ.

Чатырдагъ!“

У Мицкевича, очевидно, мирза хочетъ сказать, что онъ поднялся на такую высоту, что выше его была лишь звѣзда на небѣ. У Козлова смыслъ рѣчи мирзы таковъ, что, когда онъ поднялся на Чатырдагъ, то горѣла уже только одна звѣзда, а не много. Затѣмъ въ подлинникѣ слово „Чатырдагъ“ произносить мирза, у Козлова же — пилигримъ, чѣмъ нарушается не только вѣрность перевода, но и смыслъ¹⁾.

¹⁾ Этотъ сонетъ, какъ извѣстно, переведенъ Лермонтовымъ и притомъ гораздо удачнѣе.

VI. Bakczysaraj—Бахчисарайскій дворецъ.

Форма сонета не удерживается. Стихотворение разбито на четыре строфы, соответствующие строфамъ подлинника. Въ первой строфи бъ стиховъ, во второй девять, въ третьей и четвертой по три. Размѣръ стиха чередующійся шестистопный и четырехстопный ямбъ. Системы въ этомъ чередованіи нѣтъ.

Въ первой строфи первый стихъ:

„Jeszcze wielka, juž pusta Girajow dziedzina!“

переводенъ такъ:

„Въ степи стоитъ унылъ Гирея царскій домъ“.

Помимо неточности перевода, слѣдуетъ отмѣтить бросающуюся въ глаза фактическую несообразность: Бахчисарайскій дворецъ помѣщается Козловымъ въ степи.

Третья и четвертая строки подлинника:

„Sofy, trony potęgi, miłośćci schronionia

Przeskakuje szarańca, obwija gadzina“

не вполнѣ удачно переданы въ переводѣ:

„Гдѣ гордость нѣжиласъ¹), и гдѣ любовь таилась,

На тѣхъ софахъ змѣя сверкаетъ чешуей,

И скакетъ саранча по храминѣ пустой“.

Вторая строфа переведена излишне распространенно, съ добавленіемъ по сравненію съ подлинникомъ, со стилистическими натяжками. Одна строка подлинника:

„Zajmuje dzieło ludzi w imię przygrodzenia“

У Козлова растягивается въ три:

„Уже онъ именемъ природы

Къ себѣ присвоилъ мрачны своды;

Могучей право отдано“.

Въ третьей и четвертой строфахъ сонета Мицкевича рѣчь идетъ о фонтанѣ слезъ, который взываетъ къ былой любви, могуществу и славѣ. „Гдѣ вы теперь“. какъ будто спрашивается онъ, и не слышать отвѣта. У Козлова фонтанъ („струя жемчужныхъ слезъ“) не обращается съ вопросомъ, а „ропщетъ томная въ пустынѣ“. Въ дальнѣйшемъ размышляетъ объ угасшей славѣ, любви и могуществѣ не фонтанъ, а самъ авторъ. Переводъ послѣдней строфы стилистически очень неудаченъ. Стихи здѣсь отдаютъ шаблоннымъ слогомъ посредственныхъ стихотворцевъ XVIII в.

¹⁾ Курсивъ мой.

Такъ, въ параллель къ строкамъ Мицкевича:

„Gdzieś jesteś, o miłości, potego i chwało?

Wy macie trwać na wieki, zrodło szybko płynie...

О хайбо! wyseje przeszły, a zrodło zostało“!

У Козлова читаемъ:

„Но слава, власть, любовь! — Токъ времени унесъ
Мечтавшихъ здѣсь гордиться вѣчно;
Онъ ихъ унесъ скорѣй и влаги скоротечной“¹⁾.

VII. Baczysaraj w nocu — Бахчисарай ночью.

Форма сонета не удерживается. Въ переводѣ пять строфъ, по четыре строки въ каждой. Первые три строки каждой строфы написаны шестистопнымъ ямбомъ, четвертая — трехстопнымъ. Соответствія строфъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, разумѣется, нѣть.

Переводъ этого сонета съ художественной стороны болѣе цѣнныи, чѣмъ предыдущій, также страдаетъ вставкой ненужныхъ словъ, а иногда и неточностями. Образы оригинала въ переводѣ блѣднѣютъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Двѣ строки Мицкевича:

„Srebrny król nocu daję spocząć przy kochance.

Błyszcą w haremie niebios wieczne gwiazd kagańce“

У Козлова разрослись въ четыре:

„Сребристый царь ночей къ наложницѣ прелестной
Въ эфирной тишинѣ спѣшить на сладкій сонъ,
И вѣчною красой блестить гаремъ небесный,
Звѣздами освѣщенъ“.

Невѣрою и нехудожественно переведена третья строфа.

У Мицкевича:

„Tu sień pada z menaru i z wierzchu cyprysa,
Dalej czernią się kołem olbrzymy granitu,
Jak szatany, siedzące w dywanie Eblisa“.

У Козлова:

„Здѣсь дремлетъ минаретъ подъ тѣнью кипариса,
А тамъ гранитныхъ скаль хребты омрачены;
Тамъ непреклонные въ диванѣ у Эвлиса
Чернѣютъ сатаны“. (sic!).

¹⁾ И тутъ нужно отмѣтить превосходство перевода Луговскаго.

Очевидно, что первая, третья и четвертая строки перевода по смыслу не совпадают съ соотвѣтствующими строками оригинала¹).

VIII. Grob Potockiej Гробница Потоцкой.

Форма сонета и тутъ не удержана. Переводъ сдѣланъ шестистопными ямбами. Въ стихотвореніи шестнадцать строкъ. Дѣленія на строфы нѣть. Смысль сонета въ переводѣ вездѣ переданъ правильно, но стиль перевода не всегда художественъ и точенъ. Такъ, въ соотвѣтствіи строкамъ Мицкевича:

„Tam na połnoc, ku Polsce, świecą gwiazd gromady—
Dla czegoż na tej drodze błyszczą się ich tyle?“ —

У Козлова читаемъ:

„Что-жъ съверъ такъ горить надъ Польшею любимой?
Зачѣмъ небесный сводъ такъ блещеть тамъ въ огняхъ?“

Послѣднія сжатыя и выразительныя строки оригинала:

„I wieszcz samotną piosnkę, dumaając o tobie,
Ujrzy bliską mogilę i dla mnie zanuci“ —

У Козлова, по обыкновенію, растянуты и разбавлены лишними словами:

„И вѣщій будетъ пѣть красу твою младую,
И какъ ты отцѣла въ далекой сторонѣ:
Увидить близъ твоей могилы здѣсь чужую,
И въ пѣсни, можетъ быть, помянеть обо мнѣ!“

IX. U mogily haremci — Могила гарема.

Форма сонета не удержана. Въ переводѣ 24 стиха, безъ дѣленія на строфы. Размѣръ — четырехстопный ямбъ, не всегда хорошо выдержаный. Въ иныхъ случаяхъ допускаются пѣоны (строка 3-я, 4-я, 7-я, 8-я, 10-я, 20-я). Риѳма часто очень плохая (кистьюми—любви, обреченныея-драгоцѣнныя, имена-видна, тѣни--дни).

Переводъ, большей частью, передаетъ смыслъ подлинника — и только. Впрочемъ, есть въ немъ одно невразумительное мѣсто.

„Лишь надъ могильнымъ ихъ холмомъ
Одинъ въ тиши уединенья,
Дружины тѣней бунчукомъ¹),
Бѣлѣеть столпъ съ чалмою грустною“.

¹⁾ Хорошъ переводъ этого сонета, сдѣланный Луговскимъ.

¹⁾ Курсивъ мой.

Оно соотвѣтствуетъ слѣдующимъ строкамъ оригинала:

„Nad niemi turban zimny wlyszezy ſrod ogrodu,
Jak buńczuk wojska cieniow“...

Изъ этого соопоставленія лишилъ разъ обнаруживается также манера Козлова растягивать при переводѣ стихи оригинала.

X. Wajdagу—Байдары.

Форма сонета не удержана. Стихотвореніе въ переводѣ состоитъ изъ трехъ строфъ, изъ которыхъ первая и вторая соотвѣтствуютъ первой и второй подлинника. Въ первой строфе восемь стиховъ, во второй семь, въ третьей — одиннадцать. Размѣръ стиха — четырехстопный ямбъ.

Переводъ опять не изъ удачныхъ; образы Козлова не выразительны, въ нихъ часто чувствуется натяжка и безсиліе передать то, что есть въ оригиналѣ. Для сравненія сопоставимъ первую строфи подлинника и перевода. Курсивомъ обозначаемъ неудачные мѣста перевода.

Мицкевичъ:

„Wypuszczam na wiatr konia i nie szczeđę razow;
Lasy, doliny, głazy, w kolej, w natłoku
U nog nych płyną, gina, jak fale potoku;
Chęć odurzyć się, upić tym wirem obrazow“.

Козловъ:

„По волѣ я пустилъ коня—
Скачу,— лѣса, долины, горы,
To вдругъ, то розно встрѣтѧ взоры¹),
Мелькаютъ, гибнутъ вокругъ меня,
Быстрѣе волнъ;— и межъ видѣній¹),
Я вѣнъ себя гоню, скачу:
Упиться вихрями явленій
И обезумѣть я хочу.“

Конецъ стихотворенія стилистически неудаченъ:

„Я жду, чтобы, погружась въ забвенье,
Какъ надъ пучиною ладья,
Такъ бы кружась и мысль моя
Могла исчезнуть на мгновеніе“.

XI. Alusza w dzieñi— Алушта днемъ.

Форма сонета не удержана. Стихотвореніе, какъ и предыдущее, разбито на три строфы, по шесть строкъ каждая.

¹) Въ подлинникѣ эти выраженія не имѣютъ соотвѣтствія.

Первой и второй строфъ оригинала соотвѣтствуютъ первая и вторая строфы перевода, третьей и четвертой оригинала—третья перевода. Размѣръ—четырехстопный амфибрахій.

Переводъ лучше предыдущаго, но вполнѣ точно подлинника онъ все же не передаетъ¹⁾.

XII. Ałusza w nosu—Алушта носу.

Форма сонета не удержанна. Стихотвореніе раздѣлено на четыре строфы, причемъ это дѣленіе не вполнѣ совпадаетъ съ дѣленіемъ на строфы подлинника. Первые три строфы содержать по четыре строки, послѣдняя—шесть. Размѣръ первыхъ трехъ строфъ—шестистопный ямбъ, четвертой—четырехстопный ямбъ.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворительный. Въ одномъ мѣстѣ Козловъ допускаетъ безъ нужды перестановку строкъ сравнительно съ подлинникомъ.

У Мицкевича:

„Bleßny pielgrzym ogląda się, słucha.

Już gory poczerniały, w dolinach noc głucha“.

У Козлова:

Одѣты горъ хребты, въ долинѣ мракъ глухой.

И путникъ слушаетъ, блуждая изумленный“...

Две слѣдующія строки:

„Powietrze, tchnące wonią, ta muzyką kwiatów,

Mówi do serca głosem tajemnym dla ucha“—

переведены стилистически и съ художественной точки зрењія неудачно:

„И вѣтъ ароматъ, отъ слуха утаенный:

Онъ сердцу говорить въ мелодіи цвѣтовъ“.

XIII. Czatyrdah—Чатырдағъ.

Форма сонета не удержанна. Стихотвореніе подѣлено на три строфы. Въ первой, соотвѣтствующей лишь приблизительно первой строфе оригинала, семь строкъ, во второй, соотвѣтствующей второй строфе оригинала, восемь строкъ. Размѣръ—четырехстопный ямбъ. Переводъ очень слабый и не всегда точный.

Первая строка оригинала:

„Drżąc, muślemin całuże stopy twej opoki“

переведена Козловымъ такъ:

¹⁾ И на этотъ разъ переводъ Луговскаго лучше.

„Какъ мусульманинъ устриченной,
Твоей твердыни возвышенной
Подониу здѣсь цѣлую я”.

Не говоря объ архаичности языка, мы имѣемъ здѣсь не-
вѣрный переводъ: у Мицкевича подониу Чатырдага іѣлуетъ
мусульманинъ, а у Козлова самъ поэть.

Послѣднія четыре строки сонета переведены очень дур-
нымъ языкомъ.

У Мицкевича читаемъ:

„Czatyrdahu, ty zawsze głuchy, nieruchomy,
Miedzy światem i niebem jak drogman stworzenia,
Podesławszy pod nogi ziemie, ludzi, gromy,
Słuchasz tylko, co mówi Bog do przyrodenia“.

У Козлова:

„...Ты *невредимъ*
Стоишь недвижимо глухимъ;
Но землю и людей и громы
Ты *подослать себѣ возмогъ*;
Стоишь какъ драгоманъ создания,
И лишь тому *даешь вниманье*,
Что говорить творенью Богъ“.

Курсивомъ обозначены особенно неудачныя мѣста пере-
вода¹⁾)

XIV. Rycerzum — Пилигримъ.

Стихотвореніе передано въ формѣ сонета. Метръ шести-
стопный ямбъ. Переводъ принадлежитъ къ числу удавшихся
Козлову, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ стихотво-
ренія оригиналъ переданъ довольно свободно, напр., въ пер-
вой строкѣ.

У Мицкевича:

„U stop moich kraina dostatkow i krasa,
Nad głową niebo jasne, obok piękne lice:
Dla cze goż stąd ucieka serce w okolice
Dalekie i — niestety! jeszcze dalsze czasy?“

У Козлова:

„Роскошныя поля кругомъ меня лежать;
Играеть надо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышать здѣсь плѣнительныя лицы,
Но думы далеко къ минувшему летять“.

¹⁾ Хороши переводы Луговскаго и Бунина (*ibid.* стр. 102).

XV. Drogą nad przepaścią w Czufut-Kale -- Дорога надъ пропастью
Чуфутъ-Кале.

Форма сонета не удержана. Въ стихотвореніи 25 строкъ. Размѣръ -- четырехстопный ямбъ. Переводъ не принадлежитъ къ числу удачныхъ, быть можетъ, потому, что въ этомъ сонетѣ Минцкевича есть нѣсколько сложныхъ образовъ, совладать съ которыми переводчику, видимо, было не подъ силу.

Особенно не удалось при переводѣ Козлову слѣдующее мѣсто:

„—Tam nie patrz! Tam spadla żrenica,
Jak w studni Al-Kairu, o dno nie uderza;
I ręką tam nie wskazuj; nie masz u rąk pierza;
I myśli tam nie puszcza, bo myśl, jak kotwieja,
Z łodzi drobnej ciśniona w niezmierność głębinę“...

У Козлова читаемъ:

„Но ты на бездну не взгляни:
Она, какъ кладезь Ал-Каира;
Рукой надъ нею не *махни*,
*Неокрыленной для эшира*¹⁾,
И думать ты о ней страшись:
*Какъ якорь дума--берегись*¹⁾.

У Козлова далѣе мирза прерываетъ рѣчь пилигрима, когда тотъ говоритъ, что онъ заглянулъ въ бездну. Мирза спрашиваетъ:

„Скажи,
Что-жъ видѣлъ ты?“

Это вольность, допущенная Козловымъ и не оправдывающая текстомъ оригинала.

XVI. Góra Kikineis -- Гора Кикенеисъ.

Форма сонета не удержана. Стихотвореніе въ переводѣ состоить изъ двухъ строфъ. Первая строфа, соответствующая первой строфѣ оригинала, состоитъ изъ шести строкъ, вторая, — соответствующая остальнымъ строфамъ подлинника, изъ четырнадцати. Размѣръ -- четырехстопный амфибрахій.

Переводъ очень плохой, тяжелый и иногда невразумительный, какъ это видно хотя бы изъ сопоставленія первыхъ строфъ оригинала и перевода.

¹⁾ Курсивомъ отмѣчены особенно неудачныя мѣста перевода.

Мицкевичъ:

„Spojrzyj w przepaść! Niebiosa, leżące na dole,
To jest morze. Środ fali, zda się, że ptak-gora,
Piorunem zastrzelony, swo masztowe piora
Roztoczył kręgiem szerszym, niż tączy połkole“.

Козловъ:

„Взгляни на пучину, — въ ней небо лежитъ:
То море; и ярко пучина блеститъ.
Убитая громомъ, не птица-ль-гора
Крылѣ распустила въ той безднѣ сребра?
Самъ радужный очеркъ темнѣй въ небесахъ,
Чѣмъ мачтовыхъ перьевъ на синихъ волнахъ“.

Послѣднія двѣ строки врядъ-ли могутъ быть поняты безъ свѣрки съ оригиналомъ.

Такъ же плохъ, нехудожественъ и неточенъ переводъ слѣдующаго мѣста сонета:

„To jest piorun.—Lecz stojmy! otchłanie pod nogą;
Musim wąwoz przesadzić w całym konia pędzie.
Ja skaczę; ty z gotowym biczem i ostrogą,
Gdy zniknę z oczu, patrzaj w owe skał krawędzie“...

У Козлова читаемъ:

„То молнія.—Ѣдемъ, и первый съ конемъ
Я кинусь, а путникъ, смотри на меня,
И бичъ свой, и шпоры готовъ для коня.
На край тотъ отважно и въ конскую прыть
Чрезъ безду намъ должно съ размаха вскочить“.

XVII. Ruiny zamku w Bałaklawie – Развалины замка въ Балаклавѣ.

Форма сонета не удержана. Стихотвореніе въ переводѣ состоить изъ двухъ строфъ. Въ первой, соотвѣтствующей первой строфи подлинника, шесть стиховъ, во второй, умѣстившей три слѣдующія строфы оригинала, — 17 строкъ. Размѣръ — четырехстопный ямбъ.

Переводъ неточный и съ художественной стороны слабый. О немъ даетъ представленіе сопоставленіе его первой строфы съ первой строфой оригинала.

Мицкевичъ:

„Te zamki, połamane w zwaliska bez ładu,
Zdobły cię i strzegły, o niewdzięczny Krymie!
Dzisiaj sterczą na gorach, jak czaszki olbrzymie;
W nich gad mieszka, lub człowiek podlejszy od grodu“.

Козловъ:

„Краса Тавриды, ужасъ хановъ, (sic)!
Здѣсь замокъ былъ; теперь лежать
Обломковъ груды и торчатъ.
Какъ черепъ нѣкихъ великановъ,—
Пріюты гадовъ и ужей
Иль ихъ презрѣннѣе людей“.

То же безсиліе передать подлинникъ наблюдается на про-
тяженіи всего перевода Козлова.

XVIII. A j u d a h -- A ю д а г ъ.

Въ переводѣ удержана форма сонета. Размѣръ — шести-
стопный ямбъ. Стихотвореніе Мицкевича переведено Козло-
вымъ въ общемъ удовлетворительно. Неясная строка въ пе-
реводѣ —

„И сушу рать китовъ, воюя, облегаетъ“ —
становится понятной лишь послѣ сличенія съ оригиналомъ, въ
которомъ читаемъ:

„Tracą się o mieliznę, rozbiją na fale,
Jak wojsko wielorybow, zaledwając brzegi“.

Подводя общіе итоги анализа перевода „Крымскихъ соне-
товъ“ Мицкевича, сдѣланаго Козловымъ, мы должны при-
ти къ тому заключенію, что переводъ этотъ въ общемъ не
изъ удачныхъ. Первый бросающійся въ глаза его недостатокъ
въ томъ, что форма сонета удержана при переводѣ всего лишь
трехъ сонетовъ изъ общаго числа восемнадцати. Вполнѣ удач-
ными могутъ считаться переводы лишь двухъ сонетовъ: „Zeg-
luga“ („Плаваніе“) и „Pielgrzym“ („Пилигримъ“). Въ переводѣ
остальныхъ очень часто даетъ себя знать безсиліе Козлова
справиться съ передачей на русскій языкъ образныхъ средствъ
рѣчи польского поэта. Это ведетъ зачастую къ неточности въ
воспроизведеніи оригинала. Стиль перевода нерѣдко мало худо-
жественъ, встрѣчаются порой даже невразумительныя мѣста,
которые можно понять лишь послѣ свѣрки ихъ съ подлинни-
комъ. Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ нужно прибавить встрѣ-
чающуюся иногда невыдержанность размѣра, погрѣшности про-
тивъ метрики. Наконецъ бѣдная и неудачная риѳма въ этомъ

переводъ явленіе довольно частое Ср., напримѣръ, слышу я—
змѣя (I), водъ живѣсть (II), дымясь поднялась (IV), чешуей—
пустой (VI), окно отдано (VI), нѣтъ—цвѣтъ (VIII), рука—язы-
ка (VIII), кистьми любви (IX) и т. д.

Н. Гудзій.

Легенды о происхождении скифовъ.

(Памяти Ю. А. Кулаковского).

Геродотъ приводить о происхождении скифовъ двѣ различные легенды. По одной (кн. IV гл. 5—7) это самое юное изо всѣхъ племенъ произошло отъ Таргитая, сына Зевса и дочери бога рѣки Борисѣна. У него было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай, изъ которыхъ, какъ всегда въ сказкахъ, въ итогѣ царемъ оказался младшій. Отъ каждого изъ нихъ будто бы ведутъ свое начало различныя скифскія племена. Но черезъ нѣсколько главъ историкъ приводить разсказы самихъ скифовъ (гл. 8—10), будто Гераклъ, гоня быковъ царя Геріона, прибылъ въ мѣста, впослѣдствіи заселенные скифами, и здѣсь нашелъ въ пещерѣ дѣву змѣинаго облика, захватившую его коней. Она обѣщала вернуть ихъ Гераклу только въ томъ случаѣ, если онъ согласится съ ней сожительствовать. И отъ Геракла у нея родилось три сына: Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѳъ. И изъ нихъ, опять таки по сказочному закону, достойнымъ своего великаго отца оказался только младшій, и отъ него пошли всѣ скифскіе цари.

В. К. Клингеръ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи: „Сказочные мотивы въ истории Геродота“ (*Кiev. Univ. Izv.* 1902 № 11 стр. 103—109) обстоятельнымъ разборомъ этой второй легенды доказалъ ея близость къ сказкамъ древнихъ и новыхъ народовъ, а Ф. Г. Мищенко въ статьѣ „О легендахъ о царскихъ скифахъ у Геродота“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886 янв. 39—43) правильно противопоставилъ первой скифской легендѣ съ чисто туземными именами греческое происхожденіе второй съ Геракломъ (гл. 8—10), и хотя первая объясняетъ происхожденіе всѣхъ скифовъ, а вторая, какъ замѣтилъ Ф. Г. Мищенко (стр. 43), „касается только скифскихъ владыкъ, вовсе не относясь къ тѣмъ скифскимъ народамъ, которые почитались за рабовъ“, однако ясно, что въ итогѣ одна исключаетъ другую, и поэтому умѣстно поставить вопросъ о томъ,

что заставило Геродота за первой легендой помѣстить еще вторую.

Для правильной оцѣнки ея основного смысла, по моему, надо исходить изъ образа Геракла. Его сдѣлать родоначальникомъ скиѳовъ могло стремленіе подчеркнуть ихъ связь съ дорянами. Вѣдь что бы ни возражалъ Ю. Белохъ (Исторія Гречії т. I стр. 98 перевода М. Гершензона), Геракль *c'est la personification de la race dorienne* (*Словарь Даремберга и Салио* т. III стр. 80), но связь дорянъ съ греческой колонизаціей Скиѳіи слишкомъ слаба (Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киевъ 1914 стр. 6), чтобы ее сталъ особенно подчеркивать Геродотъ, хотя въ своемъ родномъ Галикарнасѣ онъ и могъ услышать это лестное для самолюбія дорянъ толкованіе. Но изъ сложнаго облика Геракла можно выбирать и другія черты, и здѣсь прежде всего припоминается стремленіе древнихъ представить именно Геракла героемъ, повсемѣстно замѣнявшимъ прежнее варварство болѣе культурными и человѣческими условиями жизни. Такъ Діонисій Галикарнаскій говоритъ о немъ (А. Р. I 41): „если гдѣ было тягостное владычество, прискорбное для подчиненныхъ, или городъ, кичившійся и оскорблявшій сосѣдей, или поселенія людей съ грубымъ образомъ жизни и беззаконнымъ истребленіемъ чужеземцевъ, Геракль это устранилъ, устанавливая законную царскую власть, согласный съ нравственностью образъ правленія и жизни, благожелательные и соотвѣтствующіе требованіямъ общежитія нравы“. Поэтому и Гораций (оды III, 3. 9) ставитъ въ примѣръ Августу Геркулеса, какъ повсемѣстнаго насадителя культуры и нравственности, а Лукрецій (De rer. nat. V, 22—54) прославлялъ Геракла на ряду съ Церерой и Діонисомъ, какъ освободителя человѣчества отъ первоначальной дикости.

Легенда заставляетъ Геракла сочетаться съ змѣвидной дѣвой. Связь змѣи съ землей общеизвѣстна (В. Клингеръ Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи. Кіевъ 1911, стр. 155—175), такимъ образомъ этотъ бракъ по сказочной символикѣ долженъ знаменовать побѣду принесенной въ лицѣ Геракла греками культуры надъ первичной туземной дикостью; она выставляетъ грековъ въ благородномъ видѣ устроителей варварской Скиѳіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта легенда вскрываетъ и другое намѣреніе: извѣстно, какъ усердно старались древніе исторіографы изъ чисто политическихъ видовъ подчеркнуть племенное родство италійцевъ съ Гречієй. Этому служила вся легенда о при-

ходѣ Энея въ Италию изъ-подъ Трои, восходящая еще къ Стесихору и Гелланику (*Моммзенъ Röm. Gesch. I 5471*), но затѣмъ подъ вліяніемъ политическихъ соображеній получившая особое развитіе (*O. Rossbach* въ энциклопедіи *Pauly-Wissowa I, 1013--1019*).

Если эта легенда о троянскомъ происхожденіи Рима связывала внутренними узами Грецію съ новымъ государственнымъ образованіемъ на Западѣ, то той же цѣли служила и Геродотова легенда о Гераклѣ — отцѣ скиѳскихъ царей, подводя подъ общее съ греками происхожденіе и крупную восточную область. Вмѣстѣ съ тѣмъ такія легенды должны были очень облегчать дѣло греческой колонизаціи въ Скиѳіи, примиряя туземцевъ съ пришельцами и устранивая хоть отчасти тѣ тренія и недовольства туземнаго населенія, по поводу проникновенія всего греческаго въ мѣстную жизнь, которая привели, напримѣръ, къ гибели черезчуръ дружившаго съ греками скиѳскаго царя Скилы (Геродотъ IV гл. 78--80).

Б. Варнаке.

Ю. А. Кулаковскій.

(Некрологъ).

Проходящія передъ нашими глазами картины кровавой смуты какъ-то притупили въ насъ жуткость того чувства, которое всегда вызываетъ смерть, и извѣстія о новыхъ ея жертвахъ часто уже не производятъ на насъ, какъ прежде, своего потрясающаго впечатлѣнія. Немудрено, что и смерть Юліана Андреевича Кулаковскаго, скончавшагося въ Кіевѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, прошла почти незамѣченою,—тѣмъ болѣе, что оторванность Крыма отъ остальной Россіи не позволила намъ узнать объ этомъ прискорбномъ событии и откликнуться на него своевременно. Но, хотя смерть эта для зіавшихъ близко покойнаго и не была неожиданностью, хотя онъ подъ гнетомъ пережитого незадолго передъ тѣмъ семейнаго горя и тяжкихъ условій русской дѣйствительности давно уже медленно умиралъ, а ученое поприще его можно было считать почти завершеннымъ,—тѣмъ не менѣе утрата, понесенная русскою наукой въ его лицѣ, все же весьма ощущительна и горестна. Ю. А. Кулаковскій былъ человѣкомъ живымъ, энергичнымъ, съ широкимъ научнымъ міросозерцаніемъ, съ большою и разностороннею эрудиціею, съ гибкимъ и острымъ умомъ, съ пытливостью, не удовлетворявшеюся узкою областю его ближайшихъ, специальныхъ интересовъ, но побуждавшею его работать и въ другихъ, смежныхъ съ нею областяхъ, съ привычкою къ упорному, настойчивому труду, съ ініціативою, —и ко всему этому съ душою впечатлительною и отзывчивою, не позволявшою ему замыкаться въ рамкахъ цеховой науки, но заставлявшо его искать сближенія науки съ жизнью, горячо откликаться на запросы жизни и внимательно слѣдить за ея безостановочнымъ движеніемъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ уже теперь питомцевъ старой толстовской классической школы, и онъ вынесъ изъ нея глубокое преклоненіе передъ классическою древностью, въ которой видѣлъ воплощеніе выс-

шихъ человѣческихъ идеаловъ въ области мысли и искусства, оставаясь до конца дней убѣжденнымъ сторонникомъ классицизма, какъ основы гуманитарного образования. Къ античному миру, къ его литературамъ, къ его памятникамъ, къ его истории онъ относился съ энтузіазмомъ, и это сказывалось не только въ его университетскихъ чтеніяхъ, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ въ печати или на каѳедрѣ въ качествѣ популяризатора своей науки. Какъ самостоятельный изслѣдователь, онъ не сдѣлалъ какихъ либо крупныхъ открытій, но отличался во всѣхъ своихъ работахъ точностью метода, большою основательностью, даромъ критического анализа и духомъ независимости, онъ нерѣдко умѣлъ подойти къ изучающему явлению со стороны, не затронутой другими, или дать этому явлению новое освѣщеніе, и это сообщило характеръ оригинальности даже такимъ его работамъ, которыя, казалось бы, меньше всего на нее претендовали. Число его печатныхъ трудовъ очень велико,— ихъ насчитывается около 160. Уже это одно свидѣтельствуетъ о томъ напряженіи силъ, съ которымъ онъ отдавался научной дѣятельности. Но центромъ его занятій была все-таки аудиторія. До самой своей кончины онъ не оставлялъ преподаванія въ университѣтѣ св. Владимира и на высшихъ женскихъ курсахъ, и большая часть его научныхъ плановъ, осуществленныхъ потомъ въ литературныхъ работахъ, вышла отсюда, изъ круга его курсовыхъ чтеній, ближайшимъ предметомъ которыхъ были латинскіе авторы, римская литература и исторія Рима, а впослѣдствіи и Византіи. Кромѣ того, Ю. А. Кулаковскій долгое время былъ дѣятельнымъ членомъ, а въ послѣдніе годы и предсѣдателемъ Кіевскаго историческо-общества Нестора Лѣтописца, въ ученную жизнь котораго стремился внести свойственную его натурѣ подвижность и одушевленіе.

Личная его жизнь не отличалась богатствомъ или разнообразiemъ внѣшнихъ событий. Онъ и по отцу, и по матери происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, въ 1855 году. Рано, уже въ пятилѣтнемъ возрастѣ, онъ потерялъ отца, бывшаго настоятелемъ Поневѣжской соборной церкви, и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Платономъ, въ то время уже учившимся въ гимназіи, и тремя сестрами остался на рукахъ матери, женщины умной и энергичной, вышедшей изъ семьи одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ. Когда въ связи съ польскимъ восстаніемъ Поневѣжская гимназія была

закрыта, Кулаковские переехали изъ Поневѣжа въ Вильну, гдѣ Ю. А. и получилъ свое первоначальное образованіе. Учился онъ здѣсь въ гимназіи, въ которой директоромъ былъ извѣстный славистъ, впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета П. А. Безсоновъ, а однимъ изъ преподавателей — также небезызвѣстный педагогъ, критикъ и публицистъ М. О. Депуле. Когда братъ Юл. Анд-ча, бывшій лѣтъ на семь старше его, поступилъ въ Московскій университетъ, то туда же отправился и Ю. А. продолжать свое образованіе сперва въ лицѣ цесаревича Николая, а потомъ — тоже въ университетѣ, гдѣ въ ту пору на историко-филологическомъ факультетѣ читали лекціи такие профессора, какъ И. С. Тихонравовъ, О. И. Буславьевъ, С. М. Соловьевъ, Гавр. Аѳ. Ивановъ, П. М. Леонтьевъ, и начинать свое научное поприще О. Е. Коршъ. Москва того времени вообще повліяла на міровоззрѣніе чуткаго къ вопрѣсамъ живой современности и вдумчиваго молодого ученаго. Вѣдь это была эпоха большого подъема культурной работы въ Россіи, — эпоха назрѣвшихъ великихъ реформъ, борьбы славянофиловъ съ западниками, разцвѣта русской журналистики, политической и литературной кружковщины, дѣятельности И. С. Аксакова, М. Н. Каткова. Свѣжесть и яркость впечатлѣній своихъ студенческихъ годовъ Ю. А. сохранилъ навсегда и любилъ къ пимъ возвращаться воспоминаніями. По окончаніи курса въ университетѣ онъ былъ отправленъ на казенный счетъ заграницу, и, такъ какъ его больше всего привлекало къ себѣ изученіе римской исторіи, то онъ прежде всего и обратился къ Моммзену, въ Берлинъ, гдѣ и провелъ зимній семестръ 1878/79 года и лѣтній семестръ 1879 г. Моммзенъ оказалъ огромное вліяніе на весь ходъ и направленіе занятій Ю. А. Кулаковскаго. Кромѣ лекцій по исторіи Рима онъ слушалъ у него курсъ римской эпиграфики и участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ, состоявшихъ въ разборѣ эпиграфическихъ текстовъ. Увлекаясь примѣромъ своего геніального руководителя, онъ уже тогда сосредоточилъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ вопросахъ, которые впослѣдствіи послужили ему темами для собственныхъ изслѣдованій. Отсюда, изъ аудиторіи Моммзена, вынесъ онъ никогда потомъ не покидавшій его интересъ къ темнымъ проблемамъ начальной исторіи Рима, къ его военной исторіи, къ вопросу о развитіи въ древнемъ Римѣ различныхъ общественныхъ организаций, т. наз. „коллегій“ и „товариществъ“, — словомъ, ко всему тому кругу явленій римской жизни, къ которому относят-

ся ученые работы первого десятилѣтія его профессорской и писательской дѣятельности. Въ краткой автобиографической замѣткѣ, включенной имъ въ предисловіе къ его „Исторіи Византии“, Кулаковский говорить объ этомъ такъ: „Мои первыя ученые работы относились къ области римской древности и вращались въ сферѣ вопросовъ по исторіи римскихъ учреждений преимущественно Императорскаго періода, для изученія котораго представляютъ обильный матеріаль эпиграфические тексты, широко введенныя подъ эгидой Моммзена въ ученый оборотъ европейской науки. Университетское преподаваніе, которое открылось для меня въ университѣтѣ св. Владимира, направляло затѣмъ мои занятія и ученые интересы въ кругъ установившагося цикла предметовъ, обнимаемыхъ каѳедрой римской словесности, причемъ факультетъ поручалъ мнѣ началъ и преподаваніе римской исторіи за неимѣніемъ особаго преподавателя. Такъ въ теченіе первого десятилѣтія я оставался въ области римской древности“.

Кромѣ Моммзена, изъ профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ протекали занятія Ю. А. Кулаковскаго заграницею, онъ увлекался особенно еще Гутшмидомъ, въ которомъ цѣнилъ его разносторонность и склонность въ сторону изученія переходныхъ эпохъ, манившихъ къ себѣ также пытливость и нашего ученаго. Во 1880 г. онъ наконецъ возвратился снова въ Россію и нѣкоторое время, повидимому, учителствовалъ въ Москвѣ. Къ этому же году относится и появленіе первой его работы въ печати. Это была рецензія на книгу Петера „Zur Kritik der Quellen der ältesten römischen Geschichte“ („Критич. Обозр.“). Въ слѣдующемъ затѣмъ 1881 году онъ выступилъ съ диссертациею *pro venia legendi* „Надѣль ветерановъ землею и военные поселенія въ римской имперіи“, по защитѣ которой открылъ чтеніе лекцій въ Киевскомъ университетѣ св. Владимира. Названное сочиненіе цѣликомъ основано на эпиграфическомъ матеріалѣ и по методу тѣсно примыкаетъ къ работамъ Моммзена, изъ семинарія котораго, повидимому, оно и вышло. То же нужно сказать о появившейся два года спустя магистерской диссертациі Ю. А. Кулаковскаго „Коллегіи въ древнемъ Римѣ“, самое название которой совпадаетъ съ названіемъ моммзеновскаго трактата „*De collegiis et sodaliciis Romanorum*“.

Тема, выбранная Ю. А. Кулаковскимъ для первого его крупнаго научнаго изслѣдованія, по обилію эпиграфического матеріала, по его отрывочности и разрозненности, представляла немало трудностей, но она была привлекательна по важности

той роли, которую играли коллегіи въ римской соціальной, политической, экономической и религіозной жизни. Изъ коллегіи, какъ такой общественной формы, подъ которую легко было подвести любое соединеніе людей, добровольно составившихъ союзъ для какой нибудь общей цѣли, развились всѣ виды позднѣйшихъ промышленныхъ кооперацій и ремесленныхъ артелей, возникли цехи, торговья компаніи, литературные кружки, политические клубы, религіозные ордена. Въ сферу коллегіального устройства мало по малу вошли самые разнообразные интересы, съ которыми были связаны весьма многія стороны быта и частно-правовыхъ отношеній. Особенно же важное историческое значеніе приобрѣли *collegia funeraticia*, „погребальные товарищества“, по ихъ связи съ первыми христіанскими общинами, и этому виду коллегій въ книгѣ Ю. А. Кулаковскаго посвященъ особый обстоятельный очеркъ (§ 7). Виослѣдствіи ему пришлось снова возвратиться къ вопросу о погребальныхъ товариществахъ въ своей надѣлавшей много шума лекціи „Христіанская церковь и римский законъ“. Вся книга написана живо и остроумно, и, если нельзя согласиться съ основнымъ положеніемъ автора, будто первоначально римскій *collegium* имѣть характеръ территоріальный, что онъ развился изъ условій сосѣдства и представлять собою не что иное, какъ видоизмѣненіе деревенской общины (*pagus*) съ ея общимъ свитилищемъ и общими *sacra paganalia*, то многія изъ другихъ его догадокъ, обильно разсыпанныхъ въ книгѣ, подкупаютъ читателя своимъ правдоподобіемъ, а его аргументы —убѣдительностью.

Докторскую степень Ю. А. Кулаковскій пріобрѣлъ спустя шесть лѣтъ послѣ защиты магистерской диссертациі. На этотъ разъ онъ остановился на вопросѣ „о началѣ Рима“. Онъ побывалъ въ Римѣ самъ и близко ознакомился съ успѣхами археологическихъ изысканій на почвѣ вѣчного города. Ихъ результаты онъ постарался использовать въ своей новой работѣ, которой поэтому придалъ форму свободнаго соединенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ очерковъ или экскурсовъ. Первый изъ нихъ посвященъ царской исторіи и вопросу о синойклизмѣ Рима, второй — древнѣйшему поселенію на Палатинѣ, третій — аборигенамъ и сабинянамъ, четвертый — этруссской общинѣ въ Римѣ, наконецъ пятый и послѣдній —такъ называемой ромуловой стѣнѣ на Палатинскомъ холмѣ. Книга „Къ вопросу о началѣ Рима“ обладаетъ тѣми же достоинствами живого, увлекательного изложенія и остроумныхъ комбинацій,

что и книга о римскихъ коллегіяхъ. Въ ней по тому времени къ которому относится ся появление, было много нового, и, хотя иѣкоторыя изъ ея темъ также навѣяны работами Моммзена (см. особенно его статью „Die Titius-legende“ въ „Hermes“, т. 21), однако Ю. А. Кулаковскій въ разработкѣ этихъ темъ умѣль быть вполнѣ самостоятельнымъ и даже, какъ говоритъ проф. И. В. Нетушиль, „съ рѣдкимъ для того времени мужествомъ высказался противъ иѣкоторыхъ взглядовъ своего учителя, — между прочимъ противъ его отрицательнаго отношенія къ факту этрусскоаг владычества въ Римѣ“. Сказанію о Титѣ Таціи онъ далъ новое толкованіе. По Моммзену въ этомъ сказаниі отразилось воспоминаніе о покореніи сабинской области Куріемъ Дентатомъ (290 г.). Низе видѣть въ легендѣ о Титѣ Таціи откликъ другого историческаго события, — а именно союза Рима съ самнитами 354 г. По Кулаковскому эта легенда есть продуктъ историзированія отношений, слагавшихся исподволь, вѣками, и онъ ставить ее въ связь съ легендою о Ромулѣ: какъ Ромуль является фигурою, воплощающею въ себѣ теорію исконности, автохтонности населенія Лациума (аборигены), такъ Титъ Тацій воплощаетъ въ своемъ лицѣ другую теорію, а именно теорію обѣ иммиграціи изъ сабинской земли, которая считалась родиною всѣхъ италійскихъ племенъ. По вопросу о началѣ и значеніи трехъ древнихъ трибъ у Кулаковскаго сдѣлана тщательная сводка и приведенъ обстоятельный разборъ главнѣйшихъ взглядовъ, высказанныхъ на этотъ вопросъ другими учеными, причемъ самъ онъ становится на сторону признанія за Люцернами этрусского происхожденія.

Цикль работъ, связанныхъ съ исторіею Рима, завершается въ 1891 г. появлениемъ въ печати упомянутой выше публичной лекціи, которая была прочтена Ю. А. Кулаковскимъ въ декабрѣ этого года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, а потомъ напечатана дважды, — въ „Кievскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и въ „Русскомъ Обозрѣніи“. Если угодно, то и здѣсь въ выборѣ темы можно усмотреть иѣкоторую зависимость отъ Моммзена, всего только за годъ предъ тѣмъ (въ зибелевской „Historische Zeitschrift“, 1890, кн. 3) коснувшагося вопроса о религіозныхъ преслѣдованіяхъ въ римской имперіи въ статьѣ „Der Religionsfrevel nach römischem Recht“. Однако въ общемъ пониманіи смысла гоненій на христіанскую церковь со стороны римской государственной власти Кулаковскій совершенно разошелся съ великимъ германскимъ истори-

комъ. Моммзенъ видѣлъ въ религіозности римского народа проявленіе въ сакральныхъ формахъ присущаго этому народу патріотизма: наоборотъ Кулаковскій считалъ римскую религію чѣмъ-то мертвымъ,— по его словамъ, „она замкнулась въ кругу обрядности“, а потому къ религіямъ другихъ народовъ относилась равнодушно. Власть въ Римѣ интересовалась религіею только съ точки зрењія общаго государственного порядка,— государство даже не располагало органами, кои вѣдали бы дѣла религіозныя. Борьба могла происходить лишь въ той средѣ, въ которой распространялось христіанство, и за вызванныя этой борьбой волненія римская власть только и судила христіанъ, — „хотя имъ казалось, что ихъ судили за самое имя христіанъ“.

Такая точка зрењія, да еще въ примѣненіи къ толкованію такихъ памятниковъ, какъ „Acta proconsularia martyrum Scyllitanorum“, не могла не вызвать возраженій, и они появились въ „Трудахъ Киевской Духовной Академії“ въ видѣ обширной критической статьи, авторомъ которой былъ проф. Ковальницкій. Съ большимъ діалектическимъ искусствомъ и не безъ ядовитости и полемического задора старался онъ доказать Ю. А. Кулаковскому ошибочность его взгляда. Онъ укорялъ его въ тенденціозности, въ предвзятости, въ слѣпомъ, непродуманномъ слѣдованіи сомнительному авторитету Обе (Aubé „Hist. des persécutions de l' Eglise“), въ непониманіи смысла тѣхъ актовъ, на которые онъ ссылался, даже въ сознательномъ ихъ искаженіи. Эти обвиненія глубоко уязвили Ю. А-ча, и онъ, въ свою очередь, разразился въ огњѣ не менѣе рѣзкою полемическою статьюю, которая сперва была имъ послана въ редакцію тѣхъ же „Трудовъ“, но за отказомъ въ напечатаніи появилась въ „Кievскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Однако не унимался и его противникъ и въ новой не менѣе обширной критической отповѣди продолжалъ свои обличенія. Полемика эта стала принимать характеръ скандала и причинила не мало огорченій Ю. А-чу. Но въ это время, къ счастью, вниманіе его было отвлечено въ сторону новыхъ ученыхъ задачъ, заставившихъ его перенестись въ другую область и заняться крымскою археологіею.

По порученію Императорской Археологической Комиссіи онъ долженъ былъ предпринять поѣздку въ Керчь, гдѣ на сѣверномъ склонѣ горы Митридата была сдѣлана при производствѣ каменныхъ ломокъ неожиданная находка,— именно открыта была катакомба, стѣны которой были украшены

фресками. Ю. А. Кулаковскому было предложено произвести въ этомъ мѣстѣ дальнѣйшія изысканія, и въ числѣ нѣсколькихъ вскрытыхъ имъ разоренныхъ катакомбъ оказалась одна, также разоренная въ давнее время, которая однако представляла собою образчикъ христіанской погребальной пещеры съ опредѣленной хронологической датой—788 годъ боспорской эры, т. е. 491 г. по Р. Х. Ю. А. Кулаковскій съ жаромъ принялся за описание этого памятника („Керченская христіанская катакомба 491 г.“ въ „Матеріалахъ по археологіи Россіи“, № 8), и, какъ онъ самъ говорилъ, съ тѣхъ поръ древности Тавриды стали дня него „близко и родною областью“. Я не стану перечислять всѣ работы Ю. А-ча, посвященные вопросамъ крымской археологии,—онъ достаточно общеизвѣстны. Упомяну только большое его изслѣдованіе о двухъ керченскихъ катакомбахъ съ фресками („Матеріалы по арх. Россіи“, № 19), его рефератъ объ окрашенныхъ костякахъ (въ „Трудахъ XI археол. съѣзда въ Киевѣ“), его „Карту европейской Сарматии по Птолемею“, наконецъ его книжку „Прошлое Тавриды“,—блестящій очеркъ исторіи Крымского полуострова отъ начала греческихъ поселеній на Черноморскомъ берегу до эпохи турецкаго владычества,—очеркъ, задуманный, по словамъ автора, не какъ изслѣдованіе, а какъ результатъ изслѣдованія.

„Въ связи съ непосредственнымъ участіемъ въ работахъ по разысканію памятниковъ прошлаго,—говорить Ю. А. Кулаковскій въ предисловіи къ „Исторіи Византіи“,—для меня возникали разные, по преимуществу исторические вопросы, а поиски за материаломъ для ихъ разъясненія все чаще и чаще приводили меня къ памятникамъ византійской письменности. Такъ возникали тѣ разнообразныя замѣтки, рецензіи и болѣе цѣнныя работы, которые появлялись въ „Византійскомъ Временикѣ“, „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ и другихъ изданіяхъ. Серію работъ по Крыму я закончилъ въ очеркѣ „Прошлое Тавриды“. Эта серія работъ наполнила собою второе десятилѣтіе ученого-литературной дѣятельности Ю. А. Кулаковскаго. Впрочемъ, онъ никогда не отличался исключительностью,—на-противъ, онъ живо интересовался всѣмъ и часто откликался и на разныя злободневныя и модныя темы. Такъ появление книги Роде „Psyché“ вызвало въ немъ временный интересъ къ эсхатологіи, и онъ прочелъ въ серіи лекцій, открытыхъ Кіевскимъ историческимъ обществомъ Нестора Лѣтописца весною 1897 г. три публичныя лекціи на тему „Смерть и безсмертіе“

въ представленіяхъ древнихъ грековъ". Лекціи эти были потомъ напечатаны въ журналѣ „Cosmopolis“ и отдѣльною книжкою.

Въ концѣ 90-хъ годовъ Ю. А. Кулаковскій задумываетъ новый большой трудъ, онъ принимается за исторію Византіи. Въ высокой степени важны для характеристики покойнаго тѣ строки изъ его предисловія къ этому труду, въ которыхъ онъ останавливается на соображеніяхъ, его къ тому побудившихъ. „Наше русское прошлое, говорить онъ, связало насъ нерасторжимыми узами съ Византіей, и на этой основѣ опредѣлилось наше русское національное самосознаніе. Теперь, когда, въ виду совершившихся перемѣнъ въ нашемъ политическомъ строѣ, наше народное самосознаніе особенно нуждается въ просвѣтленіи своихъ основъ, принесена, невѣдомо зачѣмъ, тяжелая жертва въ ущербъ народнаго дѣла. Тѣ люди, которымъ было ввѣreno верховное руководство дѣломъ русского просвѣщенія, отказались въ системѣ высшаго образованія отъ того элемента, который даетъ ему силу и мощь въ западной Европѣ. Устраненіе греческаго языка изъ программы среднеобразовательной школы является добровольнымъ приниженіемъ нашего просвѣщенія предъ тѣмъ его идеаломъ который живеть и дѣйствуетъ въ западной Европѣ. Ущербъ, причиненный дѣлу просвѣщенія, ставить печальное препятствіе для нашего будущаго. Хотѣлось бы надѣяться, что ростъ русского самосознанія и просвѣщенія, а также болѣе глубокое ознакомленіе съ исторію просвѣщенія на Западѣ вызовутъ въ русскомъ обществѣ сознаніе потребности возстановить на нашей родинѣ то первенство греческаго гenia въ системѣ высшаго образованія, которое водворила у себя западная Европа. Быть можетъ, поймемъ и мы, русскіе, какъ понимаютъ въ Европѣ, что не въ послѣднемъ словѣ современника, а въ первомъ словѣ эллиновъ заключено творческое начало высокой европейской науки и культуры. Что же до системы образованія, то здѣсь желательна и возможна дифференціація, а не нивелировка и опрошеніе"...

Первый томъ „Исторіи Византіи“ вышелъ въ свѣтъ въ 1910 г. и уже черезъ три года потребовалъ второго изданія. Онъ обнимаетъ собою хронологические предѣлы отъ 395 г. по 518 г. по Р. Х. За нимъ послѣдовали другіе два тома, въ которыхъ изложеніе доведено до вступленія на престолъ византійскихъ императоровъ Льва Исавра (717 г.).

Попутно работая надъ этимъ главнымъ трудомъ своей жизни, предпринятымъ въ періодъ полнаго расцвѣта силь и во-

всеоружій опыта и знанія, Ю. А. Кулаковскій въ цѣломъ рядѣ отдельныхъ очерковъ и замѣтокъ публиковалъ свои изслѣдованія по различнымъ специальнымъ вопросамъ изъ той же области византиновѣдѣнія. Сюда относятся его этюды о друнгѣ и друнгаріи, о византійскомъ лагерѣ X в., о византійскихъ фемахъ, объ аланахъ и готахъ, его изданіе „Стратегики“ императора Никифора по рукописи Московской синодальной библиотеки, наконецъ его трехтомный переводъ Амміана Марцеллина, сдѣланный имъ въ сотрудничествѣ съ проф. Сонни. И опять по этому поводу онъ даетъ волю изліянію того горькаго чувства, которое всегда испытывалъ, когда думалъ или говорилъ о жалкой роли классическихъ языковъ въ Россіи. „Принявши съ за этотъ переводъ, — пишетъ онъ въ предисловіи къ Марцеллину, — мы думали сдѣлать полезное дѣло, особенно теперь, когда крушеніе надеждъ, возлагавшихся на классическую, школу еще дальше отодвигаетъ русскихъ образованныхъ людей отъ возможности непосредственного изученія классического міра въ памятникахъ его слова“.

„Исторіи Византії“ осталась неоконченнаю. Да и въ томъ видѣ, въ которомъ она вышла изъ подъ пера автора, она имѣть много недостатковъ, которые не ускользали отъ вниманія и его самого. Прежде всего это трудъ, основанный исключительно на литературномъ материалѣ. Конечно, было бы лучше, если бы были во всей полнотѣ использованы также многочисленные археологические памятники и если бы наряду съ политическою, военною и церковною исторіею византійской имперіи, на которой сосредоточенъ главный интересъ автора, были съ надлежащею рельефностью выдвинуты различныя стороны культурной ея исторіи, — ея искусство, литература, если бы, далѣе, какъ это было указано въ иностранной критикѣ, была установлена болѣе тѣсная, органическая связь исторіи Византії съ исторіею эллинистического востока. Безъ сомнѣнія, если-бы Кулаковскій прожилъ дольше и условія окружающей насть дѣйствительности не были столь неблагопріятны для научной работы, многіе изъ этихъ недочетовъ книги были бы изъ нея при новыхъ ея изданіяхъ устраниены, — можетъ быть, она подверглась бы даже и полной переработкѣ. Ю. А. Кулаковскій работалъ надъ нею уединенно, — такъ сказать, втихомолку, притомъ, хотя и въ большомъ и богатомъ книжными собраниями, но все же провинциальному университету, и появленіе первого тома его „Исторіи Византії“ было неожиданностью даже для Ф. И. Успенскаго, съ которымъ онъ былъ

въ давнихъ дружескихъ отношеніяхъ и который въ то время и самъ былъ также занятъ подготведеніемъ къ изданію своей обширной „Исторії Византії“. Въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ проявлений той болѣзненной мнительности, которую страдалъ покойный и которая росла въ немъ съ годами, зачастую вовлекая его въ страстную и ожесточенную полемику, иногда даже по совершенно ничтожнымъ поводамъ. Но и въ неполномъ своемъ видѣ трудъ Ю. А. Кулаковскаго не теряетъ своего значенія первой самостоятельной попытки большого русскаго ученаго представить изложеніе исторії греческаго средневѣковья, въ которое уходитъ корнями своими и наше русское просвѣщеніе. Въ сознаніи важности свершеннаго дѣла самъ Ю. А. далъ оцѣнку этому труду, посвятивъ его „свѣтлой памяти дорогой спутницы своей жизни“ — Любови Николаевны Кулаковской, скончавшейся въ концѣ 1914 г. За годъ предъ тѣмъ Ю. А. испыталъ и другую тяжелую утрату въ лицѣ брата, Платона Андреевича Кулаковскаго, бывшаго Варшавскаго профессора, извѣстиаго своими работами въ области славяновѣдѣнія, но еще больше — своею публицистическою и общественною дѣятельностью въ качествѣ редактора „Варшавскаго Дневника“, „Правительственного Вѣстника“ и „Окраинъ Россіи“. Кругъ людей, съ которыми Ю. А. былъ связанъ узами нѣжной и давней привязанности, еще болѣе порѣдѣлъ, когда вслѣдъ за Платономъ Андреевичемъ сошла въ могилу и жена его Екатерина Федоровна, дочь поэта-переводчика Ф. Б. Миллера. Распалась дружная семья, въ которой всегда царилъ культь высшихъ духовныхъ цѣнностей, и Ю. А. Кулаковскій не могъ не почувствовать своего одиночества. Онъ самъ сталъ хворать, и, раньше чѣмъ болѣзнь, отъ которой ему уже не суждено было оправиться, уложила его въ постель, онъ подъ тяжкимъ давленіемъ событий послѣдняго времени какъ-то сразу поникъ, затихъ и сжался.

Помимо своей профессорской и учено-литературной дѣятельности Ю. А. Кулаковскій принималъ всегда живѣйшее участіе въ работѣ и жизни различныхъ ученыхъ обществъ, особенно въ Киевскомъ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, въ которомъ по смерти друга своего, проф. Дашкевича, сталъ предсѣдателемъ. Онъ часто выступалъ съ докладами, всегда живо интересовался учеными съездами и бывалъ ихъ дѣятельнымъ членомъ, посѣщалъ и международные археологические и исторические конгрессы (въ Берлинѣ, въ Римѣ), вообще зорко слѣдилъ за ходомъ ученой жизни, постоянно отклика-

ясь на всѣ наиболѣе выдающіяся ея явленія, особенно же любовно вникаль во всѣ подробности жизни русской школы,— средней и высшей. Въ 1902 г., въ кратковременное министерство Г. Э. Зенгера, онъ былъ приглашенъ къ участію въ трудахъ большой комиссіи, которая должна была разработать положенія новаго университетскаго устава. Въ печатныхъ материалахъ, собранныхъ этою комиссіею, остался живой слѣдъ того горячаго интереса, съ какимъ отнесся Ю. А. къ задуманной реформѣ, — онъ даже попытался составить цѣликомъ проектъ такого устава. Университетскій вопросъ былъ вообще его больнымъ мѣстомъ. Страстно и желчно критиковалъ онъ обыкновенно наши университетскіе порядки,— и это было такъ оттого, что на задачи и назначеніе университетовъ онъ имѣлъ взглядъ возвышенный, съ которымъ согласовалъ и предъявляемая къ нимъ требованія. Больше всего этому взгляду отвѣчалъ строй англійскихъ университетовъ, о которыхъ онъ написалъ живой и бойкій очеркъ, напечатанный въ концѣ 80-хъ годовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Оглядываясь теперь на пройденное Ю. А. Кулаковскимъ жизненное поприще, нельзя не сказать, что въ его лицѣ русская наука утратила крупную, дѣятельную силу, нелегко возмѣстимую. Одушевленный знатокъ античнаго міра, его языковъ и литературы, большой мастеръ слова, идеалистъ, проникнутый возвышеннымъ гуманитарнымъ настроениемъ, неутомимый и вдумчивый научный работникъ, добросовѣстный и преданный своему дѣлу профессоръ, носитель лучшихъ университетскихъ традицій, нелицемѣрный другъ учащейся молодежи,— Ю. А. Кулаковскій не внесъ въ оборотъ человѣческой мысли какихъ либо яркихъ и новыхъ идей и не создалъ школы, — это дано не каждому, — но онъ обогатилъ русскую научную литературу многими цѣнными изслѣдованіями, отмѣченными печатью яснаго ума, глубокаго и широкаго знанія, тонкой наблюдательности и неоспоримой талантливости. Бесѣда съ нимъ всегда была поучительна. Онъ поражалъ своею жадною любознательностью и широтою захвата своихъ научныхъ интересовъ, но это отнюдь не было признакомъ дилеттантизма или дурной привычки разбрасываться. Своими связями съ другими научными работниками онъ очень дорожилъ и поддерживалъ съ ними самую дѣятельную переписку. И, куда бы

ни долетала вѣсть о томъ, что его не стало, вездѣ найдутся люди.—его друзья, его корреспонденты, его бывшіе ученики, его почитатели, — которые отнесутся къ этой горестной вѣсти съ чувствомъ искренней, сердечной печали.

A. Деревицкій.

Памяти профессора Ю. А. Кулаковского.

Обширная и разносторонняя ученая деятельность покойного Ю. А. Кулаковского давно уже нашла заслуженное и должное признание въ ученомъ мѣрѣ. Около полугораста его печатныхъ трудовъ-большое и прекрасное наслѣдіе, оставленное имъ наукѣ и родинѣ, дополняемое многими его статьями и рѣчами - по среднему и высшему образованію въ Россіи, по вопросамъ общественнаго характера, м. пр. касающимся родного ему Западнаго края Россіи, восточному вопросу и др.

Я не буду говорить о покойномъ Юліанѣ Андреевичѣ, какъ объ ученомъ. Но я зналъ его со школьнай скамьи, въ болѣе поздніе годы былъ съ нимъ хорошо знакомъ, а въ послѣдніе годы это близкое наше знакомство перешло въ дружбу, къ сожалѣнію, такъ жестоко оборвавшуюся съ его смертью, и я хочу сказать о немъ нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ, а изъ ученой его дѣятельности остановлюсь лишь о нѣкоторыхъ его работахъ въ Крыму, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и отчасти участникомъ.

Первое, что бросалось въ глаза въ характерѣ Юліана Андреевича, это была его живость, горячность. Эти свойства молодости онъ сохранилъ и въ зрѣлые годы, и они невольно влекли къ нему, такъ какъ всегда были полны искренности, чуткой восприимчивости, какъ бы юношескаго пыла. Эта его горячность рельефно сказывалась и въ томъ увлечениіи, съ которымъ входилъ онъ въ ту или иную область научныхъ изысканій; она проявлялась и на ученыхъ съѣздахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, напр. Виленскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ 2-мъ, и въ его ученой полемикѣ, и въ выраженіи его любви къ родинѣ.

Любовь къ наукѣ и родинѣ были нераздѣльны въ его душѣ и горѣли въ ней яркимъ пламенемъ. Сынъ протоіерея г. Поневѣжа, Ковенской губерніи, онъ выросъ и воспитался въ средѣ, которая была пропитана преданностью православію, русскимъ национальнымъ чувствомъ и въ которой живо было уваженіе къ наукѣ, воспитывавшееся м. пр. Виленскимъ университетомъ, гдѣ на богословскомъ факультетѣ получила образованіе лучшая часть мѣстнаго духовенства первой половины прошлаго столѣтія - сотрудники митрополита Іосифа Сѣмашки и его послѣдователей.

Судьбы съверозападнаго русскаго края были очень близки и дороги Юліану Андреевичу. Онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ русско-польскихъ отношеній, горячо скорбѣлъ по поводу ошибокъ правительства и въ отношенію къ его родному краю, недостаточнаго вниманія къ

нему. Между прочимъ, онъ отозвался статьей на появление въ свѣтъ монументального академического издания „Записки митрополита Литовского Иосифа Сѣмашки“, откликнулся по вопросу объ учреждениі въ Вильнѣ православной духовной академіи; у него хватило мужества сказать и правдивое, вѣское слово въ память виленского генералъ-губернатора М. Н. Муравьевъ.

Но это чувство любви къ родинѣ не носило у него характера узкаго мѣстного патріотизма. Юліанъ Андреевичъ былъ глубоко русскій человѣкъ, пламенно любившій Россію, ея мощь и величіе въ прошломъ, горѣль надеждой на ея свѣтлое будущее, и до глубины души онъ страдаль по поводу развала Россіи и внутренняго ея нестроенія въ послѣднее время. Своихъ убѣждений онъ не скрывалъ, выражалъ ихъ открыто; его искренность, благородная, смѣлая прямота, его идеализмъ были всѣмъ извѣстны и вызывали уваженіе къ нему въ кругахъ людей другихъ убѣждений.

Съ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія Юліанъ Андреевичъ вошелъ въ область крымскихъ изученій, и въ 1894 г. изслѣдоваль Керченскую катакомбу. Войдя въ область исторіи и древностей Тавриды, онъ тогда уже пришелъ къ мысли о важности оживленія и объединенія изученія Тавриды и смотрѣль на Таврическую Ученую Архивную Коммиссію, какъ на „естественный центръ, куда могли бы стекаться различнаго рода важныя свѣдѣнія, которая ускользаютъ отъ изслѣдователей на время въ Крымѣ изслѣдователей“. „Дѣло же идетъ, писать онъ мнѣ, почему-то вразбрѣдъ, а потому и достигается гораздо меньше, чѣмъ бы это было возможно“.

Въ концѣ этого года онъ обратилъ вниманіе Императорской Археологической Коммиссіи на важность издания археологической карты Крыма и высказалъ пожеланіе, чтобы она взяла этотъ трудъ на себя. Археологическая Коммиссія сочувственно отнеслась къ этой мысли и предложила Юліану Андреевичу принять на себя „трудъ подготовки проектируемой археологической карты и составленія проекта археологическихъ разысканій во внутренней части Крымского полуострова“. Это обстоятельство вызвало живую переписку у насъ. Въ 1895 г. онъ снова былъ въ Крыму, гл. обр. изъ-за издания описанія Керченской катакомбы, и въ этомъ же году произвелъ при моемъ участіи обслѣдованіе части Симферопольского уѣзда для археологической карты Крыма. Къ сожалѣнію, работа эта была непродолжительна и не привела къ желательнымъ результатамъ, въ виду того, что Юліанъ Андреевичъ былъ занятъ ею весьма короткое время, и не было возможности воспользоваться тогда же изготовленіемъ генеральнымъ штабомъ одноверстной картой Крыма, а отчасти потому, что и я не могъ въ то время взять на себя предлагавшейся мнѣ отвѣтственной части работы. Но и къ этому дѣлу Юліанъ Андреевичъ отнесся съ большимъ увлеченіемъ, старался „войти въ археологію и исторію Крыма“, усиленно знакомился съ исторической литературой о Крымѣ, дѣлалъ выписки, замѣтки и т. д.

Въ 1896 г. онъ снова былъ въ Крыму, производилъ раскопки въ долинѣ Бельбека, близъ Симферополя и близъ д. Эвель-Шеихъ; обслѣдовалъ нѣкоторыя мѣста въ окрестностяхъ Судака, Карасубазара и Бахчисарай, м. пр. развалины церкви св. Троицы близъ с. Лаки, сдѣ-

лать эстампажъ съ надписи, указанной ему мною на одной изъ стѣнъ Мангуна и изданий В. В. Латышевымъ.

Цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, касавшихся Тавриды и закончившихся прекрасной книжечкой „Прошлое Тавриды“, былъ результатомъ его ученыхъ связей съ этимъ краемъ.

Съ начала девяностыхъ годовъ Юліанъ Андреевичъ началъ чувствовать угнетеніе состояніе, вызванное Японской войной; начавшимся въ концѣ ея революціоннымъ движениемъ и анархіей, развившимися повсюду въ Россіи и въ частности въ нашихъ университетахъ. „Я падаю духомъ“, писалъ онъ мнѣ въ 1902 г., и съ ужасомъ жду того, что еще суждено намъ переносить, и какое наслѣдіе оставимъ мы нашимъ дѣтямъ вмѣсто единой, могущественной и грозной для виноваго врага Россіи, покончшейся на національныхъ русскихъ устояхъ“. Онъ скорбѣлъ о тяжеломъ, неопределѣнномъ въ то время, даже безпомощномъ положеніи университетовъ. „Какое ужасное время мы переживаемъ! И какіе ужасы еще предстоятъ намъ“, писалъ онъ мнѣ 11 ноября 1905 г. Его ужасала „неувѣренность Петрограда въ завтрашнемъ днѣ и готовность цѣлыхъ политическихъ партій идти на раздробленіе Россіи“. „Мы съ Вами, какъ уроженцы Западнаго края, понимаемъ, что значить польская автономія, но этого не хотятъ понимать москвики, съ мягкимъ сердцемъ требующіе отдѣленія Польши, а затѣмъ очевидно и Западнаго края подъ именемъ Литвы“.

Живо интересовала его и наша средняя школа, и въ 1905 г. онъ участвовалъ въ Комміssіи по обсужденію проекта устава средней школы. Мучили Юліана Андреевича и затрудненія съ выработкой университетскаго устава. 5 апр. 1909 г. онъ писалъ мнѣ: „Странная судьба нашихъ университетовъ. Когда я начиналъ университетскую службу, бывъ беспорядокъ, котораго не исправляли въ ожиданіи устава. Потомъ все время мудрили при уставѣ 1884 года, въ 1905 г. подумали, что всякий уставъ отмѣненъ, а теперь тянуть мороку съ новымъ уставомъ, который не имѣть шансовъ скоро пройти. Какъ будто въ уставѣ дѣло, а не въ правахъ. Вѣдь и съ гимназіей то же: все поставили подъ вопросъ, и дѣло такъ и застыло, и даже не слышно, есть ли проектъ нового устава средн资料的 образованія, который бы далъ сознаніе прочности дѣла и нормального порядка“.

Въ это время радовался онъ оживленію работы въ университетѣ и съ удовольствіемъ сообщалъ, что на историко-филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета имѣлись классики „люди старательные, ревностные и способные“ (письмо 1912 г.), но сокрушался изгнаніемъ древнихъ языковъ изъ гимназій.

Любившій наши всероссійскіе археологические сѣзиды, въ эти годы Юліанъ Андреевичъ не былъ ни на одномъ, начиная съ Екатеринопольского, „хотя думалъ быть на каждомъ“, ноѣздилъ въ 1902 г. на историческій конгресъ въ Римъ, гдѣ прочелъ докладъ о крашенихъ костякахъ въ южнорусскихъ курганахъ, а въ 1908 г. былъ на историческомъ конгресѣ въ Берлинѣ.

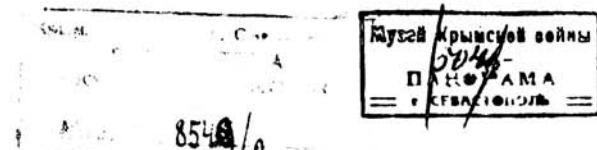
Казалось, что къ старости и материальное положеніе Юліана Андреевича было достаточно обеспечено, и можно было надѣяться на спокойный конецъ жизни. Любилъ онъ провести часть лѣта на своемъ хуторѣ въ Гродненской губерніи, близъ крѣпости Осовца, а въ послѣд-

ие годы началь съ любовью устраивалася на Красной-Полянѣ— на Кавказь. Но злой рокъ отнялъ у него въ 1914 г. брата Платона Андреевича, а въ 1915 г. жену, давшую ему счастіе, и началася у него одиночество „сиротская жизнь“,—а политическая событія, шедшія съ необыкновенной быстротой, послѣ некотораго подъема въ началѣ войны и проблеска надеждъ на освобожденіе славянства отъ немецкаго гнета и возрожденіе его, надеждъ на освобожденіе ими праливодъ и занятіе Константино пола, наносили ему одну рану за другой, терзали его, убивали одну его надежду за другою,—и имъ стать оглядывать пессимизмъ, доходившій порой до отчаянія. „Уныніе и безнадежность, одолѣвшія меня, и все усилившіяся, превратили меня въ живой трупъ, убили всякую волю и энергию... Я страшно томлюсь и страдаю отъ невозможности чѣмъ нибудь заняться. Налегла на Русь черная полоса, въ которой нѣть просвѣта... Идеть развязать великой единой Руси, которая имѣла свои великия міровыя задачи и моць для ихъ выполнения. Перебили спиной хребетъ живого существа, и оно трепещетъ конвульсивно всѣми своими членами. Страшно до ужаса и жить нечѣмъ. Отъ худого идемъ къ худшему... Что выйтѣть изъ этого хаоса? У меня нѣть силъ переживать это страшное настоящее“ (изъ письма отъ 4 июня 1917 г.). „Современныя событія такъ тяжело ложатся на мою душу, что я временами впадаю въ полное сумасшествіе“, писалъ онъ 7 июня 1917 г. „Настали святки, и близится Новый годъ. Въ это время обыкновенно обмѣнивались привѣтствіями близкіе люди и добрыми пожеланіями. Но, Боже, Боже! Ужасъ нашего настоящаго сковываетъ всякія надежды, и языкъ нѣмѣеть для словъ: „Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ“. Страшная темная туча налегла на Русь и въ этой осиротѣлой тьмѣ въ тревогѣ за грядущій день приходится не жить, а прозѣвать и томиться... Въ туманѣ этихъ событій гаснетъ и мысль и сознаніе“ (Письмо отъ 27 декабря 1917 г.). Онъ сокрушался и о тяжеломъ положеніи „Кієва, нѣкогда центра русскаго государства“, и происходившими въ немъ „всякими ужасами“.

Это тяжелое, угнетенное душевное состояніе вызывало въ немъ пессимистическое, недовѣрчивое отношеніе, между прочимъ и къ знали объ открытии Таврическаго университета, на первое время какъ филиала университета Св. Владимира. Но сочувствие всѣхъ культурныхъ элементовъ Тавриды этой идеѣ, серьезная постановка вопроса обѣ университетѣ въ тогдашнемъ Крымскомъ краевомъ правительству и счастливое начало академической жизни въ новомъ университѣтѣ вызвали перемѣну въ отношеніи Юліана Андреевича къ этому вопросу, и онъ искренно радовался появлѣнію Таврическаго университета.

О себѣ сообщать онъ въ истекшемъ году печальная свѣдѣнія. „Энфилема и слабости сердца теперь мои спутники, и живется мнѣ очень тяжело“ (письмо отъ 28 сентября 1918 г.). Его удручила невозможность работать изъ-за типографской разрухи и угнетала „тяжкая дума, что нашей культурѣ конецъ“. Это были послѣднія слова его въ письмѣ ко мнѣ. О послѣдніхъ мѣсяцахъ его жизни—унылой и страшальной, очень печальной, мы мало знаемъ. Крупеніе родины сломило его физическія и душевныя силы, и онъ очутился подъ ся развалинами, оставивъ послѣ себя свѣтлую память.

А. Маркевичъ

Приложение къ № 57-му Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

П Р О Т О К О Л Ы

засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 28-го января 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: токаринъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены И. Ф. Александровъ, Ф. Н. Андреевскій, М. И. Архангельскій, Е. А. Бартъ, А. И. Казасъ, о. П. И. Медвѣдковъ, А. К. Романюкъ, В. И. Тихій, К. И. Тодорскій, К. А. Трепевъ, П. В. Чинновъ, А. И. Шалаліевъ и гость А. А. Соколовъ. Секретаремъ избранъ П. В. Чинновъ.

I. Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ 28 декабря истекшаго года члена Коммиссіи Л. П. Колли и указалъ на полезные труды его въ ней въ теченіе свыше семнадцати лѣтъ.

Собрание почтило память покойнаго вставаніемъ.

II. Доложены протоколы засѣданій Коммиссіи 17 ноября и 14 декабря 1917 года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложенъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1917 годъ. Избранная въ настоящемъ засѣданіи Ревизіонная Коммиссія, изъ И. Ф. Александрова и Ф. Н. Андреевскаго, разсмотрѣвшая приходо-расходную книгу и денежный отчетъ казначея Коммиссіи А. К. Романюка, нашла, что книга велась правильно, итоги подведены точно, остатокъ на лицо и соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Постановлено: Отчетъ утвердить и напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IV. По поводу замѣтнаго ухудшенія средствъ Коммиссіи и предстоящихъ необходимыхъ расходовъ въ наступившемъ году, казначеемъ Коммиссіи А. К. Романюкъ обратилъ вниманіе на необходимость принять всѣмъ членамъ Коммиссіи старанія объ увеличеніи ея средствъ-платой членскихъ взносовъ, приглашеніемъ къ пожертвованіямъ и т. д. Между прочимъ, онъ указалъ возможность употребить ходатайство о возмѣщеніи расхода за ремонтъ городского зданія, въ которомъ помѣщается Музей Коммиссіи, и на цѣлесообразность увеличенія платы за изданную Коммиссіей въ 1907 году книгу „Описаніе сенатскихъ дѣлъ“ ея историческаго архива, нынѣшняя цѣна которой (5 руб.) ниже стоимости ея печатанія.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ А. К. Романюка, **постановили:** увеличить плату за Описаніе сенатскихъ дѣлъ до 8 10 руб. за экземпляръ, увеличить плату за Извѣстія Коммиссіи и принять всѣ возможныя мѣры къ улучшенію ея средствъ.

V. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что 3—5 января этого года состоялся въ Симферополѣ Съѣздъ представителей ученыхъ обществъ и научныхъ учрежденій Таврической губерніи, въ которомъ представителями Коммиссіи были онъ и Л. В. Жирицкій. На этомъ съѣзда А. И. Маркевичъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Къ вопросу объ архивной реформѣ“, въ которомъ указалъ на печальное положеніе русскихъ архивовъ вообще и въ Таврической губ. въ частности и привѣлъ свои соображенія о томъ, какія мѣры могли бы упорядочить наше архивное нестроеніе. Эти мѣры, главнымъ образомъ, сводятся къ изданію общаго архивнаго закона и учрежденію центральныхъ губернскихъ и областныхъ архивовъ. А. И. Маркевичъ обратилъ вниманіе съѣзда также на угрожающее положеніе частныхъ архивовъ, гл. обр. помѣщичьихъ, въ настоящее время, при чемъ указалъ на настоятельную необходимость неотложнаго принятія мѣръ къ сохраненію отъ гибели весьма цѣннаго родового архива Ю. В. и П. В. Поповыхъ, находящагося въ им. Тавель Симферопольскаго уѣзда и им. Васильево Мелитопольскаго уѣзда, а также архивовъ прекратившихъ свое существованіе казенныхъ учрежденій, такъ какъ этимъ архивамъ грозить расхищеніе и уничтоженіе.

Съѣздъ сочувственно отнесся къ заявленіямъ и ходатайствамъ А. И. Маркевича и постановилъ возбудить рядъ ходатайствъ объ упорядоченіи архивнаго дѣла въ Россіи и содѣйствіи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ ея дѣятельности.

Кромѣ того, Съѣздъ, по предложенію П. А. Двойченко и Е. В. Вульфа, постановилъ переиздать трудъ А. И. Маркевича: „Таигіса. Опытъ указателя сочиненій о Крымѣ“, распредѣливъ его отдѣлы между специалистами.

На этомъ же Съѣздѣ, по вопросу объ учрежденіи въ Таврической губерніи ряда заповѣдниковъ, по отношенію къ рѣдкимъ отдѣламъ фауны и флоры, членъ Коммиссіи Л. А. Моисеевъ высказался о необходимости признать государственною собственностью тѣ мѣста, въ которыхъ находятся памятники древности и старины, городища, курганы, пещерные города, а равно находящіеся въ нѣдрахъ земли предметы древности. Эта мысль была горячо поддержанна на Съѣздѣ А. И. Маркевичемъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено письмо В. Д. Геймана отъ 10 января съ унѣдомленіемъ о томъ, что, въ виду разгрома имѣній по сосѣдству съ имѣніемъ насл. Айвазовскаго Лампси Шеихъ-Мамай, гдѣ находится мастерская знаменитаго художника, цѣнныя картины его, вещи и пр., онъ принялъ мѣры къ спасенію этихъ предметовъ, и по его прососьбѣ Феодосійское земство ходатайствовало объ этомъ предъ военно-революціоннымъ комитетомъ, вслѣдствіе чего посланы туда делегаты для предупрежденія разгрома, описи вещей и перевозки ихъ въ случаѣ надобности въ Феодосію. То же сдѣлано и по отношенію къ экономіи ботаника Юнге въ Коктебель, гдѣ спасены библіотека и цѣнныій гербарій. Г. Гейманъ присовокупляетъ что Карадагская станція цѣла.

Постановлено: благодарить В. Д. Геймана за его заботы объ охранѣ научныхъ и художественныхъ цѣнностей и просить продолжать ихъ.

VII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи С. ѡ. Платонова: „Лѣтописный разсказъ о крещеніи княгини Ольги въ Царьградѣ“. Сооб-

щеніе было выслушано съ большимъ вниманіемъ, и **постановлено**: благодарить автора, а его трудъ напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

VIII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи В. Д. Геймана: „Къ сорокалѣтію русско-турецкой войны 1877-78 г.г.“. **Постановлено**: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

IX. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Россійской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 16, 17 и 18 за 1917 годъ и 1 за 1918 г.

2. Отъ Харьковскаго Университета: Записки, кн. 3—4 за 1917 г.

3. Отъ Университета Св. Владимира: Университетскія Извѣстія, № 11, 12 за 1916 г.

4. Отъ Сенатскаго Архива: Опись документовъ и дѣлъ. Отдѣль III, т. 3, 1917 г.

5. Отъ Севастопольской Біологической Станціи: Отчетъ за 1916 г.

6. Отъ Гидрогеологического отдѣла при Таврической губернскій земской управѣ: а) Отчетъ гидрогеолога Таврической земской управы (Н. Головкинскаго) за 1888 годъ; б) Мамонтъ въ Сотерѣ Н. Головкинскаго; в) Н. Головкинскій. Источники Чатырдага и Бабугана; г) Н. Головкинскій. О современномъ положеніи артезіанскаго дѣла въ Таврической губ. 1896 г. д) Н. Головкинскій. Геологические профили Таврическаго полуострова; е) Н. Педдакасъ. О вліяніи лѣса на грунтовыя и подземныя воды. ж) Н. Головкинскій. Наблюденіе надъ осадками въ почвѣ. з) Докладъ Таврич. Губерн. Земск. Управы по вопросу о выдаче ссудъ и пособій населенію на устройство и улучшеніе водоснабженія; и) П. Двойченко. Задачи дѣятельности гидрогеологического отдѣла Таврич. Губерн. Земства; і) Педдакасъ. Къ выясненію причинъ уменьшенія дебета источниковъ и грунтовыхъ водъ; к) Двойченко. Проектъ организаціи Отдѣла Водного Хозяйства при Таврич. Губерн. Земствѣ; л) П. Двойченко. Буреніе артезіанскихъ колодцевъ въ Таврич. губерній въ 1911—1912 г.г.; м) Н. Двойченко. Докладъ о направленіи дѣятельности и организаціи Гидрогеологич. Отдѣла Таврич. Земства; н) Отчетъ о дѣятельности Гидрологич. Отдѣла за 1913—14 г.г.

8. Отъ члена Коммиссіи А. И. Соболевскаго его труды; а) Румыны среди славянскихъ народовъ; б) Державинъ какъ поэтъ.

9. Отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ: „Чтения“, книги 3 и 4 за 1917 годъ.

10. Отъ члена Коммиссіи А. Л. Бертъе-Делагарда: Voyage autour du Caucase et en Crimée, par Frédéric Dubois de Montpereux. T. I—VI. Съ атласомъ (въ копіи).

11. Отъ Г. А. Маркевича: а) Постановленія Мелитопольск. уѣздн. земского собранія за 1904—15 г.г. (12 кн.). б) Смѣты и отчеты Мелитопольск. уѣздн. земск. собр., 2 кн. в) Вѣдомость о земляхъ Мелитоп. уѣзда, 1 кн. г) Постановленія Днѣпровскаго уѣзднаго земского собранія за 1905—1916 г.г. (11 кн.) д) Сборники постановл. Бердянскаго уѣзднаго земского собранія за 1866—1908 гг. (3 тома и указатель). е) Журналъ совѣщанія по разсмотрѣнію смѣтныхъ предположеній на гидротехническія надобности въ Сѣверномъ районѣ Таврической губерніи

на 1916 годъ. ж) Планы землеустроительныхъ работъ на полевой пе-
риодъ 1912, 1913 и 1914 года по Таврической губерніи (3 кн.). з) Об-
зоры о состояніи Таврической губерніи за 1907, 1908, 1909, 1910, 1911
и 1912 годы (6 книгъ).

Постановлено: Благодарить.

— 5 —

Засѣданіе 28-го февраля 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Марке-
вича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены
И. Ф. Александровъ, П. А. Двойченко, А. А. Ивановъ, Г. А. Маркевичъ,
о. П. И. Медвѣдковъ, А. К. Романюкъ, П. В. Чинновъ, М. М. Шведовъ
и гость В. Ч. Речинскій.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель сообщилъ о но-
вой жертвѣ переживаемаго лихолѣтья, которую понесла Коммиссія въ
лицѣ Алона Яковлевича Гидалевича, убитаго въ Севастополѣ, и охарак-
теризовалъ личность покойного, какъ доброй душинъ человѣка, искрен-
не любившаго и изучавшаго древности Крыма.

Собрание почтило память А. Я. Гидалевича вставаниемъ.

II. Доложенъ протоколь засѣданія 28 января текущаго года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Симферопольской Ремесленной Управы
отъ 7 декабря 1917 г. за № 670 съ просьбой сдѣлать зависящее распо-
ряженіе о передачѣ Коммиссіи предметовъ, находящихся въ Управѣ и
представляющихъ значительный интересъ въ историческомъ и художе-
ственному отношеніи, какъ то: портретовъ бывшихъ императоровъ, це-
ховыхъ знаменъ и булавъ и т. п.

Постановлено: въ виду важнаго значенія этихъ предметовъ и пол-
наго отсутствія мѣста для нихъ въ помѣщеніи музея Коммиссіи, обра-
титься въ казенную мужскую гимназію съ просьбой о предоставлениі
Коммиссіи временно одной комнаты для храненія этихъ предметовъ.

IV. Обсуждался вопросъ о средствахъ Коммиссіи, и **постановлено:**
обратиться въ комиссару внутреннихъ дѣлъ о предоставлениі ей посо-
бія въ смѣтномъ порядке въ размѣрѣ 8—9 тысячъ рублей.

V. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи академика А. А. Шахма-
това: „Волхи древне-русской лѣтописи“. Это сообщеніе было выслушано
съ глубокимъ интересомъ, и **постановлено** благодарить автора за
присылку его и напечатать этотъ трудъ въ ближайшемъ выпускѣ Из-
вѣстій Коммиссіи.

VI. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи проф. И. А. Линниченко:
„Замѣтки о Пушкинѣ“. Сообщеніе было выслушано съ живымъ инте-
ресомъ. **Постановлено:** благодарить автора за присылку этого труда,
который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

VII. Предсѣдатель Коммиссіи прочелъ некрологъ: „Памяти Людо-
вика Петровича Колли“.

Постановлено: напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

VIII. Прочтена статья В. Н. Геймана: „Памяти учителя“ (О послѣд-
нихъ дняхъ Л. П. Колли).

Постановлено: напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IX. Предсѣдатель предложилъ въ члены Коммиссіи бывш. члена Либавскаго Съѣзда Мировыхъ Судей В. Ч. Речинскаго.

Постановлено: избрать Речинскаго въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

X. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Россійской Академіи Наукъ: Извѣстія, № 2—3 за 1918 г.

2. Отъ Историко-филологического семинарія Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ: „Minetva“. Сборникъ, вып. VI.

3. Отъ ботаническаго кабинета Никитскаго Ботаническаго Сада: Культура шафрана, бр.

4. Отъ Казанскаго Городскаго Музея: Отчетъ за 1916 годъ.

А. Отъ А. И. Маркевича. 1) Норцовъ. А. Н. Собрание сочиненій, т. 1 и 2. 2) Малеинъ I. М. Мои воспоминанія. 3) Бѣлокуровъ С. А. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. 4) Каталогъ московского отдѣленія общаго архива главнаго штаба, подъ ред. Масловскаго. 5) Лѣтопись Историко-родословнаго общества въ Москвѣ 1905 г. вып. 1—4. 1907 г. вып. 1—4. 6) Адріанъ архимандритъ. Памяти Коцубея и Искры. Кіевъ 1911 г. 7) Восточный сборникъ. Изд. Общества русскихъ оріенталистовъ, кн. 1. 1913 г. 8) Земскій соборъ при царѣ Ioannѣ Васильевичѣ M. 1905 г. 9) Бороздинъ И. Н. Русская историческая литература въ 1911 г. 10) Сапожниковъ Д. И. Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. 11) Справочная книга г. Симферополя на 1913 г. 12) Сахаровъ. Достопамятности г. Тулы и его губерніи, ч. I. 13) Д. Я. Самоквасовъ. Архивный материалъ. Новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учрежденій Московскаго государства XV—XVII ст. 14) Материалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ, т. 1 и 2. 15) Новгородскій музей древностей. 16) Николай, епископъ Таврическій и Симферопольскій, б. Алеутскій. Проповѣди, т. 1 и 2. 17. Савеловъ Л. Библіографический указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію россійскаго дворянства. 18) Бережковъ. О древней Владимірской лѣтописи. 19) Державинъ Н. С. Замѣтка о болгарскомъ говорѣ с. Терновки Мелитопольскаго у. Таврич. губ. 20) Крыловъ. Материалы для исторіи г. Старицы. 21) Отчетъ Горецкаго музея Волынскай губерніи барона Ф. Р. Штейнгеля за 1898—1904 г.г. 22) Андрониковъ. Памяти Н. Ф. Грамматина. 23) Рудаковъ. А. А. Титовъ (некрологъ). 24) Илинскій П. А. Изъ воспоминаній объ А. М. Бухаревѣ. 25) Алексій, епископъ Таврическій: а) Думы Старца Зосимы; б) Церковь и общество; в) Отчего душа болить; г) Смыслъ человѣческой жизни. 26) Архангельскій А. С. Ученые труды академика И. В. Ягича. 27) Рѣдинъ. Проф. Д. И. Багалѣй. 28) Рѣдинъ: Памяти о. В. Спѣсивцева. 29) Бережковъ М. Н. А. Ф. Шафонскій и его трудъ: „Черниговскаго намѣстничества топографическое описание“. 30) Очеркъ исторіи г. Чернигова, 2 экз. 31) Ласковскій. Новгородика, 1 и 2 вып. 32) Добровольскій а) Табиевскіе курганы; б) Путешествіе Екатерины Вел. черезъ Черниговскій край. 33) Погоцко-Витебская Старина, вып. 1. 34) Симсонъ. Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ. 35) Линдеманъ I. K. Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ. 36. Молчановъ Л. А. а) Материалы по фаунѣ беспозвоночныхъ оз. Селигера; б) Карта глубинъ части озера Селигера. 37) Дмитрій архіепископъ Казанскій и Свіяжскій (некрологъ). 38) Ку-

чукъ-иоаннесовъ. Краткій очеркъ армянской литературы V вѣка. 39) Торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ. 40) Селивановъ А. В. О древнѣйшемъ населеніи Пріокского района. 41) Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности, вып. 1—5 1911 г. 42) Норцовъ А. Н. Стихи. Для немногихъ; 43) Норцовъ А. Н. Воспоминанія о Павлоградскихъ лейбъ-гусарахъ. 44) Сказание о взятии царства Казанскаго. 45) Памяти Д. Я. Самоквасова. 46) Корсаковъ, проф. Л. М. Савеловъ и его труды по русской генеалогии. 47) Савеловъ Л. Донскіе дворянскіе роды, вып. 1. 48) Савеловъ Л. М. Родъ дворянъ Савеловыхъ. 49) Савеловъ. Геологическая рѣдкости. 50) Савеловъ. Библіографический указатель по истории, геральдикѣ и родословію россійского дворянства. 51) Л. М. Инскій (Савеловъ) Силуэты. 52) Слово и размыщеніе епископа Таврическаго Михаила. 53) Посланіе восточныхъ патріарховъ къ епископамъ Великобританіи съ изложеніемъ Вѣры Православной. 54) Первая обитель на дальнемъ востокѣ. 55) Крыловъ. Епископъ Никаноръ, какъ педагогъ. 56) Бережковъ: Нѣжинскія преданія, относящіяся къ 1709-му Полтавскому году, 2 экз. 57) Линниченко. Критическая оцѣнка сочиненія Л. В. Падалка: Прошлое Полтавской территории и ея заселеніе. 58) Соболевскій А. И. акад. Отзывъ о сочиненіи Фасмера „Греко-славянскіе этюды“. 59) Бабенко. Этнографической очеркъ народного быта Екатеринославскаго края. 60) Черношевъ В. И. Некрополь. Изъ записной книжки. 61) Государственная Дума (учрежденіе и положеніе о выборахъ); 62) Древняя земляная сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губ. ч. 1. 63) Абрамовичъ Д. И. Софийская библиотека (описаніе рукописей). 64) Алфавѣтъ на именныя книги пехотнаго Азовскаго полку, съ предисл. П. Н. Милюкова. 65) Филоненко В. И. Р. Г. Игнатьевъ. 66)—Погребальные и свадебные обряды черемисовъ Уфимской губерніи. 67)—Праздникъ „Кюсе“ у восточныхъ черемисовъ. 68)—Башкиры. 69) Горталовъ. Школьные годы С. Т. Аксакова. 70) Норцовъ. Кирасиръ Л. Т. Слѣпцовъ. 71) Торжество открытия Саратовскаго Учительскаго Института. 72) Первый съездъ славянскихъ филологовъ и историковъ. Материалы по организации съезда. 73) Отчетъ комитета о шестомъ при-сужденіи премій Харьковскаго Земельного Банка при Харьковскомъ Университетѣ. 74) Саркинъ. Къ исторіи открытия женскихъ школъ въ Тургайской области. 75) Катановъ проф. а) Киргизская и казанско-татарскія версіи христіанского сказанія о семи спящихъ отрокахъ; б) Извѣстія Лоренца Лянге 1716 г. о Сибири и сибирскихъ инородцахъ; в) Сказанія иностранцевъ о Казани; г) О предметахъ украшеній татарскихъ женщинъ; д) Новыя пріобрѣтенія музея Общества Исторіи, Археологии и Этнографии въ Казани. 76) Данилевичъ В. Е. По поводу одного погребенія, вырѣзанного съ землей, 2 экз. 77) Кибальчикъ Т. В. Древніе драгоценные амулеты, найденные въ южной Россіи, и геммы новаго времени. 78) О бронзовомъ бурханѣ, найденномъ въ Козловскомъ уѣздѣ. 79) Kaspar Alois. Symbol kalichu w krestanske malbe a o dejepisu A. M. Norcowa, пер. 80) Alois Kaspar. M. I. Veselovskij. Domn  le „Kamenn   baby“. Пер. на чешск. яз. 81) Савеловъ Л. М. Расположеніе кургановъ и городищъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ. 82) Короленко П. П. Кубанскіе казаки. 83) Оглоблинъ Н. Н. Обзорѣніе документовъ Чорондской земской избы.. 84) Качановскій В. Skanderberg. Historische Studie von Julius Pisko. Wien 1896. 85) Данилевичъ В. Е. Къ вопросу о

Параскевъ Пракседисъ, княжнѣ Полоцкой. 86) Короленко ІІ. ІІ. Древнія свѣдѣнія о Межигорскомъ монастырѣ. 87) Комплектъ лекцій по исто-рии и древностямъ Великаго Новгорода, вып. 3. 88) Уставъ Симферопольского Общества попеченія о дѣтяхъ. 89) Отчетъ правленія Симферопольского Общества трудовой помощи глухонѣмымъ за 1914 г. 90) Алексій Епископъ Таврическій Прощальны привѣтъ Тавридѣ. 91) Самоквасовъ Д. Я. Рѣчь 5 августа 1908 г. въ торжественномъ и юбилейномъ засѣданіи XIV-го археологического съѣзда. 92) Бережковъ М. Замѣтка о значеніи слова "унеинъ". 93) Бѣлокуровъ Сергѣй. Изъ записной книги Н. Н. Бантыша-Каменскаго. 94) Содержаніе доклада Д. П. Струкова на XV археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ въ 1911 г. 95) Катановъ. Эпиграфический памятникъ Волжской Булгаріи. 96) Савеловъ Л. Боршевскій монастырь и его синодикъ, какъ материалъ для генеалогіи донскихъ родовъ. 97) Романюкъ А. Сиротскій судъ. 98) Данилевичъ. Материалы къ нумизматической библіографіи. 99) Мокржецкий С. А. Самосудъ въ наукѣ. 100) Савеловъ. Въ защиту ученыхъ архивныхъ комиссій. 101) Уставъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. 102) Полоцко-Витебская Старина. 1912 г. кн. 1. 103) Оглоблинъ Н. Н. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирского приказа, ч. 2, 3 и 4. 104) Сборникъ статей студенческаго историко-этнографического кружка при университѣтѣ св. Владимира. Вып. III. 105) Данилевичъ. Донецкое и Хорошевское городище. 106) Данилевичъ. Стоянка и мастерская около сл. Хухры Ахтырскаго уѣзда Харьк. губ. 107) Данилевичъ. Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ. 108) Самоквасовъ. Д. Я. Программа лекцій по русской археологіи. 109) Музей украинскихъ древностей Тарновскаго въ Черниговѣ. 110) Савеловъ Л. М. Рѣчь на областномъ археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ. 111) Житіе и труды преподобныхъ Меѳодія и Кирилла. 112) Савеловъ. Денисовский архивъ. 113) Саркинъ. Семь св. Эфесскихъ отроковъ по христіанскому и мухаммеданскому сказаніямъ 114) Норцовъ. Проектъ программы общихъ работъ на областномъ археологическомъ съѣздѣ. 115) Арсеньевъ В. С. Письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ Е. М. Рославлевой. 116) Норцовъ. Тамбовская и Козловская сторожевая черта. 117) Назаревскій прот. Поученіе въ недѣлю 28-ую. 118. Николай, еп. Таврическій. Бесѣда въ гимназической церкви 19 февраля 1900 г. 119) Катановъ. Обзоръ казанскихъ отрывныхъ календарей за 1902—1904 гг. 120) Князь П. А. Вяземскій. (Къ 25-лѣтію со дня смерти). (Правит. Вѣсти, № 254 за 1903 г.) 121) Смородскій А. П. Девятый археологический съѣздъ въ Вильнѣ. 122) Извѣстія XV Археологического Съѣзда въ Новгородѣ въ 1911 г. 123) Извѣстія XII Археологического Съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г. 124) Извѣстія XIII Археологического Съѣзда. въ Екатеринославѣ въ 1905 г. 125) „Кремль“. Д. И. Иловайскаго, №№ 33, 36, 37—39, 41—42, 45—47, 56—58, 59—60, 61, 62—63. 126) Справочный Листокъ областного археологического съѣзда во Владимірѣ. 127) Квашнинъ-Самаринъ. Княжая пѣснь, ч. I. 128) Ильинскій Н. св. Алфавитная синтагма М. Властаря. Пер съ греческаго. 129) Габаевъ Г. Крымскіе татары подъ русскими знаменами. 130) Сборникъ Статистического бюро Таврическаго Губернскаго Земства: а) 1902 и 1903 г. 5 вып., б) Справочникъ по Таврической губ. на 1911 г. 131) Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы святителя Николая Мирликийскаго въ Баръ-Гра-

дѣ, сост. проф. А. Дмитріевскій и Юшмановъ, 131) Ученые Записки Императорского Лицея въ память цесаревича Николая, вып. 4 и 5; 133) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммісіи. Сборникъ, т. XI.

Б. Отъ Г. А. Маркевича: а) Статистический справочникъ Таврической губ. ч. I, вып. 1 и 2, вып. 3, вып. 4, вып. 5 и вып. 7; б) Обзоръ положенія начального народнаго образования въ Таврической губ. за 1913/14 уч. г.; в) Смѣты и раскладки Таврич. Губерн. Земства за 1910 годъ; г) Сводъ статистическихъ данныхъ о садовыхъ культурахъ Симферопольского уѣзда за 1900, 1903 и 1904 г.; д) Сельско-хозяйственный обзоръ Таврической губ. за 1910 годъ; е) Сборникъ по основной статистикѣ. Оцѣночная часть. Симферопольский уѣздъ. Вып. II.; ж) Труды Таврической метеорологической сѣти, вып. 27 (1913 г) 27 (1914 г.); з) Докладъ управы о положеніи работъ по оцѣнкѣ земель Таврической губ. и предположеніяхъ на 1910 годъ; и) Постановка опытовъ съ искусственными удобреніями въ садахъ Симферопольского уѣзда; і) А. Ивановъ. Рѣка Кача, какъ винодѣльческий районъ, и розовый качинскій виноградъ, бр.; к) Гаршинъ Е. Объ Эйгенфельдскомъ среднемъ сельско-хозяйственному училищѣ, бр.; л) Журналы засѣданій Таврич. Губерн. Земского Собрания 1913 года; м) Труды особаго агрономич. совѣщенія при Таврич. землеустр. комиссіи, 1911 г.; н) Планъ и смета по оказанию агрономич. помощи въ районахъ землеустройства и казенныхъ земель Таврической губерн. на 1914 г.; о) Отчетъ по агрономической помощи на казенныхъ земляхъ Таврич. губ. за 1913 г.; п) Обзоръ агрономической помощи въ районахъ землеустройства Таврическ. губ. за 1913 г.; р) Схема распределенія атмосферныхъ осадковъ въ Таврич. губ. за 1914 г.; с) Журналы Симферопольской Городской Думы за 1903 годъ.

Засѣданіе 26-го марта 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммісіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены

И. Ф. Александровъ, И. М. Волошиновъ, П. А. Двойченко, А. А. Ивановъ, А. Ф. Кудрицкій, И. С. Поповичъ, В. Ч. Речинскій, о. И. И. Тяжеловъ, М. Г. Тяжелова, А. И. Шалаліевъ и гости: Н. А. Елашинъ и Н. А. Ленскій. Секретаремъ, за отсутствіемъ правителя дѣлъ, избранъ В. Ч. Речинскій.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ 28 февраля этого года члена Коммісіи Елизаветы Сергеевны Даудовой, въ теченіе многихъ лѣтъ весьма сердечно относившейся къ жизни Коммісіи, и довелъ до сведения собрания, что согласно ея волѣ въ библиотеку Коммісіи ея душеприказчикомъ передана часть ея библіотеки (списокъ ниже).

Собрание почтило память покойной вставаніемъ.

II. Дложенъ протоколъ засѣданія Коммісіи 28 февраля этого года.

Постановлено: утвердить.

III. Должено отношение Археологической Коммісіи отъ 2 марта 1918 г. за № 94 съ выражениемъ благодарности за выраженіе чувствъ

горести по поводу гибели въ Россіи памятниковъ старины и искусства. При этомъ Археологическая Коммиссія высказываетъ убѣженіе, что „дѣятелямъ въ области изученія памятниковъ прошлого и въ настоящій тяжелый моментъ надлежить быть на своихъ постахъ и напрячь всѣ силы, чтобы охранить достояніе народа въ видѣ оставшихся въ наслѣдіе отъ прежнихъ временъ памятниковъ жизни и искусства, и надѣться и въ будущемъ, какъ это было всегда въ прошломъ, найти въ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи дѣятельного союзника въ дѣлѣ изслѣдованія и изученія древностей русского Юга“.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношеніе предсѣдателя Педагогического Комитета Симферопольской 1-й мужской гимназіи отъ 18 марта сл. за № 304 съ увѣдомленіемъ о томъ что хозяйственная комиссія этой гимназіи нашла возможнымъ удовлетворить ходатайство Архивной Коммиссіи о представлениі въ помѣщеніи гимназіи одной комнаты для храненія предметовъ, имѣющихъ историческую и художественную цѣнность, но подъ условіемъ получения Архивной Коммиссіей непосредственного на то особыго разрѣшенія комиссара народного просвѣщенія г. Симферополя и другихъ надлежащихъ властей.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено слѣдующее письмо почетного члена Коммиссіи А. А. Бертье-Делагарда по вопросу объ изданіи Коммиссіей въ переводѣ на русскій языкъ всѣхъ замѣчательныхъ сочиненій о Крымѣ, вышедшихъ въ свѣтъ на иностраннѣхъ языкахъ.

„Въ Таврическую Ученую Архивную Коммиссію.

Глубокоуважаемый

Арсеній Ивановичъ!

Вашимъ письмомъ, отъ 25 февраля, за № 20, Вы пожелали узнать мое мнѣніе относительно изданія переводовъ старыхъ иностраннѣхъ авторовъ писавшихъ о Крымѣ; представляю его Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Познаніе Крыма все болѣе и болѣе расширяется и углубляется, такъ какъ интересъ къ его изученію поддерживается и, надо надѣяться, еще на долго не заглохнетъ. Въ этомъ мы послѣдовали стремлению нашихъ дѣдовъ и отцовъ, въ свое время сумѣвшихъ направить большую ученыя силы въ эту сторону. Тогда, по недостатку своего, все дѣлалось иностранцами, ими же издавались и изслѣдованія Крыма, получая Европу, но почти безсрѣдно проходя для насъ. Да это и понятно. Уже самые чуждые языки, на которыхъ издавались труды, являются не малымъ препятствіемъ и, быть можетъ, еще большимъ рѣдкостью этихъ изданій, ставшихъ со временемъ мало доступными, часто вовсе не находимыми иначе, какъ въ рѣдкихъ и далекихъ библіотекахъ. А между тѣмъ распространеніе уже добытыхъ знаній есть дѣло высокой важности и не только потому, что они были даны въ свое время высокими авторитетами; много измѣнилось съ тѣхъ поръ, даже вовсе исчезло; не рѣдко мы увлекаемся, тратимъ силы и средства на повтореніе давно сдѣланного, но основательно забытаго; ошибочно сдѣланное указаніе повторяется многіе десятки лѣтъ за невозможностью его проверки, а на его основѣ дѣлаются и ложные выводы. Не распространяясь; само собою вполнѣ понятно, какой высокой важности было бы

шовсюдное и сподручное обладаніе трудаами старыхъ изслѣдователей Крыма и даже не только подписаныими знаменитыми учеными; можно указать не мало маленькихъ замѣтокъ, такъ давно данныхъ, что онѣ забыты всѣми, но въ свое время онѣ правильно поставили и рѣшили многіе вопросы, нынѣ вновь поднимаемые, съ затратой и силъ и средствъ. Давно знакомый и съ моей родной страной и съ обширной о ней литературой, мнѣ казалось дѣломъ крайней важности извлечь изъ забвенія старыя работы, но силы и средства одного были болѣе, чѣмъ недостаточны. Повидимому, за это пытается взяться Таврическая Ученая Архивная Комиссія—прошу передать ей сердечное пожеланіе широкаго успѣха.

Давно обдумывая подобное изданіе, съ общимъ заглавіемъ „Таврическаго Сборника”, мнѣ кажется, что его общий планъ указывается самимъ теченіемъ временъ. Вся работа должна бы составиться изъ четырехъ не равномѣрныхъ по объему частей: 1-я,—переводы древнихъ писателей, она исполнена Вас. Вас. Латышевымъ, столь полно и хорошо, что остается пожелать только, мѣстами, пѣкотораго дополненія и распространенія писаннымъ до начала книгопечатанія; 2-я—переводы средневѣковыхъ авторовъ, вродѣ Броневскаго, Боплана, Да Лукки, Дортелли и другихъ; очень многіе изъ нихъ переведены и довольно доступны, во всякомъ случаѣ описанія всѣхъ этихъ авторовъ не ограничиваются простымъ переводомъ, а требуютъ обширныхъ археолого-историческихъ ученыхъ комментарievъ, и слѣдовательно приходится ждать доброхотныхъ трудовъ, которымъ Ученая Архивная Комиссія могла бы только помочь; 3-я, и самая обширная и важная,—переводы съ англ., нѣмецк., франц., итальянск. языковъ изданнаго о Крымѣ, со дня его завоеванія Россіей; наконецъ, въ 4-ю часть слѣдовало бы включить не переводы, а переизданія очень многихъ любопытнѣйшихъ журнальныхъ статей и замѣтокъ, конца XVIII и первой половины XIX в., до Крымской войны, печатанныхъ хотя и по-русски, но исчезнувшихъ изъ обращенія столь отновательно, что ихъ трудно добыть, чѣмъ очень рѣдкія иностранныя изданія; надобно вспомнить, что за время указанного полувика, можно сказать, вся мысль культурной ученой Россіи проявлялась едва ли не исключительно въ журнальныхъ статьяхъ, исчезнувшихъ почти безъ остатка.

Изъ этого краткаго изложенія плана всей работы уже ясно, что всего важнѣе и полезнѣе было бы взяться прежде всего за изданіе 3-й части, въ которую входятъ такія классическія сочиненія, какъ Палласа, Кларка, Диуба и многихъ другихъ. Приблизительно говоря, на все потребуется около десяти убористыхъ томовъ. Слѣдовало бы, конечно, теперь же, съ самого начала, установить общія основы подобнаго изданія; я говорю не о его внѣшнемъ видѣ, хотя и здѣсь необходимо сохраненіе однообразія формата, шрифта, бумаги и т. под.; это все легко опредѣляется, завися лишь отъ удобства чтенія и средствъ. Труднѣе рѣшить отношеніе къ внутреннему существу самихъ перенодовъ; нѣсколькимъ возникающимъ при этомъ вопросамъ я тутъ же предложу и кажущееся мнѣ наилучшимъ рѣшеніе.

Что переводить у каждого автора? Думаю—только часть касающуюся Тавриды; это несомнѣнно, но что счесть Тавридой? губернію или только полуостровъ? полагалъ бы-лишь послѣдній, потому что это еди-

ница удобопонятная, совершенно естественная, географически точная и отдельная, не зависящая от административного, случайного произвола. Однако, на строгой безусловности и здесь нельзя настаивать; могут быть части сочинений, говорящие не о чистом полуострове Тавриды, но столь тесно с ним связанные, что их знание неизбежно для понимания и остального; напр., какъ отдельить от Тавриды искони съ ней связанный Таманский островъ или некоторые места и указания съверныхъ уездовъ?

Въ переводимыхъ сочиненияхъ найдется не мало ошибокъ, дѣйствительныхъ или кажущихся переводчику, вольныхъ или невольныхъ, какъ съ ними быть? Полагать бы давать только полный, старательный, строго точный переводъ, не пускаясь въ исправления, улучшения и комментарии, которые могутъ крайне усложнить и увеличить издание и которое слѣдуетъ предоставить критическимъ разборамъ или самосознанию читающего. Слѣдуетъ дать для каждого автора, сверхъ сказанного въ переведимомъ сочинении, одинъ лишь коротенькия замѣтки о времени и особенностяхъ изданий подлинника и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, кратко указывать непреложныя ошибки времени и т. подобн., безъ какихъ либо комментаріевъ.

Рисунки надобно дать всѣ непремѣнно, такъ и тамъ, какъ то сдѣлано въ подлинникахъ.

Обязательно сопровождать переводы подробными оглавленіями и возможно полными указателями, хотя бы этого и не было въ подлинникахъ.

Если признать желательнымъ указанный выше составъ „Таврическаго Сборника“, то 3-ю часть слѣдовало бы начать и вести хронологически, по мѣрѣ бывшего появленія подлинниковъ въ мысляхъ авторовъ. Такимъ образомъ, въ первую голову должны бы идти Тунманъ, Гутри, Кравень и кое кто еще болѣе мелкіе. Однако, едва ли можно быть твердо увѣреннымъ въ исполненіи всего этого обширнаго плана, и потому не слѣдуетъ строго гоняться за хронологіей, и лучше будетъ взять быка прямо за рога и начать съ труднѣйшаго, но и наибольшаго по научному значенію—путешествія Палласа. Это большой томъ, около 65 печатныхъ листовъ, съ атласомъ въ 30 таблицъ и картъ, съ 14 виньетками въ текстѣ. Переводъ этого сочиненія очень труденъ, требуя не только отчетливаго знанія языка, но и непремѣннаго, хорошаго пониманія и настоящаго и современнаго Палласу состоянія естественныхъ наукъ, особенно при немъ зарождавшейся—геологіи; точное и подробное знаніе переводчикомъ описываемой страны также безусловно необходимо. Отсутствіе этихъ условій ведеть къ такому истинно ужасному переводу, какъ помѣщенный въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., гдѣ едва ли найдется вѣрно переданная фраза.

За Палласомъ могли бы слѣдовать названные выше авторы, и въ особенности Кларкъ, столь большой ругатель всего русскаго, на которого такъ часто ссылаются, но котораго немногіе читали и даже видѣли. О дальнѣйшемъ загадывать мнѣ кажется преждевременнымъ".

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь и пр.

Это письмо было выслушано собраниемъ съ высокимъ интересомъ и вызвало всестороннее обсужденіе поднятаго почтенныи авторомъ вопроса. Собрание отнеслось къ мысли Александра Львовича съ единодушнымъ сочувствіемъ и согласилось со всѣми его соображеніями относительно характера изданія, предпринимаемаго Комміссіей. Отложивъ на нѣкоторое время обсужденіе деталей этого изданія, собрание **постановило:** а) просить А. Л. Бертье-Делагарда принять живое участіе въ переводѣ своимъ трудомъ и. взять на себѣ прежде всего переводъ сочиненія Палласа о Тавридѣ; б) открыть подписку между членами Комміссіи и другими лицами на осуществленіе предпринимаемаго Комміссіей изданія; в) за перенодъ книги Палласа назначить сумму въ 2000 — 2500 рублей.

VI. Доложено отношеніе ликвидационной комиссіи б. Симферопольского Городскаго Общественнаго Комитета съ препровожденіемъ постановлений Исполнительного Бюро этого Комитета и журналовъ Комитета и просьбой обработать этотъ материалъ и издать его въ Извѣстіяхъ Комміссіи или особой брошюрою, причемъ на обработку и изданіе материала назначено 500 рублей, каковую сумму Архивная Комміссія имѣеть получить въ мѣстномъ отдѣлѣніи Азовско-Донскаго банка.

Постановлено: Предложеніе принять и обратиться къ членамъ Комміссіи съ просьбой объ обработкѣ сообщеннаго ей материала.

VII. В. Ч. Речинскій представилъ продолженіе своего описанія воронежскихъ документовъ изъ собранія Комміссіи (1695 г.).

Постановлено: благодарить г. Речинскаго за его трудъ.

VIII. Доложено сообщеніе члена Комміссіи проф. Н. И. Веселовскаго „Объ изданіи кадіаскерскаго сакка“. Сообщеніе это было выслушано съ большимъ интересомъ, а высказанное въ немъ пожеланіе о скорѣйшемъ изданіи этого цѣннаго материала встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ. Нѣкоторыя справки по этому вопросу были даны предсѣдателемъ Комміссіи, напомнившимъ, что въ 1904 г. всѣ 120 книгъ кадіаскерскаго сакка были отосланы изъ Симферополя по распоряженію правительства въ Петроградъ и находятся въ Российской Публичной Библіотекѣ, почему изданіе этого сакка при ближайшемъ участіи Комміссіи невозможно.

IX. О. I. Тяжеловъ заявилъ, что все зданіе Таврической Духовной Консисторіи на дняхъ реквизировано мѣстною властью для помѣщенія въ немъ другого учрежденія, и что архивъ Консисторіи, занимающій четыре комнаты этого зданія, можетъ сильно пострадать, если будетъ занято и его настоящее помѣщеніе.

Постановлено: немедленно обратить вниманіе на это обстоятельство комиссара внутреннихъ дѣлъ и просить объ оставленіи архива Консисторіи на мѣстѣ, подъ должностной охраной.

X. И. М. Волошиновъ заявилъ, что такая же опасность угрожаетъ въ настоящее время и громадному архиву Таврической губернскай земской управы, въ виду ея предположенной реорганизаціи и выдѣленія изъ нея отдѣловъ народнаго образованія, сельско-хозяйственнаго, агрономическаго, ветеринарнаго, по народному призрѣнію и др., вслѣдствіе чего необходимо безотлагательно принять мѣры къ сохраненію въ цѣлости этого архива. Въ настоящее время этотъ архивъ находит-

ся на чердакѣ зданія губернской земской управы, а съ преобразованіемъ управы можетъ быть расхищенъ.

Постановлено: просить совѣтъ комиссаровъ обь отводѣ хотя бы двухъ приличныхъ комнатъ подъ архивъ губернской земской управы въ ея нынѣшнемъ зданіи, если же это будетъ невозможно, то перевезти его въ зданіе пансіона 1-й Симферопольской мужской гимназіи и передать въ вѣдѣніе Архивной Комміssіи.

XI. Предсѣдатель заявилъ, что мѣстный старожилъ И. В. Михно пожертвовалъ Комміssіи фотографическій портретъ композитора Сѣрова.

Постановлено: благодарить.

XII. Въ библіотеку Комміssіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1) Отъ Россійской Академіи Наукъ: „Ізвѣстія“, №№ 4 и 5 за 1918 годъ.

2) Отъ Редакціи Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей №№ 22—24, 25—26, 27—29, 30—32, 33—34 и 35—35 этого изданія за 1918 г.

3) Отъ приватъ-доцента Пермского университета Н. С. Кошлякова: „Отчетъ объ открытии Пермского университета и дѣятельности его въ 19^{16/17} уч. году“.

4) Отъ душеприказчиковъ Е. С. Давыдовой книги изъ ея библіотеки:

- 1) P. de Tchihatchefi. Asie Mineure, description physique de cette contrée. Tt. I—IV. Paris 1853—1856 г.г.—Къ нему 2 атласа и карта Малой Азіи. 2) P. de Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai Oriental. Paris. 1845. Къ нему Atlas и Planches. 3) Маакъ Р. Путешествие на Амуръ. Спб. 1859—Атласъ. 4) Сумароковъ. Альбомъ рисунковъ къ „Досугамъ Крымскаго судьи“. 5) Фабръ. Достопамятнѣйшая древности Крыма. 1859. 6) Фабръ. Древний бытъ Эйоны. 1861. 7) П. Кеппенъ. Объ этнографической картѣ Европейской Россіи. 8) Влад. Давыдовъ. Путевые записки. Іонические острова, Греція, Малая Азія и Турція, ч. I. Спб. 1839 г.—Атласъ къ нему. Отд. 1 и 2. 9) Беймъ. Память о Чуфутъ-Кале. 10) M. Huc. Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. 1 и 2. Paris 1857. 11) M. Huc. L'empire chinois. Souvenirs d'un voyage. T. 1 и 2. Paris 1857. 12) Klaproth M. S. Mémoires relatifs à l'Asie. T. second. Paris 1826. 13) Trautschold H. Le neocomien de Sably en Crimée. Moscou 1886. 14) Записки Ф. Ф. Вигеля. T. I—III. 15) Записки С. П. Жихареева. 16) Sonnini C. S. Voyage dans la Haute et Basse Egypte. T. I—III. Paris.—Atlas. 17) Mackenzie Wallace. La Russie. T. 1 и 2. Paris 1877. 18) Graviere. Voyage en Chine. T. I—III. 19) Chardin. Voyages en Perse et autre lieux de l'Orient. Paris 1811. Atlas. 20) Picturae Etruscorum in vasculis nunc primum in unum collectae a Joh. Baptista Passerio nob. Pisaur. Vol. I—III. Romae 1767. 21) Pierres antiques gravées par Bernard Picart. Amsterdam 1724. 22) Художественный Листокъ Тимма. Три книги текста и 9 альбомовъ. 23) Художественный архитектурный альбомъ 1872. 12 выпусксовъ. 24) Сонцовъ Д. П. Роспись древней русской утвари его музея. Вып. 1 и 2. М. 1857—58. 25) Jos. Townsend. Voyage en Espagne. Collection de planches. Paris 1809. 26) Любке Вильгельмъ. Исторія пластики съ древніхъ временъ до нашего времени. Москва 1870 г. 27) Бергъ Н. Пѣсни разныхъ народовъ. Москва 1854. 28) Санелкинъ В. Горное дѣло въ Россіи. 29) Louis De-

laistre. Cours méthodique du dessin et de la perspective. Atlas. 30) Nouvelle théorie simplifiée de la perspective, par David Sutter. Paris 1859. 31) Poudra. Traité de perspective—relief. Paris 1862. Atlas. 32) Lichtenberg's. Ausführliche Erklärung der Hohartschen Kupferstiche. Wien. 33) Oeuvres de Flaxman, Sculpteur anglais, par Nitot—Dufresque. 35) Jules de la Gournerie. Traité de perspective linéaire. Paris 1859—Atlas. 35) Вѣстникъ Юго-Западной Россіи, изд. К. Говорскимъ. 1862 г. 36) Nouveau bras de Musée au Vatican. Rome 1864. 37) Аварскія сказки и пѣсни, собранныя Андемиромъ Черкаевскимъ 1867. 38) Wiertz A. Peinture mate. Bruxelles 1859. 39) L' année illustrée. Suite de l'exposition universelle illustrée 1868. Red. F. Ducuing. 40) Universal—Handatlas der neueren Erdbeschreibung über alle Theile der Erde. In 114 Blättern. K. Sohr. und F. Hadtke. 1856. 41) A popular Atlas of the world, consisting of detailed maps of the different parts of the globe. Publishes by James Wild. London 1849. 42) Хавскій. Древности Москвы. М. 1854. 43) Ant. Rich. Dictionnaire des antiquités romaines et grecques, tr. M. Chéruel. Paris 1859. 44) Catalogue général de l'exposition de 1867. Т. 1 et. 2. 45) Galerie de Pommersfelden. Catalogue a m. le comte de Schönborn. Paris 1867. 46) Всеобщій календарь на 1878 и 1881. —Русскій календарь на 1904. —Календарь Гатцкука на 1877 г. —Альманахъ Яблонского на 1897—1901 г. 47) Le Palais de Cristal. Album de l'exposition. Paris 1851. 48) Schrader Prud.-Ant. Atlas de geographie moderne. 49) Альбомъ въ память открытия монумента императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ. 50) Recueil de cartes géographiques, plans, vues et médailles de l'ancienne Grèce, relatifs au voyage du jeune Anacharsis. 51) Три карты изъ геогр. атласа Адольфа Стилера. 52) Художественный автографъ Выставки Академіи Художествъ въ 1870 году. 53) Карты (французскія) Азіи, Африки и Австраліи. 54) Карта Туркестанского генераль-губернаторства. 55) Альбомъ плановъ, чертежей и видовъ къ сочиненію „Пятигорскій край и Кавказскія Минеральная воды“. 56) Карта Европейской Россіи 1849. 57) Карта Тамбовской губерніи. 58) Catalogue de la galerie Royale de Dresden. Jule Hübiner 1872, кн. 1 и 2. 59) J'Andriveau - Goujon. Routes et chemins de fer de l'Europe. 60) Указатель 2-го отдѣла музея при Строгановскомъ училищѣ въ Москвѣ 1868. 61) Le dessin au fusain p. Armand Charnay. 62) Карта Петербургско-Московской жел. дороги (Вошинина) 1871. 63) Карта сухопутныхъ сообщеній Европейской Россіи. 64) Историко-этнограф. карта Австро-Венгрии (Paul de Bourgoing). 65) Карта Калмыцкой степи (Вильберга). 66) Карта № 15 изд. Энгельгардта и Скугаревскаго. 67) Межовъ. Систематический каталогъ русскихъ книгъ съ пятью прибавлениями. 68) Два каталога духовныхъ книгъ Тузова. 69) Каталогъ книгъ магазина Нового Времени за 1891 г. 70) Каталогъ 2 отд. русского отдѣла Вѣнской всемірной выставки 1873 г. на франц. яз. 71) Памятный листокъ Русско-Турецкой войны 1877—78 г. 72) Лосевъ. Отчетъ Иркутского губернского землемѣра за 1812 г. 73) Историческая записка о Иркутскихъ геодезистахъ и навигацкихъ ученикахъ. 74) Правила уѣздныхъ землемѣрамъ о точномъ исполненіи должностей ихъ. 1914. 75) Рукописная тетрадь землемѣрной вѣдомости по Иркутской губ. 76) Собрание телеграммъ, выходившихъ въ Симферополь въ 1917 г.

Засѣданіе 20-го мая 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены —И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, Л. Е. Галкинъ, А. Я. Гидалевичъ, Е. Э. Кесслеръ, А. Ф. Кудрицкій, П. В. Никольскій, Л. В. Жирицкій, С. А. Плаксинъ, И. С. Поповичъ, В. Ч. Речинскій, А. К. Романюкъ, М. И. Скубетовъ, В. А. Сочавецъ-Федоровичъ, А. И. Сѣницкій, прот. И. И. Тяжеловъ, М. Г. Тяжелова, П. Я. Чепурина, Л. А. Шихуцкій, Э. В. Эккъ и гости: А. Н. Ленскій, Н. Е. Епанчинъ, С. И. Забинъ и А. И. Христилибъ. Секретаремъ избранъ И. Ф. Александровъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель отъ имени созбрания привѣтствовалъ возвратившагося въ Симферополь въ полномъ здоровыи съ театра военныхъ дѣйствій члена Коммиссіи генерала отъ инфантеріи Э. В. Эккъ и пожелалъ ему съ тою же бодростью и съ такой же пользой продолжать свое служеніе отечеству.

Генераль Эккъ выразилъ благодарность за оказанное ему вниманіе.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія 26 марта 1918 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Одесского таможеннаго инспектора отъ 16/29 марта с. г. за № 962 съ просьбой о разрѣшениі уничтожить дѣла и книги 2 разряда Евпаторійской и Керченской таможень за 1893 1904 г.г., уже разсмотренные Коммиссіей, при чемъ особенно важныхъ въ историческомъ отношеніи дѣль не найдено.

Постановлено: просить таможеннаго инспектора о сохраненіи всѣхъ архивныхъ дѣль по таможенному округу.

IV. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что по прекращеніи большевистской власти въ Симферонолѣ имъ было возбуждено ходатайство предъ предсѣдателемъ Симферопольскаго Окружнаго Суда о передачѣ Архивной Коммиссіи всѣхъ дѣль и документовъ комиссаріатовъ, помѣщавшихся въ зданіи окружнаго суда. Въ отвѣтъ на это ходатайство поступило отношеніе предсѣдателя суда отъ 5/18 с. мая за № 1231 съ увѣдомленіемъ, что „общомъ собраніемъ Суда передача Коммиссіи дѣль и документовъ бывшихъ большевистскихъ комиссаріатовъ признана преждевременной въ виду дѣлового характера этихъ дѣль“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и записать въ протоколъ.

V. И. Ф. Александровъ предложилъ обратиться съ подобнымъ же ходатайствомъ къ комиссару внутреннихъ дѣль.

Постановлено: войти съ ходатайствомъ.

VI. Л. А. Шихуцкій обратилъ вниманіе на архивъ б. Штаба Черноморскаго флота, находящійся теперь въ неопределенному положеніи, вслѣдствіе чего дѣламъ этого архива грозить опасность расхищенія.

Постановлено: просить предсѣдателя Коммиссіи отправиться въ Севастополь, выяснить на мѣстѣ положеніе этого архива и принять мѣры къ спасенію его отъ гибели.

VII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Е. В. Вульфа: „Матеріалы по истории Никитскаго Ботаническаго Сада. II“.

Постановлено: благодарить автора и собіщенный имъ матеріалъ напечатать въ „Ізвѣстіяхъ“ Коммиссіи.

VIII. Доложено сообщение Н. Н. Клепинина: "Находки орудий каменного века въ Крыму".

Постановлено: благодарить автора и сообщение его поместить въ Извѣстіяхъ.

IX. Доложено сообщение С. И. Забини: "Находки каменного века въ Крыму", при чмъ С. И. Забинъ сдѣлалъ иѣкоторыя объясненія и дополненія къ своему докладу и представить фотографические снимки и рисунки найденныхъ имъ предметовъ неолитической эпохи.

Постановлено: благодарить автора и сообщение его напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

X. В. Ч. Речинскій указалъ, что находки орудий каменного века на Яйлѣ сдѣланы были и Крымскимъ Горнымъ Клубомъ.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XI. В. Ч. Речинскій сообщилъ статистическая свѣдѣнія 1918 года о положеніи имѣнъ на Южномъ берегу Крыма, принадлежащихъ членамъ б. царской фамиліи.

Постановлено: благодарить г. Речинского за его весьма ценный и интересный материалъ.

XII. Предсѣдатель предложилъ въ члены Коммиссіи слѣдующихъ лицъ: б. профессора Академіи ген. штаба генерала Н. А. Еланчина, жителя г. Феодосіи Мих. Ник. Хрущова, служащаго Таврич. Губ. Земской Управы Серг. Ив. Забини, прив.-доц. Петроградскаго Университета Н. А. Ленскаго и ст. сов. Ант. Ив. Христлиба. Всѣ означенные лица были избраны въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XIII. Н. Е. Славинскій сообщилъ о посѣщеніи командующимъ германскими войсками въ Крыму генераломъ Кошемъ музея Коммиссіи и желаніи его посѣтить мѣсто скиѳского поселенія Неаполиса.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XIV. Н. Е. Славинскій передаль въ распоряженіе Коммиссіи еще одну тетрадь изъ бывшихъ въ его распоряженіи воронежскихъ бумагъ.

Постановлено: благодарить.

XV. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

Отъ А. И. Маркевича. а) Дьяконовъ. А. Прусская гимназія 1818 г.; б) и в) Отчетъ о дѣятельности Таврической Губерн. Земской Управы въ 1912 г.; г) и д) Отчеты о дѣятельности Симферопольского Общества Исправительныхъ Приютовъ за 1912/13 и 1914/15 г.г.; е) Уставъ Симферопольского Общества Взаимного Кредита; ж) Отчетъ Главнаго Правленія Симферопольского Благотвор. Общества за 1914 г.; з) Отчетъ о дѣятельности дамскаго кружка при Таврич. губерн. Комитетѣ для всенародствованія пострадавшимъ воинамъ съ 1 авг. 1914 по 1 авг. 1916 г.; и) Докладъ Правленія Общему Собранию Общества попеченія о дѣятыхъ; и) Уставъ Симферопольской фруктовой и винной биржи (2 экз.); к) Обзоръ дѣятельности биржевого комитета Симферопольской фруктовой и винной биржи за 1914 г.; л) и м) Отчеты по Естеств.-Историческому музею Таврическаго губернскаго земства за 1907 и 1912 г.г.; н) Отчетъ-докладъ о дѣятельности мастерской наглядныхъ пособій по сельскому хозяйству Таврическаго земства за 1914 г.; о) Отчетъ о дѣятельности бактериологического Кабинета Таврическаго земства за 1915 г.;

п) С. А. Мокржецкій. Парижская или Швейцарская зелень, 4 изд.; р) А. П. Аксаковъ. Царь на хуторахъ; с Ежегодникъ курортной жизни за 1914 г.; т) Докладъ Правлѣнія 41-му очередному Общему Собранию членовъ Симфероп. Общества Взаимного Кредита 4 мая 1914 г.; у) Обзоръ Таврической губ. 1914 г.) ф) Отчетъ о дѣятельности Таврическаго Комитета по организаціи помощи Балканскимъ славянамъ и грекамъ (1912—1914 г.г.); х) Спутникъ по г. Евпаторіи; ц) Правила обѣ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій вѣд. М. Нар. Пр. 1891 г.; ч) Правила для учениковъ гимназій и прогимназій вѣд. Мин. Народн. Просв.; ш) Сборникъ правилъ и программъ для женскихъ гимназій и прогимназій вѣд. Мин. Нар. Пр. 1885 г.; щ) Примѣрная программы предметовъ, преподаваемыхъ въ нач. нар. училищахъ вѣд. Мин. Нар. Пр.; э) Калланъ В. В. О постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности въ средней школѣ; ю) Селивановъ П. А. О постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности въ женскихъ гимназіяхъ; я) Учебные планы гимназій 1890 г.; ё) Сборникъ постановлений и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства Мин. Нар. Пр. 1874 года.

Засѣданіе 28-го іюня 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены - Д. А. Благовѣщенскій, А. Я. Гидалевичъ, Н. А. Еланчинъ, Л. В. Жирицкій, С. И. Забининъ, А. Ф. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, о. П. И. Медвѣдковъ, П. В. Никольскій, И. С. Поповичъ, В. Ч. Речинскій, А. К. Романюкъ, К. И. Тодорскій, С. С. Чехъ, А. И. Шалаліевъ, Э. В. Эккъ и правитель дѣль П. В. Масловъ.

I. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ двухъ членовъ Комиссіи: протоіеряя В. С. Никольскаго и Н. И. Гейнаца.

Собрание почтило память почившихъ вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколь засѣданія 20 мая с. г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Евпаторійскаго Съѣзда Мировыхъ Судей отъ 3 іюня за № 475 съ препровожденіемъ, для свѣдѣнія, копіи представленія Мирового Судьи 5 уч. Евпаторійскаго Округа по дѣлу о разборкѣ дѣль, переписокъ и документовъ бывшей слѣдственной комиссіи Евпаторійскаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Постановлено: благодарить за присылку этихъ документовъ.

IV. Доложено ходатайство жителей старого и нового карантина г. Феодосія о разрѣшенніи совершать богослуженія въ старинной церкви карантина, въ которой и раньше совершалось богослуженіе, съ обязательствомъ сохранять ее въ цѣлости и не производить ремонта безъ разрѣшения Комиссіи.

Постановлено: удовлетворить это ходатайство на указанныхъ условіяхъ.

V. Доложено ходатайство настоятеля карантинной церкви въ г. Феодосіи прот. Виноградова и церковнаго старосты Милеанта о разрѣ-

шении повѣсить колоколъ въ 8 пудовъ на одинъ изъ карнизовъ Генуэзской башни въ Феодосійскомъ карантинѣ для нуждъ вышеупомянутой церкви.

Постановлено: просить заключенія по этому вопросу губернскаго инженера Н. В. Ларіонова.

VI. Предсѣдатель Комиссіи заявилъ, что, узнавъ въ недавнее время о предположеніи Симферопольской городской управы разобрать городской архивъ для уничтоженія ненужныхъ дѣлъ, онъ тотчасъ же отнесся къ управѣ съ заявленіемъ о необходимости привлеченія къ описанному разбору архива ея Таврической Ученой Архивной Комиссіи и сообщенія ей, какія дѣла будуть выдѣлены къ уничтоженію, для препровожденія ихъ въ исторической архивъ Комиссіи.

Постановлено: принять къ съвѣдѣнію.

VII. Доложено сообщеніе профессора О. И. Шмита: „О Тмутараканії“. Сообщеніе выслушано было съ большимъ интересомъ. Въ обсужденіи его принимали участіе А. Я. Гидалевичъ и предсѣдатель Комиссіи.

Постановлено: благодарить автора, а сообщеніе его напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Комиссіи.

VIII. Доложено сообщеніе члена Комиссіи С. А. Мокржецкаго: „Списокъ болѣе рѣдкихъ растеній, акклиматизированныхъ на дачѣ А. Л. Бертье-Делагарда въ г. Ялтѣ“.

Постановлено: благодарить автора за его сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Комиссіи.

IX. Доложено сообщеніе члена Комиссіи И. Ф. Александрова: „О пребываніи въ Крыму анатолійскихъ муллъ дервишей съ чудесной водой противъ чумы“. Въ обсужденіи его принимали участіе А. К. Романюкъ, сообщившій о другомъ случаѣ подобного посѣщенія Крыма малоазіатскими муллами, въ недавнее сравнительно время, С. С. Чехъ и С. И. Забнинъ, отмѣтившій существованіе въ Крыму бѣлыхъ и розовыхъ скворцовъ.

Постановлено: благодарить автора за его сообщеніе, которое напечатать въ Извѣстіяхъ Комиссіи.

X. Въ музей Комиссіи поступили: а) отъ губернскаго комиссариата: шесть печатей большевистскихъ властей; б) отъ капитана В. П. Броневскаго: мѣдная медаль въ память кончины императора Александра I-го; в) отъ А. Ф. Кудрицкаго: „Записная книжка служащаго россійской совѣтской республики рабоче-крестьянской красной арміи“; г) отъ А. И. Маркевича: Грамота 1820 г. на производство штабсъ-капитана артиллеріи Якова Карпенка въ капитаны.

Постановлено: благодарить.

XI. Предсѣдатель Комиссіи предложилъ въ дѣйствительные члены Комиссіи профессора Харьковскаго университета Ф. И. Шмита и инспектора классовъ Керченскаго Кушниковскаго дѣвичьяго института В. М. Ковальского.

Оба эти лица были избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XII. Н. Е. Славинскій заявилъ, что нынѣ ему исполнилось 80 лѣтъ отъ роду, и что слабыя силы его лишаютъ его возможности продолжать свои труды по званіямъ товарища предсѣдателя Комиссіи и завѣдую-

шаго музеемъ ея и библіотекой, и просилъ объ освобождениі его отъ этихъ обязанностей. Въ отвѣтъ на это заявленіе предсѣдатель Коммиссіи въ рѣчи, обращенной къ Николаю Евстаѳьевичу, привѣтствовалъ его бть имени собранія съ исполнившимся восьмидесятилѣтіемъ его рождения, указать на служебныя его заслуги, общественную его дѣятельность, литературные труды и полезную работу его для Коммиссіи и высказалъ сожалѣніе объ оставлениіи имъ обязанностей товарища предсѣдателя Коммиссіи и завѣдующаго музеемъ и библіотекой.

Собрание **постановило**: избрать въ настоящемъ засѣданіи Н. Е. Славинскаго въ почетные члены Коммиссіи, избраніе же товарища предсѣдателя и завѣдующаго архивомъ и библіотекой произнестъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Засѣданіе 13-го августа 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: почетный членъ Н. Е. Славинскій, члены: И. Ф. Александровъ, П. А. Двойченко, А. Я. Гидалевичъ, Л. В. Жирицкій, Ел. Э. Кесслеръ, Евг. Э. Кесслеръ, Д. А. Крыжановскій, С. С. Крымъ, А. Ф. Кудрицкій, о. И. И. Медиѣдковъ, С. А. Мокржецкій, И. С. Поповичъ, С. А. Плаксинъ, В. А. Сочавецъ-Федоровичъ, В. I. Тихій, Л. А. Шихуцкій и многочисленная публика. Секретаремъ, за отсутствіемъ правителя дѣль, избранъ И. Ф. Александровъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 28 июня 1908 года.

Постановлено: утвердить.

II. Доложены письма проф. Ф. И. Шмита и М. Н. Хрущова съ выражениемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

III. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 14 июня с. г. за № 310, въ отвѣтъ на ходатайство Коммиссіи о передачѣ дѣль и документовъ совѣтскихъ учрежденій, помѣщавшихся въ зданіи Губернскаго Правленія, для храненія въ историческомъ архивѣ, что дѣла эти будутъ храниться въ губернскомъ архивѣ и что для научныхъ работъ Коммиссія всегда можетъ ими пользоваться на мѣстѣ.

Постановлено: принять къ сѣдѣнію.

IV. С. С. Крымъ прочелъ написанную имъ драматическую хронику „Шагинъ-гирей-ханъ“, выслушанную собраниемъ съ большимъ интересомъ. Въ обсужденіи ея принимали участіе предсѣдатель Коммиссіи, И. Ф. Александровъ, Д. А. Крыжановскій, проф. Н. И. Кузнецова и проф. С. М. Метальниковъ.

Предсѣдатель выразилъ С. С. Крыму искреннюю благодарность собранія за удовольствіе, доставленное сообщеніемъ своего произведенія, и просилъ о передачѣ его Коммиссіи для помѣщенія въ ея Извѣстіяхъ, на что С. С. Крымъ изъявилъ свое согласіе.

V. Предсѣдатель Коммиссіи предложилъ въ члены Коммиссіи профессоровъ Таврическаго Университета: Ник. Ив. Кузнецова и Сергія Ів. Метальникова, прис. пов. Владимира Дакиловича Жирова, прис. пов. Александра Николаевича Аверкіева, ген.-майора Степана Леонидо-

вича Николаёва и инженера Александра Андреевича Строгонитского. Всѣ эти лица были избраны въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

VI. Предсѣдатель сообщилъ, что наслѣдники капитана Литовскаго пѣх. полка С. И. Казначеева пожертвовали для музея Коммиссіи портреты б. Таврическаго губернатора А. И. Казначеева и его жены.

Постановлено: благодарить.

VII. Н. Е. Славинскій представилъ для музея Коммиссіи 4 документа изъ его Воронежскаго собранія.

Постановлено: благодарить.

VIII. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры.

1. Отъ Гидрометрическаго отдѣла Крымскихъ водныхъ изысканій: Матеріалы по крымскимъ воднымъ изысканіямъ въ Крыму. Вып. 4, ч. I. Рѣки, ручьи и балки горной части Крыма.

2. Отъ М. И. Тихаго его трудъ: „Анчоусъ Херсонеса Таврическаго“ (историческій очеркъ), бр.

3. Отъ А. А. Герасимовой: Записка князя С. П. Трубецкого. Сиб. 1907 г.

4. Отъ В. Н. Кенигсона: Г. Блюменфельдъ. Крымско-татарское землевладѣніе (Ист.-юрид. очеркъ).

5. Отъ А. И. Маркевича: а) Вѣдомость духовнымъ въ Крыму вакуфамъ, сост. Вакуфной Комм. въ 1893 г.; б) Вѣдомости частнымъ въ Крыму вакуфамъ, сост. Вакуфной Комм. въ 1893 г.; в) Кн. Голицынъ. Записки объ вопросу о составлении проекта правиль объ управлений вакуфными имуществами Таврической губ.; г) Лордъ Робертъ. Сорокъ единицъ годъ въ Индіи. Нер. С. С. Козлова. 1903 г.; д) М. Хлоповъ. 52-й пѣхотный Виленскій полкъ. 1811—1911 г. (бр.); е) Павлюкъ. На память солдатамъ 51-й пѣх. Литовскаго полка. 1892 г. ж) Памятка 133 пѣх. Симферопольскаго полка. 1913 г.; з) Пальгуновъ. На 15-лѣтіе царствованія императора Николая II-го. Стихотвореніе; и) Болгарскій Собесѣдникъ. Изданіе военно-учебного комитета главнаго штаба. 1876 г.; і) Тирецко-Русскій словарь, составилъ Цвѣтковъ.

6. Отъ В. А. Сочавца-Федоровича: а) Отчетъ по Грамматиковскому капиталу за 1896 г.; б) Отчетъ Таврическаго Дворянскаго Депутатскаго Собрания за 1894—1896 г.г.; в) М. Н. Затворницкій. Фельдмаршаль вел. князь Николай Николай Старшій (брош.); г) Грамота на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства; д) Д. Губаревъ. Нѣсколько словъ по поводу земскихъ начальниковъ; е) Громачевскій. Отчетъ о дѣятельности попечительства о недостаточныхъ учащихся въ Керченскихъ гимназіяхъ въ 1884 г.; ж) И. Шатиловъ. О сельско-хозяйственному значеніи заповѣдного землевладѣнія (бр.); з) Сѣнжковъ. Земство и земля; и) По поводу проекта устава объ опекахъ, данины Тавр. Двор. Собр.; і) Кн. Мещерскій. По вопросу о заповѣдныхъ имѣніяхъ; л) Проектъ устава Таврическаго дворянскаго пансіона общежитія; м) Объ имуществахъ и капиталахъ, числящихся въ вѣдѣніи дворянскихъ опекъ Таврической губерніи; н) Протоколы засѣданія Таврическаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности Таврической губ.; о) Журналы засѣданій Крымскаго филоксернаго комитета 20 мая 1899 г., 17 ноября 1892 г., 25 апрѣля, 20 іюля, 23

сентября, 7 ноября 1898 г., 24 ноября 1899 г. и 21 февраля 1900 г.; (8 бр.) и) Имшенецкій. Отчетъ о работахъ Крымского филлоксерного отряда въ 1897 г.; р) Доклады собраний предводителей и депутатовъ дворянства чрезъ собр. дворянства С. Петербургской губ. 18 февраля 1907 г.; с) Общий очеркъ состояния народныхъ училищъ Таврической губ. за 1888, 1889, 1890 и 1891 г.г. (3 бр.); т) Кония отношений предсѣдателя особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія; у) Записка П. В. Приклонскаго о дворянскихъ имѣніяхъ; ф) Ки. Церетелевъ. Поддержание дворянского землевладѣнія и заповѣдность имѣній; х) Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ; ц) Къ вопросу о денежной реформѣ. Краткій сборникъ законовъ, опредѣляющихъ денежную систему въ Россіи; ч) Г. В. Бутми. Золотой монометаллизмъ о его значеніи для Россіи; ш) Нормальный уставъ для мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ; щ) Правила объ отводѣ сельскимъ нач. училищамъ отъ казны земельныхъ участковъ и отпускѣ казенного лѣса; э) Мѣры къ повсемѣстному распространенію грамотности въ народѣ; ю) В. Н. Поливановъ. Докладъ о дворянскихъ пансионахъ-приютахъ.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 30-го августа 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены Коммиссіи: Н. Е. Славинскій, А. Н. Аверкіевъ, И. Ф. Александровъ, Д. А. Благовѣщенскій, В. Д. Жировъ, С. И. Забининъ, Н. А. Епанчинъ, Е. Э. Кесслеръ, о. И. П. Медвѣдковъ, о А. В. Михайловскій, И. С. Поповичъ, В. Ч. Речинскій, П. В. Чинновъ и Э. В. Эккъ. Секретаремъ избранъ И. Ф. Александровъ.

I. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Коммиссіи обратился къ собранию со слѣдующими словами:

„Господа. Въ прошлое воскресеніе въ нашемъ каѳедральномъ соборѣ отслужена была панихида по скончавшемся около полутора мѣсяца тому назадъ отъ предательской воли и злодѣйскихъ рукъ бывшемъ императору Россіи и нашемъ Покровителю Николаю II Александровичу. Теперь не время говорить о личности и дѣятельности этого несчастнаго человѣка и государя, -- справедливый и безпредъстранный приговоръ ему произнесутъ потомство и исторія. Но мы должны теперь же вспомнить его любовь къ исторіи Россіи и благодѣянія, оказанныя имъ нашей исторической наукѣ, и прежде всего по званію Покровителя Исторического Общества и Предсѣдателя Московскаго Россійскаго Историческаго Музея. Вспомнимъ также его щедрыя субсидіи Московскому Археологическому Обществу, м. пр. на издание трудовъ всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, и Археологической Коммиссіи, м. пр. на производство раскопокъ въ Херсонесѣ. Незабвенно для насть вниманія его и къ трудамъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, которымъ удостоены были его покровительства, въ частности къ нашей Коммиссіи, и его желаніе поставить на правильный путь вопросъ о давно назрѣвшей уже и насущной реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи. Не будемъ неблагодарны и молитвенно почтимъ Его память“.

Эти слова были выслушаны собраниемъ стоя.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи 13 августа 1918 г.

Постановлено: утвердить.

III. Были доложены и разсмотрѣны препровожденные товарищемъ прокурора по Феодосійскому уѣзду отъ 16 августа за № 97, 37 разнаго рода нереписокъ, декретовъ, циркуляровъ и т. д., обнаруженыхъ въ дѣлахъ б. слѣдственной комиссии Феодосійского совѣта раб., солд. и кр. депутатовъ, - не имѣющихъ по существу своему судебнаго значенія, но могущихъ имѣть историческій интересъ.

Постановлено: выразить благодарность за сообщеніе этого материала.

IV. Обсуждался вопросъ объ участіи Коммиссіи въ предстоящемъ важномъ для здѣшняго края событии открытии Таврическаго Университета.

Постановлено: а) принять участіе въ соединенномъ засѣданіи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и научныхъ обществъ 11-го сентября, устраиваемомъ для обсужденія вопроса о взаимномъ отношеніи Университета и этихъ обществъ и учрежденій; б) привѣтствовать Университетъ въ день его открытия 1-го октября адресомъ, который поднести тремъ представителямъ Коммиссіи; в) оказать полное содѣйствіе Университету въ пользованіи библіотекой и музеемъ Коммиссіи и всякаго рода свѣдѣніями и материалами, касающимися исторіи и древностей Тавриды.

V. В. П. Броневскій представилъ вниманію Коммиссіи солдатское стихотвореніе, касающееся Русско-турецкой войны 1876 7 г.г.

Постановлено: благодарить.

VI. П. В. Чинновъ сдѣлалъ сообщеніе объ украинскомъ церковномъ соборѣ въ Кіевѣ, на которомъ онъ участвовалъ, какъ представитель Таврической епархіи.

Собрание, съ живымъ интересомъ, высушали сообщеніе П. В. Чиннова и выразило ему искреннюю благодарность.

Постановлено: благодарить.

VII. По предложенію предсѣдателя Коммиссіи и члена ея В. Н. Ковальского въ настоящемъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены фабриканты Петръ Константиновичъ Месакуди и Владимиръ Константиновичъ Месакуди.

VIII. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Н. Е Славинскаго: а) Коршъ. Словарь миѳологіи и древностей; б) Альбомъ Петроградскаго почтово-телеграфнаго музея; в) книга (исторія?) на китайскомъ языке.

2. Отъ В. А. Сочавца-Федоровича: а) Списки губ. предводителей дворянства Россійской Имперіи 1785 1899 г. Сост. гр. Милорадовичъ. 1895 г.; б) Петлинъ. Выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ и его послѣдствія. 1894; в) Журналъ особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія. № 3. О поддержаніи и развитіи дворянскаго землевладѣнія. № 4. О производствѣ въ д. ст. совѣтники; г) Навроцкій. Записка по дворянскому вопросу; д) Замѣтки губ. предводителей; е) Материалы для проекта устава Всероссійскаго братства; ж) Материалы по вопросу о мѣстной реформѣ, № 1, 2, 6; з) Кн. Мещерскій. О воз-

становленіи нашего сельско-хозяйственного винокуренія. 1889; и) Кн. Мещерскій. Отвѣтъ „Новому Времени“; и) Докладъ объ организаціи поуѣздныхъ учрежденій землевладѣльческаго сельско-хозяйственнаго кредита; к) Циркуляръ таврич. губернатора земскимъ управамъ; л) Сиѣжковъ. Ближайшая задача правительства по отношенію къ крестьянамъ; м) Сергѣевъ. Докладъ о мелкомъ кредитѣ; н) Краткій обзоръ правилъ о порядкѣ наслѣдованія по IV кн. проекта Гражд. Уложенія; о) Проектъ закона о семейныхъ участкахъ для Германской Имперіи; п) Запись бесѣды губ. предводителей дворянства 13 февраля 1904 г.; п) Баталінъ. Проектъ снабженія юга Россіи рабочими; р) Материалы, касающіеся русско-японской войны; с) Уставъ Всероссійскаго союза земельныхъ собственниковъ; т) Обращеніе центральнаго совѣта всеросс. союза земельныхъ собственниковъ; у) Воззваніе центр. союза совѣта всеросс. союза земельныхъ собственниковъ; ф) Основныя положенія по аграрному вопросу; х) Предположенія совѣта объед. дворянскихъ обществъ о системѣ пропорц. выборовъ; ц) Ротмистровъ. Коллективные опыты съ хлопчатникомъ по сѣв. побережью Чернаго моря; ч) Ротмистровъ. О разведеніи хлопчатника; щ) Памятная книжка Таврич. губ. подъ ред. Вернера. 1889; Ѣ) Записки Ипп. Никитскаго Сада. Вып. I и II; э) Труды Таврич. губ. ветерин. совѣщанія 7—10 дек. 1912 г.; ю) Бутми. Къ вопросу о денежной реформѣ. 2 изд. 1897 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 15-го ноября 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича присутствовали: члены—И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, Е. К. Воорендейкъ, Н. А. Епанчинъ, А. К. Романюкъ, В. И. Тихій, М. Г. Тяжелова, П. Я. Чепурина, П. В. Чинновъ, А. И. Христилибъ, правитель дѣль П. В. Масловъ и гости: проф. Г. В. Вернадскій, проф. Н. К. Гудзій, проф. А. П. Кадлубовскій и Б. А. Калачовъ.

1. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель напомнилъ собранію о кончинѣ двухъ членовъ Комиссіи: проф. Н. И. Веселовскаго и Л. Бертрена и въ краткой рѣчи очертилъ ихъ учено-литературную дѣятельность и связь съ Комиссіей.

Собрание почтило память почившихъ вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколь засѣданія 30 августа.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено сообщеніе В. Д. Геймана: „Луи Берренъ“.

Постановлено: напечатать.

IV. Предсѣдатель доложилъ о представительствѣ Комиссіи въ торжественномъ засѣданіи Таврическаго Университета 14 октября с. г. и поднесеніи Университету привѣтственнаго адреса отъ ея имени.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено приглашеніе на открытие Киевскаго Археологическаго Института 3 ноября.

Предсѣдатель сообщилъ, что къ этому дню имъ была послана Институту привѣтственная телеграмма отъ имени Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Доложены письма В. В. Шкорпила и Ю. Ю. Марти съ просьбой о ходатайствѣ предъ краевымъ правительствомъ о выясненіи правового положенія Керченскихъ раскопокъ и музея и Мелекъ-Чесменскаго музея и удовлетвореніи служащихъ жалованьемъ, о причислениі этихъ учрежденій къ министерству народнаго просвѣщенія и о передачѣ Мелекъ-Чесменскаго музея въ вѣдѣніе В. В. Шкорпила, а также объ измѣненіи штатовъ Херсонесскаго и Керченскаго музеевъ сообразно съ обстоятельствами настоящаго времени.

Предѣдатель заявилъ, что сейчасъ же по полученіи этихъ писемъ онъ обращался съ соотвѣтственными ходатайствами въ краевое министерство народнаго просвѣщенія, а равно сообщилъ о печальномъ положеніи означенныхъ учрежденій и служащихъ на съѣздѣ представителей научныхъ учрежденій и обществъ Тавриды, происходившемъ въ половинѣ октября с. г., причемъ ходатайства эти встрѣчены были весьма сочувственно.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и записать въ протоколь.

VII. Доложено отношеніе Таврической губернскай земской управы отъ 20 сентября с. г. за № 2709 съ увѣдомленіемъ, что пособіе, назначенное Коммиссіи губернскимъ земскимъ собраніемъ на текущій годъ въ размѣрѣ 1600 руб., перечислено непосредственно въ доходъ типографіи земства за напечатаніе изданій Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

VIII. Доложено отношеніе Начальника Севастопольскаго Округа отъ 16 окт. с. г. за № 1019 съ увѣдомленіемъ, что директоръ музея и раскопокъ Херсонеса Л. А. Моисеевъ приглашенъ въ учреждаемую Коммиссію „по разбору и уничтоженію архива б. канцеляріи Севастопольскаго Градоначальства и общей полинї“.

Предѣдатель сообщилъ, что по полученіи этого отношенія, онъ увѣдомилъ начальника Севастопольскаго Округа о согласіи Коммиссіи на представительство ея въ означенной Коммиссіи по разбору архива Севастопольскаго градоначальства г. Моисеевымъ, и просилъ о внимательномъ отношеніи къ дѣлу разбора этого архива и постановкѣ решеній не по описямъ, а фактически, по дѣламъ, при чемъ просилъ, чтобы все дѣла, которая будуть признаны заслуживающими храненія, были препровождены въ исторический архивъ Коммиссіи. Объ этомъ же онъ просилъ и Л. А. Моиссеева, В. И. Тихій и А. К. Романюкъ высказали сожалѣніе, что Начальникъ Севастопольскаго Округа не обратился предварительно въ Архивную Коммиссію о назначеніи ея представителя въ Коммиссію по разбору архива б. Севастопольскаго Градоначальства, а ограничился лишь увѣдомленіемъ о приглашеніи г. Моисеева.

Постановлено: записать въ протоколь.

IX. Доложено отношеніе библіотечной Коммиссіи Саратовскаго Университета отъ 15 апрѣля с. г. за № 174 съ просьбой о присылкѣ бесплатно въ библіотеку Саратовскаго Университета своихъ извѣстій въ обмѣнъ на извѣстія Университета по историко-филологическому отдѣлу.

Постановлено: выслать имѣющіеся выпуски Извѣстій и высыпать послѣдующіе въ библіотеку Саратовскаго Университета въ обмѣнъ на его изданія.

Х. Доложено отношение Историко-Филологического Общества при Харьковском Университетѣ съ просьбой о бесплатной присылкѣ Извѣстій Коммиссіи для Бердянской земской библіотеки.

Постановлено: отказать въ виду скучности средствъ Коммиссіи и малаго количества нумеровъ ея Извѣстій.

XI. Доложено отношение ректора Каменецъ-Подольскаго Державнаго Украинскаго Университета и Музейной Секціи Черкасскаго Товарищества „Просвіта“ о бесплатной высылкѣ имъ Извѣстій Коммиссіи.

Постановлено: отказать по той же причинѣ.

XII. Доложено отношение Начальника Отдѣла общественныхъ работъ министерства путей сообщенія, общественныхъ работъ, почты и телеграфовъ отъ 26 октября с. г. за № 4421/150 на имя предсѣдателя Коммиссіи съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ предполагается внести въ совѣтъ министровъ докладъ объ образованіи особаго вѣдомства Крымскаго Краевого Правительства, которое должно взять на себя высшее руководство дѣломъ охраны памятниковъ искусства и старины въ Крыму и что штаты этого вѣдомства разработаны директоромъ музея и раскопокъ въ Херсонесѣ г. Моисеевымъ, и просьбой сообщить свое мнѣніе по вопросу о необходимости и цѣлесообразности созданія упомянутаго вѣдомства.

Предсѣдатель заявилъ, что одновременно съ полученіемъ означенаго отношенія онъ вошелъ съ ходатайствомъ къ Крымскому Краевому министру народнаго просвѣщенія о принятіи Архивной Коммиссіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, согласно постановлению Россійской Академіи Наукъ по вопросу объ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, уже принятому нашей Коммиссіей. Вмѣстѣ съ этимъ онъ просилъ о назначении Коммиссіи пособія въ десять тысячъ рублей на оплату послѣднихъ выпусковъ ея Извѣстій. Оба эти ходатайства были встрѣчены министрами Соколовскимъ и Чариковымъ вполнѣ сочувственно, но пособіе было отклонено въ указанномъ размѣрѣ управляющимъ министерствомъ финансово. Тогда предсѣдатель Коммиссіи вошелъ съ ходатайствомъ о назначеніи въ настоящее время пособія ей хотя бы въ половинномъ размѣрѣ (5000 руб.), а на будущій 1919 годъ, въ штатномъ порядкѣ 21000 руб. Эти ходатайства находятся еще на разсмотрѣніи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Что касается особаго вѣдомства охраны памятниковъ искусствъ и старины въ Крыму, положеніе о которомъ составлено Л. А. Моисеевымъ, то предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что оно ему извѣстно изъ частной бесѣды съ г. Моисеевымъ только въ общихъ чертахъ, и насколько оно касается Архивной Коммиссіи, этого онъ не знаетъ.

Этотъ вопросъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей. Б. А. Калачовъ и С. А. Плакинъ указали на подробности положенія вѣдомства просвѣщенія по охранѣ памятниковъ древности въ Тавридѣ по плану Л. А. Моисеева, съ раздѣленіемъ края на три полосы: восточную, среднюю и западную и приблизительные штаты, при чёмъ на Херсонесскія раскопки и западную полосу охраны древностей предположено по сметѣ 54000 рублей. А. К. Романюкъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, сумма, указанная въ ходатайствѣ предсѣдателя Коммиссіи, при сопоставленіи съ суммой, просимой г. Моисеевымъ, кажется ему не достаточной, на что А. И. Маркевичъ отвѣтилъ, что расходы Херсонесскихъ раско-

покъ, музея и т. д. съ цѣлымъ штатомъ постоянныхъ служащихъ и большимъ количествомъ рабочихъ очень велики по сравненію съ нуждами Коммиссіи, сообразно ея задачамъ и цѣлямъ. О. П. И. Медвѣдковъ и И. Ф. Александровъ замѣтили, что, повидимому, въ проектѣ г. Моисеева ничего не сказано объ охранѣ архивныхъ памятниковъ, заслуживающихъ особыаго вниманія. Послѣднее замѣчаніе горячо поддержано было А. И. Маркевичемъ и А. К. Романюкомъ, указавшими на насущную необходимость архивной реформы въ Россіи и учрежденіе центральныхъ архивовъ. В. И. Тихій указалъ на цѣлесообразность въ настоящее время, при открытии Таврическаго Университета, учрежденія здѣсь археологического института.

Постановлено: заявленіе предсѣдателя Коммиссіи принять къ свѣдѣнію и образовать коммиссію для выработки сметы расходовъ Коммиссіи на будущій годъ изъ А. К. Романюка, П. В. Маслова, И. Ф. Александрова, о. П. И. Медвѣдкова и М. И. Архангельского.

XIII. Предсѣдатель заявилъ, что пріѣхавшія въ Симферополь dochь и племянница покойной Е. С. Давыдовой обратились къ нему съ письменной просьбой о возвращеніи имъ 13 книгъ изъ переданной Коммиссіи части ея библіотеки, какъ имѣющихъ особенное значеніе для нихъ по личности авторовъ или дополняющихъ ихъ собранія, разрозненныя при разгромѣ библіотеки Е. С. Давыдовой крестьянами дер. Сабловъ. Эти книги были имъ возвращены (по списку, приведенному въ протоколѣ засѣданія 20 марта с. г. за №№ 8, 18, 19, 21, 26, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 39 и 62).

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIV. Предсѣдатель доложилъ о новыхъ поступленіяхъ политической литературы для библіотеки Коммиссіи и обратилъ особенное вниманіе собранія на слѣдующее обращеніе „Главной Директоріи Крымскаго татарскаго національного совѣта отъ 21 июля с. г. за № 38 Высокому Германскому Правительству“, какъ важный исторический документъ, получившій широкое распространеніе въ Крыму.

Главная Директорія
Крымскаго Татарскаго
Національнаго
Совѣта.
№ 38.

21 іюля 1918 г.

Акъ Медсшильдъ.

Высокому Германскому Правительству.

„Крымскій татарскій народъ, который благодаря паденію Крымскаго Ханства 135 лѣтъ тому назадъ подпалъ подъ русское иго, счастливъ имѣть возможность довести о своихъ политическихъ надеждахъ до свѣдѣнія Германскаго Правительства, въ помощи коего Турецкому и Мусульманскому миру онъ убѣжденъ, опираясь на суляція мусульманскимъ странамъ счастливая историческая высокія цѣли Его Величества Великаго Государя Вельгельма, являющагося воплощеніемъ великаго Германскаго Государства.

Изъ статистического сборника земства бывшей Таврической губеріи за 1915 г. усматривается, что до 1790 г. покинуло Крымъ 300000

татаръ и въ періодъ времени съ 1860—1862 г.г. 181177 крымскихъ татаръ, вслѣдствіе причиненныхъ имъ притѣсненій и несправедливостей, результатомъ чего явилось, что въ Крыму оказалось 687 селеній совершенно опустѣлыхъ.

Одна часть этого угнетеннаго народа, претерпѣвшаго тысячу страданій и притѣсненій, нашла себѣ приютъ въ Добруджѣ и Болгаріи, главная же часть осѣла въ Турціи. Несмотря на то, что русскіе въ теченіе 135 лѣтъ грабили имущество и оскверняли ихъ святыни, Крымскіе татары въ Крыму составляютъ все таки большинство, т. е. 60—62% рожденаго въ Крыму или сдѣлавшагося кореннымъ благодаря земледѣлію (населенія).

Если взять мольбамъ эмигрантовъ и гарантировать имъ возвратъ въ Крымъ, то можно допустить, что Крымскіе татары составятъ 75—80% Крымскаго населенія. Эмигрировавшіе въ Турцию и Добруджу татары не могутъ забыть своей исторической связи съ Крымомъ и дѣнно и нощно какъ въ своей національной литературѣ, такъ и въ своихъ пѣсняхъ изливаютъ тоску о возсоединеніи съ Крымомъ.

Несмотря на всѣ жестокія притѣсненія, численный составъ Крымскихъ татаръ все таки не могъ быть поколебленъ, равнымъ образомъ никакія притѣсненія не могли заставить ихъ забыть то уваженіе, которымъ пользовалось господство ихъ предковъ, предъ которыми нѣкогда склонялась Москва.

Замки Оскюзъ-Хана временъ татарскаго владычества, опустошенныя мечети, закрытыя просвѣтительныя учрежденія и какъ жалкая тѣнь былого славнаго могущества уничтоженные религіозно-правовыя установленія внушали имъ слезную вѣру въ освобожденіе и придавали имъ энергию.

Внѣшніе признаки этой вѣры выявились въ 1905 г., когда незначительное потрясеніе русскаго владычества привело Крымскихъ татаръ въ лагерь политически и національно обездоленныхъ народовъ и побудило ихъ требовать осуществленія своихъ правъ.

Крымскіе татары, первые изъ русскихъ магометанъ, пріобщившіеся къ восточно-европейской цивилизациі въ лицѣ основанной въ 1880 г. первой національной газеты „Терджуманъ“ (Переводчикъ), стремились особенно съ 1905 г. при содѣйствіи самоотверженныхъ, полныхъ надеждъ молодыхъ учителей распространить всеобщее образованіе и развить національную литературу. Этимъ путемъ они поддерживали національное чувство татаръ, которое насаждалось по историческимъ причинамъ, и утверждали въ нихъ вѣру въ освобожденіе.

Во время революціи 1917 г., когда ни у одного изъ населяющихъ Россію народовъ не было замѣтно національнаго движенья, Крымскіе татары заявили 25 марта на Конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Акѣ-Медшильдѣ при участіи 3000 представителей о своей національно-гражданской автономіи и реквизировали вакуфныя земли въ количествѣ 87000 десятинъ, каковыя земли были конфискованы русскимъ правительствомъ, а равно реквизировали одинъ миллионъ рублей, составляющихъ національное достояніе и полученныхъ видимо вслѣдствіе выгодныхъ продажъ вакуфовъ. Они заставили Временное Правительство Керенского признать какъ эту реквизицію, такъ и автономію.

Крымские татары, которые предчувствовали падение центральной власти, рѣшили образовать национальное войско, чтобы имѣть возможность осуществить свои политические намѣренія. Въ этихъ цѣляхъ они неоднократно обращались съ требованіемъ къ временному русскому правительству, чтобы добиться законного разрѣшенія.

Несмотря на несогласіе правительства, они образовали национальную военную организацію изъ солдатъ, которые должны были быть посланы на фронтъ, и 2000 человѣкъ пѣхоты съ полкомъ кавалеріи поддерживали порядокъ въ странѣ.

26 ноября 1917 г., т. е. тогда, когда даже Украина, принадлежащая къ числу большихъ народностей, откололась отъ Россіи, не могла созвать своего парламента, Крымские татары созвали при участіи мужчинъ и женщинъ, коротко говоря отъ всего народа избранный национальный Совѣтъ, и имъ удалось на основаніи рѣшений, принятыхъ этимъ послѣднимъ въ отношеніи общей политики Крыма, составить татарский парламентъ и образовать татарское правительство. Опираясь на 5000 татарскую армію, которую имъ удалось образовать при этомъ правительствѣ, они взяли на себя защиту и управление какъ татарами, такъ и другими народностями, населяющими Крымъ; до 13 января 1918 г. имъ удалось предотвратить въ Крыму какъ аграрные, такъ и другіе беспорядки. Въ концѣ концовъ въ борьбѣ за свои идеалы они были побѣждены въ 7—8 разъ сильнѣшими черноморскими войсками большевиковъ.

Крымско-татарский народъ, объявившій и взявшій на себя защиту независимости Крыма, больше всего пострадалъ отъ ударовъ большевиковъ, принеся въ жертву въ эти жуткіе дни и офицеровъ и высоко стоявшихъ государственныхъ людей.

Несмотря на это, Крымско-татарский народъ, опираясь на свою крѣпкую историческую связь съ Крымомъ, на свое великое национальное самопожертвованіе и чувство владычества, зная о приближеніи сущихъ освобожденіе войскъ, стала играть въ судьбахъ страны рѣшающую роль, не отступая отъ желѣзной рѣшимости татарского парламента.

Хотя Крымскій парламентъ въ отношеніи судьбы Крыма и принялъ 18 мая 1918 г. рѣшеніе опять установить ту форму правленія, какъ это усматривается изъ приложения къ настоящему докладу, но всетаки онъ полагаетъ, что съ одной стороны большевизмъ еще не отжилъ, съ другой же стороны для того, чтобы эта форма правленія могла быть проведена въ жизнь, едвали возможно разсчитывать въ столь важномъ политическомъ вопросѣ достигнуть окончательного соглашенія съ Германскимъ Командованіемъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, Парламентъ согласился до тѣхъ поръ, пока онъ обратится къ высокому Германскому Правительству по вопросу о судьбѣ Крыма, на учрежденіе нынѣ образованного Крымского Правительства.

Крымские татары желаютъ возстановить въ Крыму татарское владычество на слѣдующихъ основаніяхъ.

Они составляютъ постоянный элементъ Крыма, какъ наиболѣе старинные господа Крыма, они вырабатываютъ основаніе всей экономической жизни страны, они составляютъ большинство Крымскаго на-

селенія, они объявили и защищали независимость Крыма и для этой цѣли они принесли въ жертву 1000 офицеровъ, солдатъ и добровольцевъ, они добиваются признанія независимости Крыма въ Интернаціональной Дипломатії; они подготовлены къ этому наилучшимъ образомъ благодаря своему парламенту и политически-національной организаціи; благодаря историческимъ и военнымъ способностямъ своей расы они могутъ сохранить тишину и спокойствіе въ странѣ и, въ заключеніе, они опираются еще на центральную раду Украины.

Далѣе, они желаютъ черезъ правительство, которое они организуютъ, жить въ братскихъ отношеніяхъ съ нѣмецкими колонистами, которые сами высказали это желаніе въ своей офиціальной декларациі и которые свыше сотни лѣтъ въ такой же мѣрѣ были порабощены и въ равной мѣрѣ заинтересованы въ Слагополучіи управліенія страной.

Чтобы достигнуть этой святой цѣли, слѣдуетъ признать необходимымъ, чтобы нижеслѣдующія основныя положенія политической жизни Крыма были осуществлены:

1) Преобразованіе Крыма въ независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику.

2) Достиженіе признанія независимаго Крымскаго ханства у Германіи, ея союзниковъ и въ нейтральныхъ странахъ до заключенія всеобщаго мира.

3) Образованіе татарского правительства въ Крыму съ цѣлью совершеннаго освобожденія Крыма отъ господства и политическаго вліянія русскихъ.

4) Водвореніе татарскихъ правительственныхъ чиновниковъ и офицеровъ, проживающихъ въ Турціи, Добруджѣ и Болгаріи, обратно въ Крымъ.

5) Обезначеніе образованія татарскаго войска для храненія порядка въ странѣ.

6) Право на возвращеніе въ Крымъ проживающихъ въ Добруджѣ и Турціи Крымскихъ эмигрантовъ и ихъ материальное обеспеченіе.

Турецкій и мусульманскій міръ готовятся къ политическому союзу съ Великой Германской Имперіей, своей спасительницей, принеся въ жертву сотни тысячъ людей, и въ дальнѣйшемъ готовы принести жертвы въ еще большемъ масштабѣ, чтобы укрѣпить навсегда достигнутое могущественное положеніе. Въ то время, какъ Россія, его великий историческій врагъ, погибла, и дорога въ Индію, свободная для Германіи, поколебала твердыню Англіи, мусульманскій міръ находить силу въ твердой рѣшимости тѣхъ магометанъ, которые въ Крыму и на Кавказѣ въ теченіе столѣтій были лишены чести имѣть право умереть за свои стремленія и надежды.

Крымскіе татары доводягъ до свѣдѣнія могущественаго Германскаго правительства, союзного съ славными магометанами, указывающими исторіи новые пути съ великимъ рѣшительнымъ мужествомъ, которое не могли осилить столѣтія, съ вѣскими надеждами и вѣрою въ твердое господство, о своихъ цѣляхъ, которыхъ они хотятъ осуществить въ родной странѣ своихъ предковъ. Главнымъ образомъ они осмѣливаются высказать свою непоколебимую вѣру, что Германская дипломатія совмѣстно со всѣми магометанами высокоочтимаго Халифа-

та, а также, съ турецкимъ правительствомъ, вѣрнымъ союзникомъ Германіи, осуществлять эти святыя надежды". Подлинное подписали: Генеральный Директоръ Крымско-татарского национального совѣта А. Хильми. Президентъ Крымско-татарского парламента Хасахъ-Сабри. Генеральный секретарь (подпись).

Постановлено: означенное обращеніе включить въ протоколь настоящаго засѣданія.

XV. Предсѣдатель доложилъ, что въ одномъ изъ симферопольскихъ магазиновъ имъ было замѣчено очень много документовъ Карабузарского городского полицейского управлени за 1823—1907 г.г., въ которые заворачивались колбаса, селедки. Всѣ оказавшіеся на лицо документы разсмотрѣны, и имѣющіе какое-либо значеніе взяты для храненія въ историческомъ архивѣ Комиссіи. О самомъ фактѣ уничтоженія архивныхъ дѣлъ доведено до свѣдѣнія Краевого Правительства.

Постановлено: записать въ протоколь.

XVI. А. И. Маркевичъ передалъ въ распоряженіе Комиссіи тридцать девять писемъ къ нему покойнаго профессора Н. М. Веселовскаго.

Постановлено: благодарить.

XVII. Предложены въ члены Комиссіи А. И. Маркевичемъ, Л. В. Жирицкимъ и С. А. Плаксинымъ: профессора Таврическаго Университета: Арсеній Петровичъ Кадлубовскій, Георгій Владимировичъ Вернадскій, и Николай Каллиниковичъ Гудзій и Управляющій дѣлами Крымскаго Краевого Министерства Народнаго Просвѣщенія Борисъ Анемподистовичъ Калачовъ.

Всѣ означенныя лица были избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XVIII. Въ библіотеку Комиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Симферопольской Городской Управы: Извѣстія Симферопольской Городской Думы, № 9—12 за 1916 г.

2. Отъ В. А. Сочавца-Федоровича: а) Землеустройство. Сборникъ законовъ и распоряженій; б) Annuaire de la noblesse de la Russie. S. Рѣ. 1889; г) Общи очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губ. за 1886, 1889 и 1890 г.г.; д) Журналъ Таврич. Губ. Присутствія за 1893 г.; е) Отчетъ Симферопольского отдѣла Имп. Росс. Общества Садоводства за 1892 г.; ж) Уставъ товарищества на паяхъ Крымскаго виноградарства, винодѣлія и виноторговли. 1894 г.; з) Губ. собраніе дворянъ 15—26 янв. 1867 г.; и) Журналы засѣданій крымскаго филлоксерного комитета 20 мая и 2 октября 1899; и) Дувинъ. Софіевская волость Бердянскаго уѣзда Таврич. губ. Бр.

3. Отъ неизвѣстнаго: а) Историч. очеркъ россійскихъ орденовъ и сборникъ основныхъ орденскихъ статутовъ; б) Сборникъ нов. свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ иностранныхъ государствъ. Британская имперія. 1903; в) Свѣдѣнія объ австро-венгерской армії.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 22-го декабря 1918 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича присутствовали: почетный членъ М. Е. Славинскій, дѣйствительные члены: А. Ф. Александровъ, Г. В. Вернадскій, Е. В. Вульфъ, Е. К. Воорондейкъ, Н. П. Гудзій, П. А. Двойченко, А. Н. Деревицкій, А. П. Кадлубовскій, И. С. Кобанъ, Б. А. Калачовъ, Д. А. Крыжановскій, А. Ф. Кудрицкій, о. П. И. Медвѣдковъ, С. А. Плаксинъ, А. А. Стратонитскій, П. В. Чинновъ, Л. А. Шихуцкій, правитель дѣль П. В. Масловъ и гости: Ректоръ Таврическаго Университета Р. И. Гельвигъ, акад. Н. И. Андрусовъ, В. П. Броневскій, проф. В. А. Розовъ, З. Г. Розова, прив. доц. Н. Л. Эрнстъ и др.

I. Открыть засѣданіе, предсѣдатель привѣтствовать отъ имени Комиссіи ректора Таврическаго Университета Р. И. Гельвига, удостоившаго своимъ присутствіемъ настоящее засѣданіе, и просилъ его принять участіе въ ея дѣятельности какъ своими трудами, такъ и содѣйствіемъ ея трудамъ. Р. И. Гельвигъ благодарила за привѣтствіе и выразилъ увѣренность, что Таврическій Университетъ будетъ поддерживать живую связь со всѣми мѣстными научными учрежденіями и въ частности съ Архивной Комиссіей.

II. Предсѣдатель привѣтствовалъ маститаго члена Комиссіи профессора А. Н. Деревицкаго, двадцать три года тому назадъ принявшаго званіе члена Комиссіи, и просилъ его принять ближайшее участіе въ ея трудахъ. Проф. А. Н. Деревицкій благодарила за привѣтствіе и выразилъ радость, что имѣеть возможность войти въ болѣе близкое соприкосненіе съ Комиссіей, за работами которой всегда слѣдила.

III. Предсѣдатель напомнилъ собранію объ исполнившейся въ этотъ день годовицѣ кончины члена Комиссіи Ф. Ф. Лашкова.

Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

IV. Доложено отношеніе Таврической Научной Ассоціаціи отъ 8 декабря с. г. за № 130 съ приглашеніемъ принять участіе въ созываемомъ на 1/14 - 5/18 января 1919 г. въ г. Севастополь 5-мъ Съездѣ Ассоціаціи, и положеніе объ означенномъ Съездѣ.

Постановлено: просить члена Комиссіи Е. Э. Иванова не отказать быть представителемъ Комиссіи на этомъ Съезде.

V. Доложено заявленіе члена Комиссіи В. Д. Геймана о томъ, что одна изъ лучшихъ генуэзскихъ башень г. Феодосіи—башня св. Константина (близъ фонтана Айвазовскаго) вслѣдствіе бурь и дождей пришла въ крайне ветхое состояніе, и угрожаетъ дальнѣйшее разрушеніе ея кронштейна и вообще верха башни; появились обвалы и въ западной сторонѣ башни. На первое время необходимо, по его мнѣнію, а равно и феодосійскаго архитектора г. Кривоносова, заложить дикаремъ на извести отверстіе подъ кронштейномъ, задѣлать образовавшееся отъ обвала отверстіе въ западной стѣнѣ и произвести задѣлку и другихъ частей башни. Ремонты, башни обойдется нѣсколько сотъ рублей.

Постановлено: довести до сведѣнія Таврическаго Правительства о состояніи башни св. Константина въ Феодосіи и просить о надлежащемъ осмотрѣ ея и ремонтѣ для ея сохраненія.

VI. Предсѣдатель, напомнивъ о безрезультатномъ хадатайствѣ Комиссіи передъ Окружнымъ Судомъ относительно передачи ей ненужныхъ для него совѣтскихъ дѣлъ, представилъ пакетъ Суда въ одно изъ учрежденій Министерства Внутр. Дѣлъ, несомнѣнно сдѣланный изъ какой-то служебной бумаги, вѣроятно протокола засѣданія, изъ чего видно, что дѣла эти не особенно тщательно охраняются и не берегутся.

Постановлено: отослать означенный пакетъ предсѣдателю Окружнаго Суда и повторить хадатайство о передачѣ означенныхъ дѣлъ, ненужныхъ суду, для храненія въ Ученую Архивную Комиссію.

VI. Б. А. Калачовъ заявилъ о необходимости разработки материаловъ, касающихся дѣятельности германскихъ войскъ въ Крыму съ мая по декабрь текущаго года, и принятія мѣръ къ сохраненію касающагося этого времени архивнаго материала и спасенію его отъ уничтоженія.

Постановлено: для всесторонняго обсужденія вопроса избрать комиссию изъ проф. А. Н. Деревицкаго, Б. А. Калачова, С. А. Плаксина и И. Ф. Александрова.

VII. Предсѣдатель представилъ вниманію Комиссіи переводъ сочиненія академика П. И. Палласа: „Наблюденія, сдѣланныя во время путешествія по южнымъ намѣстничествамъ Русского государства въ 1793 и 1794 г.г. Второй томъ (касающейся Тавриды)“. Переводъ исполненъ почетнымъ членомъ Комиссіи А. Л. Бертье-Делагардомъ. Собрание сть глубокимъ интересомъ выслушало нѣсколько отрывковъ изъ этого труда и убѣдилось какъ въ вѣрности и точности перевода, такъ и научности его, правильности и легкости языка.

Постановлено: выразить А. Л. Бертье-Делагарду усерднѣйшую благодарность Комиссіи за исполненный имъ громадный трудъ.

VIII. Предсѣдатель заявилъ, что онъ представилъ Александру Львовичу экземпляръ, посвященнаго ему № 54-го Извѣстій Комиссіи, который растрогалъ его до глубины души. Александръ Львовичъ поручилъ передать его глубочайшую благодарность Комиссіи и особенно лицамъ, участвовавшимъ въ посвященной ему книгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Львовичъ обѣцалъ прислать свое предисловіе къ переводу Палласа и подготовить рисунки по первому нѣмецкому изданію его сочиненія къ составленію альбома, который слѣдовало бы, по мнѣнію его, приложить къ переводу, если, конечно, у Комиссіи будутъ на это средства.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX. И. Ф. Александровъ сдѣлалъ сообщеніе. „Шеихъ имамъ Мансуръ, проповѣдникъ газафата на Кавказѣ въ концѣ XVIII ст.“ По архивнымъ материаламъ Таврическаго губернскаго архива.

Сообщеніе было выслушано съ болѣшимъ интересомъ, особенно въ частяхъ, касающихся ученія Мансура и отраженія его проповѣди въ Крыму. Въ обсужденіи его приняли участіе П. В. Масловъ и предсѣдатель Комиссіи.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, а сообщеніе его напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Комиссіи.

Засѣданіе 3/16-го февраля 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: почетный членъ Н. Е. Славинскій, члены И. Ф. Александровъ, Сейдъ-бей Булгаковъ, А. Я. Гидалевичъ, Н. А. Епанчичъ, Л. В. Жирицкій, А. П. Кадлубовскій, А. И. Казасъ, А. Ф. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, П. В. Никольскій, А. К. Романюкъ, В. А. Сочавецъ-Федоровичъ, К. И. Тодорскій, В. И. Филоненко и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Предсѣдатель сообщилъ о кончицѣ члена Коммиссіи В. В. Шкорпила отъ руки убийцы 27 декабря 1918 г. и очертилъ его личность и ученыe труды, въ частности участіе его въ дѣятельности Коммиссіи.

Собрание почтило память покойнаго вставаніемъ.

II. Доложены протоколы засѣданій Коммиссіи 15 ноября и 22 декабря 1918 года.

Постановлено: утвердить.

III. Избрана ревизионная комиссія изъ И. Ф. Александрова, А. П. Кадлубовскаго и В. А. Сочавца-Федоровича для провѣрки денежныхъ книгъ и суммъ Коммиссіи. Коммиссія нашла веденіе приходо-расходныхъ книгъ правильнымъ, записи вѣрными и остатокъ на лицо.

Постановлено: записать въ протоколь.

IV. Доложенье отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1918 годъ.

Постановлено: утвердить.

V. Доложено отношеніе предсѣдателя Симферопольскаго Окружнаго Суда отъ 29 января с. г. за № 196 съ увѣдомленіемъ, что всѣ оставшіяся въ зданіи Окружнаго Суда совѣтскія дѣла, книги и переписка послѣ ухода совѣтовъ переданы въ Камеру прокурора Окружнаго Суда.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено письмо В. В. Соколова отъ 20 декабря 1918 года съ предложеніемъ помѣстить въ Извѣстіяхъ Коммиссіи три его труда: а) „Карта древнихъ поселеній и могильниковъ въ районѣ Тамани“, б) „Таманское озеро“ и в) „Древній артезіанскій кратеръ въ Тамани“. Предсѣдатель заявилъ, что онъ выразилъ принципіальное согласіе на помѣщеніе этихъ статей въ Извѣстіяхъ Коммиссіи, если г. Соколовъ приметъ на себя часть расхода по печатанію карты.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII. Доложено письмо члена Коммиссіи В. Д. Геймана съ предложеніемъ принять для Извѣстій Коммиссіи изготовленные имъ труды: а) Очерки по истории Феодосіи, Судака, Старого-Крыма, Коктебеля и др., б) Библіографический справочникъ по истории и описаніямъ Феодосіи, в) Хронологический справочникъ по истории Феодосіи и др.

Постановлено: просить В. Д. Геймана прислати Коммиссіи означеніе его труды для просмотра.

VIII. Доложено сообщеніе Ю. Ю. Марти: „Памяти В. В. Шкорпила“.

Постановлено: благодарить Ю. Ю. Марти за присылку этого по-кролога, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

IX. Доложены: „Матеріалы по исторіи Никитского Ботанического Сада за 1816 - 1835 г.г.“ (III продолженіе), сообщенные Е. В. Вульфомъ. Предсѣдатель указалъ на цѣнность этого архивнаго материала для исторіи Никитского Ботанического Сада и характеристики дѣятельности его первыхъ директоровъ—Стевена и Гартвиса, изъ которыхъ первый обращалъ больше вниманія на научное значеніе Сада, въ акклиматизаціонномъ и др. отношеніяхъ, а второй на практическое, хозяйственное-промышленное его значеніе.

Постановлено: благодарить Е. В. Вульфа за сообщеніе этихъ материаловъ и напечатать ихъ въ Извѣстіяхъ Комиссіи.

X. Предсѣдатель Комиссіи и члены Л. В. Жирицкій и И. Ф. Александровъ предложили въ члены Комиссіи слѣдующихъ лицъ: ректора Таврического Университета Р. И. Гельвига, профессоровъ Н. И. Андрусова, В. А. Розова, Б. Д. Грекова, З. Г. Розову, пр.-доц. Н. Л. Эрнста, профессора Симферопольского Народнаго Университета А. А. Соколова, завѣдующаго Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ въ Керчи Ю. Ю. Марти, правителя дѣлъ мин. вн. дѣлъ Льва Конст. Кречинскаго и капитана артиллеріи В. П. Броневскаго.

Всѣ поименованныя лица избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XI. А. И. Казасъ заявилъ, что въ зданіи Окружнаго Суда находятся до сихъ поръ дѣла бывшаго охраннаго отдѣленія, заслуживающія разбора и охраны отъ уничтоженія въ виду ихъ несомнѣннаго значенія въ историческомъ отношеніи.

Постановлено: Обратиться къ предсѣдателю Окружнаго Суда съ просьбой о допущеніи членовъ Ученой Архивной Комиссіи къ разбору означенныхъ дѣлъ и передачѣ заслуживающихъ храненія въ исторической архивъ Комиссіи или губернскій архивъ.

XII. Въ музей Комиссіи поступили слѣдующіе предметы: отъ А. И. Маркевича: а) Приглашеніе на открытие Евпаторійской желѣзной дороги и б) Меню обѣда Таврическаго губ. земства Таврическому губернатору Н. А. Княжевичу и предсѣдалю губ. земскаго собранія А. А. Нестроеву 21 янв. 1915 г.

XIII. Въ библіотеку Комиссіи поступили слѣдующія книги:

1. Отъ Караймскаго Духовнаго Правленія: а) Извѣстія Караймского Духовнаго Правленія, №№ 1 и 2, б) Б. С. Ельяшевичъ. И. И. Казасъ. Его жизнь, научно-литературная педагогическая и общественная дѣятельность.

2. Отъ Симферопольской Городской Думы: Журналы засѣданій за 1916 годъ.

3. Отъ Ю. Ю. Марти его труды: а) Керамическія надписи, хранящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ въ г. Керчи; б) Описаніе Мелекъ-Чесменского кургана и его памятниковъ въ связи съ исторіей Боспорскаго царства; в) Надгробная эпитафія Музы, жены Полистрата; в) Стихотворная эпитафія Аристона, сына Аристонова.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 11-го марта 1919 годъ.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены ея В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, Н. А. Еланчинъ, Л. В. Жирицкій, А. П. Кадлубовскій, Д. А. Крыжановскій, Н. А. Ленскій, о. П. И. Медвѣдковъ, З. Г. Розова, В. А. Розовъ, А. К. Романюкъ, А. И. Сѣницкій, Э. В. Эккъ, Н. Л. Эрнстъ, правитель дѣль П. В. Масловъ и гость Н. К. Шведовъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель Коммиссіи напомнилъ собранію о кончинѣ одного изъ учредителей еяprotoіерея I. I. Тяжелова и указалъ на его внимательное отношеніе къ ея дѣятельности.

Собрание почтило память почившаго вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколь засѣданія Коммиссіи ^{3/16} февраля 1919 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложены письма: ректора Таврическаго Университета Р. И. Гельвига и профессора этого же университета академика Н. И. Андрусова съ выражениемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи и готовности содѣйствовать ея задачамъ.

Постановлено: записать въ протоколь.

IV. Доложена выписка изъ журнала засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства отъ 17 февраля 1919 года слѣдующаго содержанія: „Предсѣдатель Совѣта министровъ доложилъ ходатайство Таврической Ученой Архивной Коммиссіи о передачѣ ей для обслѣдованія архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ оккупациіи Крыма германцами. Совѣтъ министровъ постановилъ: „предоставить Таврической Ученой Архивной Коммиссіи право доступа къ архивнымъ матеріаламъ правительственныйихъ учрежденій и предложить министерствамъ и самоуправліеніямъ оказывать содѣйствіе Коммиссіи въ дѣль обозрѣнія и собирания матеріаловъ“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено отношеніе прокурора Симферопольскаго Окружнаго Суда отъ 17 февраля с. г. за № 1167 съ увѣдомленіемъ о томъ, что оставленныя въ зданіи суда книги, дѣла и переписка совѣтскихъ учрежденій поступили въ его распоряженіе и что имъ принимаются мѣры къ разборкѣ таковыхъ, послѣ чего съ его стороны будетъ оказано Коммиссіи содѣйствіе въ полученії соотвѣтствующихъ матеріаловъ на храненіе.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено отношеніе Симферопольской Городской Управы отъ 6 февраля с. г. за № 1096 съ увѣдомленіемъ о томъ, что Городское Самоуправліеніе, приводя въ надлежащей порядокъ архивъ городской управы, въ виду тѣсноты помѣщенія, отведенного подъ городской архивъ, рѣшило уничтожить часть хранящихся въ немъ дѣль (реестръ ихъ указанъ въ сообщеніи) и просьбой возможно скоро сообщить ей, не встрѣчается ли со стороны Таврической Ученой Архивной Коммиссіи возраженій къ изъятію и уничтоженію указанныхъ дѣль архива Городской Управы.

Постановлено: просить члена Коммиссіи А. К. Романюка быть ея представителемъ при разборѣ архива Городской Управы и принять

всѣ мѣры къ передачѣ въ исторической архивѣ Комиссіи всѣхъ документовъ, дѣлъ и книгъ, которые будутъ признаны имѣющими какой либо интересъ въ историческомъ или бытовомъ отношеніи.

VII. Доложено отношеніе Ростовскаго на Дону Археологическаго Института отъ 19 января 1919 г. за № 200 съ просьбой выслать въ даръ библиотекѣ Института по возможности всѣ изданія Комиссіи въ обмѣнъ на его предположенія изданія.

Постановлено: выслать изданія Комиссіи, коими она располагаетъ, съ отнесениемъ расхода по пересылкѣ на счетъ Института.

VIII. Предсѣдатель заявилъ, что 17-го числа с. г. онъ принималъ участіе въ экстренномъ засѣданіи исполнительного бюро Таврической Научной Ассоціаціи по вопросу о мѣрахъ защиты и сохраненія зоопарка Асканія-Нова. Это засѣданіе было вызвано сообщеніемъ прибывшими изъ Асканіи Новой служащими лицами о безпомощномъ положеніи зоопарка, послѣ того какъ чины Добровольческой Арміи были обезоружены, а грабительскія шайки начали опустошать хозяйство Асканіи Новой и предназначенные для корма животныхъ и птицъ запасы сѣна, зерна, муки и т. д. Въ созванномъ для обсужденія угрожающаго положенія зоопарка засѣданіе означенного бюро было постановлено обратиться съ ходатайствомъ къ Краевому Правительству, высшему начальству Добровольческой Арміи и французскому командованію въ Севастополѣ о принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ къ спасенію отъ гибели зоопарка Асканія Нова.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX. Предсѣдатель Комиссіи заявилъ, что ему удалось обезпечить выходъ въ свѣтъ № 56-го Извѣстій Комиссіи на весьма выгодныхъ по обстоятельствамъ настоящаго времени для нея условіяхъ и просилъ разрѣшенія на печатаніе этого выпуска, материала, для которого имѣется и состоится изъ научныхъ сообщеній, историческихъ материаловъ и протоколовъ засѣданій Комиссіи.

Постановлено: приступить къ печатанію № 56-го Извѣстій на сообщеніяхъ предсѣдателемъ Комиссіи условіяхъ.

X. Предсѣдатель Комиссіи сообщилъ, что 22-го числа истекшаго мѣсяца онъ получилъ письмо члена Комиссіи И. Ф. Александрова съувѣдомленіемъ, что въ этотъ день „предположено внести въ Совѣтъ Министровъ смѣту Архивной Комиссіи на текущій годъ, и такъ какъ представленная въ министерство народнаго просвѣщенія въ концѣ истекшаго года смѣта Комиссіи представляется членамъ министерства преуменьшенней, то желательно сегодня въ замѣнѣ ея другую смѣту, болѣе соотвѣтствующую обстоятельствамъ настоящаго времени. Предсѣдатель Комиссіи немедленно составилъ новую смѣту на 43400 руб., съ которой согласились члены Комиссіи И. Ф. Александровъ и С. А. Плаксинъ, и она была представлена въ министерство. Предварительно разсмотрѣнія ея въ Совѣтѣ Министровъ она была разсмотрѣна Бюджетной Комиссіей, въ которой была значительно сокращена, но члены Совѣта министровъ увѣрили предсѣдателя Комиссіи, что ходатайство ея будетъ уважено. Членъ Комиссіи А. К. Романюкъ спросилъ, каково теперь положеніе комиссіи, избранной въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года для составленія смѣты. Правитель дѣлъ П. В.

Масловъ объяснилъ, что эта комиссія собиралась всего одинъ разъ и, сдѣлавъ нужныя справки въ министерствѣ, больше не собиралась.

Постановили: заявление предсѣдателя принять къ свѣдѣнію, а обязанности упомянутой комиссіи считать законченными.

XI. Доложено сообщеніе В. В. Соколова: „Карта древнихъ поселеній и могильниковъ въ районѣ станицы Таманской”.

Сообщеніе было выслушано съ живымъ интересомъ, и **постановлено:** напечатать его съ приложеніемъ картой, если дозволять средства Коммиссіи, или безъ карты, автора же благодарить за присылку его цѣнного труда.

XII. Доложены сообщенія того же автора: а) „Курганы Лысой Горы близъ Тамани и находки въ нихъ” и б) „Таманское озеро”.

Оба сообщенія заслушаны были съ большимъ интересомъ. **Постановлено:** благодарить В. В. Соколова за присылку этихъ трудовъ и напечатать ихъ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XIII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи В. Д. Геймана: „Феодосія и желѣзнодорожные проекты (Къ 25-лѣтію Джанкой Феодосійской вѣтки)”.

Сообщеніе было заслушано съ интересомъ, и собраніе **постановлено:** благодарить автора за присылку его труда, который напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XIV. Предсѣдатель представилъ присланые ему для разсмотрѣнія и помѣщенія въ Извѣстіяхъ Коммиссіи статьи В. Д. Геймана: 1) „Феодосія и ея окрестности”; 2) „Коктебель, Отузы, Козы, Кизильташскій монастырь”; 3) „Судакъ и его окрестности”; 4) „Старый Крымъ и Топлы”; 5) „Библіографическій указателей книгъ и статей по Феодосіи и ея окрестностямъ”; 6) „Хронологический указатель”.

Розсмотрѣть означенныя статьи, признали ихъ подходящими для специального путеводителя по г. Феодосіи и его уѣзду или вообще для справочнаго изданія и не вполнѣ соответствующими характеру Извѣстій Коммиссіи, и **постановили:** увѣдомить объ этомъ В. Г. Геймана, выразивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ признательность за его энергичную дѣятельность по обслѣдованию Феодосійской старины.

XV. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что состояніе его здоровья и обстоятельства послѣдняго времени лишаютъ его возможности нести далѣе обязанности предсѣдателя Коммиссіи, и онъ, видя себя не въ силахъ нести ихъ съ прежней энергией, рѣшилъ сложить съ себя это званіе. А. И. Маркевичъ заявилъ, что онъ, съ сожалѣніемъ оставляя предсѣдательство въ Коммиссіи, по мѣрѣ силъ и виредѣ будетъ трудиться въ Коммиссіи, какъ рядовой членъ ея, и охотно будетъ продолжать редактированіе трудовъ Коммиссіи, если ей это будуть угодно.

Собрание единодушно выразило сожалѣніе о рѣшеніи А. И. Маркевича и просило его не оставлять должности предсѣдателя Коммиссіи, но онъ заявилъ, что рѣшеніе его зрѣло обдумано и безповоротно.

XVI. Въ библіотеку Коммиссіи поступила книга: Журналы засѣданій Таврическаго Губернскаго Земскаго Собрания 52-й очередной сессіи (30 мая 7 июня 1918 г.).

Постановлено: благодарить за присылку этого изданія.

Засѣданіе 25-го марта 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены ея: И. Ф. Александровъ, А. Н. Аверкіевъ, М. И. Архангельскій, В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, И. М. Волошиновъ, Б. Д. Грековъ, Н. А. Епанчинъ, А. В. Жирицкій, П. Т. Запорожецъ, А. П. Кадлубовскій, П. И. Крестіанполь, Д. А. Крыжановскій, И. С. Кобанъ, А. Ф. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, Н. А. Ленскій, свящ. О. А. Михайловскій, С. А. Плаксинъ, В. А. Розовъ, З. Г. Розова, А. И. Сѣницкій, К. И. Тодорскій, С. С. Чехъ, П. В. Чинновъ, Н. К. Шведовъ, Н. Л. Эрнстъ, В. И. Филоненко, В. А. Сочавецъ-Ѳедоровичъ, С. А. Мокржецкій, С. М. Шапшаль, А. И. Шалаліевъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель Коммиссіи напомнилъ собранію о кончинѣ почетнаго члена ея Н. Е. Славинскаго и дѣйств. члена М. А. Волошенко, причемъ отмѣтилъ полезную для Коммиссіи дѣятельность почившихъ, изъ которыхъ Н. Е. Славинскій нѣсколько лѣтъ несъ обязанности товарища предсѣдателя, хранителя музея и библіотекаря.

Собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи 11-го марта 1919 г.

Постановлено: утвердить.

III. Предсѣдатель заявилъ о разгромѣ знаменитаго зоопарка въ имѣніи Ф. Э. Фальц-Фейна Асканія Нова Днѣпровскаго уѣзда и фамильного архива Поповыхъ въ имѣніи Васильево Мелитопольскаго уѣзда.

Къ этому заявлению предсѣдателя Н. Л. Эрнѣстъ сдѣлалъ слѣдующее дополненіе: Часть архива Поповыхъ, находившаяся въ имѣніи Тавель, къ счастью, спасена и на дняхъ владѣльцами передана, въ количествѣ 59 связокъ, во временное научное пользованіе профессорской коллегіи Таврическаго Университета.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IV. Членъ Коммиссіи И. Ф. Александровъ заявилъ, что въ послѣднее время въ губернскій архивъ переданы на храненіе архивы Бѣлостокскаго полка и Главноуполномоченнаго по снабженію Добровольческой Арміи Азовско-Днѣпровскаго района; есть основаніе предполагать, что въ будущемъ будутъ передаваться сюда и другіе архивы. Между тѣмъ въ губернскомъ архивѣ мѣста для новыхъ дѣлъ рѣшительно нѣть, а потому представляется желательнымъ, чтобы для вышеуказанной надобности было отведено особое помѣщеніе.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и войти по этому вопросу въ сношеніе съ краевою властью.

V. Доложено ходатайство члена Коммиссіи В. Д. Геймана о переизданіи Коммиссіей указателя ѡеодосійскаго музея древностей.

Постановлено: ходатайство В. Д. Геймана отклонить по недостатку средствъ Коммиссіи.

VI. Доложено вторичное ходатайство члена Коммиссіи В. Д. Геймана о принятіи мѣръ къ ремонту генуэзской башни Св. Константина въ ѡеодосіи.

Постановлено: просить Крымское Краевое Правительство сдѣлать соответствующее распоряжение относительно ремонта вышеуказанного памятника древности.

VII. Предсѣдатель заявилъ, что къ нему поступило предложение пріобрѣсти для библіотеки Коммиссіи книгу: Castelnau Marquis. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. T. I III. Цѣна книги 50 руб.

Постановлено: пріобрѣсти означенную книгу для библіотеки Коммиссіи.

VIII. Заслушано сообщеніе проф. Г. В. Вернадского: „Къ исторіи колонизации Азовского побережья“ — По архивнымъ матеріаламъ изъ Воронежского собранія рукописей, переданного въ даръ Коммиссіи почетнымъ членомъ ея Н. Е. Славинскимъ. Сообщеніе было выслушано съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Въ обсужденіи, его приняли участіе: С. М. Шапшаль, Д. А. Крыжановскій, А. И. Маркевичъ, С. А. Плаксинъ и И. Ф. Александровъ.

Постановлено: Благодарить автора, а сообщеніе и матеріалы къ нему напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи.

IX. Предсѣдателемъ Коммиссіи и членами ея И. М. Волошинымъ, Н. А. Ленскимъ и А. И. Сѣницкимъ предложены въ члены Коммиссіи: проф. Петроградскаго Университета В. Ф. Дерюжинскій, генералъ отъ артиллеріи Н. К. Шведовъ и завѣдующій Севастопольскимъ Городскимъ архивомъ Яковъ Евгениевичъ Рубиновъ.

Всѣ означенныя лица были избраны въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

X. Произведены были выборы закрытой баллотировкой всѣхъ должностныхъ лицъ Коммиссіи. Результаты выборовъ оказались слѣдующіе: предсѣдателемъ Коммиссіи единогласно избранъ А. И. Маркевичъ, товарищемъ предсѣдателя — проф. Б. Д. Грековъ, библіотекаремъ — проф. А. П. Кадлубовскій, завѣдующимъ архивомъ — проф. Г. В. Вернадскій, хранителемъ музея — проф. В. А. Розовъ, казначеемъ И. Ф. Александровъ, правителемъ дѣль — преподаватель семинаріи П. В. Масловъ. Всѣ означенныя должностныя лица избраны значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и просить всѣхъ избранныхъ вступить въ отправление своихъ обязанностей.

XI. Доложено отношение библіотеки Таврическаго Университета отъ 14 марта с. г. за № 50 съ выражениемъ благодарности за пожертвование Коммиссіей всѣхъ имѣющихся въ ея распоряженіи выпусковъ Извѣстій.

Постановлено: записать въ протоколь.

XII. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что передъ началомъ засѣданія онъ узналъ отъ Предсѣдателя совѣта министровъ Крымского Краевого Правительства о назначеніи Коммиссіи единовременного пособія на 1919 годъ въ размѣрѣ 43.400 рублей.

Постановлено: записать въ протоколь.

XIII. Доложено письмо члена Коммиссіи В. А. Сочавца-Федоровича отъ 12 марта с. г. слѣдующаго содержанія: „Лѣть пять тому назадъ мнѣ, какъ секретарю Таврическаго Дворянства, были присланы портреты дворянъ-тавричанъ, участниковъ войны 12-го года, на тогъ

случай, если осуществляется идея устройства щита съ портретами дворянъ, участниковъ этой войны, для помѣщенія его въ залѣ Дворянскаго Собранія. Такъ какъ эта идея не осуществилась, и присылка портретовъ осуществлена лишь однимъ лицомъ, и я думаю, что осуществленіе ея въ будущемъ также находится подъ большимъ сомнѣніемъ, я теперь считаю себя вправѣ передать эти портреты, какъ имѣющіе историческую цѣнность, а также касательство къ Тавридѣ, въ музей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, въ надеждѣ, однако, на то, что если бы осуществилось первоначальное ихъ предназначение, то Архивная Коммиссія передастъ ихъ по назначению. Портреты эти слѣд.: лицъ: а) Михаила Михаиловича Бороздина (фотографюра), б) Н. Н. Раевскаго (старшаго), фотографюра въ краскахъ и в) Н. Н. Раевскаго (младшаго), фототипія".

Постановлено: принять означенные портреты для храненія въ музеѣ Коммиссіи и благодарить Виктора Андреевича за вниманіе.

Соединенное засѣданіе Таврической Ученой Архивной Коммиссіи и Общества Философіи, Исторіи и Соціологіи при Таврическомъ Университетѣ
11-го мая 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Б. Д. Грековъ члены: А. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, Р. И. Гельвигъ, Н. К. Гудзій, А. Н. Деревицкій, Л. В. Жирицкій, А. П. Кадлубовскій, Е. Э. Кесслеръ, о. П. И. Медвѣдковъ, о. А. Г. Назаревскій, А. И. Сѣницкій, К. И. Тодорскій, В. И. Филоненко, А. И. Шалаліевъ, Н. Л. Эрнѣсть, правитель дѣль Масловъ, гость проф. Д. В. Айналовъ и многочисленная публика.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель произнесъ слѣдующія слова:

„Мм. Гг. Не радостное, не свѣтлое событие вызвало настоящее собраніе. „Смерть коситъ жатву жизни“ русской отъ края до края нашей земли и безпощадно уносить и злыхъ и добрыхъ, и враговъ Россіи, вольныхъ и невольныхъ, и лучшихъ сыновъ Русскаго народа. Въ недавнѣе время она унесла и виднаго нашего ученаго, профессора и ординарнаго академика Россійской Академіи Наукъ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Его имя хорошо извѣстно въ ученомъ мірѣ, оно дорого и близко намъ, нашему обществу, оно близко и Симферополю и Симферопольской гимназіи, въ которой онъ получилъ среднее образованіе. Мы собрались сегодня, чтобы почтить его память, и прежде всего я прошу собраніе почтить память академика А. С. Лаппо-Данилевскаго вставаніемъ.“

Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

II. Предсѣдатель Коммиссіи произнесъ рѣчь объ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, какъ археологѣ и архивномъ дѣятелѣ, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о пребываніи его въ Симферопольской гимназіи.

III. Профессоръ Б. Д. Грековъ произнесъ рѣчь объ ученой и учебной дѣятельности А. С. Лаппо-Данилевскаго.

IV. Профессоръ Г. В. Вернадский произнесъ рѣчь обѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, какъ историкѣ Россіи XVIII-го вѣка.

V. Протоіерей А. Г. Назаревский сказалъ не сколько словъ обѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, какъ воспитанникѣ Симферопольской гимназіи.

VI. Предсѣдатель выразилъ благодарность директору Симферопольской гимназіи Л. В. Жирицкому за гостепріимное предоставление зала гимназіи для устройства засѣданія Коммиссіи.

Засѣданіе 5-го іюня 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали товарищъ предсѣдателя Б. Д. Грековъ, члены Коммиссіи: В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, А. М. Волошиновъ, А. Я. Гидалевичъ, Н. К. Гудзій, А. Н. Деревицкій, Л. В. Жирицкій, А. А. Ивановъ, А. П. Кадлубовскій, Н. И. Клепининъ, П. И. Крестьянполь, А. Ф. Кудрицкій, А. Н. Маркевичъ, прот. П. И. Медвѣдковъ, Х. А. Монастырлы, К. И. Тодорскій, В. О. Филоненко, Н. Л. Эрнстъ, П. В. Чинновъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ; гости: проф. Д. В. Айналовъ, Б. П. Вологдинъ, В. М. Марковъ, Г. М. Орловъ, свящ. Н. Е. Першинъ, М. А. Хамарито, г. Темниковъ и др.

I. Открывъ собраніе, предсѣдатель заявилъ о кончины членовъ Коммиссіи Л. А. Шихуцкаго и проф. Ю. А. Кулаковскаго. Собрание почтило память почившихъ вставаніемъ.

II. Было заслушано сообщеніе проф. А. Н. Деревицкаго: „Проф. Ю. А. Кулаковскій“. Сообщеніе было выслушано съ большимъ вниманіемъ и интересомъ.

Постановлено: Благодарить докладчика, а сообщеніе напечатать въ очередномъ номерѣ „Извѣстій“.

III. Было заслушано сообщеніе А. И. Маркевича: „Памяти Ю. А. Кулаковскаго“.

Постановлено: напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IV. Былъ заслушанъ докладъ проф. Н. К. Гудзія: „Мотивъ усѣченной головы въ татарской легендѣ обѣ Азисѣ“. Докладъ былъ выслушанъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ.

Постановлено: Благодарить докладчика; докладъ напечатать въ очередномъ номерѣ „Извѣстій“.

V. Было заслушано сообщеніе почетнаго члена Коммиссіи А. А. Бертье-Делагарда: „Недоумѣнныя вопросы средневѣковья въ Тавридѣ“.

Постановлено: Благодарить Александра Львовича за весьма интересное сообщеніе и напечатать его въ очередномъ номерѣ „Извѣстій“.

VI. Доложено письмо В. В. Соколова на имя предсѣдателя съ благодарностью за избраніе его въ дѣйствительные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

VII. Доложено письмо бывшаго казначея Архивной Коммиссіи А. К. Романюка съ просьбой, въ виду выѣзда изъ города вновь избранаго казначея Коммиссіи И. Ф. Александрова, поручить кому-либо принять отъ него, г. Романюка, книги и денежные документы Коммиссіи. При

письмъ приложна копія описи документовъ Комиссіи, предположеныхъ къ передачѣ И. Ф. Александрову.

Постановлено: поручить правителю дѣлъ П. В. Маслову принять отъ А. К. Романюка книги и денежные документы Комиссіи.

VIII. Заслушано письмо художника Малышко на имя предсѣдателя съ изложеніемъ обстоятельствъ снятія памятника Имп. Екатерины II и барельефовъ съ памятника князю В. М. Долгорукову. Къ подобному заявлению побудило автора письма, принимавшаго участіе по предложению Ревкома въ снятіи обоихъ памятниковъ, желаніе реабилитировать себя предъ высокими учрежденіями науки и искусства.

Постановлено: Заявленіе художника Малышко принять къ свѣдѣнію.

IX. Заслушано сообщеніе предсѣдателя Комиссіи объ учрежденіи въ г. Симферополь Центрального Архива и объ отводѣ для него помѣщенія въ зданіи бывшаго пансиона 1-й Симферопольской мужской гимназіи.

Постановлено: Сообщеніе предсѣдателя Комиссіи принять къ свѣдѣнію.

X. Предсѣдателемъ Комиссіи и проф. Г. В. Вернадскимъ было предложеніе въ члены Комиссіи проф. Таврическаго Университета Д. В. Айналовъ; предсѣдателемъ Комиссіи и П. В. Масловымъ были предложены въ члены Комиссіи начальница 1-й Симферопольской женской гимназіи М. А. Хамарито и мировой судья В. М. Марковъ.

Всѣ эти лица были избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

Въ библіотеку Комиссіи поступили слѣдующія книги:

1. Отъ члена Комиссіи В. А. Розова его трудъ: Южнорусскія грамоты. Т. I, Кіевъ 1917 г.

2. Отъ профессора Н. М. Крылова: старинный русскій календарь 1726 года.

3. Отъ члена Комиссіи И. М. Волошинова: Общий каталогъ монетъ, принадлежащихъ Эллинскимъ колоніямъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Сост. П. Бурачковъ. Ч. I.

4. Отъ Н. Я. Луценко: Справочный энциклопедический словарь, изд. Крайемъ, подъ ред. Старчевскаго. 1849, т. 1—3 (безъ первого заглавного листа).

5. Отъ Е. М. Славинской: Инструкціи губернскому почтмейстеру. 2-е изд. 1837 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 18-го іюня 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены ея: М. И. Архангельскій, В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, А. Я. Гидалевичъ, А. Н. Деревицкій, А. П. Кадлубовскій, И. В. Ларіоновъ, В. М. Марковъ, о. П. И. Медвѣдковъ, П. В. Никольскій, М. Г. Тяжелова, В. Г. Филоненко, С. С. Чехъ, П. В. Чинновъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Доложены были протоколы засѣданій Коммиссіи 25 марта, 11 мая и 5 іюня этого года.

Постановлено: утвердить и напечатать въ „Извѣстіяхъ“ сообщенія объ академикѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ.

II. Доложено отношеніе Подъ-отдѣла Гражданскихъ зданій и соруженій Отдѣла Промышленности Совѣта Народнаго Хозяйства Временного Рабоче-Крестьянскаго Правительства Крыма отъ 10 іюня с. г. за № 30 съ препровожденіемъ протокола по снятію памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, находящагося въ городскомъ саду г. Симферополя.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и обратиться въ Коммиссію по охранѣ памятниковъ старины при Военно-революціонномъ Комитетѣ съ просьбой о перенесеніи фігуръ императрицы Екатерины II и ея сподвижниковъ, а равно бюстовъ въ закрытое помѣщеніе, такъ какъ они выброшены изъ сараевъ, въ которомъ находились, свалены во дворѣ духовной семинаріи и подвергаются порчу отъ сырости и невѣжественнаго съ ними обращенія за отсутствіемъ надзора.

III. Доложено отношеніе казначея Союза Россійскихъ Архивныхъ Дѣятелей съ просьбой о высылкѣ Коммиссіей членскаго взноса за 1918-и 1919 годы.

Постановлено: выслать при первой возможности.

IV. Предсѣдатель заявилъ о пожертвованіи Коммиссіи вдовой покойнаго почетнаго ся члена Н. Е. Славинскаго Е. М. Славинской его нумизматическаго собранія: 60 серебряныхъ монетъ, 86 медныхъ монетъ и 3 медалей, 10 жетоновъ и значковъ.

Постановлено: благодарить.

V. Предсѣдатель заявилъ, что г-жой Славинской передана и находившаяся у ея мужа частная дарственная запись, по которой членъ Коммиссіи Т. Д. Гейнацъ даритъ музею Коммиссіи фортепіано фирмы Вирта, 1847 г., купленное въ Петроградѣ ея дѣдомъ Ф. К. Мюльгаузеномъ, на которомъ композиторъ Сѣровъ часто игралъ во время своего пребыванія въ Симферополѣ и творилъ свои произведения.

Постановлено: выразить Т. Д. Гейнацу глубокую благодарность за пожертвованіе Коммиссіи этого инструмента.

VI. Съ глубокимъ интересомъ выслушана была вторая половина сообщенія А. Л. Бертье-Делагарда: „Недоумѣнныя вопросы средневѣковья въ Тавридѣ“, именно глава III—о Фуллахъ и Фульской епархіи. По поводу этой статьи высказались А. Я. Гидалевичъ и предсѣдатель Коммиссіи.

Постановлено: выразить А. Л. Бертье-Делагарду глубокую благодарность Коммиссіи за препровожденіе ей этого весьма цѣннаго труда и напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

VII. Проф. Г. Вернадскій прочелъ два доклада: 1) „Письма М. А. Гарновскаго кн. Г. А. Потемкину Таврическому“ и 2) „Стихи кн. Г. А. Потемкина на основаніе Екатеринослава“. Оба доклада выслушаны были съ живымъ интересомъ. Собрание выразило искреннюю благодарность проф. Г. В. Вернадскому за эти сообщенія и **постановило:** напечатать ихъ съ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи, съ приложениемъ къ первому реферату шести писемъ Гарновскаго.

VIII. Предсѣдатель заявилъ, что въ засѣданіи 12-го сего іюня, состоявшемся въ Коммиссаріатѣ по Народному Образованію по случаю

открытія въ Симферополѣ Центральнаго архива, проф. Г. В. Вернадскій сдѣлалъ сообщеніе о Тавельскомъ архивѣ Поповыхъ и значеніи его для исторіи, предназначенніе Архивной Коммиссіи. Такъ какъ въ указанномъ засѣданіи присутствовали и члены Архивной Коммиссіи, м. пр. и тѣ, которые находились въ настоящемъ засѣданіи, то, по предложенію А. И. Маркевича, собраніе **постановило** не заслушивать вторично сообщенія проф. Вернадскаго и, выразивъ ему благодарность за передачу въ ея распоряженіе его цѣннаго сообщенія о важнѣшемъ семействомъ архивѣ въ предѣлахъ Тавриды, напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“.

IX. С. С. Чехъ представилъ для музея Коммиссіи подпиську жителей г. Бахчисарая татаръ отъ февраля 1794 г., что никто изъ нихъ ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ принимать на службу бѣглыхъ военно-служителей и будетъ представлять начальству имѣющихся на службѣ.

Постановлено: благодарить С. С. Чеха за пожертвованіе для архива Коммиссіи этого документа.

X. Предсѣдатель представилъ пожертвованіе Н. Д. Бибиковой рисунки: 1) изображеніе въ краскахъ гербовъ губерній, намѣстничествъ и областей и мундировъ времени Императрицы Екатерины II и 2) гравюру, изображающую побѣду фельдмаршала князя Голицына надъ турками и взятие Хотина въ 1769 г.

Постановлено: благодарить.

XI. Предсѣдатель заявилъ, что въ виду отѣзда изъ Симферополя профессора В. А. Розова должностъ хранителя музея древностей Коммиссіи освободилась, и, согласно желанію многихъ членовъ Коммиссіи, онъ обращался къ профессору Таврическаго Университета Д. В. Аїналову съ предложеніемъ оказать вниманіе Коммиссіи и взять на себя завѣдываніе ея музеемъ. Профессоръ Аїналовъ далъ согласіе на завѣдываніе музеемъ и даже обѣщалъ дать статью о нѣкоторыхъ его предметахъ.

Постановлено: благодарить профессора Д. Д. Аїналова за вниманіе и избрать его хранителемъ музея Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XII. Предложены въ дѣйствительные члены Коммиссіи предсѣдателемъ, правителемъ дѣль П. В. Масловымъ и о. П. И. Медведковымъ протоіерей о Н. И. Бортовскій.

Протоіерей Бортовскій былъ избранъ въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XIII. И. В. Ларіоновъ пожертвовалъ для музея Коммиссіи слѣдующіе 12 фотографическихъ снимковъ: 1, 2, 3 и 4) церкви съ фресками въ Карантинѣ въ Феодосіи, 5) церковь св. Параскевы въ Карантинѣ въ Феодосіи, 6) церковь св. Ioanna Богослава въ Карантинѣ въ Феодосіи; 7) церковь въ Карантинѣ въ Феодосіи, въ коей нынѣ совершаются богослуженіе, 8 и 9) мечеть въ д. Карагозѣ Феодосійскаго уѣзда; 10) Генуэзская башня папы Климента въ Карантинѣ въ Феодосіи; 11) Генуэзская башня, наз. Вторая, въ Карантинѣ въ Феодосіи и 12) Генуэзская башня на берегу моря въ Карантинѣ въ Феодосіи.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 3-го юля 1919 года.

Предсѣдательствовалъ непремѣнныи попечитель Коммиссіи Таврическій Губернаторъ Н. А. Татищевъ, присутствовали: предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ, товарищ предсѣдателя Б. Д. Грековъ, члены Д. В. Айналовъ, Н. И. Андрусовъ, Е. А. Бартъ, Н. А. Бибикова, Д. М. Бибиковъ, о. Н. И. Бортонскій, В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, Р. И. Гельвигъ, А. Я. Гидалевичъ, Н. К. Гудзій, А. Н. Деревинскій, Л. В. Жирицкій, А. П. Кадлубовскій, И. С. Кобанъ, Д. А. Крыжановскій, А. Ф. Кудрицкій, А. Н. Маркевичъ, В. М. Марковъ, о. П. И. Медвѣдковъ, П. В. Никольскій, В. А. Сочавецъ, А. И. Сѣницкій, К. И. Тодорскій, В. И. Филоненко, С. С. Чехъ, Н. Л. Эрнстъ, правитель дѣль П. В. Масловъ и многочисленная публика.

I. Предсѣдатель Коммиссіи привѣтствовалъ оть ея имени непремѣнного попечителя со вступленіемъ въ должность правителя Тавриды, измученной безправіемъ и беззаконіемъ и давно уже жаждавшей порядка, закона и покоя.

Непремѣнныи Попечитель высказалъ удовольствіе, что онъ въ настоящемъ засѣданіи имѣть возможность привѣтствовать собраніе съ освобожденіемъ Тавриды патріотическими усилиями доблестныхъ добровольческихъ войскъ оть смуты и крамольной власти большевиковъ, указалъ на наступленіе новой жизни во всей Россіи, на демократическихъ началахъ, и призывалъ общество къ единенію и единодушію въ дѣлѣ возсозданія Единої, Великой и Славной Россіи.

II. Членъ Коммиссіи профессоръ Н. К. Гудзій сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи русскаго сентиментализма. (Путешествіе въ Крымъ П. И. Сумарокова)“. Сообщеніе было выслушано съ живымъ интересомъ. Въ обсужденіи его приняли участіе предсѣдатель Коммиссіи и Л. В. Жирицкій.

Собрание благодарило Н. К. Гудзія за его сообщеніе и **постановило**: напечатать его въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Извѣстій“ Коммиссіи.

III. Членъ Коммиссіи профессоръ Г. В. Вернадскій прочелъ сообщеніе: „Записки о необходимости присоединенія Крыма къ Россіи“: а) „Разсужденіе одного Россійскаго патріота о бывшихъ съ татарами дѣлахъ и войнахъ и способахъ служащихъ къ прекращенію оныхъ навсегда“ и б) автографъ Потемкина: „О Крымѣ“. Первая записка, весь ма вѣроятно, написана Безбородкой въ 1777 г., вторая представляетъ черновой автографъ Потемкина, написанный около 1780 года.

Сообщеніе было выслушано съ большимъ интересомъ собраніемъ, которое выразило автору благодарность за его трудъ и **постановило** напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

IV. В. А. Сочавецъ-Федоровичъ и С. С. Чехъ представили для библіотеки Коммиссіи рядъ изданий, мѣстныхъ и иногороднихъ, имѣющихъ отношеніе къ переживаемому политическому моменту.

Постановлено: благодарить.

V. Н. А. Бибикова принесла въ даръ Коммиссіи: а) старинную тетрадку изъ своего родового архива съ нѣсколькими суевѣрными записями, м. пр. и такой: „одинъ іезуитъ, бывшій міссіонеромъ, увѣряетъ, яко, бы дѣти ногайскихъ татаръ рождаются слѣпыми и нѣсколько дній

послѣ рожденія своего не видѣть свѣта и б) и изображеніе уродливой курицы, находящейся въ Тулѣ у г-на губернатора". 1815 года (изъ альбома А. Т. Болотова). Юмористическая картинка изображаетъ курицу съ человѣческой головой, несомнѣнно портретнаго характера.

Постановлено: благодарить.

VI. Должено отнешеніе Управлінія Водныхъ Изысканій и работъ въ Крыму отъ 15/24 июня с. г. за № 867 съ просьбой предоставить для его библиотеки комплектъ Извѣстій Коммиссіи, по возможности бесплатно.

Постановлено: препроводить послѣдніе два выпуска (54 и 55 №) Извѣстій Коммиссіи, въ обмѣнъ на полученные изданія Управлінія Водныхъ Изысканій бесплатно и увѣдомить, что имѣющіеся предыдущіе выпуски Извѣстій могутъ быть доставлены только за плату.

Засѣданіе 4-го сентября 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены: В. Д. Айналовъ, И. Ф. Александроффъ, Я. С. Богдановичъ, о. Н. И. Бортовскій, В. П. Броневскій, Г. В. Верниадскій, П. А. Двойченко, Д. А. Крыжановскій, И. В. Ларіоновъ, о. П. И. Медведѣковъ, П. В. Никольскій, о. А. П. Сердобольскій, А. И. Сѣницкій, М. Г. Тяжелова, В. Г. Филоненко, Я. Т. Харченко, П. Я. Четыркина, П. В. Чинновъ, Н. Л. Эрнстъ и правитель дѣль П. В. Масловъ, гости и особо приглашенныя лица инженеры Е. Д. Садовскій, В. П. Щербина, художникъ В. И. Малышко и строитель-практикъ Д. Н. Соколовъ.

I. Должены протоколы засѣданій 18-го іюня и 3 іюля 1919 г.

Постановлено: утвердить.

II. Должено отнешеніе Таврическаго Губернскаго Правленія (отд. технич.-строит.) отъ 30 авг. с. г. за № 194 съ препровожденіемъ копіи акта осмотра древней генуэзской башни св. Константина въ г. Феодосии и увѣдомленіемъ, что смета на ремонтъ названной башни, исчисленная въ суммѣ 5344 руб. 47 коп., препровождена въ Управлініе Внутреннихъ Дѣль при Главнокомандующемъ вооруженными силами на Югѣ Россіи съ ходатайствомъ объ ассигнованіи исчисленной по сметѣ суммы.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

III. Должено отнешеніе типографіи Таврическаго Губернскаго Земства отъ 2-го сентября с. г. за № 60 съ увѣдомленіемъ о томъ, что профессиональнымъ союзомъ рабочихъ печатного дѣла предъявлены всѣмъ типографіямъ новые ставки на жалованье рабочихъ, увеличенные на 40%, которая вводятся съ 1 сентября, и что это увеличить стоимость набора, печати и брошюровки. Предсѣдатель указалъ, что это новое увеличение расхода на печатаніе Извѣстій неизбѣжно поставить Коммиссію въ затруднительное положеніе, такъ какъ средства ея дадутъ возможность оплатить только одинъ изъ двухъ печатающихся томовъ Извѣстій, печатаніе котораго подходитъ къ концу, а на полную оплату второго выпуска средствъ ея не хватитъ.

По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, **постановлено:** печатаніе обоихъ выпусковъ Извѣстій (56-го и 57-го) продолжать и въ слу-

чаѣ необходимости отнести оплату № 57-го выпуска на 1920 годъ, при чмъ употребить всѣ усиленія для увеличенія средствъ Коммиссіи.

IV. Доложено письмо Ф. А. Стевена, въ которомъ онъ сообщаетъ, что съ удовольствіемъ исполнить просьбу предсѣдателя Коммиссіи о передачѣ въ ея распоряженіе дневника его дѣда Х. Х. Стевена, о чмъ давно уже просилъ А. И. Маркевичъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и употребить всѣ старанія къ тщательному храненію и использованію этого дневника.

V. Доложено отношеніе Таврическаго губернатора отъ 12 августа с. г. за № 686 съ увѣдомленіемъ, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ возстановленію памятниковъ императрицы Екатеринѣ Великой и князя В. М. Долгорукова въ Симферополя, о чмъ ходатайствовала Коммиссія, и выраженіемъ желанія, чтобы трудъ по возстановленію этихъ памятниковъ принялъ быль Коммиссіей на себя.

На поставленный предсѣдателемъ вопросъ, угодно ли будетъ Коммиссіи принять на себя трудъ и заботы по возстановленію указанныхъ памятниковъ, собраніе единогласно высказалось въ положительномъ смыслѣ. Въ виду этого предсѣдатель предложилъ приступить къ обсужденію вопроса съ технической стороны и просилъ принять участіе въ немъ приглашенныхъ инженеровъ и техниковъ. Изъ всесторонняго обсужденія этого вопроса выяснилась полная возможность осуществленія этого дѣла съ технической стороны, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ поврежденій памятниковъ. Составленіе сметы расходовъ взяли на себя губернскій инженеръ И. В. Ларіоновъ и строитель-практикъ Дмитр. Ник. Соколовъ. Для рѣшенія детальныхъ вопросовъ образована комиссія изъ предсѣдателя Коммиссіи, членовъ Д. В. Айналова, прот. П. И. Медвѣдкова, Н. Л. Эриста, правителя дѣлъ П. В. Маслова и упомянутыхъ инженеровъ и художника В. И. Малышко; что же касается средствъ, то **постановлено:** обратиться съ воззваніемъ къ населенію г. Симферополя съ просьбой о пожертвованіи на это дѣло и, не откладывая дѣла, приступить къ работамъ.

VI. Доложены сообщенія почетнаго члена Коммиссіи А. Л. Бертье-Делагарда: „Кореизъ“ и „Оріанда“. Оба сообщенія маститаго знатока прошлаго Тавриды выслушаны были съ живымъ интересомъ. **Постановлено:** напечатать ихъ въ ближайшемъ выпускѣ „Ізвѣстій“ Коммиссіи.

VII. Предсѣдатель представилъ „Родословную таблицу Крымскихъ хановъ“, составленную А. Л. Бертье-Делагардомъ и препровожденную имъ на усмотрѣніе Коммиссіи.

Постановлено: благодарить А. Л. Бертье-Делагарда за его вниманіе и напечатать означенную Родословную въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Ізвѣстій“ Коммиссіи.

VIII. В. И. Филоненко сдѣлалъ сообщеніе: „Игры татарскихъ дѣтей въ Крыму“. Это сообщеніе было выслушано съ большімъ интересомъ и вызвало живой обмѣнъ мыслей, въ которомъ принимали участіе предсѣдатель Коммиссіи, Я. С. Богдановичъ, П. В. Чинновъ, прот. Медвѣдковъ и др. Предсѣдатель выразилъ благодарность автору за его интересный докладъ, который **постановлено** напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Ізвѣстій“.

IX. Предсѣдатель заявилъ, что Лазаревская ул. въ Симферополѣ, какъ извѣстно, была переименована совѣтской властью въ „улицу Ле-

нина", при чмъ на табличкѣ наименованіе этой улицы сдѣлано въ такой формѣ: "Улица Лѣни". По уходѣ изъ Симферополя большевиковъ и возстановленіи надлежащей власти онъ обратился съ просьбой къ начальнику Симферопольской городской стражи о снятіи съ дома Христофорова на углу Лазаревской и Салгирной улицъ таблички съ надписью "Улица Лѣни" и передачи ея въ музей Комиссіи. Просьба эта была уважена, и табличка препровождена въ Комиссію.

Постановлено: передать означенный интересный предметъ въ музей Комиссіи, какъ одинъ изъ печальныхъ памятниковъ переживаемаго нами времени.

Х. Предложены предсѣдателемъ и членами Л. В. Жирицкимъ, К. И. Тодорскимъ и В. И. Филоненко и избраны въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Комиссіи: управляющій Таврическимъ Отд. Земельного банка Ник. Леонид. Грандмезонъ, секретарь совѣта Таврическаго Университета Ник. Вас. Чинновъ, преподаватели 1-й Симферопольской мужской гимназіи Влад. Андр. Петровъ и Андрей Ив. Семенецъ и ревизоръ губ. акцизного управления Андрей Мих. Малининъ.

Всѣ эти лица избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

Засѣданіе 24 сентября 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго попечителя Комиссіи Таврическаго губернатора Н. А. Татицева присутствовали: Таврическій вице-губернаторъ К. И. Карповъ, предсѣдатель Комиссіи А. И. Маркевичъ, товарищъ предсѣдателя Б. Д. Грековъ, члены—А. Н. Аксаковъ, Сейдъ бей Булгаковъ, Е. В. Вернадскій, В. Е. Вульфъ, И. К. Гудзій, А. Н. Деревицкій, Л. В. Жирицкій, А. П. Кадлубовскій, И. С. Кобанъ, И. И. Крестьянполь, А. Ф. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, А. Ю. Литвиновичъ, Малининъ, прот. А. Г. Назаревскій, С. А. Плаксинъ, А. П. Сердобольскій, К. А. Треневъ, В. И. Филоненко М. А. Хамаріто, П. В. Чинновъ, Н. В. Чинновъ, Н. Л. Эрнѣстъ, правитель дѣль П. В. Масловъ и гости.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, г. Непремѣнныи попечитель предоставилъ слово предсѣдателю Комиссіи, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

"Мм. Гг. Таврида переживаетъ въ настоящее время знаменательные дни. Посвѣщеніе нашей губерніи главноначальствующимъ военными силами на Югъ Россіи генераломъ А. И. Деникинымъ - важное событие въ жизни нашего края. Со времени присоединенія Крыма къ Россіи населеніе его все болѣе проникалось русскою гражданственностью и культурою, и Таврида, не смотря на пестрый, разноцементный составъ населенія, давно уже считалась не окраиной Россіи, а какъ бы коренной ея частью. Переворотъ и смута отразились печально и у насъ, между прочимъ и на настроеніи нѣкоторыхъ элементовъ населенія, но въ общемъ Крымъ пострадалъ менѣе другихъ частей Россіи, а добровольческая армія внесла и вноситъ отрезвленіе и успокоееніе въ жизнь нашего края. Вождь добровольческой арміи генералъ Деникинъ

во время пребыванія своего въ Симферополь и другихъ городахъ Крыма имѣль возможность убѣдиться въ преданности мѣстного населенія Россіи. Восторженная встрѣча его населеніемъ знаменуетъ собою единодушное стремленіе къ достижению нашего свѣтлого идеала – Единой, Великой и Могучей Россіи. Присовокупляю, что, по предложению г. губернатора, я и товарищъ предсѣдателя Коммиссіи проф. Б. Д. Грековъ участвовали при встречѣ генерала А. И. Деникина и на обѣдѣ, данномъ ему Симферопольскимъ городскимъ управлѣніемъ. Позвольте отмѣтить радостный день посвѣщенія Симферополя генераломъ Деникинымъ 24 сентября 1919 г. на страницахъ нашего изданія".

Постановили: слова предсѣдателя Коммиссіи занести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

II. Предсѣдатель Коммиссіи сообщилъ собранію о кончинѣ одного изъ видныхъ представителей русской исторической науки академика М. А. Дьяконова. Собрание почтило вставаніемъ память почившаго.

III. Профессоръ Б. Д. Грековъ произнесъ рѣчъ „Памяти академика М. А. Дьяконова", въ которой сдѣлалъ обстоятельный анализъ ученої дѣятельности его и выяснилъ значеніе важнѣйшихъ его трудовъ.

Постановлено: рѣчъ Б. Д. Грекова напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IV Доложенье протоколъ засѣданія 4-го сентября.

Постановлено: утвердить.

V. Проф. Д. В. Айналовъ сдѣлалъ сообщеніе „Исторія древне-русскаго искусства. Кіевъ, Херсонесъ, Царьградъ".

Сообщеніе было выслушано собраніемъ съ большимъ вниманіемъ; нѣсколько вопросовъ предложили докладчику П. В. Чинновъ и А. И. Маркевичъ.

Постановлено: Трудъ профессора Д. В. Айналова напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи.

VI. Обсуждался вопросъ о возстановленіи памятника императрицѣ Екатеринѣ Великой въ Симферополѣ. Согласно составленной инженеромъ И. В. Ларіоновымъ сметѣ, расходы по возстановленію его исчислены въ 10000 руб. Владѣлецъ лѣсного склада Шапшаль изъявилъ согласіе дать бесплатно дерево для устройства лѣсовъ и желѣзныя скобы. Надѣяться на бесплатный рабочій трудъ оказалось невозможнымъ. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что пожертвовано на возстановленіе памятника 1600 руб., и тысячу рублей ассигновало Таврическое Дворянство. На ходатайство о пособіи со стороны Симферопольского городского самоуправлѣнія отвѣта еще не получено.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что 1-го октября исполняется первая годовщина Таврическаго Университета, принимающаго живое участіе въ трудахъ Коммиссіи, и что было бы уместно посвятить Университету 56-й выпускъ ея Извѣстій, печатаніе котораго оканчивается.

Предложеніе А. И. Маркевича принято было съ полнымъ сочувствиемъ, и **постановлено:** привѣтствовать отъ имени Коммиссіи Таврическій Университетъ на его годовомъ актѣ и посвятить ему № 56-ой Извѣстій Коммиссіи.

VIII. Предложены предсѣдателемъ Коммиссіи и избраны въ дѣйствительные ся члены: Таврическій губернаторъ Н. А. Татищевъ, Таврическій вице-губернаторъ К. И. Карповъ, предсѣдатель Таврической губернскай земской управы князь В. А. Оболенскій, и инспекторъ татарской учительской школы Я. С. Богдановичъ.

Засѣданіе 17-го октября 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарицъ предсѣдателя Б. Д. Грековъ, члены: В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, И. М. Волошиновъ, Н. Л. Грандмезонъ, Н. К. Гудзій, П. А. Двойченко, Л. В. Жирицкій, С. И. Забининъ, П. Т. Запорожецъ, А. Г. Иваненко, А. П. Кадлубовскій, Н. Н. Клепининъ, А. Д. Крыжановскій, И. В. Ларіоновъ, В. М. Марковъ, З. Г. Розова, В. А. Розовъ, К. И. Тодорскій, В. И. Филоненко, М. А. Хамарито, П. В. Чинновъ, Н. В. Чинновъ, Н. Л. Эрнстъ, правитель дѣль П. В. Масловъ и публика.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель сообщилъ о кончию члена Коммиссіи графа С. Д. Шереметева.

Собрание почтило память покойного иставаніемъ.

II. Профессоръ Б. Д. Грековъ произнесъ рѣчь „Памяти графа С. Д. Шереметева“, въ которой охарактеризовалъ его ученую дѣятельность, какъ предсѣдателя Археографической Коммиссіи, Общества Любителей Древней Письменности и др., его патріотизмъ, его близость къ двумъ послѣднимъ нашимъ государямъ, его издательскую дѣятельность и сообщилъ свѣдѣнія о его собраніяхъ въ Петроградскомъ дворѣ на Фонтанкѣ, въ с. Михайловкѣ и др.

Рѣчь профессора Грекова была выслушана съ глубокимъ интересомъ. **Постановлено:** напечатать ее въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

III. Н. К. Гудзій сдѣлалъ сообщеніе: „Крымскіе сонеты Мицкевича въ переводѣ Козлова“.

Сообщеніе было выслушано съ большимъ интересомъ, и **постановлено:** напечатать его въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IV. Доложено сообщеніе А. С. Моисеева: „Предварительный отчетъ о находкахъ слѣдовъ каменного вѣка на Яйлѣ и на Южномъ берегу Крыма“.

Сообщеніе А. С. Моисеева было выслушано съ большимъ интересомъ и вызвало живой обмѣнъ мыслей. Н. Н. Клепининъ обратилъ вниманіе на обилие въ Крыму стоянокъ каменного вѣка съ разной культурой (напр. Змѣиный гротъ у Сабловъ, находки на берегу р. Альмы, относящіяся повидимому къ палеолиту), высказалъ предположеніе о возможности стоянокъ-постоянныхъ въ долинахъ и временныхъ, лѣтнихъ на Яйлѣ и указалъ на необходимость вполнѣ научныхъ раскопокъ. П. А. Двойченко замѣтилъ, что кремня, какъ минерала, на Яйлѣ нѣть, кромѣ одного мѣста на водораздѣлѣ между Байдарами и Бельбекомъ, указалъ, что въ нижней пещерѣ Кизиль-Коба вмѣстѣ съ обильными каменными орудіями найдены кости пещерного медвѣдя и гиены и что кухонные остатки ракушекъ, привлекающіе вниманіе и археологовъ и

геологовъ, требуютъ осторожнаго отношенія, такъ какъ могутъ представлять *морскія террасы*, чисто геологического значенія, при чмъ остановился на этихъ кучахъ у м. Ласпи, гдѣ издревле была кипучая жизнь, которая должна была уничтожить ихъ, если бы они представляли именно только кухонные остатки первобытныхъ людей. Нѣсколько замѣчаній сдѣлали В. А. Розовъ, С. И. Забнинъ и предсѣдатель Коммиссіи.

Постановлено: сообщеніе А. С. Моисеева напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

V. Предсѣдатель заявилъ, что въ распоряженіе Коммиссіи поступило два большихъ рукописныхъ труда: „Исторический очеркъ Симферопольской 1-й гимназіи по случаю ея 100-лѣтія“ Л. В. Жирицкаго и „Воспоминанія“ покойного Н. Е. Славинскаго. Первый трудъ представляетъ большой интересъ, но очень великъ, и помѣщеніе его въ Извѣстіяхъ Коммиссіи въ настоящее время для нея непосильно. Что касается второго труда, то интересъ представляется первая часть, съ воспоминаніями о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Н. Е. Славинскаго, обученіи его въ Симферопольской гимназіи и въ Ришельевскомъ лицѣ.

Постановлено: Съ печатаніемъ труда Л. В. Жирицкаго пока воздержаться, а изъ воспоминаній Н. Е. Славинскаго напечатать только часть, при чмъ просить предсѣдателя Коммиссіи, Л. В. Жирицкаго и П. В. Маслова взять на себя выборку болѣе интересныхъ мѣстъ.

VI. А. И. Маркевичъ, Н. В. Чинновъ и П. В. Масловъ предложили въ члены Коммиссіи преподавательницу 1-й Симферопольской женской гимназіи Ольгу Михайловну Зеленецкую, которая была избрана въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

Засѣданіе 1-го ноября 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Б. Д. Грековъ, члены Д. В. Айналовъ, А. П. Аксаковъ, Д. А. Благовѣщенскій, о. Н. И. Бортовскій, В. П. Броневскій, о. А. М. Бычковскій, Г. В. Верниадскій, А. Я. Гидалевичъ, Н. К. Гудзій, П. А. Двойченко, А. Н. Деревицкій, Н. А. Епанчинъ, Л. В. Жирицкій, С. И. Забнинъ, О. М. Зеленецкая, А. П. Кадлубовскій, А. И. Казасъ, К. И. Карповъ, А. Ю. Литвиновичъ, А. Н. Маркевичъ, В. М. Марковъ, о. П. И. Медвѣдковъ, о. А. В. Михайловскій, В. А. Петровъ, В. А. Розовъ, З. Г. Розова, А. И. Семенецъ, А. И. Сѣницкій, К. И. Тодорскій, В. И. Филоненко, Я. Т. Харченко, П. В. Чинновъ, А. И. Шалаліевъ, Н. Л. Эрнстъ, правитель дюль П. В. Масловъ и многочисленная публика.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель Коммиссіи произнесъ слѣдующія слова:

„Новая незамѣнимая потеря, новое горе обрушилось на нашу родину и нашу науку. Не стало профессора С. Ф. Платонова. Блестящій изслѣдователь нашего Смутного времени палъ жертвой второй русской смуты. Невольно „вспоминаются слова автора“ Слова о полку Игоревѣ: „встало Обида въ силахъ Дажьбога внука“, и „въ крамолахъ вѣци

человѣкомъ сократишася". Одинъ за другимъ уходяще лучшіе сыны Россіи, въ частности тѣ, кому ближе всего были и болѣе, чѣмъ другимъ, извѣстны прошлыя ея судьбы, ея исторія. Еще недавно мы вспоминали А. С. Лаппо-Данилевскаго, М. А. Дьяконова, графа С. Д. Шереметева, а сегодня собрались, чтобы помянуть С. Ф. Платонова. Скорбя обѣ угратѣ этого достойнѣйшаго представителя науки русской исторіи, наша Коммиссія оплакиваетъ и другую, мѣстную нашу общественную потерю, понесенную г. Симферополемъ въ лицѣ городского головы нашего города В. А. Иванова, съ большимъ и искреннимъ сочувствіемъ относившагося къ ней и въ теченіе многихъ лѣтъ входившаго въ ея нужды.

По общему единодушному желанію членовъ Коммиссіи, приглашаю собраніе помолиться обѣ упокоеніи Сергѣя Федоровича Платонова, Василія Александровича Иванова и всѣхъ дѣятелей русской исторической науки и членовъ Коммиссіи, скончавшихся во время русской смуты, имена коихъ намъ извѣстны".

Послѣ этого совершина была панихида протоіереями Д. И. Игнатенко, Н. И. Бортовскимъ и П. И. Медвѣдковымъ.

По возобновленіи засѣданія первое слово произнесъ профессоръ Таврическаго Университета Д. В. Айналовъ, въ которомъ представилъ свои личныя воспоминанія о покойномъ Сергѣѣ Федоровичѣ Платоновѣ и охарактеризовалъ его, какъ ученаго и человѣка.

Затѣмъ профессоръ Таврическаго Университета Б. Д. Грековъ, въ обширной рѣчи даль обозрѣніе всей ученой и литературной дѣятельности С. Ф. Платонова, его трудовъ и ученыхъ заслугъ.

Профессоръ Таврическаго Университета Г. В. Вернадскій произнесъ рѣчь обѣ историко-философскихъ возврѣніяхъ С. Ф. Платонова.

Предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ подѣлился съ собраниемъ своими личными воспоминаніями о С. Ф. Платоновѣ, обѣ участіи его въ археологическихъ съѣздахъ, отношеніи его къ Ученымъ Архивнымъ Коммиссіямъ, причемъ указалъ и на нѣкоторыя черты его характера.

Постановлено: всѣ указанныя сообщенія напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

Согласовано

Засѣданіе 15-го ноября 1919 года.

Подѣ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены: управляющій губерніей Таврической вице-губернаторъ К. И. Карповъ, о. Н. И. Бортовскій, В. П. Броневскій, Г. В. Вернадскій, И. М. Волошиновъ, Е. К. Воорондейскъ, А. Я. Гидлевичъ, П. А. Двойченко, А. П. Кадлубовскій, Н. И. Кленинъ, И. С. Кобанъ, А. Ю. Литвиновичъ, С. А. Мокржецкій, о. А. П. Сердобольскій, В. А. Сочавецъ-Федоровичъ, В. И. Филоненко, Я. Т. Харченко, С. С. Чекъ, П. В. Чинновъ, Н. Л. Эрнстъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Доложены пролоколы засѣданій 24 сентября, 17 октября и 1 ноября 1919 года.

Постановлено: утвердить.

II. Доложено письмо члена Комиссии В. Д. Геймана отъ 25 октября с. г. съ увѣдомленіемъ о состояніи могилы генерала П. С. Котляревскаго въ Феодосії: „Мавзолей цѣль, но въ окнахъ и двери всѣ стекла выбиты камнями. Чугунной плиты съ надписью: „Здѣсь покоятся прахъ кавказскаго героя генерала отъ инфanterіи П. С. Котляревскаго и сподвижника его полковника Іосифа Ивановича Шультена. Памятникъ по проекту архитектора Никинина“ иѣть съ 1913 г., и слѣдовъ похищенія не обнаружено и донынѣ. Внутри мавзолея памятникъ и крестъ надъ могилой Котляревскаго и могилой Шультена и всѣ четыре иконы цѣлы и невредимы. Тамъ же находится надгробный крестъ изъ чугуна, поставленный на могилѣ деньгищика героя - 80 лѣтия Ивана Филиппова, сопровождавшаго его во всѣхъ походахъ. Этотъ крестъ на полу-ядрѣ неоднократно былъ ломаемъ, починялся б. гласнымъ думы Х. Д. Мельниковымъ и имъ же, наконецъ, перенесенъ былъ въ мавзолей. Другія могилы на этомъ кладбищѣ сильно повреждены, мраморный памятникъ на могилѣ Ек. Смагиной, сконч. въ 1814 г., сваленъ и разбитъ. Мраморная плита подножья перевернута и лежитъ въ сторонѣ; самый памятникъ, также изъ мрамора, сваленъ съ бугра внизъ. Другое мраморное подножіе—съ дѣтской могилы—также свалено и перевернуто. Изображеніе ангела похищено. Первая могила кощунственно разрыта, и обнажена часть склепа, заваленная землей и камнями. Частью разрыта и вторая могила. Повидимому, искали кладъ, что и въ прежнее время случалось. Одновременно съ симъ возбуждены предъ городской управой ходатайства: а) обѣ устроить ограды изъ колючей проволоки вокругъ всего этого мѣста; б) о приведеніи въ должный порядокъ могиль и установкѣ памятниковъ и в) о вставлениі стеколъ. Прошу содѣйствія Комиссії“.

Въ дополнительномъ письмѣ отъ 3 ноября В. Д. Гейманъ сообщаетъ, что, по его просьбѣ, начальникъ гарнизона Ставицкій приказалъ отпустить проволоку для огражденія могилы Котляревскаго, а городская управа обѣщала дать рабочихъ для исправленія разрытыхъ могиль и починки памятниковъ.

Кромѣ того г. Гейманъ довелъ до свѣдѣнія Комиссіи, что Феодосійской комиссией по завѣдыванію Музеемъ древностей было произведено вскрытие картинъ Айвазовскаго (пяти), и всѣ онѣ, вопреки опасеніямъ, оказались цѣльными и невредимыми и снова выставлены въ музѣѣ. Также вскрыты всѣ картины галлерей Айвазовскаго, и оказались также цѣльными.

Сообщеніе В. Д. Геймана о состояніи могилы Котляревскаго вызвало живой обмыкъ мыслей Предсѣдатель напомнилъ собранію исторію поднятаго Комиссіей вопроса о перенесеніи праха генерала Котляревскаго изъ его нынѣшней могилы въ бывшей его усадьбы Добрый Приютъ въ часовню при Музѣѣ, устроенную для этой цѣли И. К. Айвазовскимъ. Несколько замѣчаній сдѣлали Я. Т. Харченко и прот. А. П. Сердобольскій, высказавшіеся также за необходимость принятія стараній къ перенесенію праха Котляревскаго съ нынѣшняго мѣста, оказавшагося совершенно неподходящимъ для оставленія здѣсь останковъ знаменитаго героя, покой которого здѣсь ежеминутно нарушаются. Послѣднее обстоятельство подтвердили, и бывшій въ засѣданіи феодосіецъ А. П. Булавенко.

Постановлено: войти съ ходатайствомъ къ высшей власти о перенесении праха Н. С. Котляревского съ настоящаго мѣста его упоконенія въ устроенную для него часовню при Музѣѣ древностей, Феодосійскую Городскую Управу просить о принятіи мѣръ къ охранѣ его могилы отъ оскверненія, а В. Д. Геймана благодарить за сообщеніе.

III. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Ю. Ю. Марти: „Стихотворная эпиграфія амастріца Иллюдора, сына Иліева“. Сообщеніе было выслушано съ болѣшимъ интересомъ; **постановлено** напечатать его въ Изѣстіяхъ, Коммиссіи, а автора благодарить за трудъ.

IV. Доложена легенда члена Коммиссіи Н. А. Маркса: „Угловая. Легенда Вороцковскаго дворца“, выслушанная съ живымъ интересомъ. Предсѣдатель Коммиссіи выказался въ томъ смыслѣ что, по содержанию, эта легенда связана съ Алупкинскимъ дворцомъ кн. Воронцова, С. А. Мокржецкій отстаивалъ возможность пріуроченія ея къ Воронцовскому дворцу въ Салгирѣ, близъ Симферополя.

Постановлено: благодарить С. А. Мокржецкаго за сообщеніе этой легенды.

V. Предсѣдатель Коммиссіи представилъ замѣтку нѣкогда проживавшаго въ Симферополѣ И. Шмакова о цѣлебныхъ свойствахъ Тимофеевской глины, добываемой м. пр. близъ Симферополя, въ верховьяхъ рѣки Джаманъ Аратукъ, впадающей въ Салгиръ. Докторъ А. Я. Гидалевичъ подтвердилъ, что Тимофеева глина (Аллюмино-жѣльзистый гней, болюсъ, Terra Armenica) и теперь примѣняется при лѣченіи ревматизма. Н. А. Двойченко удостовѣрилъ, что она добывается въ разныхъ мѣстахъ въ Крыму.

VI. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что внуки и внучка ботаника Хр. Хр. Стевена передали во временное пользованіе Коммиссіи 25 книгъ дневника ихъ дѣда, изъ которыхъ получено уже 5 книгъ.

Постановлено: выразить благодарность семье Стевенъ за ея внимание и разсмотрѣть дневникъ съ цѣллю изданія тѣхъ частей его, которые имѣютъ связь съ Тавридой и представляютъ интересъ въ научномъ и общественномъ отношеніи.

VII. Предсѣдатель заявилъ о слѣдующихъ пожертвованіяхъ для музея и библіотеки Коммиссіи:

а) члена Коммиссіи И. М. Волошинова: картонъ съ бумагами академика П. И. Кеппена и сына его Ф. П. Кеппена, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были препровождены въ Коммиссію двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и трехъ рисунковъ Симферопольского бульвара, сдѣланыхъ ко времени постановки на немъ памятника императрицы Екатеринѣ Великой.

б) Отъ Симферопольского Освага, члена Коммиссіи Г. А. Маркевича и С. С. Чеха—значительное количество брошюръ и бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ настоящему политическому моменту.

в) Отъ В. А. Сочавецъ-Федоровича книга: В. М. Вороновскій. Отечественная война 1812 г. въ предѣлахъ Смоленской губерніи. Юбилейное изданіе Смоленскаго губернскаго земства.

Постановлено: благодарить.

VIII. Предсѣдатель Коммиссіи довелъ до свѣдѣнія ея о ходѣ вопроса о возстановленіи памятника Екатеринѣ Великой въ Симферополѣ. Симферопольское Городское Управление ассигновало на этотъ пред-

метъ 4000 руб., дворянство 1000 руб. и по подпискѣ собрано всего 1360 руб. По обсужденію этого вопроса, собраніе **постановило** приступить немедленно, до наступленія зимы, во время которой памятникъ можетъ быть поврежденъ, къ работамъ по его возстановленію, имѣя въ виду увеличеніе пожертвованій. При этомъ П. А. Двойченко объщалъ дать два фунта красной мѣди, если она будетъ нужна при постановкѣ памятника.

IX. Предложены въ члены Коммиссіи: супруга Тацрическаго губернатора Дарья Федоровна Татищева, профессора Таврическаго Университета: Сергій Николаевичъ Булгаковъ, Евгений Вячеславовичъ Пѣтуховъ и Александръ Александровичъ Смирновъ, жена прис. повѣр. Александра Дмитріевна Жирова и преподавательница Марья Яковлевна Харченко. Всѣ эти лица были избраны въ действительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

X. С. А. Мокржецкій обратилъ вниманіе Коммиссіи на уничтоженіе значительной части Салгирской Воронцовской рощи, значительная часть которой уже вырублена, а остальная часть гибнетъ постепенно отъ дикаго отношенія къ старымъ деревьямъ дѣтей и подростковъ, которые систематически обдираютъ съ нихъ кору.

Постановлено: обратить вниманіе уѣздной стражи на это печальное обстоятельство.

Засѣданіе 11-го декабря 1919 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены: управляющій Таврической губерніей К. И. Карповъ, А. П. Аксаковъ, М. И. Архангельскій, о. Н. И. Бортовскій, Г. В. Вернадскій, А. Я. Гидалевичъ, И. В. Ларіоновъ, А. М. Малининъ, С. Д. Маргаритовъ, А. Н. Маркевичъ, о. П. И. Медвѣдковъ, С. А. Плаксинъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. А. Розовъ, В. А. Сочанецъ-Федоровичъ, Д. Ф. Татищева, В. I. Филоненко, С. С. Чехъ, Н. Л. Эрнстъ и правитель дѣлъ, П. В. Масловъ.

I. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель напомнилъ собранію о кончинѣ двухъ членовъ Коммиссіи: Б. М. Гиммельфарба и М. Е. Серебрякова и указать на вниманіе, которое они всегда оказывали Коммиссіи.

Собраніе почтило память покойныхъ встановленіемъ.

II. Доложенье протоколь засѣданія 15 ноября этого года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе Бюро Сѣздовъ сельскихъ хозяевъ Крыма отъ 23 ноября этого года за № 14 съ увѣдомленіемъ о томъ, что согласно постановленія Сѣзда сельскихъ хозяевъ Крыма 22 23 октября, Коммиссіи назначена субсидія въ пять тысячъ рублей. Предсѣдатель заявилъ, что деньги уже получены и записаны на приходъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и выразить благодарность за пожертвованіе.

IV. Доложено отношеніе Особой Коммиссіи о Вакуфахъ въ Крыму отъ 17 ноября с. г. за № 457 съ увѣдомленіемъ, что въ засѣданіи

своемъ отъ 13 ноября она постановила выдать одну тысячу рублей въ качествѣ субсидіи на нужды Архивной Коммиссіи, и что отпустить болѣе этого не позволяютъ средства, находящіяся нынѣ въ ея распоряженіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и по полученіи этого пособія выразить благодарность Вакуфной Коммиссіи.

V. Предсѣдатель Коммиссіи обратился къ собранію съ слѣдующими словами по поводу наступающей полуторавѣковой годовщины зависимости Крыма отъ Россіи.

„Ровно полтораста лѣтъ тому назадъ историческій ходъ событий потребовалъ отъ Россіи безотложного и неизбѣжнаго рѣшенія двухъ тѣсно связанныхъ между собою въ теченіе пяти вѣковъ вопросовъ: русско-польского и русско-крымскаго и счастливое, почти блестящее рѣшеніе этихъ вопросовъ, въ значительной степени благодаря генію императрицы Екатерины Великой, представляетъ первостепенной важности событие въ исторіи русскаго народа.

Вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла, въ виду необходимости защиты правъ русскаго православнаго населенія Польши, привело къ возвращенію Россіей западно-руssкихъ областей, отторгнутыхъ нѣкогда Польшей, что являлось для Россіи исторической необходимостью, национальной задачей, къ осуществленію которой она стремилась давно, и которая ярко выражалась уже и при Ioannѣ Грозномъ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и при Петрѣ Великомъ. Не раздѣль Польши совмѣстно съ Пруссіей и Австріей, а именно отвоеваніе отъ Польши русскихъ областей въ связи съ утвержденіемъ на берегахъ Балтійскаго моря было завѣтной мечтой русскихъ людей, народной нашей традиціей.

Вызванная въ это время русско-польскими дѣлами и навязанная Россіи война съ Турціей носила также национальный характеръ, по чому и получила такой широкій размахъ, и привела къ рѣшенію народныхъ нашихъ стремленій къ овладѣнію Черноморскимъ побережьемъ и покоренію послѣдней орды Джучидовъ-Крымскаго ханства, къ чemu стремились русскіе люди сейчасъ же послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царствъ при Ioannѣ Грозномъ. И хотя Турецкая война и связанный съ нею Крымскій вопросъ заставили Екатерину принять предложеніе Пруссіи и Австріи относительно раздѣловъ Польши, что значительно ослабило значеніе ея дѣятельности въ Польскомъ вопросѣ и оставило въ нѣмецкомъ владѣніи Галицкую Русь,—все таки национальный характеръ при рѣшеніи этихъ вопросовъ которымъ полно было все царствованіе Екатерины Великой, сказался во всей силѣ. Какъ войны съ Польшей, такъ и обѣ войны съ Турціей въ царствованіе Екатерины проникнуты были народными идеалами, национальнымъ сознаніемъ.

Участіе Крыма въ первой русско-турецкой войнѣ того времени привело къ концу существованія ханства, вассальная зависимость котораго отъ Турціи сдѣлалась уже недопустимой и которое въ то же время не имѣло силъ и средствъ для независимаго существованія. Со временемъ послѣдняго набѣга Крымъ-Гирея на русскія земли въ 1768 69 г. и скоропостижной его смерти въ Каушанахъ вопросъ о Крымѣ пошелъ быстрымъ ходомъ. Царствовавшіе одинъ за другимъ преемники этого хана Девлетъ IV и Капланъ принимали участіе въ войнѣ съ

Россієй, какъ вассали Турції, по побѣдѣ Орлова и особенно Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ вызвали въ самомъ Крыму сознаніе неизбѣжности и необходимости подчиненія Россії. И хотя на такой смѣлый по своему великодушію шагъ ни Екатерина, ни тогдашній руководитель вѣтниной политики Россіи графъ Н. И. Панинъ еще не решались поставить это требование условіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1774 г., для чего никакихъ препятствій не было, но въ дѣйствительности съ того времени, какъ 2-я русская армія, подъ начальствомъ князя В. М. Догорукова, вошла въ предѣлы Крыма, ханству пришелъ конецъ. Блестящіе успѣхи Долгорукова показали, что если не дни, то лишь немногіе годы провозглашенія и имъ независимымъ Крымскаго ханства уже сочтены.

Условіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира не вполнѣ удовлетворили Россію послѣ понесенныхъ ею въ войнѣ жертвъ; Крымское ханство было сохранено, а въ духовныхъ дѣлахъ по громадной оплощенности нашей дипломатіи даже осталось въ зависимости отъ турецкаго султана, какъ халифа, каковымъ султанъ никогда не былъ, — но приобрѣтеніе Азова, Керчи, Кипбурии, открытие свободнаго плаванія черезъ проливы, независимость Крымскаго ханства и Кубанскихъ и Буджакскихъ татаръ отъ Турціи и признаніе правъ Россіи на поддержку ея единовѣрныхъ братцевъ въ Турціи были осуществленіемъ завѣтныхъ стремлений Руси къ Черному, нѣкогда Русскому морю, а присоединеніе Крымскаго ханства къ Россіи оказалось отложеннымъ всего на девять лѣтъ. Такимъ образомъ, по существу, уже теперь исполняется полутораѣко-вой юбилей присоединенія Крыма къ Россіи.

Результатомъ блестящаго решения Россіей полтора вѣка тому назадъ важнѣйшаго значенія поставленіяхъ ей указанныхъ обѣихъ задачъ было то, что и Западная Россія и Новороссія съ Крымомъ быстро стали вполнѣ русскими областями, и подъемъ въ Россіи національного самосознанія былъ главнымъ результатомъ царствованія Екатерины. А памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой, свергнутый, нынѣ спо-ва поставленный у насъ въ Симферополь, пусть всегда напоминаетъ здѣшнему населенію о значеніи ея царствованія въ исторіи Россіи. скаго народа“.

Послѣ этихъ словъ А. И. Маркевичъ сообщилъ собранію заимствованныя имъ изъ дѣлъ архива канцеляріи Таврическаго губернскаго предводителя дворянства свѣдѣнія о сооруженіи памятника Императрицу Екатеринѣ II въ Симферополь, изъ которыхъ видно, что двѣ трети пожертвованій на памятникъ были сдѣланы разнаго званія и сословія людьми всей Россіи, путемъ мелкихъ взносовъ, и т. обр. памятникъ этотъ является въ полномъ смыслѣ „всенароднымъ“ и „всероссійскимъ“. Изъ дѣлъ видно, что памятникъ городу Симферополю не переданъ надлежащимъ образомъ, и Симферопольское городское управление взяло на себя только заботы о порядкѣ вокругъ памятника, обѣ освѣщеніи его, ремонта же и реставраціи на себя не принимало. Даѣ A. И. Маркевичъ заявили, что Таврическая Ученая Архивная Комміssія счастлива, что инициатива и ходатайство ея о возстановленіи памятника увѣнчались успѣхомъ. Въ этомъ дѣлѣ болѣе всего значенія имѣла поддержка со стороны Таврическаго губернатора Н. А. Татищева и старанія Таврическаго вице-губернатора К. И. Карпова. Много потрудился инженеръ

И. В. Ларіоновъ, подъ руководствомъ котораго происходило возстановление памятника. Выслушавъ сообщеніе А. И. Маркевича, собраніе выразило К. И. Карпову и И. В. Ларіонову благодарность вставаніемъ и **постановило** принести также благодарность за пожертвованія Симферопольскому городскому управлению, дворянскому депутатскому собранию, конфектной фабрикѣ Коркунова и А. В. Давыдову за щедрыя пожертвования, а равно г. Шапшалу за отпущеный для возстановленія памятника лѣсъ. Таврическій вице-губернаторъ К. М. Карповъ отмѣтилъ, что въ дѣлѣ возстановленія памятника большое значеніе имѣла инициатива и старанія Архивной Комиссіи, за что выразилъ ей благодарность.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Предсѣдатель Комиссіи заявилъ, что памятникъ Императрицы Екатеринѣ Великой въ Симферополѣ возстановленъ, и нѣкоторые дефекты его, произведенные большевиками, могутъ быть исправлены впослѣдствіи безъ особыхъ затруднений. Израсходовано на возстановленіе монумента до настоящаго времени 8550 руб., предстоятъ и еще расходы, которые не превысятъ или мало превысятъ предположенные по сметѣ 10000 руб. Получено пожертвованій всего пока 6860 руб. Управляющій губерніей заявилъ, что исполнительная смета по возстановленію памятника должна быть представлена въ финансовое совѣщеніе, и расходы будутъ пополнены.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VII. В. А. Сочанецъ-Ѳедоровичъ принесъ въ даръ Комиссіи новую серію изданій политического характера для коллекціи Комиссіи. Собрание выразило благодарность за это пожертвованіе.

VIII. Заслушано сообщеніе профессора Б. В. Варнеке: „Легенды о происхожденіи Скиоевъ“.

Постановлено: выразить благодарность автору за его весьма интересное сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ Извѣстій Комиссіи.

IX. Н. Л. Эрнстъ прочелъ докладъ: „Библиотека В. С. Попова.“

Сообщеніе это было выслушано съ большимъ интересомъ. Нѣсколько вопросовъ предложили докладчику проф. В. А. Розовъ и А. И. Маркевичъ.

Собрание выразило Н. Л. Эрнству искреннюю благодарность за его сообщеніе и просило его передать свой трудъ Комиссіи для помѣщенія въ ея Извѣстіяхъ.

X. Предложены въ члены Комиссіи предсѣдателемъ Комиссіи и С. А. Плаксинымъ: директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи Прокофій Николаевичъ Щукинъ и правитель концеляріи Таврическаго губернатора Иванъ Венедиктовичъ Никольский. Оба эти лица были избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XI. Въ библиотеку Комиссіи поступили слѣдующія изданія отъ С. С. Чеха: а) Протоколы засѣданій Епархиального Собрания Таврической епархіи въ іюнѣ 1819 г.; б) Постановленія Таврическаго Епархиального Собрания сессіи 1919 года.

Постановлено: благодарить.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Комиссіи

за 1918-ый годъ.

• • •

Истекшій 1918-ый годъ, превзошедшій своими ужасами два предыдущіе бѣдственныя года, былъ злополучнѣйшимъ годомъ въ исторіи Россіи. Дошедшій до крайнихъ предѣловъ развалъ Русскаго государства, еще недавно единаго и могучаго, позорный Брестъ-Литовскій мирный договоръ, спекуляція не только материальными, но и культурными цѣнностями, убийства и грабительство, терроръ и, наконецъ, оккупациія значительной части Россіи непріятелемъ, не побѣдившимъ ея, — таковы были печальнія явленія истекшаго года.

Все это со всей Россіей пережила и Таврида, внесшая, къ сожалѣнію, и свою позорную страницу въ лѣтописи этого ужаснаго года.

Въ этомъ же году врагами Россіи устроено было раздѣленіе Таврической губерніи на двѣ части, при чёмъ сѣверные уѣзды, въ противность желанію массы ихъ населенія, были включены въ составъ Украины. Въ довершеніе ужасовъ постепенно, подъ видомъ автономно-націоналистическихъ стремленій, стало обнаруживаться въ значительной части татарскаго населенія Крыма, увлекаемаго наказами и агентами изъ Константинополя и Берлина, стремленіе къ отпаденію отъ Россіи и образованію изъ Крыма особаго государства, которое бы находилось въ вассальной зависимости отъ Турціи. Послѣдовавшіе вскорѣ разгромъ Германіи и потеря престижа нѣмцевъ въ Европѣ и Россіи, а затѣмъ поспѣшный уходъ ихъ отсюда вызвали новую перемѣну власти въ Тавридѣ, переходъ ея въ руки общественныхъ дѣятелей, чуждыихъ авантюристическимъ побужденіямъ въ своей дѣятельности. Это произошло уже въ самомъ концѣ истекшаго года, когда выяснилось стремленіе сѣверныхъ уѣздовъ Тавриды къ соединенію съ Крымомъ

попрежнему въ одну губернію и стремлениe всей Тавриды къ возсозданію единой, великой и могущественной Россіи.

При такихъ условіяхъ проходила жизнь Таврической Ученой Архивной Комміссіи въ отчетномъ году, осложненная перерывомъ сношеній съ учеными учрежденіями, находящимися въ границѣ Таврической губерніи. Единственной бумагой, полученной Комміссіей въ 1918 году „изъ Россіи“, было отношеніе Археологической Комміссіи отъ 2-го марта, въ которомъ она высказываетъ мысль, что дѣятелямъ въ области изученія памятниковъ и прошлаго и въ настоящій тяжелый моментъ надлежитъ быть на своихъ мѣстахъ и напрячь всѣ силы, чтобы охранить достояніе народа въ видѣ оставшихся въ наслѣдіе отъ прежнихъ временъ памятниковъ науки и искусства. и высказываетъ увѣренность, что Таврическая Ученая Архивная Комміссія не прекратитъ своей работы въ это время.

Комміссія вполнѣ раздѣляла этотъ взглядъ, и ея работа не прерывалась и въ истекшемъ году.

Особенное вниманіе ся было обращено на сохраненіе мѣстныхъ архивовъ, и по этому вопросу она входила съ представленіями къ комиссарамъ внутреннихъ дѣлъ Новосельскому и народного просвѣщенія Тополевскому и указывала важность и необходимость бережнаго отношенія къ архивнымъ богатствамъ, находящимися въ архивахъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ частности архивахъ б. губернскаго правленія и канцеляріи губернатора, окружнаго суда, духовной консисторіи, дворянскаго депутатскаго собранія, губернской земской управы и др., которымъ угрожала въ это время особенная опасность, а также архивовъ прекратившихъ свое существованіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Комміссія должна засвидѣтельствовать, что къ ея ходатайствамъ, какъ и вообще къ ея трудамъ,sovѣтская власть относилась внимательно и предупредительно и обѣщала даже назначить ей на усиленіе ея средстvъ значительную субсидію. Но, къ сожалѣнію, Комміссіи не удалось спасти архива штаба 7-го армейского корпуса, совершенно уничтоженнаго, и архивовъ нѣкоторыхъ воинскихъ частей. Расхищены и распроданы архивы Карасубазарскаго полицейскаго управления, изъ дѣлъ и документовъ котораго удалось спасти лишь ничтожную часть въ Симферополь и Феодосію.

Не пострадали, къ счастію, и мѣстные музеи, но варварски уничтожено много отдельныхъ предметовъ искусства, имѣв-

шихъ историческое значение, особенно портретовъ царственныхъ особъ. Въ Симферополѣ поврежденъ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Великой: сбиты бронзовыя вызолоченные буквы надписи на памятникѣ и гербъ Таврической губерніи, и сломанъ скіпетръ.

Коммиссія озабочена была также охраной вѣсма цѣнныхъ коллекцій и библіотеки почетнаго члена ея А. Л. Бертье-Делагарда въ Ялтѣ и употребила всѣ возможныя старанія къ спасенію отъ расхищенія его драгоцѣнныхъ археологической и нумизматической коллекцій, находившихся на храненіи въ Симферопольскомъ Обществѣ Взаимного Кредита. Къ счастію, эти коллекціи, вскрытыя и съ большимъ вниманіемъ осмотрѣнныя, были оставлены въ неповрежденномъ видѣ и уцѣлѣли на пользу науки.

Въ то же время членъ Коммиссіи В. Д. Гейманъ, временно завѣдующій музеемъ древностей въ Феодосіи и энергично заботящійся объ охранѣ памятниковъ древности и старины, принималъ мѣры къ охранѣ и спасенію отъ расхищенія и гибели художественныхъ предметовъ, находящихся въ имѣніи Шеихъ-Мамай наслѣдниковъ Айвазовскаго, и библіотеки и гербарія въ имѣніи ботаника Юнга въ Коктебельѣ.

На съездѣ представителей ученыхъ обществъ и научныхъ учрежденій Таврической губерніи, состоявшемся 3—5 января отчетнаго года, предсѣдатель Коммиссіи сдѣлалъ сообщеніе на тему „О мѣрахъ къ сохраненію архивныхъ матеріаловъ Таврической губерніи“, въ которомъ указалъ на печальное положеніе архивовъ въ Россіи вообще и въ Тавридѣ въ частности и привелъ соображенія о томъ, какія мѣры могли бы упорядочить наше архивное нестроеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было вниманіе съѣзда на угрожающее положеніе частныхъ архивовъ, гл. обр. помѣщичьихъ, причемъ указано на необходимость неотложнаго принятія мѣръ къ сохраненію вѣсма цѣннаго родового архива Ю. В. и П. В. Поповыхъ въ имѣніи Васильево Мелитопольскаго уѣзда, на важность котораго въ научно-историческомъ отношеніи обращено было вниманіе и комиссара внутреннихъ дѣлъ, а также архивовъ прекратившихъ свое существованіе правительственныйыхъ учрежденій отъ угрожавшаго имъ расхищенія и уничтоженія. На этомъ же съѣздѣ членъ Коммиссіи Л. А. Моисеевъ высказался, при обсужденіи вопроса объ учрежденіи въ Таврической губерніи ряда заповѣдниковъ, о необходимости признать государственную собственностью тѣ мѣстности въ Крыму, въ которыхъ

находятся замѣчательные памятники древности и старины. Эта мысль была горячо поддержана предсѣдателемъ Коммиссіи, указавшимъ на находящіяся въ частномъ владѣніи до сихъ поръ „пещерные города“ Крыма, городища, остатки крѣпостей, башни, древнія церкви и т. д., совершенно необеспеченные отъ уничтоженія.

Коммиссіей было возбуждено ходатайство предъ предсѣдателемъ Симферопольскаго Окружнаго Суда о передачѣ ей всѣхъ дѣлъ и документовъ совѣтскихъ комиссаріатовъ, помѣщавшихся въ зданіи окружнаго суда, но удовлетворенія этого ходатайства не послѣдовало „въ виду важности этихъ материаловъ для суда въ дѣловомъ отношеніи“, такъ какъ по многимъ дѣламъ возникли судебныя слѣдствія. Подобное же ходатайство было возбуждено и предъ краевымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ относительно дѣлъ большевистскихъ комиссаріатовъ, помѣщавшихся въ зданіи б. губернскаго правленія, на которое былъ полученъ отвѣтъ, что эти дѣла будутъ храниться въ губернскомъ архивѣ и что для научныхъ работъ Коммиссія всегда можетъ ими пользоваться на мѣстѣ, въ этомъ архивѣ.

Заботясь объ охранѣ памятниковъ древности и старины въ Тавридѣ, Коммиссія обратила вниманіе краевого правительства на угрожающее состояніе одной изъ генуэзскихъ башенъ въ Феодосіи, именно Константина, верхняя часть которой обваливается, а въ западной части появились сквозныя трещины, и ходатайствовала объ осмотрѣ этой башни инженерами и производствѣ ремонта ея въ возможно скоромъ времени.

По ходатайству жителей Старого и Нового Карантинъ г. Феодосіи о разрѣшениі совершать богослуженіе въ древней церкви Карантинъ, въ которой и раньше оно совершалось, но временно прекращено, съ обязательствомъ сохранять ее въ цѣлости и не производить ремонта безъ разрѣшенія Коммиссіи, было дано Коммиссіей разрѣшеніе возобновить богослуженіе въ этой церкви на означенныхъ условіяхъ.

Въ истекшемъ году состоялось девять засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ было сдѣлано 18 научныхъ сообщеній, напечатанныхъ въ №№ 54 и 55 ея Извѣстій. Сообщенія членовъ Коммиссіи И. Ф. Александрова, Е. В. Вульфа, В. Д. Геймана и В. Ч. Речинского основаны на обслѣдованіи мѣстныхъ архивовъ. Кромѣ того, членъ Коммиссіи Речинский былъ занятъ до выѣзда своего изъ Симферополя разсмотрѣніемъ воронежскихъ документовъ ея архива, а членъ Коммиссіи П. В. Ни-

кольській взялъ на себя разсмотрѣніе и обработку документовъ бывшаго Симферопольскаго Общественнаго Комитета для изданія этого матеріала въ Извѣстіяхъ Коммиссіи. Членъ Коммиссіи Л. А. Моисеевъ приглашенъ быть ея представителемъ въ коммиссіи по разбору дѣлъ архива б. канцеляріи Севастопольскаго градоначальства и общей полиціи.

Коммиссія и въ отчетномъ году продолжала собирать мѣстную политическую литературу, относящуюся къ переживающему моменту. Больше всего матеріаловъ этого рода сообщили Коммиссіи ея члены С. С. Чехъ изъ Евпаторіи и В. Д. Гейманъ изъ Феодосії; кроме того, интересные матеріалы были доставлены членами Коммиссіи И. Ф. Александровымъ, В. С. Ивановымъ, И. М. Волошиновымъ и предсѣдателемъ Коммиссіи, а также А. М. Шкурко и помощн. секретаря Симферопольской городской управы. Отъ Евпаторійскаго Съѣзда мировыхъ судей препровождена въ Коммиссию, для свѣдѣнія, копія представленія мирового суды 5 участка Евпаторійскаго Округа по дѣлу о разборѣ дѣлъ, переписокъ и документовъ бывшей слѣдственной коммиссіи Евпаторійскаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, а отъ товарища прокурора по Феодосійскому уѣзду 37 разнаго рода переписокъ, декретовъ, циркуляровъ и т. д., обнаруженныхъ въ дѣлахъ б. слѣдственной коммиссіи Феодосійскаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, не имѣющихъ судебнаго значенія, но представляющихъ интересъ въ историческомъ отношеніи.

Въ истекшемъ году почетный членъ Коммиссіи А. Л. Бертье-Делагардъ исполнилъ громадный трудъ перевода на русскій языкъ второго тома сочиненія академика П. С. Палласа: „Наблюденія, сдѣланныя во время путешествія по южнымъ намѣстничествамъ Русского государства въ 1793 и 1794 гг.“ (Bemerkungen auf einer Reise in die sдdlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs) для изданія Коммиссіей, и такимъ образомъ давняя мечта Коммиссіи объ изданіи этого монументального сочиненія уже близка къ осуществленію. Александръ Львовичъ проявилъ свою беззавѣтную любовь къ Тавридѣ и составленіемъ плана изданія Коммиссіей въ переводѣ на русскій языкъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій о Крымѣ древняго времени, средникъ вѣковъ и новаго времени въ нѣсколькихъ томахъ, что, конечно, можетъ быть осуществлено нескоро, когда наступятъ болѣе благопріятныя условія жизни.

Въ виду неопредѣленнаго своего положенія послѣ государственного переворота въ правовомъ отношеніи и еще болѣе тяжелаго, чѣмъ въ предыдущие годы, материальнаго положенія. Коммиссія въ истекшемъ году ходатайствовала предъ Таврическимъ краевымъ правительствомъ о принятіи ея въ вѣдомство краевого министерства народнаго просвѣщенія и назначеній ей пособія на изданіе ея трудовъ и другія нужды. Коммиссія ходатайствовала также предъ Таврическимъ краевымъ правительствомъ объ улучшениіи правового и материальнаго положенія Керченскаго музея древностей и Мелекъ-Чесменскаго музея въ Керчи и служащихъ въ нихъ, не получавшихъ послѣ переворота жалованья.

Среди мрачныхъ обстоятельствъ истекшаго года въ жизни Тавриды исключительно свѣтлымъ явленіемъ было открытие въ Симферополѣ въ 1918 году Университета, и въ этомъ знаменательномъ событии въ жизни Тавриды Таврическая Ученая Архивная Коммиссія принимала посильное для нея и сердечное участіе. Коммиссія единодушно постановила оказывать всяческое содѣйствіе университетскому преподаванію своей библиотекой, муземъ и сообщеніемъ всякаго рода свѣдѣній относительно памятниковъ исторіи и древности Тавриды, Коммиссія принимала участіе въ соединенномъ засѣданіи мѣстныхъ ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій 11 сентября, посвященномъ открытію Таврическаго Университета, и привѣтствовала Университетъ адресомъ въ день его открытія 1/14 октября. Коммиссія пожертвовала для библиотеки Таврическаго Университета экземпляры всѣхъ имѣющихся въ ея распоряженіи выпусковъ своихъ Извѣстій. Предсѣдатель Коммиссіи состоялъ въ истекшемъ году членомъ попечительного совѣта Университета.

Коммиссія въ истекшемъ году участвовала въ лицѣ своихъ представителей на съездѣ ученыхъ организаций Тавриды 3—5 октября и чествованіи предсѣдателя комитета этой ассоціаціи С. А. Мокржецкаго по случаю исполнившагося 25-лѣтія его учено-литературной и общественной дѣятельности. Коммиссія привѣтствовала Киевскій Археологический Институтъ по случаю его открытія 3 ноября.

Въ библиотеку Коммиссіи поступило въ истекшемъ году 408 экземпляровъ книгъ и брошюръ, изъ которыхъ значительная часть пожертвована предсѣдателемъ Коммиссіи и передана изъ архива дворянскаго депутатскаго собранія при посредствѣ члена Коммиссіи В. А. Сочавца-Федоровича. Нѣсколько цѣн-

ныхъ книгъ пожертвовано А. Л. Бертье-Делагардомъ, м. пр. сочиненіе Дюбуа де Монпере: *Voyage autour du Caucase... et en Crimée*. Paris 1739—1842. I—VI vol., съ собраніемъ (въ копіяхъ) рисунковъ альбома къ V—VI ч.ч. этого сочиненія. Кромѣ того, 39 названій книгъ передано въ библіотеку Комміssіи Г. А. Маркевичемъ на храненіе.

Въ музей Комміssіи поступили 24 предмета (10 портретовъ, 6 совѣтскихъ печатей, собраніе писемъ (39) пок. профессора Н. И. Веселовскаго къ предсѣдателю Комміssіи и др.).

Съ горькимъ чувствомъ встрѣтила Комміssія печальную вѣсть о насильственной кончинѣ своего покровителя б. Императора Николая II, относившагося къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и такъ много сдѣлавшаго для изслѣдованія русскихъ древностей вообще и Тавриды въ частности.

Въ составѣ Комміssіи произошли въ истекшемъ году слѣдующія перемѣны.

Членъ Комміssіи Н. Е. Славинскій отказался по болѣзни отъ званія товарища предсѣдателя и библістекаря Комміssіи, а И. С. Поповичъ отъ званія завѣдующаго музеемъ за отъѣздомъ на родину въ Сербію. Избрани въ отчетномъ году: одно лицо (Н. Е. Славинскій) въ почетные члены Комміssіи и 18 лицъ въ дѣйствительные члены. Комміssія въ истекшемъ году лишилась семи своихъ членовъ. Особенно большую потерю причинила ей кончина старшаго члена Археологической Комміssіи профессора Н. И. Веселовскаго, въ теченіе многихъ лѣтъ принимавшаго участіе въ ея работахъ и оказавшаго ей много услугъ, а также насильственная смерть отъ руки грабителя-убийцы члена Археологической Комміssіи, завѣдывавшаго музеемъ древностей и раскопками въ Керчи В. В. Шкорпила, принимавшаго также живое участіе въ трудахъ Комміssіи. Съ глубокимъ сожалѣніемъ встрѣтила Комміssія также кончину Е. С. Давыдовой, урожденной княжны Трубецкой, дочери декабриста С. П. Трубецкого, бывшей живой лѣтописью далекаго прошлаго, любителя древностей А. Я. Гидалевича, убитаго большевиками въ Севастополь, и б. французскаго вице-консула въ Феодосіи Люи Бертрена, автора нѣсколькихъ сочиненій о Крымѣ. Опечалила Комміssію и смерть престарѣлого уроженца Крыма Н. И. Гейнаца и учредителя ея протоіерея В. С. Никольскаго.

Комміssія не рѣшилась воспользоваться предложеніемъ большевистскихъ властей перейти въ какое-либо изъ реквизированныхъ ими зданій въ городѣ и ютилась въ прежнемъ

крайне тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи, не имѣла средствъ и возможности пріобрѣсть лучшее помѣщеніе, которое соотвѣтствовало бы ея положенію и нуждамъ. Въ виду же крайней тѣсноты занимаемаго Коммиссіей помѣщенія и невозможности поставить гдѣ-либо необходимо нужный книжный шкафъ, сдѣланы были полки для книгъ, поставленныя на имѣющихса шкафахъ, на которыхъ сложены менѣе необходимыя для справокъ книги. Для расширенія же Исторического архива и музея мѣста въ этомъ помѣщеніи не имѣется.

Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, недостатокъ средствъ и необычайную дороговизну бумаги и печати, Коммиссія въ истекшемъ году издала два выпуска своихъ Извѣстій, №№ 54 и 55-й. Она могла это сдѣлать только благодаря пособіямъ отъ краевого правительства, губернского земства, Таврическаго Церковно-Археологическаго Комитета и нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ и считаетъ долгомъ принести за это вниманіе и сочувствіе къ ея трудамъ глубочайшую благодарность. Первый изъ вышедшихъ въ истекшемъ году выпусковъ Извѣстій Коммиссіи посвященъ ею почетному ея члену А. Л. Бергье-Делагарду, маститому изслѣдователю исторіи и древностей Тавриды. Въ немъ приняли участіе многіе изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, а нѣкоторые не могли этого сдѣлать исключительно въ виду перерыва желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ сношеній съ Крымомъ. Къ сожалѣнію, всеобщая разруха, отразившаяся и на печатномъ дѣлѣ, лишила Коммиссію возможности вполнѣ безукоризненно выполнить изданіе этихъ выпусксовъ, чего она особенно желала. Коммиссіей подготовленъ цѣнныій матеріаль еще на нѣсколько выпусксовъ своихъ Извѣстій, но появленіе ихъ въ свѣтъ въ наступающемъ 1919 году будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если материальная условія сложатся для нея благопріятно.

Коммиссія надѣется, что ея скромная дѣятельность на пользу науки будетъ встрѣчать и впредь сочувствіе и поддержку, и эта надежда даетъ ей бодрость и силы для продолженія своихъ трудовъ.

Прилагаемый денежный отчетъ представляетъ картину ея крайне затруднительного материальнаго положенія.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

за 1918-ый годъ.

Приходъ.

Оставалось къ 1 января 1918 года. . . . . 5492 р. 08 к.

Поступило:

По подписнымъ листамъ на переводъ сочиненій Палласа	2352 р. 10 к.
Отъ Ликвидационной Коммиссіи бывшаго Симферопольскаго Городскаго Общественнаго Комитета	500 р. — к.
Отъ Таврическаго Церковно Археологическаго Общества	300 р. — к.
Отъ А. А. Иванова	200 р. — к.
Отъ Караймскаго Духовнаго Правленія	100 р. — к.
Отъ продажи „Извѣстій“ и изданій Коммиссіи	276 р. — к.
Отъ С. С. Чеха за рисунки къ его статьѣ . .	300 р. — к.
Отъ А. А. Спендиарова	120 р. — к.
Отъ В. Д. Геймана за бумагу для оттисковъ его статьи.	100 р. — к.
Членскіе взносы.	55 р. — к.
Проценты по вкладамъ и текущимъ счетамъ .	<u>243 р. 52 к.</u>
	4546 р. 62 к.

Итого. . . . . 10038 р. 70 к.

Расходъ.

Типографскіе и литографскіе расходы	1976 р. 75 к.
За переводъ сочиненій Палласа	1500 р. -- к.
Переписка документовъ и снимки памятниковъ	76 р. 95 к.
Ремонтъ помѣщенія и др. расходы по Истори- ческому музею.	299 р. 75 к.
Дѣлопроизводство Коммиссіи	600 р. -- к.
Почтовые и канцелярскіе расходы	53 р. 73 к.
Поѣздки по дѣламъ Коммиссіи и др. мелкіе рас- ходы	77 р. 50 к.
Покрытіе расхода 1917 г.	205 р. 29 к.
<hr/>	
Итого . . .	4799 р. 97 к.
Остатокъ къ 1 января 1919 г.	5238 р. 73 к.
<hr/>	
Балансъ . . .	10038 р. 70 к.

Предсѣдатель Коммиссіи *Я. Маркевичъ.*

Привитель дѣлъ *Л. Масловъ.*

Казначай *Я. Романюкъ.*

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1919-ый годъ.

Гибельная рузруха въ жизни Риссіи въ истекшемъ 1919 году не могла не отразиться и на скромной дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, и хотя и въ этомъ году, какъ и въ предыдущіе годы, работа ея не прерывалась, но поставлена была въ очень тяжелыя условія.

Въ началѣ истекшаго года высшею властью въ Тавридѣ было краевое правительство, затѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Крымъ вторично находился въ рукахъ большевиковъ, и наконецъ съ юля мѣсяца, благодаря добровольческому нациску, возродилась губернская власть, существовавшая до переворота, и таврическій губернаторъ Н. А. Татищевъ принялъ званіе непремѣнного попечителя Коммиссіи.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Таврическая Ученая Архивная Коммиссія по мѣрѣ своихъ силъ заботилась о сохраненіи архивовъ и архивныхъ дѣлъ въ краѣ. По ходатайству Коммиссіи крымское краевое правительство предоставило ей право доступа къ архивнымъ матеріаламъ бывшихъ совѣтскихъ учрежденій, находящимся въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и предложило министерствамъ и самоуправленіямъ оказывать ей содѣйствіе въ дѣлѣ обозрѣнія и собиранія архивныхъ матеріаловъ.

Прокуроръ окружнаго суда увѣдомилъ Коммиссію, что имъ также будетъ оказано содѣйствіе въ получениі ею на храненіе соотвѣтствующихъ матеріаловъ изъ оставленныхъ въ окружномъ судѣ отъ совѣтскихъ учрежденій дѣлъ по окончаніи ихъ разбора.

Получивъ увѣдомленіе о томъ, что Симферопольское городское управление, приводя въ порядокъ архивъ городской управы, рѣшило уничтожить часть хранящихся въ немъ дѣлъ,

Коммиссія просила члена ея А. К. Романюка быть ея представителемъ при разборѣ этого архива и озаботиться передачей въ исторической ея архивѣ всѣхъ документовъ, дѣль и книгъ, которые будутъ признаны имѣющими какой-либо интересъ въ историческомъ или бытовомъ отношеніи.

Особенно существенны, но и затруднительны были заботы Коммиссіи о сохраненіи архивовъ во время господства соvѣтской власти большевиковъ. Къ счастію, губернскіе и уѣздные архивы пострадали въ это время въ незначительной степени. но очень пострадалъ архивъ Карасубазарскаго полицейскаго управлениія, всѣ старыя дѣла котораго были распроданы и погибли; спасена лишь ничтожная часть этого архива.

Съ глубокою благодарностью отнеслась Коммиссія къ заботамъ Таврическаго Университета о сохраненіи родового архива Поповыхъ. Обѣ части этого архива, находившіяся въ имѣніяхъ — Тавель Симферопольскаго и Васильево Мелитопольскаго уѣзда, удалось спасти отъ гибели. Дѣла переданы въ Таврическій Университетъ и разбираются подъ руководствомъ профессора Г. В. Вернадскаго, при чемъ нѣсколько статей, вызванныхъ обслѣдованиемъ этого богатаго архива, было напечатано въ № 56 Извѣстій Коммиссіи.

Коммиссія съ полнымъ участіемъ встрѣтила мысль профессора Таврическаго Университета Б. Д. Грекова, которому близко извѣстно положеніе архивнаго дѣла въ Россіи, обѣ учрежденіи въ Симферополѣ центральнаго архива и отводѣ для него временно помѣщенія въ зданіи бывшаго пансиона Симферопольской 1-й гимназіи. Совѣтскія власти отнеслись къ этой мысли сочувственно, учреждены были штаты архива, и въ концѣ мая Таврическій центральный архивъ былъ открытъ. и въ его помѣщеніе перевезенъ архивъ Таврическаго дворянскаго депутатскаго собранія, которому грозилъ полный разгромъ и уничтоженіе, и половина архива Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управлениія. Съ уходомъ соvѣтской власти дворянскій архивъ былъ возвращенъ на прежнее мѣсто, по требованію исп. д. губернскаго предводителя дворянства: отведенное для центральнаго архива помѣщеніе передано въ распоряженіе завѣдующаго учебными заведеніями Таврической губерніи, и этотъ архивъ прекратилъ свою дѣятельность до рѣшенія вопроса въ общемъ законодательномъ порядкѣ обѣ учрежденіи центральныхъ архивовъ въ Россіи.

Въ отчетномъ году Коммиссія продолжала и заботы о сохраненіи памятниковъ древностей и исторіи въ Тавридѣ.

Такъ она употребляла усиленная ходатайства о ремонте приходящей въ ветхость башни св. Константина въ Феодосии, обь охранѣ могилы генерала Котляревскаго въ этомъ городѣ, участвовала въ обсужденіи вопроса въ университетской комиссіи обь охранѣ Бахчисарайскаго дворца и находящагося при немъ музея. Послѣ того какъ 1-го мая истекшаго года, по распоряженію совѣтскихъ властей былъ снятъ въ Симферополѣ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Великой и нѣкоторая части памятника князю В. М. Долгорукову Крымскому, Комиссія принимала усиленная старанія къ сохраненію снятыхъ частей, а по уходѣ большевиковъ взяла на себя заботы о восстановленіи памятника Екатеринѣ Великой, что и было достигнуто къ 1 декабря того же года. Кроме того, Комиссія принимала участіе въ заботахъ о сохраненіи зоопарка Ф. Э. Фальцъ-Фейна въ Асканія-Нова, подвергавшагося неоднократно нападеніямъ грабительскихъ шаекъ, грозившимъ гибелью этого замѣчательного и въ высшей степени цѣннаго въ научномъ отношеніи учрежденія.

Въ истекшемъ году состоялось 13 засѣданій Комиссіи, въ которыхъ заслушано было 28 научныхъ сообщеній, значительная часть коихъ основана на архивныхъ материалахъ. Одно изъ этихъ засѣданій было посвящено памяти академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, а другое памяти профессора С. О. Платонова.

Надежды Комиссіи на участіе и помошь въ ея дѣятельности Таврическаго Университета осуществились въ полной мѣрѣ. Многіе профессора Университета приняли на себя званіе членовъ Комиссіи, должности въ ней и дѣлали въ ея засѣданіяхъ доклады, значительная часть которыхъ вошла въ №№ 56 и 57 ея „Извѣстій“.

Въ истекшемъ году избраны въ члены Комиссіи 32 лица. Лишилась Комиссія въ этомъ году 12 своихъ членовъ, изъ которыхъ особенно тяжела была утрата извѣстныхъ ученыхъ-академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, профессора Ю. А. Кулаковскаго, профессора С. О. Платонова, графа С. Д. Шереметева и Симферопольского городского головы В. А. Иванова.

Комиссія выпустила въ свѣтъ въ 1919 году два тома своихъ Извѣстій—55-й и 56-й, изъ которыхъ послѣдний былъ посвященъ Таврическому Университету въ память первой годовщины его существованія.

Въ музей Комиссіи поступило въ 1919 году: двѣ рукописи, 9 другихъ предметовъ, 60 серебряныхъ монетъ, 86 мѣд-

ныхъ, 3 медали и 10 жетоновъ и значковъ. Всѣ эти предметы были пожертвованы. Поступила также дарственная запись на фортепіано, фирмы Вирта, 1847 г., на которомъ часто игралъ композиторъ И. А. Сѣровъ во время своего пребыванія въ Симферополь и творилъ свои произведенія.

Въ библіотеку Коммиссіи поступило въ истекшемъ году всего 16 названий книгъ, и одно сочиненіе приобрѣтено за 50 руб. Кромѣ того, поступило много брошюръ, газетъ, листковъ и пр. политического характера, относящихся къ текущему моменту, пожертвованныхъ разными лицами, особенно С. С. Чехомъ, В. А. Сочавецъ-Федоровичемъ, В. А. Ивановымъ, Г. А. Маркевичемъ и др.

Въ распоряженіе Коммиссіи поступилъ также картонъ съ бумагами академика П. И. Кеппена и его сына Ф. П. Кеппена, гл. обр. по библіографіи Крыма, а также рукописи, приготовленные къ печати: автобіографія пок. почетнаго члена Коммиссіи Н. Е. Славинскаго и исторической очеркъ Симферопольской 1-й гимназіи, по случаю столѣтія ея существованія, директора этой гимназіи Л. В. Жирицкаго.

Во временное пользованіе Коммиссіи поступили 5 томовъ дневника ботаника Х. Х. Стевена.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Коммиссіи произошли слѣдующія перемѣны: въ предсѣдатели ея избранъ вновь А. И. Маркевичъ и въ правители дѣль П. В. Масловъ; товарищемъ предсѣдателя избранъ профессоръ Б. Д. Грековъ, казначеемъ И. Ф. Александровъ, библіотекаремъ профессоръ А. П. Кадлубовскій, завѣдующимъ архивомъ профессоръ Г. В. Вернадскій, завѣдующимъ музеемъ профессоръ В. А. Розовъ, а за его отъездомъ профессоръ Д. В. Айналовъ, не вступившій въ исполненіе своихъ обязанностей по этому знанію.

Изъ особыхъ событий въ отчетномъ году заслуживаютъ быть отмѣченными: привѣтствіе Коммиссіи, выраженное Таврическому Университету въ 1-ю годовщину его существованія, и участіе Коммиссіи въ лицѣ предсѣдателя и товарища предсѣдателя въ торжественной встречѣ генерала А. И. Деникина при посѣщеніи имъ Симферополя въ сентябрѣ истекшаго года.

Коммиссія и въ истекшемъ году ютилась въ томъ же крайне тѣсномъ, неудобномъ и холодномъ помѣщеніи, и, къ сожалѣнію, у нея нѣть надежды на получение новаго соотвѣтствующаго ея цѣлямъ помѣщенія, въ ближайшемъ по крайней мѣрѣ будущемъ. Это обстоятельство лишаетъ Коммиссію всякой возможности развивать свой музей и библіотеку и рас-

ширять свой архивъ. Не смотря однако на крайнюю тѣсноту, музей и въ отчетномъ году посѣщался учащимися городскихъ школъ со своими учителями, студентами университета, профессорами и другими лицами въ особо назначенное время.

Денежныя средства Коммиссіи и въ истекшемъ году были неопределены и не обеспечивали ее вполнѣ въ ея работѣ. Правда, были значительныя пожертвованія на ея нужды, но непомѣрно велики и расходы по печатанію ея Извѣстій, въ виду невѣроятнаго увеличенія стоимости бумаги и періодиче скаго увеличенія стоимости печатанія, вслѣдствіе неоднократно въ теченіе года увеличивавшейся платы рабочимъ въ типографіяхъ.

Крымское краевое правительство, признавъ полезной дѣятельность Коммиссіи, назначило ей въ отчетномъ году пособіе на изданіе ея трудовъ въ размѣрѣ 43400 руб., и это пособіе было выдано уже совѣтской властью и дало возможность оплатить два тома Извѣстій, включая сюда и расходы на приобрѣтеніе бумаги. Кромѣ того, съѣздъ сельскихъ хозяевъ Крыма ассигновалъ Коммиссіи пособіе въ 5000 руб. и Коммиссія о вакуфахъ Крыма 1000 руб.

Средства Коммиссіи въ полномъ видѣ представляются изъ слѣдующаго денежнаго отчета о приходѣ и расходѣ ея суммъ.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссії

за 1919-ый годъ.

Остатокъ на 1 января 1919 г. . . . . 5238 р. 73 к.

Приходъ.

Пособія отъ правительства	48400 р. — к.
Пособіе Таврическаго Губернскаго Злмства . .	1600 р. --- к.
Пожертвованія на усиленіе средствъ Коммиссії	7805 р. --- к.
Членскіе взносы	293 р. --- к.
Выручено отъ продажи изданій Коммиссіи . .	1769 р. — к.
%	31 р. 50 к.
Пожертвованія на возстановленіе памятника им- ператрицѣ Екатеринѣ Великой въ Симфе- рополѣ.	6860 р. --- к.
<hr/>	
Итого	66758 р. 50 к.
+ 5238 р. 73 к.	<hr/>
	71997 р. 23 к.

Расходъ.

Печатаніе №№ 56 и 57 Извѣстій Коммиссіи .	51656 р. 85 к.
Бумага на печатаніе оттисковъ статей	1560 р. 15 к.
Полки для книгъ.	840 р. --- к.
Покупка книгъ.	50 р. — к.

Поездка въ Ялту предсѣдателя Коммиссіи . . .	28 р. — к.
Дѣлопроизводство и корректура	600 р. — к.
Почтовые, мелкіе расходы и переписка документовъ (по авансамъ предсѣдателю Коммиссіи)	509 р. 95 к.
Печатаніе бланковъ	40 р. — к.
Гербовыя марки	2 р. — к.
Возстановленіе памятника императрицѣ Екатеринѣ Великой	6860 р. — к.
Итого.	62146 р. 95 к.
	71997 р. 23 к.
	62146 р. 95 к.

Итого въ остаткѣ къ 1 января 1920 г. . 9850 р. 28 к.

Предсѣдатель Коммиссіи *А. Маркевичъ.*

Правитель дѣлъ *П. Масловъ.*

Казначай *И. Александровъ.*

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Предсѣдатель Коммиссіи Арсеній Ивановичъ Маркевичъ, съ 5 ноября 1908 г., дѣйств. чл. съ 24 января 1887 г.

Товарищъ предсѣдателя профессоръ Борисъ Дмитріевичъ Грековъ, съ 25 марта 1919 г.

Казначей Иванъ Филипповичъ Александровъ, съ 25 марта 1919 г.

Правитель дѣлъ Петръ Васильевичъ Масловъ, д. чл. съ 16 окт. 1904 г.

Хранитель архива профессоръ Георгій Владиміровичъ Вернадскій, съ 25 марта 1919 г.

Хранитель музея профессоръ Дмитрій Власьевичъ Айналовъ, съ 25 марта 1919 г.

Библіотекарь профессоръ Арсеній Петровичъ Кадлубовскій, съ 25 марта 1919 г.

Почетные члены:

Великій Князь Николай Михаиловичъ, съ 22 сентября 1914 г.

Графъ Бобринской Алексѣй Александровичъ, съ 4 мая 1889 г.

Анучинъ Дмитрій Николаевичъ, съ 5 мая 1900 г.

Султанъ Крымъ-Гирей Николай Александровичъ, съ 12 декабря 1898 г., дѣйств. чл. съ 24 января 1887 г.

Щербаковъ Алексѣй Ивановичъ, съ 20 марта 1909 г.

Иловайскій Дмитрій Ивановичъ, съ 15 ноября 1912 г.

Графъ Апраксинъ Петръ Николаевичъ, съ 21 февр. 1913 г., дѣйств. чл. съ 26 августа 1911 г.

Куломзинъ Антоній Николаевичъ, съ 26 февраля 1915 г.

Димитрій Архієпископъ Таврическій и Симферопольскій, съ 24 января 1917 года.

Кондаковъ Никодимъ Павловичъ, дѣйств. чл. съ 5 апрѣля 1891 г.; поч. членъ съ 24 января 1917 года.

Иконниковъ Владимиръ Степановичъ, поч. чл. съ 24 января 1917 г.

Латышевъ Василій Васильевичъ, дѣйств. чл. съ 31 января 1891 г.

Маркевичъ Арсеній Ивановичъ, съ 24 января 1917 г.

Пожизненные члены:

Графиня Апраксина Елисавета Владиміровна, съ 11 декабря 1913 г., дѣйств. чл. съ 17 янв. 1912 г.

Кудрицкій Александръ Федоровичъ, съ 19 мая 1914 г., дѣйств. чл. съ 17 декабря 1911 г.

Дѣйствительные члены:

Аверкіевъ Александръ Николаевичъ, съ 13 августа 1918 г.
Айналовъ Дмитрій Власьевичъ, съ 3 іюня 1919 г.
Александровъ Иванъ Филипповичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Андреенскій Федоръ Николаевичъ, съ 26 января 1911 г.
Андрусовъ Николай Ивановичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Арсеньевъ Василій Сергѣевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Архангельскій Митрофанъ Илларіевичъ, съ 24 апр. 1915 г.
Багалѣй Дмитрій Ивановичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Баронъ де-Бай Жозефъ, съ 15 мая 1906 г.
Байбуртлы Ягъя, съ 19 мая 1912 г.
Бартольдъ Василій Владиміровичъ, съ 3 сентября 1916 г.
Бартъ Александръ Павловичъ, съ 3 сентября 1916 г.
Бартъ Екатерина Александровна, съ 3 сентября 1916 г.
Бережковъ Михаиль Николаевичъ, съ 4 октября 1893 г.
Бибикова Надежда Андреевна, съ 19 января 1913 г.
Бибиковъ Дмитрій Михайловичъ, съ 5 іюня 1913 г.
Благовѣщенскій Дмитрій Александровичъ, съ 8 марта 1912 г.
Богдановичъ Яковъ Сулеймановичъ, съ 4 сент. 1919 г.
Богдановъ Николай Николаевичъ, съ 4 февр. 1916 г.
Боданинскій Али Абдурефеевичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Болсуновскій Карлъ Васильевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Бороздинъ Илья Николаевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Бортовскій о. Николай Игнатьевичъ, съ 18 іюня 1919 г.
Бояджіевъ Георгій Харлампіевичъ, съ 16 октября 1912 г.
Брандтъ Александръ Андреевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Браунеръ Александръ Александровичъ, съ 9 ноября 1893 г.
Браунъ Федоръ Ивановичъ, съ 1 ноября 1890 г.
Броневскій Владиміръ Павловичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Бугославскій Сергѣй Александровичъ, съ 17 янв. 1920 г.
Булгаковъ Сеидъ бей, съ 12 апрѣля 1912 г.
Булгаковъ Сергѣй Николаевичъ, съ 15 ноября 1919 г.
Булисъ Николай Трофимовичъ, съ 8 марта 1912 г.
Булюашъ Владиміръ Алексѣевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Бѣлиловскій Кесарь Александровичъ, съ 12 мая 1916 г.
Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Бѣляева Лидія Павловна, съ 16 августа 1912 г.
Вагінъ Сергѣй Львовичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Варнеке Борисъ Владиміровичъ, съ 11 декабря 1919 г.
Вернадскій Георгій Владиміровичъ, съ 15 ноября 1918 г.
Викторовскій Петръ Григорьевичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Винбергъ Владиміръ Карловичъ, съ 7 февраля 1916 г.
Вноровскій Іосифъ Николаевичъ, съ 25 августа 1888 г.
Волжаниновъ Александръ Васильевичъ, съ 19 января 1913 г.
Волошиновъ Иванъ Михайловичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Воорондейкъ Екатерина Константиновна, съ 29 мая 1914 г.
Вульфъ Евгеній Владиміровичъ, съ 13 марта 1913 г.
Габаевъ Георгій Соломоновичъ, съ 25 апрѣля 1913 г.
Гавриленко Спиридонъ Яковлевичъ, съ 24 января 1917 г.

Гаевскій Владиславъ Эразмовичъ, съ 19 января 1913 г.
Галкинъ Левъ Евсѣевичъ, съ 29 декабря 1915 г.
Гаршинъ Евгений Михайловичъ, съ 16 октября 1912 г.
Гельвигъ Романъ Ивановичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Гейманъ Веніаминъ Давидовичъ, съ 12 мая 1916 г.
Гейнацъ Терезія Дагобертовна, съ 27 августа 1915 г.
Георгіевъ Владіміръ Дмитріевичъ, съ 13 ноября 1910 г.
Гераклитовъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Гидалевичъ Абрамъ Яковлевичъ, съ 15 апр. 1888 г.
Голенищевъ-Кутузовъ Николай Иларіоновичъ, съ 29 мая 1914 г.
Городцовъ Василій Алексѣевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Гошкевичъ Викторъ Ивановичъ, съ 29 мая 1914 г.
Грандмезонъ Николай Леонидовичъ, съ 4 ноября 1919 г.
Грамматиковъ Александръ Ивановичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Грековъ Борисъ Дмитріевичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Гроздовъ Александръ Васильевичъ, съ 24 января 1887 г.
Грушинскій Павелъ Сергѣевичъ, съ 27 марта 1899 г.
Гудзій Николай Каллинниковичъ, съ 15 ноября 1918 г.
Гусевъ Николай Георгіевичъ, съ 31 октября 1916 г.
Давыдовъ Павелъ Николаевичъ, съ 31 октября 1916 г.
Данилевичъ Василій Ефимовичъ, съ 14 марта 1907 г.
Двойченко Петръ Аврамьевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Деревицкій Алексѣй Николаевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Державинъ Николай Севастьяновичъ, съ 13 ноября 1907 г.
Дерюжинскій Владіміръ Федоровичъ, съ 25 марта 1919 г.
Дмитревскій Алексѣй Михайловичъ, съ 26 ноября 1911 г.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ, съ 9 декабря 1896 г.
Домничъ Михаїль Константиновичъ, съ 5 сентября 1917 г.
Дуванъ Сима Эзровичъ, съ 19 января 1913 г.
Еланчинъ Николай Алексѣевичъ, съ 20 мая 1918 г.
Ерофеевъ Иванъ Федоровичъ, съ 13 декабря 1907 г.
Жебслевъ Сергѣй Ивановичъ, съ 12 июля 1917 г.
Жирицкій Леонідъ Владиміровичъ, съ 20 марта 1909 г.
Жирова Александра Дмитріевна, съ 15 ноября 1919 г.
Жиротовъ Владіміръ Даниловичъ, съ 13 августа 1918 г.
Забнинъ Сергѣй Ивановичъ, съ 20 мая 1918 г.
Запорожецъ Пётръ Тимофеевичъ, съ 8 марта 1912 г.
Звѣревъ о Александръ Михайловичъ, съ 4 декабря 1915 г.
Зеленецкая Ольга Михайловна, съ 17 октября 1919 г.
Зенкевичъ Хрисантѣ Хрисантѣвичъ, съ 5 сентября 1889 г.
Ивановъ Павелъ Андреевичъ, съ 16 апрѣля 1892 г.
Ивановъ Александръ Александровичъ, съ 29 сентября 1911 г.
Ивановъ Евгений Эрастовичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Ивановъ Иванъ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Иринархъ, епископъ Березовскій, съ 29 мая 1914 г.
Кадлубовскій Арсеній Петровичъ, съ 15 ноября 1918 г.
Казасъ Азарія Ильичъ, съ 24 апрѣля 1914 г.
Калачовъ Борисъ Анемподистовичъ, съ 15 ноября 1918 г.
Кармалинингъ Михаїль Алексѣевичъ, съ 31 марта 1891 г.
Карповъ Константинъ Ивановичъ, съ 15 ноября 1919 г.

Катановъ Николай Федоровичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Князь Кекуатовъ Константинъ Владимировичъ, съ 3 марта 1914 г.
Келлеръ Владимиръ Васильевичъ, съ 17 января 1912 г.
Кесслеръ Евгений Эдуардовичъ, съ 11 апреля 1896 г.
Кесслеръ Елена Эдуардовна, съ 19 января 1913 г.
Клепининъ Николай Николаевичъ, съ 23 октября 1910 г.
Клетнова Екатерина Николаевна, съ 27 августа 1915 г.
Княжевичъ Николай Антоновичъ, съ 29 сентября 1915 г.
Княжевичъ Екатерина Борисовна, съ 29 сентября 1915 г.
Княжевичъ Владимиръ Антониновичъ, съ 19 января 1913 г.
Кобанъ Иванъ Софроньевичъ, съ 29 января 1914 г.
Кобеко Дмитрий Фомичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Ковалъский Валентинъ Ивановичъ, съ 26 июня 1918 г.
Колчановъ Алексѣй Махайловичъ, съ 19 января 1913 г.
Коропачинскій Семенъ Федоровичъ, съ 16 апреля 1896 г.
Косцюшко-Валюжиничъ Дмитрій Николаевичъ, съ 26 мая 1911 г.
Красильниковъ Владимиръ Александровичъ, съ 5 сентября 1917 г.
Крестьянполь Петръ Игнатьевичъ, съ 26 ноября 1911 г.
Кречинскій Левъ Константиновичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Крымъ Соломонъ Самойловичъ, съ 17 января 1912 г.
Крыжановскій Дмитрій Александровичъ, съ 14 декабря 1917 г.
Крымъ Шебетай Самойловичъ, съ 24 января 1917 г.
Кузнецова Николай Ивановичъ, съ 13 августа 1918 г.
Кузьменко Василій Михайловичъ, съ 16 августа 1916 г.
Кучукъ-Іоаннесовъ Христофоръ Ивановичъ, съ 18 января 1912 г.
Лампсі Николай Михайловичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Ларіоновъ Иванъ Васильевичъ, съ 27 августа 1915 г.
Ленскій Николай Александровичъ, съ 20 мая 1918 г.
Леонтьевъ Александръ Ивановичъ, съ 12 февраля 1913 г.
Линниченко Иванъ Андреевичъ, съ 28 сентября 1902 г.
Лихачевъ Николай Петровичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Лукинъ о. ~~Нестор~~ Васильевичъ, съ 28 сентября 1917 г.
Любовичъ Пантелеймонъ Николаевичъ, съ 1 ноября 1890 г.
Люстыхъ Антонинъ Евгеньевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Малининъ Андрей Михайловичъ, съ 4 сентября 1919 г.
Маргаритовъ Сергѣй Дмитріевичъ, съ 21 февраля 1911 г.
Маркевичъ Анна Николаевна, съ 19 февраля 1913 г.
Марковъ Дмитрій Аркадьевичъ, съ 29 сентября 1911 г.
Марковъ Василій Михайловичъ, съ 5 июня 1919 г.
Марксъ Никандръ Александровичъ, съ 14 декабря 1917 г.
Марръ Николай Яковлевичъ, съ 12 июля 1917 г.
Марти Юлій Юліевичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Масловъ Петръ Васильевичъ, съ 16 октября 1904 г.
Машковцева Ольга Аркадьевна, съ 24 января 1917 г.
Машковцева Анна Аркадьевна, съ 24 января 1917 г.
Медвѣдковъ о. Пант. Иліод. съ 11 декабря 1913 г.
Месаксули Петръ Константиновичъ, съ 30 августа 1918 г.
Месаксули Владимиръ Константиновичъ, съ августа 1918 г.
Метальниковъ Сергѣй Ивановичъ, съ 13 августа 1918 г.
Менгеръ Христіанъ Христіановичъ, съ 9 декабря 1915 г.

Миннэзъ Эллисъ, съ 17 января 1912 г.
 Минхъ Николай Николаевичъ, съ 29 мая 1914 г.
 Михаловскій о. Андрей Васильевичъ, съ 4 дек. 1915 г.
 Михалевскій Владіміръ Андреевичъ, съ 16 апрѣля 1892 г.
 Модзалевскій Борисъ Львовичъ, съ 29 мая 1914 г.
 Моисеевъ Лаврентій Алексѣевичъ, съ 24 января 1917 г.
 Мокржецкій Сигизмундъ Александровичъ, съ 27 мая 1896 г.
 Монастырлы Харлампій Аѳанасьевичъ, съ 24 января 1887 г.
 Моргулисъ Юлій Абрамовичъ, съ 19 января 1913 г.
 Мурасовъ Османъ Міурасовичъ, съ 26 января 1911 г.
 Мурзаевъ Григорій Григорьевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
 Муфтій Заде Абдуреімъ Челеби, съ 8 декабря 1916 г.
 Назаревскій о. Алексій Георгіевичъ, съ 27 мая 1896 г.
 Николаевъ Степанъ Леонидовичъ, съ 13 августа 1918 г.
 Никольскій Петръ Васильевичъ, съ 4 декабря 1915 г.
 Никольскій Иванъ Венедиковичъ, съ 11 декабря 1919 г.
 Норцовъ Алексѣй Николаевичъ, съ 28 сентября 1892 г.
 Оболенскій князь Владіміръ Андреевичъ, съ 15 ноября 1919 г.
 Оглоблинъ Николай Николаевичъ, съ 26 ноября 1892 г.
 Огородниковъ Владіміръ Ивановичъ, съ 29 февраля 1916 г.
 Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ, съ 23 февраля 1889 г.
 Павловскій Иванъ Францовичъ, съ 9 декабря 1915 г.
 Папарупа Левъ Николаевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
 Петровъ Владіміръ Андреевичъ, съ 4 сентября 1919 г.
 Печенкинъ Николай Михайловичъ, съ 18 октября 1904 г.
 Плаксинъ Сергій Аркадьевичъ, съ 7 іюля 1896 г.
 Поливановъ Владіміръ Павловичъ, съ 17 января 1920 г.
 Полонская Наталія Дмитріевна, съ 3 сентября 1916 г.
 Поповичъ Иванъ Степановичъ, съ 14 ноября 1917 г.
 Поповъ Александръ Владиміровичъ, съ 29 мая 1914 г.
 Посполитаки Дмитрій Дмитріевичъ, съ 26 января 1911 г.
 Прозрителевъ Григорій Николаевичъ, съ 29 мая 1914 г.
 Проходцовъ Иванъ Ивановичъ, съ 29 мая 1914 г.
 Пѣтуховъ Евгеній Вячеславовичъ, съ 15 ноября 1919 г.
 Пятковскій Петръ Ерофеевичъ, съ 12 февраля 1913 г.
 Раевскій Валеріанъ Григорьевичъ, съ 1904 г.
 Ретовскій Отто Фердинандовичъ, съ 29 декабря 1887 г.
 Речинскій Викторъ Чеславовичъ, съ 28 февраля 1918 г.
 Розова Зинаїда Гавріловна, съ 3 февраля 1919 г.
 Розовъ Владіміръ Алексѣевичъ, съ 3 февраля 1919 г.
 Рубиновъ Яковъ Евгеніевичъ, съ 25 марта 1919 г.
 Романченко Николай Филипповичъ, съ 23 марта 1890 г.
 Ростовцевъ Михаилъ Ивановичъ, съ 28 сентября 1906 г.
 Рубинскій Сергій Павловичъ, съ 9 декабря 1915 г.
 Рудневъ Сергій Петровичъ, съ 16 октября 1912 г.
 Ружицкій Александръ Ивановичъ, съ 29 марта 1902 г.
 Рыковъ Евгеній Владиміровичъ, съ 31 января 1899 г.
 Рыковъ Александръ Александровичъ, съ 19 января 1913 г.
 Рыкъ Константинъ Александровичъ, съ 29 октября 1915 г.
 Рышковъ Николай Сергієевичъ, съ 13 марта 1913 г.

Рѣпниковъ Николай Ивановичъ, съ 18 октября 1904 г.
Савеловъ Леонидъ Михайловичъ, съ 28 сентября 1902 г.
Садовскій Александръ Яковлевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Самко Алексѣй Кузьмичъ, съ 25 апреля 1913 г.
Самойловичъ Александръ Николаевичъ, съ 19 мая 1912 г.
Сахновскій Владиміръ Константиновичъ, съ 17 января 1912 г.
Семенецъ Андрей Ивановичъ, съ 4 сентября 1919 г.
Сергѣевъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Сердобольскій о. Александръ Павловичъ, съ 8 июня 1900 г.
Сильвестръ, епископъ, съ 29 сентября 1915 г.
Скубетовъ Мартинъ Ивановичъ, съ 5 ноября 1907 г.
Смирновъ Василій Дмитріевичъ, съ 18 декабря 1888 г.
Смирновъ Яковъ Ивановичъ, съ 12 июля 1917 г.
Смирновъ Александръ Александровичъ, съ 15 ноября 1919 г.
Смольяниновъ Владиміръ Николаевичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Соболевскій Алексѣй Ивановичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Соколовъ Аркадій Алексѣевичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Соколовъ Василій Васильевичъ, съ 11 марта 1919 г.
Сочавецъ-Ѳедоровичъ Викторъ Андреевичъ, съ 8 марта 1912 г.
Спендиаровъ Александръ Аѳанасьевичъ, съ 28 сентября 1918 г.
Спиридоновъ Дмитрій Спиридоновичъ, съ 13 декабря 1907 г.
Спицынъ Александръ Андреевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Станиславскій о. Владиміръ Григорьевичъ, съ 25 ноября 1900 г.
Старовъ Константинъ Прокофьевичъ, съ 31 октября 1916 г.
Стевенъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Сторожевъ Василій Николаевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Стратонитскій Александръ Андреевичъ, съ 13 августа 1918 г.
Струковъ Дмитрій Петровичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Сулькевичъ Матвій Александровичъ, съ 26 августа 1912 г.
Сѣницкий Александръ Игнатьевичъ, съ 3 ноября 1889 г.
Татищева ДарьяѲедоровна, съ 15 ноября 1919 г.
Татищевъ Никита Алексѣевичъ, съ 15 ноября 1919 г.
Тихій Вячеславъ Іосифовичъ, съ 29 октября 1915 г.
Тодорскій Константинъ Ивановичъ, съ 28 сентября 1917 г.
Толстовъ Николай Константиновичъ, съ 24 января 1887 г.
Графъ Толстой Иванъ Ивановичъ, съ 17 ноября 1917 г.
Треневъ Константинъ Андреевичъ, съ 4 декабря 1914 г.
Троицкій Николай Ивановичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Трутовскій Владиміръ Константиновичъ, съ 22 февр. 1890 г.
Тяжелова Марія Георгіевна, съ 24 января 1917 г.
Успенскій Федоръ Ивановичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Фалевъ Павелъ Александровичъ, съ 3 сентября 1914 г.
Фармаковскій Борисъ Владиміровичъ, съ 15 мая 1906 г.
Філоненко Викторъ Іосифовичъ, съ 24 апреля 1915 г.
Хамаріто Марія Александровна, съ 5 июня 1919 г.
Харченко Яковъ Тарасовичъ, съ 20 сентября 1901 г.
Харченко Анна Саввишна, съ 13 марта 1913 г.
Харченко Марія Яковлевна, съ 15 ноября 1919 г.
Христлибъ Антонъ Ивановичъ, съ 20 мая 1918 г.
Хрущовъ Михаїлъ Николаевичъ, съ 20 мая 1918 г.

Царикъ Алексѣй Ивановичъ, съ 12 мая 1916 г.
Цвѣтаевъ Дмитрій Владиміровичъ, съ 4 декабря 1914 г.
Чепурина Полина Яковлевна, съ 16 августа 1918 г.
Чехъ Сергѣй Степановичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Чинновъ Петръ Васильевичъ, съ 26 мая 1911 г.
Шалаліевъ Аѳанасій Ивановичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Шапошниковъ Александръ Константиновичъ, съ 8 марта 1911 г.
Шапинъ Серая Марковичъ, съ 8 марта 1912 г.
Шахматовъ Алексѣй Александровичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Шведовъ Михаилъ Матвѣевичъ, съ 16 апрѣля 1904 г.
Шведовъ Николай Константиновичъ, съ 25 марта 1919 г.
Шишманъ Исаакъ Борисовичъ, съ 24 января 1917 г.
Шмитъ Федоръ Ивановичъ, съ 28 ноября 1918 г.
Шмурло Евгений Филипповичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Фальц-Фейнъ Фридрихъ Эдуардовичъ, съ 17 января 1912 г.
Фонъ-Штернъ Эрикъ Романовичъ, съ 27 марта 1899 г.
Штифтарь Владимиръ Николаевичъ, съ 5 июня 1913 г.
Князь Щербатовъ Николай Сергѣевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Шукинъ Прокофій Николаевичъ, съ 11 декабря 1919 г.
Эвариницкій Дмитрій Ивановичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Эккъ Эдуардъ Владиміровичъ, съ 26 августа 1912 г.
Эрнстъ Николай Львовичъ, съ 3 февраля 1919 г.
Яхонтовъ Степанъ Дмитріевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Ящуржинскій Хрисанфъ Петровичъ, съ 24 января 1887 г.
Ѳеофанъ, Епископъ Полтавскій, съ 8 ноября 1911 г.

кого

99

1575.1545.

4/5